

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
250

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

МОСКВА 2018

УДК 902/904
ББК 63.4
К78

Краткие сообщения Института археологии
Вып. 250. 2018

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
академик РАН Н. А. Макаров

Редакционный совет:
д-р П. Бан, проф. А. Блюене, проф. М. Вагнер, проф. М. Волошин, д. и. н. М. С. Гаджиев,
проф. О. Далли, проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин,
д. и. н. А. К. Левыкин, чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд,
д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:
д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская,
д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, д. и. н. А. Р. Канторович,
к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции),
чл.-корр. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, к. и. н. Н. М. Чаиркина,
д. и. н. В. Е. Щелинский

Brief Communications of the Institute of Archaeology

Editor-in-chief:
academician N. A. Makarov

ISSN 0130-2620
ISBN 978-5-94375-253-7
DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.250

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2018
© Авторы статей, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Эрлих В. Р.</i> Постдольменный горизонт на Северо-Западном Кавказе	7
<i>Маслов В. Е.</i> К вопросу о происхождении поясных накладок со сценой охоты из Сибирской коллекции Петра I	25
<i>Алексеев А. В., Смирнов А. Н., Двуреченский О. В.</i> Комплекс усадьбы вотчинника из раскопок селища Игнатьево 2 в подмосковном Звенигороде	43

КОСТЮМ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

<i>Жилина Н. В.</i> Введение	60
<i>Даньова М., Крупа В.</i> Анализ перстня из собрания Бальнеологического музея в контексте украшений из германских захоронений Словакии	62
<i>Мясников Н. С., Мамонова А. А., Гришаков В. В.</i> Реконструкция женского головного убора второй половины II в. н. э. из Сандимиркинского могильника в Сурско-Свияжском междуречье	73
<i>Степанова Ю. В.</i> Нашивные украшения в древнерусском женском костюме	91
<i>Белай Ю.</i> Кольцевидные фибулы в контексте костюма и мировоззрения высокого и позднего средневековья	104
<i>Барвенова А. А.</i> Трансформация мужского костюма белорусской шляхты с жупаном	114

ОТ КАМНЯ К БРОНЗЕ. ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

<i>Еськова Д. К., Гаврилов К. Н.</i> Кремень с гравировками и особенности использования каменного сырья на стоянке восточного граветта Хотылево 2А	129
<i>Сорокин А. Н.</i> Финальный палеолит и мезолит Мещерской низменности: современный взгляд	145
<i>Амиров Ш. Н.</i> Культурный процесс и климатические флуктуации эпохи раннего и среднего голоцена на Переднем Востоке, на примере Южного Леванта и Северной Месопотамии	173
<i>Сидоров В. В.</i> Специфика неолитизации лесной зоны Восточной Европы	194
<i>Цетлин Ю. Б., Медведев В. Е.</i> Некоторые данные о керамике осиповской и мариинской культур бассейна Нижнего Амура	202

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК, АНТИЧНОСТЬ, РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

<i>Кузнецов В. Д.</i> Оборонительные сооружения Фанагории	215
<i>Попова Е. А.</i> Керамические фимиатерии из Северо-Западного Крыма и культ нимф в Северном Причерноморье	220
<i>Володин С. А.</i> Погребения с кремациями скифской эпохи на территории Среднего Подонья	229

<i>Шарапова С. В.</i> Искусственная деформация черепа в саргатской среде (биоархеологический аспект)	243
<i>Пилипко В. Н.</i> Старая Ниса. О декоративном убранстве верхних помещений Башенного сооружения	260
<i>Арипджанов О. Ю.</i> Костяные гребни из Бактрии: новый взгляд на иконографию изображений и технику изготовления	276
<i>Лопатин Н. В.</i> О городищах V–VII вв. в Верхнем Поднепровье и на Северо-Западе России . . .	293
<i>Обломский А. М., Швырёв А. Д.</i> Византийская гирия для взвешивания монеты, найденная в верховьях р. Воронеж	307

НУМИЗМАТИКА

<i>Масленников А. А.</i> Монетные находки из «башен» на постмитридатовской хоре Европейского Боспора	327
<i>Синика В. С., Чореф М. М.</i> Варварские подражания монетам Филиппа II Македонского с левобережья Нижнего Днестра	336
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	349
ОТ РЕДАКЦИИ	351

CONTENTS

NEW DISCOVERIES

<i>Erlikh V. R.</i> The Post-dolmen Horizon in the Northwest Caucasus	7
<i>Maslov V. E.</i> Revisiting the Issue of Origin of Belt Mounts Featuring Hunting Scenes from the Siberian Collection of Peter I	25
<i>Alekseev A. V., Smirnov A. N., Dvurechenskiy O. V.</i> The Wealthy Landowner's Country Estate Complex from the Excavations of Ignat'ev 2 in Zvenigorod near Moscow	43

COSTUME COMPLEX IN TIME AND EXPANSE

<i>Zhilina N. V.</i> Introduction	60
<i>Daňová M., Krupa V.</i> Analysis of the Ring from the Balneological Museum in the Context of Jewelry from German Burials in Slovakia	62
<i>Myasnikov N. S., Mamonova A. A., Grishakov V. V.</i> Reconstruction of Female Headwear Dated to the Second Half of the 2 nd Century AD from the Sendimirkino Cemetery in the Sura–Sviyaga Interfluvium	73
<i>Stepanova Yu. V.</i> Sewn-on Decorations in Medieval Russian Women's Dress	91
<i>Belaj J.</i> Ring-shaped Fibulae in the Context of Costume and the System of World Outlook and Beliefs of the High and Late Middle Ages	104
<i>Barvenova A. A.</i> Transformation of Male Costume of Byelorussian Szlachta with Zupan	114

FROM STONE TO BRONZE. PROBLEMS AND MATERIALS

<i>Eskova D. K., Gavrilov K. N.</i> The Engraved Flint and Specific Features of Raw Material Use at the Eastern Gravettian Site Khotylevo 2A	129
<i>Sorokin A. N.</i> The Terminal Paleolithic and Mesolithic of the Meshchera Lowlands: the Contemporary View	145
<i>Amirov Sh. N.</i> The Cultural Process and Climatic Fluctuations during the Early and Middle Holocene in the Near East (the Southern Levant and Upper Mesopotamia case)	173
<i>Sidorov V. V.</i> Specific Features of Neolithization in the Forest Zone of Eastern Europe	194
<i>Tsetlin Yu. B., Medvedev V. E.</i> Some Data on Pottery of Osipovskaya and Mariinskaya Cultures of the Lower Amur Region	202

IRON AGE, CLASSICAL ANTIQUITY, EARLY MEDIEVAL PERIOD

<i>Kuznetsov V. D.</i> Fortifications of Phanagoria	215
<i>Popova E. A.</i> Ceramic Altars from the North-West Crimea and the Cult of Nymphs in the North Black Sea Region	220
<i>Volodin S. A.</i> Cremated Burials of the Scythian Period in the Middle Don Region	229
<i>Sharapova S. V.</i> Artificial Skull Deformation in the Sargat Milieu (Bioarchaeological Aspect)	243

<i>Pilipko V. N.</i> Old Nisa. Interior Decoration of the Upper Rooms in the Tower Building.	260
<i>Aripdjanov O. Yu.</i> Bone Combs from Bactria: a New Glance on Iconography of Images and Production Techniques	276
<i>Lopatin N. V.</i> Hillforts of the 5 th –7 th Centuries in the Upper Dnieper Basin and the Northwest Russia	293
<i>Oblomskiy A. M., Shvyrev A. D.</i> A Byzantine Coin Weight Found in the Upper Reaches of the Voronezh River	307

NUMISMATICS

<i>Maslennikov A. A.</i> Coin Finds from the ‘Towers’ in the post-Mithradates Chora of European Bosphorus	327
<i>Sinika V. S., Choref M. M.</i> Barbarian Coins Imitating Coinage of Philip II of Macedon from the Left Bank of the Lower Dniester	336

ABBREVIATIONS.	349
SUBMISSION GUIDE.	351

В. Р. Эрлих

ПОСТДОЛЬМЕННЫЙ ГОРИЗОНТ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

Резюме. Статья посвящена предварительной публикации археологического комплекса Шушук в Майкопском районе Республики Адыгея. Открытые в результате охранно-спасательных работ погребения и слой поселения пока не имеют близких аналогий на Северо-Западном Кавказе. Данный памятник относится к периоду между дольменной культурой эпохи средней и поздней бронзы и протомеотской группой памятников эпохи раннего железа. Автор предлагает для памятников данного типа термин «постдольменный горизонт», относит их к эпохе финальной бронзы и предварительно датирует в пределах второй половины II тыс. до н. э.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, дольменная культура, эпоха поздней бронзы, эпоха финальной бронзы, постдольменный горизонт, погребения, поселение.

Памятники финала бронзового века Северо-Западного Кавказа изучены пока явно недостаточно. На момент составления нами сводки памятников, предшествующих протомеотской группе, их количество ограничивалось 14–16 погребениями в степной зоне и несколькими поселениями (Эрлих, 2007. С. 27–31. Рис. 4–11). Все они находились исключительно в равнинной зоне и, очевидно, являлись субстратом протомеотских памятников центрального варианта.

За истекшие 10 лет ситуация с субстратом протомеотских памятников несколько изменилась. Открыты новые поселения эпохи финала бронзового века, в том числе и на территории распространения протомеотских памятников предгорного варианта, – поселение Деметра на окраине Майкопа (Эрлих, Болелов, 2014), а также на Тамани (Шаров, 2016)¹.

¹ Несмотря на то что автор отнес представленные комплексы поселения Ильичевка к протомеотскому времени, материал, демонстрировавшийся на XXIX Крупновских чтениях в г. Грозный, позволяет относить их к финалу эпохи поздней бронзы.

Существенным стало открытие дольменного могильника эпохи поздней бронзы Шушук, раскопки которого надежно доказывают доживание дольменной культуры, по крайней мере, до срубного времени (*Резепкин*, 2013а; 2013б).

В то же время вопрос о верхней дате существования дольменной традиции оставался открытым в связи с находками еще в начале 50-х гг. прошлого века в районе Геленджика дольменов с протомеотскими материалами эпохи раннего железа, содержащих как одиночные погребения, так и групповые (до 12–15 человек) (*Аханов*, 1961). С. Л. Дударев, вслед за В. И. Марковиным, видел в этом результат вторичного использования мегалитических сооружений эпохи средней бронзы (*Марковин*, 1973. С. 21; *Дударев*, 1999. С. 62–63). В работе 2007 г. я предложил подходить к вопросу о датировке сооружения геленджикских дольменов более осторожно, поскольку точное время прекращения традиции дольменостроительства на Западном Кавказе пока не определено (*Эрлих*, 2007. С. 57).

В этой связи становятся актуальными результаты первых сезонов раскопок археологического комплекса Шушук, находящегося приблизительно в 1,3 км к востоку от исследованного А. Д. Резепкиным дольменного могильника Шушук и в 1 км к юго-востоку от стен монастыря – Свято-Михайловской Новоафонской пустыни, расположенной на окраине поселка Победа Майкопского района Республики Адыгея. Памятник находится на водоразделе: к востоку протекают реки Толмач и Фарс, на западе – река Шушук. Для этого участка характерны небольшие всхолмления с выходами гипса и карстовые воронки.

Археологические исследования здесь начаты в связи с фактом разрушения компанией «Терра-Пластер» целого ряда памятников археологического наследия при разработке гипсового карьера. В сентябре 2015 г. Кавказской археологической экспедицией Государственного музея Востока и ООО «Культурное наследие» под руководством автора было проведено обследование участка будущего карьера. В результате разведок осмотрено 154 объекта (курганы и мегалиты) археологического комплекса Шушук. 90 объектов уже состояло на учете в Управлении охраны памятников Адыгеи под номенклатурой «Шушук», а 64 были выявлены вновь и получили номенклатуру «Шушук-новый». Разведками установлено, что в зоне разработки карьера находятся 97 объектов культурного наследия. Особое место среди вновь открытых памятников занимает поселение Шушук-новый 33. В заложенном здесь шурфе выявлен материал эпохи финала бронзового века.

В этом же году экспедиция начала охранно-спасательные работы, первый сезон которых продолжался до октября 2016 г.

За это время раскопками вскрыто 10 памятников, имевших признаки объектов культурного наследия, на четырех сомнительных были проведены археологические наблюдения. Ряд объектов показал их неантропогенный характер; в то же время в большинстве исследованных обнаружены погребения или ритуальные комплексы в той или иной степени сохранности.

Приведем краткую информацию о них.

Объект Шушук-новый 48 представлял собой задерновавшуюся курганообразную каменную наброску высотой 1,3 м и диаметром 15 м. В центре насыпи прослеживалась относительно свежая грабительская воронка. Как оказалось,

она разрушила погребение, находившееся на уровне древней дневной поверхности. В то же время яма грабителей, в заполнении которой обнаружены человеческие кости, не задела скопление из сосудов и двух височных колец. Судя по ним, наиболее вероятная ориентировка погребенных могла быть юго-западной. В скоплении керамики прослежены два лепных горшка на кольцевом поддоне, один из которых украшен сетчатым орнаментом (рис. 2, 1, 5); плоскодонный горшок с ложной ручкой – вертикальным налепом (рис. 2, 6); два височных кольца в 1,5 оборота из плоской ленты с заостренными концами (рис. 2, 2, 3), а также каменная бусина (рис. 2, 4).

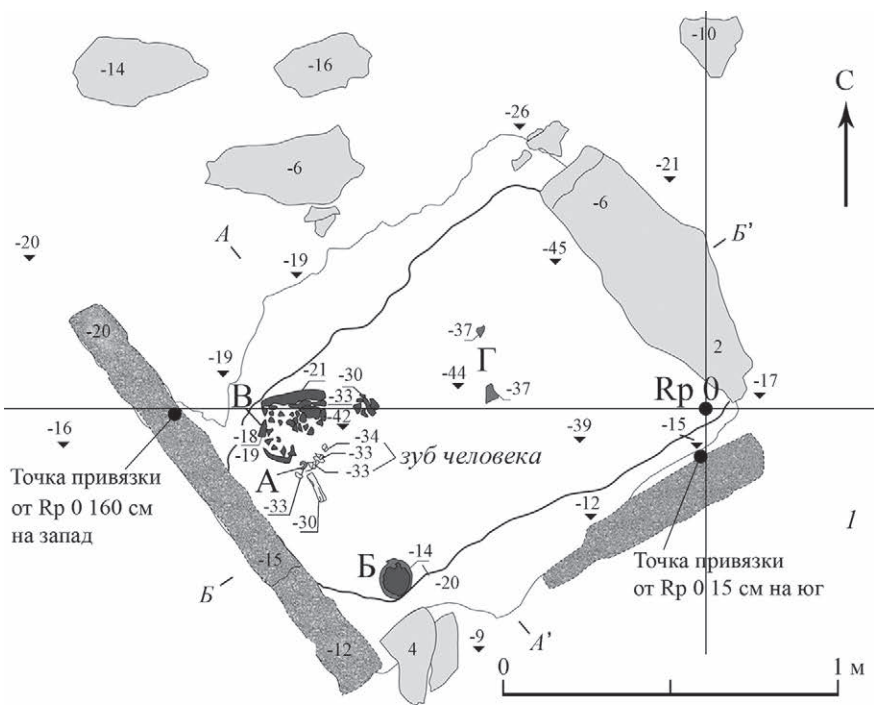
Объект Шушук-70 прежде был учтен как подкурганный дольмен. На момент изучения он представлял собой практически ровную поверхность со снятым плодородным слоем и исследовался квадратами. Здесь было выявлено два погребения.

Погребение 1 было обнаружено практически в центре сетки квадратов и представляло собой неглубокую яму (карстовую промоину в форме неправильного прямоугольника), ориентированную длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. Внутри ямы обнаружена имитация каменного ящика (рис. 1, 1). На северо-востоке лежала часть хорошо обработанной дольменной плиты, на севере – несколько крупных камней известняка, а на юго-западе и юго-востоке выявлены следы деревянных досок. Кости единственного погребенного практически полностью истлели. Лишь несколько зубов указывают на его юго-западную ориентацию. В районе головы покойного лежали фрагменты двух лепных горшков (рис. 2, 9, 10), один из которых имел кольцевой поддон, а другой – несколько ниже венчика валик, орнаментированный ногтевыми вдавлениями. Рядом с сосудами найдено височное кольцо в 1,5 оборота диаметром 1,6 см из уплощенной бронзовой ленты (рис. 2, 7). В заполнении ямы находился также фрагмент (?) пронизки, состоящий из двух витков (диаметр 0,4 см) бронзовой ленты (рис. 2, 8).

К северо-западу от погр. 1, на краю, обнаружено ограбленное погр. 2, сооруженное по такому же принципу. В ногах находилась обработанная дольменная плита, а в районе голов погребенных частично сохранился угол деревянной конструкции из плах, напоминающий раму. Возможно, что для устройства погребения также была использована карстовая промоина, но через большую часть погребения прошла большая грабительская яма, нарушившая стены и пробившая дно погребальной ямы. Однако на северо-западе выше уровня дна грабительской ямы сохранились два черепа и части скелетов, принадлежавшие, по заключению антрополога², мужчине 25–35 лет и женщине 18–25 лет. К востоку от черепов обнаружен развал неорнаментированного плоскодонного горшка (рис. 2, 11). Таким образом, можно констатировать, что ориентировка погребенных была северо-западной.

В юго-западной части участка гипсового карьера в первый сезон исследована группа объектов археологического наследия (большей частью уже стоящих на учете), которые были повреждены бульдозерами при снятии плодородного слоя.

² Определения сделаны к. и. н. С. Ю. Фризенем.

Два из них (Шушук-49, Шушук-новый 5) помещались на невысоком останце террасы, остальные под этим останцом – Шушук-51, Шушук-53, Шушук-64.

Объект Шушук-49 представлял собой большую конструкцию из каменной наброски с крупными плитами подпрямоугольной формы (20 × 10 м). В центральной ее части помещался каменный ящик-рама, образованный тремя переиспользованными дольменными плитами – с востока и частично с севера и юга, а также крупными камнями известняка – с запада (рис. 1, 2). Восточная плита имела фаску. У восточной стенки обнаружены остатки черепов шести погребенных. Поза и положение костяков не прослеживается. При разборе костей найдены фрагменты лепных сосудов, две сердоликовые бусины, бусина из агата, фаянсовые рубчатые пронизки, а также бронзовая бочонковидная бусина.

К северу и югу от ящика зафиксированы развалы лепной керамики – остатки тризн.

Объект Шушук-новый 5 представлял собой почти полностью разрушенный при снятии плодородного слоя ящик-раму, в котором сохранились три стены. Для сооружения восточной и южной стен вторично были использованы плиты дольменов. Причем у восточной плиты обнаружены фрагменты арочного входного отверстия (рис. 1, 3), характерного для дольменного могильника Шушук эпохи поздней бронзы, раскопанного А. Д. Резепкиным в 2010 г. Внутри рамы сохранились фрагменты костей трех погребенных: пожилого мужчины, молодой женщины и ребенка.

На поверхности объекта Шушук-51, находившегося на нижней площадке, выявлены человеческие кости, как впоследствии выяснилось – из ограбленного каменного ящика. Среди камней, окружавших ящик, обнаружено керамическое изделие с отверстием (рис. 3, 2), аналогичное найденным в слое Дагуако-Даховского поселения, которые В. И. Марковин называл «носиками чайников» (Марковин, 1978. С. 239, 240. Рис. 120, 7–9).

Ящик представлял собой раму из переиспользованных дольменных плит и крупных камней известняка и песчаника, установленную на выходах матрикового гипса и частично на подсыпке, длинной осью ориентированную по направлению северо-восток – юго-запад. Внутри ящика обнаружены кости трех взрослых и, возможно, ребенка. Среди костей находились фаянсовые рубчатые пронизы и округлая бусина из стекла/фаянса (рис. 3, 3, 6–9), бусины из сердолика (рис. 3, 4, 5), а также подвески из зубов оленя (рис. 3, 10–14). У юго-западной стенки лежал глиняный горшочек с ложной ручкой-выступом (рис. 3, 1). Здесь же оказались и кости черепов погребенных. Судя по их расположению, можно предположить, что первоначальная ориентировка погребенных была юго-западной.

К северу от ящика выявлены следы тризны – развал крупного лепного блюда, орнаментированного с внутренней стороны углубленными полосами (рис. 3, 15).

Рис. 1. Археологический комплекс Шушук. Объекты

1 – Шушук-70, погр. 1, план (А – бронзовое височное кольцо; Б – фр-т лепного сероглиняного сосуда; В – фр-т лепного черноглиняного орнаментированного сосуда; Г – фр-ты лепных сосудов); 2 – Шушук-49, погр. 1, ящик-рама с погребением (фото); 3 – Шушук-новый 5, фр-ты порталльной плиты дольмена, обнаруженные в погребении

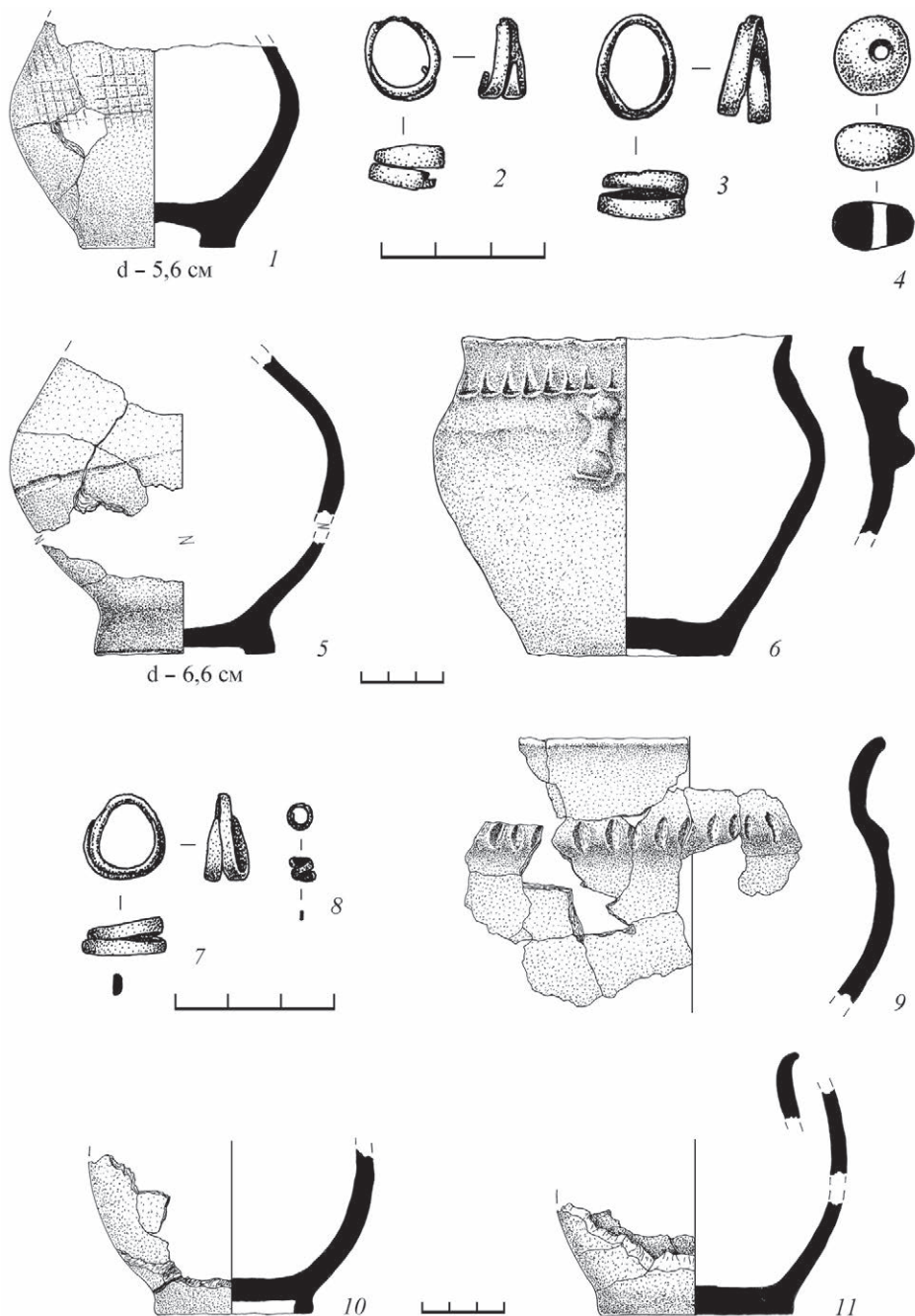

Рис. 2. Археологический комплекс Шушук. Инвентарь погребений

1–6 – Шушук-новый 48; 7–10 – Шушук-70, погр. 1; 11 – Шушук-70, погр. 2

1, 5, 6, 9, 10, 11 – керамика; 2, 3, 7, 8 – бронза; 4 – камень

В соседнем объекте **Шушук-53** ящик-рама был сложен на естественных выходах гипса из крупных камней известняка и песчаника. Одна из стен (южная) представляла собой два ряда камней с внутренней забутовкой. Переиспользованных дольменных плит найдено не было. Внутри ящика, подвергавшегося неоднократному ограблению, на разных уровнях были обнаружены развалы керамики, зуб ребенка и мелкие кости взрослого человека.

С севера и северо-запада от ящика выявлены 5 развалов керамики – тризн. Среди этих развалов имелись фрагменты нескольких черпаков-кружек (рис. 4, 4, 6–8), а также горшочков, орнаментированных накольчатым и прочерченным орнаментом, а также валиками (рис. 4, 3, 5, 9–12).

Последним объектом, открытым на этом участке, был **Шушук-64**. Он представлял собой холм естественного выхода гипса с досыпкой известковой плитки. В то же время в ряде каверн, образованных гипсом, обнаружены фрагменты керамики. У северного склона этого холма, на глубине 67 см от его вершины найден развал крупного сосуда (корчаги?), на плечиках которого имелаась ложная ручка-выступ, а по верхней части тулова проходил фриз в виде треугольников и глубоко прочерченных линий (рис. 3, 16). Фрагменты этого же сосуда были обнаружены и при расчистке южной полы.

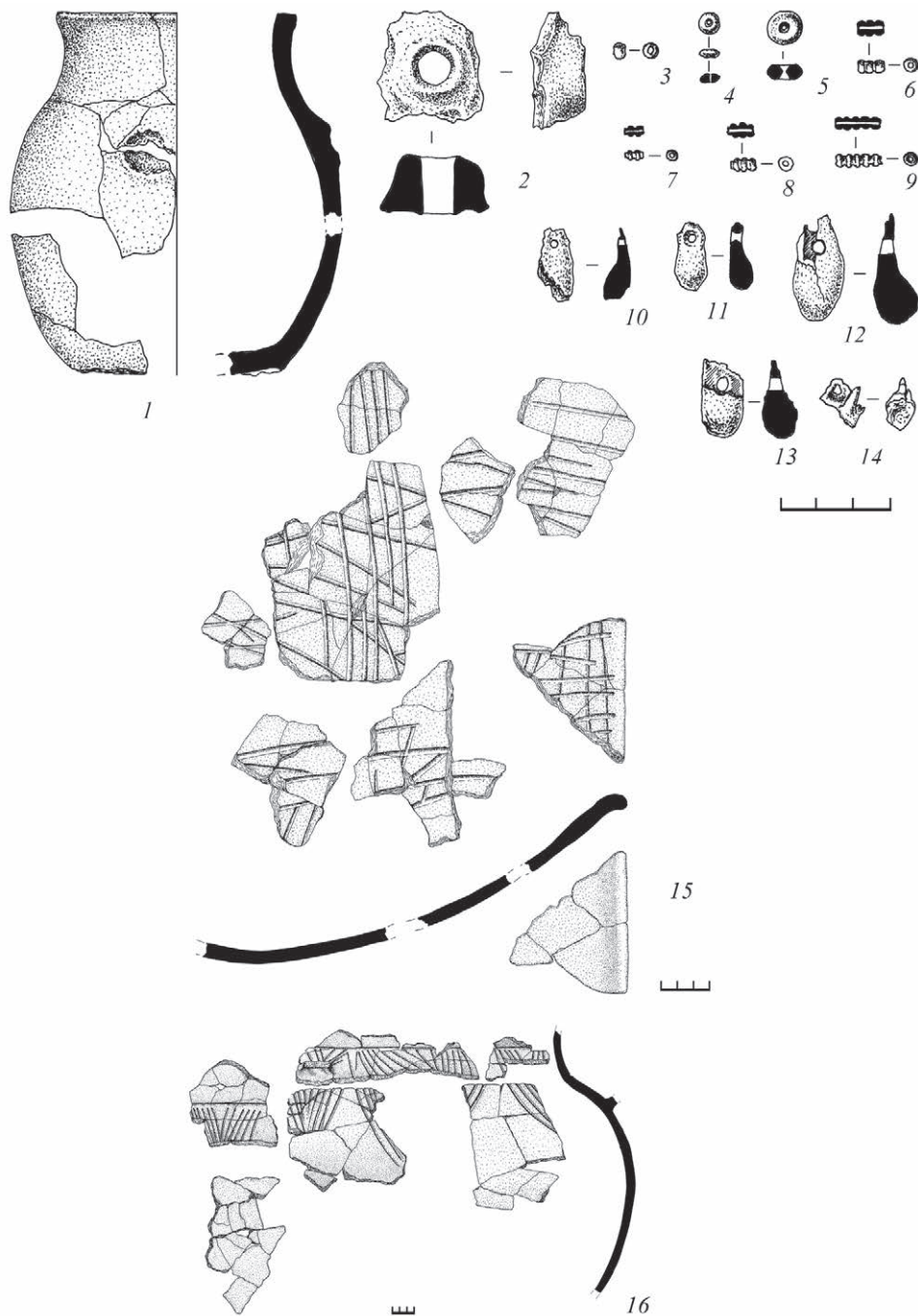
Кроме этого, в непосредственной близости к исследованным погребальным объектам на территории Победовского карьера гипса расположено **поселение**, обнаруженное по простиранию нарушенного земляными работами культурного слоя. На поверхности были найдены фрагменты керамики, кости, кремневые отщепы. Границы поселения были установлены по распространению подъемного материала и результатам шурфовки. Поселение получило название в общей номенклатуре объектов археологического наследия «Шушук-новый 33». В подъемном материале – исключительно лепная керамика, преимущественно красноглиняная с примесью гипса. Характерной ее особенностью являются валики у крупных сосудов.

Заложенный нами шурф попал на наклонный край карстовой промоины в материковом гипсе, поэтому мощность слоя в шурфе в разных его местах составляла от трех до семи штыков.

Среди полученного из шурфа керамического материала выделяются корчаги, горшки, кубки и черпаки с петельчатыми ручками (рис. 4, 13, 15, 16). Весьма интересны сосуды, орнаментированные рядами валиков, которые формовались при помощи жгутов глины, а внутренняя сторона сосуда при этом заглаживалась (рис. 4, 14, 17, 18).

По углю из нижних штыков шурфа в лаборатории г. Майнца получена радиоуглеродная дата: MAMS-28352 – 2980 ± 24 BP (Cal. σ 1258–1131 BC Cal. $\sigma\sigma$ 1273–1122 BC).

Таким образом, судя по характеру исследованных погребений археологического комплекса Шушук, можно сказать, что они пока не имеют близких аналогий среди памятников Северо-Западного Кавказа. Они возникли, когда в исследуемом районе уже перестал существовать дольменный погребальный обряд. Об этом ярко свидетельствуют случаи вторичного использования дольменных плит для сооружения рам-ящиков. Причем использовались детали наиболее поздних дольменов типа дольменного могильника Шушук, что и подтверждается

находкой разломанной плиты с арочным отверстием из объекта Шушук-новый 5 (рис. 1, 3).

В то же время в археологическом комплексе Шушук выявлен и ряд аналогий с материальной культурой предшествующего и последующего времени Северо-Западного Кавказа.

Рассмотрим полученные находки подробнее.

Керамика в виде сосудов на кольцевом поддоне, обнаруженная в погребальных объектах Шушук-новый 48 и Шушук-70, появляется в предшествующее время. В частности, она была встречена в дольменах № 5 и 9 могильника Шушук (Резепкин, 2013а. С. 369. Табл. 2, III–I, 2; 2013в. Табл. 12, 2, 3; 14, 2, 3; 16, 6). А. Д. Резепкин привел две аналогии сосудам на кольцевых поддонах из погр. 1 Филатовского кургана покровско-абашевской культуры и из погр. 2 Ясиновского кургана 1 на р. Чир срубной культуры (Резепкин, 2013а. С. 367; Синюк, 1996. С. 217. Рис. 53, 2; Шарафутдинова, Житников, 2011. С. 124. Рис. 70, 6). В то же время сходные сосуды на полых кольцевых поддонах встречаются и в других памятниках дольменной культуры, например в дольмене Колихо и могильнике Гнокопсе (погр. в каменном ящике), расположенном возле поселка Агуй-Шапсуг в Туапсинском районе (Трифонов и др., 2012. С. 105. Рис. 1, 3, 4).

Мы можем отметить, что небольшие сосуды на полых ножках-поддонах («рюмочки») встречены и на Западном Кавказе – в Эшерских кромлехах, содержащих материал от эпохи средней бронзы до раннего железного века (Шамба, 1974. С. 60. Табл. XVIII, 4, 6). Встречаются сосуды на низком кольцевом поддоне и в памятниках срубного горизонта степного Прикубанья (Гришковское I, курган 2, погр. 10) (Шарафутдинова, 1991а. С. 75. Рис. 2, 7).

Отметим, что для керамики дольменного могильника Шушук, как и публикуемых погребальных объектов, характерна примесь известняка (гипса) в тесте, орнамент в виде наколов и прочерченных линий, образующих иногда «шевроны» либо ряды треугольников. Имеется также близкое сходство в оформлении ложных ручек-выступов в виде прямоугольника-упора или двух соцевидных напелов (Резепкин, 2013а. С. 369. Рис. III, 1; 2013в. Табл. 11, 2, 3). Можно отметить особую морфологическую и орнаментальную близость части сосуда из погр. 1 объекта 70, украшенного расчлененным валиком (рис. 2, 9), и сосуда из могильника Гнокопсе (Трифонов и др., 2012. Рис. 1, 3).

В то же время имеются и инновации, которые прежде всего касаются формы сосудов. Это блюдо из ритуального комплекса объекта Шушук-51 (рис. 3, 15) и корчага из ритуального комплекса Шушук-64 (рис. 3, 16). Также инновацией являются и кубковидные кружки-черпаки, фрагменты которых встречены в тризновых комплексах объекта Шушук-53 (рис. 4, 4, 6–8). Отметим их некоторую

**Рис. 3. Археологический комплекс Шушук.
Инвентарь погребений и ритуального комплекса 1**

1–14 – Шушук-51, погр. 1; 15 – Шушук-51. Фр-ты блюда из тризны (РК-1); 16 – Шушук-64. Фр-ты сосуда из ритуального комплекса (РК-1)

1, 2, 15, 16 – керамика; 3, 6–9 – фаянс (стекло?); 4, 5 – сердолик; 10–14 – зубы оленя

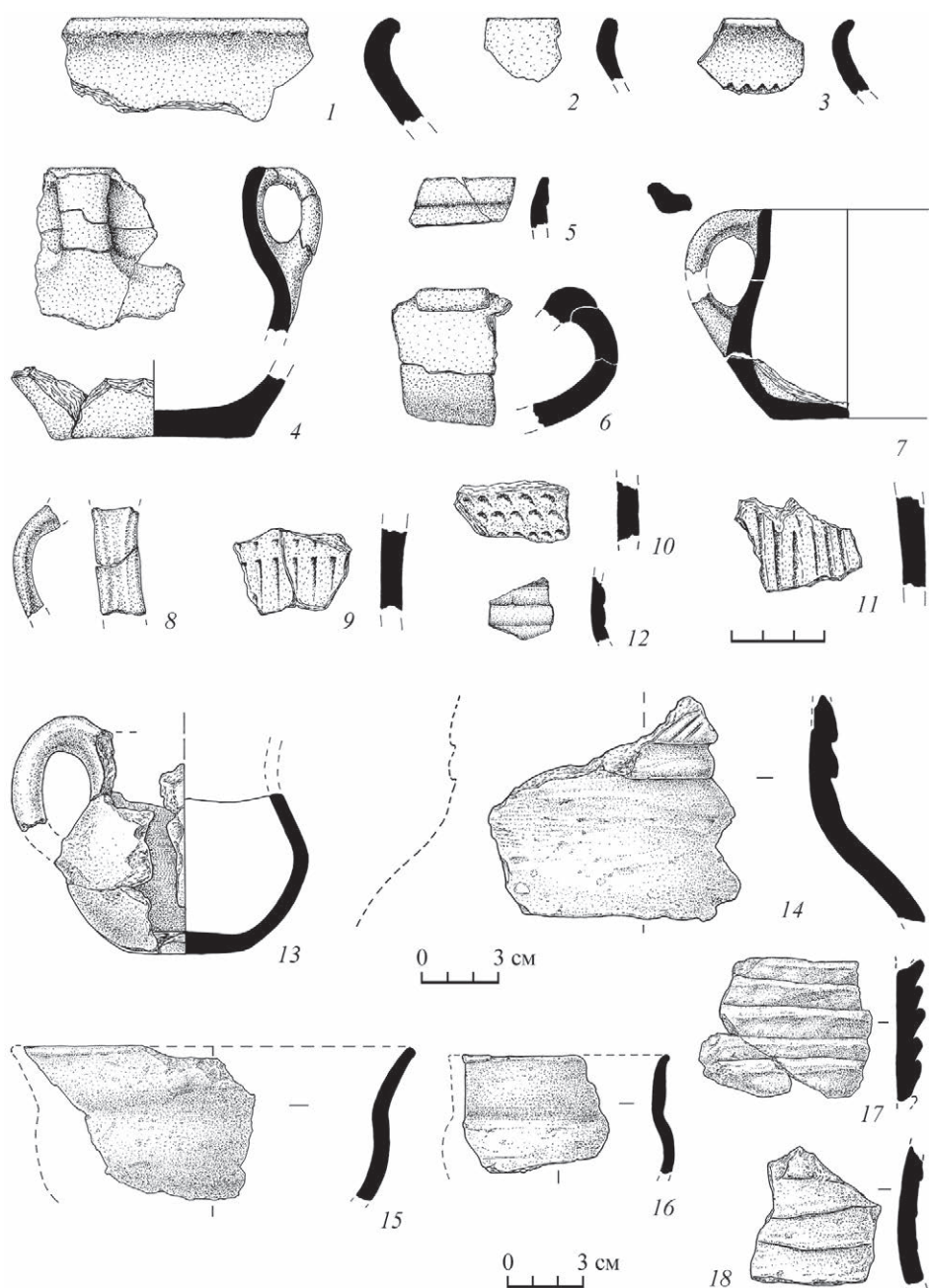

Рис. 4. Археологический комплекс Шушук. Керамика

1–12 – Шушук-53, тризны; 13–18 – поселение Шушук (Шушук-новый 33), шурф

особенность, заключающуюся в том, что ручка сосуда не возвышается над туловом, как у классических черпаков протомеотского времени.

Особое место пока занимает керамика, обнаруженная при шурфовке поселения. Она также имеет примесь известняка (гипса), однако пока у нее практически нет близких соответствий в орнаментации с керамикой из погребальных объектов. Здесь найдены черпаки кубковидной формы (рис. 4, 13, 15, 16), которые находят соответствия как в памятниках финальной бронзы Прикубанья – Батуриинский I, к. 9, погр. 10; пос. Красногвардейское I (*Шарафутдинова*, 1991б. С. 188. Рис. 3, 2; *Анфимов, Шарафутдинова*, 1982. С. 144. Рис. 5, 8, 9, 11, 12), так и среди черпаков 1-й и 2-й группы в протомеотских памятниках – пос. Красногвардейское II, Фарс/Клады и др. (*Эрлих*, 2007. Рис. 134, 8, 11, 19; 136, 12, 13, 15; 137, 2, 5, 10). Особый интерес представляют стенки сосудов с валиковой орнаментацией, сформованной в виде жгутов глины (рис. 4, 14, 17, 18). Подобная, весьма редкая, техника прослежена у двух сосудов из разрушенного поселения у хутора Грозный близ Майкопа, которое исследователи отнесли к протомеотскому времени (*Черных, Сазонов*, 2013. С. 62. Рис. 13, 3, 4). Авторы публикации приводят в качестве аналогий сосуды с рельефной орнаментацией венчика в виде трех уплощенных валиков (третий тип кухонной керамики, по Э. С. Шарафутдиновой) из верхнего (протомеотского) слоя поселения Красногвардейское II (*Шарафутдинова*, 1989. С. 52, 53, 68. Рис. 7, 3, 5). Однако при описании подобной керамики нигде не упомянута особая техника формовки этой рельефной поверхности из жгутов.

Определенная преемственность публикуемых материалов с дольменным могильником Шушук имеется также и в металле. Однако заметим, что металла здесь гораздо меньше, чем в дольменах. Это пластинчатые височные подвески с приостренными концами из Шушук-новый 48 и Шушук-70 (рис. 2, 2, 3, 7), бронзовая бочонковидная бусина (Шушук-49), фрагмент бронзовой спирали-накосника из Шушук-70 (рис. 2, 8). Все эти украшения находят близкие аналогии в дольменах 1 и 9 дольменного могильника Шушук (*Резепкин*, 2013б. Рис. 1, 1–4, 6, 10; 2013в. Табл. 21, 1–4, 6, 7, 11).

Вне всякого сомнения, металлические изделия, встреченные в открытых памятниках, имеют местное кавказское происхождение. Отметим также, что подобные височные привески из бронзовой ленты с заостренными концами в памятниках Нижнего Подонья и Предкавказья выступают как определенные маркеры финала эпохи поздней бронзы (*Потапов*, 2010. С. 155–157). Среди территориально близких параллелей можно назвать височную подвеску с заостренными концами из погр. 7 кургана 11 Михайловского могильника в Закубанье, относящегося к финалу эпохи бронзы (*Шарафутдинова, Каминский*, 1988. С. 217. Рис. 2, 1).

Остальные немногочисленные находки, обнаруженные в погребальных объектах, относятся к украшениям. Из Шушук-51 происходит ожерелье из зубов оленя. Подобные подвески (или подражающие им) встречаются в погребениях всех периодов эпохи бронзы Северного Кавказа и Причерноморья начиная с энеолита вплоть до финала бронзового века (*Ильюков*, 2013. С. 174. Рис. 2, 5; *Резепкин*, 2012. С. 259, 308. Рис. 131, 2; 180, 13; *Вангородская*, 1987. С. 40, 41; Рис. 2, 1; *Ванчугов*, 1990. С. 90. Рис. 38, 1). Находки подвесок из зубов оленя

в дольменных памятниках нам не известны, однако в дольмене 84 Дегуакской поляны и в дольмене 1 в Красной Поляне встречены их имитации, выполненные из сердолика (Марковин, 1978. С. 271. Рис. 131, 32; 132, 5–9).

Сердоликовые и агатовые (?) бусы в публикуемых комплексах уплощенно-кольцевидной и цилиндрической формы. Подобные встречаются и в дольменных памятниках Западного Кавказа (Там же. Рис. 132, 2, 4, 10).

Несколько больший интерес представляют рубчатые или рифленые пронизи из фаянса либо глухого стекла. Безусловно, они требуют спектрального анализа для уточнения материала, из которого были изготовлены. Известны также немногочисленные бусы из «стекловидной пасты», как правило, мелкие, цилиндрической либо биконической формы. Они найдены в дольменах Верхней Эшеры, Красной Поляны, Дегуакской поляны и Солонников (Там же. С. 272. Рис. 132, 11–23). Иногда встречаются двоянные, как пронизи из Солонников, что по форме сближает их с рифлеными пронизями, обнаруженными в погребальных объектах Шушук-49 и Шушук-51. В. И. Марковин справедливо указал на «определенную редкость» подобных находок в дольменном инвентаре и отнес их к предметам «переднеазиатского и ближневосточного импорта» (Там же. С. 274)³. Пронизи из Шушука-51 (рис. 3, 6–9) имеют определенное сходство с четырехчастной фаянсовой пронизью из погр. 11 к-на 5 могильника у с. Соколово Днепропетровской области, относящегося к культуре Бабино/КМК (*Бережанская и др.*, 1986. С. 27. Рис. 9, 8; *Вангородская*, 1987. С. 41. Рис. 2, 8).

В то же время хотелось бы обратить внимание на морфологическую близость обнаруженных нами фаянсовых (?) пронизей с костяными рельефными, как правило, трехчастными пронизями, которые, по мнению В. В. Потапова, являются одним из маркеров финала бронзового века в Причерноморье (*Потапов*, 2016. С. 73, 74. Рис. 2, 20–24). Мы не исключаем, что данные костяные пронизи подражали высоко ценившимся привозным фаянсовым.

Проблема хронологии открытых объектов

Вне всякого сомнения, представленные здесь погребальные объекты Шушук могли возникнуть только тогда, когда прекратил использоваться дольменный могильник Шушук, так как детали этих дольменов пошли на сооружение каменных ящиков-рам, о чем наглядно свидетельствует вторичное использование кусков входной плиты с арочным входом у ящика в погребальном объекте Шушук-новый 5.

³ А. Шортланд, Н. И. Шишлина и А. Н. Егорьков высказывали предположение о местном производстве фаянсовых бус Северного Кавказа и Северо-Западного Прикаспия в эпоху средней бронзы (*Shortland et al.*, 2007. Р. 269–273). Однако, несмотря на определенное сходство между бронзовыми украшениями и фаянсовыми, что является основным аргументом исследователей, нам кажется маловероятной возможность столь сложного технологического производства фаянса у кочевого населения предкавказского позднекатакомбного общества. Скорее всего, бронзовые украшения подражали фаянсовым, а не наоборот.

А. Д. Резепкин на основании материалов, полученных в дольменном могильнике Шушук, отнес его к срубному времени и ограничил время его существования серединой II тыс. до н. э. (Резепкин, 2013а. С. 366, 367). Пока открытые нами комплексы можно осторожно датировать втор. пол. II тыс. до н. э. Эта датировка уточнится после получения результатов по ^{14}C из погребальных объектов. Возможно, что исследованные нами погребальные объекты несколько древнее слоя поселения, так как материальная культура их ближе к находкам, обнаруженным в комплексах дольменного могильника Шушук.

Пока из погребальных объектов наиболее поздним кажется Шушук-53, поскольку в его тризновых комплексах встречены сосуды, близкие по форме к черпакам.

В поселенческом материале, полученном в результате сборов и из шурфа (Шушук-новый 33), видны уже признаки более позднего времени – кубковидные черпаки, появляющиеся в Закубанье в финале бронзового века, что позволяет их синхронизировать с кобяковской культурой. Полученная дата из шурфа – XIII–XII вв. до н. э. – в реальности может быть несколько моложе, так как сделана по углю массивного дерева, возможно дуба, возраст которого мог быть 100–200 лет⁴. Как мы отмечали выше, пересечений в керамическом материале между погребальными и поселенческими комплексами пока крайне мало.

Некоторые выводы

Первые результаты исследований, проведенных на археологическом комплексе Шушук, позволили выделить в предгорьях Северо-Западного Кавказа новый горизонт памятников, который мы предварительно можем назвать **постдольменным**.

Он возникает после прекращения существования дольменного могильника Шушук, относящегося уже к эпохе поздней бронзы и синхронного срубной общности. Постдольменный горизонт хронологически частично (или полностью) «закрывает» hiatus, существовавший в предгорьях Западного Кавказа между дольменной культурой эпохи средней и, как теперь ясно, поздней бронзы и предгорным вариантом протомеотских памятников эпохи перехода к раннему железному веку.

Исчезает дольменная традиция и появляются погребения в каменных ящиках-рамах на горизонте или в неглубоких ямках, где часто дольменные плиты встречаются во вторичном использовании. Иногда одна из стенок ящика-рамы заменяется досками⁵. Судя по кургану Шушук-новый 48, не потревоженные

⁴ В то же время необходимо заметить, что по новым радиоуглеродным данным, полученным недавно, значительно понижены даты памятников кобяковской культуры – до рубежа XV–XIV вв. до н. э. (Потапов, 2012. С. 297).

⁵ Необходимо заметить, что одиночные погребения в неполных ящиках (без боковых плит), вероятно, появляются на Западном Кавказе еще во время существования дольменной культуры. К ним можно отнести ящики могильников Гнокопсе и в устье реки Дюрсо из района Новороссийска (Трифонов и др., 2012; Кононенко, 2006).

карьерной техникой объекты могли иметь каменную курганообразную наброску-насыпь. Появляются одиночные и парные погребения. К северу от ящиков прослежены ритуальные комплексы – тризны. Происходят некоторые изменения в керамическом материале. Появляются сосуды с ручками – кружки и, возможно, черпаки, а также крупные сосуды – корчаги. Пока только в материалах поселения прослежена керамика с валиками.

В то же время (возможно, только на ранней стадии) сохраняется сходство материалов постдольменного горизонта с предшествующим дольменным могильником Шушук. Оно проявляется в сходных по форме горшках с кольцевыми поддонами, в примеси известняка (гипса) в тесте, в ряде орнаментальных мотивов у сосудов (треугольники из прочерченных линий; накольчатая орнаментация), в имитации ручек-выступов.

Сходство с предшествующим периодом сохраняется и в металле – это подвески в 1,5 оборота; однако металла, судя по исследованным комплексам, становится значительно меньше, чем в дольменном могильнике Шушук.

ЛИТЕРАТУРА

- Анфимов Н. В., Шарафутдинова Э. С., 1982. Поселение Красногвардейское на Кубани – новый памятник кобяковской культуры // СА. № 3. С. 139–148.
- Аханов А. А., 1961. Геленджикские подкурганые дольмены // СА. № 1. С. 139–149.
- Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередищенко Н. Н., Шарафутдинова И. Н., 1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова думка. 168 с.
- Вангородская С. Г., 1987. О связях культуры многоваликовой керамики по материалам украшений // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины / Отв. ред. И. И. Артеменко. Киев: Наукова думка. С. 38–48.
- Ванчугов В. П., 1990. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка. 1990. 168 с.
- Дударев С. Л., 1999. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н. э.). Армавир: Армавирское полиграфпредприятие. 402 с.
- Илюков Л. С., 2013. Древнейшие погребения в бассейне реки Егорлык // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2011 г. Вып. 27 / Отв. ред. А. А. Горбенко. Азов: Азовский музей-заповедник. С. 171–181.
- Кононенко А. П., 2006. Грунтовый могильник эпохи средней бронзы в устье реки Дюрсо в районе Новороссийска // Первая Абхазская международная археологическая конференция: мат-лы конф. / Отв. ред. В. В. Бжания. Сухум: Алашарбага. С. 202–205.
- Марковин В. И., 1973. Дольмены Западного Кавказа (некоторые итоги изучения) // СА. № 1. С. 3–23.
- Марковин В. И., 1978. Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука. 328 с.
- Потапов В. В., 2010. Пластинчатые височные кольца и подвески на Нижнем Дону и в Предкавказье // РА. № 1. С. 155–162.
- Потапов В. В., 2012. Кобяковские памятники в низовьях Дона: проблема появления и исчезновения // РАЕ. № 2. С. 287–308.
- Потапов В. В., 2016. Маркеры памятников финала бронзового века от Северного Причерноморья до Алтая // ЗИИМК. № 13. С. 68–89.
- Резепкин А. Д., 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История. 342 с.
- Резепкин А. Д., 2013а. Вопросы относительной хронологии дольменов // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: мат-лы конф. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Экоинвест. С. 365–369.

- Резепкин А. Д., 2013б. Комплекс украшений из дольмена Шушук в Адыгее // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Третья Абхазская междунар. конф.: мат-лы / Отв. ред. А. Ю. Скаков. Сухум: Дом печати. С. 119–121.
- Резепкин А. Д., 2013в. Отчет о работах на дольменном могильнике Шушук в 2013 // Архив Национального музея Республики Адыгея.
- Синюк А. Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж: Воронежский пед. ун-т. 350 с.
- Трифонов В. А., Зайцева Г. И., Плехт Х., Бурова Н. Д., Семенов А. А., Ришко С. А., 2012. Первые радиоуглеродные даты альтернативных форм погребального обряда «дольменной» культуры на Северо-Западном Кавказе // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН: Периферия. С. 100–107.
- Черных Е. Н., Сазонов А. А., 2013. Курган и поселение у хутора Грозный // Историко-археологический альманах / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. Армавир; Краснодар; М.: ИП Дедкова С. А. Вып. 12. С. 47–89.
- Шамба Г. К., 1974. Эшерские кромлехи. Сухуми: Алашара. 70 с.
- Шарафутдинова Э. С., 1989. Двуслойное поселение Красногвардейское II – памятник эпохи поздней бронзы – начала раннего железа на Кубани // Меоты предки адыгов. Майкоп. С. 46–73.
- Шарафутдинова Э. С., 1991а. Новые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и начала раннего железа на Кубани // Древние культуры Прикубанья / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука. С. 70–91.
- Шарафутдинова Э. С., 1991б. Памятники эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и в Степном Прикубанье // СА. № 1. С. 184–196.
- Шарафутдинова Э. С., Житников В. Г., 2011. Курганные могильники раннесрубной культуры на Верхнем Чире. СПб.: Нестор-История. 178 с.
- Шарафутдинова Э. С., Каминский В. Н., 1988. Михайловский могильник конца эпохи поздней бронзы в Закубанье // СА. № 4. С. 214–221.
- Шаров О. В., 2016. Новые комплексы протомеотской эпохи на Тамани // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: мат-лы Междунар. археолог. конф. / Отв. ред.: М. Х. Багаев, Х. М. Мамаев. Грозный: Чеченский гос. ун-т. С. 127–129.
- Эрлих В. Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М.: Наука. 430 с.
- Эрлих В. Р., Болелов С. Б., 2014. Поселение «Деметра» и неизвестный ранее керамический комплекс эпохи перехода к железному веку // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения / Отв. ред. Д. С. Коробов. М.: ИА РАН. С. 211–215.
- Shortland A., Shishlina N., Egorov A., 2007. Origin and Production of Faience Beads in the North Caucasus and the Caspian Sea Region in the Bronze Age // Les cultures du Caucase (VI–III millénaires avant notre ère). Leurs relation avec le Proche-Orient / Ed. B. Lyonnet. Paris: CNRS Éditions. P. 269–283.

Сведения об авторе

Эрлих Владимир Роальдович, Государственный музей Востока, Никитский бульвар, 12А, Москва, 119019, Россия; e-mail: verlikh@bk.ru

V. R. Erlikh

THE POST-DOLMEN HORIZON IN THE NORTHWEST CAUCASUS

Abstract. The paper is devoted to preliminary publication of an archaeological site known as Shushuk in the Maykop district, Republic of Adygeya. In the course of rescue archaeological works graves and a cultural deposit of a settlement. At present no close analogies for the discovered site may be pointed to in the Northwest Caucasus. This site

dates from the period between the dolmen culture of the Middle and Late Bronze Age and the proto-Maeotian group of sites of the Early Iron Age. The author suggests the following term to denote the sites of this type, namely, the post-dolmen horizon, and attributes them to the terminal stage of the Bronze Age (second half of II – beginning of I mill. BC).

Keywords: Northwest Caucasus, dolmen culture, Late Bronze Age, post-dolmen horizon, graves, settlement.

REFERENCES

- Akhanov A. A., 1961. Gelendzhiskie podkurgannye dol'meny [Gelendzhik dolmens beneath kurgans]. *SA*, 1, pp. 139–149.
- Anfimov N. V., Sharafutdinova E. S., 1982. Poselenie Krasnogvardeyskoe na Kubani – novyy pamyatnik kobyakovskoy kul'tury [Settlement Krasnogvardeyskoe on Kuban' – new site of Kobyakovo culture]. *SA*, 3, pp. 139–148.
- Berezanskaya S. S., Otroshchenko V. V., Cherednichenko N. N., Sharafutdinova I. N., 1986. Kul'tury epokhi bronzы na territorii Ukrainy [Bronze Age cultures in territory of Ukraine]. Kiev: Naukova dumka. 168 p.
- Chernykh E. N., Sazonov A. A., 2013. Kurgan i poselenie u khutora Groznyy [Kurgan and settlement near farmstead Grozny]. *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh [Historical-archaeological miscellany]*, 12. R. M. Munchaev, ed. Armavir; Krasnodar; Moscow: IP Dedkova S. A., pp. 47–89.
- Dudarev S. L., 1999. Vzaimootnosheniya plemen Severnogo Kavkaza s kochevnikami Yugo-Vostochnoy Evropy v predskifskuyu epokhu (IX – pervaya polovina VII v. do n. e.) [Interrelations of North Caucasian tribes with nomads of South-Eastern Europe in pre-Scythian time (IX – first half of VII c. BC)]. Armavir: Armavirskoe poligrafpredpriyatie. 402 p.
- Erlikh V. R., 2007. Severo-Zapadnyy Kavkaz v nachale zheleznogo veka. Protomeotskaya gruppa pamyatnikov [North-Western Caucasus in the beginning of Iron Age. Proto-Maeotian group of sites]. Moscow: Nauka. 430 p.
- Erlikh V. R., Bolelov S. B., 2014. Poselenie «Demetra» i neizvestnyy ranee keramicheskii kompleks epokhi perekhoda k zheleznomu veku [Settlement «Demetre» and unknown before ceramic complex of transition to Iron Age]. *E. I. Krupnov i razvitie arkheologii Severnogo Kavkaza. XXVIII Krupnovskie chteniya [E. I. Krupnov and development of archaeology of North Caucasus. XXVIII Krupnov readings]*. D. S. Korobov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 211–215.
- Il'yukov L. S., 2013. Drevneyshie pogrebeniya v bassejne reki Egorlyk [Earliest burials in Egorlyk River basin]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2011 g. [Historical-archaeological investigations in Azov and on Lower Don in 2011]*, 27. A. A. Gorbenko, ed. Azov: Izdatel'stvo Azovskogo muzeya-zapovednika, pp. 171–181.
- Kononenko A. P., 2006. Gruntovyy mogil'nik epokhi sredney bronzы v ust'e reki Dyurso v rayone Novorossiyska [Ground cemetery of Middle Bronze Age in Dyurso River estuary in vicinity of Novorossiysk]. *Pervaya Abkhazskaya mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya: materialy konferentsii [First Abkhazian international archaeological conference: proceedings]*. V. V. Bzhaniya, ed. Sukhum: Alasharbaga, pp. 202–205.
- Markovin V. I., 1973. Dol'meny Zapadnogo Kavkaza (nekotorye itogi izucheniya) [Dolmens of West Caucasus (some results of research)]. *SA*, 1, pp. 3–23.
- Markovin V. I., 1978. Dol'meny Zapadnogo Kavkaza [Dolmens of West Caucasus]. Moscow: Nauka. 328 p.
- Potapov V. V., 2010. Plastinchatye visochnye kol'tsa i podveski na Nizhnem Donu i v Predkavkaz'e [Plate temporal rings and pendants on Lower Don and Fore-Caucasus]. *RA*, 1, pp. 155–162.
- Potapov V. V., 2012. Kobyakovskie pamyatniki v nizov'yakh Dona: problema poyavleniya i ischeznoeniya [Kobyakovo sites in lower reaches of Don: problem of appearance and disappearance]. *RAE*, no. 2, pp. 287–308.
- Potapov V. V., 2016. Markery pamyatnikov finala bronzovogo veka ot Severnogo Prichernomor'ya do Altaya [Markers of sites of final stage of Bronze Age from North Pontic zone to Altai]. *Zapiski*

- Instituta istorii material'noy kul'tury [Proceedings of the Institute for the History of Material culture]*, 13, pp. 68–89.
- Rezepkin A. D., 2012. Novosvobodnenskaya kul'tura (na osnove materialov mogil'nika «Klady») [Novosvobodnaya culture (based on materials from cemetery «Klady»)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 342 p.
- Rezepkin A. D., 2013a. Voprosy odnositel'noy khronologii dol'menov [Problems of relative chronology of dolmens]. *Shestaya Mezhdunarodnaya Kubanskaya arkhologicheskaya konferentsiya: materialy konferentsii [Sixth International Kuban' archaeological conference: proceedings]*, I. I. Marchenko. Krasnodar: Ekoinvest, pp. 365–369.
- Rezepkin A. D., 2013b. Kompleks ukrasheniy iz dol'mena Shushuk v Adygee [Complex of ornaments from dolmen Shushuk in Adygea]. *Problemy drevney i srednevekovoy arkhologii Kavkaza: Tret'ya Abkhazskaya mezhdunarodnaya konferentsiya: materialy [Problems of ancient and medieval archaeology of Caucasus: Third Abkhazian international conference: proceedings]*. A. Yu. Skakov, ed. Sukhum: Dom pečhati, pp. 119–121.
- Rezepkin A. D., 2013v. Otchet o rabotakh na dol'mennom mogil'nike Shushuk v 2013 [Report on works at dolmen cemetery Shushuk in 2013]. *Arkhiv Natsional'nogo muzeya Respubliki Adygeya [Archive of National museum of Republic of Adygea]*.
- Shamba G. K., 1974. Esherskie cromlekhi [Esheri cromlechs]. Sukhumi: Alashara. 70 p.
- Sharafutdinova E. S., 1989. Dvusloynoe poselenie Krasnogvardeyskoe II – pamyatnik epokhi pozdney bronzy nachala rannego zheleza na Kubani [Two-layer settlement Krasnogvardeyskoe II – site of Late Bronze Age and beginning of Early Iron Age on Kuban']. *Meoty – predki adygov [Maotians – ancestors of the Adyghes]*. Maykop, pp. 46–73.
- Sharafutdinova E. S., 1991a. Novye dannye o pamyatnikakh epokhi pozdney bronzy i nachala rannego zheleza na Kubani [New data on sites of Late Bronze Age and beginning of Early Iron Age on Kuban']. *Drevnie kul'tury Prikuban'ya [Ancient cultures of Kuban' region]*. V. M. Masson, ed. Leningrad: Nauka, pp. 70–91.
- Sharafutdinova E. S., 1991b. Pamyatniki epokhi pozdney bronzy na Nizhnem Donu i v Stepnom Prikuban'e [Sites of Late Bronze Age on Lower Don and in steppe region of Kuban']. *SA*, 1, pp. 184–196.
- Sharafutdinova E. S., Kaminskiy V. N., 1988. Mikhaylovskiy mogil'nik kontsa epokhi pozdney bronzy v Zakuban'e [Mikhaylovskiy cemetery of final stage of Late Bronze Age on left bank of Kuban']. *SA*, 4, pp. 214–221.
- Sharafutdinova E. S., Zhitnikov V. G., 2011. Kurgannye mogil'niki rannesrubnoy kul'tury na Verkhnem Chire [Kurgan cemeteries of early Srubnaya culture on Upper Chir]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 178 p.
- Sharov O. V., 2016. Novye komplekсы protomeotskoy epokhi na Tamani [New complexes of proto-Maeotian culture in Taman']. *Izucheniye i sokhraneniye arkhologicheskogo naslediya narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoy arkhologicheskoy konferentsii [Research and preservation of archaeological heritage of peoples of Caucasus. XXIX Krupnov readings: proceedings of International archaeological conference]*. M. Kh. Bagaev, Kh. M. Mamaev, eds. Groznyy: Chechenskiy gos. universitet, pp. 127–129.
- Shortland A., Shishlina N., Egorov A., 2007. Origin and Production of Faience Beads in the North Caucasus and the Northwest Caspian Sea Region in the Bronze Age. *Les cultures du Caucase (VI–III millénaires avant notre ère). Leurs relation avec le Proche-Orient*. B. Lyonnet, ed. Paris: CNRS Éditions, pp. 269–283.
- Sinyuk A. T., 1996. Bronzovyy vek basseyna Dona [Bronze Age of Don basin]. Voronezh: Voronezhskiy pedagogicheskiy universitet. 350 p.
- Trifonov V. A., Zaytseva G. I., Plikht Kh., Burova N. D., Sementsov A. A., Rishko S. A., 2012. Pervye radiouglerodnye daty al'ternativnykh form pogrebal'nogo obyada «dol'mennoy» kul'tury na Severo-Zapadnom Kavkaze [First radiocarbon datings of alternative forms of burial rite of «dolmen» culture in North-West Caucasus]. *Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami [Cultures of steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations]*, 2. St. Petersburg: IIMK RAN: Periferiya, pp. 100–107.
- Vanchugov V. P., 1990. Belozerskie pamyatniki v Severo-Zapadnom Prichernomor'e [Belozerka sites in North-West of Pontic region]. Kiev: Naukova dumka. 168 p.

Vangorodskaya S. G., 1987. O svyazyakh kul'tury mnogovalikovoy keramiki po materialam ukrasheniy [On relations of multi-ribbed pottery cultures based on ornaments data]. *Mezhplemennye svyazi epokhi bronzы na territorii Ukrainy [Inter-tribal connections in Bronze Age in territory of Ukraine]*. I. I. Artemenko, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 38–48.

About the author

Erlikh Vladimir R., The State Museum of Oriental Art, Nikitskiy boul., 12A, Moscow, 119019, Russian Federation; e-mail: verlikh@bk.ru

В. Е. Маслов

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОЯСНЫХ НАКЛАДОК СО СЦЕНОЙ ОХОТЫ ИЗ СИБИРСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ПЕТРА I*

Резюме. Статья посвящена анализу изображения со сценой охоты на парных золотых поясных накладках из Сибирской коллекции Петра I. На основании изобразительных параллелей предлагается китайская версия происхождения этих накладок, которые по изображенным реалиям относятся к западноханьскому периоду.

Ключевые слова: Сибирская коллекция Петра I, «ордосские» бронзы.

«Тот ещё не может считаться археологом,
кто не обращал пытливого внимания в сторону
этого чудесного и загадочного собрания»

А. А. Спицын

В число вещей из знаменитой Сибирской коллекции Петра I входят парные золотые поясные накладки-застежки со сценами охоты на кабана, история которых начиная с декабря 1716 г. хорошо известна (*Завитухина*, 1977. С. 41, 42. Рис. 1, 2; *Королькова*, 2012. С. 335, 336)². Размеры накладок – 20,2 × 10,6 см, а вместе – более 40 см (*Мордвинцева*, 2003. С. 85. Рис. 17; 18). Вес этих предметов очень значительный: 464,1 г – левая накладка² и 495,2 г – правая (*Спицын*, 1906. С. 235; *Руденко*, 1962. С. 41, 43. Табл. I, 5; IV, 5; *Завитухина*, 1977. С. 50).

* Статья была подготовлена для выпуска КСИА-247, посвященного материалам Международного научного семинара «Звериный стиль сквозь века: истоки, трансформации, реминисценции. Искусство кочевников Евразийских степей I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.» (ИА РАН, 13–14 декабря 2016 г.), но по не зависящим от автора обстоятельствам не попала в него.

¹ Приношу искреннюю благодарность С. В. Демиденко, Е. Г. Дэвлет, А. А. Ковалеву, Т. М. Кузнецовой, А. А. Тишкину, К. В. Чугунову, П. И. Шульге за предоставленную научную литературу для написания этой заметки.

² На правой накладке фигуры людей и животных представлены с левой стороны, на левой – с правой (по: *Руденко*, 1962).

Без сомнения, накладки являлись важнейшей деталью парадного костюма и украшали пояс, который мог носить только вождь княжеского ранга (рис. 1, а; 2, а). Прояснить место и время изготовления этих предметов может технология изготовления и разнообразные исторические реалии, представленные на изображениях.

Рельефные изображения накладок сделаны в технике литья в двусторонней форме с последующей доработкой. Так, уже после отливки, довольно грубо были выполнены ажурные прорези. Многочисленные вставки из темно-синего стекла закреплены в неглубоких кастах (Завитухина, 1999а. С. 84, 85)³. На завершающем этапе, очевидно, производилась полировка наружной поверхности предметов.

На оборотной стороне накладок хорошо различимы позитивные отпечатки грубой ткани полотняного переплетения (Руденко, 1962. С. 41). Существуют различные реконструкции техники литья с использованием тканей (Руденко, 1962. С. 26; Boardman, 2010. Р. 9, 10; Минасян, 2014. С. 405–407). Достаточно надежно датированные образцы накладок, выполненные в подобной технике, относятся к финалу эпохи Чжаньго. На накладках из этих комплексов поверх отпечатков ткани нанесены иероглифические надписи с указанием веса драгоценного металла (Bunker et al., 2002. Р. 27–29. Fig. 42; 43).

Техника литья с использованием материи, возможно, была непосредственно связана с моделированием петель для крепления на оборотной стороне изделий (Минасян, 2014. С. 405). Такие петли характерны для серии прямоугольных пряжек-накладок с «веревочным» обрамлением, составляющих большую часть корпуса «ордосских» бронз, которые, по мнению ряда исследователей, являлись продукцией китайских мастерских, производивших их и для варваров (Kovalev, 2009. Р. 391, 392. Fig. 6, 1–3). Матрицы для формовки восковых моделей таких пряжек, используемые для литья по выплавляемой модели, были найдены в погребении в пригороде Сианя и известны в составе музейных собраний (Kovalev, 2009. Р. 392. Fig. 6, 4; Bunker et al., 2002. Р. 138. Cat. 112; Boardman, 2010. Р. 10. Pl. 7, 44, 45).

Первым на сходство сюжетов на накладках из Сибирской коллекции Петра Великого и находках из хуннского Дырестуйского могильника в Забайкалье обратил внимание А. С. Спицын, который полагал, что они должны датироваться «первыми веками по Р. Х.» (Спицын, 1901). Позднее это направление поисков продолжил М. И. Ростовцев, который накладки со сценой охоты на кабана рассматривал (основываясь на исследовании деталей изображений) на фоне «ордосских» бронз из парижской коллекции Лу (Loo). Исследователь объеди-

³ Разные авторы по-разному определяют состав вставок. По И. И. Толстому и Н. С. Кондакову, это голубая паста и розовые кораллы, а глаза людей и животных заполнены черной эмалью (Русские древности..., 1890. С. 62). Согласно С. И. Руденко, в глазах охотников и животных находятся вставки черного стекла или камня, а изображения на накладках украшены вставками бирюзы и кораллов (Руденко, 1962. С. 41). М. П. Завитухина указала, что все вставки являются темно-синим пузырчатым стеклом, однако и она упоминает и вставки из кораллов (Завитухина, 1999а. С. 88). Разница между черными и синими вставками на фотографии хорошо заметна, хотя, возможно, это лишь оттенки стекла (Маслов, 2015. С. 542. Илл. 5).

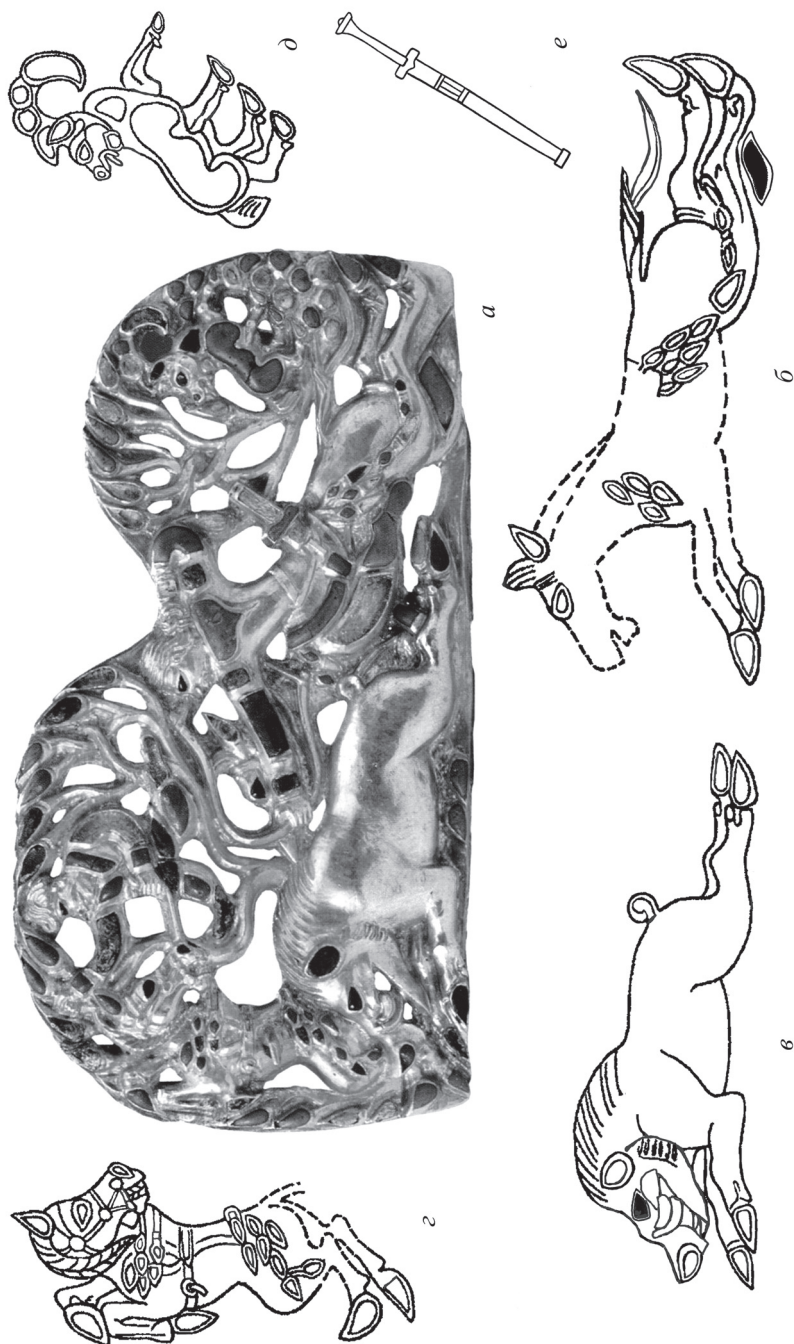

Рис. 1. Правая золотая накладка-застежка

a – по: Маслов, 2015; *б–д* – детали (с доработкой) (по: Завитухина, 1999а); *е* – меч, гравировка на поясной пластине из Орлатского м-ка (по: Ивашов, 2003)

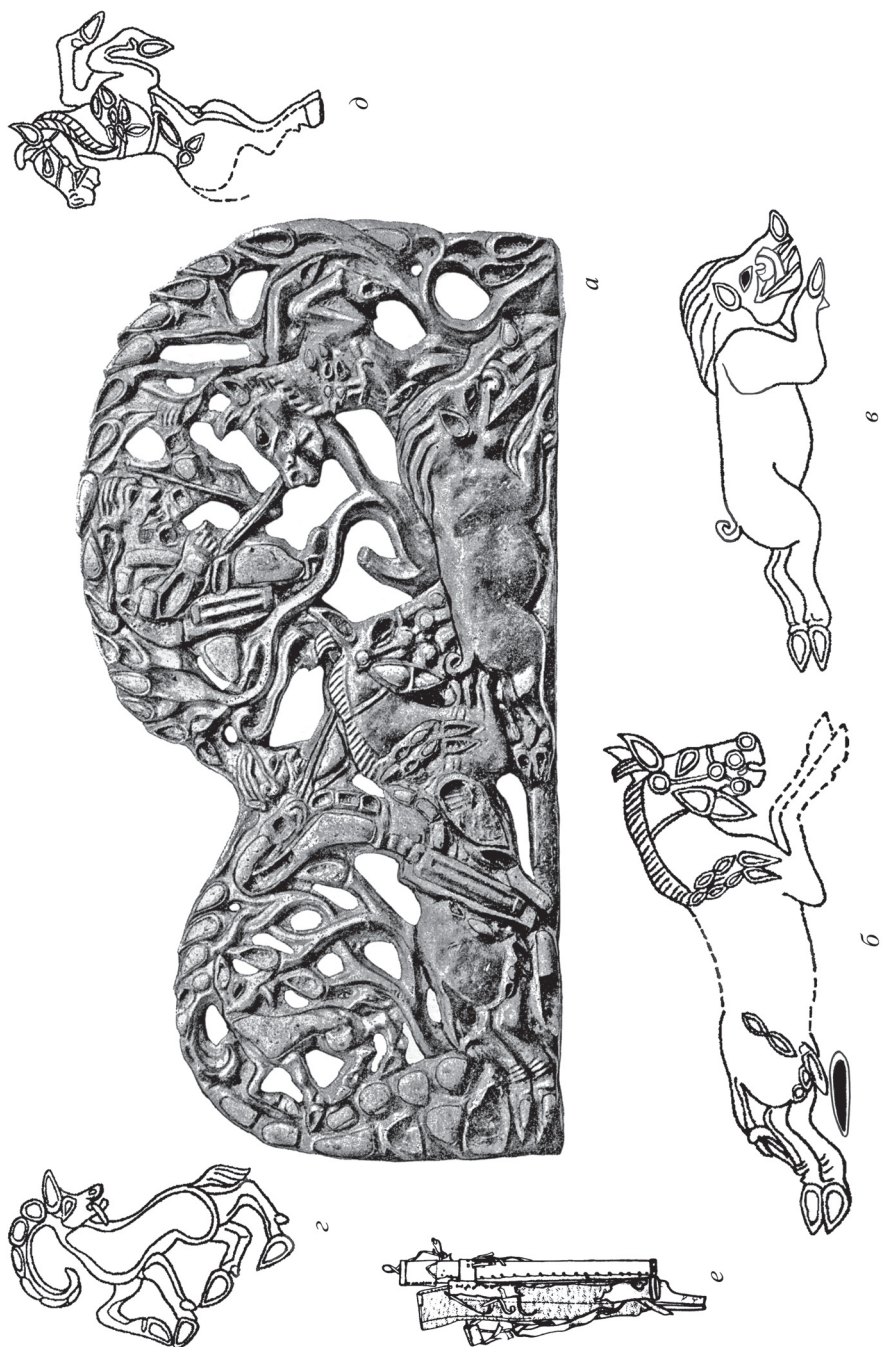

Рис. 2. Левая золотая накладка-застежка

а – (по: Русские древности..., 1890); б–д – детали (с доработкой) (по: Завитухина, 1999а); е – горит из м-ка Ния (по: Лузасов, 2003)

нял эти вещи в рамках «серединно-азиатского звериного стиля», который связывал с хуннами и юэчжами ханьской эпохи (Ростовцев, 1993. С. 62, 63). Однако в дальнейшем возобладала «скифо-алтайская» версия происхождения данных накладок (Руденко, 1962. С. 36; Артамонов, 1973. С. 124–167; Завитухина, 1999а. С. 88, 89).

Положение изменилось лишь в начале XXI в., когда практически синхронно появились независимые публикации, где золотые накладки со сценой охоты из Сибирской коллекции вновь рассматривались в кругу древностей последних веков до н. э.

В. И. Мордвинцева включила их в число местных изделий «центральноазиатского звериного стиля», основанием для датировки которых служат находки в курганах Западной Сибири и «ордосские» бронзы (Мордвинцева, 2003. С. 79). Интересующие нас накладки она по стилистическим признакам отнесла к позднейшим вещам коллекции (Там же. С. 24, 25, 31).

Набор образов, несущих явное влияние «звериного стиля» Саяно-Алтая, появляется в Ордосе не позднее IV–III вв. до н. э., и уже в этот период некоторые вещи с этими изображениями производились для варваров китайскими мастерами (Ковалев, 1999). Большая же часть «ордосских» бронз относится к эпохе соперничества Хуннской и Ханьской империй, когда китайское влияние становится гораздо более заметным (Boardman, 2010. Р. 88–91). Позднее на периферии хуннской державы изделия этого типа начинают воспроизводиться в Забайкалье и Южной Сибири (Савинов, 2009. С. 77, 78).

Дж. Ильясов, не оспаривая раннюю датировку сибирских накладок, включил их в группу изображений лошадей с «летащими кистями» и помещенными в чехол хвостами, которые не могут быть датированы ранее II–I вв. до н. э. (Ilyasov, 2003. Р. 270, 271, 303. Pl. II). Эти признаки исследователь рассматривает как важный этнический маркер сако-юэчжийских племен (Ильясов, 2013). Однако впервые местоположение «летащих» кистей на накладках из Сибирской коллекции под задними ногами лошадей (рис. 1, б; 2, б) точно идентифицировал К. И. Рец. Основываясь на иконографии и деталях изображенных предметов, он отнес накладки со сценой охоты к «гунно-сарматскому» времени – концу III – II в. до н. э. – и связал с хуннской элитой (Рец, 2004. С. 327, 331).

Основанием для относительной датировки поясных пряжек-накладок со сценой охоты служат изображения предметов вооружения и детали конской упряжи и экстерьера.

На левой золотой пластине со сценой охоты на кабана хорошо виден средней длины меч, подвешенный к поясу через скобу на ножнах и переброшенный за спину, конец которого всадник прижимает к боку лошади ногой. У меча обозначено навершие, хорошо различимы перекрестие с небольшим вырезом в верхней части и прямоугольное окончание ножен. Все эти детали присущи китайскому бронзовому клинковому оружию, по крайней мере, с эпохи Восточного Чжоу. Меч, судя по соотношению с фигурой всадника, имеет длину не менее метра. Бронзовые мечи такой длины появляются в поздний период эпохи Чжаньго. Китайские исследователи называют их «цзя цзянь» – «доспешные мечи», применявшиеся для поражения тяжеловооруженного противника (Комиссаров, Хачатурян, 2010. С. 106, 107. Рис. 34). Железная модификация таких мечей (часто

с бронзовыми деталями), превратившая их в специализированное оружие для крупных кавалеристских соединений, видимо, получает широкое распространение только в ханьское время (Комиссаров, Хачатурян, 2010. С. 139–141; Боталов, 2007. С. 120. Рис. 2, 9, 10, 29, 30). Подобные мечи сходных пропорций хорошо различимы на орлатской пряжке с изображением батальной сцены (Пугаченкова, 1987. С. 57) (рис. 1, е).

На двух накладках изображены три лука. Они различаются в деталях: один из них имеет загнутое верхнее окончание два других – прямые с вырезом для тетивы. Тем не менее не вызывает сомнения, что это, судя по негнувшимся концам кибити, рефлексивные луки хуннского типа, возможно укрепленные роговыми пластинами. Судя по изображению ненапрянутого лука на левой накладке, он имеет асимметричную форму. Всадник на этой накладке использует монгольский способ стрельбы, при котором тетива удерживается согнутым большим пальцем (Черненко, 1981. Рис. 84; 86).

Пустые гориты воинов на левой пластине имеют два разной длины отделения для стрел. Целый экземпляр подобного горита был найден в Синьцзяне в могильнике Ния, датированном восточноханьским временем, после чего стало ясно, что отделения для стрел были трубчатой формы с округлыми крышками (рис. 2, е). Однако распространение таких горитов вместе с хуннским луком на Запад началось раньше. Не позднее чем к рубежу II–I вв. до н. э. относится изображение подобного горита на роговом реликварии из храмовой крепости Калалы-гыр в Хорезме (Ильясов, 2013. С. 99, 100. Рис. 2). Возможно, что деталями сходного горита являлись золотые трубчатые накладки и серебряная крышка из погр. 4 царского некрополя Тилля-тепе в Северном Афганистане, обнаруженные в могиле вместе с двумя комплектами роговых накладок на луки (Sarianidi, 1985. P. 251. Cat. 4, 32, 33. Pl. 155). В первые века н. э. изображения горитов этого типа уже известны на Боспоре и в Пальмире (Маслов, 1999. С. 222).

Все лошади на накладках с ровно подстриженной гривой и выступающим пучком волос между ушами (рис. 1, б, г; 2, б, г), хвосты помещены в чехол. Кроме того, на правой накладке хвост подвязан узлом. Такой экстерьер лошадей в восточноиранском мире появляется не позднее III в. до н. э. и существует, по крайней мере, до первых веков н. э. (Джумабекова, 1998. С. 75. Рис. 2, 1, 2; Пугаченкова, 1987. С. 57, 58).

Перекрестья уздечных ремней у лошади с всадником на левой накладке и лошади без всадника на правой украшены округлыми бляхами. У этих лошадей прямые псалии имеют крупные округлые окончания, частью инкрустированные стеклом. На правой пластине у лошади без всадника на суголовье нет блях, а псалии изображены в виде стержня. Только у лошади под всадником на правой накладке от нащечной бляхи свешивается кисть.

Псалии с округлыми навершиями хорошо известны по материалам из Пазырыкских курганов (Степанова, 2006. Рис. 16, 48, 71, 73), но они бытовали вплоть до первых веков н. э., а все остальные атрибуты конского убранства, включая нащечные и упомянутые выше «летающие» кисти, представлены на различных изображениях II в. до н. э. – I в. н. э. (Маслов, 2015. С. 282, 283). Такие кисти хорошо заметны и в серии «ордосских» бронзовых поясных накладок с изображением борьбы богатырей: погр. 140 могильника Кэсинчжуан близ

Сиани; могильник Даодунцзы в Нинься; Музей Виктории и Альберта (*Bunker et al.*, 1997. Р. 85, 86. III. A131; *Boardman*, 2010. Р. 77. Pl. 51, 381–384) (рис. 3, 3). На накладке с аналогичным сюжетом из коллекции Лоо (Loo) М. И. Ростовцев отметил наличие китайского «облачного» декора в качестве нижнего бордюра (*Ростовцев*, 1993. С. 62. Рис. 55). Эти накладки, изображающие варваров, вероятно, сделаны для них в китайских мастерских периода Западная Хань, как и другие накладки со сложными сюжетными сценами, включающими фигуры людей (*Bunker et al.*, 1997. Р. 80–83. III. A127; A128; 2002. Р. 111. Cat. 81).

Декор лошади с «летающей» и нащечными кистями имеет широкие реминисценции среди сасанидских и раннесредневековых тюркских изображений (*Фрай*, 2002. Рис. 96; *Сунгатов, Юсупов*, 2006. С. 249. Рис. 3; 4, 6) (рис. 3, 1)⁴.

Другой частью конского снаряжения является мягкое седло «пазырыкского» типа. На левой накладке хорошо видно, что на вздыбившейся лошади через седельные подушки и чепрак проходит широкий подпружный ремень, на котором различима округлая пряжка. Обозначены также и подхвостный и нагрудные ремни.

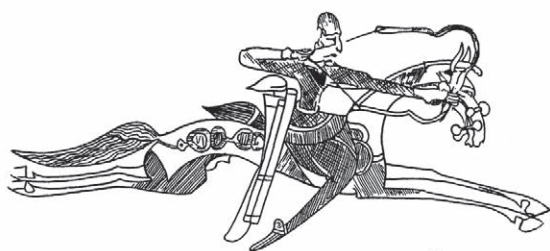
Седла и подхвостные и холочные ремни всех лошадей украшены наборами из щитовидных блях, формирующих гирлянды, которые зачастую интерпретируют как кисти (*Рец*, 2004. С. 327; *Ilyasov*, 2003. Р. 270, 271). Но, судя по изображениям на керамических моделях лошадей из гробницы Цинь Шихуанди и раннеханьских захоронений, это щитовидные подвески, выполненные из твердого материала, близкие к подвескам на позднейших пазырыкских седлах (*Степанова*, 2006. С. 135. Рис. 17; *Pirazzoli-t'Serstevens*, 1982. Р. 216, 217. III. 158). Аналогичными подвесками украшены лошади на упомянутых выше поясных накладках с изображением борьбы богатырей (рис. 3, 4). В батальной сцене на орлатской пряжке также можно проследить сходное размещение декоративных бляшек на ремнях сбруи и упорах седла, хотя форма их здесь различна (*Ilyasov*, 2003. Pl. VII, 1).

Но единственной деталью, которая позволяет связывать сюжет на накладках со сценой охоты с иранским миром, являются костюмы всадников. Они одеты в приталенные подпоясанные кафтаны с левосторонним запахом и выделенными обшлагами рукавов. Наиболее редко встречаются фигурные вставки, как на спине у всадника на левой накладке. С. А. Яценко привел сводку изображений V–III вв. до н. э. с подобным кроем одежды: ареал их очень значителен – Алтай, Семиречье, территория Ахеменидской империи. Подобная вставка встречена даже на изображении варвара на чернофигурной аттической амфоре (*Яценко*, 2006. С. 57, 100. Рис. 24). Но если не учитывать эту деталь, то следует отметить, что в подобные кафтаны одеты всадники в ряде изображений на «ордосских» бронзовых поясных накладках, в том числе найденных непосредственно в погребениях на территории хуннской державы (*Treasures of the Xiongnu...*, 2011. Р. 136. Cat. 166).

⁴ Ранее я ссылался на фигурку «Чикойского всадника» как на хуннское изображение. Это очевидная ошибка, повторенная мной вслед за С. С. Миняевым (*Маслов*, 2015. С. 282; *Давыдова, Миняев*, 2008. Рис. 116).

1

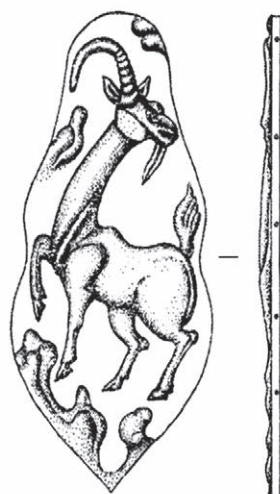
2

3

4

6

5

Из-за стилизации непонятно, что носят всадники – штаны или просторные ноговицы. Весьма вероятно, что сверху они покрыты набедренниками, представленными вставками инкрустаций. Такие набедренники хорошо видны на ряде фигур на «ордосских» поясных накладках (Ростовцев, 1993. Рис. 56; Bunker et al., 1997. Cat. № 243 (V-7013); Boardman, 2010. P. 76, 77. Pl. 49, 368; 51, 386). Они также достаточно широко представлены на изображениях всадников в восточной части иранского мира, в том числе на известных золотых накладках со сценой отдыха под деревом из Сибирской коллекции Петра I (Джумабекова, 1998. С. 80. Рис. 3; Маслов, 2015. С. 276, 278, 280, 541. Илл. 4). Как и на этом изображении, у персонажа на дереве на левой накладке мягкая обувь закреплена на стопе ремнями.

Все фигуры людей представлены с непокрытыми головами. Прически их различны: на левой накладке у всадника вьющиеся волосы завязаны большим узлом, а персонаж на дереве пострижен «под горшок». На правой пластине у обеих фигур узел волос оканчивается длинной прядью (косой?). В связи с явно подчеркнутым различием в облике персонажей на разнонаправленных накладках можно предположить, что здесь изображена не одна, но две сходные повторяющиеся сцены. В этом убеждают нас и образы кабанов, к которым мы обратимся ниже.

В Китае различные варианты причесок с узлом были широко распространены и использовались для обозначения воинского статуса (Комиссаров, Хачатурян, 2010. С. 142, 143). В среднесарматских и среднеазиатских изображениях фигуры с пучками волос становятся известны в комплексах I–II вв. н. э., после появления новых этнических групп с Востока (Ilyasov, 2003. Pl. VI, 1; Мордвинцева, 2003. С. 137, 155. Кат. 57; 106).

Лошади охотников и кабан, которого они преследуют, изображены в позе «летающего галопа», с S-образными, вывернутыми вверх задними копытами. Разнообразные варианты изображений всадников в этой позе получают широкое распространение в ханьской иконографии, но не встречаются в степном искусстве и на «ордосских» бронзовых поясных накладках (Рей, 2004. С. 330).

«Летающая» поза всадников и животных вне Китая постепенно получает распространение с первых веков н. э., вероятно, вместе с импортом китайских шелковых тканей (Trever, 1932. P. 17. Pl. 17, 1). Например, изображения «летающего» барана, пораженного стрелой, и кабана представлены в петроглифах горы Алда-Мозга в верхнем течении Енисея (Дэвлет, 1998. С. 193. Рис. 16, 15, 20).

Выдающейся находкой является пряжка с лаковым покрытием и серебряными гвоздиками из погр. 10 кургана 6 могильника Абатский-3 на левобережье

Рис. 3. Изображения всадников и животных на накладках

1 – всадник, случайная находка на р. Чикой в Забайкалье (по: Давыдова, Миняев, 2008); 2 – гравировка на поясной пластине, Орлатский м-к (по: Пугаченкова, 1987); 3 – изображение по лаку на пряжке, м-к Абатский 3 (по: Матвеева, 1994); 4 – пряжка-накладка, погр. 140 могильника Кэсинчжуан (по: Ilyasov, 2003); 5 – пряжка-накладка, Северный Китай (по: Bunker et al., 2002); 6 – единорог-цилин, бляха, Гуанси-Чжуанский АО (по: Полосьмак и др., 2011)

1, 4 – бронза; 2 – кость; 3 – дерево, лак; 5, 6 – бронза, позолота

Ишима (*Матвеева*, 1994. С. 93–96. Рис. 58, 8) (рис. 3, 3). Изображение лани в позе «летающего галопа», пораженной стрелой, на ней прочерчено по незаствывшему черному лаку на деревянной основе тыльной стороны пряжки (*Погодин*, 1998б. С. 36)⁵. Верхняя дата этого воинского захоронения, где были также найдены ханьский меч с бронзовым перекрестием и зеркало «бактрийского» типа, вопреки мнению Н. П. Матвеевой, не может выходить за пределы I в. н. э. (*Матвеева*, 1994. С. 99. Рис. 59, 1, 9).

В начале н. э. «летающие» животные и всадники появляются и на среднеазиатских графических изображениях – Тахти-Сангин и Орлат, предвосхищающих парадное сасанидское искусство (*Ilyasov*, 2003. Pl. VI; VII, 2) (рис. 3, 2).

В коллекциях «ордосских» бронз есть не менее трех экземпляров сходных, позолоченных с использованием ртутной амальгамы (что подразумевает их китайское происхождение), поясных накладок с изображением стоящего кабана (Коллекция Дж. Ортиса..., 1993. Кат. 218; *Bunker et al.*, 2002. P. 126. Cat. 98; *Boardman*, 2010. P. 67. Pl. 40, 298) (рис. 3, 5). Трапезка морды кабана с приоткрытой пастью с клыками, миндалевидной ноздрей и ухом, помещенным на фоне гривы из щетины, очень близка к кабанам на накладках со сценой охоты, где вепри имеют черты хищника. Очевидно, образ кабана – переработанное заимствование из кочевнического искусства – был включен, как и многое другое, в новую изобразительную систему.

Различия в изображениях кабанов на левой и правой накладках впервые отметил М. П. Завитухина, предположившая, что на левой пластине изображен матерый секач, а на правой – молодая особь (*Завитухина*, 1999а. С. 82) (рис. 1, в; 2, в). Действительно, зверь на левой накладке заметно больше. Внушительные нижние клыки кабана, которые растут всю его жизнь, являются показателями для оценки его возраста – чем старше кабан, тем они крупнее. У старых кабанов, 6–8 лет, клыки могут достигать 25 см в длину и 30 мм в ширину (Превращаем клыки...). Таким образом, обе особи, несомненно, взрослые, но разница в их возрасте, вероятно, подразумевается.

Только у секача на левой пластине край нижней челюсти подчеркнут насечками щетины (своеобразными бакенбардами), так же как на ордосских изображениях. Ассоциация старший – младший совпадает с предполагаемым левосторонним запахом одежды и размещением на левой накладке крючка застежки пояса (*Руденко*, 1962. С. 41). В этой связи можно предположить, что на левой накладке был изображен старший персонаж некоего повествования, а на правой – младший.

Другим диким животным, представленным на накладках, является горный козел (рис. 1, д; 2, д). На обеих накладках они стоят на смоделированном из казков склоне с повернутой назад головой с открытой пастью и высунутым языком, с согнутой и приподнятой передней ногой. У животных нет бород.

Этот образ обнаруживает сходство с образами копытных (оленей, козлов, фантастических цилинов), представленных на украшениях колесничной конской упряжи из курганов высшей хуннской знати, китайское происхождение которых

⁵ Л. И. Погодин видит в этом сюжете символическое изображение хуннской державы.

теперь не вызывает сомнений (*Полосьмак и др.*, 2011. С. 104–105; *Treasures of the Xiongnu...*, 2011. P. 212–217. Cat. 304–310). Звери, запечатленные на бляхах, имеют набор признаков реальных животных, но таковыми не являются. Все они, как и козлы на накладках из Сибирской коллекции, имеют бычьи хвосты (*Полосьмак и др.*, 2011. С. 106–108. Рис. 4, 32). Бегущие копытные животные с высунутым набок языком также встречаются в ханьской иконографии и изображениях на «ордосских» бронзах (*Boardman*, 2010. Pl. 21, 150).

Важно совмещение образа козла и горы, притом что изображен только один рог животного. Возможно, это своеобразная отсылка к образу единорога-цилина, важнейшего китайского мифологического персонажа – главного из зверей, символа благоденствия и процветания (рис. 3, 6). Статуи цилинов, по некоторым данным, украшали вершину грандиозной гробницы Цинь Шихуанди (*Комиссаров, Хачатурян*, 2010. С. 15).

Нельзя исключать, что наделенный волшебными чертами козел является конечной целью путешествия героев. Охоту же на кабана, несомненно имеющую черты сражения героя с чудовищем и одновременно священного царского жертвоприношения, в этом контексте можно рассматривать и как событие, предвосхищающее вход в райский, потусторонний, лес/мир (*Королькова*, 2003). Совсем недавно была предложена версия, согласно которой данная композиция – сакрально-календарный сюжет (*Марсадолов*, 2017). Убедительных доказательств этому не представлено, но из-за повторяемости сцены нельзя исключать контекст, подразумевающий цикличность происходящего.

Толкование деталей самой сцены охоты очень различно, но, на наш взгляд, наиболее верна трактовка, предложенная М. П. Завитухиной. Загонщик вызвал на себя нападение свирепого секача, а его напарник, воспользовавшись спланированной ситуацией, атакует ослепленного яростью зверя, намереваясь поразить его сквозь броню шкуры точным выстрелом в сердце. Загонщик успевает укрыться на дереве. Нельзя согласиться лишь с тем, что бег кабанов задерживают вздыбленные лошади (*Завитухина*, 1999а. С. 86). Известно, что атакующий кабан не очень хорошо видит. Когда он бросается на врага, лучше всего отскочить в сторону, так как зверь, пронесшийся мимо, редко возвращается обратно для нового нападения (Охота на кабана...). Такая ситуация изображена на накладках: секачи явно несутся мимо лошадей.

М. П. Завитухина предполагала, что социальный статус царственного охотника и загонщика не равны: их фигуры имеют разную величину. Однако они вполне могут быть друзьями или даже родственниками. Достаточно напомнить про Геракла и его племянника Иолая, помогавшего герою сражаться с гидрой. Костюмы и снаряжение лошадей этих персонажей не отличаются. Как мы уже отмечали выше, есть все основания считать, что речь идет о двух парах охотников, которые, в свою очередь, также могут быть друзьями или родственниками, совершающими сходный подвиг, открывающий дорогу в иной мир.

Таким образом, многолетние исследования не только позволяют включить накладки со сценой охоты в круг «ордосских» изображений, но и считать, что они имеют сходную хронологию, не выходящую за пределы западноханьского периода. Вещевые реалии, отраженные на них, появляются в Средней Азии не ранее втор. пол. – конца II в. до н. э. (*Ильсов*, 2013; *Маслов*, 2015). Более

чем вероятно, что эти накладки (очевидно, как и большинство других золотых поясных накладок из Сибирской коллекции Петра I) изготовлены китайскими ювелирами. Принадлежность же изображенных персонажей к иранскому миру достаточно гипотетична.

Вопрос о месте находки накладок из Сибирской коллекции традиционно остается дискуссионным. А. А. Спицын, опираясь на архивные материалы, указал, что собрание голландца Н.-К. Витсена, в котором содержался ряд вещей из грабительских раскопок, парных с вещами из Сибирской коллекции, происходят из курганных могильников в среднем течении р. Ишима и близ слияния Оми и Иртыша (Спицын, 1906. С. 228, 229; Завитухина, 1999б. С. 109, 111. Рис. 65). После находок в Тютринском могильнике на левом берегу р. Тобол, а затем блестящих открытий в Сидоровском и Исаковском могильниках близ Омска стало ясно – предположение о том, что ядро Сибирской коллекции происходит из Западной Сибири, получило необходимое подтверждение (Завитухина, 1999б. С. 112). Но на поясные накладки со сценой охоты этот взгляд не был проецирован из-за их предполагаемой ранней даты (Завитухина, 1999а. С. 89).

Новейшие раскопки могильника Бугры показывают, что отдельные золотые изделия Сибирской коллекции Петра I, вероятно, также происходят из курганов предгорно-степной зоны Алтая. Материалы этого могильника демонстрируют связи с Ордосом и Китаем (Тишкин, 2012. С. 504. Рис. 3, 107–129; Чугунов, 2014. С. 720. Илл. 1, 3, 9). Лаковая чашечка из этого памятника датируется в пределах конца периода Цинь – начала периода Западная Хань, т. е. концом III – перв. пол. II в. до н. э. (Сутягина, Новикова, 2016. С. 87–90)⁶.

Но гораздо больше хуннско-китайских вещей в двух неразграбленных княжеских погребениях Омского Прииртышья, где лаковые пояса украшали парные золотые накладки-застежки (Погодин, 1998а. С. 30–33; Мордвинцева, 2003. С. 56, 57. Рис. 44; 45; Маслов, 2015. С. 289–291). Золотые накладки с изображением схватки дракона с двумя тиграми из погр. 2 к-на 1 Сидоровского могильника имеют серию бронзовых и нефритовых аналогий на основной территории Хуннской империи (Матющенко, Татаурова, 1997. Рис. 27; Эрди, 2003/2004. С. 50–52. Рис. II; III).

В княжеском погр. 6 к-на 3 Исаковского могильника золотые накладки на ножны кинжала, выполненные в золото-бирюзовом «зверином» стиле, были закреплены непосредственно поверх еще не застывшего лака (Погодин, 1998а. С. 33, 34; 1998б. С. 36–39. Рис. 4).

По эллинистическим чашам и фаларам данные комплексы достаточно надежно датируются в пределах втор. пол. II – начала I в. до н. э. (Мордвинцева, Трейстер, 2007. С. 248, 249, прим. 42). Наличие в этих погребениях остатков золотканой одежды на шелковой основе, окрашенной красителями из грецкого ореха, близкой к золототканым изделиям из Тиля-тепе и Соколовой Могины, наряду со среднеазиатскими импортами красноречиво демонстрирует, что се-

⁶ Нельзя не отметить иконографическое сходство деревянных фигурок воинов из погр. 2 к-на 1 могильника Бугры с воинами на орлатских гравировках (Чугунов, 2014. С. 722, 723. Илл. 1, 1–4). Правда, персонажи на последних, вероятно, имеют искусственно деформированные головы (Пугаченкова, 1987. С. 57).

верный участок Великого шелкового пути начал функционировать уже в этот период (Погодин, 1996. С. 128–134).

Обсуждаемые поясные накладки из Сибирской коллекции, очевидно, также крепились на парадные лаковые пояса, которые были статусной вещью. Они могли быть пожалованы вместе с роскошной одеждой вассалу хуннского шаньюя, игравшему важную роль в транзитной торговле. Нельзя исключать также того, что саргатские вожди возглавляли отряды наемной кавалерии на территории Ханьской империи и получали специально изготовленные для них драгоценные награды непосредственно от императорского двора.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М. И., 1973. Сокровища саков: Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М.: Искусство. 278 с.
- Боталов С. Г., 2007. Мечи и кинжалы гуннской эпохи // Вооружение сарматов: доклады к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред.: Л. Т. Яблонский, А. Д. Таиров. Челябинск: Южно-Уральский гос. ун-т. 210 с.
- Давыдова А. В., Миняев С. С., 2008. Художественная бронза сюнну: новые открытия в России. СПб.: Дом Гамас. 118 с. (Археологические памятники сюнну; вып. 6.)
- Джумабекова Г. С., 1998. Опыт атрибуции фигурки конного лучника из Алматы // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2 / Отв. ред. З. Самашев. Алматы; М.: Гылым. С. 72–82.
- Дэвлет М. А., 1998. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозга). М.: Памятники исторической мысли. 287 с.
- Завитухина М. П., 1977. Собрание М. П. Гагарина 1716 года в Сибирской коллекции Петра I // АСГЭ. Вып. 18. Л.: ГЭ. С. 41–51.
- Завитухина М. П., 1999а. Изображение охоты на кабана на паре поясных пластин из Сибирской коллекции Петра I // Вопросы археологии и истории Южной Сибири / Отв. ред. М. А. Дёмин. Барнаул: Барнаульский гос. пед. ун-т. С. 82–90.
- Завитухина М. П., 1999б. Н.-К. Витсен и его собрание сибирских древностей // АСГЭ. Вып. 34. СПб.: ГЭ. С. 102–114.
- Ильясов Дж. Я., 2013. Об изображении на роговом предмете с городища Калалы-гыр 2 // РА. № 2. С. 96–104.
- Ковалев А. А., 1999. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III вв. до н. э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Отв. ред.: Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Алтайский гос. ун-т. С. 75–82.
- Коллекция Джорджа Ортиса: древности от Ура до Византии: каталог выставки. Берн: Бентели-Верд, 1993. 168 с.
- Комиссаров С. А., Хачатурян О. А., 2010. Мавзолей императора Цинь Шихуанди / Отв. ред. Н. И. Дроздов. Новосибирск: НГУ. 216 с. (Тр. Гуманит. факультета Новосиб. гос. ун-та. Сер. V.)
- Королькова Е. Ф., 2003. «Священная охота» – мотив в изобразительном искусстве и возможное семантическое прочтение // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. II: Мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. П. Грязнова / Отв. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: ГЭ. С. 63–67.
- Королькова Е. Ф., 2012. Сибирская коллекция Петра I в Эрмитаже // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры / Гл. ред. М. Д. Бухарин. М.: Собрание. С. 329–354.
- Марсадалов Л. С., 2017. Новая семантика изображений на золотых поясных пластинах с сюжетами «охоты на кабана» из Сибирской коллекции Петра I // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб.: ГЭ. С. 107–113.
- Маслов В. Е., 1999. О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные мат-лы, публикации, ст. / Отв. ред.: А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. А. Башилов. М.: ИА РАН. С. 219–236.

- Маслов В. Е., 2015. Композиция с номадами из Калалы-гыр 2 и ее культурно-исторический фон // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы / Науч. ред. Е. Ф. Королькова. СПб.: ГЭ. С. 269–295, 541–542. (Труды ГЭ; LXXVII.)
- Матвеева Н. П., 1994. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука. 152 с.
- Матющенко В. И., Татаурова Л. В., 1997. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье / Отв. ред. Б. А. Коников. Новосибирск: Наука. 197 с.
- Минасян Р. С., 2014. Металлообработка в древности и средневековье. СПб.: ГЭ. 472 с.
- Мордвинцева В. И., 2003. Полихромный звериный стиль. Симферополь: Универсум. 216 с.
- Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю., 2007. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье II в. до н. э. – II в. н. э. Т. I. Симферополь; Бонн: Тарпан. 308 с.
- Охота на кабана [Электронный ресурс] // Кабан. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Кабан>. Дата обращения: 22.02.2018.
- Погодин Л. И., 1996. Золотое шитье Западной Сибири (первая половина I тыс. н. э.) // Исторический ежегодник / Под ред. А. В. Якуба. Омск: ОмГУ. С. 123–134.
- Погодин Л. И., 1998а. Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. Омск: ОмГУ. 84 с.
- Погодин Л. И., 1998б. Лаковые изделия из памятников Западной Сибири раннего железного века // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром / Под ред. Н. П. Довгалюк. Омск: ОмГУ. С. 26–38.
- Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цвээндорж Д., 2011. Двадцатый Ноин-Улинский курган // Новосибирск: ИНФОЛИО. 184 с.
- Превращаем клыки кабана в охотничий трофей! [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hunterussia.ru/na-ohote/na-kopytnyh/56-prevraschaem-klyki-kabana-v-ohotnichii-trofei.html>. Дата обращения: 22.02.2018.
- Пугаченкова Г. А., 1987. Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент: Изд-во литературы и искусства. 224 с.
- Рец К. И., 2004. Поясные пластины со сценой охоты на кабана из Сибирской коллекции Петра I: к вопросу о хронологической и культурной атрибуции // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников / Отв. ред. В. Ю. Зуев. Ч. II. СПб.: ГЭ. С. 325–332.
- Ростовцев М. И., 1993. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль // Петербургский археологический вестник. № 5: ΣΚΥΘΙΚΑ. Избранные работы акад. М. И. Ростовцева. С. 57–75.
- Руденко С. И., 1962. Сибирская коллекция Петра I. М.: АН СССР. 52 с., 27 табл. (САИ; вып. ДЗ-9.)
- Русские древности в памятниках искусства, изд. гр. И. Толстым и Н. Кондаковым. Вып. 3: Древности времен переселения народов. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения. 158 с.
- Савинов Д. Г., 2009. Минусинская провинция Хунну. (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.) СПб.: СПбГУ. 226 с.
- Спицын А. А., 1901. К вопросу о хронологии золотых сибирских блях с изображениями животных // ЗРАО. Новая серия. Т. 12. Вып. 1–2. С. 277–282.
- Спицын А. А., 1906. Сибирская коллекция Кунсткамеры // ЗОРСА РАО. Т. 8. Вып. I. С. 227–248.
- Степанова Е. В., 2006. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников Пазырыкской культуры // АВ. Вып. 13. СПб. С. 102–150.
- Сунгатов Ф. А., Юсупов Р. М., 2006. Бронзовая фигурка всадника с Южного Урала // Южный Урал и определенные территории в скифо-сарматское время: сб. ст. к 70-летию А. Х. Пшеничникова / Отв. ред.: Г. Т. Обыденнова, Н. С. Савельев. Уфа: Гилем. С. 246–256.
- Сутягина Н. А., Новикова О. Г., 2016. Китайская лаковая чашечка из погребения «золотого человека» (по материалам могильника Бугры в предгорьях Алтая) // АЭАЕ. Т. 44. № 4. С. 83–91.
- Тишкин А. А., 2012. Значение археологических исследований крупных курганов скифо-сарматского времени на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa, Joanni Chochorowski dedicate. Krakow: Redakcja Wojciech Blajer. С. 501–510.
- Фрай Р., 2002. Наследие Ирана. М.: Восточная литература. 463 с.
- Черненко Е. В., 1981. Скифские лучники. Киев: Наукова думка. 168 с.
- Чугунов К. В., 2014. Захоронения «золотых людей» в традиции номадов Евразии (новые материалы и некоторые аспекты исследований) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана / Отв. ред. М. К. Хабдулина. Астана: Сарыарка. С. 714–725.

- Эрди М., 2003/2004. Предметы искусства из курганного могильника Сидоровка и анализ его этнической принадлежности // Вестник САИПИ. Вып. 6–7. С. 48–52.
- Яценко С. А., 2006. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М.: Восточная литература. 664 с.
- Boardman J., 2010. The Relief Plaques of Eastern Eurasia and China: The «Ordos Bronzes», Peter the Great's Treasure, and their kin. Oxford: Arhaeopress. 104 p. (BAR International Series; 2146.)
- Bunker E. C., Kawami T. S., Linduff K. M., Wu En, 1997. Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes from the Arthur M. Sackler Collections. N. Y.: The A. M. Sackler Foundation. 401 p.
- Bunker E. C., Wat J. C. Y., Zhixin Sun, 2002. Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes: The Eugene V. Thau and Other New York Collections. N. Y.: The Metropolitan Museum of Art. 248 p.
- Ilyasov J., 2003. Covered Tail and «Flying» Tassels // Iranica Antiqua. Vol. 38. P. 259–325.
- Kovalev A. A., 2009. The Location of Loufan Tribe in 4–2 Century B. C. and Influence of its Culture to Central Plain and the South // Эрдосы цинтунци гоцзи сюэшу яньтао хуй луньвэнь цзи = The collection of International Symposium on Ordos Bronze Wares. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ. P. 383–414.
- Pirazzoli-t'Serstevens M., 1982. The Han civilization of China. Oxford: Phaidon Press. 240 p.
- Sarianidi V., 1985. Bactrian Gold. Leningrad: Aurora. 260 p.
- Treasures of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongolia / Ed. G. Eregzen. Ulaanbaatar: Institute of Archeology, Mongolian Academy of Sciences: National Museum of Mongolia, 2011. 302 p.
- Trevelyan C., 1932. Excavation in Northern Mongolia. Leningrad: Fedorov. 75 p., 33 pl. (Memoirs of the academy of history of material culture; 3.)

Сведения об авторе

Маслов Владимир Евгеньевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: maslovlad@mail.ru

V. E. Maslov

REVISITING THE ISSUE OF ORIGIN OF BELT MOUNTS
FEATURING HUNTING SCENES
FROM THE SIBERIAN COLLECTION OF PETER I

Abstract. The paper analyzes images featuring hunting scenes on paired gold belt mounts from the Siberian Collection of Peter I. Based on figurative parallels, it proposes a Chinese version of the origin of these mounts, which, as the analysis of the depicted scenes demonstrates, are referred to the Western Han period.

Keywords: Siberian Collection of Peter I, Ordos bronzes.

REFERENCES

- Artamonov M. I., 1973. Sokrovishcha sakov: Amu-Dar'inskiy klad. Altayskie kurgany. Minusinskie bronzy. Sibirskoe zoloto [The Saka's treasures: Oxus treasure. Altai kurgans. Minusinsk bronzes. Siberian gold]. Moscow: Iskusstvo. 278 p.
- Botalov S. G., 2007. Mechi i kinzhaly gunnskoy epokhi Swords and daggers of Hun epoch]. *Vooruzhenie sarmatov: doklady k VI mezhdunarodnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii» [Sarmatians' weaponry: reports for VI international conference «Problems of Sarmatian archaeology and history»]*. L. T. Yablonskiy, A. D. Tairov, eds. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skiy gos. universitet, pp. 114–123.

- Bunker E. C., 1997. Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes from the Arthur M. Sackler Collections. New York: The A. M. Sackler Foundation. 401 p.
- Bunker E. C., 2002. Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes: The Eugene V. Thau and Other New York Collections. New York: The Metropolitan Museum of Art. 248 p.
- Boardman J., 2010. The Relief Plaques of Eastern Eurasia and China: The 'Ordos Bronzes', Peter the Great's Treasure, and their kin. Oxford: Archaeopress 104 p. (BAR International Series, 2146.)
- Chernenko E. V., 1981. Skifskie luchniki [Scythian archers]. Kiev: Naukova dumka. 168 p.
- Chugunov K. V., 2014. Zakhoroneniya «zolotykh lyudey» v traditsii nomadov Evrazii (novye materialy i nekotorye aspekty issledovaniy) [Burials of «golden people» in tradition of nomads of Eurasia (new materials and some aspects of investigations)]. *Dialog kul'tur Evrazii v arkheologii Kazakhstana* [Dialogue of Eurasian cultures in archaeology of Kazakhstan]. M. K. Khabdulina, ed. Astana: Saryarka, pp. 714–725.
- Davydova A. V., Minyaev S. S., 2008. Khudozhestvennaya bronzа syunnu: novye otkrytiya v Rossii [Art bronze of Xiongnu: new discoveries in Russia]. St. Petersburg: Dom Gamasa 118 p. (Arkheologicheskie pamyatniki syunnu, 6.)
- Devlet M. A., 1998. Petroglify na dne Sayanskogo morya (gora Aldy-Mozga) [Petroglyphs on the bottom of Sayan reservoir (Aldy-Mozga mountain)]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 287 p.
- Dzhumabekova G. S., 1998. Opyt atributsii figurki konnogo luchnika iz Almaty [Experience of attribution of figurine of riding archer from Almaty]. *Voprosy arkheologii Kazakhstana* [Problems of archaeology of Kazakhstan], 2. Z. Samashev, ed. Almaty; Moscow: Gylym, pp. 72–82.
- Erdi M., 2003/2004. Predmety iskusstva iz kurgannogo mogil'nika Sidorovka i analiz ego etnicheskoy prinalozhnosti [Pieces of art from kurgan cemetery Sidorovka and analysis of its ethnic attribution]. *Vestnik SAIPI* [Bulletin of SAIPI], 6–7, pp. 48–52.
- Fray R., 2002. Nasledie Irana [Heritage of Iran]. Moscow: Vostochnaya literatura. 463 p.
- Il'yasov Dzh. Ya., 2013. Ob izobrazhenii na rogovom predmete s gorodishcha Kalaly-gyr 2 [On image on antler item from hillfort Kalaly-gyr 2]. *RA*, 2, pp. 96–104.
- Ilyasov J., 2003. Covered Tail and «Flying» Tassels. *Iranica Antiqua*, 38, pp. 259–236.
- Kollektsiya Dzhordzha Ortisa: drevnosti ot Ura do Vizantii: katalog vystavki [George Ortis collection: antiquities from Ur to Byzantium: catalogue of exhibition]. Bern: Benteli-Verd, 1993. 168 p.
- Komissarov S. A., Khachatryan O. A., 2010. Mavzoley imperatora Tsin' Shikhuandi [Mausoleum of emperor *Qin Shi Huang-di*]. N. I. Drozdov, ed. Novosibirsk: Novosibirskiy gos. universitet. 216 p. (Trudy humanitarnogo fakul'teta Novosibirskogo gos. universiteta. Ser. V.)
- Korol'kova E. F., 2003. «Svyashchennaya okhota» – motiv v izobrazitel'nom iskusstve i vozmozhnoe semanticheskoe prochenie [«Sacral hunting» – motif in figurative art and possible semantic interpretation]. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Steppes of Eurasia in antiquity and Middle Ages], II. Yu. Yu. Piotrovskiy, ed. St. Petersburg: GE, pp. 63–67.
- Korol'kova E. F., 2012. Sibirskaya kollektsiya Petra I v Ermitazhe [Siberian collection of Peter I in Hermitage]. *Scripta antiqua*. Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury. M. D. Bukharin, ed. Moscow: Sobranie, pp. 329–354.
- Kovalev A. A., 1999. O svyazyakh naseleniya Sayano-Altaya i Ordosa v V–III vv. do n. e. [On connections of population of Sayan-Altai and Ordos in V–III cc. BC]. *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Results of investigation of Scythian time in Altai and adjacent territories]. Yu. F. Kiryushin, A. A. Tishkin, eds. Barnaul: Altayskiy gos. universitet, pp. 75–82.
- Kovalev A. A., 2009. The Location of Loufan Tribe in 4–2 Century B. C. and Influence of Its Culture to Central Plain and the South. *The collection of International Symposium on Ordos Bronze Wares*. Beijing, pp. 383–414.
- Marsadolov L. S., 2017. Novaya semantika izobrazheniy na zolotykh poyasnykh plastinakh s syuzhetami «okhoty na kabana» iz Sibirskoy kollektsii Petra I [New semantics of images on golden belt plates with subjects of «wild boar hunting». *Yuvelirnoe iskusstvo i material'naya kul'tura* [Jewelry art and material culture]. St. Petersburg: GE, pp. 107–113.
- Maslov V. E., 1999. O datirovke izobrazheniy na poyasnykh plastinakh iz Orlatskogo mogil'nika [On dating of images on belt plates from Orlatskiy cemetery]. *Evraziyskie drevnosti. 100 let B. N. Grakovu: arkhivnye materialy, publikatsii, stat'i* [Eurasian antiquities. B. N. Grakov centenary: archive materials, publications, articles]. A. I. Melyukova, M. G. Moshkova, V. A. Bashilov, eds. Moscow: IAN, pp. 206–218.

- Maslov V. E., 2015. Kompozitsiya s nomadami iz Kalaly-gyr 2 i ee kul'turno-istoricheskiiy fon [Composition showing nomads from Kalaly-gyr 2 and its cultural historical background]. *Arkheologiya bez granits: kolleksii, problemy, issledovaniya, gipotezy* [Archaeology without borders: collections, problems, investigations, hypotheses]. E. F. Korol'kova, ed. St. Petersburg: GE, pp. 269–295. (Trudy GE, LXXVII.)
- Matveeva N. P., 1994. Ranniy zheleznyy vek Priishim'ya [Early Iron Age of Ishim region]. Novosibirsk: Nauka. 152 p.
- Matyushchenko V. I., Tataurova L. V., 1997. Mogil'nik Sidorovka v Omskom Priirtysh'e [Cemetery Sidorovka in Irtysh region near Omsk]. B. A. Konikov, ed. Novosibirsk: Nauka. 197 p.
- Minasyan R. S., 2014. Metalloobrabotka v drevnosti i srednevekov'e [Metalwork in antiquity and Middle Ages]. St. Petersburg: GE. 472 p.
- Mordvintseva V. I., 2003. Polikhromnyy zverinyy stil' [Polychromic animal style]. Simferopol': Universum. 216 p.
- Mordvintseva V. I., Treyster M. Yu., 2007. Proizvedeniya toreutiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e II v. do n. e. – II v. n. e. [Pieces of toreutics and jewelry art in North Pontic zone, II c. BC – II c. AD], I. Simferopol'; Bonn: Tarpan. 308 p.
- Okhota na kabana. Elektronnyy resurs [Wild boar hunting. Electronic resource]. *Kaban* [Wild boar]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Кабан>.
- Pirazzoli-t'Serstevens M., 1982. The Han civilization of China. Oxford: Phaidon Press. 240 p.
- Pogodin L. I., 1996. Zolotoe shit'e Zapadnoy Sibiri (pervaya polovina I tys. n. e.) [Gold embroidery of West Siberia (first half of I mill. AD)]. *Istoricheskiiy ezhegodnik* [Historic annual]. A. V. Yakub, ed. Omsk: Omskiy gos. universitet, pp. 123–134.
- Pogodin L. I., 1998a. Vooruzhenie naseleniya Zapadnoy Sibiri rannego zheleznogo veka [Weaponry of population of West Siberia in Early Iron Age]. Omsk: Omskiy gos. universitet. 84 p.
- Pogodin L. I., 1998b. Lakovye izdeliya iz pamyatnikov Zapadnoy Sibiri rannego zheleznogo veka [Lacquer items from West Siberian sites of Early Iron Age]. *Vzaimodeystvie sargatskikh plemen s vneshnim mirom* [Interaction of Sargatka tribes with outer world]. N. P. Dovgalyuk, ed. Omsk: Omskiy gos. universitet, pp. 26–38.
- Polos'mak N. V., Bogdanov E. S., Tseveendorzh D., 2011. Dvadsatyy Noin-Ulinskiy kurgan [Twentieth Noin-Ula kurgan]. Novosibirsk: INFOLIO. 184 p.
- Prevrashchaem klyki kabana v okhotnichiy trofey! Elektronnyy resurs [Transform boar tusks into hunting trophy! Electronic resource]. URL: <http://hunterussia.ru/na-ohote/na-kopytnyh/56-prevraschaem-klyki-kabana-v-okhotnichii-trofei.html>.
- Pugachenkova G. A., 1987. Iz khudozhestvennoy sokrovishchnitsy Srednego Vostoka [From artistic treasury of Middle Orient]. Tashkent: Izdatel'stvo literatury i iskusstva. 224 p.
- Rets K. I., 2004. Poyasnye plastiny so stsenoy okhoty na kabana iz Sibirskoy kolleksii Petra I: k voprosu o khronologicheskoy i kul'turnoy atributsii [Belt plates with scene of wild boar hunting from Siberian collection of Peter I: on problem of chronological and cultural attribution]. *Bosporskiy fenomen: problemy khronologii i datirovki pamyatnikov* [Bosporus phenomenon: problems of chronology and dating of sites], II. V. Yu. Zuev, ed. St. Petersburg: GE, pp. 325–332.
- Rostovtsev M. I., 1993. Sredinnaya Aziya, Rossiya, Kitay i zverinyy stil' [Middle Asia, Russia, China and animal style]. *Peterburgskiy arkheologicheskiiy vestnik* [Petersburg archaeological bulletin], 5, pp. 57–75.
- Rudenko S. I., 1962. Sibirskaya kolleksiya Petra I [Siberian collection of Peter I]. Moscow: AN SSSR. 52 p., 27 tabl. (SAI, D3-9.)
- Russkie drevnosti v pamyatnikakh iskusstva, izdavaemye grafom I. Tolstym i N. Kondakovym [Russian antiquities in monuments of art, edited by Count I. Tolstoy and N. Kondakov], 3. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva putey soobshcheniya. 158 p.
- Sarianidi V., 1985. Bactrian Gold. Leningrad: Avrra. 260 p.
- Savinov D. G., 2009. Minusinskaya provintsia Khunnu. (Po materialam arkheologicheskikh issledovaniy 1984–1989 gg.) [Minusinsk province of the Xiongnu. (Based on materials of archaeological investigations of 1984–1989)]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gos. universitet. 226 p.
- Spitsyn A. A., 1901. K voprosu o khronologii zolotykh sibirskikh blyakh s izobrazheniyami zhivotnykh [On problem of chronology of golden Siberian plaques with animal iomages]. *Zapiski Russkogo*

- arkheologicheskogo obshchestva. Novaya seriya [Proceedings of Russian Archaeological Society. New series]*, vol. 12, iss. 1–2, pp. 277–282.
- Spitsyn A. A., 1906. Sibirskaya kollektsiya Kunstkamery [Siberian collection of Kunstkamera]. *Zapiski Otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii Russkogo arkheologicheskogo obshchestva [Proceedings of Department of Russian and Slavic archaeology, Russian Archaeological Society]*, vol. 8, iss. I, pp. 227–248.
- Stepanova E. V., 2006. Evolyutsiya konskogo snaryazheniya i otnositel'naya khronologiya pamyatnikov Pazyrykskoy kul'tury [Evolution of horse equipment and relative chronology of sites of Pazyryk culture]. *AV*, 13, pp. 102–150.
- Sungatov F. A., Yusupov R. M., 2006. Bronzovaya figurka vsadnika s Yuzhnogo Urala [Bronze figurine of rider from South Urals]. *Yuzhnyy Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya: sb. statey k 70-letiyu A. Kh. Pshenichnyuka [South Urals and adjacent territories in Scythian-Sarmatian time: collection of articles toward 70th anniversary of A. Kh. Pshenichnyuk]*. G. T. Obyednova, N. S. Savel'ev, eds. Ufa: Gilem, pp. 246–256.
- Sutyagina N. A., Novikova O. G., 2016. Kitayskaya lakovaya chashechka iz pogrebeniya «zolotogo cheloveka» (po materialam mogil'nika Bugry v predgor'yakh Altaya) [Chinese lacquer cup from burial of a «golden man» (based on materials of cemetery Bugry in Altai piedmonts)]. *AEAE*, vol. 44, no. 4, pp. 83–91.
- Tishkin A. A., 2012. Znachenie arkheologicheskikh issledovaniy krupnykh kurganov skifo-sarmatskogo vremeni na pamyatnike Bugry v predgor'yakh Altaya [Significance of archaeological investigations of big kurgans of Scythian-Sarmatian time at Bugry site in Altai piedmonts]. *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa, Joanni Chochorowski dedicatae*. Kraków: Redakcja Wojciech Blajer, pp. 501–510.
- Treasures of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongolia. G. Eregzen, ed. Ulaanbaatar: Institute of Archaeology, Mongolian Academy of Sciences: National Museum of Mongolia, 2011. 302 p.
- Trever C., 1932. Excavation in Northern Mongolia (1924–1925). Leningrad, Fedorov. 75 p., 33 pl. (Memoirs of the Academy of History of Material Culture, 3.)
- Yatsenko S. A., 2006. Kostyum drevney Evrazii: iranoyazychnye narody [Costume of ancient Eurasia: Iranian-speaking peoples]. Moscow: Vostochnaya literatura. 664 p.
- Zavitukhina M. P., 1977. Sobranie M. P. Gagarina 1716 goda v Sibirskoy kollektsii Petra I [Collection of M. P. Gagarin of 1716 in Siberian collection of Peter I]. *ASGE*, 18. Leningrad: GE, pp. 41–51.
- Zavitukhina M. P., 1999a. Izobrazhenie okhoty na kabana na pare poyasnykh plastin iz Sibirskoy kollektsii Petra I [Image of hunting wild boar on pair of belt plates from Siberian collection of Peter I]. *Voprosy arkheologii i istorii Yuzhnoy Sibiri [Problems of archaeology and history of South Siberia]*. M. A. Demin, ed. Barnaul: Barnaul'skiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 82–90.
- Zavitukhina M. P., 1999b. N.-K. Vitsen i ego sobranie sibirskikh drevnostey [N.-K. Vitsen and his collection of Siberian antiquities]. *ASGE*, 34. St. Petersburg: GE, pp. 102–114.

About the author

Maslov Vladimir E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: maslovlad@mail.ru

А. В. Алексеев, А. Н. Смирнов, О. В. Двуреченский

КОМПЛЕКС УСАДЬБЫ ВОТЧИННИКА ИЗ РАСКОПОК СЕЛИЩА ИГНАТЬЕВО 2 В ПОДМОСКОВНОМ ЗВЕНИГОРОДЕ

Резюме. В публикации рассматриваются предметы вооружения, происходящие с территории позднесредневекового селища Игнатьево 2. Характер и состав находок позволяет предполагать, что перед нами клад оружия, который мог являться арсеналом поместных дворян XVI в. Селище Игнатьево 2 отождествлено с крупным историческим селом Игнатьевское, принадлежавшим владению знатного старомосковского боярского рода Елизаровых.

Ключевые слова: Московское государство, шлемы, арсенал, воинское сословие, XVI в.

В 2015 г. силами Подмосковной археологической экспедиции Института археологии РАН были проведены крупномасштабные археологические раскопки на селище Игнатьево 2. Памятник расположен на левом берегу р. Москвы, в 100 м к востоку от южной границы бывшего села Игнатьево (ныне это новый микрорайон г. Звенигорода), на возвышенности, центральная часть которой занята старым сельским кладбищем, на высоте около 5–6 м над урезом воды в реке. Размеры селища около 200 × 400 м. Работы носили спасательный характер, так как западная часть территории археологического памятника вошла в границы землеотвода под строительство транспортной развязки Центральной кольцевой автомобильной дороги.

Селище Игнатьево 2 является весьма значимым для науки памятником позднего Средневековья и надежно отождествляется с крупным историческим селом Игнатьево. Впервые в сохранившихся источниках оно упоминается в 1558 г. как село Игнатьевское (Алексеев, 2017. С. 198–199). Это была родовая вотчина Елизаровых, ветви старомосковского боярского рода Добрынских, служивших в начале XVI в. князю Юрию Ивановичу (Василий и Михаил Елизаровичи упоминаются в актах того времени как его бояре). В первой четверти XIX в.

из-за участвовавших паводков р. Москвы село Игнатьево было перенесено ближе к Звенигороду (на современное место).

Территория памятника находится в распахке с XIX в. Центральная часть селища, по всей видимости, уничтожена перекопом разросшегося сельского кладбища. В его глубине находятся церковное место и средневековый некрополь. Однако, судя по планиграфии выявленных объектов, застройка села Игнатьевского распространялась к западу от кладбища и занимала значительную площадь. Обильный керамический материал и значительный объем индивидуальных находок свидетельствуют о высокой интенсивности жизни и хозяйственной деятельности в этой части поселения.

В процессе изучения была раскопана северо-западная часть селища площадью более 2000 кв. м. Получена представительная коллекция индивидуальных находок (около 950 единиц) и средневекового керамического материала, чрезвычайно важная для понимания общего социокультурного и хозяйственного профиля средневекового поселения. В общей сложности изучено 59 заглубленных археологических объектов (материковых ям). Их размеры варьируют от столбовых ямок диаметром 30–40 см до очень больших подполий жилых домов размерами 7 × 8 м и объемом более 100 м³ (яма 45).

В первую очередь привлекают внимание две крупные одинаково ориентированные ямы (ямы 44 и 45), видимо являющиеся остатками некогда единого жилого и хозяйственного комплекса. Их исследованию посвящена настоящая статья.

Наблюдения за конфигурацией и стратиграфией заполнения ямы 44, анализ керамического материала и обнаруженных индивидуальных находок позволяют интерпретировать данный комплекс как заглубленную часть (подполье) жилой постройки. (Котлован имел форму, близкую к прямоугольной, его размеры 4,1 × 4,6 м при глубине 2,1 м.) Сама постройка, очевидно, погибла в пожаре, на что указывает придонное углистое заполнение ямы, содержащее крупные куски обугленного дерева. Об этом же свидетельствуют вертикальные углистые прослойки по краям основного заполнения, представляющие собой остатки деревянных стенок подполья.

Заполнение ямы имеет сложную структуру (рис. 1), оно насыщено керамикой и индивидуальными находками. В стратиграфии комплекса довольно четко выделяются три горизонта, каждый из которых маркирует определенный этап его формирования. Состав находок, происходящих со дна ямы (из углистого слоя и темно-серой супеси с углем, что соответствует субгоризонту 2 третьего горизонта заполнения), выделяется присутствием ряда крупных бытовых предметов и орудий труда. В их числе сничный замок со следами интенсивного обгорания, два каменотесных орудия, два обломка белокаменных жерновов (также обожженных), сошник, прямоугольная железная пластина, почти целая чернолощенная кубышка. Представляется маловероятным случайное попадание упомянутых предметов в придонный слой ямы. Скорее всего, они либо находились на дне подполья в момент гибели постройки, либо попали туда в процессе обрушения и разбора сгоревших конструкций.

Из других находок, относящихся к нижнему заполнению комплекса, следует упомянуть нательный крест медного сплава с изображением св. Никиты Бесогона и три залежавших вместе кольчужных кольца (рис. 2, 14, 15). Кольца скреплены

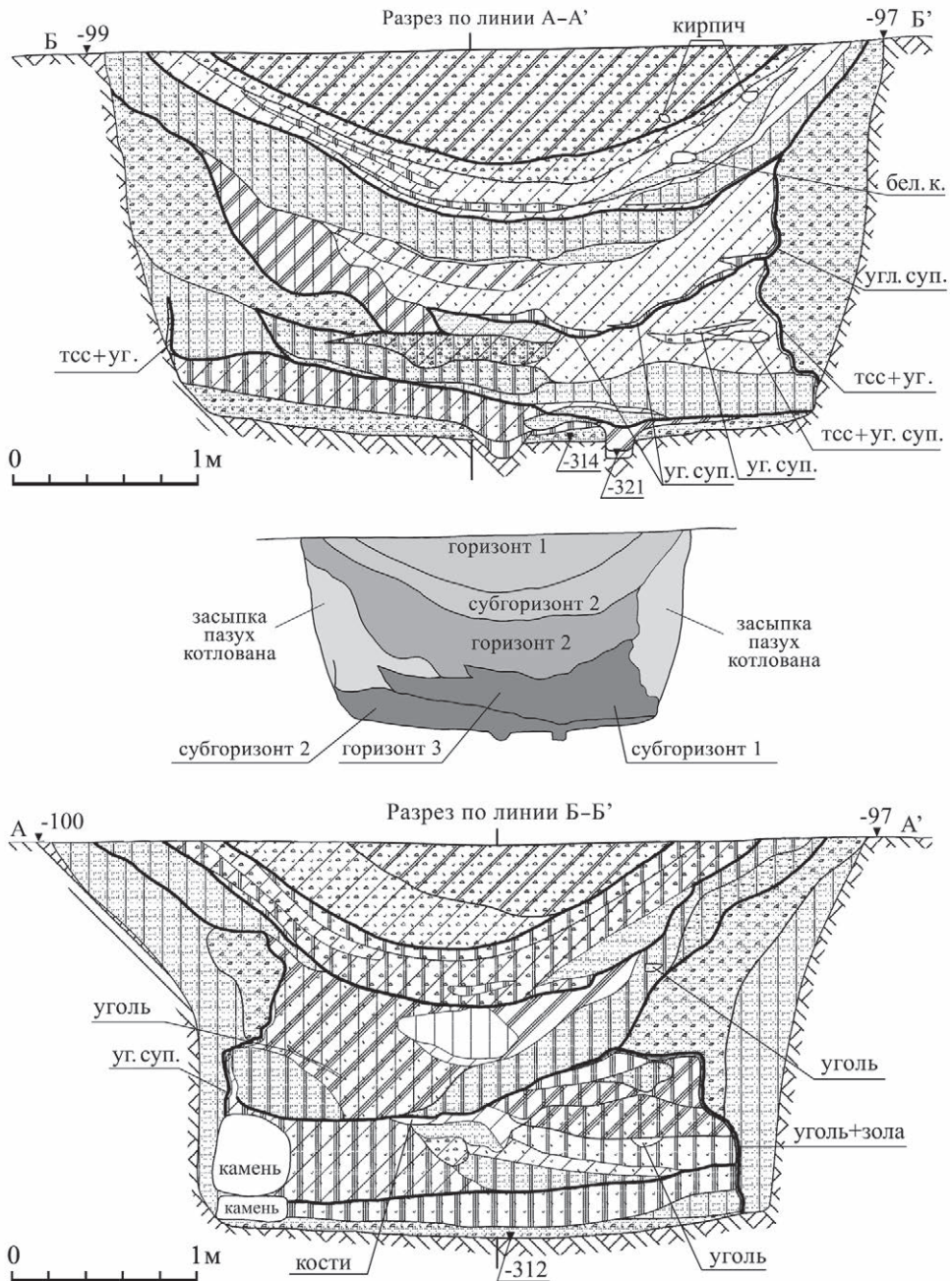

Рис. 1. Селище Игнатьево 2. Чертежи стратиграфических разрезов ямы 44 с выделением горизонтов и субгоризонтов

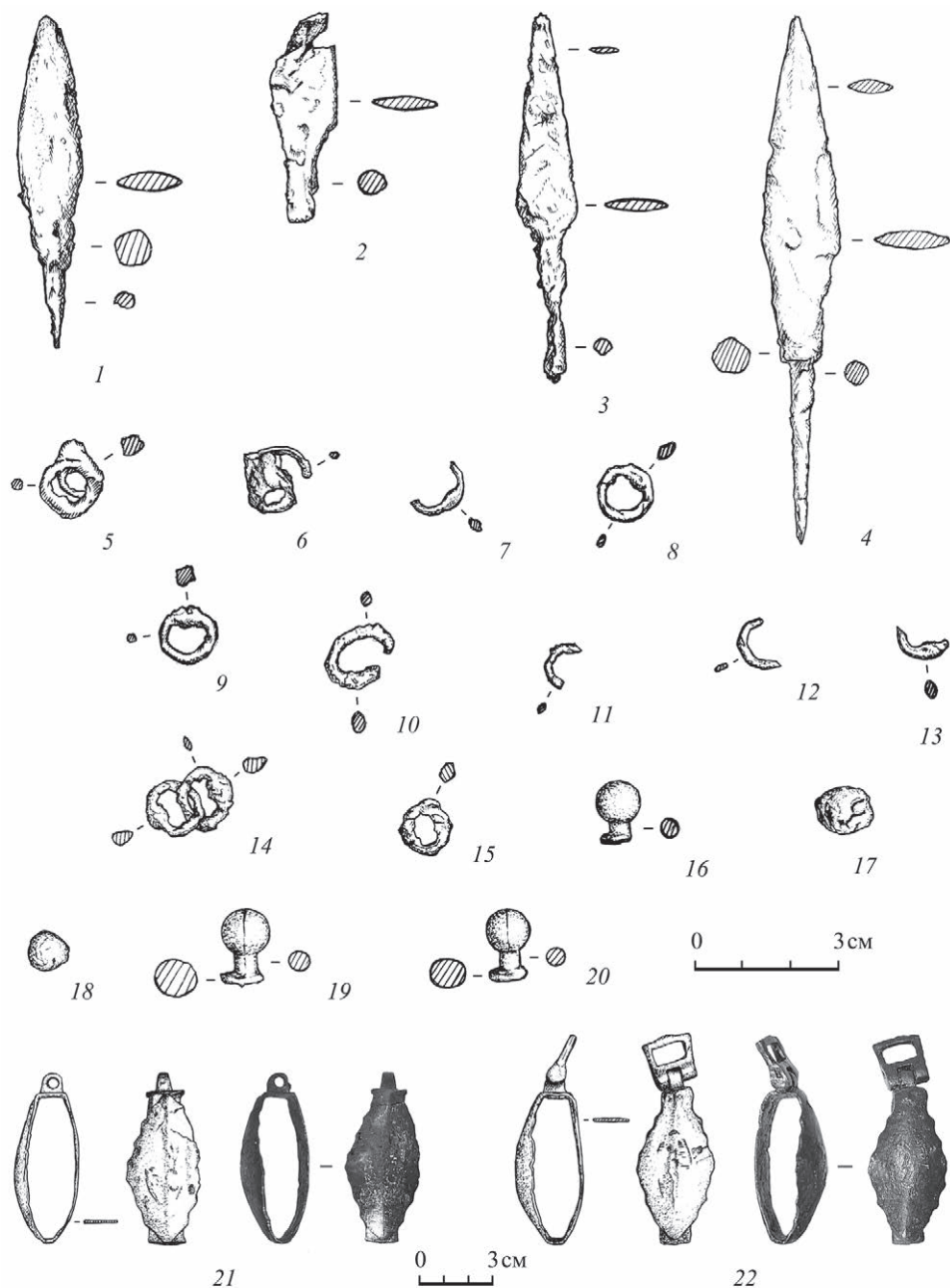

Рис. 2. Предметы вооружения из заполнения ям 44 и 45 селища Игнатьево 2

1–4 – наконечники стрел; 5–15 – кольчужные кольца; 16–20 – свинцовые ружейные пули; 21, 22 – обоймы сабельных ножен

3–7, 9, 14, 15, 21, 22 – яма 44; 1, 2, 8, 10–13, 16–20 – яма 45

на шип, что характерно для кольчатых доспехов панцирного плетения, распространенных в XVI–XVII вв. (Гордеев, 1954. С. 81; Векслер, Двуреченский, 2000. С. 173).

Залегающие выше слои субгоризонта 1, судя по всему, отложились по прошествии некоторого времени после гибели постройки, на первом этапе ее засыпки. Как показывает стратиграфия, на тот момент еще сохранялись элементы деревянного крепления стенок котлована. Их остатки прослеживались по краям заполнения в виде вертикальных углистых прослоек. В составе находок стоит отметить предметы вооружения. К ним относятся две обоймицы сабельных ножен, нащечная пластина от шлема, наконечник стрелы и кольчужное кольцо (рис. 2, 9).

Обоймицы ножен (рис. 2, 21, 22) изготовлены из железа, имеют щитки ромбической формы с продольным ребром. Обе обоймицы снабжены петлями для крепления к подвесу. В одну из петель продета железная ременная пряжка, закрепленная через штырек сквозь отверстие на выступающей части обоймицы. Реставрация выявила на щитках обоих изделий орнаментальную инкрустацию желтым металлом. Аналогичные обоймицы были обнаружены в Москве на улице Ильинка в слоях XVI–XVII вв. (Двуреченский, 2015. С. 64). Представляется неслучайным, что детали сабельного прибора залегали рядом, в одном слое пестроцветной супеси. Скорее всего, они попали в заполнение вместе, возможно даже находясь на единой органической основе ножен, которая впоследствии истлела. Обнаруженный здесь наконечник стрелы черешковый с упором (рис. 2, 3). Перо клиновидной формы, уплощенное в сечении (тип 7 по О. В. Двуреченскому). Длина наконечника 75 мм, ширина – 12 мм, длина пера – 45 мм. Такие наконечники надежно датируются концом XV – XVI в. (Там же. С. 285. Рис. 10).

Прочие находки представлены различными предметами обихода (нож, обувная подковка, керамическое рыболовное грузило, пробой, подковные гвозди и т. д.). Следует упомянуть также обломок румпы терракотового печного изразца.

Слои среднего горизонта заполнения (горизонта 2) сформировались еще позднее, в процессе засыпки комплекса бытовыми отходами и грунтом с территории памятника. Среди находок также присутствуют предметы вооружения: нащечная пластина от шлема, два наконечника стрел и два скрепленных между собой на шип кольчужных кольца (рис. 2, 5). Один из наконечников стрел черешковый с упором (рис. 2, 4). Его общая длина 112 мм. Перо удлиненно-ромбовидной формы (70 мм в длину и 16 мм в ширину), уплощенное в сечении (тип бд по О. В. Двуреченскому) (Там же). Он имеет ту же датировку, что и вышеописанный наконечник из первого субгоризонта нижнего горизонта заполнения. Другой наконечник черешковый с обломанным пером. Отсюда же происходят многочисленные бытовые предметы (нож, пряжки, пробой, рыболовное керамическое грузило, обувная подковка, швейные иглы, различные гвозди, ключ, скоба и т. д.). К нумизматическим находкам относится медная монета – пуло московское. Имеется обломок фриза терракотового печного изразца. Предметы христианской металлопластики представлены медным литым нательным прямым наконечным крестом XVI в.

Слои верхнего горизонта заполнения (горизонт 1) откладывались на финальном этапе формирования комплекса. Сперва возникло слоистое заполне-

ние второго субгоризонта, состоящее из разнородных грунтов с высокой долей бытовых отходов (на что косвенно указывает степень гумусированности грунта и значительное присутствие частиц древесного угля). В составе субгоризонта выделяется слой печной глины, очевидно отложившийся в результате утилизации глинобитной печи. Здесь же отмечены крупные обломки кирпичей. Этот субгоризонт насыщен индивидуальными находками. Из предметов вооружения присутствуют три кольчужных кольца (два из них соединены между собой на шип) (рис. 2, 6, 7). Имеется нательный прямоконечный крест медного сплава. Стоит отметить перстень медного сплава с гнездом для вставки на щитке. Из верхних слоев происходят два обломка изразцовых терракотовых перемишек. Остальные находки представлены бытовыми предметами, изготовленными в основном из железа (гвозди, обувные подковки, пробой, вертлюжное кольцо, ключ от нутряного замка и т. д.).

Самая верхняя часть заполнения ямы 44 (субгоризонт 1 горизонта 1) возникла как результат естественной нивелировки поверхности над ранее отложившимися и со временем просевшими напластованиями. Грунт в образовавшейся западине представляет собой перемешанную темно-коричневую супесь с включениями фрагментов древесного угля, кирпича и пачины. Ее генезис, по-видимому, отчасти был связан с многолетним агрогенным воздействием, в результате которого на всей окружающей территории сформировался залегающий выше пахотный слой. В числе находок фрагмент терракотового печного изразца и медная копейка Алексея Михайловича.

В процессе исследования отмечены массивы мешанного песка с щебнем и серой супесью в «пазухах» материковых стенок ямы, которые, очевидно, представляют собой оползший грунт, изначально заполнявший пространство между стенками котлована и впущенными в него деревянными конструкциями стенок подполья. Из этого грунта также происходит некоторое количество керамики и индивидуальных находок (затыльник рукояти ножа, керамическое рыболовное грузило и т. д.). Упомянутые предметы либо попали в засыпку вместе с переложенным культурным слоем, либо уже находились в яме и оказались среди песка и щебня из-за естественного смещения грунтов.

Таким образом, по итогам анализа комплекса можно заключить, что все части заполнения, за исключением самой нижней, сформировались путем постепенной засыпки ямы бытовыми отходами и перемешанным грунтом с окружающей территории. Периодические подсыпки земли, взятой на поверхности, сопровождали процесс накопления культурных остатков. В этих подсыпках содержались предметы материальной культуры из слоя поселения. Состав индивидуальных находок в основном соответствует вещевому материалу, происходящему с остальной исследованной территории селища. Наиболее ярким индикатором являются фрагменты печных терракотовых изразцов, которые присутствовали во всех горизонтах заполнения, кроме придонных слоев. Аналогичные изразцы в значительном количестве были встречены на соседнем участке 2 (в составе пахотного слоя и слоя темно-серой супеси).

Заслуживает внимания присутствие предметов вооружения. Всего из комплекса происходят 9 кольчужных колец, 2 нащечные пластины от шлема, 2 обоймицы сабельных ножен и 3 наконечника стрел. Еще один наконечник стрелы был

обнаружен в пахотном слое непосредственно над пятном ямы 44 и, возможно, связан с данным комплексом. Наконечник ромбовидный уплощенный, ромбический в сечении с расширением в нижней трети длины пера (тип 6 в по О. В. Двуреченскому) (Двуреченский, 2015. С. 284. Рис. 9). Длина пера 30 мм, ширина – 18 мм. Черешок обломан.

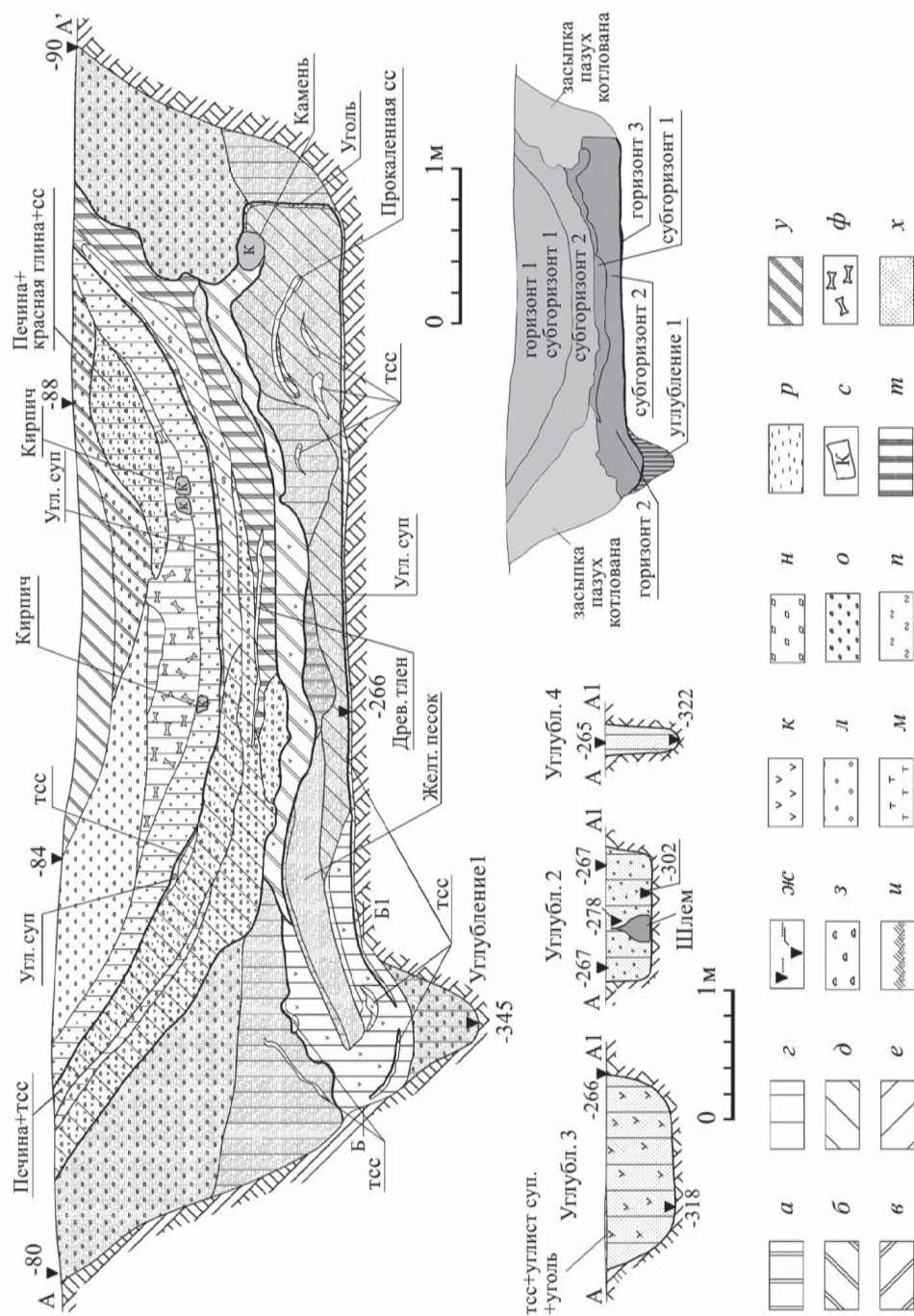
Как показало исследование комплекса, погибшая постройка существовала во второй половине XVI в. Этим временем датируется красноглиняная чернolощенная кубышка со дна ямы. Судя по керамическому материалу и нумизматическим находкам, основное заполнение комплекса формировалось в XVII в. К такому выводу заставляют склониться и обнаруженные фрагменты изразцов.

Керамический материал подтверждает и уточняет данную датировку. Характерно, что собранный из фрагментов краснолощенный кувшин конца XVI – начала XVII в. был обнаружен в нижних (но не придонных) слоях, «аккумулировавших» мусор предшествующего периода. Донце поливного сосуда на поддоне, имеющее достаточно позднюю датировку, напротив, находилось в верхней части заполнения. Вместе с тем во всех горизонтах заполнения (кроме самого нижнего субгоризонта) были встречены образцы керамики, характерные скорее для во второй половины XVII в., например фрагменты белоглиняных кувшинов, декорированных имитацией «веревочки». Симптоматичным представляется и очень малое количество кухонной посуды, относящейся к типу белоглиняной с песком в тесте. Основная масса такой керамики представлена кувшинами (в т. ч. с уже упомянутой орнаментацией) либо корчагами. Видимо, в период заполнения ямы «ниша» кухонных горшков была прочно занята другой керамикой (коломенского и отчасти местного производства). Это также указывает на середину – вторую половину XVII в.

Яма 45 расположена в 10,8 м к северо-западу от ямы 44. Наблюдения за конфигурацией и стратиграфией ее заполнения (рис. 3), анализ керамического материала и обнаруженных индивидуальных находок также позволяют интерпретировать данный комплекс как заглубленную часть (подполье) либо подклет жилой постройки. (Котлован имел форму, близкую к прямоугольной, его размеры 6,8 × 7,8 м при глубине 1,9 м.) Помещение, очевидно, представляло собой бревенчатый сруб, впущенный в котлован. На это указывают отпечатки бревен на стенках ямы, прежде всего в углах, где сохранившиеся следы «перевязки» позволяют судить о конструкции подполья. Его внушительные размеры свидетельствуют о рядовом характере жилища.

На основании имеющихся археологических данных нельзя однозначно утверждать, что постройка погибла в пожаре, однако некоторые выявленные детали позволяют предполагать, что окончание ее функционирования происходило при достаточно трагических обстоятельствах.

Наиболее ранние отложения внутри исследованного комплекса связаны с четырьмя углублениями на его дне. Судя по всему, они были выкопаны и засыпаны до того момента, как на дне котлована начал накапливаться бытовой мусор. Все четыре углубления были закопаны целенаправленно и в очень сжатые сроки. Основу их заполнения составлял песок со щебнем и незначительной примесью серой супеси при почти полном отсутствии иных культурных остатков (если не считать просадок залегающих выше слоев). Кроме того, все обнаруженные

углубления перекрывались прослойкой темно-серой супеси с пятнами углистой супеси, которая отложилась по всей поверхности дна ямы 45. Таким образом, формирование комплексов углублений с высокой степенью вероятности произошло до разрушения наземной части постройки. В трех из них не было обнаружено индивидуальных находок. Керамический материал также отсутствовал.

В углублении 2 находился кладовый комплекс, для сокрытия которого оно и было выкопано. На верхнем уровне фиксации комплекса расчищены два пахотных орудия – сошник и полица, лежавшие поверх остальных вещей и как бы прикрывавшие их. Ниже в вертикальном положении (шпилом вверх) стоял железный шлем (шлем № 1), на котором с момента обнаружения визуально распознавался кожаный чехол. Внутри шлема находилась пара железных наушных пластин. Также из полости шлема была извлечена часть кожаного чехла, очевидно составлявшая единое целое с частью, покрывавшей боевое наголовье снаружи. Рядом, вплотную к первому шлему, находился второй, большего размера (шлем № 2). На момент расчистки он пребывал в наклонном положении (приваленным набок). На шпиль шлема были надеты два железных кольца (обруча) диаметром 19 и 15 см. Под шлемом обнаружены три железные втулки с крюками-кронштейнами. Там же находились железные шарнирные ножницы. В расположении предметов угадывается целенаправленный характер их укладки.

Шлем № 1 (рис. 4, 1, 2) имеет высоту 310 мм, округлый в основании его диаметр составляет 198 мм. Он дошел до нас в кожаном чехле, который был сшит по размерам боевого наголовья. Сохранилось четыре кожаных сегмента, сшитых между собой, повторяя форму корпуса. Нижняя часть кожаного чехла была заправлена внутрь шлема. Толщина стенок шлема составляла 1–2 мм. По нижнему ободу боевого наголовья пущена латунная полоса, высота ее 6 мм. Она была скреплена с корпусом серией заклепок. Над этой полосой фиксируется орнаментальный инкрустированный пояс высотой 16 мм. В стадии расчистки он фиксировался в виде геометрического ромбического орнамента. При изготовлении этого украшения использовалась техника «насечки». Металлографический анализ показал, что в украшении боевого наголовья использовались серебро и олово. Второй орнаментальный пояс фиксируется под основанием шпиля и, возможно, на самом шпиле шлема. Высота орнаментальной полосы в верхней части составляет около 300 мм. Высота надставленного шпиля 107 мм. В верхней его части отмечается рельефный валик.

К этому шлему относился комплект наушей (рис. 4, 3–5), которые крепились на кожаный ремень к нижней кромке шлема, где присутствуют клепки крепления. Науши имеют трапециевидную форму со стрельчатым сужением в нижней части. На внутренней стороне зафиксированы следы подкладки, аналогичные

Рис. 3. Селище Игнатьево 2. Чертеж стратиграфического разреза ямы 45 с выделением горизонтов и субгоризонтов

Условные обозначения: а – коричневая супесь; б – темно-коричневая супесь; в – светло-коричневая супесь; г – серая супесь; д – темно-серая супесь; е – светло-серая супесь; жс – нивелировочная отметка; з – печина; и – материк (на разрезе); к – уголь; л – известь; м – тлен; н – битый кирпич; о – щебень; п – зола; р – глина; с – кирпич; т – углистая супесь; у – желтая супесь; ф – кости; х – песок

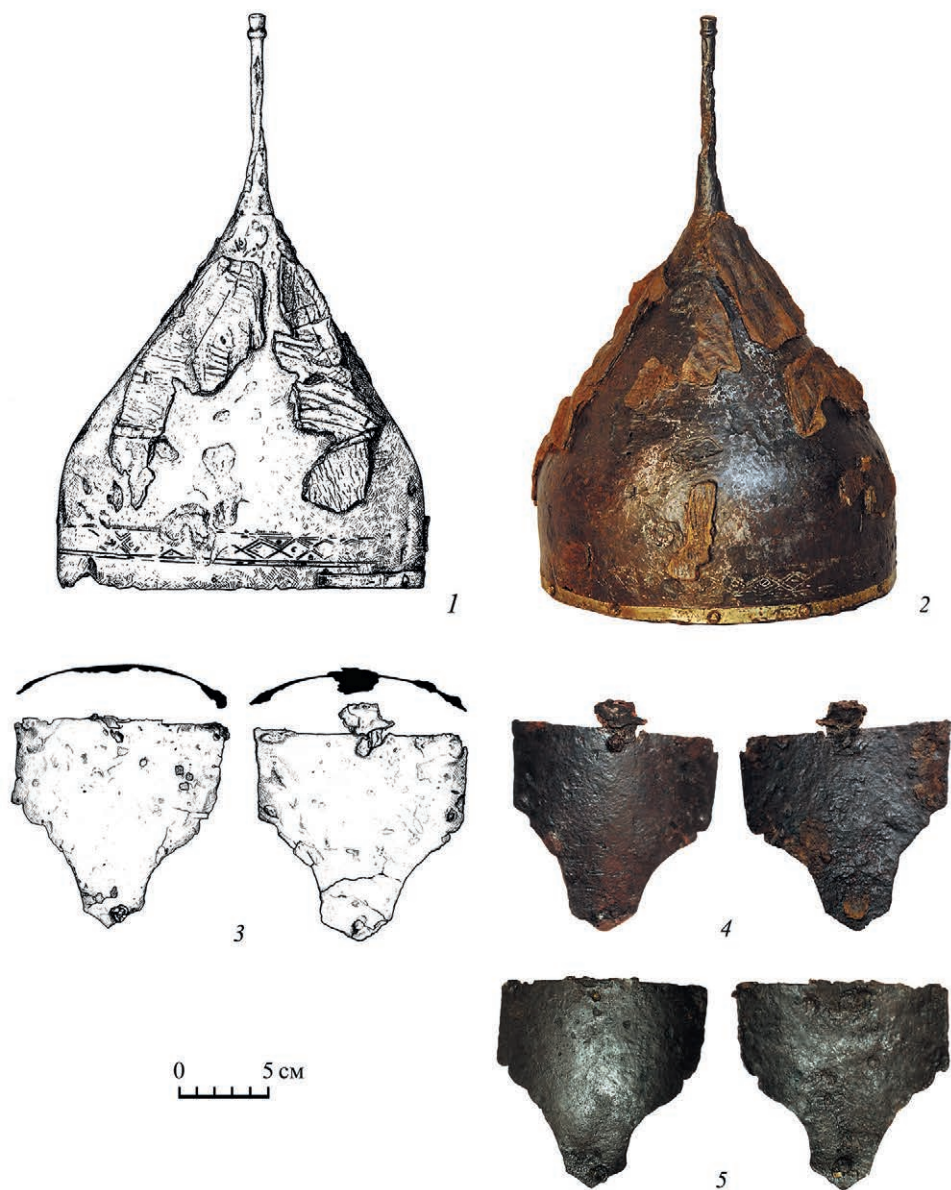

Рис. 4. Боевое наголовье № 1 из заполнения ямы 45 селища Игнатьево 2
1, 2 – шлем; 3–5 – наушники

следам подкладки на шлеме. Размер наушей 120 × 120 мм. Фиксируются две клепки в верхней и нижней части, которые крепили подвес к шлему и подбородочный ремень.

Аналогичные сфероконические шлемы хорошо известны и надежно датированы первой третью XVI в. по материалам Ипатьевского клада 1895 г. (*Кирпичников*, 1976. С. 29–33). Также близкую аналогию составляет шлем, изготовленный в мастерских Оружейной палаты по образцу турецких боевых наголовий начала XVI в. для сына Ивана Грозного и датированный 1557 г. (*Лаврентьев*, 2014. С. 92–111).

Шлем № 2 (рис. 5) представляет собой боевое наголовье, приближающееся к сфероконическим, но имеющее в нижней части корпуса хорошо фиксируемое цилиндрическое основание. Высота боевого наголовья составляет 345 мм. Шлем округлый в основании, диаметр – 250 мм. Шпиль шлема надставлен и скреплен шайбой и контргайкой. Высота надставленного шпиля 112 мм. Шлем № 2 также украшен инкрустацией, но, в отличие от первого, возможно, по всей тулье. Инкрустация выполнена в технике «всечка» оловом и серебром. На расчищенных фрагментах выявлен растительный орнамент с криновидным окончанием завитков или листочков. По нижней кромке шлема также фиксировались фрагменты бронзовой полосы высотой 6–7 мм, которая крепилась к корпусу шлема при помощи серии заклепок. Навершие шлема оформлено в виде рельефной выступающей шляпки, диаметр – 12 мм. Толщина стенок шлема составляла 2–2,5 мм. Аналогичные шеломы с высоким цилиндрическим основанием и плавно сужающиеся к навершию в верхней части корпуса наиболее характерны для конца XV – первой половины XVI в. Так, в качестве аналогий, которые могли предшествовать появлению этого типа боевых наголовий, можно привести шеломы «русского» типа из Мстиславля (*Бохан*, 2008. С. 125). Также следует упомянуть аналогичные по форме наголовья из Ипатьевского клада 1895 г.

Функциональное назначение найденных здесь же обручей и втулок пока остается неясным. Как предполагает О. В. Двуреченский, они могли являться фиксирующими элементами конструкций походных шатров.

Присутствие столь разнородных вещей (пахотные орудия, боевые наголовья, бытовой инструмент и предметы снаряжения) в составе единого кладового комплекса оставляет немало вопросов. Возможно, такой набор сформировался под воздействием каких-то неизвестных нам «стихийных» факторов, при которых человек, прятавший клад, был серьезно ограничен во времени и выборе предметов. Назначение трех других углублений остается неясным. Меньшее из них по своей глубине, размерам и местоположению могло бы служить ямой под опорный столб. Два других явно не были связаны с конструкцией подполья. Нельзя полностью исключить, что их также использовали в качестве тайников, впоследствии вскрытых и опустошенных.

Заполнение комплекса, насыщенное керамикой и индивидуальными находками, имело слоистую структуру, включающую три визуально определимых горизонта (рис. 3). Нижний горизонт заполнения (горизонт 3), отложившийся по всей площади дна ямы в виде прослойки темно-серой и углистой супеси, перекрывает вышеописанные углубления. Его формирование, вероятно, заняло непродолжительное время и произошло вскоре после исчезновения наземной

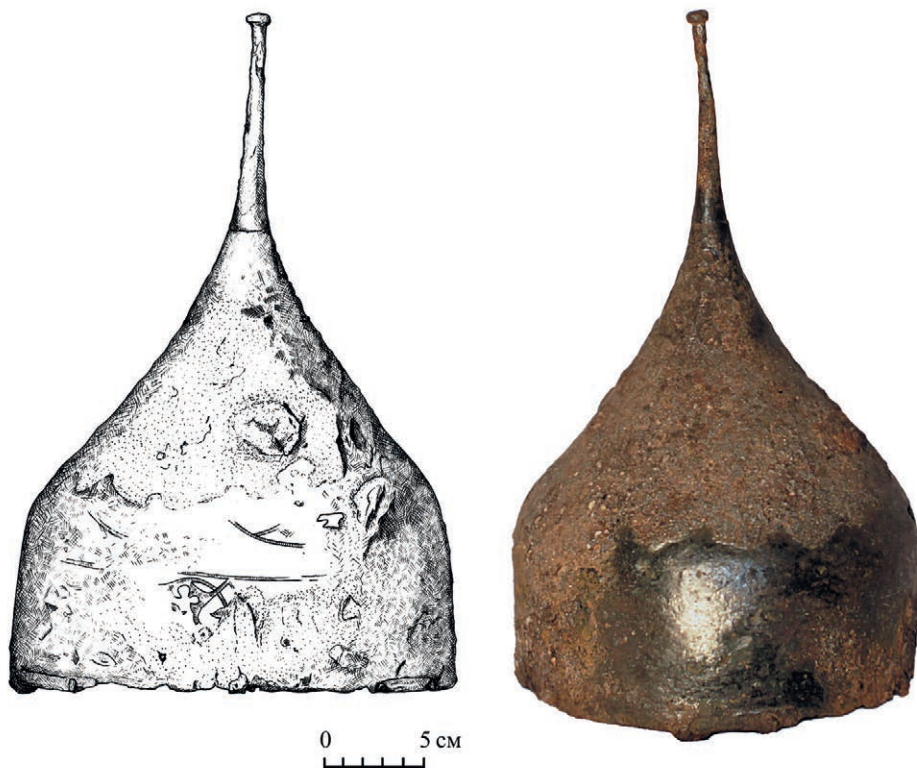

Рис. 5. Боевое наголовье № 2 из заполнения ямы 45 селища Игнатьево 2

части постройки. Из этих придонных отложений удалось собрать часть (более 40 % целой формы) красноощенного кувшина. Несколько крупных фрагментов этого сосуда были обнаружены непосредственно над кладовым комплексом. Из того же горизонта происходят три крупные находки: железная пластина, железное кольцо с крюком и железная втулка с крюком-кронштейном, подобная тем, что находились в составе кладового комплекса. Массивная (32×17 см) железная пластина с приклепанными отрезками полос того же металла могла служить частью дверного полотна или оконной ставни. Ее нахождение на дне подполья крупной постройки кажется неслучайным. Тем более неслучайно обнаружение здесь двух других предметов. Обе вещи находились рядом, примерно на одинаковой глубине. Прямой аналогией первому предмету является кольцо, обнаруженное на дне погребка XVI в. при раскопках Романова двора в Москве. Н. А. Кренке определил его как кольцо для подвешивания большого котла (Археология Романова двора..., 2009. С. 76; 332. Рис. 86, 4). Втулка с крюком-кронштейном несколько отличается от аналогичных предметов из клада более крупными размерами, формой отверстия и, в особенности, формой крюка. Тем не менее она наверняка относится вместе с ними к одному функциональному набору. Данное обстоятельство заставляет думать, что два найденных предмета

также были приготовлены к помещению в тайник, но по какой-то причине туда не попали (либо оказались оставленными на дне подполья после извлечения из вскрытого тайника). В таком случае их появление в комплексе произошло еще до формирования нижнего горизонта.

Культурные напластования следующего горизонта 2 накапливались постепенно из отдельных «порций» грунта, бытовых отходов и, возможно, естественных намывов породы с поверхности. Судя по наличию вертикальной прослойки темно-серой и углистой супеси, прослеженной между слоями основного заполнения и массивом мешанного песка у стенки ямы, к моменту формирования горизонта еще сохранялись деревянные конструкции, которые удерживали песчано-щебневую засыпку по краям котлована от сползания вниз. Поэтому внутри периметра деревянных стен культурные напластования соответствующего горизонта ложились горизонтально, без характерного прогиба.

В числе находок из слоев горизонта стоит отметить предметы вооружения. Это четыре кольчужных кольца (1 целое и 3 фрагментированных) (рис. 2, 10–13) и две пули с необрубленными литниками (рис. 2, 19, 20). Последние имеют размеры и технологические особенности, характерные для боеприпаса к ручному огнестрельному оружию XVI–XVII вв. (*Двуреченский*, 2005. С. 264–295). Также следует упомянуть перстень медного сплава с условно-стилизированным изображением человеческой фигуры на круглом щитке. Такие перстни имели широкое распространение в XVI в. Из слоя темно-коричневой супеси с углем, отложившегося на позднем этапе формирования горизонта, происходит обломок средневекового двустороннего костяного гребня.

Из бытовых предметов можно выделить массивный железный штырь с проушиной и миниатюрный стальной замок. Оба предмета залежали вплотную к южной материковой стенке ямы (штырь почти на дне, а замок – в прослойке темно-серой супеси, оставшейся от деревянной стены подполья). Такое положение заставляет предполагать, что они попали в комплекс еще до начала формирования горизонта 2 либо даже находились там до момента разрушения постройки. Штырь мог быть связан с какими-то конструктивными элементами постройки. Прочий вещевой материал из горизонта представлен разного рода гвоздями, железными звеньями цепей, обломками ножей и неопределимыми железными предметами.

К следующему горизонту 1 относится наибольший объем заполнения комплекса. Как показывает стратиграфия, данный горизонт формировался из отдельных слоев уже после того, как массив из песка и щебня, находившийся по краям котлована, ополз вниз, «сположив» стенки ямы. Основная масса обнаруженного вещевого материала, судя по отсутствию крупных предметов, попала в заполнение вместе с мусором. Предметы вооружения представлены двумя пулями с необрубленными литниками (рис. 2, 16), кольчужным кольцом (рис. 2, 8) и наконечником стрелы (рис. 2, 1). Пули имеют размеры и технологические особенности, характерные для боеприпаса к ручному огнестрельному оружию XVI–XVII вв. Наконечник стрелы относится к килевидным, с наибольшим расширением в середине нижней трети длины пера и вытянутой шейкой (тип 8 по О. В. Двуреченскому). Высота наконечника 70 мм, высота пера 55 мм, ширина пера 14 мм. Наконечники этого типа характерны для XVI в., но продолжают

бытовать до середины следующего столетия (Двуреченский, 2015. С. 286–285. Рис. 11). В числе индивидуальных находок присутствует фрагмент печного терракотового изразца (перемычки). Наличие подобного предмета в яме 45 «сближает» материалы данного комплекса с общим кругом находок, характерным для исследованной части поселения. Встречены также три серебряные монеты: две копейки Михаила Федоровича и копейка Б. Ф. Годунова. Предметы мелкой медной пластики представлены нательным крестом, характерным для XVI в.

Более 80 % остальных находок относятся к железным бытовым предметам (различные гвозди, швейные иглы, обувные подковки, скобы, пробой). Здесь же обнаружено несколько фрагментов листовой меди.

Верхняя часть заполнения ямы (горизонт 1, субгоризонт 1) образовалась в несколько приемов на заключительном этапе формирования комплекса. Его основу составили крупные единовременные засыпки из костей домашних животных и залегавшего выше массива печной глины. Наличие остатков утилизированной печи косвенным образом свидетельствует об интенсивной хозяйственной деятельности, возобновившейся в этой части поселения. Здесь также присутствовали разноразмерные фрагменты кирпичей.

Находки из верхних слоев довольно разнообразны. К предметам вооружения относятся две пули (рис. 2, 17, 18) и два обломанных наконечника стрел. Один из них может быть отнесен к килевидным (рис. 2, 2), с наибольшим расширением в середине трети длины пера и вытянутой шейкой. Высота наконечника 70 мм, высота пера 55 мм, ширина пера 14 мм (тип 8 по Двуреченскому). Данный тип наконечников не сильно распространен. Аналогии ему известны по материалам Москвы и Епифанских слобод. Наконечники этого типа продолжают бытовать до середины XVII в. (Там же. С. 241). Имеются также четыре нумизматические находки: полушка и две копейки Михаила Федоровича и денга Ивана IV. Мелкая медная пластика представлена нательным крестом, относящимся ко второй половине XVII в. Из столярных инструментов был найден железный бурав. Наконец, при зачистке поверхности пятна ямы обнаружен обломок дужки медного сплава, сохранившийся конец которой был оформлен в виде головы дракона. Прочие находки, как и в предыдущих слоях, представлены гвоздями, швейными иглами, пробоями, обломами ножей, обувными подковками, скобами.

Массивы мешанного песка со щебнем и серой супесью, сосредоточенные по краям основного заполнения ямы, очевидно, представляли собой оползший грунт, изначально заполнявший пространство между стенками котлована и впущенным в него срубом. Из этого грунта также происходит некоторое количество керамики и индивидуальных находок (две железные пряжки, железная ларечная ручка, серебряная проволоочная копейка Петра Алексеевича, обломок накладки медного сплава и т. д.). Упомянутые предметы (кроме серебряной монеты) либо попали в засыпку вместе с переотложенным культурным слоем, либо уже находились в яме и оказались среди песка и щебня из-за естественного смещения грунтов.

По итогам анализа комплекса можно заключить, что все части заполнения, за исключением самой нижней, сформировались путем постепенной засыпки ямы бытовыми отходами и перемешанным грунтом с окружающей территории. Придонная прослойка темно-серой и углистой супеси, очевидно, возникла сразу

после либо в процессе гибели постройки. В дальнейшем накопление культурных слоев происходило с разной степенью интенсивности. Состав индивидуальных находок в общем соответствует вещевому материалу, происходящему с остальной исследованной территории селища. Судя по керамическому материалу, основное заполнение комплекса формировалось в XVII в. Причем присутствие некоторых образцов керамики, характерных для середины – второй половины XVII в., как в 1-м, так и во 2-м горизонте свидетельствует в пользу достаточно узкой датировки всего комплекса. С этим хорошо согласуется состав нумизматических находок. Из девяти монет шесть представлены серебряными копейками и полушкой Михаила Федоровича (пять происходят из горизонта 1 и еще одна обнаружена в отвале). Следует отметить, что на самой поверхности заполнения комплекса была обнаружена проволочная копейка Петра Алексеевича. Но она попала сюда уже после того, как яма полностью заполнилась. Таким образом, существование постройки допустимо отнести ко второй половине XVI в., а ее гибель – к периоду Смуты. Такую периодизацию косвенным образом подтверждает и датировка шлемов из клада со дна ямы. Вероятно, в первой половине XVII в. интенсивность накопления культурных остатков была невелика, что связано с низкой хозяйственной активностью в послесмутное время. Однако затем темпы существенно возрастают и в течение короткого временного промежутка яма полностью заполняется.

Итак, характерные форма, габариты и структура заполнения описанных комплексов позволяют видеть в них котлованы подполий жилых построек (яма 44 могла быть заглубленной частью постройки специализированного хозяйственного назначения). Содержащиеся в ямах керамический материал и индивидуальные находки позволяют отнести существование этих построек примерно к одному времени – последней трети XVI – началу XVII в. Заполнение обеих ям формировалось на протяжении XVII в.

Состав находок, включающий предметы вооружения в обоих комплексах, указывает на социальную принадлежность находившегося здесь дворовладения. На основании упомянутых находок можно уверенно говорить о присутствии на поселении «воинских людей». Данный вывод подтверждается также наличием предметов снаряжения коня и всадника, обнаруженных на прилегающей исследованной территории: удила, шпора, подковы средневековой формы, подпружные пряжки. О бытовании (применении) стрелкового оружия свидетельствуют пули XVI–XVII вв. Особенно показательно в данном контексте открытие на дне ямы 45 вещевого кладового комплекса, содержавшего предметы вооружения и снаряжения. В свою очередь, выдающиеся размеры ямы 45 косвенным образом свидетельствуют о величине и нерядовом характере всей постройки, включая несохранившуюся наземную часть. Приведенные аргументы послужили основанием для интерпретации обоих объектов как составляющих единого комплекса двора вотчинника. Их общая планировка представляется достаточно очевидной (о конструктивной связи в отсутствие иных объектов говорить затруднительно). По всей видимости, двор с находившимся на нем хоромным строением не пережил лихолетья «московского разорения». В дальнейшем его территория уже не застраивалась и служила для утилизации бытовых отходов.

Таким образом, раскопки затронули чрезвычайно интересную часть памятника, содержащую важную информацию для исследователей культуры и быта русского поместного дворянства XVI – начала XVII в. Вся совокупность полученных данных позволяет говорить о выявлении яркого материального свидетельства, относящегося к периоду Смутного времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А. В., 2017. Церковные древности Звенигородской земли. Звенигород: Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей. 224 с.
- Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX вв. М.: ИА РАН, 2009. 521 с. (Материалы охранных исследований; т. 12.)
- Бохан Ю. Н., 2008. Шеломы «русского» типа из Мстиславля // Военная археология: сб. материалов семинара при Государственном историческом музее. Вып. 1. М.: Квадрига. С. 124–128.
- Векслер А. Г., Двуреченский О. В., 2000. Комплекс вещей из сооружения первой половины XVII века на Китайгородском подворье Троице-Сергиева монастыря // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Ч. 3. М. С. 166–181. (Труды Музея истории и реконструкции Москвы; вып. 10.)
- Гордеев Н. В., 1954. Русский оборонительный доспех // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М.: Искусство. С. 63–114.
- Двуреченский О. В., 2005. Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV – начала XVIII в. // АП. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 264–295.
- Двуреченский О. В., 2015. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». 497 с.
- Кирпичников А. Н., 1976. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука. 104 с.
- Лаврентьев А. В., 2014. Принадлежал ли Ивану Грозному «шлем Ивана Грозного»? // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 2. С. 92–111.

Сведения об авторах

Алексеев Алексей Викторович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: alekseev.l@mail.ru;

Смирнов Алексей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: fotoellada@rambler.ru;

Двуреченский Олег Викторович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: nigoraoleg@mail.ru

A. V. Alekseev, A. N. Smirnov, O. V. Dvurechenskiy

THE WEALTHY LANDOWNER'S COUNTRY ESTATE COMPLEX
FROM THE EXCAVATIONS OF IGNAT'EVO 2 IN ZVENIGOROD
NEAR MOSCOW

Abstract. The paper explores weaponry items originating from the area of a late medieval unfortified settlement known as Ignat'ev 2. The nature and the composition of the finds suggest that this is a weapon cache that was probably an arsenal of landed gentry of the 16th century. The Ignat'ev 2 settlement is associated with a large historical village of Ignat'evskoe owned by the Elizarov-Gusevs, which was a noble old Moscow boyar family.

Keywords: Muscovite State, helmets, arsenal, military estate, 16th century.

REFERENCES

- Alekseev A. V., 2017. Tserkovnye drevnosti Zvenigorodskoy zemli [Church antiquities of Zvenigorod land]. Zvenigorod: Zvenigorodskiy istoriko-arkhitekturnyy i khudozhestvennyy muzey. 224 p.
- Arkheologiya Romanova dvora: predystoriya i istoriya tsentra Moskvy v XII–XIX vv. [Archaeology of the Romanovs' court: prehistory and history of centre of Moscow in XII–XIX cc.]. Moscow: IARAN, 2009. 521 p. (Materialy okhrannykh issledovaniy, 12.)
- Bokhan Yu. N., 2000. Shelomy «russkogo» tipa iz Mstislavlya [Helmets of «Russian» type from Mstislavl']. *Voennaya arkheologiya: sbornik materialov seminara pri Gosudarstvennom istoricheskom muzee [Martial archaeology: collected materials of seminar at State Historic museum]*, 1. Moscow: Kvadriga, pp. 124–128.
- Dvurechenskiy O. V., 2005. Boeprilas dlya ruchnogo ognestrel'nogo oruzhiya Moskovskoy Rusi kontsa XV – nachala XVIII vv. [Ammunition for hand firearms of Muscovite Russia of late XV – early XVIII cc.]. *AP*, 2. Moscow: IARAN, pp. 264–295.
- Dvurechenskiy O. V., 2015. Kholodnoe oruzhie Moskovskogo gosudarstva XV–XVII veka [Cold steel of Muscovite state of XV–XVII century]. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole». 497 p.
- Gordeev N. V., 1954. Russkiy oboronitel'nyy dospek [Russian protective armour]. *Gosudarstvennaya Oruzheynaya palata Moskovskogo kremlya [State Armory of Moscow Kremlin]*. Moscow: Iskusstvo, pp. 63–114.
- Kirpichnikov A. N., 1976. Voennoe delo na Rusi v XIII–XV vv. [Warfare of Rus' in XIII–XV cc.]. Leningrad: Nauka. 104 p.
- Lavrent'ev A. V., 2014. Prinadlezhal li Ivanu Groznomu «shlem Ivana Groznogo»? [Did «helmet of Ivan the Terrible» belong to Ivan the Terrible?]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2, pp. 92–111.
- Veksler A. G., Dvurechenskiy O. V., 2000. Kompleks veshchey iz sooruzheniya pervoy poloviny XVII veka na Kitaygorodskom podvor'e Troitse-Sergieva monastyrja [Complex of items from construction of first half of XVII century in Kitaygorodskiy court of the Troitse-Sergiev monastery]. *Arkheologicheskie pamyatniki Moskvy i Podmoskov'ya [Archaeological sites of Moscow and the Moscow region]*, 3. Moscow, pp. 166–181. (Trudy Muzeya istorii i rekonstruktsii Moskvy, 10.)

About the authors

Alekseev Aleksey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: alekseev.l@mail.ru;

Smirnov Aleksey N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: fotoellada@rambler.ru;

Dvurechenskiy Oleg V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: nigoraoleg@mail.ru

Н. В. Жилина

ВВЕДЕНИЕ

На ежегодной встрече Европейской ассоциации археологов 31 августа – 4 сентября 2016 г. в Вильнюсе была организована и проведена научная секция TH1-12: «Костюмный комплекс (одежда и ее убор): развитие, взаимосвязи, формы и технологии во времени и пространстве» (Costume complex (clothes and its attire): development, relationships, forms and technologies in time and expanse).

Включенные в название крылатые слова действительно означают, что в докладах отразился материал по костюму от каменного века до XVIII–XIX вв. Довольно хорошо была представлена эпоха Средневековья. Такой выбор имеет свои плюсы, поскольку нацеливает на обсуждение общих проблем, рассматриваемых при этом на конкретном археологическом и историческом материале. Публикуемый блок статей отражает основные аспекты рассмотрения истории костюма, обсужденные в работе секции.

Обязанности председателя секции выполняла д. и. н. Н. В. Жилина (ИА РАН, Россия, Москва). Сопредседателями стали к. и. н. Ю. В. Степанова (Тверской гос. университет, Россия, Тверь) и д. и. н. Д. Степанавичене («Вита Антиква»¹, Литва, Вильнюс).

При обсуждении программы работы большую помощь оказали коллеги и специалисты в области изучения костюма и его научной реконструкции: О. В. Орфинская, С. А. Яценко, А. Г. Шпилев. Конкретную помощь оказала член организационного комитета конференции А. Жилинскяйте (Литва). Пользуюсь случаем высказать им большую благодарность.

Секция собрала более 40 ученых: 34 из зарубежных стран (Беларусь, Германия, Казахстан, Литва, Латвия, Нидерланды, Польша, Румыния, Словакия, Финляндия, Хорватия, Швеция, Эстония), 7 – из России (Москва, Санкт-Петербург, Тверь). В числе российских ученых оказалось 5 специалистов из ИА РАН (Москва). Всего было представлено 28 докладов (19 устных и 9 постерных²). Тезисы

¹ Организация по археологическо-исторической реконструкции костюма, возглавляемая археологом Д. Степанавичене.

² Один доклад не состоялся из-за болезни автора, один докладчик не приехал.

докладов опубликованы (22nd Annual Meeting of the EAA. 31st August – 4th September 2016. Vilnius.: Saulius Jokuzys Publishing Printing House. 2016. P. 84–95). В данном выпуске Кратких сообщений публикуется ряд статей, написанных по итогам работы секции.

Более обстоятельно на секции удалось рассмотреть три аспекта изучения костюма, им соответствовали тематические блоки заседания, их отражают публикуемые статьи.

1. Теория и основные проблемы развития костюма и его функций (9 докладов). Прозвучали такие темы: соотношение костюма и убора (Н. Жилина, Россия); декоративная и конструктивная роль деталей костюма и украшений (Д. Степонавичене, Литва); прижизненный и погребальный костюм (Б.-И. Сиюпека, А. Магуреану, Румыния); формирование представительной и парадной одежды (А. Барвенова, Беларусь); детский костюм как «костюм маленьких взрослых» (Д. Група, Польша).

2. Закономерности развития и значение компонентов костюмного комплекса. Здесь можно выделить многоплановый анализ: амулетов Тувы I тыс. до н. э. (В. Усова, Россия); ритуального значения андроновского головного убора (Э. Усманова, Казахстан); фибул и перстней от первых веков н. э. до Средневековья (Ю. Белай, Хорватия; М. Даньова и В. Крупа, Словакия); древнерусских нашивных украшений (Ю. Степанова, Россия); московской одежды XVII в. (И. Ёлкина, Россия).

3. Изучение идентичности костюмных комплексов. С этой точки зрения были рассмотрены: одежда позднего бронзового и раннего железного века Балтийского региона (К. Слюсарска, Польша); финно-угорские головные уборы III–IV вв. из Суздальского Ополя (И. Зайцева, Россия); костюмные комплексы Днепровского региона раннего Средневековья (В. Родинкова, Россия); средневековый североевропейский костюм (С. Янсон, Латвия); орнаментация ткани костюма как проявление иранских культурных влияний (Д. Коссовска, Польша).

На заседании секции состоялась дискуссия, затронувшая такие проблемы: варианты расположения амулетов в костюме; орнаментация ткани и ее связь с историей костюма; идентичность костюмных комплексов.

Важным итогом работы секции является формирование такого отношения к костюмному комплексу, при котором он рассматривается как закономерное явление, связанное с окружающей средой и историей.

М. Даньова, В. Крупа

АНАЛИЗ ПЕРСТНЯ ИЗ СОБРАНИЯ БАЛЬНЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В КОНТЕКСТЕ УКРАШЕНИЙ ИЗ ГЕРМАНСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ СЛОВАКИИ

Резюме. В статье публикуется приобретенный Бальнеологическим музеем перстень из квадского княжеского погребения I в Кракованах-Стражах (Словакия). Перстень рассматривается в контексте княжеских погр. I и II, обнаруженных в 1933 и 1939 гг. В записях исследователей зафиксировано больше предметов, чем удалось собрать. В течение 80 лет недостающий материал постепенно восполнялся. Приобретенные фибулы документируют высокий уровень обработки золотых изделий. Из украшений удалось документировать только перстень из погр. I (приобретен в декабре 2015 г.). Он был подвергнут металлографическим и геммологическим исследованиям. Удалось установить состав металла, материал изготовления центрального камня (альмандин-пироп) и четырех размещенных вокруг него малых вставок (стекло фасетной огранки). Форма изделия аналогична римским перстням Гиро 2d. Авторами проведен анализ отдельных технологических операций: способ декорирования (гравированные и тисненные мотивы, прикрепление кастров с декоративными камнями), несовершенства изготовления, износ поверхности. При сопоставлении декора с деталями поясной гарнитуры из погребения были обнаружены идентичные технологии и сходные мотивы. Результаты анализов позволяют утверждать, что украшение было изготовлено в германской среде под влиянием римской моды. Его можно датировать первой половиной III в. н. э. Авторы считают его одним из первых германских перстней, документированных на территории квадов. Перстень вместе с двумя фибулами в форме бабочки и копией фибулы был похищен из Бальнеологического музея 26 ноября 2016 г.

Ключевые слова: германское украшение, золотой перстень, княжеские погребения, Кракованы-Страже, квады, фибулы в форме бабочки, похищение.

1. История и обстоятельства обнаружения княжеских погребений¹

Погребения в Кракованах-Стражах (Krakovany-Stráže, Словакия) на основании найденной в них керамики и фибул датируются началом второй половины III в. н. э.² Некоторые исследователи предполагают, что в тот период к северу от Римской империи существовало самостоятельное государственное образование, дружественное Риму. Оба значительных захоронения были обнаружены во время земляных работ в 1933 и 1939 гг. и идентифицированы как могилы германских аристократов, отнесенных некоторыми исследователями к племени квадов (*Kolník*, 1999; 2009; 2010; *Kolník, Varsík*, 2012; *Varsík*, 2008). Специфические особенности, отличные от погребений германцев Северной и Западной Европы (*Kolník*, 2009. S. 55; *Olędzki*, 2015. S. 102–103), позволяют отнести данные захоронения к т. н. восточной группе захоронений германских аристократов, называемых в немецкой традиции *Prunkgrab* (*Quast*, 2009. С. 3–6).

Первое погребение обнаружили 14 июня 1933 г. в процессе регулярной добычи глины для кирпичного производства. Археолог И. Неуступны кратко описал обстоятельства находки (*Neustupný*, б. г. С. 4). Огромные размеры могилы (глубина 3,6 м, длина 3,5 м) свидетельствовали о том, что погребенные (?) занимали высокое положение в обществе³. Часть украшений и предметов из драгоценных металлов из этого погребения «затерялась» среди рабочих сразу же после обнаружения, еще до прихода археологов. Несмотря на это, из поврежденной могилы удалось извлечь разнородный материал, а в течение последующих десятилетий в результате невероятных усилий энтузиастов и научных сотрудников коллекции словацких музеев (Словацкий национальный музей в Братиславе, Бальнеологический музей в Пьештянах (*Piešťany*), Верхненитрянский музей в Прьевидзе (*Prievidza*)) пополнялись все новыми и новыми недостающими предметами.

Любопытная информация содержится в неопубликованных источниках, например в корреспонденции археологов В. Влка и И. Неуступного (хранится в архиве Национального музея в Праге в фонде И. Неуступного⁴). В письме от 21 июля 1933 г. В. Влк пишет И. Неуступному, что в погребении находилось «ожерелье», которое рабочий кирпичного завода спрятал и ждет момента, когда можно будет его продать. На этого человека археолог в конце концов заявил в полицию, и в ходе расследования в 1934 г. очевидцы подтвердили, что золотое

¹ Разработано на базе проектов VEGA 2/0146/18 (0,5) и VEGA 1/0358/18 (0,5).

² Долгое время погребения датировались второй половиной III – первой половиной IV в. н. э. (*Ondrouch*, 1957. С. 171), но Э. Крекович уточнил датировку второй половиной III в. н. э. (*Krekovič*, 1987. С. 268).

³ Череп из могилы был идентифицирован как женский (*adultus I* – возраст 20–30 лет). Дополнительный анализ костей, который упоминает Д. Кваст (*D. Quast*), указывает тем не менее на возможное присутствие еще одного молодого индивида (15–20 лет) без явных половых признаков.

⁴ *Archív Národného musea v Prahe, fond Jiří Neustupný*. Более точного указания (номер и т. п.) дать невозможно, поскольку именно в таком виде документы зарегистрированы в архиве. – *Прим. авторов*.

1

2

4

3

5

6

«ожерелье» существовало (корреспонденция В. Влк – И. Неуступны, 29 апреля 1934 г.). Рисунок этого украшения не сохранилось, однако по аналогии с погребениями в Цейкове и Острованах (Sejkov, Ostrovany, оба в Словакии), Закжув I и III (Zakrzów, Польша) и могилой княжны в Леуне (Leune, Германия) можно сказать, что, с большой вероятностью, это именно ожерелье. Австрийский археолог Э. Бенингер, поддерживавший контакты с В. Влком, пишет в своей статье (через четыре года после находки первого захоронения): «В княжеской могиле из Стражей было обнаружено золотое ожерелье с золотым перстнем, но они, к сожалению, были украдены» (Beninger, 1937. S. 118). Это единственное сообщение того времени, в котором упомянут и золотой перстень из погребения I.

Последним из обнаруженных к настоящему моменту является именно этот вышеупомянутый золотой перстень (рис. 1, 4, анализ см. ниже). В феврале 2013 г. его владельцы (потомки нашедшего перстень Р. Брандыска) связались с В. Крупой из Бальнеологического музея. Перстень был направлен на экспертизу. В результате тщательного анализа письменных источников и генеалогии продавца, осмотра артефакта, содействия специалистов по римскому искусству, поиска источников финансирования и трех лет переговоров в декабре 2015 г. перстень стал частью коллекции Бальнеологического музея (инв. № А-2816) (Krupa, Daňová, 2016).

К погребению I позднее удалось отнести следующие останки и инвентарь: человеческий череп (остальные кости считаются утерянными), бронзовые сосуды – котелок, миску, сковородку, сито; бронзовые ножницы, железный ножик; бронзовую пряжку от ремня; костяной гребень; 5 стеклянных мисок и 2 двуручных стеклянных сосуда; обломки серебряных шпор; 1 золотую фибулу с клиновидной ножкой, 5 серебряных фибул (3 с клиновидной ножкой, 2 с окончанием ножки в форме пуговицы); серебряное миниатюрное ситечко; миниатюрные ножницы; ложечку (*lingula*) и золотой перстень⁵.

Аналогичная ситуация произошла в феврале 1939 г. при обнаружении погребения II. Исходную площадь захоронения реконструировать не представлялось

⁵ Из сохранившихся предметов три находятся в настоящее время в Верхненитрянском музее в Прьевидзе (Hornonitrianske múzeum v Prievidzi, Словакия) – миниатюрное серебряное ситечко, миниатюрные ножницы и ложечка (*lingula*), один украден и пока не найден (перстень, рис. 1), а остальные находятся в Бальнеологическом музее в Пьештянах (Balneologické múzeum v Piešťanoch, Словакия).

Рис. 1. Кракованы-Страже. Предметы из погребений I (2, 4–6) и II (1, 3)

1 – фибулы из погребения II; похищены в 2016 г. (Бальнеологический музей, инв. № А-796, А-797); 2 – золотая фибула с клиновидной ножкой, украшенная филигранью, из погребения I (Бальнеологический музей, инв. № А-285); 3 – часть поясной гарнитуры, торевтика и тиснение, из погребения II (Бальнеологический музей, инв. № А-813-817); 4 – перстень из погребения I, приобретен музеем, похищен в 2016 г. (инв. № А-2816); 5 – детали декора накладок перстня с выгравированными линиями и точками; 6 – каст со вставленным стеклом перекрывает тиснение

возможным; Э. Оплушил упоминает только длину могилы – 1 м (?) (*Opluštil*, б. г.). В могиле был погребен один человек с множеством даров⁶. В течение последующих десятилетий археологам удалось по крупицам собрать часть инвентаря погребений. В настоящее время в коллекции Бальнеологического и Верхненитрянского музеев удалось заполучить: бронзовую треногу и сосуды (ойнохоя (*oinochoe*), фрагмент патеры, галло-римский чайник, ситечко в форме полушария, тонкостенную посуду с тремя навесными кольцами, серебряную посуду или ее фрагменты (чашу с тремя навесными кольцами, рукоятку скифоса, ручку чаши, ситечко цилиндрической формы, миску), покрытый сусальным золотом ножик, шило (?), 2 ложечки (*ligula*)), остатки 3 деревянных ведер с бронзовыми оковками, тарелку на поддоне (*terra sigillata*), 1 костяной гребень, набор игровых камней (*calculi*) из настольной игры *latrunculorum*, фрагменты бронзовой гарнитуры конской упряжи, 3 бронзовых и 1 серебряная стрела⁷. Дополнительно были получены сосуды (скифос, поднос и 2 миски) и одна фибула в форме бабочки – тип Кракованы (*Točik*, 1990). Одна ручка подноса после 1990 г. была нелегально вывезена из Чехословакии, а 17 декабря 1996 г. продана на аукционе «Сотбис» (лот 112, рис. 31, 32)⁸. В погребении II до настоящего момента не обнаружено никаких золотых изделий, хотя спасенные серебряные предметы весили почти 11,5 кг (более всего из т. н. восточной группы богатых погребений германских племен III в. н. э.), т. е. это была могила влиятельного и богатого человека (*Quast*, 2009. S. 5–6. Рис. 12).

Из украшений одежды сохранились 12 серебряных фибул (позолоченных или со следами позолоты); 4 серебряные шпоры; 6 чеканных серебряных и позолоченных элементов поясной гарнитуры, 1 серебряное и 1 бронзовое кованое украшение (*Ondrouch*, 1957. S. 115–116)⁹. Из этой могилы не сохранилось ни одного кольца, браслета или ожерелья, нет и упоминаний о них.

Весьма вероятно, что в богатых могилах из Кракован-Стражей было гораздо больше предметов (например, заколки, украшения и сосуды из драгоценных металлов), которые либо были уничтожены нашедшими – переплавлены, либо до сих пор находятся в частных коллекциях. Поэтому исследования в настоящий момент ограничены только артефактами и информацией, которую удалось получить.

⁶ Кости из погребения были определены как мужские (*adultus* I – возраст 20–30 лет) (*Krupa, Klčo*, 2015), анализ произведен без указания имени того, кто анализировал череп. Однако Д. Кваст – единственный, кто указывает на неопубликованный (?) анализ швейцарской исследовательницы Т. Ульдин (Т. Uldin, Osteo-Archäologie Service, Asch, Швейцария), которая определила рассматриваемые кости (без уточнения) как «молодую особь (15–20 лет), у которой затруднительно установить пол» (*Quast*, 2009. С. 12).

⁷ Ручка чаши находится в фондах Верхненитрянского музея в Прьевидзе, остальные предметы – в фондах Бальнеологического музея в Пьештянах.

⁸ Подробнее об истории находки см.: *Krupa, Klčo*, 2015. С. 17–40.

⁹ Местонахождение двух фибул в форме бабочек после кражи в 2016 г. неизвестно, остальные предметы хранятся в фонде Бальнеологического музея в Пьештянах.

2. Сохранившиеся украшения из германских захоронений

Умение германцев обрабатывать драгоценные металлы в III в. можно оценить как весьма продвинутое. Это заметно прежде всего по выделке фибул, особенно серебряных застежек в форме бабочки с обильным золотым зернением и позолотой из погребения II, оформление которых напоминает крылья бабочки (рис. 1, 1), и золотой фибулы с клиновидной ножкой, украшенной филигранью и зернением, из погребения I (рис. 1, 2). Простая торевтика и декоративное тиснение были использованы также при изготовлении серебряной поясной гарнитуры – украшений пояса из погребения II (рис. 1, 3). Примененные технологии свидетельствуют о высокоразвитой обработке металлов у германцев, однако наличие предметов, которые можно считать исключительно украшениями, документировано минимально. Документы свидетельствуют о наличии ожерелья и перстня (приобретены Бальнеологическим музеем в 2016 г.), однако нет браслетов. Тем не менее сравнение, произведенное Д. Квастом (*Quast*, 2009. S. 46. Рис. 68), показывает, что наличие в Кракованах браслетов и ожерелий не исключено (на основании сравнения с богатыми могилами из Закжува (Zakrzów) I и III, Острован (Ostrovany) I и II, Цейкова (Sejkov), Гоммерна (Gommern) и Хасслебена (Haßleben). Все упомянутые украшения являются ключевыми для более детальной интерпретации германских захоронений, поскольку они тесно связаны с положением в обществе и идентичностью своих носителей. Исследования Д. Кваста демонстрируют наличие золотых ожерелий во всех вышеперечисленных захоронениях, а вот золотых браслетов не было (или нам ничего об этом не известно) в могилах из Стражей I, Гоммерна и Хасслебена. Следует подчеркнуть, что серьги в тот период не были в ходу у германцев и они не документированы.

Единственный из документированных предметов, который можно считать исключительно украшением, – это перстень из погребения I, приобретенный в 2016 г. (рис. 1, 4). Наличие золотых перстней не отмечено Д. Квастом только в Страже I и Цейкове (*Ibid.*). Однако необходимо отметить, что погребение из Цейкова содержит импортный серебряный римский перстень с инталией по ониксу и изображением зайца. Погребение и перстень датируются позднеримским периодом (*Kolník*, 1984. С. 232. Рис. 120).

Среди археологических находок I и II вв. н. э. на территории современной Словакии о перстнях практически ничего не известно. Этот вид украшений не носили либо он был не очень популярен, и более широкое его применение фиксируется только с III в. н. э. В случае нескольких находок перстней древнеримского периода мы имеем дело с украшениями, которые попали сюда прямо из римской среды и не принадлежали к ювелирным изделиям, изготовленным или завершенным в германской среде на территории современной Словакии: Чачов (Čáčov), Цифер-Пац (Čífer-Pác), Оборин (Oborín), Острованы и др.

Наличие римских перстней может свидетельствовать об интересе германцев к этому виду украшений и одновременно об активных контактах с Римской империей, где перстень изначально символизировал определенные привилегии, обязательства и положение в обществе.

Способ ношения и пол носителя перстня в германской среде известны нам лишь в очень редких случаях (*Hrnčiarik*, 2013. S. 155), а последние опубликованные

находки подтверждают наше предположение (*Varsik, Kolnik, 2016*). Именно экземпляр из Кракован-Стражей дал ценную информацию о процессе производства нового вида украшений в одной из германских мастерских.

2.1. Золотой перстень из погребения I (рис. 1, 4, похищен 24.11.2016)

Перстень из Кракован-Стражей уникален и не имеет известных аналогов. Шинка перстня постепенно расширяется по направлению к верхней части, ее внутренний диаметр $1,65 \times 2,0$ см, общая масса 17,4 г. Чистота металла составляет 23 карата (*Krupa et al., 2016. S. 137*). Само украшение было изготовлено из нескольких частей, а следы на поверхности свидетельствуют о способе его изготовления и последующей обработке. На отлитый корпус перстня в верхней части прикреплены пять округлых кастов со вставленными в них камнями. В центральный каст вставлен продольно просверленный темно-красный камень (альмандин-пироп¹⁰), изначально сделанный как бусина. Вторичное использование бусины может свидетельствовать о переделке украшений и более низких эстетических требованиях носителя украшения. В четырех кастах вокруг центрального камня находятся прозрачные «камни» – анализ показал, что это стекла (*Ibid. S. 136–137*). Они имеют полигональную форму с 6–8 фасетами. Стекланные элементы вставлены криво, и большую часть их поверхности перекрывает золотая бляха. Вероятнее всего, они происходят из римской среды.

Периметр кастов перстня из погребения I из Кракован-Стражей обрамляют тонкие проволоочки-ранты, образующие подобие нитки жемчуга. Этот элемент декора можно считать характерным, он встречается, в частности, на серебряных бляшках, которые были составной частью поясной гарнитуры в погребении II из Кракован-Стражей (инв. № А-815, А-814, А-817; рис. 1, 4) и на гарнитуре из другого погребения т. н. Восточного округа во Вроцлаве – Закжув (Закрау) в Польше (*Przybyła, 2005. S. 106. Рис. 1, с, d*). Бросается в глаза и сходство гравировки в форме точек или полумесяца, несмотря на то что диаметр пуансона на перстне и на декоре пояса, судя по всему, был разным.

На накладках перстня выгравированы три постепенно расширяющиеся линии, дополненные точками в промежутке между гравировкой и тисненными кружками (рис. 1, 5). Можно заключить, что форма украшения аналогична римским перстням с расширенными накладками, подобными типу Гиро 2d (*Guiraud, 1989. S. 183*). Декоративная гравировка накладок напоминает декор римских перстней III в. н. э., известных на территории провинций, включая Паннонию (*Daňová, 2009. S. 378–379, кат. № 1471, 1472, 1474*). Судя по всему, из римской среды происходит и вставленное стекло фасетной огранки. С другой стороны, мотив гравированных точек, образующих линию, или гравированных полумесяцев не присутствует в римских украшениях (из драгоценных металлов) и указывает скорее на происхождение перстня из германской среды. Это может подтверждаться и довольно неискусным размещением четырех стеклянных вставок фасетной

¹⁰ Спектрометрический анализ показал, что состав минерала находится где-то между альмандином и пиропом.

огранки, которые вставлены криво, и большая часть их поверхности из-за этого перекрыта золотой бляшкой (рис. 1, б).

Подобный золотой перстень, изготовленный по германской моде (способ применения филигрании и сама форма, нетипичная для Римской империи), на территории Словакии известен только один – из Острован I. Однако он был изготовлен как часть набора украшений, который составляли также ожерелье и браслет. В верхушку перстня вставлен камень, а декор создается филигранью и зернением (*Prohászka*, 2006. S. 54. Рис. 41, а). Кроме этого перстня, из Острован I происходит также золотое кольцо с тремя драгоценными камнями. Следующим типом колец в данном погребении являются простые золотые кольца, шинки которых имеют восьмигранное (Острованы I), девяти- и десятигранное сечение (Острованы II) (*Ibid.* Рис. 41, б–с. S. 71. Рис. 64, а, б).

На современном этапе исследований пока неясно, можно ли на примере находки перстня с камнем (Острованы I) говорить о германском изделии или о работе римского ювелира по заказу германцев.

И наоборот, специфические недостатки украшения из Кракован (криво выгравированные линии на одной из накладок, частичное перекрывание тисненых кружков кастами со стеклянными вставками, криво вставленные стекла в кастах) указывают на то, что итоговый вид перстня не был запланирован заранее и украшение возникало спонтанно. Мелкие дефекты украшения, видимо, допускались, поскольку потертая поверхность перстня свидетельствует о его длительном регулярном ношении. На основании качества обработки и вида перстня (формы и декорации) можно говорить об украшении германского происхождения. Использованный материал (прежде всего стекло фасетной огранки) является доказательством непосредственных контактов римлян и германцев. Этот тип декора происходит из римской среды, а в германскую мастерскую он попал либо в виде закупленного сырья, либо вместе с римским украшением, которое позднее было использовано как сырье для следующих изделий.

Возникновение украшения мы датируем (на основании аналогий с конкретными римскими типами, состояния поверхности, использованного материала и хронологического определения захоронения по инвентарю могилы) не позднее чем серединой III в. н. э. Характер износа поверхности свидетельствует о том, что перстень могли носить более десяти лет. Эта находка дала важную дополнительную информацию о самостоятельности германского ювелирного дела, об отношениях германцев с Римской империей и их контактах, о чем свидетельствует в первую очередь импортированное сырье и изготовление украшений по римскому образцу. Значимость этой информации важна в контексте исследований на европейском пространстве.

Заключение

Информация из более ранней документации раскопок, сравнение с другими захоронениями аристократии и анализ единственного доступного украшения позволяют нам составить частичное представление о германских украшениях середины III в. н. э. Перстень обнаруживает сходство с римским типом колец,

в нем использовано стекло, обработанное по римской моде. Однако детали обработки поверхности, пропорции перстня и технические дефекты при гравировке и припайивании кастов, а также детали декора (тиснение, точечная гравировка) однозначно свидетельствуют о его происхождении вне римского мира. Сравнение с серебряной поясной гарнитурой из погребения II показало очевидное сходство декора и использованной техники, что подтверждает происхождение перстня из германских мастерских. Декорации фибул в форме бабочек документируют прогрессивный уровень обработки золота, примененной при изготовлении нового вида украшения в германской среде. Перстень из Кракован является уникальным свидетельством, подтверждающим распространение украшений данного типа у родовитых квадов, благодаря ему мы можем датировать возникновение перстней в германской среде Юго-Западной Словакии не позднее чем первой половиной III в. н. э.

Вид остальных украшений, найденных при обнаружении захоронений, нам неизвестен. Авторы надеются, что когда-нибудь удастся найти пропавшие застежки и ожерелья из погребения I, а возможно, и II, если они сохранились. Они могли бы пополнить ключевую информацию об общественной жизни и художественном ремесле германцев III в. н. э.¹¹

Информация, которую описанные украшения представляют собой для культурного наследия, является бесценной¹².

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Beninger E.*, 1937. Die germanischer Bodenfunde in der Slowakei. Reichenberg, Leipzig: Kraus. 172 p.
- Daňová M.*, 2009. Schmuck in den Provinzen II // Von Kaisern und Bürgern: Ausstellungskatalog / Hrsg. von F. Humer. St. Pölten: Amt der NÖ Landesregierung. S. 371–403.
- Guiraud H.*, 1989. Bagues et anneaux à l'époque romaine en Gaule // Gallia. T. 46. P. 173–211.
- Hrnčiarik E.*, 2013. Römisches Kulturgut in der Slowakei: Herstellung, Funktion und Export römischer Manufakturzeugnisse aus den Provinzen in der Slowakei. Diel 1. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt. 264 S.
- Kolník T.*, 1984. Rímske a germánske umenie na Slovensku. Bratislava: Tatran. 316 S.
- Kolník T.*, 1999. Gab es einen limes Quadurorum? langwälle in der Südwest-slowakei / Hrsg. von J. Tejral, Th. Fischer, G. Precht. Germanen beiderseits des spätantiken limes. Spisy arch. ústavu Akademie Vied České republiky. 14. S. 163–177.
- Kolník T.*, 2009. Bolo v 3. storočí v okolí Piešťan kráľovstvo Kvádov? // Historická revue. 20/1. S. 52–57.
- Kolník T.*, 2010. Stráže-Krakovany a Ostrovany/Osztrópataka (Poznámky k novým súvislostiam a nálezom z hrobov germánskej elity) / Editori J. Beljak, G. Brezinová, V. Varsik. Archeológia barbarov 2009. Hospodárstvo Germánov. Archaeologia Slovaca Monographiae. Communicationes. Tomus 10. S. 615–638.
- Kolník T., Varsik V.*, 2012. Kvádská nobilita v 3. storočí // Zostavovatelia J. Šedivý, T. Štefanovičová. Dejiny Bratislavy 1. S. 243–247.
- Krekovič E.*, 1987. Zur Datierung der Fürstengräber der römischen Kaiserzeit in der Slowakei // Památky archeologické. 78/1. S. 231–282.

¹¹ В ноябре 2016 г. Бальнеологический музей был ограблен, и перстень (рис. 1, 4) вместе с двумя фибулами (рис. 1, 1) и одной копией фибулы был похищен.

¹² Перевод текста статьи на русский язык Н. Б. Кориной.

- Krupa V., Daňová M., 2016. Zlatý prsteň z bohatého kniežacieho hrobu I z Krakovian-Stráží. (Akvizičia) // Pamiatky a múzeá. Bratislava. № 3. S. 13–17.
- Krupa V., Daňová M., Illášová L., Štubňa J., Tírpák J., 2016. Prsteň z bohatého hrobu z Krakovian-Stráží. Interdisciplinárna štúdia // Zborník Slovenského Národného Múzea. 110. Archeológia. 26. S. 133–141.
- Krupa V., Klčo M., 2015. Bohaté hroby z doby rímskej z Krakovian-Stráží. Piešťany: Balneologické múzeum, Trnavský samosprávny kraj. 214 s.
- Neustupný J., bez ročenia. Piešťansko v době římského panství na Dunaji // Sdělení Museální společnosti v Piešťanech. Vydání číslo 4. Bez číslovania strán.
- Olędzki M., 2015. Marcomanni and Quadi in the System of Client “States” of the Roman Empire // Epemeris Napocensis. 25. P. 95–104.
- Ondrouch V., 1957. Bohaté hroby z doby rímskej na Slovensku. Novšie nálezy. Bratislava: Slovenská Akadémia vied, Sekcia spoločenských vied. 269 p.
- Opluštil A., bez ročenia. Stražanský hrob č. II. Nález z roku 1939 // Zprávy Piešťanskej muzeálnej spoločnosti. Vydanie číslo 11. Bez číslovania strán.
- Prohászka P., 2006. Das vandalische Königsgrab von Osztropataka (Ostrovany, SK). Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum. 134 s.
- Przybyła M., 2005. Ein Prachtgürtel aus dem Grab 1 von Wrocław-Zakrzów // Archäologisches Korrespondenzblatt. Vol. 35. № 1. S. 105–122.
- Quast D., 2009. Wanderer zwischen den Welten. Die germanischen Prunkgräber von Stráze und Zakrzów. Mainz: Römisch Germanisches Zentralmuseum. 45 S.
- Točík A., 1990. Niekoľko vážnych pripomienok k záchrane nálezov z vykradnutých «kniežacích» hrobov v Trebaticiach–Strážoch. (Hrob č. II) v r. 1939. Nепublikovaný rukopis // Balneologické múzeum Imricha Wintera (Piešťany). Archív. Krabica č. 112, heslo Krakovany-Straze.
- Varsík V., 2008. Germánske sídliská na juhozápadnom Slovensku. Stručný prehľad bádania // Editori E. Droberjar, B. Komoróczy, D. Vachútová. Barbarská sídliská. Chronologické, ekonomické a historické aspekty jejich vývoje ve světle nových archeologických výzkumů. Brno: Archeologický ústav Akademie Vied České republiky. S. 37–45.
- Varsík V., Kolník T., 2016. Prstene a náramky z Cíferu-Pácu // Zborník Slovenského Národného Múzea. 110. Archeológia. 26. S. 181–190.

Сведения об авторах

Мирослава Дањова, Трнавский университет, Горнопоточна, 23, Трнава, 91701, Словакия;
e-mail: miroslava.danova@truni.sk;

Владимир Крупа, Бальнеологический музей, г. Пештяны, ул. Бетховена, 5, 92101, Словакия,
e-mail: krupa.vladimir@zupa-tt.sk

M. Daňová, V. Krupa

ANALYSIS OF THE RING FROM THE BALNEOLOGICAL MUSEUM
IN THE CONTEXT OF JEWELRY FROM GERMAN BURIALS IN SLOVAKIA

Abstract. The paper publishes a ring from Quadi princely grave I in Krakovany-Stráze (Slovakia). The ring is reviewed in the context of princely graves I and II discovered in 1933 and 1939, respectively. The researchers' notes reported more items than were collected. Within 80 years the missing items were gradually recovered. The purchased fibulae (Figs 1 and 2) demonstrate a high level of gold working. Regarding jewelry, it was possible to document only a ring from grave 1 (bought in December 2015). It was subjected to metallographic and gemological studies which helped determine the composition of the metal, material of the centrally placed stone (almandine-pyropе) and small inserts placed

around it (faceted glass). The shape of the item is similar to that of the Roman rings of the Guiraud 2d type. The authors analyzed some technological operations such as the method of decoration (engraved and embossed scenes, decorative stone setting techniques), production defects, and surface wear. The comparison of the decoration elements with the details of the belt mounts from the grave established that the items displayed identical technologies and similar motifs. The results of the analyses suggest that the jewelry was made in the Germanic milieu and was influenced by the Roman fashion. It can be dated to the first half of the 3rd century AD. The authors believe the ring to be one of the first Germanic rings documented in the region inhabited by the Quadi. The ring was stolen from the Balneological Museum along with two butterfly brooches and a copy of the fibula on December 26, 2016.

Keywords: Germanic jewelry, gold ring, princely tombs, Krakovany-Stráže, Quadi, butterfly brooches, stealing.

About the authors

Daňová Miroslava, Trnava university, Hornopotočná, 23, Trnava, 91701, Slovakia; e-mail: miroslava.danova@truni.sk;

Krupa Vladimír, Balneological museum of Piešťany, Beethovenova, 5, 92101, Slovakia, e-mail: krupa.vladimir@zupa-tt.sk

Н. С. Мясников, А. А. Мамонова, В. В. Гришаков

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖЕНСКОГО ГОЛОВНОГО УБОРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ II в. н. э. ИЗ СЕНДИМИРКИНСКОГО МОГИЛЬНИКА В СУРСКО-СВЯЖСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

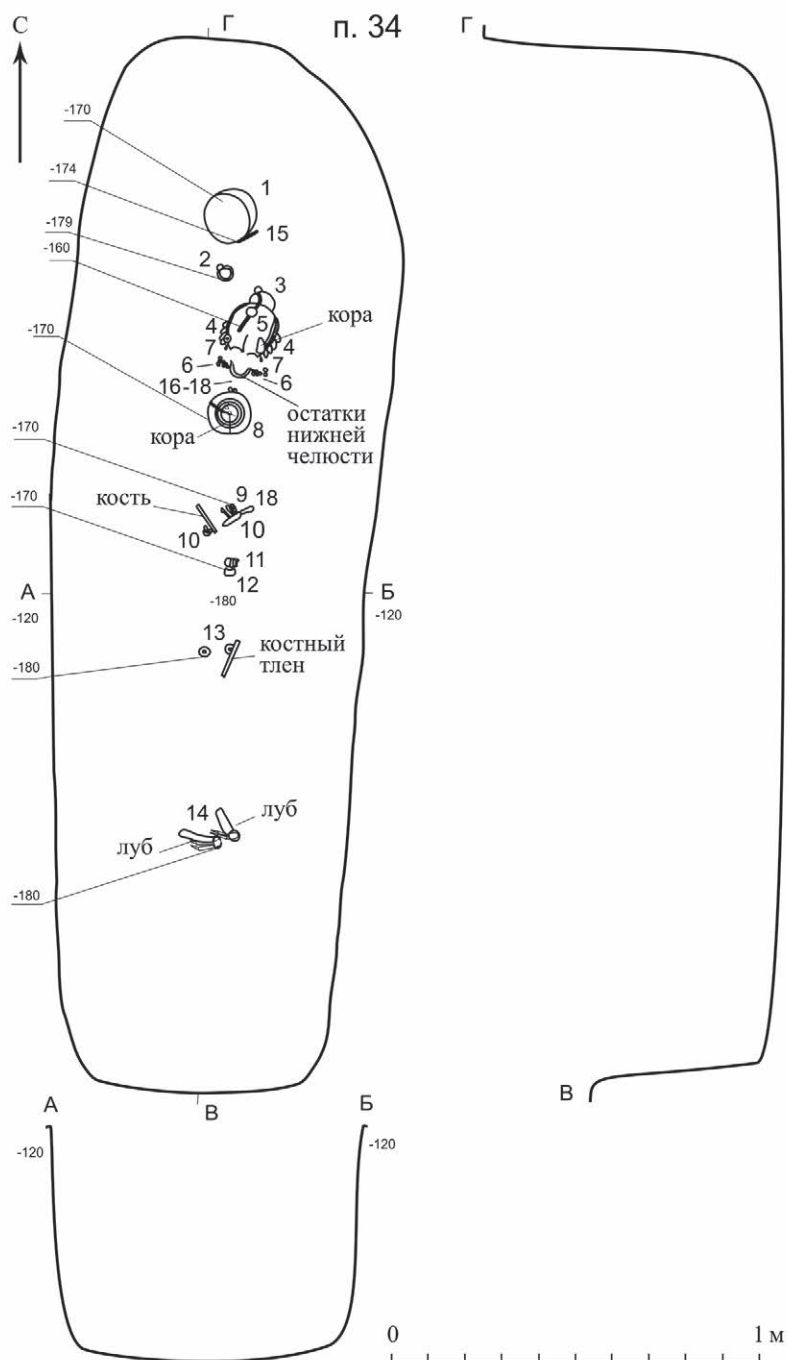
Резюме. В статье приводится реконструкция женского головного убора второй половины II в. н. э. из Сендимиркинского могильника в Сурско-Свияжском междуречье. Благодаря хорошей сохранности, аккуратной полевой фиксации и профессиональному лабораторному изучению художником-реставратором текстиля удалось провести максимально полную и достоверную реконструкцию, включая текстильную часть изделия. Найдены надежные аналогии и прослежена дальнейшая эволюция данного головного убора в древностях сурских и окских финнов вплоть до середины V в. н. э.

Ключевые слова: археологический текстиль, реконструкция, женский головной убор, позднеримское время, «древнемордовская» культура, культура рязано-окских могильников.

Сендимиркинский могильник – это новый погребальный памятник, расположенный в северной части Сурско-Свияжского междуречья в центре Чувашской Республики в 1,1 км к ЮЮЗ от д. Сендимиркино. Могильник находится на террасе р. Средний Цивиль, на длинном и узком мысу, образованном истоками р. Буртасница.

С 2012 г. памятник изучается Чувашской археологической экспедицией ЧГИГН (г. Чебоксары) (Н. С. Мясников, Е. П. Михайлов, Н. С. Березина). С 2013 г. к исследованиям присоединились археологи из МГПИ им. М. Е. Евсевьева и НИИГН (г. Саранск) (В. В. Гришаков, О. В. Седышев, С. Д. Давыдов). К 2018 г. изучено 1233 кв. м площади памятника, исследовано 75 погребений.

Сендимиркинский могильник датируется второй половиной II – первой половиной III в. н. э. Его вещевые материалы и погребальный обряд наиболее близки самым ранним погребениям т. н. древнемордовской культуры Верхнего

Посурья и Примокшанья, однако со своими особенностями. Культура населения, оставившего данный некрополь, является продолжением развития древностей писеральско-андреевского типа в Нижнем Посурье и позволяет заполнить хронологическую лакуну постандреевского времени в регионе (*Гришаков и др.*, 2014; *Мясников и др.*, 2015; *Мясников*, 2016).

В 2014 г. на могильнике было изучено погребение № 34, датирующееся по ременной garniture позднесарматского облика второй половиной II в., где среди прочего был найден череп женщины с остатками головного убора хорошей сохранности.

Целью настоящей статьи является по возможности максимально полная реконструкция данного головного убора¹ и поиск его аналогий. Залогом успеха этой работы стала аккуратная полевая фиксация материалов погребения с составлением детального плана (рис. 1) и подробной фотофиксацией каждого действия (рис. 3).

В ходе полевого исследования на черепе были зафиксированы остатки ткани, предположительно от «шапочки». На тканной основе сверху, сбоку и на затылке в три ряда располагались кожаные ремешки, обжатые бронзовыми обоймицами (рис. 2, 1), заканчивающиеся чуть выше висков плоскими круглыми бронзовыми бляшками с центральным отверстием (рис. 2, 13–14) и мелкой выпуклой бляшкой-скорлупкой сверху (рис. 2, 7–8), в петлю которой был продет ремешок. По центральной части черепной коробки на темени также проходил кожаный ремешок с пронизями и круглой плоской бляшкой (рис. 2, 12), два ремешка шли по диагонали от теменной части вниз к затылку, где также заканчивались круглыми бляшками меньшего размера (рис. 2, 5). Ниже ремешков по бокам и на затылке располагался еще один ремешок, с нанизанными на него 20 лопастными подвесками из тонкой бронзовой пластины с завернутым верхним краем для продевания ремешка, выдавленным продольным ребром и полусферической выпуклиной по центральной оси изделия (рис. 2, 2). На затылке погребенной была расчищена плоская бронзовая круглая бляха с радиальной прорезью, с тремя отлитыми концентрическими валиками вокруг центрального отверстия и иглой (рис. 2, 15), уложенная поверх ремешков. В сохранившихся волосах с правой стороны во время разбора погребения была обнаружена бронзовая височная

¹ Полная публикация вещевого комплекса погребения будет осуществлена отдельно.

Рис. 1. План погребения 34 Сандимиркинского могильника. Внешний комплекс

1 – глиняный сосуд; 2 – бронзовое кольцо, цилиндрическая пронизь и бляшка-скорлупка; 3 – бронзовая бляха с валиками; 4 – бронзовые лопастные подвески; 5 – жгуты с бронзовой обоймицей и бронзовые бляшки; 6 – бусы золоченые (70 шт.) и красная; 7 – височные бронзовые листовидные подвески; 8 – бронзовая бляха плоская с валиками; 9 – бронзовые пронизки; 10 – проволока; 11–12 – бронзовые кольца; 13 – бляшки бронзовые плоские круглые с бляшкой-скорлупкой; 14 – пряжки бронзовые с 2-составными наконечниками; 15 – железное шило; 16 – подвеска трапецевидная бронзовая зеркальная; 17 – бронзовые спирали (2 шт.), полусферическая бляшка и бляшка-скорлупка; 18 – нож железный в ножнах из красной кожи с оловянными заклепками

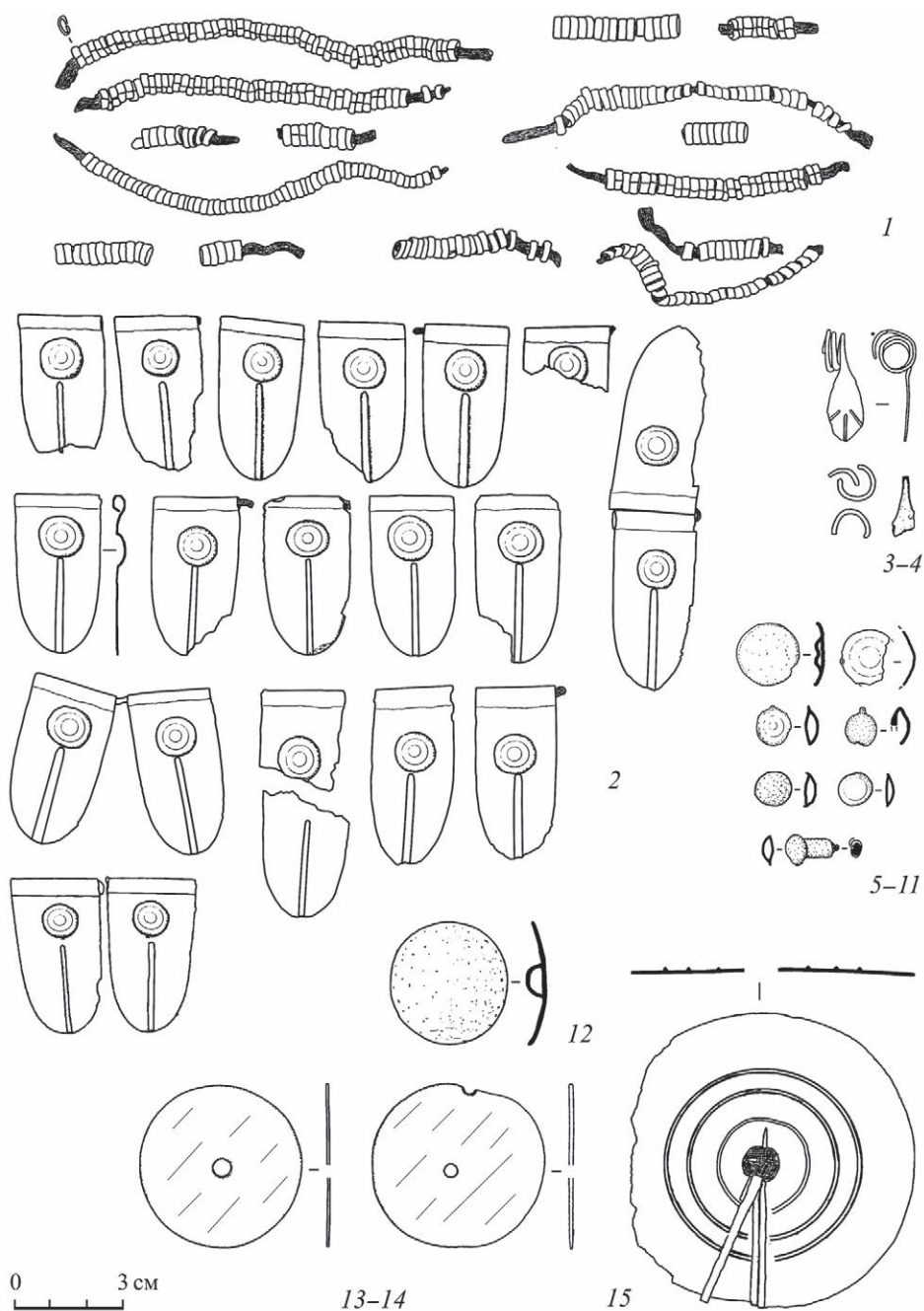

Рис. 2. Детали головного убора погребения 34. Бронза, кожа

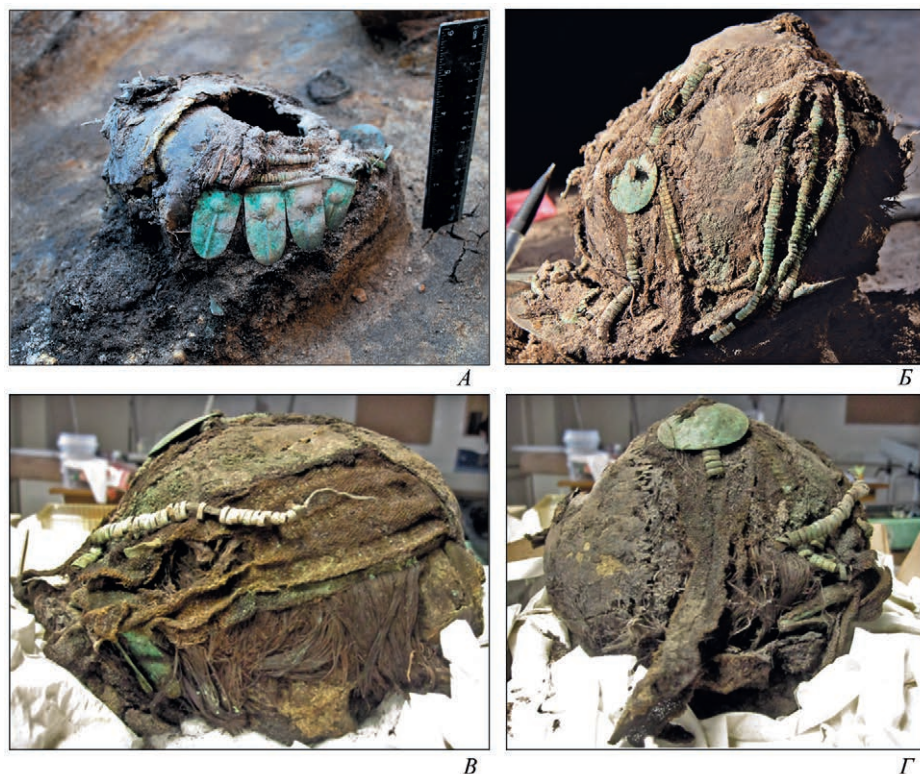

Рис. 3. Остатки головного убора на черепе

А–Б – в полевых условиях; В–Г – при разборе в лаборатории

подвеска, закрепленная в прядь волос. Подвеска представляла собой спиральную проволоку круглого сечения, закрученную в 2,5 оборота с листовидной тонкой пластиной в нижней части, на которой было выдавлено три ребра, практически сходящихся в центре («куриная лапка»). Левая подвеска сохранилась фрагментарно (рис. 2, 3–4).

После полевой фиксации череп с остатками украшений был изъят монолитом, упакован, доставлен в реставрационную лабораторию для разбора и дальнейшего исследования.

Лабораторная часть исследований осуществлялась методом микроскопии в проходящем поляризованном свете при увеличении от $\times 40$ до $\times 600$ на поляризационном микроскопе Olympus BX51. Для работы были приготовлены постоянные иммерсионные препараты в пихтовом бальзаме. Наличие крашения определялось визуально методом микроскопии, за исключением образцов, окрашенных в видимый синеватый оттенок. Из них (при наличии достаточного количества материала для изучения) готовился экстракт в диметилформамиде (ДМФА), позволяющий определить наличие индиго.

В результате разбора материала удалось выяснить следующее.

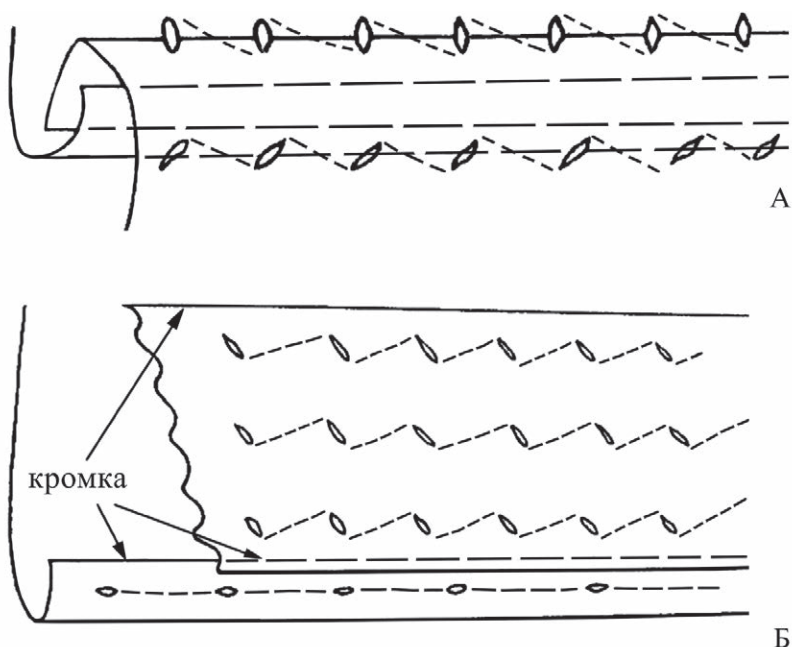

Рис. 4. Схемы швов головного убора

А – схема заднего шва; Б – схема нижнего края

На погребенной была надета «шапочка», сшитая из шерстяной ткани (ткань 1) (рис. 5, А) полотняного переплетения, окрашенной с применением индиго (то есть ткань была окрашена в светло-синий или сине-зеленый цвет). Эта ткань оборачивалась вокруг головы по долевой. Сзади проходил вертикально двойной шов (рис. 4, А), выполненный шерстяной светло-коричневой с зеленоватым оттенком нитью швом «вперед иголку» очень аккуратными мелкими стежками с шагом между ними около 3,5 мм. Стежки делались так, чтобы быть как можно менее заметными с лица.

Кромка, оказавшаяся вдоль нижнего края головного убора, была подогнута на 0,5 см на лицевую сторону и подшита швом «вперед иголку» (рис. 4, Б) шерстяной нитью теплого коричневого цвета. Стежки с лицевой стороны короткие (не более 0,3 см), а с изнанки длинные (0,5 см). Прямо над верхним рядом подгибки, на расстоянии 6,6 мм от края, нашита шерстяная саржевая лента с узором елочкой шириной 3,2 см (ткань 2) (рис. 5, Б). Лента была нашита тремя рядами маленьких диагональных стежков с шагом между ними около 1,5 см. Сшивная нить не сохранилась, от швов остались только парные проколы диаметром около 0,5 мм. Возможно, нить, обнаруженная на нижнем краю основной ткани (обр. 34.1.4), – остаток соединительной нити, которой была пришита тесьма. Поверх ленты крепились в три ряда металлические обоймицы, надетые на кожаный плоский шнурок. Обоймицы были сильно впрессованы в текстильный фрагмент, деформировав его. Они проходили по линиям стежков на ленте.

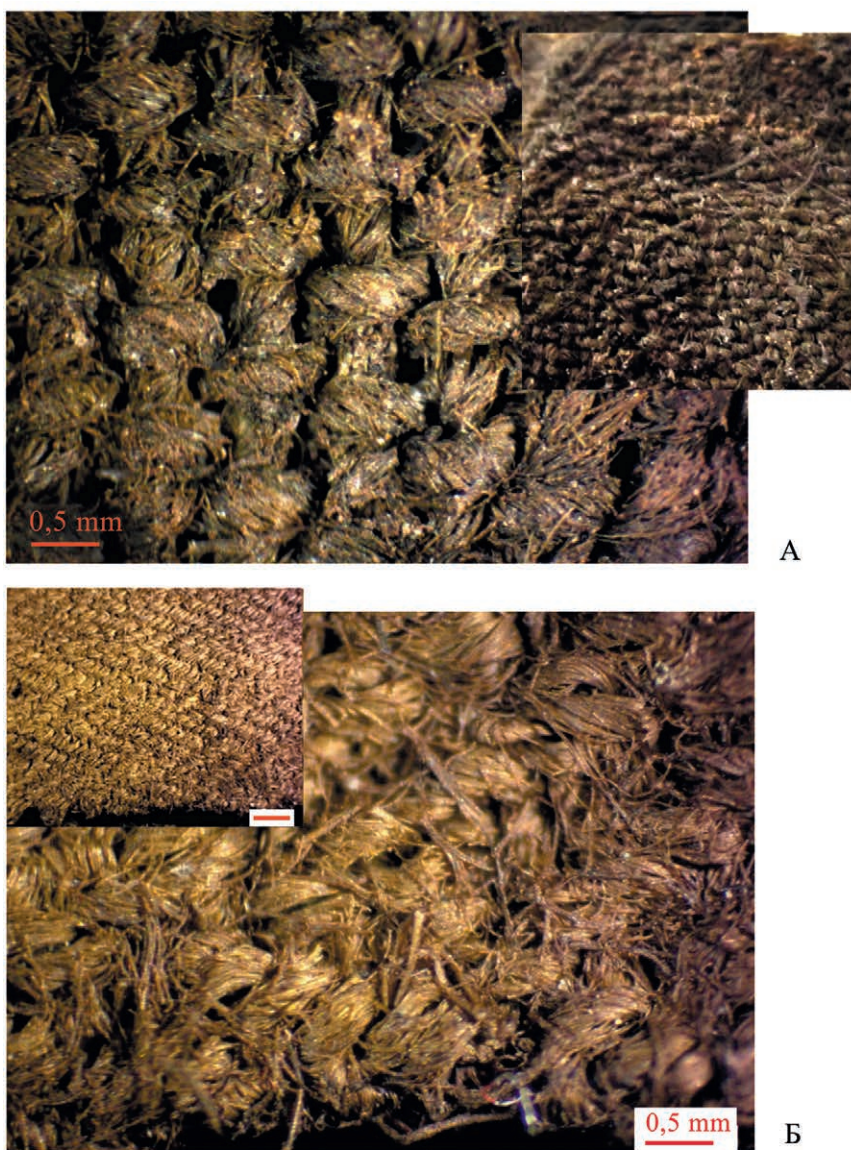

Рис. 5. Фотографии тканей 1 (А) и 2 (Б)

Рис. 6. Фотография схемы расположения швов, соответствующих местам соприкосновения тканей с металлическими частями

Возможно, окислы металла и давление послужили разрушающим фактором, вследствие которого сшивная нить оказалась утрачена. Также весьма вероятно, что шнуры с обоймицами были пришиты к головному убору. Расстояние между проколами от стежков такому предположению не противоречит. К тому же расстояние между рядами металлических украшений очень хорошо сохранилось, чему могла бы способствовать фиксация шнурков на тканевой основе. В пользу такого предположения говорит и деформация тканей (шнуры сильно впечатались в ткань, спрессовав ее) (рис. 6; 7).

На затылочном фрагменте сохранилась характерная присборенность (рис. 3, Г), которая свидетельствует о том, что лишний объем «шапочки» на затылке закладывался по форме головы и закалывался. Вероятно, в данной конструкции «лишняя» ткань закалывалась затылочной бляхой. В пользу этой версии говорит то, что на обороте бляхи были найдены ткани, идентичные сохранившимся на черепе, а часть ленты видна в центральном отверстии с лицевой стороны. То есть бляха, расположенная чуть ниже сборки, прикрывала ее. Крепилась же бляха так, что ее центр находился чуть выше уровня ленты. Присборенные складки были собраны на нитку и ею же закреплены (рис. 7).

Во многих местах под металлическими частями головного убора сохранились остатки волос. На фото (рис. 3, В; 6) хорошо видны височные пряди,

Рис. 7. Расположение слоев на нижнем крае головного убора

прямо спускающиеся из-под «шапочки». При разборе материала остатки волос были найдены налипшими на обороте конгломерата с затылочной части. Всей информации недостаточно для полного представления о прическе погребенной, однако можно предположить по характеру деформации волосяных прядей, что волосы не были как-либо уложены или заплетены. То есть головной убор, вероятно, был надет на расчесанные волосы, которые свободно спускались из-под него на плечи. Изгиб прядей на правом виске, на наш взгляд, объясняет то, что погребенная лежала на спине.

В результате подробного изучения материала, а также на основании полевых фотографий и записей была сделана реконструкция предполагаемого вида головного убора (рис. 8).

Проведенная работа позволяет пересмотреть ряд положений относительно интерпретации некоторых деталей головного убора, зафиксированных в комплексах «древнемордовской» культуры. В частности, круглая бляха с радиальной прорезью, с концентрическими валиками вокруг центрального отверстия и иглой традиционно интерпретируется как бляха-накосник (Гришаков, 2008. С. 84). Данная реконструкция показала, что она закалывает затылочный шов «шапочки» и с косой никак не связана. Не совсем верно и называть расположенные вокруг головы ремешки с бронзовыми обоймицами и лопастными подвесками «налобным венчиком» (Гришаков, 2008. С. 82), т. к. эти украшения нашивались на нижнюю кромку «шапочки» и были ее составной частью. В материалах Сендимиркинского могильника на налобной части головы бронзовых деталей вообще не зафиксировано. Неоднозначным является и вопрос интерпретации височных подвесок. В погребении 34 они были зафиксированы в волосах ниже виска, скорее в области ушей погребенной.

Рис. 8. Реконструкция предполагаемого вида головного убора

Остатки подобного головного убора были встречены еще в шести погребениях Сендимиркинского могильника (пп. 1, 2, 9, 23, 37, 62). Отсутствие пока результатов антропологического анализа не позволяет говорить о возрасте погребенных. Подобный головной убор присутствует как в «богатых» погребальных комплексах, так и в достаточно скромных. Говорить о корреляции его с другими категориями инвентаря пока тоже не приходится. Здесь необходимы дальнейшие исследования.

Ближние к Сендимиркинскому элементы головного убора и сама комбинация их (шапочка, заколотая затылочной бляхой, лопастные подвески на затылке, мелкие пронизи по кромке убора) характерны для костюма «древнемордовской» культуры и окских финнов с III по V в. н. э. и довольно резко отличаются от головного убора камских финнов пьяноборской, мазунинской и азелинской культур (Генинг, 1963. Рис. 23, 31, 32; Красноперов, 2006. Табл. 19–38) и тем более лесостепных и степных культур Восточной Европы.

Наиболее близкими территориально, хронологически и культурно являются ранние комплексы пензенских могильников сурских финнов, особенно головной убор одного из трех погребений Пензенского могильника, изученного в 1930 г. И. Н. Спрыгиной (рис. 9) (Полесских, 1959. С. 202, 209. Рис. 3, 11). Здесь использовались однотипные лопастные подвески с одним ребром и полусферой, опоясывающие затылочную часть головного убора в сочетании с ремешками, обжатыми обоймицами и крупными круглыми плоскими бляшками, расположенными в ряд по центру головы от лба к затылку (Ахмедов и др., 2010). По характерным бронзовым ремешковым наконечникам комплекс может быть отнесен к концу II – началу III в. н. э. (Ахмедов, 2010. С. 32. Рис. 6, 7–10).

Ближние подвески, также образующие ряд, зафиксированы рядом с черепом в комплекте с круглой бронзовой затылочной бляхой с радиальной прорезью

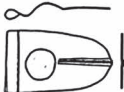
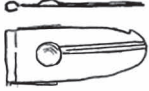
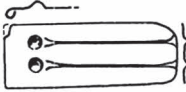
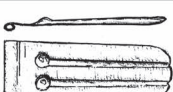

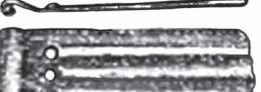
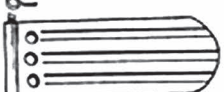
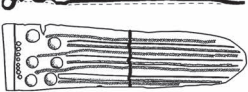
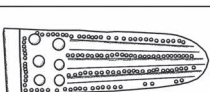

Сендмиркино п. 34		Вторая пол. II в.
Пенза (Свинуха)		Конец II - начало III в.
Шемшейка п. 13		Конец II - первая пол. III в.
Ражки п. 21		III в.
Селикса п. 106		Вторая пол. III в.
Кораблино м. 1, к. 75		IV в.
Шокша п. 703		Вторая пол. IV - V вв.
Нож-Вар клад		Конец III - начало IV в.
Борковка разруш. погребение		IV - V вв.
Никитино п. 80		Первая пол. V в.

Рис. 9. Эволюционный ряд лопастных подвесок

0 3 см

и с валиками вокруг центрального отверстия в Шемышейском могильнике (п. 13) (рис. 9) (Гришаков, 2005. С. 8. Рис. 13, 1, 7). Здесь несколько увеличивается размер подвески, орнамент состоит из парных ребер и выпуклин. Данный комплекс относится В. В. Гришаковым к первой хронологической группе пензенских могильников, датируемой в рамках конца II – первой половины III в. н. э. (Гришаков, 2008. С. 82, 93).

Такой же тип лопастных подвесок зафиксирован в Ражкинском могильнике (п. 21) (рис. 9), где они, также расположенные в ряд, обнимали затылок погребенной в сочетании с затылочной бляхой с радиальной прорезью и двумя зонами узких concentрических кругов в виде валиков и бороздок вокруг отверстия. В налобной и теменной частях убор состоял из двух рядов бронзовых обоймочек, обжимающих кожаные ремешки, разделенных нашивными полусферическими бронзовыми бляшками. Перекрещиваясь, данные ремешки были нашиты на «шапочку». Это погребение имеет хронологические признаки 1–2-й групп по В. В. Гришакову и может датироваться в широких рамках III в. н. э. (Гришаков, 2015).

Лопастные привески еще большего размера с тремя ребрами и тремя полусферами известны по материалам Селиксенского могильника (п. 106) (рис. 9) (Полесских, 1977. Рис. 6, 7). Здесь они встречены в сочетании с тремя ремешками, обжатыми бронзовыми обоймицами, чередующимися полусферическими бляшками разного размера. Здесь нет круглой затылочной бляхи (Гришаков, 2008. Рис. 9, 1, 2, 8). Погребение относится ко второй хронологической группе пензенских могильников по В. В. Гришакову и датируется второй половиной III в. н. э. (Там же. С. 93).

На городище Ножа-Вар в Чувашии в составеклада женских украшений известны две лопастные подвески с тремя ребрами и шестью попарно расположенными в два ряда полусферами, с мелкими выпуклинами вдоль ребер и по краю подвески и в одном случае с одним рядом мелких выпуклин у основания подвески и орнаментом, нанесенным колесиком вдоль ребер (Чувашский национальный музей: инв. № 8700; ГИМ: инв. № 97882) (рис. 9). На наш взгляд, клад на городище Ножа-Вар, в составе которого обнаружены данные подвески, относится к рубежу III–IV вв. (Мясников, в печати).

Дальнейшая традиция использования подобных лопастных подвесок в головном уборе «древнемордовской» культуры не прослеживается. При этом головные уборы с близкого типа в единичных случаях известны в погребениях рязано-окских могильников IV–V вв. н. э. Так, остатки подобного убора найдены в одном из самых ранних погребений Шокшинского могильника (п. 703) (рис. 9) (вторая половина IV – V в.) (Гришаков, 2016), где лопастные подвески с тремя полусферами и тремя ребрами, вероятно, располагались на затылочной части шапочки. Полная реконструкция данного убора затруднительна.

Представляет интерес жертвенный комплекс 75 мыса 1 могильника Кораблино (рис. 9) (относится к периоду 2С по И. Р. Ахмедову и датируется IV в.), где аналогичные лопастные подвески использованы в качестве украшения конской уздечки (Ахмедов, 1995. Рис. 4, 1; 2007. С. 143. Рис. 15, 38–39).

Подвески с тремя ребрами и шестью полусферами, расположенными по обе стороны от ребер, обнаружены среди материалов разрушенных погребений

Борковского могильника IV–V вв. (раскопки 1892 г.) (рис. 9) (*Спицын*, 1901. С. 42. Табл. XXI, 8).

Подобные головные уборы в древностях рязанских финнов были подробно рассмотрены в докладе И. Р. Ахмедова, И. В. Белоцерковской, А. А. Мамоновой на 3-й конференции «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов» в Туле в 2010 г. Авторы констатировали появление богато украшенных женских головных уборов на основной территории рязанских финнов во второй половине III в. и прослеживают их развитие до конца V в. В конце IV – первой половине V в. в составе этих уборов изредка встречаются и указанные лопастные подвески, прототипы которым отмечались в древностях Посурья, и предложена реконструкция убора из погребения в Пензенском могильнике².

Головной убор с лопастными подвесками с двумя рядами по три полусферы в верхней части подвески известен по погребению 80 Никитинского могильника. Данный комплекс относится И. В. Белоцерковской к первой половине V в. (рис. 9) (*Белоцерковская*, 2010. С. 79–80). В указанном выше докладе была предложена реконструкция головного убора данного погребения. «Шапочка» коричневого цвета была по кромке обшита рядами бронзовых спиралек, образующих в налобной части зигзагообразный орнамент. В области висков к шапочке были пришиты подвески на длинных шнурах, пропущенных в спирали. Лопастные подвески «обнимали» затылочную часть «шапочки», на затылке располагалась круглая уплощенная бронзовая бляха. На теменной части «шапочки» была закреплена ажурная шумящая застежка (*Ахмедов и др.*, 2010). Несмотря на изменившиеся детали и наличие некоторых иных украшений в погребении 80 Никитинского могильника, общая композиция убора сохраняется. Интересно, что в погребении 30 рязано-окского могильника Курман была зафиксирована аналогичная Сендимиркинскому могильнику тканая основа «шапочки», также состоящая из основной шапочки синего цвета с красной лентой по кромке (Там же).

Таким образом, головные уборы в виде «шапочки» с крупной круглой бляхой на затылке или темени, в сочетании с рядами ремешков, украшенных бронзовыми обоймицами/спиралями по нижней кромке «шапочки», с рядом лопастных подвесок на затылке появляются в древностях сурских финнов т. н. древнемордовской культуры во второй половине II в. и бытуют до конца III – начала IV в., во второй половине IV – первой половине V в. они известны уже в культуре рязано-окских могильников (общая схема сохраняется, однако лопастные подвески здесь встречаются уже спорадически). В Сендимиркинском могильнике, расположенном в самой северо-восточной части рассматриваемого ареала, в Сурско-Свияжском междуречье, перед нами, очевидно, один из самых ранних вариантов данного убора, наиболее многочисленный, к счастью неплохо сохранившийся и достоверно реконструированный.

² Авторы выражают благодарность И. В. Белоцерковской и И. Р. Ахмедову за возможность использования неопубликованных данных и материалов.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахмедов И. Р., 1995. Из истории конского убора и предметов снаряжения всадника рязано-окских могильников // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4. Рязань: Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области. С. 89–109.
- Ахмедов И. Р., 2007. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. М.: ИА РАН. С. 137–185. (РСМ; вып. 9.)
- Ахмедов И. Р., 2010 «Свев» из Мордовии. К изучению культурных контактов поволжских финнов в III в. н. э. // РА. № 1. С. 26–37.
- Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В., Мамонова А. А., 2010. Женский головной убор рязано-окских финнов в III–V вв.: доклад на 3-й конференции «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов».
- Белоцерковская И. В., 2010. Гривны с коробками из рязано-окских могильников // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов: Конференция 2 (Тула, ноябрь 2008 г.). Ч. 1. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 75–100.
- Генинг В. Ф., 1963. Азелинская культура III–V вв.: Очерки истории Вятского края в эпоху Великого переселения народов. Ижевск; Свердловск: Уральский гос. ун-т. 185 с. (Вопросы археологии Урала; вып. 5.)
- Гришаков В. В., 2005. Население верховьев Мокши и Суры накануне средневековья. Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т. 95 с.
- Гришаков В. В., 2008. Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып. 2. Пенза: ПИРО. С. 82–137.
- Гришаков В. В., 2015. Отчет о раскопках Ражкинского могильника в Нижнеомовском районе Пензенской области в 2012 году // Архив ИА РАН. Б/н.
- Гришаков В. В., 2016. О начальной фазе раннесредневекового Шокшинского могильника в Нижнем Примокшанье // Культурный слой: сб. науч. ст. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та. С. 48–59.
- Гришаков В. В., Давыдов С. Д., Михайлов Е. П., Мясников Н. С., Седышев О. В., 2014. Сендимиркинский могильник – новый памятник первой четверти I тыс. н. э. в северной части Сурско-Свияжского междуречья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. Казань: Отечество. С. 320–323.
- Красноперов А. А., 2006. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н. э. – V в. н. э.): дис. ... канд. ист. наук. Ижевск. 312 с.
- Мясников Н. С. Сареевское городище «Ножа-Вар»: к вопросу о культурно-хронологической интерпретации. (В печати.)
- Мясников Н. С., 2016. Археологические памятники первой половины I тысячелетия н. э. Сурско-Свияжского междуречья: дис. ... канд. ист. наук. Казань. 270 с.
- Мясников Н. С., Михайлов Е. П., Березина Н. С., 2015. Сендимиркинский грунтовый могильник – новый памятник конца раннего железного века в Чувашском Поволжье (по материалам исследований 2012 г.) // Чувашская археология. Вып. 2. Чебоксары: ЧГИГН. С. 54–78.
- Полесских М. Р., 1959. Ранние могильники мордвы в Пензенской области // СА. № 4. С. 202–211.
- Полесских М. Р., 1977. Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. Пенза: Приволжское кн. изд-во. 88 с.
- Спицын А. А., 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы. СПб.: Тип. Т-ва художественной печати. 150 с. (Материалы по археологии России; т. 25, вып. 1.)

Сведения об авторах

Мясников Николай Станиславович, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Московский пр-т, д. 29, к. 1, Чебоксары, 428015, Россия; e-mail: myasnikovn@rambler.ru;

Мамонова Анна Андреевна, Государственный исторический музей, Красная пл., 1, Москва, 109012, Россия, e-mail: mcmice@yandex.ru;

Гришаков Валерий Васильевич, Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева, ул. Студенческая, д. 11 «А», Саранск, 430007, Россия; e-mail: vvg815@yandex.ru

N. S. Myasnikov, A. A. Mamonova, V. V. Grishakov

RECONSTRUCTION OF FEMALE HEADWEAR DATED
TO THE SECOND HALF OF THE 2nd CENTURY AD
FROM THE SENDIMIRKINO CEMETERY
IN THE SURA–SVIYAGA INTERFLUVE

Abstract. The paper reconstructs female headwear from the Sendimirkinsk cemetery in the Sura–Sviyaga interfluve. Good state of preservation, accurate field recording and professional laboratory examination by a textile restorer made it possible to conduct full and reliable reconstruction of the item, including its textile components, to the maximum extent possible. Reliable analogies were identified and further evolution of this headwear design reflected in the artifacts of the Sura and Oka Finns in the period up to the mid-5th century AD was traced down.

Keywords: archaeological textile, reconstruction, female headwear, Late Roman period, ‘ancient Mordovian’ culture, Ryazan–Oka cemetery culture.

REFERENCES

- Akhmedov I. R., 1995. Iz istorii konskogo ubora i predmetov snaryazheniya vsadnika ryazano-okskikh mogil'nikov (From history of horse harness and objects of rider's equipment from Ryazan'-Oka cemeteries). *Arkheologicheskie pamyatniki Srednego Pooch'ya (Archaeological sits of Middle Oka region)*, 4. Ryazan': Nauchno-proizvodstvennyy tsentr po okhrane i ispol'zovaniyu pamyatnikov istorii i kul'tury Ryazanskoy oblasti, pp. 89–109.
- Akhmedov I. R., 2007. Kul'tura ryazano-okskikh mogil'nikov. Inventar' muzhskikh pogrebeniy (Culture of Ryazan'-Oka cemeteries. Inventory of men's burials). *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n. e. (Eastern Europe in mid I millennium AD)*. Moscow: IA RAN, pp. 137–185. (RSM, 9.)
- Akhmedov I. R., 2010. The «Svev» iz Mordovii. K izucheniyu kul'turnykh kontaktov Povolzhskikh finnov v III v. n. e. (The «Suebian» from Mordovia. Towards the research of ethnic and cultural contacts of the Volga Finns in III c. AD). *RA*, 1, pp. 26–37.
- Akhmedov I. R., Belotserkovskaya I. V., Mamonova A. A., 2010. Zhenskiy golovnoy ubor ryazano-okskikh finnov v III–V vv.: doklad na 3-y konferentsii «Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov» (Women's headdress of the Ryazan'-Oka Finns in III–V cc.: presentation at 3rd conference «Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in epoch of Roman influences and Migration period»).
- Belotserkovskaya I. V., 2010. Grivny s korobkami iz ryazano-okskikh mogil'nikov (Torques with receptacles from Ryazan'-Oka cemeteries). *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov: Konferentsiya 2 (Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in epoch of Roman influences and Migration period: Conference 2)* (2008), part 1. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 75–100.
- Gening V. F., 1963. Azelinskaya kul'tura III–V vv.: Ocherki istorii Vyatskogo kraya v epokhu velikogo pereseleniya narodov (Azelino culture of III–V cc.: Essays on history of Vyatka region in Migration period). Izhevsk; Sverdlovsk: Ural'skiy gos. universitet. 185 p. *Voprosy arkheologii Urala [Problems of archaeology of the Urals]*, 5.
- Grishakov V. V., 2005. Naselenie verkhov'ev Mokshi i Sury nakanune srednevekov'ya (Population of upper reaches of Moksha and Sura on the eve of Middle Ages). Saransk: Mordovskiy gos. pedagogicheskiy institut. 95 p.
- Grishakov V. V., 2008. Khronologiya mordovskikh drevnostey III–IV vv. Verkhnego Posur'ya i Primokshan'ya [Chronology of Mordovian antiquities of III–IV cc. of Upper Sura and Moksha regions]. *Penzenskiy arkheologicheskiy sbornik [Penza archaeological annual]*, 2. Penza: PIRO, pp. 82–137

- Grishakov V. V., 2015. Otchet o raskopkakh Razhkinskogo mogil'nika v Nizhnelomovskom rayone Penzenskoy oblasti v 2012 godu (Report on excavations of Razhkinskiy cemetery in Nizhniy Lomov district, Penza region in 2012). *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Grishakov V. V., 2016. O nachal'noy faze rannesrednevekovogo Shokshinskogo mogil'nika v Nizhnem Primokshan'e (On initial stage of early medieval Shokshinskiy cemetery in Lower Moksha region). *Kul'turnyy sloy: sbornik nauchnykh statey (Cultural layer: collection of scientific articles)*. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy universitet, pp. 48–59.
- Grishakov V. V., Davydov S. D., Mikhaylov E. P., Myasnikov N. S., Sedyshev O. V., 2014. Sendimirkinskiy mogil'nik – novyy pamyatnik pervoy chetverti I tys. n. e. v severnoy chasti Sursko-Sviyazhskogo mezhdurech'ya (Sendimirkinskiy cemetery – new site of first quarter of I mill. AD in northern part of Sura-Sviyaga interfluvium). *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Transactions of IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan')*, II. Kazan': Otechestvo, pp. 320–323.
- Krasnoperov A. A., 2006. Kostyum naseleniya chegandinskoy kul'tury v Prikam'e (II v. do n. e. – V v. n. e.): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk (Costume of population of Chegandinskaya culture in Kama region (II c. BC – V c. AD): Ph. D. Thesis). Izhevsk. 312 p.
- Myasnikov N. S. Sareevskoe gorodishche «Nozha Var»: k voprosu o kul'turno-khronologicheskoy interpretatsii (Sareevskoe hillfort «Nozha Var»: on problem of cultural chronological interpretation). (In print.)
- Myasnikov N. S., 2016. Arkheologicheskie pamyatniki pervoy poloviny I tysyacheletiya n. e. Sursko-Sviyazhskogo mezhdurech'ya: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk (Archaeological sites of first half of I millennium AD in Sura-Sviyaga interfluvium: Ph. D. Thesis). Kazan'. 270 p.
- Myasnikov N. S., Mikhaylov E. P., Berezina N. S., 2015. Sendimirkinskiy gruntovyy mogil'nik – novyy pamyatnik kontsa rannego zheleznogo veka v Chuvashskom Povolzh'e (po materialam issledovaniy 2012 g.) (Sendimirkinskiy ground cemetery – new site of the end of Early Iron Age in Chuvash Volga region (based on materials of investigations of 2012)). *Chuvashskaya arkheologiya (Chuvash archaeology)*, 2. Cheboksary: Chuvashskiy gos. institut gumanitarnykh nauk, pp. 54–78.
- Polesskikh M. R., 1959. Rannie mogil'niki mordvy v Penzenskoy oblasti (Early cemeteries of the Mordva in Penza region). *SA*, 4, pp. 202–211.
- Polesskikh M. R., 1977. Drevnee naselenie Verkhnego Posur'ya i Primokshan'ya (Ancient population of Upper Sura and Moksha regions). Penza: Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo. 88 p.
- Spitsyn A. A., 1901. Drevnosti basseynov rek Oki i Kamy (Antiquities of rivers Oka and Kama basins). St.-Petersburg: Tipografiya Tovarishestva khudozhestvennoy pechati. 150 p. (Materialy po arkheologii Rossii, izdavaemye IAK, vol. 25, iss. 1.)

About the authors

Myasnikov Nikolaj S., Chuvash State Institute for Humanities, Moskovskiy prosp., 29, bld. 1, Cheboksary, 428015, Russian Federation; e-mail: myasnikovn@rambler.ru;

Mamonova Anna A., State History Museum, Krasnaya pl., 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: mcmice@yandex.ru;

Grishakov Valeriy V., Evsev'ev Mordovia State pedagogical Institute, ul. Studencheskaya, 11A, Saransk, 430007, Russian Federation; e-mail: vvg815@yandex.ru

Описание текстильных материаловТкань 1

Шерстяная ткань полотняного переплетения 1 : 1 плотностью 20×14 н/см². Нити основы и утка первого порядка, Z-крутки с шагом от 0,5 до 1 мм, толщиной от 0,3 до 0,7 мм. Для того чтобы удостовериться в том, что похожие фрагменты тканей в районе висков и на затылочной бляхе действительно являются частями одной (фрагменты визуально сильно напоминали друг друга), были отобраны образцы для микроскопического изучения на разных фрагментах (обр. 34.1.1 и обр. 34.2.1). Анализ их метрических характеристик показал, что основная ткань «шапочки» и фрагмент на оборотной стороне бляхи действительно идентичны. Однако на бляхе ткань в худшей степени сохранности, нити сильно истончены, из-за этого не так хорошо сохранилась окраска волокон. Экстракция в ДМФА показала наличие индиго. Микроскопия выявила наличие окраски в зеленоватый цвет с вкраплениями темно-синих частиц. То есть ткань была светло-синей или сине-зеленой.

Ткань 2

Шерстяная лента шириной 3,2 см, переплетение – ломаная саржа 1 : 2 с узором «елочкой». В ширину ленты раппорт повторяется 8 раз. Нити основы второго порядка, толщиной 0,6 мм, скручены в S-направлении с шагом 1,35 мм из нитей толщиной 0,25 мм с Z-круткой с шагом 0,5 мм. Нити утка Z-крутки с шагом 0,4–0,6 мм, толщиной 0,25 мм. Плотность ткачества 32×18 н/см². Фрагменты той же ткани сохранились и на оборотной стороне бляхи.

Сшивная нить 34.1.3

На затылке и темени сохранился шов на ткани 1, выполненный шерстяной нитью S-крутки с шагом 2,5 мм толщиной 0,6 мм, скрученной из двух нитей Z-крутки с шагом 1,2 мм, толщиной 0,4–0,5 мм.

Нить 34.1.4

На ткани 1 в нижней части на правом виске возле ленты с пронизками была найдена небольшая частица нити S-крутки с шагом около 1,3 мм, толщиной 0,45 мм, скрученной из двух нитей Z-крутки с шагом около 0,9 мм, толщиной 0,3 мм. Природу волокон, из которых она была изготовлена, установить не удалось из-за крайне плохой сохранности фрагмента. Предположительно, этой нитью лента могла быть пришита к основной ткани. В других местах подобных нитей обнаружено не было.

Темная нить на ленте

На правом виске на внешней поверхности ленты был обнаружен небольшой участок, на котором находились хаотически расположенные волокна черного цвета, среди которых выделялась скрученная в S-направлении с шагом около 1,5 мм нить толщиной около 0,5 мм. Нить свита из двух, с Z-круткой с шагом примерно 0,6 мм, толщиной около 0,2 мм. Волокна и нить изготовлены из шерсти.

Экстракция в ДМФА показала наличие индиго. Микроскопия выявила наличие окраски в очень темный синий цвет, воспринимаемый визуально как черный.

Сшивная нить подгибки нижнего края

Нижний край основной ткани подогнут вдоль кромки на лицевую сторону и прошит швом «вперед иголку» шерстяной нитью Z-крутки с шагом 1,5 мм толщиной 0,5 мм, свитой из двух некрученых нитей толщиной 0,3 мм.

Неопределенный текстильный фрагмент (обр. 34.1.7)

Под затылком при разборе фрагментов находился конгломерат из земли и органических остатков. При микроскопическом обследовании его верхней части, прилежавшей к черепу, были отмечены следы ткани. Переплетение не читалось, поэтому описать ткань не представлялось возможным, однако при более подробном изучении отобранного образца удалось установить, что она была изготовлена из шерсти.

Ткани с бляхи

Шерстяная ткань (1) полотняного переплетения 1:1 плотностью 20×14 н/см². Нити основы и утка первого порядка, Z-крутки с шагом от 0,5 до 1 мм, толщиной от 0,3 до 0,7 мм. Аналогична ткани 1 с черепа. Ткань 2 также аналогична ткани 2 (ленте), сохранившейся на черепе, по характеру волокон, их цвету и технологическим показателям.

Ткань 3 сохранилась крайне плохо, переплетение почти не определяется, вероятнее всего, саржевое 2 : 2. Изготовлена из шерстяных волокон теплого светло-коричневого цвета. Нити основы S-крутки с шагом около 1,35 мм, толщиной 0,4–0,45 мм скручены из двух нитей Z-крутки с шагом 0,4–0,6 мм, толщиной около 0,1–0,15 мм. Нити утка Z-крутки с шагом 0,4–0,6 мм, толщиной около 0,1–0,15 мм. Плотность ткани примерно 20×14 н/см².

Ю. В. Степанова

НАШИВНЫЕ УКРАШЕНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЖЕНСКОМ КОСТЮМЕ

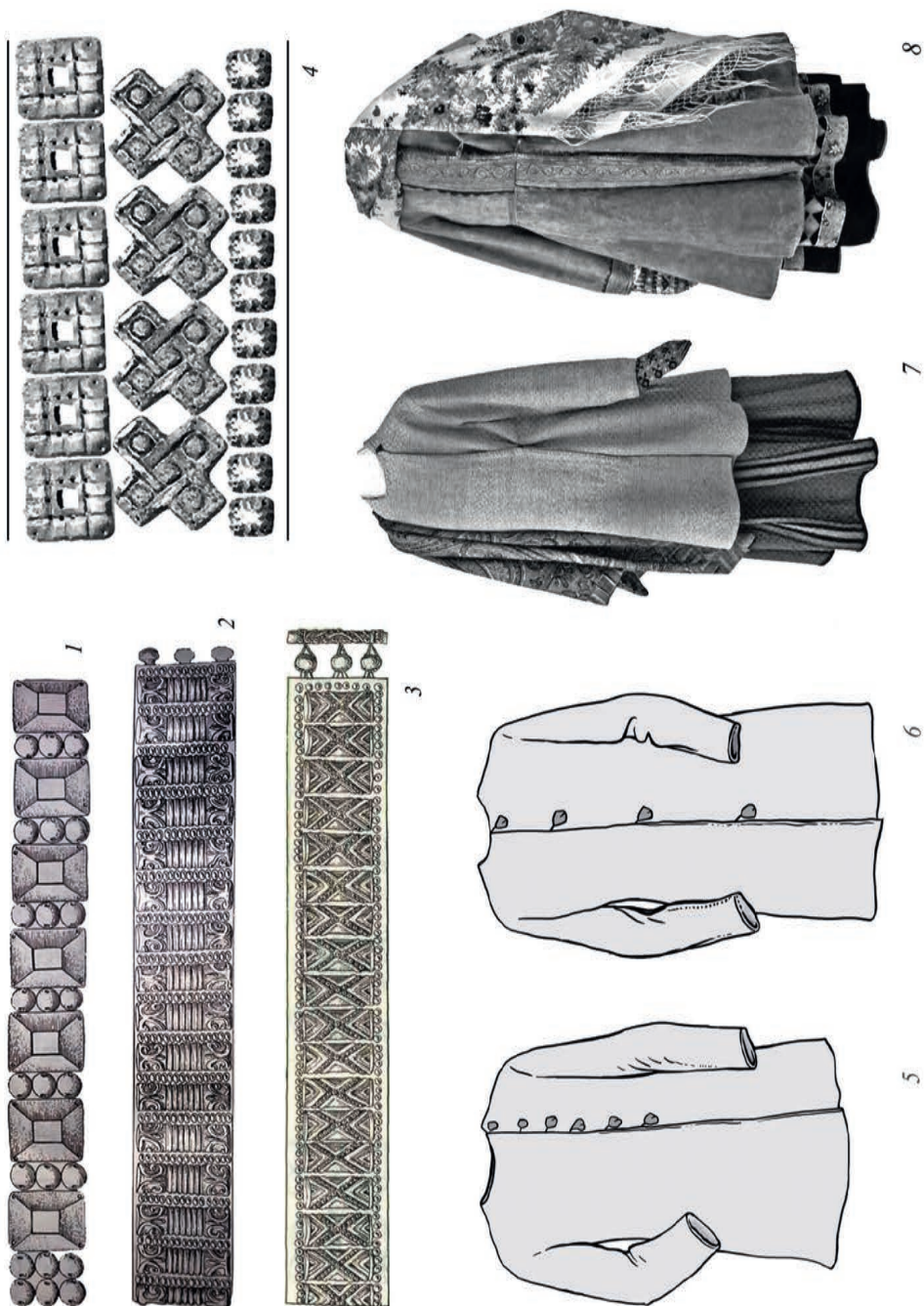
Резюме. В статье рассматриваются варианты и место нашивных украшений в составе древнерусского женского костюма. Основными источниками исследования являются материалы погребальных памятников XI–XIII вв. Выделены два основных аспекта в изучении нашивных украшений. Первый связан с их интерпретацией как маркеров кроя и состава одежды. Горизонтальное расположение украшений маркирует край выреза горловины. Вертикально расположенные бубенчики рассматриваются в качестве пуговиц верхней одежды. Ряды бубенчиков и других украшений вдоль туловища маркируют разрез распашной одежды по центру или сбоку. Нашивки в нижней части погребений позволяют уточнить длину одежды. Выявлены симметричные украшения на плечах, являющиеся вероятным свидетельством одежды лямочного типа. Второй аспект связан со способами пришивания металлических украшений и, как следствие, с вопросами эксплуатации и сохранности одежды в эпоху средневековья.

Ключевые слова: костюм, одежда, украшения, нашивки, бляшки, подвески, крой, погребение, Древняя Русь.

В настоящей статье рассматривается место нашивных украшений в древнерусском костюме и их значение для интерпретации кроя и состава одежды. В качестве нашивок в древнерусском костюме использовались металлические изделия – бляшки, подвески, пронизки, а также украшения из стекла, камня (бусы и бисер). Использовались и нашивки из ткани. В настоящей статье основное внимание уделено металлическим украшениям.

Нашивные металлические украшения характерны как для княжеско-боярского, так и для простонародного костюма. В боярском костюме широко использовались бляшки различных форм, крепившиеся к одежде в зависимости от материала.

Наиболее многочисленны археологически изученные воротники-стойки, декорированные наборами бляшек. Бляшки были деталью парадного костюма.

В воротниках-стойках бляшки высотой до 3 см располагаются в один ряд, что соответствует высоте известных воротничков-стоек, изготовленных из ткани (тесьмы, кусков ткани с вышивкой) без использования металлических нашивок – 2,5–3 см. Например, воротнички-стойки, расшитые металлическими бляшками, найдены в погребении № 1 Липинского бескурганного могильника (Курская обл.) (рис. 1, 2), погребении в Софийском соборе Новгорода (рис. 1, 3), могильнике Новинки II (Вологодская обл.) (рис. 1, 1) (*Сабурова*, 1976. С. 229; 1997. С. 320. Табл. 74, 1, 3, 25), в Набутовском могильнике (Киевская губ.) (*Сабурова*, 1997. С. 318. Табл. 72, 5). Имеются и экземпляры, происходящие из кладов, в частности клада в Десятинной церкви Киева 1939 г. (*Жилина*, 2014. С. 366, 369. Рис. 3).

Иногда целые наборы бляшек нескольких типов формировали орнаментальные фризy, располагавшиеся в шейной и нагрудной части. Подобные наборы входят в состав кладов и происходят из ряда городских и сельских погребений. Например, в составе Новоторжского клада 2010 г. были обнаружены комплекты нашивных бляшек различных геометрических форм, которые составляли орнаментальные композиции (Новоторжский клад 2010 г., 2011. С. 5) (рис. 1, 4). Положение бляшек *in situ* в составе клада свидетельствует о том, что они были сокрыты в кладе, скорее всего будучи нашитыми на ткань.

Имеются также находки из кладов, представляющие собой однорядные композиции бляшек, нашитых на ткань или кожу. Например, шелковая лента с прямоугольными нашивными бляшками из клада в Старой Рязани 1887 г. (*Жилина*, 2014. С. 310. № 164/ 9).

Эти находки в кладах не дают ответа на вопрос, какая часть одежды декорировалась наборами бляшек. Судя по изобразительным источникам, ряды металлических бляшек могли украшать как воротник и нагрудную часть одежды (оплечья), так и подол.

Недавние находки на территории Тверского кремля показали, что рядами металлических нашивных бляшек могла декорироваться передняя часть одежды. В погребении № 121 некрополя середины XII – XIII в. на месте Спасо-Преображенского собора был найден комплект бляшек, украшавших ворот и нагрудную часть одежды (*Беляев и др.*, 2017. С. 72. Рис. 8, 1 (цв. вклейка)). Серебряные тисненые бляшки прямоугольной и квадратной формы располагались в 3–4 ряда. Общая высота металлического декора (около 5 см) свидетельствует о том, что он украшал, скорее всего, шейно-нагрудную часть одежды, являясь не столько «ожерелком», сколько своеобразным оформлением горловины и застежки ворота. Застежка на 4 овальные пуговицы располагалась слева. Таким образом,

Рис. 1. Нашивные украшения древнерусского костюма

1 – ожерелок из могильника Новинки (Вологодская обл.); 2 – ожерелок из Липинского могильника (Курская обл.); 3 – ожерелок из Софийского собора в Новгороде (по: *Сабурова*, 1997); 4 – реконструкция орнаментального фриза из металлических бляшек из Новоторжского клада 2010 г.; 5, 6 – возможные реконструкции использования бубенчиков в верхней одежде по материалам могильника Харлапово (Смоленская обл.); 7 – пониток, Вологодская губ.; 8 – шуба, Русский Север (по: *Горожанина, Зайцева*, 2003)

в данном случае расположение нашивных украшений позволяет сделать предположения о характере кроя одежды.

Вероятно, похожий крой мог быть в кургане № 17 (погребение 1) могильника Харлапово, где в женском захоронении на груди слева было обнаружено «украшение в виде широкой ленты», которое состояло, правда, не из бляшек, а из металлических бус и бубенчиков и металлических монетообразных подвесок (Шмидт, 1957. С. 250, 251).

Комплекты бляшек, по-видимому, спарывались со старой одежды и использовались многократно, для сохранности, возможно, вместе с тканью. В ряде духовных завещаний XV–XVI вв. в числе передаваемого по наследству имущества встречается термин «спорок» (Акты Русского государства 1505–1526 гг., 1975. С. 199; Духовные и договорные грамоты..., 1950. С. 350), который, вероятнее всего, обозначает наиболее ценные части одежды, хранившиеся и передававшиеся по наследству наряду с целыми предметами одежды, украшениями и тканями.

В костюме сельского населения использовались нашивные украшения различных форм. Прежде всего, это подвески: цепочки, бубенчики, подвески в виде миниатюрных предметов, трапециевидные, просверленные косточки, семена, небольшие ножички. Подвески могли подвешиваться на одном кольце или цепочке, формируя сложное украшение. Предметы подвешивались на кольцах, которые, в свою очередь, пришивались к одежде.

Расположение нашивных украшений в погребениях имеет определенные закономерности. Прежде всего, это нагрудная зона: грудь, плечи, а также пояс, в отдельных случаях – область таза и бедер. Цепочки, как правило, располагаются на одном плече, то есть асимметрично. Чем объясняется асимметрия в древнерусском костюме – неясно. Вероятнее всего, их ритуальным значением, поскольку именно к таким цепочкам крепятся подвески-амулеты и крестики.

В некоторых случаях следует предполагать, что цепочки крепились не к плечу или одной стороне груди, а к поясу, располагавшемуся на завышенной линии талии. Такие примеры расположения имеются в Березовецком могильнике (Тверская обл.), где цепочки с подвесками или ножи на кольцах расположены скорее не у плеча, а ниже, с одной стороны груди (Успенская, 1993. С. 107).

Имеются случаи крепления цепочек горизонтально, от плеча к плечу, аналогично использованию цепочек в прибалтийско-финском и скандинавском костюме. Например, такие варианты ношения зафиксированы в могильнике Бежицы (Тверская обл.) (Исланова, 1996. С. 62. Рис. 1), Харлапово (Смоленская обл.) (Шмидт, 1957. С. 250. Рис. 33, 8). В этих случаях можно предположить и наличие соответствующего типа одежды – лямочного. В прибалтийско-финском и скандинавском костюме цепочки крепились к булавкам или фибулам, скреплявшим лямки либо накидки. Однако в древнерусском погребальном костюме парные застежки вместе с горизонтально расположенными цепочками отсутствуют. Соответственно, предполагать здесь наличие несшитых краев одежды было бы неверно, но вероятность наличия лямочной одежды сохраняется.

Среди прочих нашивных украшений привлекают внимание бубенчики. Обращает на себя внимание серия погребений XI–XIII вв., в которых бубенчики располагаются в определенном порядке. Именно они могут рассматриваться

как маркеры либо состава, либо кроя одежды. Выделяются следующие варианты расположения бубенчиков: а) в линию поперек груди; б) в набедренной зоне, в несколько горизонтальных рядов; в) в линию по вертикали; г) на кольцах на плечах симметрично.

На наш взгляд, линейно расположенные бубенчики орнаментировали края или соединения отдельных частей одежды. Так, серия погребений, где бубенчики расположены в линию в области шеи и груди, имеется в Верхневолжье, в могильниках Глинники (курганы № 27, 65) (*Гендуне*, 1906), Устье (курган № 6) (*Гендуне*, 1907). В этих случаях можно предполагать, что нашитые бубенчики маркировали относительно широкую линию выреза горловины одежды поверх рубахи (рис. 2, 1, 2).

Горизонтальное расположение прослеживается и для других подвесок и стеклянных бус, например в Харлапово (Смоленская обл.) (курганы № 17, 31, 45) (*Шмидт*, 1957. С. 250, 260, 264), Ксизово (Липецкая обл.) (*Зоц*, 2017. С. 57. Рис. 11 (цв. вклейка)). В могильнике Большая Коша широкий вырез горловины маркировали остатки бронзовых бляшек (курган № 14, погребение 3) и металлических пронизок (курган № 21, погребение 3) (рис. 2, 3) (*Черных*, 1986б).

В погребениях могильника Харлапово (Смоленская обл.) имеются случаи расположения бубенчиков по вертикальной линии. Например, в кургане № 1 было найдено 5 бубенчиков: у нижней челюсти, на груди, в области таза, между бедренных костей и между коленными суставами (*Шмидт*, 1957. С. 250; 2012. С. 95). Аналогичное расположение бубенчиков – вдоль позвоночника – обнаружено в кургане № 9 могильника у д. Трухонова (*Шмидт*, 1957. С. 278). В кургане № 6 (погребение 2) вдоль плечевой кости правой руки располагались 6 бубенчиков. В курганах № 19 и 28 – по 2 бубенчика с остатками ткани у левой плечевой кости. В кургане № 70 – 6 бубенчиков у левой плечевой кости (Там же. С. 276). Похожий комплекс украшений происходит из кургана № 50 могильника Жилые Горы (в настоящее время Московская обл.), правда, там вдоль правой плечевой бубенчики располагались парно – всего 9 пар бубенчиков (*Гатицук*, 1902. С. 124–125).

Аналогичное расположение бубенчиков и металлических спиралек вдоль правой плечевой кости имеется в кургане № 27 (погребение 1) могильника Рогово (Тверская обл.), и здесь же под многочисленными шейно-нагрудными украшениями (бронзовая гривна, стеклянные бусы) найдены кусочки меха (*Черных*, 1986а).

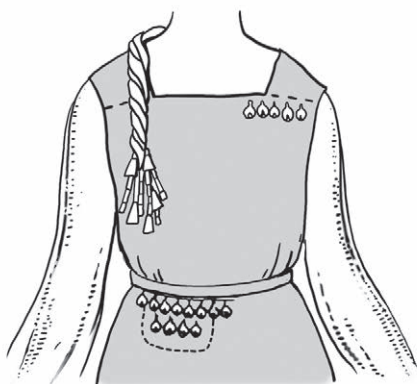
В могильнике Папово (Смоленская губ.) в кургане № 28 вдоль левой руки располагалось скопление мелких бус (*Спицын*, 1905. С. 117).

Разреженное расположение бубенчиков или других украшений в вертикальную линию наводит на мысль о наличии в этих погребениях верхней распашной одежды с застежкой по центру или сбоку (рис. 1, 5, 6), как у поздней шубы, свиты или понитка (рис. 1, 7, 8) (*Горожанина, Зайцева*, 2003. С. 42–45). Вместе с бубенчиками найдены фрагменты как шерстяной ткани (Харапово), так и меха (Рогово).

Интересно отметить, что вертикальный ряд бубенчиков косвенно указывает и на длину одежды. В курганах № 1 и 70 Харлапово нижнее положение занимали бубенчики на уровне коленных суставов, соответственно, длина верхней одежды

1

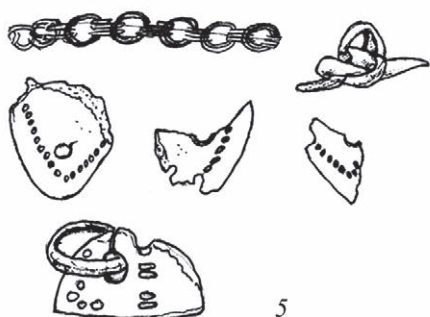
2

3

4

5

6

должна была быть несколько ниже колен, что соответствует некоторым этнографическим образцам. В кургане № 17 (погребение 1) Харлапово низ одежды маркировали ряды монетовидных подвесок и бубенчиков: между бедренными костями находились 4 ряда, между коленями – пятый ряд таких украшений (*Шмидт*, 1957. С. 250). Здесь вероятно декорирование как верхней одежды длиной ниже колена, так и передника.

Можно говорить также о серии погребений с симметричным расположением бубенчиков и других нашивных украшений на плечах. Парные бубенчики – по 1, 2, 3 штуки на кольцах – найдены в могильниках на территории Смоленской и Тверской областей: Харлапово (курган № 11), Большая Коша (курган № 21 (погребения 1 и 3)) (рис. 2, 4), Усть-Суходол, Глинники (курган № 27), Устье (курган № 6) (*Степанова*, 2009. С. 70). Парные нашивные украшения найдены в кургане № 37 Плешково-1 (*Комаров*, 2002. С. 154).

Как уже отмечалось, симметрия в расположении нашивок на плечах и горизонтальное расположение нашивок в области груди могут рассматриваться как свидетельство одежды с лямками или типа платья без рукавов с широким вырезом горловины.

Использование в женском погребальном уборе парных нагрудных булавок и цепочек с разнообразными привесками, орнаментация верхней части одежды бронзовыми и оловянными колечками, нашивными оловянными бляшками типичны для костюма прибалтийско-финского населения Северо-Западной Руси XII–XV вв. (*Рябинин, Хвоцинская*, 1990. С. 41–47). Единичные находки маркеров лямочной одежды в кривичском ареале, охватывающем Верхнее Поднепровье и Верхнее Поволжье, и вятичском, включающем Поочье и частично Волго-Окское междуречье, свидетельствуют о существовании здесь одежды с неразъемными лямками (цельнокроеными или сшитыми). Такой вариант может быть результатом влияния прибалтийско-финской традиции, однако в костюме кривичей и вятичей застежки заменены нашивками, что свидетельствует о приспособлении этого типа одежды к распространенному комплекту украшений.

Существование этого типа одежды в костюме народов Прибалтики, принявших участие в формировании древнерусского этноса, дало исследователям основание предположить древнее происхождение сарафана. Б. А. Куфтин предположил, что сарафан мог развиваться двумя путями: из поневы, получившей лиф и лямки, либо из наплечной одежды без рукавов. Этот процесс происходил под влиянием южно- и западнославянских, летто-литовских, финно-угорских, скандинавских и западноевропейских народов (*Куфтин*, 1926. С. 113, 117).

Рис. 2. Место нашивных украшений в составе древнерусского костюма

1 – реконструкция расположения бубенчиков и раковин каури по материалам кургана № 6 могильника Устье (Тверская обл.); 2 – реконструкция расположения бубенчиков по материалам кургана № 27 (погребение 2) могильника Глинники (Тверская обл.); 3 – реконструкция нагрудной части женского убора по материалам кургана № 14 (погребение 3) могильника Большая Коша (Тверская обл.); 4 – реконструкция лямочной одежды с бубенчиками по материалам кургана № 21 могильника Большая Коша (Тверская обл.); 5 – фрагменты кожаных изделий и цепочек из кургана № 3 могильника Бежицы (Тверская обл.); 6 – возможная реконструкция крепления цепочки на кожаной нашивке

Н. И. Лебедева и Г. С. Маслова, вслед за Б. А. Куфтиным, считали глухой туникообразный сарафан древнейшим и связывали его с прибалтийско-финским населением (*Лебедева, Маслова, 1966. С. 199–201*).

М. Г. Рабинович отметил, что ни подтвердить, ни опровергнуть эту гипотезу невозможно, так как не найдено подлинных вещей или достоверных изображений (*Рабинович, 1986. С. 68*). Представленные в настоящей работе новые выводы, полученные на основе изучения погребальных памятников, скорее свидетельствуют в пользу существования ляточной одежды у кривичского и вятичского населения в XI–XIII вв., однако данные по-прежнему немногочисленны и требуют дальнейшего накопления материала.

Способы крепления нашивных украшений могли быть различными. Чаще всего в погребениях встречаются обрывки шерстяных нитей на кольцах с подвесками. Имеются и находки кожаных шнурков, на которых крепились подвески. Например, бубенчики в области пояса в могильниках Устье (курган № 6), Глинники (курганы № 27, 65) были подвешены на тонких кожаных и плетеных шерстяных шнурах (рис. 2, 1, 2). Кожаные и шерстяные шнурки использовались для подвешивания сложных подвесок в могильниках Харлапово (курганы № 23, 31, 70) (*Шмидт, 1957. С. 256, 260, 271*), Плешково-1 (курганы № 25, 46, 53) (*Комаров, 2002. С. 154, 155*), Хилово (курган № 3) (*Гатицук, 1902. Л. 103, 104*), Папово (курган № 17) (*Спицын, 1905. С. 114*), Бежицы (курган № 4) (*Леонтьев, 1976*), Выркино-2 (курган № 12) (*Комаров, 1985*) и др.

Очевидно, что комплект металлических пришивных украшений утяжелял одежду. Кроме того, если речь идет о прижизненном костюме, возникала проблема многократного перешивания украшений. Материалы кладов и погребений, несомненно, демонстрируют парадную, праздничную одежду и погребальную, которая могла соответствовать прижизненной праздничной. В связи с этим возникает вопрос о количестве комплектов одежды древнерусского человека и их назначении. Комплекты праздничной одежды могли храниться вместе с пришитыми украшениями, что исключает их многократное отпарывание.

Когда украшения пришивались не непосредственно на одежду, а крепились к дополнительному промежуточному звену – нитяным или кожаным шнуркам, это исключало их многократное перешивание, связанное с порчей ткани. Могли использоваться и специальные нашивки, служившие промежуточным звеном между тканью одежды и нашивными украшениями. Например, в могильнике Бежицы (Тверская обл.) вместе с цепочками были найдены фрагменты кожаных изделий со следами прошивки и отверстиями для металлических колец (*Жукова, Степанова, 2010. С. 256*) (рис. 2, 5, 6).

Такие детали, как воротники, могли спарываться с одежды целиком и сохраняться вместе с нашитыми бляшками. О такой практике свидетельствуют письменные источники XV–XVII вв. Так, в списки приданого и завещаемых предметов нередко включаются съемные и споротые детали: «нашивка соболья золотная с шелком», «нашивка кызылбашская с кляпочками», «ожерелье пристежное муское низанное жемчугом, пугвицы у нево яхонт да лалик» (*Лихачев, 1895. С. 85–88*) и др.

В XV–XVII вв. металлические детали уступают место жемчугу или тканым нашивкам с вышивкой. Комплект нашивных украшений дополняется кружевом

и металлическими дробницами, которые также имели большую ценность и переносились с одного предмета одежды на другой: например, «круживо с рукава шубы русские сажоно жемчугом» (Духовные и договорные грамоты..., 1950. С. 411).

Таким образом, нашивные украшения в древнерусском костюме могут выступать в качестве маркеров его покроя и состава, одновременно позволяя рассмотреть вопрос о способах его ношения и значения в комплексе костюма. Горизонтальное расположение украшений маркирует край выреза горловины. Вертикально расположенные бубенчики рассматриваются в качестве пуговиц верхней одежды. Ряды бубенчиков и других украшений вдоль туловища маркируют разрез распашной одежды по центру или сбоку. Нашивки в нижней части погребений позволяют уточнить длину одежды. Вместе с тем следует признать, что подобных археологических данных по-прежнему немного. Следовательно, необходимо дальнейшее накопление источников, с детальной фиксацией находок во время полевых исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Акты Русского государства 1505–1526 гг. М.: Наука, 1975. 435 с.
- Беляев Л. А., Сафарова И. А., Хохлов А. Н., 2017. Некрополь середины XII–XIII вв. на месте Спасо-Преображенского собора в Тверском кремле // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья / Отв. ред. А. Н. Хохлов. Вып. 10. Тверь: ТНИИР-центр. С. 61–98.
- Гатицук С. А., 1902. О раскопках С. А. Гатицука в Мглинском уезде Черниговской губернии, в Старицком, Зубцовском и Осташковском уездах Тверской губернии и Московском уезде Московской губернии // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. № 75.
- Гендуне Ю. Г., 1906. О раскопках г-жи Ю. Г. Гендуне в Корчевском уезде Тверской губернии и Лихвинском, Калужской губернии // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. № 30.
- Гендуне Ю. Г., 1907. О раскопках Ю. Г. Гендуне во Владимирской, Московской и Тверской губерниях в 1907 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. № 67.
- Горожанина С. В., Зайцева Л. М., 2003. Русский народный свадебный костюм. М.: Культура и традиции. 128 с.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Наука, 1950. 586 с.
- Жилина Н. В., 2014. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: УРСС. 400 с.
- Жукова Е. Н., Степанова Ю. В., 2010. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения. Каталог исследованных памятников. Тверь: Научная книга. 362 с.
- Зоц Е. П., 2017. Древнерусский погребальный костюм по материалам грунтового могильника Ксизово 17 на Верхнем Дону // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья / Отв. ред. А. Н. Хохлов. Вып. 10. Тверь: ТНИИР-центр. С. 55–60.
- Исланова И. В., 1996. Элементы женского костюма XI–XII вв. Моложского региона // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы / Отв. ред. А. В. Уткин. Вып. 3. Иваново. С. 61–65.
- Комаров К. И., 1985. Отчет о разведке в Костромской области и раскопках в Калининской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 11863.
- Комаров К. И., 2002. Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы: сб. участников Великой Отечественной войны / Отв. ред. В. В. Седов. Тула: Гриф и К. С. 141–189.
- Куфтин Б. А., 1926. Материальная культура русской мещеры. Ч. 1: Женская одежда: рубаха, понева, сарафан. М. 164 с. (Труды Государственного музея Центрально-промышленной области; вып. 3.)

- Лебедева Н. И., Маслова Г. С., 1966. Русская крестьянская одежда XIX – начала XX в. // Русские: Историко-этнографический атлас: Земледелие. Крестьянское жилище. М.: Наука. С. 193–267.
- Леонтьев А. Е., 1976. Отчет о работах Новостроечного отряда Верхневолжской экспедиции // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 6830.
- Лихачев Н. П., 1895. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. Вып. 1: Духовные и стоговорные грамоты. СПб.: Тип. В. Балашева и К. 283 с.
- Новоторжский клад 2010 г. / Авт. текста П. Д. Малыгин; фото Н. В. Погорелова, Н. А. Сарафановой. Б. м.: Новоторжская археологическая экспедиция, 2011. 8 с.
- Рабинович М. Г., 1986. Одежда русских XIII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М.: Наука. С. 63–111.
- Рябинин Е. А., Хвоцинская Н. В., 1990. Культура прибалтийско-финского и русского населения северо-западных регионов Новгородской земли на современном этапе ее археологического изучения // Финны в Европе. VI–XV вв. / Отв. ред. А. Н. Кирпичников, Е. А. Рябинин. Вып. 2: Русь, финны, саамы, верования. М.: ИА АН СССР. С. 41–47.
- Сабурова М. А., 1976. Стоячие воротники и «ожерелки» в древнерусской одежде // Средневековая Русь. М.: Наука. С. 226–230.
- Сабурова М. А., 1997. Древнерусский костюм // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 93–109. Табл. 66–78. (Археология.)
- Спицын А. А., 1905. Отчет о раскопках С. А. Гатцука 1904 г. в Смоленской, Московской и Тульской губерниях // ЗОРСА РАО. Т. VII. Вып. 1. С. 107–138.
- Степанова Ю. В., 2009. Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья. Тверь: Твер. гос. ун-т. 364 с.
- Успенская А. В., 1993. Березовецкий курганный могильник X–XII вв. // Средневековые древности Восточной Европы. М.: ГИМ. С. 79–135. (Труды ГИМ; вып. 82.)
- Черных Е. М., 1986а. Отчет об археологических исследованиях в Ржевском районе (курганная группа Усть-Суходол) Калининской области. Т. 1 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 12345.
- Черных Е. М., 1986б. Отчет об исследованиях в Калининской и Пермской областях летом 1986 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 11703, 11704.
- Шмидт Е. А., 1957. Курганы XI–XIII вв. у деревни Харлапово в Смоленском Поднепровье // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 2. Смоленск: Смолгиз. С. 184–290.
- Шмидт Е. М., 2012. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). Смоленск: Смоленский гос. ун-т. 168 с.

Сведения об авторе

Степанова Юлия Владимировна, Тверской государственный университет, ул. Желябова, 33, Тверь, 170100, Россия; e-mail: m000142@mail.ru

Yu. V. Stepanova

SEWN-ON DECORATIONS IN MEDIEVAL RUSSIAN WOMEN'S DRESS

Abstract. The paper analyzes variants of sewn-on decorations and the role they played as a part of medieval Russian women's dress. Main sources of research are artifacts from burial sites of the 11th–13th centuries. Two key aspects in the studies of sewn-on decorations have been singled out. The first is related to their interpretation as markers of dress cut and identification of the items that formed part of the dress. Horizontal location of decorations marks the edge of the neckline. Vertically arranged small bells are interpreted as buttons of outer clothes. Rows of small bells and other decorations placed along the body of the buried female show the opening that the clothing worn without a belt or other fastening had

in the center or at the side. Appliques found in the lower part of the skeleton help clarify the length of the dress. Symmetrical decorations on the shoulders have been identified, which, most likely, means that the dress had shoulder straps. The second aspect deals with methods of sewing metal decorations onto the dress and, therefore, issues of clothes use and preservation during the medieval period.

Keywords: costume, dress, decorations, appliques, plates, pendants, cut, grave, Medieval Russia.

REFERENCES

- Akty Russkogo gosudarstva 1505–1526 gg. [Acts of Russian state of 1505–1526]. Moscow: Nauka, 1975. 435 p.
- Belyaev L. A., Safarova I. A., Khokhlov A. N., 2017. Nekropol' serediny XII–XIII vv. na meste Spaso-Preobrazhenskogo sobora v Tverskom kremle [Necropolis of mid XII–XIII cc. in place of Spaso-Preobrazhenskiy cathedral in Tver' Kremlin]. *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya* [Tver', Tver' land and adjacent territories in epoch of Middle Ages], 10. A. N. Khokhlov, ed. Tver': Tverskoy Nauchno-issledovatel'skiy istoriko-arkheologicheskii i restavratsionnyy tsentr, pp. 61–98.
- Chernykh E. M., 1986a. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Rzhevskom rayone (kurgannaya gruppa Ust'-Sukhodol) Kalininskoy oblasti. T. 1 [Report on archaeological investigation in Rzhev district (kurgan group Ust'-Sukhodol), Kalinin region. Vol. 1]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Chernykh E. M., 1986b. Otchet ob issledovaniyakh v Kalininskoy i Permskoy oblastiakh letom 1986 g. [Report on investigations in Kalinin and Perm' regions in summer of 1986]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv. [Wills and treaty charters of grand and appanage princes of XIV–XVI cc.]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1950. 586 p.
- Gattsuk S. A., 1902. O raskopkakh S. A. Gattsuka v Mglinskom uезде Chernigovskoy gubernii, v Staritskom, Zubtsovskom i Ostashkovskom uездakh Tverskoy gubernii i Moskovskom uезде Moskovskoy gubernii [On excavations of S. A. Gattsuk in Mglinskiy district of Chernigov province, in Staritsa, Zubtsovsk and Ostashkov districts of Tver' province and Moscow district of Moscow province]. *Archive of IIMK RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Gendune Yu. G., 1906. O raskopkakh g. Yu. G. Gendune v Korchevskom uезде Tverskoy gubernii i Likhvinskom, Kaluzhskoy gubernii [On excavations of Mrs. Yu. G. Gendune in Korchev district of Tver' province and Likhvinskiy of Kaluga province]. *Archive of IIMK RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Gendune Yu. G., 1907. O raskopkakh Yu. G. Gendune vo Vladimirskoy, Moskovskoy i Tverskoy guberniyakh v 1907 g. [On excavations of Mrs. Yu. G. Gendune in Vladimir, Moscow and Tver' provinces in 1907]. *Archive of IIMK RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Gorozhanina S. V., Zaytseva L. M., 2003. Russkiy narodnyy svadebnyy kostyum [Russian popular wedding costume]. Moscow: Kul'tura i traditsii. 128 p.
- Islanova I. V., 1996. Elementy zhenskogo kostyuma XI–XII vv. Molozhskogo regiona [Elements of women's costume of XI–XII cc. of Mologa region]. *Problemy izucheniya epokhi pervobytnosti i rannego srednevekov'ya lesnoy zony Vostochnoy Evropy* [Problems of research of prehistoric epoch and early Middle Ages in forest zone of Eastern Europe], 3. A. V. Utkin, ed. Ivanovo, pp. 61–65.
- Komarov K. I., 1985. Otchet o razvedke v Kostromskoy oblasti i raskopkakh v Kalininskoy oblasti v 1985 g. [Report on reconnaissance in Kostroma region and excavations in Kalinin region in 1985]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Komarov K. I., 2002. Raskopki kurgannogo mogil'nika u d. Pleshkovo Tverskoy oblasti [Excavations of kurgan cemetery near village Pleshkovo, Tver' region]. *Arkheologicheskie stat'i i materialy: sbornik uchastnikov Velikoy Otechestvennoy voyny* [Archaeological articles and materials: collected works of participants of Great Patriotic war]. V. V. Sedov, ed. Tula: Grif i K, pp. 141–189.

- Kuftin B. A., 1926. Material'naya kul'tura russkoy meshchery [Material culture of Russian Meshchera], 1. Zhenskaya odezhda: rubakha, poneva, sarafan [Women's clothing: tunic, skirt, sarafan]. Moscow. 164 p. (Trudy Gosudarstvennogo muzeya Tsentral'no-promyshlennoy oblasti, 3.)
- Lebedeva N. I., Maslova G. S., 1966. Russkaya krest'yanskaya odezhda XIX – nachala XX v. [Russian peasant clothes of XIX – early XX c.]. *Russkie: Istoriko-etnograficheskiy atlas: Zemledelie. Krest'yanskoe zhilishche* [The Russians: Historical-ethnographic atlas: Agriculture. Peasant dwelling]. Moscow: Nauka, pp. 193–267.
- Leont'ev A. E., 1976. Otchet o rabotakh Novostroechnogo otryada Verkhnevolzhskoy ekspeditsii [Report on works of Rescue group of Upper Oka expedition]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Likhachev N. P., 1895. Sbornik aktov, sobrannykh v arkhivakh i bibliotekakh [Collection of acts, collected in archives and libraries], 1. Dukhovnye i sgovornye gramoty [Wills and treaty charters]. St. Petersburg: Tipografiya V. Balasheva i K. 283 p.
- Novotorzhskiy klad 2010 g. [Novyy Torg hoard of 2010]. P. D. Malygin, text, N. V. Pogorelova, N. A. Sarafanova, photo. S. I. Novotorzhskaya arheologicheskaya ekspeditsiya, 2011. 8 p.
- Rabinovich M. G., 1986. Odezhda russkikh XIII–XVII vv. [Clothes of the Russians in XIII–XVII cc.]. *Drevnyaya odezhda narodov Vostochnoy Evropy* [Ancient clothing of peoples of Eastern Europe]. Moscow: Nauka, pp. 63–111.
- Ryabinin E. A., Khvoshchinskaya N. V., 1990. Kul'tura pribaltiysko-finskogo i russkogo naseleniya severo-zapadnykh regionov Novgorodskoy zemli na sovremennom etape ee arheologicheskogo izucheniya [Culture of Baltic Finnish and Russian population in Northwestern regions of Novgorod land on present stage of archaeological research]. *Finny v Evrope. VI–XV vv.* [The Finns in Europe. VI–XV cc.], 2. *Rus', finny, saamy, verovaniya* [Rus, the Finns, the Lapps, beliefs]. A. N. Kirpichnikov, E. A. Ryabinin, eds. Moscow: IA AN SSSR, pp. 41–47.
- Saburova M. A., 1976. Stoyachie vorotniki i «ozherelki» v drevnerusskoy odezhde [Vertical collars and «necklaces» in Ancient Russian clothing]. *Srednevekovaya Rus'* [Medieval Rus']. Moscow: Nauka, pp. 226–230.
- Saburova M. A., 1997. Drevnerusskiy kostyum [Ancient Russian costume]. *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura* [Ancient Russia. Everyday life and culture]. Moscow: Nauka, pp. 93–109, tabl. 66–78. (Arkheologiya.)
- Shmidt E. A., 1957. Kurgany XI–XIII vv. u derevni Kharlapovo v Smolenskom Podneprov'e [Kurgans of XI–XIII cc. near village Kharlapovo in Dnieper region near Smolensk]. *Materialy po izucheniyu Smolenskoy oblasti* [Materials for study of Smolensk region], 2. Smolensk: Smolgiz, pp. 184–290.
- Shmidt E. M., 2012. Krivichi Smolenskogo Podneprov'ya i Podvin'ya (v svete arheologicheskikh dannykh) [The Krivichians of Dnieper and Dvina regions near Smolensk (in light of archaeological data)]. Smolensk: Smolenskiy gos. universitet. 168 p.
- Spitsyn A. A., 1905. Otchet o raspokpakh S. A. Gattsuka 1904 g. v Smolenskoy, Moskovskoy i Tul'skoy guberniyakh [Report on excavations of S. A. Gattsuk in 1904 in Smolensk, Moscow and Tula provinces]. *Zapiski Otdeleniya russkoy i slavyanskoy arheologii imperatorskogo Russkogo arheologicheskogo obshchestva* [Proceedings of Department of Russian and Slavic archaeology, Imperial Russian Archaeological Society], vol. VII, iss. 1, pp. 107–138.
- Stepanova Yu. V., 2009. Drevnerusskiy pogrebal'nyy kostyum Verkhnevolzh'ya [Ancient Russian funeral costume of Upper Volga region]. Tver': Tverskoy gos. universitet. 364 p.
- Uspenskaya A. V., 1993. Beregovetskiy kurgannyi mogil'nik X–XII vv. [Beregovetskiy kurgan cemetery of X–XII cc.]. *Srednevekovye drevnosti Vostochnoy Evropy* [Medieval antiquities of Eastern Europe]. Moscow: GIM, pp. 79–135. (Trudy GIM, 82.)
- Zhilina N. V., 2014. Drevnerusskie klady IX–XIII vv. Klassifikatsiya, stilistika i khronologiya ukrasheniya [Ancient Russian hoards of IX–XIII cc. Classification, stylistics and chronology of ornaments]. Moscow: URSS. 400 p.
- Zhukova E. N., Stepanova Yu. V., 2010. Drevnerusskie pogrebal'nye pamyatniki Verkhnevolzh'ya. Istoriya izucheniya. Katalog issledovannykh pamyatnikov [Ancient Russian burial sites of Upper Volga region. History of investigation. Catalogue of investigated sites]. Tver': Nauchnaya kniga. 362 p.
- Zots E. P., 2017. Drevnerusskiy pogrebal'nyy kostyum po materialam gruntovogo mogil'nika Ksizovo 17 na Verkhnem Donu [Ancient Russian funeral costume based on materials from ground cemetery

Ksizovo 17 on Upper Don]. *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya* [*Tver', Tver' land and adjacent territories in epoch of Middle Ages*], 10. A. N. Khokhlov, ed. Tver': Tverskoy Nauchno-issledovatel'skiy istoriko-arkheologicheskiy i restavratsionnyy tsentr, pp. 55–60.

About the author

Stepanova Yulia V., Tver' State university, ul. Zhelyabova, 33, Tver', 170100, Russian Federation;
e-mail: m000142@mail.ru

Ю. Белай

КОЛЬЦЕВИДНЫЕ ФИБУЛЫ В КОНТЕКСТЕ КОСТЮМА И МИРОВОЗЗРЕНИЯ ВЫСОКОГО И ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Резюме. Кольцевидные фибулы – довольно распространенная находка европейского средневековья. Они состоят из рамы, которая может быть разной формы, и иглы, которая может вращаться вокруг своей оси, но не может свободно скользить по раме. Кольцевидные фибулы делались разных форм и размеров, из благородных и неблагородных металлов, и поэтому качество их художественной обработки также различалось. Они пользовались особенной популярностью в XIII и XIV вв. Их находили в кладах, поселениях, фортах и могилах (в области таза и живота), а также можно увидеть, как они прикрепляют верхние части одежды на многих статуях этого периода. В работе на основе типологии и сравнений, а также с учетом археологических материалов и определенных форм рассматриваются различные функции кольцевидных фибул в составе костюмов. Особое внимание в работе уделяется апотропеической магии, связанной с кольцевидными фибулами, и рассматривается многослойность символики, которую можно извлечь из надписей на определенных фибулах.

Ключевые слова: кольцевидная фибула, Средние века, надпись, расшифровка, апотропеическая магия.

Кольцевидные фибулы – довольно распространенная находка европейского средневековья. Это чрезвычайно интересный предмет благодаря своей многофункциональности, которая выходит за рамки обычного застегивания одежды. Кольцевидная фибула (англ. *annular brooch*, *ring brooch*, иногда просто *brooch*) является предметом, похожим на пряжку пояса, и состоит из рамы и иглы, которая может вращаться вокруг своей оси, но не может свободно скользить по раме, в отличие от иглы простой кольцевидной пряжки (англ. *plain annular buckles*). Чаще всего игла не могла скользить по раме из-за сужения рамы или пробитой в раме небольшой дырочки. Благодаря своей форме и способу застегивания ткани преимущество кольцевидной фибулы перед предыдущими

фибулами заключается в том, что вероятность случайного открывания, падения и потери фибулы является минимальной.

Хотя кольцевидные фибулы имеют, как правило, круглую форму, они могут быть и других форм, но общим является то, что они состоят из рамы, в середине которой – пустое пространство (*Belaj, Belaj, 2016*). Основные типологические деления кольцевидных фибул касаются их форм. Наиболее распространенными типами рам являются широкие и плоские, узкие и толстые, многоугольные и многоконечные (многолучевые), многолучевые с дополнительно присоединенными краями, звездообразные, многолистные, в форме рукопожатия, в форме сердца, зооморфные и щитообразные. Кроме того, при классификации особо принимаются во внимание вид украшения, способ украшения, вариации форм (*Søvsø, 2009. S. 185–190*) или, с другой стороны, типы надписей (*Callander, 1924; Heindel, 1986*).

Как и подавляющее большинство других ювелирных изделий, кольцевидные фибулы носили представители обоих полов, в том числе и дети (*Hinton, 2005. P. 226*), что можно увидеть на многочисленных статуях. Тем не менее в могилах Карпатского бассейна такие фибулы находят в основном, но не исключительно, в женских могилах (*Fogas, 2009. O. 161*). Особенно красиво украшенные кольцевидные фибулы рассматриваются как тип ювелирных изделий, их иногда и носили только как украшение (*Egan, Pritchard, 2002. P. 247*) или даже как знаки отличия правителей (*Радишун, 2014. С. 111*). Такие находки в Карпатском бассейне встречаются вкладах времен монгольского нашествия чаще, чем на поселениях и в погребениях, где преимущественно находят менее роскошные, то есть более дешевые, экземпляры (*Vargha, 2015. P. 86*). Все же, кроме декоративной, важной также является их конкретная функция в контексте костюмов – обычно, но не исключительно, кольцевидные фибулы служили для застегивания одежды.

Кольцевидные фибулы в Европе появились в XII в. с византийским стилем одежды, который обоим полам предписывал носить длинную туникообразную одежду до щиколоток с длинными рукавами (англ. *kirtle, cotte, cotehardie*). На одежде был разрез на горловине, который застегивался с помощью фибулы. Крупными фибулами скрепляли и длинные пальто, и плащи, то есть накидки на тунки. Они могли быть застегнутыми под шеей, а также на одном или обоих плечах (*Søvsø, 2009. S. 190; Радишун, 2014. С. 110*). В произведениях искусства можно видеть, что меньшие фибулы иногда носили в сочетании с более крупными и прочными дисковидными фибулами, которыми иногда прикрепляли накидку, так что фибула, застегивающая тунику, также была видна. Их носили по всей Европе (с крестовосцами они пришли и на Ближний Восток) с конца XII до XV в., в некоторых местах они дольше оставались модными, а наибольшую популярность получили в XIII–XIV вв. (*Hinton, 2005. P. 171; Lightbown, 1992. P. 385; Søvsø, 2009. S. 207; Krabath, 2004. P. 250*). Было отмечено, что определенные типы кольцевидных фибул в Карпатском бассейне встречаются не только вкладах периода монгольского нашествия, но и на поселениях XIII в., в погребениях же их в большом количестве находят только с XIV в. (*Vargha, 2015. P. 61–62*).

О том, какова была функция каждого отдельного предмета в составе костюма, можно в первую очередь узнать из его положения в могиле при условии, что

он опознаваем. Так как это зачастую оказывается сложно, мы можем догадываться о функции предмета, исходя из его размеров, а в некоторых местах и – как мы увидим – из формы. Большинство известных кольцевидных фибул имели диаметр 2–3 см¹ и были слишком хрупкими для тяжелых предметов одежды, поэтому они служили для застегивания какой-нибудь более легкой туники. Это показал и эксперимент, проведенный хорватским археологом М. Шимек, которая использовала точную копию ромбической кольцевидной фибулы размером 3,6×4,0 см, изготовленную из бронзовой проволоки толщиной 1,3 мм. Эксперимент показал, что такая маленькая фибула не могла выдержать вес плаща, изготовленного из более плотной и толстой ткани. Для скрепления тяжелых накидок служили фибулы диаметром более 6 см (Søvsø, 2009). Тем не менее функция застегивания одежды является лишь одной из многих, которыми обладают кольцевидные фибулы.

Благодаря своим особенностям и расположению на видном месте, кольцевидная фибула быстро зарекомендовала себя как один из доминирующих носителей символических сообщений. Одной из таких особенностей является уже сама их форма. Как перстни и короны, фибулы круглой формы уже в XII в. были особенно привлекательны в качестве символа вечности, единства и верности (Lightbown, 1992. P. 100; Hinton, 2005. P. 190; Søvsø, 2011. S. 264). Символика верности изначально имела защитную силу, которая особенно проявилась у предметов с надписями. Их делали из различных материалов, в том числе и из таких драгоценных, как серебро, позолоченное серебро, электрум и золото, а к некоторым добавлялись драгоценные или полудрагоценные камни, стекло или эмаль. Мало того что драгоценность этих материалов уже сама по себе указывала на высокий социальный статус владельца, представителя дворянства, духовенства или богатого сословия их изначально и носили в качестве символа статуса. В Карпатском бассейне много таких экземпляров находили вкладах времени монгольского нашествия (1241 г.). Позже мода распространилась на менее богатые слои общества. Конечно, для них кольцевидные фибулы делали из более доступных и менее дорогих материалов (бронзы, олова и сплава меди, олова, цинка и свинца) литьем в формы. Нет никаких признаков того, что они изготовлялись из железа. Д. А. Хинтон считает, что кольцевидные фибулы не носились крестьянами (Hinton, 2005. P. 178), однако мы располагаем находками и в сельских местностях (Vargha, 2015. P. 61). Вышеупомянутая защитная функция дополнительно усиливалась выбором материалов изделия. В Средние века считалось, что, как и другие геологические материалы, металлы, особенно благородные, и драгоценные и полудрагоценные камни, а также их имитация имеют определенные свойства, которые могут положительно воздействовать на людей. Об этом свидетельствуют и средневековые письменные источники (Evans, 1921. P. 56; Ragolič, 2010. P. 55–58; Søvsø, 2011. S. 266, 274, 275).

Кроме того, защита могла быть особенно усилена и определенными надписями. Надписи были очень распространены и, как считалось, имели такой же

¹ В Дании было установлено, что 86 % всех найденных кольцевидных фибул имели диаметр от 2 до 2,9 см (Søvsø, 2009. S. 204).

эффект, как и произнесенное слово (*Søvsø*, 2011. S. 266). Надписи гравировались на кольцевидной фибуле, часто выполнялись в технике черни или закладывались при литье в формы. Они могут располагаться на одной или, реже, на обеих сторонах фибулы. Для гравировки надписей наиболее подходящими были кольцевидные фибулы с широкой и плоской рамой, но надписи встречаются и на фибулах других форм. Надписи на фибулах можно разделить на несколько категорий: религиозные, магические, любовные, несущие информацию о владельце, некоторые неясные и просто имитации надписей (*Belaj, Belaj*, 2016. S. 252–256). Общим для всех них является их несомненная защитная функция. Она, однако, наиболее ярко выражена в надписях религиозного характера, особенно в тех случаях, когда они преднамеренно переплетены с магическими («чудотворными») элементами, что укрепляло их защитные силы (*Søvsø*, 2011. S. 274). Следует также отметить определенное количество надписей, на сегодняшний день нерасшифрованных. Вероятно, некоторые из них были понятны только тем, кто их создал или заказал. В этом случае, почти наверняка, они имели магическое значение, которое нам сегодня не ясно (*Lightbown*, 1992. P. 99). С другой стороны, некоторые такие надписи могли возникнуть в результате неграмотности мастеров и погрешностей при копировании надписей с оригиналов. Такие ошибки чаще присутствуют на более дешевых литых экземплярах. Есть особенные надписи, начало которых можно разяснить. К ним относятся те, которые, скорее всего, связаны с молитвой Богородице (*Heindel*, 1986. S. 70). Благодаря надписям на кольцевидных фибулах можно видеть, что в Средние века граница между общепринятым верованием в рамках учения Церкви и верованиями за его пределами была размыта (*Le Goff*, 1998. P. 425) и что все три основные темы (религиозная, магическая и любовная) часто переплетались (*Søvsø*, 2011. S. 272). Поэтому неудивительно, что в Средние века надписи активно использовались на различных материалах в процессе лечения и в борьбе против сглаза. Эта практика в некоторых местах сохранилась и по сей день. Таким образом, благодаря фольклорному материалу использование магических слов и формул, записанных на бумаге, коже, холсте, частях тела, зашитых в одежду или носимых на теле и скрытых от взглядов, является известным фактом, хотя сегодня нам часто и непонятным (*Brenko et al.*, 2001. S. 127, 150–152; *Gilchrist*, 2008. P. 125; *Zečević*, 1978. S. 430; *Belaj, Belaj*, 2016. S. 260).

Застегивание верхних частей одежды не было единственной функцией кольцевидных фибул в контексте костюмов. Было замечено, что многолучевые и круглые кольцевидные фибулы с надписями находят в могилах в другом положении по сравнению с показанным на сохранившихся портретах. Точнее говоря, их находили не на груди или плечах, а в районе таза или живота умершего. Это распространено в области Королевства Венгрии и Балтийского региона (*Biermann et al.*, 2011. S. 257). Тем не менее материал изготовления, хрупкость и форма не позволяют считать такие фибулы поясными пряжками. К. Сабо, правда, предполагает такое использование, а также считает, что пояса шились из шелка или ткани, поскольку отсутствуют другие детали (*Szabó*, 1938. O. 48, 49. P. 205, 206). С другой стороны, О. Фогас рассматривает этот факт в контексте христианизации половцев и языгов, в богатых женских могилах которых найдены многочисленные многолучевые и круглые фибулы с надписями. Его

предположение, что эти до недавнего времени язычники рассматривали новые предметы в качестве апотропеических и что женщины подвешивали их вместо прежних амулетов на пояс, где висела сумочка, основано на изображениях на древних каменных статуях в половецких степях, так называемых каменных бабах. На них, в дополнение к целому ряду часто употребляемых предметов, иногда встречаются и амулеты, свисающие с пояса. Логично предположение, что после христианизации эти старые амулеты следовало заменить на что-то новое, чем и стали кольцевидные фибулы. И особенно те, которые несли на себе религиозные надписи, по-видимому имевшие для половецких женщин, так же как и для представителей многих других народов на европейском Западе, апотропеическое значение (*Fogas, 2009. О. 161, 172. Р. 4: 3–5*)². Надписи были сделаны на немецком языке трансильванскими саксами, как предполагает Фогас, и распространялись в Восточной Европе францисканцами немецкого происхождения (*Ibid. О. 162*). В Балтийском регионе, однако, главным распространителем кольцевидных фибул считается Немецкий орден, но мы обязательно должны принимать во внимание важную роль Ганзы и ее торговых каналов (*Biermann et al., 2011. S. 258–259*). Дополнительный аргумент в пользу того, что кольцевидные фибулы на поясе, по крайней мере, не всегда служили в качестве застежки, снова дает пример из Балтийского региона: в могиле 70/7 на кладбище Штагенвальд (пос. Рыбачий на Куршской косе, Калининградская область) был найден пояс, украшенный бисером, бубенчиками, зубами и тремя большими плоскими кольцевидными фибулами (*Ibid. S. 260. Abb. 30, 3–5; S. 261; S. 329, Т. 14, 10–13*). Хотя балтийские находки по времени относятся к периоду правления Немецкого ордена, население, очевидно, было этнически балтийское, то есть прусское (*Ibid. S. 215*).

Конечно, есть погребения, в которых кольцевидные фибулы найдены там, где их можно было ожидать в качестве застежки для скрепления выреза горловины, то есть – на груди. Одна из таких фибул обнаружена в результате археологических раскопок тамплиерской церкви Успения Пресвятой Богородицы в селе Гора, недалеко от г. Сисак в Центральной Хорватии (*Belaj, Belaj, 2016*). Она была найдена на груди умершей, в могиле, выкопанной вдоль фундамента ранней готической церкви, построенной в середине первой половины XIII в. Речь идет о кольцевидной фибуле с широкой и плоской рамкой, сделанной из слегка потемневшего серебра, с надписью на передней стороне и геометрическим украшением на задней (рис. 1). Буквы и толстые декоративные линии заполнены чернью. Внешний диаметр фибулы составляет 2,8 см. Передняя часть фибулы разделена врезанной линией на две неравные части. Внешняя, более узкая часть украшена врезанными тонкими наклонными линиями. По аналогиям, а также с учетом стратиграфии и исторических источников мы можем предположить, что эта фибула изготовлена в XIII в. или, возможно, в начале XIV в. (*Belaj, Belaj,*

² В качестве иллюстративного примера языческо-христианских синкретических религиозных представлений у половцев О. Фогас приводит в пример одну могилу в Перкате, где среди жемчужин, украшавших сумочку, амулетов из лисьих и рыбьих костей присутствует и наперсный крест-реликварий XIII в. (*Fogas, 2009. О. 161. J. 113*).

Рис. 1. Кольцевидная фибула из Горы, Хорватия – лицевая и оборотная стороны (фото Я. Белая, 2015)

2016. S. 258)³. О том, куда крепились фибулы во время захоронения, мы узнаем из положения находок, содержащихся в могиле (в районе грудной клетки), и по положению иглы на рамке фибулы. Видимые признаки изношенности, которые сильнее выражены на передней, нежели на задней стороне, говорят о том, что сторона с надписью фибулы, украшенной с двух сторон, была видна и в течение жизни владелицы, а не только во время похорон.

Наиболее интересна на фибуле частично зашифрованная надпись, которая показывает один из способов кодирования подобных надписей с целью воспрепятствовать их прочтению и возможным магическим действиям, препятствующим защите. Считалось, что защита будет действовать только тогда, когда она сама по себе защищена от сглаза, а этого часто можно было достичь изменением порядка следования букв, записью в обратную сторону, написанием букв вверх ногами или зеркально и т. п. Это мешало посторонним легко и быстро прочитать надпись (Belaj, Belaj, 2016. S. 265–266). Такому и некоторым другим подобным методам шифрования следует уделить внимание.

Внутренняя, более широкая, часть содержит надпись, состоящую из пятнадцати букв: **VEMAIGLNROAICS**. На наш взгляд, надпись представляет собой сокращенное начало молитвы *Ave Maria*: **AVE MA[R]I[A] G[RATIA P]L[E]N[A] DOMIN[U]S**, но таким образом, что оно зашифровано дважды. Сначала удалены определенные буквы с соблюдением симметрии (пропущено шесть средних букв молитвы, потом – и слева и справа – присутствуют по одной, затем пропущено по одной и так далее), а потом изменена каждая вторая буква в слове **DOMIN[U]S**, в итоге конец надписи гласит: **ROAICS** (табл. 1).

³ Типологические особенности и исторические обстоятельства, а также концепция надписи и состояние фибулы позволяют предположить, что фибула изготовлена во Франции, откуда появилась и ее владелица, женщина из высшего социального класса, которая сама, возможно, была членом Ордена тамплиеров (Belaj, Belaj, 2016. S. 268–269).

Таблица 1. Таблица с буквами, написанными на кольцевидной фибуле из Горы, Хорватия (верхний ряд) и полным текстом начала молитвы Ave Maria (нижний ряд)

A	V	E	M	A		I		G							L		N		R	O	A	I	C		S
																			↑		↑		↑		
A	V	E	M	A	[R]	I	[A]	G	[R	A	T	I	A	P]	L	[E]	N	[A]	D	O	M	I	N	[U]	S

Возможно, подобный симметричный выбор букв использован и на одной литой кольцевидной фибуле с местонахождения Хинга (Носа-Хинга) вблизи Суботицы (Воеводина, Сербия), так что из слова **IVDEORVM** возникло **IVREOM**. Если это так, то там тоже имело место шифрование: буква **R** передвинута на две позиции вперед. Подобный случай нам известен с одной французской кольцевидной фибулой, на которой написано **II AVE MARIA GRIATA PLATDM** (*Debiais, Favreau*, 2008. С. 100, № 93), значит, буквы **I** в **GRATIA** и **T** в **D(O)M(INUS) T(ECUM)** были передвинуты на две позиции вперед, внутри группы букв, выбранных для записи (*Belaj, Belaj*, 2016. S. 266). Фибула, согласно типу букв, относится к XIV в. (*Шафарик, Шульман*, 1954. С. 41).

Особая концепция выбора определенных букв присутствует на кольцевидной фибуле из Страсбурга, хранящейся в Музее Добре, Нант (*Debiais, Favreau*, 2008. Р. 100–101, № 94). Интересно, что эта серебряная фибула, а также другие из того же музея украшены одним и тем же орнаментом в виде наклонных линий на внешней кромке, с другой стороны продольной линии, как и на вышеупомянутой находке из Горы (*Belaj, Belaj*, 2016. S. 263–264). Кольцевидная фибула из Страсбурга относится к XIII–XIV вв. Надпись на рамке фибулы вырезана довольно грубо, прописными угловатыми буквами, которые неясно видны. Можно прочитать: **AMIVLAM???NIAMI**. Вероятно, и здесь речь идет о записи первой части молитвы *Ave Maria* (*Ave Maria gratia plena, Dominus tecum, benedicta tu in mulieribus*), но надпись сокращена особым образом. Если из первой части молитвы *Ave Maria gratia plena, Dominus, tecum, benedicta* возьмем каждую третью букву, мы получим следующий ряд: **AMIRILAMVEMNIA**. Ряды практически идентичны, за исключением того, что, во-первых, вместо букв **RI** находится буква **V** и, во-вторых, вместо трех букв **VEM** на фибуле находятся две неразборчивые. Причина такой замены неясна, но эти отклонения не отменяют точности действия. Остальная часть молитвы – *tu in mulieribus* – написана по-другому: четко выгравирована только каждая пятая буква (**M, I**), как будто гравёр понял, что, если он будет следовать одной схеме (то есть если будет продолжать записывать каждую третью букву), ему не хватит места для двух букв (*Ibid*. S. 264).

Итак, хотя в этой надписи нет никакой симметрии, общим с надписью из Горы является то, что буквы удалены определенным образом, так что, на наш взгляд, она может служить подтверждением правильности чтения надписи из Горы.

Важно подчеркнуть, что не существовало одного-единственного образца для шифрования, потому что тогда это не имело бы никакого смысла; здесь речь идет не только о простом символическом шифровании надписи зеркальным поворотом одной буквы или каким-то аналогичным действием против сглаза, но и о реальном желании лишить посторонних возможности правильного прочтения. Поэтому в каждой конкретной ситуации следует подойти к каждому предмету как к особому случаю. Исключением, тем не менее, является кольцевидная фибула из Хинги, если в отношении нее речь вообще идет о шифровании. Эта литая находка сохранилась лишь фрагментарно, и трудно с помощью лишь одного фрагмента что-либо определенно заключить.

На наш взгляд, на основании художественных и археологических источников можно наблюдать корреляцию между видом материала, из которого делали кольцевидные фибулы, типом украшения, техникой изготовления и декорирования и выполнением надписей, с одной стороны, и их позицией в контексте костюмов, видом и качеством предметов одежды, которые они застегивали и, в конечном счете, социальным статусом владельца – с другой. В связи с тем, что лишь относительно небольшое число кольцевидных фибул найдено в погребениях и остатки одежды при них чрезвычайно редки, археологические источники нам об этом говорят совсем немного. Самой важной информацией, которую они предоставляют, остается местоположение фибулы в могиле. Многослойность символики, извлекаемой из надписей, материалов и форм кольцевидных фибул, а также различные сообщения, которые они несут, являются отражением богатого мировоззрения средневековых людей, их убеждений, надежд, страхов и – прежде всего – желания влиять на жизненные обстоятельства.

ЛИТЕРАТУРА

- Радишић М.*, 2014. Позносредњовековне копче западног порекла на централном балкану // Гласник Српског археолошког друштва. Број 30. С. 109–132.
- Шафарик О., Шульман М.*, 1954. Хинга. Средњовековна некропола код Суботице // Рад војвођанских музеја 3. Нови Сад: Војвођански музеј. С. 5–55.
- Belaj J., Belaj M.*, 2016. Prstenasti broš s natpisom iz templarske Gore – prijedlog dekodiranja = An Inscribed Annular Brooch from the Templar Site of Gora – A Possible Decipherment // Prilozi Instituta za arheologiju u Zagrebu. Vol. 33. S. 247–270.
- Biermann F., Herghelighu C., Voigt H., Bentz M., Blum O.*, 2011. Das Gräberfeld des 13. bis 15. Jahrhunderts von Stangenwalde bei Rossitten auf der Kurischen Nehrung – Auswertung der Materialien im Berliner Bestand der Prussia-Sammlung (ehemals önnigsberg/Ostpreußen) // Acta Praehistorica et Archaeologica. Bd. 43. S. 215–346.
- Brenko A., Dugac Ž., Randić M.*, 2001. Narodna medicina = Folk medicine. Zagreb: Etnografski muzej. 240 s.
- Callander J. G.*, 1924. Fourteenth-century Brooches and other Ornaments in the National Museum of Antiquities of Scotland // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. Vol. LVIII. Fifth series X. P. 160–184.
- Debiais V., Favreau R.*, 2008. Corpus des inscriptions de la France médiévale. T. 23: Région Bretagne; Loire-Atlantique et Vendée. Paris: CNRS. 165 p.
- Egan G., Pritchard F.*, 2002. Dress Accessories c. 1150 – c. 1450. London: Museum of London. 410 p. (Medieval Finds from Excavations in London; 3.)
- Evans J.*, 1921. English Jewellery from the Fifth Century AD to 1800. London: Methuen & Co. 168 p.

- Fogas O.*, 2009. A gótikus feliratos csatok európai elterjedése // *Kun-Kép: A magyarországi kunok hagyatéka. Tanulmányok Horváth Ferenc 60. születésnapja tiszteletére* / Sz. S. Rosta. Kiskunfélegyháza: NKA. O. 147–174.
- Gilchrist R.*, 2008. Magic for the Dead? The Archaeology of Magic in Later Medieval Burials // *Medieval Archaeology*. Vol. 52. P. 119–159.
- Heindel I.*, 1986. Ave-Maria-Schnallen und Hanttruwebratzen mit Inschriften // *Zeitschrift für Archäologie*. Bd. 20. H. 1. S. 65–79.
- Hinton D. A.*, 2005. Gold and Gilt, Pots and Pins. Possessions and People in Medieval Britain. Oxford: Oxford University Press. 456 p.
- Krabath S.*, 2004. Die metallenen Trachtbestandteile und Rohmaterialien aus dem Schatzfund von Fuchsenhof // *Der Schatzfund von Fuchsenhof* / Eds: B. Prokisch, T. Kühtreiber. Linz: Oberösterreichisches Landesmuseum. P. 231–306.
- Le Goff J.*, 1998. Civilizacija srednjovjekovnog Zapada. Zagreb: Golden marketing. 566 p.
- Lightbown R. W.*, 1992. Mediaeval European Jewellery. London: Victoria & Albert Museum. 589 p.
- Ragolič A.*, 2010. Srednjeveški in zgodnjenovoveški nakit z napisi: diplomsko delo. Ljubljana: Univerza v Ljubljani. 124 p.
- Søvsø M. H.*, 2009. Middelalderlige ringspænder. Typologi, datering og brug // *Kuml. Årbog for Jysk Arkæologisk Selskab*. 2009. Århus. S. 183–211.
- Søvsø M. H.*, 2011. Tro, håb og kærlighed. De middelalderlige ringspænders symbolik // *Kuml. Årbog for Jysk Arkæologisk Selskab*. 2011. Århus. S. 263–285.
- Szabó K.*, 1938. Az alföldi magyar nép művelődéstörténeti emlékei = Kulturgeschichtliche Denkmäler der ungarischen Tiefebene. Budapest: Országos Magyar Történeti Múzeum. 135 o.
- Vargha M.*, 2015. Hoards, grave goods, jewellery. Objects in hoards and in burial contexts during the Mongol invasion of Central-Eastern Europe. Oxford: Archaeopress Archaeology. 95 p.
- Zečević D.*, 1978. Pučki književni izraz vjere u magijsku moć riječi // *Povijest hrvatske književnosti u sedam knjiga. Knjiga 1*. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber. S. 430.

Сведения об авторе

Белай Юрай, Институт археологии, ул. Людевита Гая, 32, Загреб, 10000, Хорватия; e-mail: juraj.belaj@iarh.hr

J. Belaj

RING-SHAPED FIBULAE IN THE CONTEXT OF COSTUME
AND THE SYSTEM OF WORLD OUTLOOK AND BELIEFS
OF THE HIGH AND LATE MIDDLE AGES

Abstract. Ring-shaped fibulae are common finds related to the European Middle Ages. The fibula consists of a loop that has a variety of shapes and a pin that turns around its axis but cannot slide freely across the fibula body. There are ring-shaped fibulae of various forms and sizes made from precious and non-precious metals; quality of metalwork art also varies. Fibulae were especially popular in the 13th and 14th centuries. Fibulae also originate from treasure hoards, settlements, fortresses and graves; they were often depicted on the statues of the said period representing people who wore outer clothes. In graves fibulae could be placed near the pelvis or stomach. Typological and comparative analysis has been carried out taking into account the material fibulae are made of, and distinctive features of their shape. Various functions of ring-shaped fibulae as dress accessories are reviewed. Archaeological finds demonstrate a larger variety of functions associated with ring-shaped fibulae than the functions identified based on depictions on medieval statues.

A stress is made on apotropaic meaning of ring-shaped fibulae; the author notes a multi-layered nature of their symbolism based on inscriptions on some fibulae. It is emphasized that the discussed fibulae reflect developed character of medieval people's world outlook and beliefs.

Keywords: ring-shaped fibula, Middle Ages, inscription, decoding, symbolism, apotropaic magic.

About the author

Belaj Juraj, Institut za arheologiju, Ulica Ljudevita Gaja, 32, 10000 Zagreb, Croatia; e-mail: juraj.belaj@iarh.hr

А. А. Барвенова

ТРАНСФОРМАЦИЯ МУЖСКОГО КОСТЮМА БЕЛОРУССКОЙ ШЛЯХТЫ С ЖУПАНОМ

Резюме. В эпоху Ренессанса произошла эволюция жупана: из военной одежды эпохи Средневековья он стал главным компонентом парадного костюма белорусского шляхтича. В статье предложены шесть основных причин появления репрезентативного мужского костюма с жупаном в XVI в. Перечислено, почему костюм с жупаном господствовал в Беларуси до середины XIX в., приобретал богатые компоненты, в первую очередь слуцкий пояс, распространялся от магнатории и шляхты к городской знати и мещанам. Одновременно с этим во время войн и восстаний XVII–XIX вв. костюм с жупаном оставался военной одеждой. Показаны наиболее значимые археологические находки слуцких поясов.

Ключевые слова: Беларусь, жупан, шляхта, слуцкий пояс, военный и парадный костюм.

Жупан – один из самых древних компонентов костюма элиты белорусского общества – магнатории и шляхты (дворянства). В течение столетий жупан с поясом прошел путь от необходимого атрибута военной одежды до основного компонента мужского костюма представителя воинского сословия. На протяжении всей своей истории он представлял собой распашную, длинную, слегка приталенную и расширенную книзу мужскую одежду с длинными рукавами.

Основными источниками изучения жупана являются: артефакты – сохранные образцы жупанов; изобразительные источники – портретная живопись, фрески, памятники и эпитафии, иконопись (отражение святых, донаторов), акварели, гравюры и др.; археологические материалы – фрагменты жупанов, тканей, аксессуаров и пр.; письменные – инвентари, реестры, описи имущества в завещании, судебные дела, городские акты, заметки путешественников и др. Наиболее многочисленными источниками являются произведения искусства и письменные памятники (Жывапіс Беларусі..., 1980; Музей старажытнабеларускай культуры, 2004; Gdzie Wschód..., 1993). Жупаны, дошедшие до нашего времени и выявленные во время археологических исследований, исчисляются

единицами и становятся редкими и уникальными музейными экспонатами (Музей Чарторыйских в Кракове, Национальный музей в Варшаве и др.). Шелковые пояса, жупаны и другие компоненты шляхетского костюма, хранившиеся в замках, усадьбах, монастырях, музеях Беларуси, во время Первой и Второй мировых войн были расхищены оккупантами. Некоторые магнаты еще до войн вывезли наиболее ценные предметы костюмов в свои замки в европейских странах. Богатая коллекция случских поясов, которая хранилась в одном из многочисленных залов Несвижского замка князей Радзивиллов, после 1939 г. исчезла. После восстановления независимости на территорию Беларуси возвращаются пояса, и с каждым годом их количество растет.

История костюма с жупаном давно интересует исследователей многих стран. В статьях и монографиях рассмотрены основные компоненты костюма шляхты Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ) и Королевства Польского, цветовая гамма, материалы, декор; определена художественно-пластическая роль шелкового пояса и других аксессуаров в комплексе костюма с жупаном (Turnau, 1991; Martinaitienė, 2007; Бялявіна, Ракава, 2007), даны схемы кроя жупана (Gutkowska-Rychlewska, 1968; Tajemnice..., 2015. С. 47). Исследования проводились в первую очередь на основе многочисленных изобразительных и письменных источников, а археологические материалы, которые являются редкими и уникальными, становились источником единичных исследований (Grupa, 2005; Drążkowska, 2008; Tajemnice..., 2015). За границами исследований остались многочисленные вопросы, среди которых: причины возникновения жупана в белорусском мужском костюме, продолжительность и условия его бытования, отличие временных отрезков его бытования на территории Беларуси, Польши и др. Не введены в научный оборот археологические материалы, открытые в Беларуси.

Цель данной статьи: выяснить основные причины возникновения жупана в белорусском мужском костюме, продолжительность его бытования, трансформацию назначения и приобретенную символику.

Слово «жупан», известное в белорусском языке со времен Средневековья, имело два значения: мужская одежда; должность, знатный соотечественник. Появление жупана на территории Беларуси тесно взаимосвязано с теорией происхождения шляхты от сарматов. Слово «жупан» происходит от древнеиранского *gu-rāna*, *gau-rāna*, что переводится как «стражник скота». С небольшими изменениями и с таким же значением оно сохранилось в новоперсидском (*šubān*, пастырь, владелец, кочевник), арабском и турецком языках, а также вошло во многие европейские языки. Первоначально слово «жупан» означало «одежда пастуха» и пришло в Европу вместе с широкой экспансией племени сарматов во II–I вв. до н. э. Поначалу панцири катафрактариев (воинов тяжелой кавалерии) состояли из расщепленных на чешуйки конских копыт, нашитых на ткань либо кожаную одежду. Позже их заменили металлические пластины. Панцири надевались поверх «одежды пастыря» – жупана – и в точности повторяли его силуэт. Вооружены воины были длинными копьями (до 4,5 м) и длинными мечами (до 1,2 м длиной), которые назывались «сарматскими мечами».

Основу войск ВКЛ в Средневековье составляла кавалерия (Бохан, 2002). Впоследствии панцири были заменены металлическими латами, которые также

надевались поверх жупана. Существует гипотеза, выказанная польским исследователем К. Туской, что жупица из кожи, надевавшаяся под защитное снаряжение, дала начало жупану (*Tuska*, 1987). Белорусский исследователь вооружения ВКЛ Ю. Бохан утверждает, что жупаны (зипуны) – прошитые, набитые очесами льна, конопля, с вшитыми в середину металлическими пластинками – еще во второй половине XVI в. могли выступать как самостоятельная защита тела, так и в комплекте с пластинчатыми доспехами, панцирями или отдельными панцирными элементами, в частности зарукавьями (*Бохан*, 2003. С. 24). С появлением в позднем Средневековье огнестрельного оружия значение металлических лат было утрачено, и жупан сам по себе остался элементом одежды, показывающим принадлежность ее обладателя к воинскому сословию.

Жупан с XVI в. стал самой распространенной одеждой знати Беларуси (рис. 1), необходимым дополнением к которой являлась «сарматская сабля». С эпохи Ренессанса он стал компонентом парадного церемониального костюма короля и магнатории, костюмом послов от воеводств на сеймы, официальной должностной одеждой служащих государственных учреждений. По сути, он стал демонстрацией статуса его владельца в обществе (*Барвенава*, 2016; *Бохан*, *Скеп'ян*, 2011).

Определим основные причины возникновения в конце XVI в. мужского костюма с жупаном. Эпоха Ренессанса повлияла на изменения в мировоззрении, возникновение отличительных региональных костюмов во всех европейских странах. Так и жупановый наряд был рожден стремлением белорусской шляхты, более широко – дворянства Речи Посполитой обоих народов (белорусов и поляков), продемонстрировать свою особенность в европейском сообществе. Выбранные компоненты жупанового комплекса были функциональными и удобными, рожденными и апробированными в предыдущие века, соответствовали вкусам местной элиты, климатическим условиям, военному долгу шляхтича.

На появление и жизнеспособность жупанового костюма повлияла шляхетская идеология – сарматизм, распространенная на землях Беларуси. К концу XVI в. сарматизм приобрел черты классовой теории, которая рассматривала шляхту как потомков сарматов. Сарматизм мифологизировал происхождение знати, утверждал родство и однородность шляхты. Он повлиял на всепроникающее подчеркивание избранности, древних корней знати, на честь и самоуважение, на культуру, искусство и быт, в том числе на широкое распространение жупанового костюма. Эта идеология требовала от шляхты определенного образа жизни: жертвенности, показной набожности, участия в управлении государством, гостеприимства, проведения торжественных семейных праздников и развлечений, ношения дорогого оружия, богатой одежды (жупан, делия, кунтуш и др.) и аксессуаров (пояса восточного типа).

Ориентализм был частью художественной культуры и быта белорусской знати. Приглашение на постоянное проживание на землях Беларуси татар, армян, евреев, торговля и взаимосвязи со странами Востока повлияли на местные вкусы, шляхетский наряд. Жителям Беларуси были хорошо знакомы многовариантные восточные ткани и аксессуары. Жупан и широкий длинный шелковый с металлизированными нитями пояс испытали непосредственно восточное влияние.

Рис. 1. Жупан XVI–XVII вв. на живописных портретах

а – неизвестный художник. Портрет Михаила Борисовича. Конец XVI в. НХМ РБ; б – неизвестный художник. Портрет Януша Радзивилла. 1650 г. НХМ РБ; в – неизвестный художник. Портрет Януша Вишневецкого. Третья четверть XVII в. НХМ РБ

Шляхетский жупановый костюм родился в то самое время, когда было законодательно закреплено равенство всей шляхты Речи Посполитой обоих народов, что нашло отражение в разнообразных по богатству тканей костюмах при однотипном внешнем виде элиты общества. В течение Средневековья королей, князей, панов и другое рыцарство ВКЛ объединяло право собственности на землю. В середине XVI в. усилилась борьба шляхты за расширение своих политических прав. Статут ВКЛ 1566 г. подтвердил, что знать из класса военнообязанных землевладельцев превратилась в привилегированное сословие «народ-шляхту», занявшее господствующее положение в государстве.

Появление жупанового костюма совпало с появлением выборных (сеймом) королей. В европейских странах господствующие слои общества (дворяне) составляли 2–3 % общего количества населения, а на белорусских землях — до 12 % всех жителей (Шляхта..., 2003). Магнат в случае избрания на сейме мог стать королем, а любой шляхтич мог влиять на политическую и общественную жизнь государства. Жупановый костюм, выполненный из драгоценных или даже из дешевых тканей, визуально демонстрировал принадлежность к знати, исполняющей шляхетские обязанности, обладающей правами и вольностями («золотая вольность»). Поэтому костюм с жупаном приобрел богатый внутренний подтекст, который и поспособствовал его продолжительной жизни.

Еще одной причиной появления и закрепления костюма с жупаном была роль выборных королей, их собственные пристрастия к выбору одежды, ощущение местных традиций и умение их поддержать. Наиболее широкое распространение жупана среди высших сословий ВКЛ произошло во второй половине XVI в., особенно во время правления выборного короля Стефана Батория (1575–1586), который своим аскетизмом, простотой и неустанными заботами о государстве снискал всеобщую любовь подданных. Благодаря его личным привычкам и авторитету среди знати, а также его королевскому двору, привезенному из Венгрии (в то время части Османской империи), усилилось восточное влияние на стиль одежды ВКЛ и Польского королевства.

Белорусский костюм с жупаном — это уникальный мужской костюм в истории европейских костюмов по отличительному комплексу одежды, качеству и высокой художественной ценности его компонентов (в первую очередь плечевого пояса — см. ниже), а также — по длительности бытования — почти 400 лет — с XVI по XIX в.

С конца XVI в. мужской дворянский наряд состоял из жупана, рубашки, длинных штанов, высоких кожаных сапог, обязательно пояса и сабли вместо европейского меча (рис. 2, а). Жупан XVI в. был длинным, зауженным на талии и расширенным книзу, застегнутым спереди от шеи до пояса на густо посаженные пуговицы, с длинными вшивными, широкими в пройме и суженными у запястья рукавами (Жывапіс Беларусі..., 1980; Музей старажытнабеларускай культуры, 2004). По сравнению с предыдущими столетиями поменялись ткани и качество отделки (бархат, атлас, адамашек, муслин, парча, утерфин, бродат, штоф и другие, преимущественно шелковые, ткани), использовавшиеся на жупан и другие компоненты костюма и декор (золоченые шнуры, гаплики, гафтки золотые, серебряные и т. д.) (Барвенава, 2008).

Рис. 2. Жупаны XVII–XIX вв.

а – неизвестный художник. Портрет Кшыштофа Веселовского. 1636 г. НХМ РБ; *б* – Луи дэ Сильвестр. Портрет короля Августа Ш. 1737 г. Галерея старых мастеров в Дрездене; *в* – участник восстания Павел Барейша. Погиб в 1863 г. в возрасте 19 лет. Фотография

В течение второй половины XVII в., согласно барочной стилистике, жупановый костюм превратился в красочный наряд благодаря использованию тканей контрастного цвета, насыщенному великолепному и разнообразному декору. В середине XVII в. поверх жупана стали надевать кунтуш (верхняя мужская одежда с отрезной приталенной спинкой, длинными рукавами с прорезями), а его сложенные за плечи длинные «вылёты»-рукава создавали живописность силуэта, помогали гиперболизировать широкие мужские плечи. Ряды золоченых пуговиц и широкий шелковый, много раз опоясанный вокруг талии пояс, выпущенные по бокам фигуры концы пояса с длинной бахромой создавали вертикальную и горизонтальную доминанты костюма, подчеркивали богатство его владельца.

Дальнейшее развитие жупанового костюма в XVII – середине XIX в. шло не по пути его коренных преобразований, а путем изменений, связанных с модификацией элементов одежды, декора, закреплением региональных особенностей цветовой гаммы, совершенствованием композиции и орнаментальных мотивов шелковых поясов. Шелковый пояс с золочеными и серебряными нитями, повязанный поверх кунтуша, стал ярким цветовым акцентом, доминантой композиции всего шляхетского убора. С 1760-х гг. наиболее востребованными и ценными были случские пояса, изготовленные на мануфактуре, основанной в Слуцке в конце 1730-х гг. князем Иеронимом Флорианом Радзивиллом (1715–1760) (В граде Слуцке..., 2006; Дэкаратыўна-прыкладное..., 1984. С. 146–163; Хеннель-Бернасікава, Півовка, 1990).

Король, магнат, шляхтич надевал европейский или традиционный жупановый костюм в зависимости от обстоятельств, политических взглядов, должности, воспитания, возраста (*Бялявіна, Ракава*, 2007. С. 33). На портрете Александра Острожского (неизвестный художник, 1660, НХМ РБ) князь изображен в наряде, соответствующем французской моде, а шляхтич, который держит его коня, одет в жупан с поясом (*Жывапіс Беларусі...*, 1980. С. 143). Значительное влияние на распространение «своего костюма» в магнатской среде оказал великий князь и король Ян III Собеский (1674–1696), который ввел этот наряд как представительный в королевском дворце. На коронации Августа III (1734) все магнаты были в жупановых костюмах (рис. 2, б).

Три цвета жупана были самыми древними, наиболее значимыми и распространенными в течение всего времени жизни шляхетского костюма. Первый цвет: темно-красный, красный, малиновый, алый, вишневый – был широко распространен в одежде магнатории и зажиточной шляхты как символ власти, цвет в геральдике, цвет крови, которую необходимо пожертвовать для защиты своей земли. Второй цвет – белый, серебряный, золотой – был также геральдическим цветом. Третьим распространенным цветом в мужском костюме был синий.

Крой жупана за века оставался почти неизменным. Передние полы жупана цельные, спинка цельнокроеная с четко очерченной талией и расширением книзу. На протяжении столетий много раз менялись длина жупана (до колена, до середины икры, почти до пят), ширина и завершение рукава (треугольное, полукругом или сложной конфигурации, манжет с отворотами), высота и конфигурация воротника (без воротника, стойка разной вышины, отложной). Жупан всегда был распашным, полы жупана только ненамного заходили друг на друга,

застежка располагалась по центру фигуры. Во втором варианте кроя правая пола могла далеко заходить на левую полу (почти до бокового шва). Жупан всегда застегивался спереди от шеи до талии на ряд густо посаженных петель и пуговиц. Жупан подшивали шелковой, хлопчатобумажной, шерстяной тканью, он отделывался вокруг воротника, по полотнищам и подолу, по краю рукава золоченой или контрастного цвета тесьмой, шнуром, гарусом, которые вшивали между основной тканью и подкладкой. Благодаря конструкции жупана в нем было легко двигаться, держать саблю, стремительно садиться на лошадь и удобно ездить верхом. Из-за простоты кроя, легкости пошива и практичности жупан стали перенимать и низшие слои общества, и тогда воинское сословие (шляхта), чтобы подчеркнуть знатность своего происхождения, стало носить жупаны из дорогих сортов тканей, украшать их различными декоративными элементами.

Археологические исследования храмовых захоронений на территории Польши помогли выяснить варианты кроя жупана, варианты тканей, цветовую гамму, орнамент, отделку (*Grupa*, 2005; *Drązkowska*, 2008; *Tajemnice...*, 2015). К сожалению, многочисленные храмовые захоронения на территории Беларуси были безвозвратно потеряны. В открытых в конце XX – начале XXI в. захоронениях найдены пояса, фрагменты жупанов, пуговицы, тесьма (*Археалогія Беларусі...*, 2009).

В г. Мозыре во время земляных работ был обнаружен пояс, изготовленный в ВКЛ на Слуцкой мануфактуре в 1780–1807 гг. Пояс имеет размер 415,4 × 34,6 см, бахрому с двух сторон длиной 14,5 см. Пояс односторонний, двухлицевой, выткан из цветного шелка, золотых и серебряных нитей с золотой бахромой. В углу одного конца метка «ЛЕО МА / ЖАРСКИЙ», в углу второго – «ВЫГР'ДЪ / СЛУЦКЪ». Пояс был передан в Мозырский районный краеведческий музей в 1966 г., сегодня хранится в Национальном историческом музее Республики Беларусь (н/д 10503) (*Слуцкія паясы...*, 2008. С. 13) (рис. 3, а).

Целый слуцкий пояс обнаружен около усадьбы пана Андруковича – Галешавичи и деревни Микелевщина Мостовского района Гродненской области. Пояс поступил в 1986 г. в Литературный музей Максима Богдановича в Минске. Он имеет размер 360,0 × 29,6 см, по концам бахрому длиной 11 см. Пояс двухсторонний, двухлицевой, имеет четыре цветовые части, выполнен из цветных шелковых, золотых и серебряных нитей. С правой стороны внизу перед бахромой выткана метка с надписью латинскими буквами «SLUCK». Пояс был выполнен в ВКЛ на Слуцкой мануфактуре в 1760–1776 гг., отреставрирован в 1993 г. во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре им. И. Э. Грабаря в Москве (реставраторы: Е. В. Семечкина, А. Ф. Чарторыжская, Т. М. Вентцель), экспонируется в Литературном музее Максима Богдановича в Минске (КП 00489) (рис. 3, б).

Среди последних археологических открытий: пояса, обнаруженные в 2007 г. на территории бывшего иезуитского коллегиума XVIII в. в деревне Юровичи Калинковичского района Гомельской области. Во время проведения строительных работ у костела Рождества Девы Марии случайно было вскрыто несколько шляхетских погребений, в двух из которых сохранились фрагменты тканей одежды, а также поясов: семь частей пояса № 1 и восемь частей пояса № 2 (рис. 3, в, г). Благодаря тому что недалеко работала археологическая экспедиция Института

Рис. 3. Пояса жупанов XVIII в.

а – пояс. Слуцкая мануфактура. 1780–1807 гг. Шелк, золотые, серебряные нити, ткачество; *б* – пояс. Слуцкая мануфактура. 1760–1776 гг. Шелк, золотые, серебряные нити, ткачество; *в* – фрагмент пояса № 1 до реставрации. Слуцкая мануфактура. До 1770-х гг. Шелк, ткачество; *г* – фрагмент пояса № 2 до реставрации. Гродненская мануфактура. 1770-е гг. Шелк, серебряные нити, ткачество (рис. 3, *в*, *г* – фото И. Скворцовой)

истории Национальной академии наук Беларуси, строительные работы были остановлены, а находки спасены археологом, к. и. н. О. В. Иовом и архитектором, историком Е. Р. Маликовым. Атрибуцию поясов провела к. и. н. И. Н. Сковорцова и установила, что пояс № 1 произведен на радзивилловской мануфактуре поясов в г. Слуцке не позже 1770-х гг., когда предприятие возглавлял армянский мастер-текстильщик Ян Маджарски. Пояс № 2 произведен на королевской мануфактуре поясов в г. Гродно в 1770-х гг. согласно эскизу французского мастера-текстильщика Жана Луи Инара, который в 1770–1777 гг. являлся одним из руководителей фабрики (Сковорцова, 2015). Благодаря реставратору художественного текстиля И. Карлионовой (Карлионова, 2013) пояса были отреставрированы в 2009 г., дополнили собрания Национального историко-культурного музея-заповедника «Несвиж» и начали свою «вторую жизнь» в качестве музейных экспонатов с инвентарными номерами НД 003937 (случский пояс) и НД 003938 (гродненский пояс).

Широкое ношение жупана в Речи Посполитой начало снижаться в конце XVIII в. как по политическим обстоятельствам, так и вследствие широкого распространения тогдашней западноевропейской мужской моды. Территории Польши и Беларуси оказались в разных политических и историко-культурных ситуациях. В Польше исчезновение жупанового костюма принято связывать с периодом правления Августа Понятовского (1764–1795) (Bartkiewicz, 1979; Turnau, 1991; Tazbir, 2013), а на территории Беларуси по многим причинам костюм с жупаном и кунтушом жил еще более 100 лет.

Определим основные причины долголетия жупана на территории Беларуси. После первого раздела Речи Посполитой (1772) и частичной утраты самостоятельности белорусскими землями, а также шляхетских прав и свобод идеология сарматизма стремительно возрождалась. В бывшем ВКЛ – в Беларуси – ширились протестные настроения, широко сохранялась живая шляхетская мировоззренческая и бытовая традиция, а кунтуш, сабля на бедрах, блестящий шелковый пояс четко декларировали социальную принадлежность, любовь к Отечеству, рыцарские взгляды, свободу (Kitowicz, 1841). Во время Четырехлетнего сейма 1788–1792 гг. патриотические настроения белорусской шляхты еще более возросли, соответственно, костюм с жупаном стал свидетельством политических убеждений своего владельца. Жупан стали носить как символ требования свободы ВКЛ. На Слуцкой мануфактуре начали изготовление поясов с государственной символикой уже несуществующей страны ВКЛ – «Погоня».

Во времена восстания Тадеуша Костюшко (1794) за восстановление независимости и суверенитета произошла униформизация мужского костюма. Жупан снова стал военной одеждой. К строю повстанцев добавлялась белого цвета кокарда. Отмена Конституции, принятой сеймом 3 мая 1791 г., была отмечена выпуском зеленых поясов с серебром, которые назывались «позитивками» (Музей старажытнабеларускай культуры, 2004. С. 206). Зеленый цвет символизировал надежду, весну, время принятия Конституции – май месяц. Такие пояса демонстративно носили сторонники Конституции, как символ свободы, протеста против ее ограничения. Поражение восстания Т. Костюшко привело к третьему разделу Речи Посполитой в 1795 г. В это время произошло редкое для истории костюма явление – запрет на внешние признаки рыцарства, дворянства, запрет носить шелковые пояса. Запрет «обмундирования» был формой

давления на земли бывшего ВКЛ, попыткой лишения национальной идентичности его жителей.

Великая французская революция дала надежды на возрождение ВКЛ. Большое количество белорусского дворянства участвовало в войне на стороне Наполеона. Во времена Княжества Варшавского сейм объявил о Генеральной конфедерации 28 июня 1812 г., утвердил цвета костюма: жупан темно-синий и кунтуш пурпурный или пурпурно-красный для шляхты «обоих народов».

Во время освободительных восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг. земли Беларуси, Литвы, Правобережной Украины стали очагом сарматизма, вооруженной борьбы за шляхетские свободы, свободу своей Отчизны, демонстративного ношения жупана. Несмотря на выпуск последнего слущкого пояса в 1846 г., шляхта продолжала носить шелковые пояса, опоясывая ими жупан и кунтуш. Адам Мицкевич в поэме «Пан Тадеуш», изданной в 1834 г., описал таинство развязывания слущкого пояса новогрудским шляхтичем: «Тут развязал подвойский судья кушак цветистый, Кушак работы слущкой, с кистями, золотистый; Был черный шелк изнанки простеган серебром. Кушак служил двояко: изнанкой и лицом; Для праздничного пира одною стороною, Для траура изнанкой; искусною рукою Подвойский этот пояс снимал и надевал» (перевод Пальмина Л. И.).

За «свой жупан» крепко «держались» дворяне, которые не подтвердили документально своего дворянства после аграрной реформы 1830-х гг. и «разбора шляхты». Благодаря многочисленным указам, ревизиям, требованиям доказывать шляхетство в судах, введению после восстаний новых ограничений в принципах доказательства дворянства, большинство шляхты бывшего Великого княжества в 1868 г. были записаны в сословие мещан или крестьян (Разбор шляхты..., 2001). Знать настолько обеднела, что зажиточный крестьянин стал богаче пана, как говорит белорусская пословица: «иной жупан недостоин свиты».

Знать в жупановых костюмах зафиксировали многочисленные фотографии повстанцев 1863–1864 гг. (Партрэты паўстання..., 2014) (рис. 2, в). После жестокого подавления восстания Кастуся Калиновского, жестоких репрессий (более 12 тыс. участников восстания было отправлено в Сибирь, имения шляхты, которая имела отношение к восстанию, изъяты) жупан с поясом ушел из широкого обихода. Известные слущкие пояса переделывали, отдавали на орнаты священникам, чтобы хоть таким способом сберечь память. В белорусских, литовских, польских музеях находится большое количество орнатов, в которые вшиты драгоценные слущкие и другие шелковые пояса (Дэкаратыўна-прыкладное мастацтва..., 1984. С. 164–169; *Martinaitienė*, 2007).

Но даже когда шляхетский костюм исчез как церемониальный, представительный комплекс и обмундирование, шляхтичи продолжали ношение жупана с поясом во время важнейших моментов личной жизни (свадьба, похороны) до конца XIX в. Магнаты стали собирать коллекции поясов для своих галерей, создавали «комнаты поясов» во дворцах, бережно хранили компоненты традиционного строя. В конце XIX – начале XX в. знать фотографировалась в жупановом костюме, подчеркивая свои исконные честь, достоинство и свободу.

Последнее массовое использование шляхетского костюма было в межвоенный период (1919–1939) в Западной Беларуси, особенно на семейных торже-

ствах магнатории: свадьбы, рождественские встречи, похороны, что показывают фотографии. Жених одевался в жупан, кунтуш, опоясывался шелковым поясом, на голове красовалась шапка с пером, на боку крепилась «сарматская сабля». Гости также одеты в жупаны, подпоясанные поясом, с саблями. Невеста надевала модное для своего времени платье.

Таким образом, жупан известен в истории белорусского костюма на протяжении многих столетий. До эпохи Ренессанса жупан был компонентом военного костюма, с XVI в. жупановый наряд стал господствовать в истории мужского дворянского костюма в Беларуси как элитарный костюм. На появление в конце XVI в. жупанового наряда повлиял целый ряд предпосылок и причин: богатая история одежды на белорусских землях, влияние эпохи Ренессанса на возникновение региональных костюмов, мифологизация происхождения шляхты, ориентализм, появление элекционных сеймов и элекционных королевских особ, законодательное закрепление в «Статуте ВКЛ» равенства всей шляхты, их прав и привилегий, что внешне подчеркивалось одинаковым стилем одежды «политического народа-шляхты».

Продолжительному, почти 400-летнему, главенствованию жупанового костюма на землях Беларуси способствовали удобство его компонентов, закрепленная на протяжении веков за жупаном символика равенства шляхты, патриотизма, свободы и борьбы за независимость Отечества. На землях Беларуси жупановый костюм, особенно после разделов Речи Посполитой 1772, 1793, 1795 гг., во время восстания Т. Костюшко 1794 г., восстания 1830–1831 гг., восстания К. Калиновского 1863–1864 гг., стал символом белорусской шляхетской культуры, шляхетских взглядов, образа жизни, которыми он был рожден и взлелеян, символом патриотизма, достоинства, очерченной социальной и национальной идентичности. Так, на протяжении веков жупановый костюм сформировался как белорусский национальный костюм, самобытное художественное и политическое явление, стал многозначительным символом. Одновременно в XVII–XIX вв. жупан остался парадным военным костюмом, эволюционировал в компонент костюма участников восстаний за независимость. После уничтожения шляхты как класса общества жупан трансформировался в свиту – компонент белорусского традиционного мужского костюма. Сегодня жупан становится компонентом костюма белорусской интеллигенции во время семейных (свадьбы) торжеств и корпоративных праздников. Производство случких поясов возрождено на Слуцкой фабрике художественных изделий (Беларусь).

ЛИТЕРАТУРА

- Археалогія Беларусі, 2009. Энцыклапедыя. Т. 1. Мінск: БелЭН. 493 с. (Барвенкова)
Барвенкова Г. А., 2008. Тэкстыль Сярэднявечча на землях Беларусі. Мінск: Бел. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў. 246 с.
Барвенкова Г. А., 2016. Кунтушовы пояс у строі беларускай шляхты XVII–XIX стст. // *Слуцкі пояс: гісторыя і сучаснасць*. Мінск: РІВШ. С. 83–134.
Бохан Ю. М., 2002. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV – канца XVI ст. Мінск: Экаперспектыва. 336 с.
Бохан Ю., 2003. Зброя Вялікага княства Літоўскага 1385–1576. Мінск: Беларусь. 88 с.

- Бохан Ю. М., Скеп'ян А. А., 2011. Побыт феадалаў Вялікага Княства Літоўскага ў XV – сярэдзіне XVII стагоддзя. Мінск: Беларусь. 271 с.
- Бялявіна В. М., Ракава Л. В., 2007. Мужчынскі касцюм на Беларусі. Мінск: Беларусь. 303 с.
- В граде Слуцке: фотаальбом / Уклад. і аўтар прадмовы М. М. Яніцкая. Мінск: Асобны, 2006. 136 с.
- Дэкаратыўна-прыкладное мастацтва Беларусі XII–XVIII стагоддзяў: альбом / Аўт. тэксту і склад. Н. Ф. Высоцкая. Мінск: Беларусь, 1984. 235 с.
- Жывапіс Беларусі XII–XVIII стагоддзяў: альбом / Аўт. тэксту і склад. Н. Ф. Высоцкая. Мінск: Беларусь, 1980. 315 с.
- Карлинова И. Г., 2013. Из опыта реставрации кунтушовых поясов // Художественная культура армянских общин на землях Речи Посполитой: мат-лы Междунар. науч. конф. (Минск, 9–11 октября 2012 г.) / Сост. И. Н. Скворцова. Минск: Арт Дизайн. С. 211–216.
- Музей старажытнабеларускай культуры. Мінск: Беларусь, 2004. 283 с.
- Партрэты паўстання. Фотаальбом: да 150-годдзя страты Кастуса Каліноўскага і задушэння Паўстання 1863–1864 гадоў у Беларусі-Літве / Аўт.-склад.: К. Янушкевіч, Я. Янушкевіч. Ракаў, 2014. 76 с.
- Разбор шляхты // Эцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Гал. рэд. Г. П. Пашкоў. Т. 6. Кн. 1: Пузыны – Усяя. Мінск: БелЭн, 2001. С. 83–85.
- Скворцова И. Н., 2015. Кунтушовые пояса из Юрович в собрании Национального историко-культурного заповедника «Несвиж»: история обретения и атрибуции // Acta Anniversaria: зборнік навук. прац. / уклад. З. Л. Яцкевіч. Т. 1. Нясвіж: НГКМЗ «Нясвіж». С. 185–194.
- Слуцкія паясы: альбом-каталог выставы 29 верасня 2005 г. – 31 студзеня 2006 г. / Уклад. І. Зварыка. Мінск: Юніпак, 2008. 71 с.
- Хеннель-Бернасікава М., Пивоцка М., 1990. Мастацкія тканіны XVIII–XIX стагоддзяў: каталог выстаўкі. Мінск; Кракаў. 48 с.
- Шляхта // Эцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Гал. рэд. Г. П. Пашкоў. Т. 6. Кн. 2: Усвея – Яшын. Мінск: БелЭн, 2003. С. 220–223.
- Bartkiewicz M., 1979. Polski ubiór do 1864 roku. Wrocław: Ossolineum. 146 s.
- Drążkowska A., 2008. Odzież grobowa w Rzeczypospolitej w XVII i XVIII wieku. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. 343 s.
- Gdzie Wschód spotyka Zachód: portret osobistości dawnej Rzeczypospolitej 1576–1763: Katalog wystawy. Warszawa: Muzeum Narodowe, 1993. 440 s.
- Grupa M., 2005. Ubiór mieszczan i szlachty z XVI–XVIII wieku z kościoła p.w. Wniebowzięcia Najświętszej Marii Panny w Toruniu. Toruń: Wyd. Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. 238 s.
- Gutkowska-Rychlewska M., 1968. Historia ubiorów. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 962 s.
- Kitowicz J., 1841. O strojach czyli sukniach męskich // Opis obyczajów i zwyczajów za panowania Augusta III. T. 3. Poznań: Drukarnia Walentego Stefańskiego. S. 228–283.
- Martinaitienė G. M., 2007. Kontušo juostos Lietuvoje. Vilnius: Kultūros, filosofijos ir meno institutas. 404 s.
- Tajemnice krypty w kaplicy św. Anny / Red. M. Grupa. Gnień: Stowarzyszenie Centrum Aktywnych, 2015. 189 s.
- Tazbir J., 2013. Kultura szlachecka w Polsce. Rozkwit-upadek-relikty. Poznań: WNI. 216 s.
- Turnau I., 1991. Ubiór narodowy w dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa: Semper. 208 s.
- Tuska K., 1987. Ubiór dworski w Polsce w dobie pierwszych Jagiellonów. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 281 s.

Сведения об авторе

Барвеннова Анна Александровна, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, ул. Сурганова, 1, к. 2, Минск, 220072, Беларусь; e-mail: barbara@tut.by

A. A. Barvenova

TRANSFORMATION OF MALE COSTUME OF BYELORUSSIAN SZLACHTA WITH ZUPAN

Abstract. The Renaissance period saw an evolution of zupan; this item of military costume worn during the medieval times became the main item of ceremonial dress of Belorussian szlachta. The paper provides six main reasons why the ceremonial male attire that included a zupan appeared in the 16th century. The author explains why such attire with a zupan prevailed in Belorussia until the middle of the 19th century, acquiring colorful components, first of all, a Slutsk belt, and was accepted as the main garment item, first, by the magnates and the szlachta, and, subsequently, by city nobility and lower middle class. The military also wore garments with zupans throughout wars and rebellions of the 17th–19th centuries. The most important archaeological finds of Slutsk belts are described.

Keywords: Belorussia, zupan, szlachta, Slutsk belt, military and ceremonial dress.

REFERENCES

- Arkhealogiya Belarusi, 2009 [Archaeology of Byelorussia]. *Entsyklapedyya T. 1 [Encyclopedia], Vol. 1.* Minsk: BelEN, 493 p.
- Bartkiewicz M., 1979. Polski ubiór do 1864 roku. Wrocław: Ossolineum. 146 p.
- Barvenava G. A., 2008. Tekstyl' Syarednyavechcha na zemlyakh Belarusi. [Textiles of Middle Ages in lands of Byelorussia]. Minsk: Belaruskі dzyarzhahny ŷniversitet kul'tury i mastatstvaŷ. 246 p.
- Barvenava G. A., 2016. Kuntushovy poyas u stroi belaruskay shlyakhty XVII–XIX stst. [Kuntush belt in costum of Byelorussian szlachta in XVII–XIX cc.]. *Slutski poyas: gistoryya i suchasnasts' [Slutsk belt: history and present time]*. Minsk: Respublikanski instytut vysheyshay shkoly, pp. 83–134.
- Bokhan Yu. M., 2002. Uzbraenne voyska VKL drugoy palovy XIV – kantsa XVI st. [Weaponry of army of Great Lithuanian principality in second half of XIV – end of XVI c.]. Minsk: Ekaperspektyva. 336 p.
- Bokhan Yu. M., Skep'yan A. A., 2011. Pobyt feadalaŷ Vyalikaga Knyastva Litoŷskaga ŷ XV – syaredzine XVII stagoddzya [Everyday life of feudal lords in Great Lithuanian principality in XV – mid XVII century]. Minsk: Belarus'. 271 p.
- Bokhan Yu., 2003. Zbroya Vyalikaga knyastva Litoŷskaga 1385–1576 [Weapons of Great Principality of Lithuania 1385–1576]. Minsk: Belarus'. 88 p.
- Byalyavina V. M., Rakava L. V., 2007. Muzhchynski kastyum na Belarusi [Men's costume in Byelorussia]. Minsk: Belarus'. 303 p.
- Dekaratyŷna-prykładnoe mastatstva Belarusi XII–XVIII stagoddzyaŷ: al'bom [Decorative applied art of Byelorussia of XII–XVIII centuries: album]. N. F. Vysotskaya, comp. Minsk: Belarus', 1984. 235 p.
- Drażkowska A., 2008. Odzież grobowa w Rzeczypospolitej w XVII i XVIII wieku. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. 343 p.
- Gdzie Wschód spotyka Zachód: portret osobistości dawnej Rzeczypospolitej 1576–1763: Katalog wystawy. Warszawa: Muzeum Narodowe, 1993. 440 p.
- Grupa M., 2005. Ubiór mieszczan i szlachty z XVI–XVIII wieku z kościoła p.w. Wniebowzięcia Najświętszej Marii Panny w Toruniu. Toruń: Wyd. Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. 238 p.
- Gutkowska-Rychlewska M., 1968. Historia ubiorów. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 962 p.
- Karlionova I. G., 2013. Iz opyta restavratsii kuntushovykh poyasov [From experience of restoration of kuntush belts]. *Khudozhestvennaya kul'tura armyanskikh obshchin na zemlyakh Rechі Pospolitoj: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (2012) [Art culture of Armenian communities in*

- lands of Rzecz Pospolita: proceedings of International scientific conference (2012)*. I. N. Skvortsova, comp. Minsk: Art Dizayn, pp. 211–216.
- Khennel'-Bernasikava M., Pivotska M., 1990. Mastatskiya tkaniny XVIII–XIX stagoddzyaŭ: katalog vystaŭki [Art textiles of XVIII–XIX centuries: catalogue of exhibition]. Minsk; Kraków. 48 p.
- Kitowicz J., 1841. O strojach czyli sukniach męskich. *Opis obyczajów i zwyczajów za panowania Augusta III*, vol. 3. Poznań: Drukarnia Walentego Stefańskiego, pp. 228–283.
- Martinaitienė G. M., 2007. Kontušo juostos Lietuvoje. Vilnius: Kultūros, filosofijos ir meno institutas. 404 p.
- Muzej starazhytnabelaruskay kul'tury [Museum of ancient Byelorussian culture]. Minsk: Belarus', 2004. 283 p.
- Partrety paŭstan'nya. Fotaal'bom: da 150-godz'dzya straty Kastusya Kalinoŭskaga i zadushen'nya Paŭstan'nya 1863–1864 gadoŭ u Belarusi-Litve [Portraits of rebellion. Photo album: toward 150th anniversary of execution of Kastus Kalinovsky and crush Rebellion of 1863–1864 in Byelorussia – Lithuania]. K. Yanushkevich, Ya. Yanushkevich, comp. Rakaŭ, 2014. 76 p.
- Razbor shlyakhty [Dissent of szlachta]. *Entsyklapedyya gistoryi Belarusi [Encyclopedia of history of Byelorussia]*, vol. 6, book 1. G. P. Pashkoŭ, ed. Minsk: BelEn, 2001, pp. 83–85.
- Shlyakhta [Szlachta]. *Entsyklapedyya gistoryi Belarusi [Encyclopedia of history of Byelorussia]*, vol. 6, book 2. G. P. Pashkoŭ, ed. Minsk: BelEn, 2003, pp. 220–223.
- Skvortsova I. N., 2015. Kuntushovye poyasa iz Yurovich v sobranii Natsional'nogo istoriko-kul'turnogo zapovednika «Nesvizh»: istoriya obreteniya i atributsii [Kuntush belts from Yurovich in collection of National Historical cultural reserve «Nesvizh»: history of acquisition and attribution]. *Acta Anniversaria: zbornik navukovykh prats [Acta Anniversaria: collection of scientific works]*, 1. Z. L. Yatskevich, comp. Nyasvizh: Natsyyanal'ny gistoryka-kul'turny muzey-zapavednik «Nyasvizh», pp. 185–194.
- Slutskiya payasy: al'bom-katalog vystavy 29 verasnya 2005 g. – 31 studzenya 2006 g. [Slutsk belts: album-catalogue of exhibition 29 September 2005 – 31 January 2006]. I. Zvaryka, comp. Minsk: Yunipak, 2008. 71 p.
- Tajemnice krypty w kaplicy św. Anny. M. Grupa, ed. Gniew: Stowarzyszenie Centrum Aktywnych, 2015. 189 p.
- Tazbir J., 2013. Kultura szlachecka w Polsce. Rozkwit-upadek-relikty. Poznań: Nauka i Innowacje. 216 p.
- Turnau I., 1991. Ubiór narodowy w dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa: Semper. 208 p.
- Tuska K., 1987. Ubiór dworski w Polsce w dobie pierwszych Jagiellonów. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 281 p.
- V grade Slutske: fotaal'bom [In city of Slutsk: photo album]. M. M. Yanitskaya, ed., comp. Minsk: Asobny, 2006. 136 c.
- Zhyvapis Belarusi XII–XVIII stagoddzyaŭ: al'bom [Painting of Byelorussia XII–XVIII centuries: album]. N. F. Vysotskaya, comp. Minsk: Belarus', 1980. 315 p.

About the author

Barvenova Anna A., Centre for studies of Byelorussian culture, language and literature, National Academy of Sciences of Byelorussia, ul. Surganova, 1, bld. 2, Minsk, 220072, Byelorussia; e-mail: barbara@tut.by

ОТ КАМНЯ К БРОНЗЕ. ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

Д. К. Еськова, К. Н. Гаврилов

КРЕМЕНЬ С ГАВИРОВКАМИ И ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАМЕННОГО СЫРЬЯ НА СТОЯНКЕ ВОСТОЧНОГО ГРАВЕТТА ХОТЫЛЕВО 2А

Резюме. В статье приведены результаты комплексного анализа представительной серии кремневых изделий с гравировками на известковой корке (268 предметов) из коллекции стоянки восточного граветта Русской равнины Хотылево 2А. Гравировки были обнаружены на предметах всех категорий расщепленного кремня и наносились на первой стадии расщепления (до или после изготовления преформ). Выявлена сильная корреляция между наличием гравировки и использованием приносного черного кремня. Не фиксируется предпочтение заготовок с гравировками на корке для изготовления определенного типа орудий. Не выявлено специфических зон, связанных с расщеплением исключительно кремня с гравировками или использованием орудий, изготовленных на подобных заготовках. На основании полученных данных выдвинуто две гипотезы: о маркировке ценного сырья и о связи факта гравировки преформ с транспортировкой сырья.

Ключевые слова: верхний палеолит, восточный граветт, Русская равнина, гравировки, каменная индустрия, символическое поведение, сырьевые стратегии.

Введение

Наиболее ранние гравировки на камне появляются в конце среднего палеолита (Hovers *et al.*, 1997; Homo Symbolicus..., 1984) и фиксируются в материалах ряда памятников верхнего палеолита и мезолита. За редкими исключениями (Thévenin, 1983; D'Errico, 1988) речь идет о единичных предметах, а не о представительных сериях. Гравировки традиционно воспринимаются исключительно как проявления знакового, неутилитарного поведения древних людей (Thévenin, 1983; Homo Symbolicus..., 1984). Высказывалась гипотеза о том, что предметы с гравировками могли использоваться в качестве «лунных календарей» или «счетных бирок» (Marshack, 1972), позже подвергнутая критике на основании детального анализа процесса нанесения гравировок (D'Errico, 1989). Основное внимание специалистов

традиционно привлекают наиболее ранние (конец среднего палеолита, начало верхнего палеолита) примеры появления гравировок на камне и на кости, так как для этого времени важен уже факт их обнаружения как показатель высокого уровня развития культуры (*Peng et al.*, 2012). Гравировки на камне средней и поздней поры верхнего палеолита и мезолита, за исключением представительных серий гравированных галек со стоянок азильской культуры (*Thévenin*, 1983; *D'Errico*, 1988), изучены намного менее подробно и зачастую не публикуются.

Раскопки стоянки восточного граветта Хотылево 2 дали на редкость представительную серию каменных изделий с орнаментальными композициями, нанесенными на известковую корку. Этой категории предметов посвящена только одна работа, где приведена обобщенная типологическая характеристика орнаментальных композиций, встречающихся на орудиях из кости, бивня и камня (*Заверняев*, 1981). В ней автор поднимает вопрос о значении каменных изделий с гравировками, предполагая их связь с магическими ритуалами или счетной системой (Там же. С. 154), но подробно его не рассматривает.

Цель нашего исследования – попытка выявить значение гравировок на известковой корке кремневых изделий с помощью комплексного анализа этой категории предметов. Достижение поставленной цели потребовало решения следующих задач: выявление всех каменных предметов с гравировками на известковой корке; определение типа сырья, из которого изготовлены предметы с гравировкой; установление категориальной принадлежности предметов с гравировками; определение этапа производственной цепочки, на котором наносились гравировки; анализ пространственного распределения кремневых изделий с гравировками.

Материалы и методы

Исследование базируется на анализе коллекции Хотылево 2 (пункт А), собранной в результате раскопок Ф. М. Заверняева 1969–1981 гг. Эта коллекция достаточно репрезентативна с количественной точки зрения – она насчитывает 20 005 кремневых предметов, собранных с исследованной раскопками площади в 576 кв. м. В результате ее изучения было выявлено 268 кремневых предметов с гравировками, нанесенными на известковую корку. Все предметы из расщепленного камня залегали в гумусированном суглинке и относятся к одному стратиграфическому уровню культурного слоя (*Гаврилов*, 2008. С. 58). Следует отметить, что коллекция является неполной – в ней фактически отсутствуют отходы расщепления (отщепы, осколки, обломки), которые не были взяты автором раскопок на музейное хранение (Там же. С. 16). Большая часть предметов имеет привязку к метровой квадратной сетке, но некоторое количество привязано только к площади раскопов. Следует отметить, что в коллекции пункта Б стоянки Хотылево 2, исследуемого с 2006 г. в соответствии с современной методикой, были также выявлены два предмета с гравировками, однако коллекция еще слишком мала для решения поставленных задач.

В работе был использован комплексный подход, подразумевающий сочетание типологического, технологического и пространственного методов анализа каменного инвентаря.

Классификация элементов орнамента

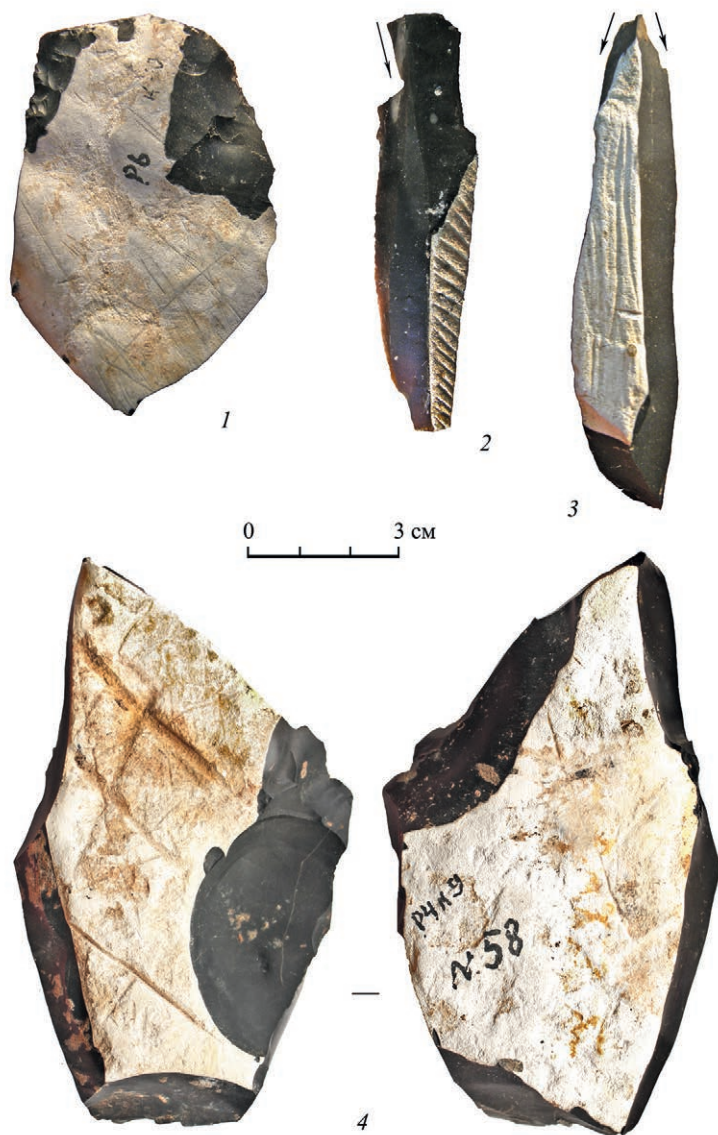

Рис. 1. Стоянка Хотылево 2А.

Кремневые предметы с гравировками на известковой корке

1 – отщеп с гравировкой; 2, 3 – орудия с гравировкой; 4 – нуклеус с гравировкой

Два основных вида каменного сырья, из которого изготовлены предметы с гравировками – темно-серый полупрозрачный плитчатый кремнь и черный матовый плитчатый кремнь, – имеют мягкую известковую корку, толщина которой варьируется от нескольких мм до 1 см. Благодаря своей мягкости, известковая корка этих видов кремня, вне зависимости от толщины, не мешает при расщеплении кремня, а также является удобной поверхностью для нанесения гравировок.

Морфологически выделяются два различных типа линий, формирующих орнаментальные композиции: тонкая глубокая (глубина прорезания достигает 10 мм) и широкая (до 5 мм) неглубокая (не более 1–2 мм). Вероятно, они нанесли орудиями с разным характером рабочей части (режущий край пластины либо отщепа и резцовая кромка (?)).

Разнообразие орнаментальных элементов, встречающихся на известковой корке каменных изделий, почти так же велико, как и на предметах из кости и бивня. Это ритмичные параллельные насечки, как правило – скошенные относительно продольной оси предмета, парные параллельные насечки, «елочка» из параллельных косых насечек, крестики, косая решетка, пересечение трех и более линий под углом друг к другу, отдельные прямые линии (как правило, параллельны длинной оси предмета), множество хаотично пересекающихся прямых или волнистых линий (рис. 1, 2) (Заверняев, 1981. С. 155, 156. Рис. 6; 7). Единственный элемент орнамента, встречающийся на костяных и бивневых изделиях, но отсутствующий на каменных, – это «рельефные зигзаги, образованные врезными треугольниками» (Там же. 1981. С. 142–154).

Как и на костяных и бивневых предметах, на корке кремневых изделий различные элементы орнамента нередко сочетаются между собой, образуя достаточно сложные композиции. Кроме того, на нескольких предметах выявлено последовательное наложение отдельных элементов орнамента или целых композиций на другие (рис. 1, 4). Зависимости между принадлежностью предмета к определенной категории или типу и типом встречающихся на корке орнаментальных элементов не установлено.

Этап нанесения гравировок

Гравировки были выявлены на известковой корке всех категорий изделий: от преформ до сколов оживления орудий, в том числе на «отходах расщепления» – осколках и первичных отщепах (табл. 1) (рис. 1). Анализ дорсальной поверхности орудий и пластин с гравировками позволяет сделать вывод о том, что негативы, «разрушающие» гравировку на корке, были оставлены сколами, снятыми до, а не после скалывания пластин, в 77 % случаев, для 23 % – этап нанесения гравировки установить невозможно. То есть, по меньшей мере, большая часть гравировок (возможно – все) была нанесена на первом этапе цикла расщепления – до или после изготовления преформ нуклеусов. Ярким подтверждением выявленной закономерности служат складки пластин и орудий на пластинах, где гравировки образуют единую композицию (рис. 2).

Следует отметить, однако, что половина предметов с гравировками (49 % для серого полупрозрачного кремня и 50 % для черного матового) (табл. 1) – орудия

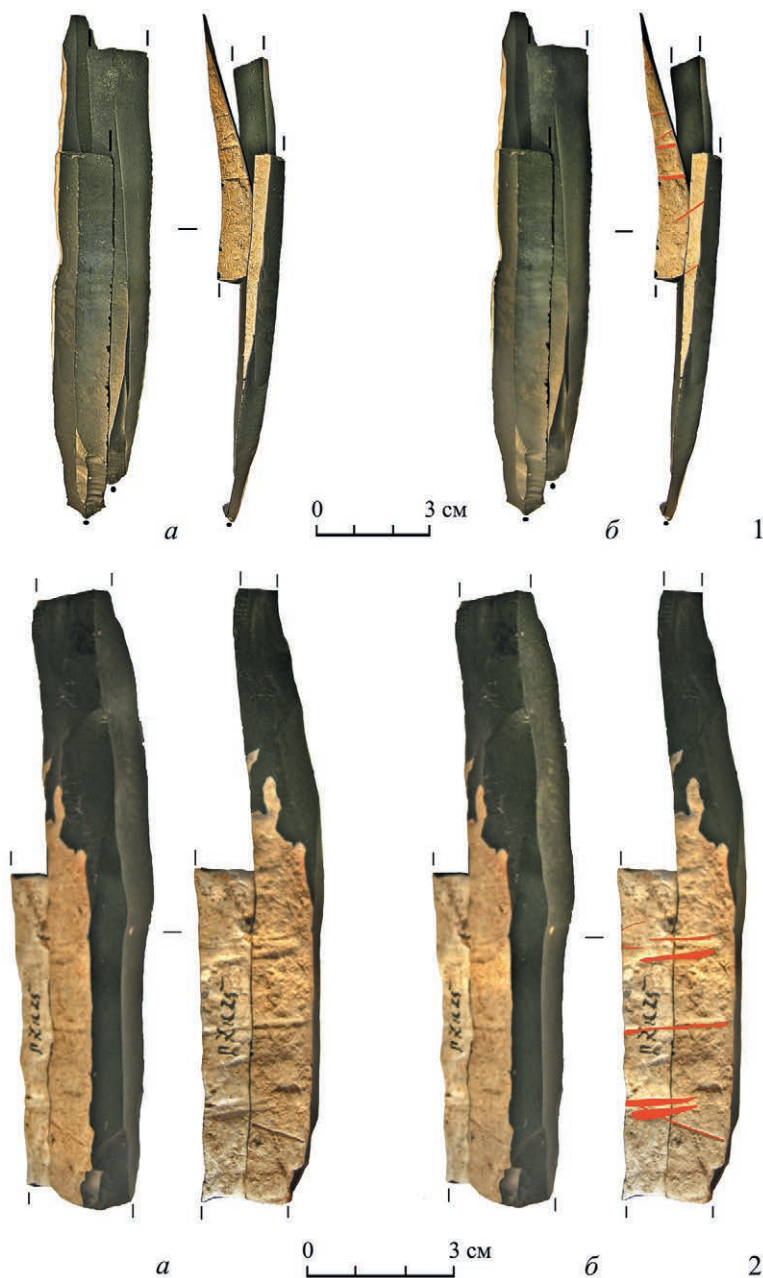

Рис. 2. Стоянка Хотылево 2А.

Ремонтаж кремневых сколов с гравировками на известковой корке

1а – пластины и орудия с гравировками; 1б – пластины и орудия с гравировками с прорисовкой; 2а – фрагменты пластин с гравировками; 2б – фрагменты пластин с гравировками с прорисовкой

на пластинах. Несомненно, доля орудий среди предметов с гравировками, учитывая почти полное отсутствие в коллекции отходов расщепления, существенно завышена. И все же она настолько высока, что мы приходим к выводу об очень активном использовании продуктов расщепления гравированного кремня в качестве заготовок для орудий.

Таблица 1. Распределение по категориям кремневых предметов с гравировками на известковой корке

Материал	Серый полупрозрачный кремень		Черный матовый кремень	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Преформы нуклеусов	1	1		
Нуклеусы	6	6	6	3,5
Отщепы	2	2	1	0,6
Осколки			2	1,1
Пластины	37	37	52	31,1
Пластинки	2	2	13	7,7
Пластинчатые отщепы	3	3	6	3,5
Орудия на отщепах/осколках			2	1,1
Орудия на пластинах	49	49	84	50
Сколы оживления орудий			1	0,6
Всего:	100	100	167	100

Типологический состав орудий с гравировками

Один из наиболее важных вопросов при определении значения гравировок: существует ли связь между определенными типами орудий и наличием гравировки? Сопоставление орудийного набора стоянки в целом и набора орудий с гравировками на известковой корке показывает, что орудия с гравировками принадлежат к наиболее распространенным в орудийном наборе стоянки категориям. Доля различных категорий и типов среди орудий с гравировками, как правило, примерно соответствует их доле в орудийном наборе в целом (табл. 2). Среди орудий с гравировками несколько больше тронки и острий. Наиболее существенные отличия касаются категорий пластин с регулярной ретушью и ретушью утилизации, комбинированных орудий и микроорудий. В коллекции отсутствуют микроорудия с гравировками по очевидной причине: лишь 5,7 % из них имеют участки известковой корки на дорсальной поверхности (Еськова, 2013. С. 125), и, даже в случае их наличия, их площадь крайне мала. Среди орудий с гравировками в два раза больше пластин с ретушью и комбинированных орудий, чем в орудийном наборе в целом, что дополнительно свидетельствует об экономном отношении к заготовкам с гравировками.

Таблица 2. Орудийный набор Хотылево 2А и орудия с гравировками

Материал	Серый плитчатый кремень				Черный плитчатый кремень				
	Всего орудий	%	Всего орудий с гравировками	%	Всего орудий	%	Всего орудий с гравировками	%	
Категория/тип орудий	Пластины с ретушью	535	9,9	8	16	67	16,6	15	17,6
	Пластины с ретушью утилизации	283	5,2	3	6	33	8,1	13	15,2
	Резцы	2149	39,9	21	43	96	23,7	25	29,3
	Скребки	624	11,6	4	8	26	6,4	6	7
	Острия	60	1,1	2	4	1	0,2	1	1,1
	Тронке	132	2,45	3	6	9	2,2	5	5,8
	Пластины с выемками	214	3,98	1	2	14	4,2	7	8,1
	Проколки	19	0,35			5	1,2	1	1,1
	Ножи костенковского типа	5	0,09						
	Наконечники с боковой выемкой	6	0,11			1	0,2		
Комбинированные орудия на пластинах	291	5,3	6	12	20	4,8	10	11,6	
	Другие орудия на пластинах	63	1,2	1	2	5	1		
Микроорудия	963	17,72			126	30,9			
	Скребла				1	0,2	1	1,1	
Отщепы и осколки с ретушью	14	0,26			3	0,74	1	1,1	
	Другие орудия на отщепах	16	0,31						
Всего	5374	100	49	100	407	100	85	100	

Связь использования различных видов сырья с нанесением гравировок

Каменные изделия на стоянке Хотылево 2 изготовлены из шести видов сырья: серого полупрозрачного плитчатого, черного матового плитчатого, матового серого пятнистого желвачного, серо-желтого галечного кремня, белого кварцита и белого кремня. Три последних вида сырья представлены единичными предметами, наиболее распространенными видами являются полупрозрачный серый плитчатый кремень – 18 774 экз. (93,7 %), матовый черный плитчатый – 1123 (5,6 %) и матовый серый пятнистый желвачный кремень – 119 (0,53 %). Плитки полупрозрачного серого кремня происходят из известняковых отложений мелового периода. В окрестностях стоянки Хотылево 2 в настоящий момент серый полупрозрачный кремень обнаруживается в большом количестве в переотложенном виде. По всей вероятности, в период существования стоянки ряд выходов этого вида кремня находился в непосредственной близости от нее. Местонахождений выходов других видов сырья на данный момент неизвестно. Между тем следует отметить, что по качеству корки и размерным характеристикам матовый черный плитчатый кремень не отличается от полупрозрачного серого плитчатого, широко распространенного в окрестностях стоянки. Можно предположить, что он также происходит из региональных известняковых отложений мелового периода.

Наиболее часто гравировки встречаются на известковой корке предметов из матового черного плитчатого кремня (167 экз., 63 %), достаточно велика доля предметов с гравировками из полупрозрачного серого кремня (100, 36,7 %), всего один предмет с гравировкой изготовлен из серого пятнистого кремня (0,3 %). Следует особо подчеркнуть, что 100 предметов с гравировками – всего 0,5 % всех изделий из серого полупрозрачного кремня, в то время как 167 предметов с гравировками составляют 15 % всех предметов из черного матового кремня. Отметим, что, во-первых, абсолютно все нуклеусы из черного кремня имели гравировку на корке; во-вторых, более половины предметов из черного кремня в коллекции вовсе не имеют участков известковой корки на дорсальной поверхности. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что нанесение гравировок на известковую корку плиток черного матового кремня – это скорее норма, а не исключение.

В связи с выявленной закономерностью встает вопрос: есть ли какие-то другие особенности использования приносного черного матового кремня по сравнению с местным серым полупрозрачным? Судя по наличию нуклеусов и технологических сколов, расщепление этих двух видов сырья производилось на стоянке (табл. 3). Первый этап первичного расщепления местного серого полупрозрачного кремня – подготовка преформ нуклеусов – производился на стоянке, чего не скажешь о черном матовом приносном кремне, так как в коллекции отсутствуют соответствующие первому этапу продукты расщепления.

Метрические параметры и характер кортикальной поверхности для двух видов плитчатого кремня сходны. Между тем качество самого кремня несколько отличается: местный серый полупрозрачный содержит большое количество известковых включений и зачастую сильно трещиноват, этих недостатков почти лишен черный матовый кремень, по крайней мере судя по присутствующим

в коллекции Хотылево 2А нуклеусам и сколам. Кроме того, следует отметить, что благодаря изобилию кремня в окрестностях стоянки нуклеусы из местного серого кремня, как правило, прекращали использоваться после возникновения первых серьезных технических проблем. Нуклеусы из черного матового кремня, за единственным исключением, сильно истощены.

Доля орудий из приносного матового черного кремня (36 %) существенно выше, чем для серого полупрозрачного местного кремня (28,62 %) (табл. 3). Это может быть связано и с более экономным отношением к первому виду сырья, и с тем, что оно, возможно, было принесено на стоянку не только в форме нуклеусов (или преформ), но и в форме орудий.

Таблица 3. Количественное и процентное соотношение различных категорий продуктов расщепления из разных видов кремня на стоянке Хотылево 2А

Кремень	Серый полупрозрачный плитчатый		Черный матовый плитчатый		Серый пятнистый матовый желвачный	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Преформы	44	0,23				
Нуклеусы	557	2,9	11	1	1	0,8
Вторичные нуклеусы	3	0,02				
Тестируемые куски сырья	6	0,04				
Отщепы первичные	121	0,64	8	0,7		
Отщепы	199	1	2	0,2	1	0,8
Пластины	8800	46,87	380	33,8	38	31,9
Пластинки	1496	7,9	136	12,1	14	11,7
Микропластинки	600	3,1	56	4,9	1	0,8
Пластинчатые отщепы	116	0,61	15	1,3		
Сколы оживления площадки	35	0,18	3	0,26		
Осколки	159	0,84	14	1,24		
Орудия	5374	28,62	404	36	54	45,3
Сколы оживления орудий	1264	6,65	94	8,3	1	0,8
Всего:	18 774	100	1123	100	119	100

Нами были выявлены определенные отличия в использовании черного приносного кремня для изготовления орудий. Прежде всего, речь идет об определенном предпочтении черного матового кремня при изготовлении микроорудий, в особенности микроострий. Если среди орудий из местного серого кремня микроорудий 17,8 %, то из черного кремня их уже 31 %. Доля орудий на отщепах и термических осколках из черного кремня немного выше, чем из серого полупрозрачного (0,94 и 0,59 % соответственно). Кроме того, интересно, что доля

**Рис. 3. Стоянка Хотылево 2А.
Использование различных видов каменного сырья для изготовления орудий**

резцов (самой массовой категории орудий в инвентаре Хотылево 2А) значительно ниже среди орудий из черного матового кремня, так же как и доля скребков. Напротив, доля пластин с ретушью и пластин с ретушью утилизации существенно выше. Предположение о том, что доля комбинированных орудий на пластинах окажется выше среди орудий из приносных видов сырья, не подтвердилось: доля комбинированных орудий из сравниваемых видов сырья примерно одинакова (4,8 % орудий из черного матового кремня и 5,3 % из местного серого полупрозрачного кремня) (табл. 2, рис. 3).

Отдельного обсуждения требует вопрос о почти полном отсутствии предметов с гравировками на корке из серого пятнистого матового кремня. Так же как и черный матовый, этот вид кремня является приносным. Около половины (45,3 %) изделий из серого пятнистого кремня – орудия; 44,4 % – пластинчатые сколы (в основном пластины). Из орудий большую часть (77,7 %) составляют микролиты (табл. 3, рис. 3). Среди изделий из серого пятнистого матового кремня был обнаружен всего один предмет с гравировкой на известковой корке, что составляет всего 0,8 % всех предметов из этого вида сырья. Связано ли это с тем, что орудия и заготовки из этого вида кремня были принесены со стоянки, где он не являлся редкостью и не представлял особой ценности? Или с тем, что среди предметов, принесенных на стоянку Хотылево 2А, лишь малую часть составляют экземпляры с известковой коркой на дорсальной поверхности? В данный момент ответить на эти вопросы не представляется возможным.

Пространственное распределение кремня с гравировками

При анализе пространственного распределения кремневых предметов с гравировками перед нами встают следующие вопросы. Связано ли расщепление плиток кремня с гравировками с определенным участком стоянки? Происходило ли использование (или хранение) орудий с гравировками в определенной зоне стоянки? То есть, фактически, есть ли принципиальная разница в пространственном распределении кремня с гравировками и основной массы кремневых изделий?

Изделия из кремня хотя залежали довольно неравномерно по площади стоянки, вскрытой раскопами Ф. М. Заверняева, тем не менее достаточно четко отделяли центральную часть поселения пункта А от ее периферии. Значительная часть находок концентрировалась в границах так называемого зольника, распространяясь, однако, и за его пределы (Гаврилов, 2008. С. 56, 57).

Распределение кремней с гравировками принципиально не отличается от распространения остальных кремневых предметов. В данном случае существенным является тот факт, что повышенная концентрация кремней с гравировками на известковой корке в целом коррелирует с местами общей повышенной плотности расщепленного кремня (рис. 4) (Там же. С. 203. Рис. 103). Большая часть нуклеусов с гравировками концентрируется в крупном скоплении в северной части комплекса № 5 – там же, где и значительная часть нуклеусов без гравировок, – и несколько севернее его. Второе по плотности скопление нуклеусов на стоянке Хотылево 2А находится на юго-востоке комплекса № 4, там также был найден один из нуклеусов с гравировкой. Места обнаружения еще двух нуклеусов с гравировками – юго-восточная часть комплекса №1 и северо-западная часть комплекса № 4 – также связаны с достаточно высокой концентрацией нуклеусов в целом (рис. 4) (Там же. С. 204. Рис. 104). Важно, что существенная часть пластинчатых сколов с гравировками находится в скоплениях, где есть и нуклеусы; и это позволяет предполагать, что, возможно, их не всех забирали с места расщепления и использовали, некоторые из них могли восприниматься как стандартные отходы расщепления.

Для найденных вне скоплений пластинчатых сколов с гравировками на корке, явно связанных с первичным расщеплением, никакой закономерности в распределении не наблюдается. Равным образом не фиксируется отдельных зон, связанных исключительно с использованием орудий с гравировками на корке.

В ходе анализа распределения расщепленного кремня стоянки Хотылево 2 было выделено 7 типов скоплений по процентному соотношению в них различных типов предметов с вторичной обработкой (Там же. С. 57, 99–101). Орудия и сколы с гравировками на корке обнаруживаются как в рамках скоплений, так и вне их. При этом можно отметить, что связь орудий (например, резцов и скребков) именно со скоплениями кремня не столь выражена, как это можно наблюдать применительно к сколам без вторичной обработки. Типы скоплений, в которых обнаруживаются пластинчатые сколы и орудия с гравировкой на корке, – 1 и 3. Эти скопления наиболее характерны для Хотылево 2А. В скоплениях типа 1 преобладающей категорией орудий являются резцы. Скрепки и, в некоторых случаях, пластины с ретушью или пластины с выемками являются второй

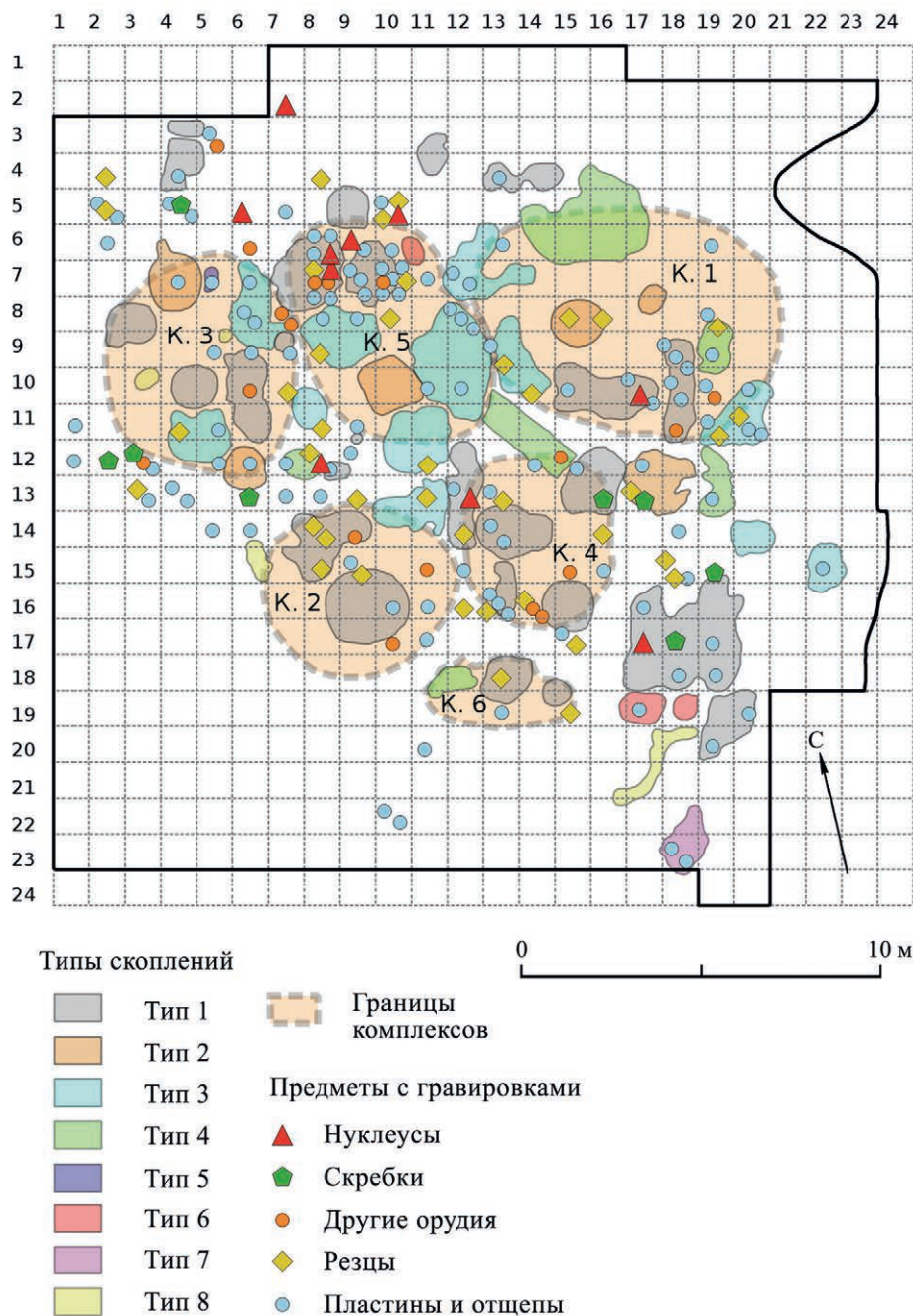

Рис. 4. Стоянка Хотылево 2А.
Пространственное распределение кремневых предметов с гравировками

по частоте встречаемости категориям, далее следуют пластинки и микропластинки с притупленным краем. В скоплениях типа 3 доля пластинок и микропластинок с притупленным краем превышает долю скребков, при сохраняющемся преобладании категории резцов.

Отдельно следует отметить, что места концентрации кремневых предметов с гравировками и места обнаружения предметов искусства и поделок из бивня мамонта и кости часто совпадают. В случае с комплексом № 3, северной частью комплекса № 5, северо-западной частью комплекса № 4 и участка к юго-востоку от комплекса № 1 можно сказать, что это зоны с очень плотной концентрацией расщепленного кремня в целом. Между тем совсем невысока концентрация расщепленного кремня на участке южнее границы комплекса № 3, где наряду с большим числом сколов и орудий с гравировками (но не нуклеусов) обнаружено пять предметов из обработанной кости (среди них одно ложило) и из бивня мамонта – наконечник, стержень и пластина (Гаврилов, 2008. С. 222, 233, 234. Рис. 122; 133; 134).

Выводы

В результате комплексного анализа кремневых предметов с гравировками на известковой корке со стоянки восточного граветта Хотылево 2 (пункт А) были сделаны следующие выводы:

- В коллекции было выявлено 268 кремневых предметов с гравировками.
- Разнообразие орнаментальных элементов, встречающихся на известковой корке каменных изделий, почти так же велико, как и на предметах из кости и бивня. При этом зависимости между принадлежностью предмета к определенной категории или типу и типом встречающихся на корке орнаментальных элементов не установлено.
- Гравировки были выявлены на известковой корке предметов всех категорий расщепленного кремня. По меньшей мере, большая часть гравировок (возможно, и все) была нанесена на первом этапе цикла расщепления – до или после изготовления преформ нуклеусов.
- Половина кремневых предметов с гравировками – орудия. Они принадлежат к наиболее распространенным в орудийном наборе стоянки категориям. Ярко выраженного предпочтения в использовании заготовок с гравировкой на известковой корке для изготовления определенных типов орудий не зафиксировано.
- Наиболее часто гравировки встречаются на известковой корке предметов из приносного матового черного плитчатого кремня (63 %), реже – из местного полупрозрачного серого кремня (36,7 %). Нанесение гравировок на известковую корку плиток приносного черного матового кремня – это скорее норма, а не исключение, так как 15 % всех предметов из этого вида кремня (и абсолютно все нуклеусы) имеют гравировку.
- Отмечается значительно более экономное отношение к приносному черному кремню, чем к местному серому. Из черного кремня микроорудия (предметы вооружения?) изготавливались чаще, чем из серого.

- Отдельных участков, связанных исключительно с первичным расщеплением кремня с гравировками и/или использованием орудий с гравировками на корке, не фиксируется. Между тем зоны концентрации кремневых предметов с гравировками и места обнаружения предметов искусства и поделок из бивня мамонта и кости часто совпадают.

Выявленные закономерности позволяют предполагать, что процесс нанесения гравировки связан с маркировкой преформ, изготовленных, за редкими исключениями, из приносного сырья. Наиболее очевидная гипотеза состоит в том, что орнамент, нанесенный на известковую корку, вероятно, мог маркировать ценное сырье. Известны этнографические примеры, когда определенным видам сырья придавалось символическое значение (*Taçon*, 1991; *Falkenström*, 2006). С другой стороны, в таком случае логично было бы предполагать очень сильно выраженные различия в стратегии использования приносного черного кремня по сравнению с местным серым. Кроме того, в рамках этой гипотезы необъяснимым остается факт нанесения гравировки на корку небольшой доли (0,5 %) изделий из местного серого кремня. Альтернативная гипотеза состоит в том, что нанесение гравировок связано не с качеством сырья, а с той позицией, которую оно занимало в схеме логистики мобильных древних коллективов. Возможно, маркировка преформ имела смысл именно в контексте его транспортировки.

ЛИТЕРАТУРА

- Гаврилов К. Н.*, 2008. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылево 2. М.: Таус, 256 с.
- Еськова Д. К.*, 2013. Технологический анализ микроиндустрии стоянки Хотылево 2 // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. № 4. С. 121–127.
- Заверняев Ф. М.*, 1981. Гравировка на кости и камне Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // СА. № 4. С. 141–158.
- D'Errico F.*, 1988. Study of Upper Paleolithic and Epipaleolithic engraved pebbles // Scanning electron microscopy in archaeology. Oxford: B.A.R. P. 169–184. (British archaeological reports. International Series; 452.)
- D'Errico F.*, 1989. Paleolithic Lunar Calendars: A Case of wishful thinking? // Current Anthropology. No. 1. P. 117–118.
- Falkenström P.*, 2006. A matter of choice: social implications of raw material variability // Skilled Production and Social Reproduction: Aspects of Traditional Stone-Tool Technology: Proceedings of a Symposium in Uppsala (August 20–24, 2003) / Eds: J. Apel, K. Knutsson. Uppsala: Societas Archeologica Upsaliensis. P. 347–360. (SAU Stone Studies; 2.)
- Homo Symbolicus: the dawn of language, imagination and spirituality* / Eds: F. D'Errico, C. S. Henshilwood. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1984. 237 p.
- Hovers E., Vandermeersch B., Bar-Yosef O.*, 1997. A Middle Paleolithic engraved artefact from Qafzeh Cave, Israel // Rock Art Research. Vol. 14. Iss. 2. P. 79–87.
- Marshack A.*, 1972. The Roots of Civilization: The Cognitive Beginning of Man's First Art, Symbol and Notation. New York: McGraw-Hill. 444 p.
- Peng F., Gao X., Wang H., Chen F.*, 2012. An engraved artifact from Shuidongou, an Early Late Paleolithic site in Northwest China // Chinese Science Bulletin, Vol. 57. No. 35. P. 4594–4599.
- Taçon, P. S. C.*, 1991. The power of stone: symbolic aspects of stone use and tool development in western Arnhem Land, Australia // Antiquity. Vol. 65. Iss. 247. P. 192–207.
- Thévenin*, 1983. Les galets gravés et peints de l'abri de Rochedane (Doubs) et le problème de l'art azilien // Gallia Préhistoire, Vol. 26. No. 1. P. 139–188.

Сведения об авторах

Еськова Дарья Кирилловна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: bdim@mail.ru;

Гаврилов Константин Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: k_gavrilov.68@mail.ru

D. K. Eskova, K. N. Gavrilov

THE ENGRAVED FLINT AND SPECIFIC FEATURES
OF RAW MATERIAL USE
AT THE EASTERN GRAVETTIAN SITE KHOTYLEVO 2A

Abstract. The paper presents results regarding comprehensive case study of a large series of flint artifacts with engravings on the cortex (268 items) from the collection of lithic industry from the Eastern Gravettian site of Khotylevo 2A on the Russian Plain. Engravings were identified on the cortex of all categories of artifacts of chipped flint, and not only on tools or blades. Most of the engravings (probably all of them) were made during the first stage of debitage – before or after the preparation of the pre-cores. A strong correlation between the presence of engraving on cortex and the use of exogenous black flint was established. Engraved blanks were not specifically preferred for production of some types of tools. Spatial analysis didn't reveal any zones used specifically for engraved flint debitage or the use of tools with engravings. The data obtained suggest two hypotheses: marking of valuable raw materials and engraving of the transported flint at some point of logistic scheme.

Keywords: Upper Paleolithic Eastern Gravettian, Russian Plain, engravings, lithic industry, symbolic behavior, raw material strategies.

REFERENCES

- D'Errico F., 1988. Study of Upper Paleolithic and Epipaleolithic engraved pebbles. *Scanning electron microscopy in archaeology*. Oxford: BAR, pp. 169–184. (British archaeological reports. International Series, 452.)
- D'Errico F., 1989. Palaeolithic Lunar Calendars: A Case of wishful thinking? *Current Anthropology*, 1, pp. 117–118.
- Es'kova D. K., 2013. Tekhnologicheskii analiz mikroindustrii stoyanki Khotylevo 2 [Technological analysis of micro-industry of site Khotylevo 2]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII: Antropologiya [Bulletin of Moscow university. Ser. XXIII: Anthropology]*, 4, pp. 121–127.
- Falkenström P., 2006. A matter of choice: social implications of raw material variability. *Skilled Production and Social Reproduction: Aspects of Traditional Stone-Tool Technologies: Proceedings of a Symposium in Uppsala (2003)*. J. Apel, K. Knutsson, eds. Uppsala: Societas Archeologica Upsaliensis, pp. 347–360. (Societas Archaeologica Upsaliensis Stone Studies, 2.)
- Gavrilov K. N., 2008. Verkhnepalaeoliticheskaya stoyanka Khotylevo 2 [Upper Palaeolithic settlement Khotylevo 2]. Moscow: Taus. 256 p.
- Homo Symbolicus: the dawn of language, imagination and spirituality. F. D'Errico, C. S. Henshilwood, eds. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1984. 237 p.
- Hovers E., Vandermeersch B., Bar-Yosef O., 1997. A Middle Palaeolithic engraved artefact from Qafzeh Cave, Israel. *Rock Art Research*, vol. 14, iss. 2, pp. 79–87.
- Marshack A., 1972. The Roots of Civilization: the Cognitive Beginning of Man's First Art, Symbol and Notation. New York: McGraw-Hill. 444 p.

- Peng F., Gao X., Wang H., Chen F., 2012. An engraved artifact from Shuidonggou, an Early Late Paleolithic site in Northwest China. *Chinese Science Bulletin*, vol. 57, no. 35, pp. 4594–4599.
- Taçon P. S. C., 1991. The power of stone: symbolic aspects of stone use and tool development in western Arnhem Land, Australia. *Antiquity*, vol. 65, iss. 247, pp. 192–207.
- Thévenin A., 1983. Les galets gravés et peints de l’abri de Rochedane (Doubs) et le problème de l’art azilien. *Gallia Préhistoire*, vol. 26, no. 1, pp. 139–188.
- Zavernyaev F. M., 1981. Gravirovka na kosti i kamne Khotylevskoy verkhnepaleoliticheskoy stoyanki [Bone and stone engravings from the Khotylevo Upper Palaeolithic site]. *SA*, 4, pp. 141–158.

About the authors

Eskova Dar'ya K., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: bdim@mail.ru;

Gavrilov Konstantin N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: k_gavrilov.68@mail.ru

А. Н. Сорокин

ФИНАЛЬНЫЙ ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ МЕЩЕРСКОЙ НИЗМЕННОСТИ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Резюме. Источниковедческая база мезолита и финального палеолита Мещерской низменности была сформирована преимущественно в 1975–1995 гг. и включает свыше 150 памятников, 45 из которых были раскопаны стационарно. В пределах региона зафиксированы материалы рессетинской и аренсбургской финально-палеолитических и трех мезолитических культур – заднепильевской, култинской и пургасовской. Спецификой зандровых геоархеологических объектов служит единичность гомогенных комплексов и многочисленность коллекций с поликультурными признаками, генезис которых, по-видимому, не связан с причинами культурно-исторического характера.

Ключевые слова: плейстоцен, голоцен, финальный палеолит, мезолит, Мещерская низменность, рессетинская культура, аренсбургская культура, заднепильевская культура, култинская культура, пургасовская культура.

Исследование каменного века Мещерской низменности берет свое начало с конца XIX в., тогда же начали поступать и первые сведения о материалах, позднее отнесенных к эпохе мезолита. Однако вплоть до середины 1970-х гг. список пунктов, где они содержались, был довольно скромным, причем гомогенные коллекции среди них практически отсутствовали (Городцов, 1905; Ефименко, 1924; Локтюшев, 2009; Грехова, 1970). Для отечественного мезолитоведения в целом это был период выработки теоретических представлений о мезолите как особой ступени развития человеческого общества. Происходит сложение социологической концепции мезолита и осуществляется разработка понятия «мезолитическая археологическая культура» (Воеводский, 1934; 1940; 1950; Воеводский, Формозов, 1950; Формозов, 1954а; 1954б; 1959; 1970; Крайнов, Брюсов, 1961; Брюсов, 1962; Кольцов, 1965; Грехова, 1970).

Наиболее плодотворным оказался второй этап изучения Мещерской низменности, совпавший с отрезком 1975 по 1995 г. Это было время целенаправленных поисков в регионе мезолитических памятников и их систематических раскопок

(Кольцов, 1976; Фролов и др., 1977; Сорокин, 1981а; 1981б; 1984; 1986; 1987; 1989; 1990; 1995; Кравцов, 1988а; 1988б; 1991; Кравцов и др., 1994; Кравцов, Лозовский, 1989; Кравцов, Сорокин, 1991; Кравцов, Луньков, 1994; Леонова, 1994). Главным его итогом для изучаемого полигона стало создание современной источниковедческой базы. В теоретическом отношении этап ознаменовался развитием парадигмы археологических культур (Медведев и др., 1975; Кольцов, 1976; 1989; Формозов, 1977; Крайнов, Кольцов, 1979; 1983; Сорокин, 1990).

Третий этап, начавшийся со второй половины 1990-х гг., характеризуется резким спадом полевой активности и несистемными исследованиями объектов данного времени в пределах исследуемого полигона (Кравцов, 1999; 2004; Леонова, 1998; 2000; 2007; Кравцов, Леонова, 2001; Сорокин, 2004а; 2004б; Аверин, 2005; 2010а; 2010б; 2011; Аверин, Аверина, 2007; Аверин, Чечулин, 2015). В теоретическом отношении, однако, для мезолитоведения в целом – это наиболее продуктивный этап, когда идет процесс дальнейшей разработки основ мезолитогенеза, заключающийся в поиске экономических основ эпохи и выработке адаптационных моделей развития популяций (Медведев и др., 2000; Сорокин, 2002; 2006а; 2006б; 2008; 2013; 2016; Тетенькин, 2003; Сорокин и др., 2009; Бердникова, 2014). Что касается изучаемого полигона, именно в этот период происходит осознание наличия здесь и стоянок финально-палеолитического времени (Сорокин, 2008; Сорокин и др., 2009).

Среди наиболее известных имен исследователей мезолита и финального палеолита Мещеры можно назвать В. А. Городцова, С. А. Локтюшева, О. Н. Бадера, А. Я. Брюсова, А. А. Формозова, Л. В. Грехову, Б. А. Фоломеева, В. В. Сидорова, А. В. Трусова, А. С. Фролова и А. Е. Кравцова. В результате их труда и усилий десятков других исследователей была создана современная источниковедческая база, включающая свыше 150 стоянок, где присутствуют финально-палеолитические и мезолитические материалы (Сорокин, 2006а).

Необходимо отметить, что не менее 45 памятников были раскопаны стационарно, в том числе и на значительной площади, при этом наиболее выразительные собрания были получены в 16 пунктах – это Петрушино (Фролов и др., 1977; Сорокин, 1981а; 1984; 1990), Микулино (Сорокин, 1981б; 1990), Борисово 1 (Сорокин, 1990), Исток 1 (Сорокин, 1988; 1990; Кравцов, Сорокин, 1991), Задне-Пилево 1, 2 (Сорокин, 1990), Шильцева Заводь 5 (Кравцов, Сорокин, 1991), Шагара 4 (Там же), Шабаетово 5 (Сорокин, 1995), Жабки 3 (Алешино), Черная 1 (Колионово) (Кравцов, Лозовский, 1989), Панюшенка (Кравцов, 1988а), Беливо 4А (Кравцов, Луньков, 1994) Беливо 4Г Северная (Кравцов, 1988б; Кравцов, Жилин, 1995); Беливо 6Б (3) (Леонова, 1998) и Беливо 6В (14) (Жилин и др., 1998). Суммарно на них было выделено 29 отдельных комплексов. На их основе и будет рассматриваться современное состояние изученности финально-плейстоценовых и раннеголоценовых культур региона.

К настоящему времени в пределах Мещерской низменности зафиксированы материалы не менее трех финально-палеолитических (рессетинская, бромме, аренсбург) и трех мезолитических культур (заднепилевская, култинская и пургасовская). К сожалению, «чистые» и представительные коллекции среди них крайне немногочисленны, а стратифицированные памятники, за редчайшим исключением, практически отсутствуют, что сильно осложняет их восприятие

и создает дополнительные сложности понимания культурной мозаики. Для упрощения задачи логично рассмотреть не весь инвентарь, собранный на стоянках Мещерской низменности, а только наиболее важный для культуроразличения. Как известно, в подобном качестве принято рассматривать предметы охотничьего вооружения (*Формозов, 1959*). Разумеется, в расчет при этом не приходится брать различные силки, сети, капканы и ловушки, изготавливавшиеся из органических материалов, точнее растительных остатков, и практически не доходящие до исследователя, но хорошо известные по этнографическим данным. Невозможно в этом ряду рассматривать и разнообразные ловчие ямы, сложность поиска которых и интерпретации в качестве охотничьих объектов очевидна любому исследователю. В силу особенностей источника большинство памятников Мещеры, как и других зандровых низменностей, лишено и фаунистических остатков, а также изделий из кости, рога и древесины. Таким образом, речь может идти исключительно о нетленном каменном инвентаре.

В результате к охотничьему вооружению на памятниках финального палеолита и мезолита Европейской России традиционно относятся наконечники стрел, вкладыши, геометрические микролиты и косые острия. Внутри каждой из этих категорий выделяются различные типы изделий, отличающиеся особенностями формы и характером вторичной обработки, однако далеко не все они могут использоваться для культурологического анализа. Например, чаще всего в виде вкладышей в составном охотничьем вооружении использовались медиальные сегменты пластин. Они не просто весьма многочисленны в каждой из культур, где были вкладышевые изделия и известны разнообразные костяные, роговые и деревянные оправы и муфты, но их количество разительно превосходит все другие предметы, использовавшиеся в виде вставок-вкладышей. Однако в силу глобального характера их распространения и типологической аморфности они непригодны для процедуры сравнения и различения культур, так как одинаковы практически во всех пластинчатых индустриях вне зависимости от степени развития в них стандартизированных вкладышевых форм. Более того, производство медиальных сегментов практически не требовало применения специальных приемов расщепления заготовок: они продуцировались в значительной мере произвольно в процессе расщепления. Совсем иное дело, когда речь идет о вкладышах, имеющих вторичную обработку, роль которой в формообразовании чрезвычайно высока, но и здесь достаточно часты повторы и использование одних и тех же технологических приемов и типов. Например, в рессетинской и заднепильевской культурах были широко распространены микролиты с затупленным ретушью краем. Обычно они имеют один длинный край, обработанный крутой или полукрутой ретушью. В тех случаях, когда на памятнике представлены материалы обеих культур, понять, к какой из них относятся те или иные вкладыши, не удастся. Хотя нюансы существуют и здесь, например: в рессетинском наборе эпизодически использовалось встречное ретуширование, тогда как среди заднепильевских подобные формы неизвестны. И напротив, в заднепильевском наборе достаточно обычны, хоть немногочисленны, длинные низкие прямоугольники и треугольники, тогда как для рессетинской культуры известен единственный случай (*Минино 2*), когда они входят в набор наконечника копья (*Сорокин, 2011; Сорокин, Хамакава, 2014*).

Наиболее широко на стоянках Мещерской низменности в составе охотничьего вооружения были распространены кремневые наконечники, среди которых присутствуют как симметричные, так и асимметричные формы. Первые характерны для аренбургской, заднепилевской и пургасовской культур, вторые – для рессетинской и аренбургской культур. Среди первых весьма обыденно вентральное ретуширование, особенно часто оно присутствует в заднепилевских коллекциях. На них часто сочетается вентральное и дорсальное ретуширование, которое присуще и пургасовским наконечникам. Крутое дорсальное ретуширование встречается в целом реже и характерно для памятников рессетинской и аренбургской культур. Изредка вентральное ретуширование черешков использовалось и на рессетинских наконечниках с боковой выемкой. В то же время плоское вентральное ретуширование в целом не характерно для аренбургских наконечников и, напротив, для них стандартно использовалось крутое дорсальное ретуширование, а в качестве дополнения – противоположащая и встречающаяся ретушь.

Рассмотрим характерные типы охотничьего вооружения, встречающегося на Мещерских стоянках, детальнее.

Рессетинские наконечники все асимметричные (рис. 1; 4; 7). Они изготавливались исключительно из микропластин и узких пластинок. Выделяются две разновидности, первая или тип А – это простые формы с минимумом обработки. Обычно ретушь оформляет в виде выемки исключительно насад по одному из краев заготовки. Подобные изделия эпизодически называются флажковыми. Их боевая часть обработки, как правило, не имела и ею служила дистальная, естественно заостренная часть микропластины. Тем не менее эпизодически могло ретушироваться и перо. В результате край с боковой выемкой мог иметь небольшой разрыв на латерали, что формировало своеобразный выступ. В ряде случаев ретушировался и сам выступ, из-за чего длинный край полностью получал новый контур. В качестве ретуши обычно использовалась средняя затупливающая дорсальная. Изредка острие могло подвергаться обработке крутой ретушью и по второму краю со спинки, т. е. боевая часть как бы дополнительно заострялась. Эпизодически на острие с вентральной стороны могла наноситься еще и уплощающая ретушь.

Вторая разновидность наконечников из микропластин, или тип Б, – это собственно рессетинские острия, т. е. изделия, оформленные как тип А, но дополнительно на перегибе длинного края у них крутой ретушью выделялся особый шип. Другой их особенностью служит то, что боевой частью большинства изделий типа Б обычно была проксимальная часть заготовки. Ударный бугорок при этом удалялся микрорезцовым сколом. Этот прием сопровождался появлением в рессетинских комплексах технологических отходов, именуемых микрорезцами.

Вентральная часть рессетинских острий также могла иметь подправку плоской ретушью. В свою очередь, черешки наконечников типа А и типа Б могли иметь естественное окончание, слом или выделялись специальным шипом. Один из наиболее выразительных экземпляров подобного наконечника встречен в Замостье 5 (слой 9) (Сорокин, Хамакава, 2014).

Среди представительных коллекций Мещерской низменности нет ни одного «чистого» комплекса рессетинской культуры. Все, что известно о ней в пределах

Памятник	Ресетинские	Аренбургские	Косолезвийные
Беливо 4А			
Беливо 4Г Северная			
Беливо 6Б			
Беливо 6В			
Борисово 1 Ж-1			
Борисово 1 пер. Ж-1			
Борисово 1 Ж-2			
Борисово 1 пер. Ж-2			
Жабки 3 Р-1			
Жабки 3 Р-2			

**Рис. 1. Охотничье вооружение стоянок Мещерской низменности:
наконечники ресетинские, аренбургские и косолезвийные**

изучаемого полигона, представлено выборками в составе коллекций с поликультурными признаками. В совокупности насчитывается 16 рессетинских наконечников. Среди памятников, где они есть, можно назвать Беливо 4А, где имеется обломок острия с микрорезцовым сколом, и Беливо 4Г Северная, где присутствует микрорезец. Раскоп 1 стоянки Жабки 3 дал фрагмент наконечника с боковой выемкой, и еще три аналогичных изделия были обнаружены в раскопе 2. Целый из них всего один, он имеет дорсально оформленную выемку на черешке и уплощающую вентральную ретушь на пере. Аналогии ему имеются в материалах стоянок Ивановское 7 (*Жилин и др.*, 2002), Прислон (*Жилин и др.*, 1996), Бутово 1 (*Кольцов, Жилин*, 1999) и слое 9 Замостья 5 (*Сорокин, Хамакава*, 2014).

Фрагменты наконечников с боковой выемкой из микропластин присутствуют в Микулино (*Сорокин*, 1981б; 1984; 1990) и Шагаре 4, где они встречены в раскопе № 1 1987 г. (жилище 1 и его периферия) и в раскопе № 2 1994 г., а также в нижнем слое стоянки Шильцева Заводь 5. Рессетинские микрорезцовые острия еще более редки и известны в Черной 1 (раскоп 1) и Шагаре 4 (периферия жилища № 1). Помимо Беливо 4Г Северная микрорезец обнаружен лишь однажды – в Шагаре 4 (периферия жилища № 1).

Все три рессетинских наконечника из раскопа 1 стоянки Черная 1 имеют явно пережиточные признаки (*Кравцов, Лозовский*, 1989). В качестве рудиментарных можно рассматривать и оба наконечника из Шагары 4 (периферия жилища № 1), у которых черешки были получены простым скашиванием оснований. Судя по всему, в обоих случаях мы имеем явное угасание рессетинских традиций в заднепильевской среде.

Аренбургские наконечники (рис. 1; 4; 7) в Мещерских коллекциях более многочисленны, всего их насчитывается 24 на девяти памятниках. Они бывают симметричными и асимметричными, при этом первые численно уступают. Вторые – эпизодически называют флажковыми, хотя их отличие от рессетинских наконечников никакого сомнения не вызывает. Аренбургские черешковые наконечники были встречены на стоянках Беливо 4А (2 экз.), Беливо 6В (2 экз.), в жилище 2 Петрушино (1 экз.), в раскопе 2 Черной 1 (2 экз.), в раскопе 2 Шагары 4 (3 экз.) и нижнем слое Шильцевой Заводи 5 (1 экз.). В качестве заготовок обычно использовались широкие массивные пластины или, реже, отщепы. Черешки обрабатывались преимущественно крупной крутой дорсальной ретушью, в одном случае (Беливо 6В) ретушь нанесена противлежащим способом. На двух предметах с вентральной стороны отмечены технологические выколы, образовавшиеся в результате использования жесткого отбойника (Беливо 4А; Черная 1, раскоп 2). Перо сохранилось лишь на пяти предметах, в трех случаях – это естественно сходящиеся латерали, не имеющие дополнительной обработки (Беливо 4А; Беливо 6В; Петрушино, жилище 2), и еще в двух случаях – перо скошено по одному краю крутой среднефасеточной ретушью (Беливо 4А; Шагара 4, раскоп 2). На остриях обоих предметов имеются резцовые сколы, возникшие от удара при попадании в твердый предмет.

Прочие экземпляры представлены наконечниками с боковой выемкой. Целых или почти целых – из 13 имеющихся – насчитывается восемь (Беливо 4Г Северная; Беливо 6Б и 6В; Исток 1, нижний слой; Шильцева Заводь 5, нижний слой). Доминируют изделия с длинным дугообразно ретушированным краем,

оформленным крупной дорсальной ретушью (5 экз.) или, реже, встречной ретушью (1 экз.). Выемка на черешке также бывает получена крупной дорсальной ретушью (6 экз.). Еще два из целых наконечников имеют выемку на черешке и выемчато-скошенное перо. Они присутствуют в коллекциях Беливо 6Б и нижнем слое Истока 1.

Формой, производной от наконечников с боковой выемкой, являются так называемые **косолезвийные наконечники** (рис. 1; 4; 7), отличающиеся укороченностью пропорций, за что их называют атипичными. Их найдено не менее 24, они происходят с 12 стоянок (Беливо 4А; Беливо 4Г Северная; Беливо 6Б 6В; Исток 1А, верхний слой; Исток 1, нижний слой; Петрушино, скопление 2 и жилище 2; Шагара 4, жилище 1; Шильцева Заводь 5, верхний и нижний слои). В качестве заготовок для косолезвийных наконечников обычно использовались отщепы. Внешне они напоминают сильно скошенные трапеции, но форма их менее правильная. Асимметрия достигалась крутым краевым усечением дорсальных поверхностей у основания заготовки и по противоположному краю. В двух случаях для обработки черешков использовалось дополнительно уплощающее вентральное ретуширование (Беливо 4А и 6Б). Поскольку обработке подвергалась лишь незначительная часть брюшка, причем явно с целью утоньшения насада, и форма их явно асимметричная, эти изделия и были отнесены к данной категории, а не к наконечникам с вентральной ретушью. Еще в двух случаях на насадах косолезвийных наконечников с вентральной стороны имеются технологические выколы (Беливо 4Г Северная; Беливо 6В). Ретушь краев или исключительно дорсальная, или противоположная. В единичных случаях может присутствовать и встречное ретуширование длинного края.

Наконечники с вентральной ретушью (рис. 2; 5; 8) наиболее часто встречаются на Мещерских стоянках: из 29 коллекций они представлены в 25. Фактически их нет лишь в Беливо 4Г Северная; Беливо 6Б и 6В и в нижнем слое Истока 1. По характеру оформления насада различают две основные формы – черешковые и иволистные. Массив составляет 112 предметов, при этом целых экземпляров всего 30, включая две заготовки. Характер обработки весьма разнообразен, это касается как насадов, так и боевых частей. Традиционно использовалась уплощающая ретушь и крутая или полукрутая, обычны и сочетания названных видов ретуши на одной заготовке. В качестве особой разновидности оформления черешков присутствует полукрутое краевое вентральное ретуширование. Оно встречено в Беливо 4А, Борисово 1 (периферия жилищ 1 и 2), Петрушино (скопление 1, жилище 2), Черной 1 (раскопы 1 и 2), Шабаетово 5, Шагара 4 (раскоп 2), Шильцевой Заводи 5 (верхний и нижний слои). В западноевропейской литературе подобные формы называются наконечниками типа хинтерзее. Обычно их соотносят с аренсбургскими древностями (*Taute*, 1968). В рассматриваемую группу они отнесены исключительно по месту дислокации вторичной обработки. Их реальное положение в составе Волго-Окских культур требует предметного изучения.

Наконечники с уплощающей вентральной ретушью наиболее характерны для памятников заднепилевской культуры. Встречаются эпизодически они и в коллекциях других Волго-Окских культур, однако отсутствие стратифицированных памятников не позволяет корректно решить причины их появления в них. Наиболее вероятно, по-видимому, это их механическая примесь.

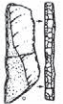

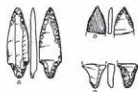

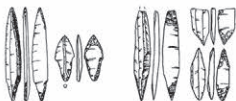
Памятник	Пургасовские	Вентральные	Клинки
Беливо 4А			
Беливо 4Г Северная			
Беливо 6Г			
Беливо 6В			
Борисово 1 Ж-1			
Борисово 1 пер. Ж-1			
Борисово 1 Ж-2			
Борисово 1 пер. Ж-2			
Жабки 3 Р-1			
Жабки 3 Р-2			

Рис. 2. Охотничье оружие стоянок Мещерской низменности: наконечники пургасовские, вентральные и обушковые (клинки)

Еще одну реально осязаемую категорию охотничьего вооружения представляют собой **наконечники пургасовского типа** (рис. 2; 8). В качестве заготовок для них обычно использовались пластины и пластинки, в исключительных случаях могли использоваться и микропластины (Сорокин, 2005). Они известны в двух разновидностях. Наиболее часто встречаемая среди них форма представлена поперечно-лезвийными черешковыми образцами, имеющими тупой боевой конец. Он может быть оформлен либо в виде выемки, либо прямо или косо срезан. При оформлении боевых частей срезней использовалось одностороннее крутое краевое ретуширование и двухсторонняя краевая полукрутая ретушь. Довольно часто с вентральной стороны присутствует плоская подтезка.

Другую, более редкую, разновидность пургасовских наконечников составляют изделия, латерали заостренных боевых концов которых сформированы пильчатой ретушью. Проксимальные части заготовок при этом оставались либо вообще без обработки, либо ретушировались подобно боевым частям срезней. В подобных случаях при отсутствии древка сложно определить, какое окончание было боевым, а какое – насадом.

Насколько можно судить по целым экземплярам, черешки пургасовских наконечников оформлялись либо краевой дорсальной крутой (полукрутой), либо двусторонней краевой ретушью. Изредка при их обработке в сочетании с дорсальной ретушью использовалось и вентральное уплощающее ретуширование. В таких случаях обработка черешков пургасовских наконечников ничем принципиально не отличалась от заднепилевских изделий. Из-за этого при отсутствии боевых частей фрагменты насадов не удастся корректно соотнести с одной или другой культурой.

Пургасовские наконечники (25 экз.) известны всего на трех Мещерских стоянках в пяти комплексах – это Петрушино (жилище 2) (1 экз.), Борисово 1 (жилище 1) (4 экз.) и Шагара 4 (жилище 1 и его периферия и раскоп 2) (20 экз.). Таким образом, стоянка Шагара 4 дала наиболее выразительную серию этих изделий, что придает ей особую значимость.

Еще одну массовую категорию охотничьего вооружения составляют **микролиты с затупленным ретушью краем** (рис. 3; 6; 9), которые в отличие от наконечников стрел служили боковыми вкладышами составного охотничьего вооружения. Всего их насчитывается не менее 126, они имеются в 22 из 29 Мещерских коллекций. Их нет лишь в Беливо 4Г Северная, Беливо 6Б, Беливо 6В, Задне-Пилево 2, Исток 1 (нижний слой), Панюшенке и Черной 1 (раскоп 2). Их отсутствие в аренсбургских стоянках вполне закономерно, ибо в этой культуре не было составного вкладышевого охотничьего вооружения. Присутствие двух предметов в Беливо 4А, где основной комплекс аренсбургский, явно указывает на их механическую примесь. А вот отсутствие в некоторых заднепилевских стоянках (Задне-Пилево 2; Черная 1, раскоп 2; Панюшенка) связано, по-видимому, с постепенной утратой вкладышевого вооружения на позднем этапе развития культуры.

Микролиты с затупленным краем в Волго-Окском бассейне характерны для ансамблей двух культур – рессетинской и заднепилевской, являющихся, по мнению автора, разными этапами развития граветтской традиции (Сорокин, 1990; 2002; 2006а; 2006б; 2008; 2011; 2016; Сорокин и др., 2009). Судя по всему, общая

Памятник	МПЗК	Геомикролиты	Острия	Бифасы
Беливо 4А				
Беливо 4Г Северная				
Беливо 6Б				
Беливо 6В				
Борисово 1 Ж-1				
Борисово 1 пер. Ж-1				
Борисово-1 Ж-2				
Борисово-1 пер. Ж-2				
Жабки-3 Р-1				
Жабки-3 Р-2				

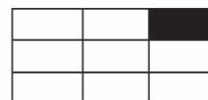

Рис. 3. Охотничье оружие стоянок Мещерской низменности:
микролиты с затупленным ретушью краем (МПЗК)

Памятник	Ресетинские	Аренбургские	Косолезвийные
З-Пилево 1			
З-Пилево 2			
Исток 1А ВС			
Исток 1Б ВС			
Исток 1 НС			
Микулино			
Панюшенка			
Петрушино скопл. 1			
Петрушино ск. 2 (2)			
Петрушино ск. 2 Ж-2			

**Рис. 4. Охотничье вооружение стоянок Мещерской низменности:
наконечники ресетинские, аренбургские и косолезвийные**

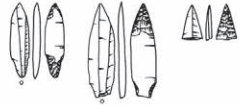

Памятник	Пургасовские	Вентральные	Клинки
3-Пилево-1			
3-Пилево 2			
Исток 1А ВС			
Исток 1Б ВС			
Исток 1 НС			
Микулино			
Панюшенка			
Петрушино скопл. 1			
Петрушино ск. 2 (2)			
Петрушино ск. 2 Ж-2			

Рис. 5. Охотничье оружие стоянок Мещерской низменности:
наконечники пургасовские, вентральные

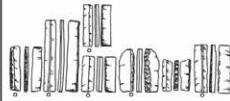

Памятник	МПЗК	Геомикролиты	Острия	Бифасы
З-Пилево 1				
З-Пилево 2				
Исток 1А ВС				
Исток 1Б ВС				
Исток 1 НС				
Микулино				
Панюшенка				
Петрушино скопл. 1				
Петрушино ск. 2 (2)				
Петрушино ск. 2 Ж-2				

Рис. 6. Охотничье вооружение стоянок Мещерской низменности: микролиты с затупленным ретушью краем (МПЗК), геометрические микролиты, косые и симметричные острия, бифасиальные наконечники

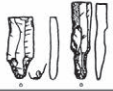

Памятник	Ресетинские	Аренбургские	Косолезвийные
Петрушино Ж-2			
Черная 1 Р-1			
Черная 1 Р-2			
Шабаево 5			
Шагара 4 Ж-1			
Шагара 4 пер. Ж-1			
Шагара 4 Р-2			
Шильцева Зав. 5 ВС			
Шильцева Зав. 5 НС			

Рис. 7. Охотничье вооружение стоянок Мещерской низменности: наконечники ресетинские, аренбургские и косолезвийные

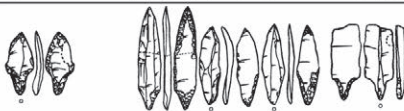

Памятник	Пургасовские	Вентральные	Клинки
Петрушино Ж-2			
Черная 1 Р-1			
Черная 1 Р-2			
Шабаево 5			
Шагара 4 Ж-1			
Шагара 4 пер. Ж-1			
Шагара 4 Р-2			
Шильцева Зав. 5 ВС			
Шильцева Зав. 5 НС			

Рис. 8. Охотничье вооружение стоянок Мещерской низменности:
наконечники пургасовские и вентральные

тенденция их развития состоит в постепенной утрате предметов, оформленных встречной ретушью, и вытеснении микролитов с дорсальной ретушью микролитами с вентральной ретушью.

Среди вкладышей с затупленным ретушью краем, выполненных из микропластин, имеется небольшое число геометрических форм – низких прямоугольников и так называемых низких треугольников. Они встречены в Беливо 4А, Борисово 1 (жилище 1), Жабках 3 (раскоп 2), Микулино, Петрушино (скопление 1 и жилище 2), Шагаре 4 (жилище 1), Шильцевой Заводи 5 (верхний слой). Всего их найдено около десятка. Как показывает находка копья в Милино 2, эти изделия могут входить в состав одного предмета (Сорокин, 2011; Сорокин, Хамакава, 2014).

Эпизодически в качестве отхода при производстве микролитов с затупленным ретушью краем встречаются и псевдомикрорезцы (Задне-Пилево 1; Борисово 1, жилище 1; Шильцева Заводь 5, верхний слой).

Геометрические микролиты (рис. 3; 6; 9) в Мещерских коллекциях серий не образуют. Они представлены трапециями, сегментами, треугольником и ромбом. Весь «массив» составляет не более 33 предметов. Чаше других попадаются трапеции, всего их найдено 25 экз. Они встречены на 15 памятниках, включая Беливо 4А, Беливо 4Г Северная, Беливо 6Б и 6В, Борисово 1 (периферия жилища 1, жилище 2 и его периферия), Жабки 3 (раскоп 2), Исток 1А (верхний слой), Исток 1Б (верхний слой), Микулино, Шабаево 5, Шагара 4 (жилище 1 и раскоп 2), Шильцева Заводь 5 (нижний слой). Присутствуют как высокие, так средние и низкие экземпляры. Первые численно преобладают. Они наиболее характерны для аренсбургских коллекций, но встречаются единично с заднепилевскими и пургасовскими материалами. Особо следует выделить находки низких трапеций, которые имеются в Борисово 1 (жилище 2), Жабках 3 (раскоп 2), Шабаево 5 и Шагаре 4 (жилище 1). Всего их найдено пять, это немного, но важно то, что пока они практически не отмечены в аренсбургских стоянках. Не исключено, что этот факт может указывать на независимый источник их происхождения.

Сегментовидных острий (рис. 3; 6; 9) имеется также всего пять. В Беливо 6Б и 6В, Микулино они довольно грацильные, в Шагаре 4 (жилище 1) и Шильцевой Заводи 5 (нижний слой), напротив, весьма крупные. Все частично сломаны, поэтому первые три выделены из разряда микролитов с затупленным ретушью краем достаточно условно. Кроме того, малочисленность сегментов не позволяет говорить о них как о неслучайном типе изделий.

Треугольники еще более редки. Микролит подтреугольной формы со струганой спинкой присутствует в Борисово 1 (жилище 2) и крупный массивный треугольник имеется в Шильцевой Заводи 5 (нижний слой). Единственный ромб встречен в Исток 1Б (верхний слой). Единичность не позволяет рассматривать эти предметы (рис. 3; 6; 9) в качестве самостоятельных форм.

Фрагменты острий типа федермессер или клинки (рис. 2) встречены в Беливо 4А и Беливо 4Г Северная. Кроме того, обушковый нож присутствует в Борисово 1 (жилище 1). О какой-либо закономерности их распределения в силу малочисленности судить трудно. Заведомо лишь понятно, что изделие из Борисово 1 (жилище 1) по характеру обработки и форме не имеет никакого отношения к первым двум из них.

Памятник	МПЗК	Геомикролиты	Острия	Бифасы
Петрушино Ж-2				
Черная 1 Р-1				
Черная 1 Р-2				
Шабаево 5				
Шагара 4 Ж-1				
Шагара 4 пер. Ж-1				
Шагара 4 Р-2				
Шильцева Зав. 5 ВС				
Шильцева Зав. 5 НС				

Рис. 9. Охотничье вооружение стоянок Мещерской низменности: микролиты с затупленным ретушью краем (МПЗК), геометрические микролиты, косые острия, бифасиальные наконечники

Скошенные острия (рис. 3; 6; 9), присутствующие в большинстве Мещерских коллекций, отнесены к категории охотничьего вооружения достаточно условно. Морфология позволяет использовать их как в качестве боковых вкладышей в составных орудиях, так и в качестве микроскребок. В силу этого, в отличие от наконечников стрел, микролитов с затупленным ретушью краем и геомикролитов, определение их реальной функции требует трасологического анализа. Поскольку они присутствуют практически во всех представительных Мещерских коллекциях, их роль в культуроразличении крайне невелика. Лучше подходят для этого косые острия, которые в границах полигона присутствуют весьма избирательно. От скошенных острий они отличаются значительно большим углом заострения. Косые острия встречены в Беливо 4А, Беливо 4Г Северная, Задне-Пилево 2, Исток 1А (верхний слой), Микулино, Петрушино (скопление 2), Черная 1 (раскопы 1 и 2), Шагара 4 (жилище 1) и Шильцевой Заводи 5 (нижний слой). Морфология позволяет использовать их в качестве основных и боковых вкладышей составных наконечников, а также в виде проколов. В силу потенциальной полифункциональности определение их реального назначения требует применения трасологического анализа. Как единственный тип предметов охотничьего вооружения косые острия широко использовались лишь в култинской культуре, однако отсутствие в ней иных уникальных типов наконечников и наличие косых острий в памятниках других культур не позволяет достоверно выделять култинский компонент в смешанных коллекциях. Вот и в перечисленных мещерских стоянках нет весомых оснований для его вычленения.

Бифасы (рис. 3; 6; 9) в Мещерских коллекциях относятся к более позднему, чем финальный палеолит и мезолит, времени, поэтому их присутствие указывает на явную механическую примесь. В силу этого они здесь не обсуждаются.

Подведем краткие итоги. Материалы с гомогенными комплексами на территории Мещерской низменности малочисленны, но они есть. В качестве подобных можно рассматривать коллекции Беливо 6Б, Беливо 6В и Исток 1 (нижний слой) с аренсбургским охотничьим вооружением; Задне-Пилево 1, Задне-Пилево 2, Панюшенку¹ и Петрушино 1 (скопление 1) – с заднепилевскими материалами. В то же время в Беливо 4А, Истоке 1А (верхний слой), Петрушино (жилище 2), Черной 1 (раскоп 2) и, по-видимому, в Шильцевой Заводи 5 (верхний слой) имеются сочетания изделий обеих этих культур. В Борисово 1 (жилище 1) присутствуют заднепилевские и пургасовские изделия, в Жабках 3 (раскопы 1 и 2) представлены рессетинские и заднепилевские артефакты, а в Беливо 4А одновременно наблюдаются три компонента – рессетинский, аренсбургский и заднепилевский.

В Беливо 4Г Северная имеется микрорезец, явно не имеющий никакого отношения к основному аренсбургскому комплексу. Для Волго-Окского междуречья реально доказано присутствие микрорезцов исключительно в рессетинских древностях. В коллекции Шагара 4 (раскоп 2) имеются артефакты не менее чем пяти Волго-Окских культур финала плейстоцена – начала голоцена – рессетинской, аренсбургской, заднепилевской, пургасовской и култинской. В нижнем

¹ Поздняя примесь в этом и других памятниках не учитывается.

слое Шильцевой Заводи 5 наблюдается сочетание аренбургских, рессетинских и култинских элементов.

Рессетинские наконечники достоверно присутствуют в Микулино, Жабках 3 (раскопы 1 и 2) и Черной 1 (раскоп 1) совместно с заднепилевскими наконечниками, в Беливо 4А – вместе с аренбургскими и заднепилевскими изделиями, в Шагаре 4 (жилище 1) – с аренбургскими, заднепилевскими и пургасовскими наконечниками, в Шагаре 4 (периферия жилища 1) – с заднепилевскими и пургасовскими материалами и, наконец, в нижнем слое Шильцевой Заводи 5 они сочетаются с аренбургскими наконечниками. Наличие косых острий в ряде перечисленных стоянок, возможно, указывает еще и на култинский компонент.

Аренбургское охотничье оружие встречается как в «чистом» виде (Беливо 6Б и 6В; Исток 1, нижний слой), так и в разнообразных сочетаниях: с рессетинскими изделиями (в Беливо 4Г Северная), с рессетинскими и заднепилевскими наконечниками (в Беливо 4А), с заднепилевскими (в раскопе 2 Черной 1 и верхнем слое Шильцевой Заводи 5), а также с рессетинскими, заднепилевскими, возможно култинскими, и пургасовскими артефактами – в Шагаре 4.

Заднепилевские вентральные наконечники обнаружены совместно с аренбургскими в Беливо 4А, Исток 1А (верхний слой), Черной 1 (раскоп 2) и Шильцевой Заводи 5 (верхний слой); в Борисово 1 (жилище 1) – с пургасовскими, в Черной 1 (раскоп 1) – с рессетинскими, в Шагаре 4 (жилище 1 и его периферия) – с аренбургскими и пургасовскими, в Шагаре 4 (раскоп 2) – с рессетинскими, аренбургскими и пургасовскими.

Пургасовское охотничье оружие было встречено совместно с заднепилевским в жилище 1 стоянки Борисово 1; в жилище 2 Петрушино – с заднепилевским и аренбургским и, наконец, в Шагаре 4 наблюдается сочетание пургасовских наконечников с рессетинскими и аренбургскими в жилище 1, с рессетинскими и заднепилевскими – на периферии жилища 1, и в раскопе 2 можно выделить не менее трех разных компонентов – рессетинский, аренбургский и заднепилевский.

Присутствие в Микулино трапеции и сегментовидного острия, а также серии косозевидных наконечников в Петрушино вряд ли можно рассматривать как факты заимствования от населения аренбургской культуры из-за специфичности этих форм и их непохожести на «аренбургские прототипы». Нельзя объяснить заимствованием из аренбургской культуры и присутствие в Шабаево 5, Шагаре 4 (жилище 1), Борисово 1 (жилище 2), Жабках 3 (раскоп 2) очень низких трапеций за отсутствием в ней таковых.

Гомогенных стоянок рессетинской, пургасовской и култинской культур на территории Мещерской низменности в настоящее время не известно. Эти материалы встречаются лишь в разнообразных сочетаниях друг с другом. Если изделия первых двух реально присутствуют в некоторых коллекциях и их можно выделить вполне достоверно, то наличие култинского компонента в виде косых острий в некоторых Мещерских памятниках на имеющихся данных вообще не может быть корректно разрешимо и требует отдельного предметного изучения. Вместе с тем наличие Шагара 4, где наблюдаются компоненты всех известных в Волго-Окском междуречье культур, явно указывает, что при совместном рассмотрении эти артефакты будут неизбежно искусственно

механически смешаны. Присутствие наряду с Шагарой 4 на территории Мещерской низменности многокомпонентных стоянок ставит под сомнение историкоэтнографическую надежность большинства изучаемых коллекций и обязывает относиться к ним с предельной осторожностью. Как показала практика, для доказательства эпизодов взаимодействия разнокультурного населения материалы зандровых стоянок не годятся (Сорокин, 2002; 2016). Судя по всему, истинные причины наблюдаемой поликультурности явно не имеют исторической природы.

Несмотря на исключительность стратиграфических наблюдений, присутствие в Истоке 1 и Шильцевой Заводи 5 нижних культурных слоев позволяет установить соотношение отдельных типов охотничьего вооружения друг с другом. Так, не вызывает сомнения факт предшествования асимметричных наконечников с боковой выемкой, характерных для аренбургских древностей, и, по-видимому, рессетинского наконечника симметричным наконечникам с уплощающей вентральной ретушью, характерным для заднепилевской культуры.

Радиоуглеродный возраст образца погребенной почвы из Истока 1 определить, к сожалению, не удалось. Зато палинологические образцы из погребенной почвы, к которой приурочен нижний слой стоянки Шильцева Заводь 5, были определены Е. А. Спиридоновой как соответствующие растительности конца ледникового времени. Поскольку в молодом дриасе развитый почвенный горизонт явно сформироваться не мог, эта почва формировалась в интерстадиале. В качестве возможных имеет смысл рассматривать беллинг или аллеред. Учитывая имеющиеся даты, первый из них представляется наиболее вероятным для культуры бромме (лингби), второй – для аренбургской. Судя по материалам памятника, речь должна идти о втором эпизоде. В любом случае, однако, в Истоке 1 и Шильцевой Заводи 5, где присутствуют выразительные горизонты погребенных почв и приуроченные к ним нижние слои, асимметричные наконечники достоверно предшествуют симметричным с вентральной ретушью. Это однозначно указывает на предшествование аренбургских комплексов заднепилевским. К сожалению, точного соотношения рессетинских и аренбургских материалов между собой, а также реальной последовательности или, напротив, одновременности культур эпохи мезолита (заднепилевской, пургасовской и култинской), несмотря на все усилия, установить не удалось и это настоятельная задача для ближайшей перспективы исследований.

Так вкратце выглядят современные представления о финальном палеолите и мезолите Мещерской низменности.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверин В. А., 2005. Мезолит Волго-Клязьминского междуречья: обзор источников // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М.: Academia. С. 148–167.
- Аверин В. А., 2010а. Иеневская мезолитическая культура в Волго-Клязьминском междуречье // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Н. Новгород: Нижегородский ун-т. С. 3–11.
- Аверин В. А., 2010б. Мезолит Владимирского Поочья: история изучения // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. Рязань: Александрия. С. 34–52.

- Аверин В. А., 2011. История изучения и основные культурные характеристики мезолита Волго-Клязьминского междуречья // ТАС. Вып. 8. Тверь: Тверской гос. объедин. музеев. С. 93–101.
- Аверин В. А., Аверина А. В., 2007. Результаты археологической разведки на территории Клязьминского заказника // Материалы областной краеведческой конференции (20 апреля 2007 г.). Т. 2. Владимир. С. 106–109.
- Аверин В. А., Чечулин П. Н., 2015. Новые памятники мезолита во Владимирской Мещере // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. IV: К 60-летию А. В. Уткина / Ред.: Е. Л. Костылева, В. А. Аверин. Иваново: Ольга Епишева. С. 14–19.
- Бердникова Н. Е., 2014. Мезолит как исследовательская традиция. Ч. 1: В поисках идентификации // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геoarхеология. Этнология. Антропология». Т. 8. С. 15–30.
- Брюсов А. Я., 1962. Мезолитическая неурядица // Историко-археологический сборник: К 60-летию со дня рожд. и к 35-летию научно-педагогической и общественной деятельности А. В. Арциховского. М.: МГУ. С. 24–30.
- Воеводский М. В., 1934. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эппипалеолита на территории Восточной Европы // Труды 2-й Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода. Вып. 5. М.: Гос. научно-техническое горно-геолого-нефтяное изд-во. С. 230–245.
- Воеводский М. В., 1940. К вопросу о развитии эппипалеолита в Восточной Европе // СА. Вып. V. С. 144–150.
- Воеводский М. В., 1950. Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. Вып. XXXI. С. 96–119.
- Воеводский М. В., Формозов А. А., 1950. Стоянка Песочный Ров на реке Десне // КСИИМК. Вып. XXXV. С. 42–54.
- Городов В. А., 1905. Материалы для археологической карты долины и берегов реки Оки // Труды двенадцатого Археологического съезда в Харькове, 1902 г. / Под ред. графини П. С. Уваровой. Т. 1. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова. С. 515–672.
- Грехова Л. В., 1970. Памятники эпохи палеолита и мезолита // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М.: Советская Россия. С. 10–34. (Труды ГИМ; вып. 44.)
- Ефименко П. П., 1924. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках раннеолитического возраста // Русский антропологический журнал. Т. 13. Вып. 3–4. С. 211–228.
- Жилин М. Г., Костылева Е. Л., Уткин А. В., Энговатова А. В., 2002. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья (по мат-лам стоянки Ивановское VII). М.: Наука. 245 с.
- Жилин М. Г., Кравцов А. Е., Леонова Е. В., 1998. Мезолитическая стоянка Беливо 6В // Археологический сборник. М.: ГИМ. С. 88–108. (Труды ГИМ; вып. 96.)
- Жилин М. Г., Фролов А. С., Крымов Е. Ю., 1996. Мезолитическая стоянка Прислон 1 на верхней Волге // ТАС. Вып. 2. Тверь: Тверской гос. объедин. музеев. С. 126–133.
- Кольцов Л. В., 1965. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья // СА. № 4. С. 17–26.
- Кольцов Л. В., 1976. Культурные различия в раннем мезолите Волго-Окского бассейна // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука. С. 21–26.
- Кольцов Л. В., 1989. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР / Отв. ред. Л. В. Кольцов. М.: Наука. С. 68–84, 86, 247–259. (Археология СССР.)
- Кольцов Л. В., Жилин М. Г., 1999. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М.: Наука. 157 с.
- Кравцов А. Е., 1988а. Памятники позднего мезолита и эпохи бронзы в Подмосковной Мещере // СА. № 1. С. 113–129.
- Кравцов А. Е., 1988б. Стоянка Беливо 4Г // Памятники каменного века бассейна р. Оки. Вып. 1. М.: ИА АН СССР. С. 15–21.
- Кравцов А. Е., 1991. К хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур // СА. № 2. С. 21–35.
- Кравцов А. Е., 1999. Некоторые результаты изучения мезолитической иеневской культуры в Волго-Окском бассейне (по мат-лам середины 1980–1990-х гг.) // Исторический музей

- энциклопедия отечественной истории и культуры. М.: ГИМ. С. 77–108. (Труды ГИМ; вып. 103.) (Забелинские научные чтения – 1995–1996 гг.)
- Кравцов А. Е.*, 2004. Об источниках для изучения Волго-Окского мезолита и некоторых принципах их анализа // Проблемы каменного века Русской равнины / Отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. С. 29–48.
- Кравцов А. Е., Жилин М. Г.*, 1995. Опыт функционально-планиграфического анализа мезолитической стоянки Беливо 4Г-Северная // РА. № 2. С. 135–148.
- Кравцов А. Е., Леонова Е. В.*, 2001. Структура памятников и вопрос периодизации мезолитической иеневской культуры // Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры: мат-лы Междунар. конф. (Сергиев Посад, 1–5 июля 1997) / Ред. Т. Н. Манушина. Сергиев Посад: Подкова. С. 133–142.
- Кравцов А. Е., Леонова Е. В., Лев С. Ю.*, 1994. К вопросу о месте иеневской культуры в мезолите Волго-Окского междуречья // ТАС. Вып. 1. Тверь: Тверской гос. объедин. музеев. С. 26–29.
- Кравцов А. Е., Лозовский В. М.*, 1989. Мезолитическая стоянка Черная 1 в Мещере // СА. № 4. С. 143–162.
- Кравцов А. Е., Луньков В. Ю.*, 1994. Новая мезолитическая стоянка в западной части Мещерской низменности // РА. № 2. С. 112–117.
- Кравцов А. Е., Сорокин А. Н.*, 1991. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М.: ИА АН СССР. 74 с.
- Крайнов Д. А., Брюсов А. Я.*, 1961. Проблемы северного мезолита // Материалы совещания по изучению четвертичного периода (Москва, 1957 г.). Т. 1. М.: АН СССР. С. 479–482.
- Крайнов Д. А., Кольцов Л. В.*, 1979. Проблемы первобытной археологии Волго-Окского междуречья (по результатам работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР) // Советская археология в 10-й пятилетке: Всесоюз. конф. (18–20 апреля 1979 г.): Тез. пленар. докл. Л. С. 22–26.
- Крайнов Д. А., Кольцов Л. В.*, 1983. 25 лет (1959–1983) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии наук СССР // СА. № 4. С. 267–271.
- Леонова Е. В.*, 1994. Опыт планиграфического анализа иеневских мезолитических стоянок с тонким культурным слоем // ТАС. Вып. 1. Тверь: Тверской гос. объедин. музеев. С. 30–35.
- Леонова Е. В.*, 1998. Планиграфический анализ «дюнных» мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН. 19 с.
- Леонова Е. В.*, 2000. Некоторые результаты планиграфического анализа Волго-Окских мезолитических стоянок на песке // ТАС. Вып. 4. Т. 1. Тверь: Тверской гос. объедин. музеев. С. 49–51.
- Леонова Е. В.*, 2007. К проблеме археологического содержания иеневской культуры Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века (к юбилею М. Д. Гвоздовер). М.: Дом еврейской книги. С. 119–154.
- Локтюшев С. А.*, 2009. Каменный период в Рязанской губернии. Доисторический очерк. 1915 // Археологічне надбання С. О. Локтюшева (до 130-річчя від дня народження). Луганськ: Шико. С. 27–41. (Красназавчкі записки / Луганський обласний красназавчий музей; вип. V.)
- Медведев Г. И., Липнина Е. А., Новосельцева В. М., Шмыгун П. Е.*, 2000. О мезолите. В который раз?! // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей: Междунар. науч. семинар (22–28 апреля 2000 г.): мат-лы докладов. Иркутск: Иркутский гос. ун-т. С. 69–81.
- Медведев Г. И., Михнюк Г. Н., Шмыгун П. Е.*, 1975. Мезолит юга Восточной Сибири // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск: Иркутский госуниверситет. Вып. 3. С. 74–81.
- Сорокин А. Н.*, 1981а. Мезолитическая стоянка Петрушино во Владимирской области (Мещера) // СА. № 4. С. 159–170.
- Сорокин А. Н.*, 1981б. Позднемезолитическая стоянка Микулино (Мещера) // СА. № 1. С. 118–133.
- Сорокин А. Н.*, 1984. Мезолит Великих Мещерских озер // СА. № 1. С. 46–65.
- Сорокин А. Н.*, 1986. Мезолит бассейнов Десны и Оки: по материалам работ Деснинской экспедиции // КСИА. Вып. 188. С. 28–35.
- Сорокин А. Н.*, 1987. Культурные различия в мезолите бассейна р. Ока // КСИА. Вып. 189. С. 41–46.

- Сорокин А. Н., 1988. Коллекция нижнего слоя стоянки Исток 1 (к вопросу о памятниках с асимметричными наконечниками в Мещере) // Памятники каменного века бассейна р. Оки. М.: ИА АН СССР. С. 9–14.
- Сорокин А. Н., 1989. Ресетинская культура // Мезолит СССР. М.: Наука. С. 84–86, 260. (Археология СССР.)
- Сорокин А. Н., 1990. Бутовская мезолитическая культура (по мат-лам Деснинской экспедиции). М.: ИА АН СССР. 220 с.
- Сорокин А. Н., 1995. Стоянка Шабаетов 5 // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4. Рязань: Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры. С. 5–12.
- Сорокин А. Н., 2002. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М.: Наука. 251 с.
- Сорокин А. Н., 2004а. Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины / Отв. ред. Х. А. Амиханов. М.: Научный мир. С. 69–91.
- Сорокин А. Н., 2004б. Окская экспедиция в 1989–2002 гг. // 30 лет Отделу охранных раскопок. М.: ИА РАН. С. 81–85. (Труды Отдела охранных раскопок; т. 2.)
- Сорокин А. Н., 2005. Мезолитические стоянки низовьев р. Мокши // SP. № 1/2003–2004: В эпоху мамонтов. С. 359–443.
- Сорокин А. Н., 2006а. Мезолит Оки. Проблема культурных различий. М.: Таус. 312 с. (Труды Отдела охранных раскопок; вып. 5.)
- Сорокин А. Н., 2006б. Проблемы мезолитоведения. М.: Гриф и К. 214 с.
- Сорокин А. Н., 2008. Мезолитоведение Поочья. М.: Гриф и К. 328 с.
- Сорокин А. Н., 2011. Стоянка и могильник Минино 2 в Подмоскowie: каменный инвентарь. М.: Гриф и К. 264 с.
- Сорокин А. Н., 2013. Пролог. М.: ИА РАН. 144 с.
- Сорокин А. Н., 2016. Очерки источниковедения каменного века. М.: ИА РАН. 248 с.
- Сорокин А. Н., Ошибкина С. В., Трусов А. В., 2009. На переломе эпох. М.: Гриф и К. 388 с.
- Сорокин А. Н., Хамакава М., 2014. Геоархеологические объекты Заболотского торфяника на территории Европейской России // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». Т. 10. С. 50–93.
- Тетькин А. В., 2003. От «хозяйственного уклада» до «геоархеологии»: реконструкция научного дискурса Иркутской школы // Известия Лаборатории древнейших технологий / Иркутский гос. технич. ун-т. Вып. 1. С. 8–25.
- Формозов А. А., 1954а. Локальные варианты культуры эпохи мезолита Европейской части СССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР. 16 с.
- Формозов А. А., 1954б. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР // СА. Вып. XXI. С. 38–51.
- Формозов А. А., 1959. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.: АН СССР. 126 с.
- Формозов А. А., 1970. О термине «мезолит» и его эквивалентах // СА. № 3. С. 6–11.
- Формозов А. А., 1977. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М.: Наука. 143 с.
- Фролов А. С., Сорокин А. Н., Жилин М. Г., 1977. Первые памятники мезолита в Мещере // СА. № 2. С. 142–151.
- Taute W., 1968. Die Stielspitzen-Gruppen im nördlichen Mitteleuropa: Ein Beitrag zur Kenntnis der späten Altsteinzeit. Köln; Graz: Böhlau. 512 S. (Fundamenta. Reihe A; Bd. 5.)

Сведения об авторе

Сорокин Алексей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; email: ansorokin@rambler.ru, ansorokin52@gmail.com

A. N. Sorokin

THE TERMINAL PALEOLITHIC AND MESOLITHIC OF THE MESHCHERA LOWLANDS: THE CONTEMPORARY VIEW

Abstract. The historiographical corpus of data on the Mesolithic and the Terminal Paleolithic in the Meshchera Lowlands was compiled, mostly, in 1975–1995; it comprises more than 150 sites, including 45 sites excavated. Materials from the Resseta and the Ahrensburg cultures from the Terminal Paleolithic and three Mesolithic cultures such as the Zadnee Pilevo, the Kulta and the Purgasovo cultures were documented within the region. Uniqueness of homogeneous assemblages and numerous collections with multicultural signs the origin of which does not appear to be linked to cultural and historical contexts is a specific feature of outwash geo-archaeological sites.

Keywords: Pleistocene, Holocene, Final Paleolithic, Mesolithic, Meshchera Lowlands, Resseta culture, Ahrensburg culture, Zadnee Pilevo culture, Kulta culture, Purgasovo culture.

REFERENCES

- Averin V. A., 2005. Mezolit Volgo-Klyaz'minskogo mezhdurech'ya: obzor istochnikov [Mesolithic of Volga-Klyaz'ma interfluvium: review of data sources]. *Kamennyy vek lesnoy zony Vostochnoy Evropy i Zaural'ya* [Stone Age of Forest zone of Eastern Europe and Transurals]. Moscow: Academia, pp. 148–167.
- Averin V. A., 2010a. Ienevskaya mezoliticheskaya kul'tura v Volgo-Klyaz'minskom mezhdurech'e [Ienevo Mesolithic culture in Volga-Klyaz'ma interfluvium]. *Nizhegorodskie issledovaniya po kraevedeniyu i arkheologii* [Nizhniy Novgorod studies on local lore and archaeology]. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy gos. universitet, pp. 3–11.
- Averin V. A., 2010b. Mezolit Vladimirskogo Pooch'ya: istoriya izucheniya [Mesolithic of Oka region near Vladimir: history of research]. *Materialy po istorii i arkheologii Rossii* [Materials on history and archaeology of Russia], 1. Ryazan': Aleksandriya, pp. 34–52.
- Averin V. A., 2011. Istoriya izucheniya i osnovnye kul'turnye kharakteristiki mezolita Volgo-Klyaz'minskogo mezhdurech'ya [History of research and basic cultural characteristics of Mesolithic of Volga-Klyaz'ma interfluvium]. *TAS*, 8, pp. 93–101.
- Averin V. A., Averina A. V., 2007. Rezul'taty arkheologicheskoy razvedki na territorii Klyaz'minskogo zakaznika [Results of archaeological reconnaissance in territory of Klyaz'ma reserve]. *Materialy oblastnoy kraevedcheskoy konferentsii* [Proceedings of regional conference on local lore], 2. Vladimir, pp. 106–109.
- Averin V. A., Chechulin P. N., 2015. Novye pamyatniki mezolita vo Vladimirskoy Meshchere [New Mesolithic sites in Vladimir Meshchera region]. *Problemy izucheniya epokhi pervobytnosti i rannego srednevekov'ya lesnoy zony Vostochnoy Evropy* [Problems of research of prehistoric epoch and early Middle Ages in forest zone of Eastern Europe], IV. K 60-letiyu A. V. Utkina [Toward 60th anniversary of A. V. Utkin]. E. L. Kostyleva, V. A. Averin, eds. Ivanovo: Ol'ga Episheva, pp. 14–19.
- Berdnikova N. E., 2014. Mezolit kak issledovatel'skaya traditsiya. Ch. 1. V poiskakh identifikatsii [Mesolithic as investigational tradition. Pt. 1. In search of identity]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya»* [Bulletin of Irkutsk State university. Ser. «Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology»], 8, pp. 15–30.
- Bryusov A. Ya., 1962. Mezoliticheskaya neuryaditsa [Mesolithic disorder]. *Istoriko-arkheologicheskiy sbornik: K 60-letiyu so dnya rozhdeniya i k 35-letiyu nauchno-pedagogicheskoy i obshchestvennoy deyatel'nosti A. V. Artsikhovskogo* [Historical-archaeological collection of articles: Toward 60th anniversary and 35 years of scientific, pedagogical and public activity of A. V. Artsikhovskiy]. Moscow: MGU, pp. 24–30.

- Efimenko P. P., 1924. Melkie kremnevye orudiya geometricheskikh i inykh svoeobraznykh ochertaniy v russkikh stoyankakh ranneneoliticheskogo vozrasta [Small flint tools of geometric and other specific outlines in Russian sites of early Neolithic age]. *Russkiy antropologicheskiy zhurnal* [*Russian anthropological journal*], vol. 13, iss. 3–4, pp. 211–228.
- Formozov A. A., 1954a. Lokal'nye varianty kul'tury epokhi mezolita Evropeyskoy chasti SSSR: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Local variants of Mesolithic culture epoch in European part of the USSR: Ph. D. Abstract]. Moscow: IA AN SSSR. 16 p.
- Formozov A. A., 1954b. Periodizatsiya mezoliticheskikh stoyanok Evropeyskoy chasti SSSR [Periodization of Mesolithic sites of European part of the USSR]. *SA*, XXI, pp. 38–51.
- Formozov A. A., 1959. Etnokul'turnye oblasti na territorii Evropeyskoy chasti SSSR v kamennom veke [Ethnocultural regions in territory of European part of the USSR in Stone Age]. Moscow: AN SSSR. 126 p.
- Formozov A. A., 1970. O termine «mezolit» i ego ekvivalentakh [On the term «Mesolithic» and its equivalents]. *SA*, 3, pp. 6–11.
- Formozov A. A., 1977. Problemy etnokul'turnoy istorii kamennogo veka na territorii Evropeyskoy chasti SSSR [Problems of ethnocultural history of Stone Age in territory of European part of the USSR]. Moscow: Nauka. 143 p.
- Frolov A. S., Sorokin A. N., Zhilin M. G., 1977. Pervye pamyatniki mezolita v Meshchere [First Mesolithic sites in Meshchera]. *SA*, 2, pp. 142–151.
- Gorodtsov V. A., 1905. Materialy dlya arkhologicheskoy karty doliny i beregov reki Oki [Materials for archaeological map of valley and banks of Oka River]. *Trudy dvenadtsatogo Arkheologicheskogo s'ezda v Khar'kove, 1902 g.* [Transactions of twelfth Archaeological congress in Kharkov, 1902], 1. P. S. Uvarova, ed. Moscow: Tovarishestvo tipografii A. I. Mamontova, pp. 515–672.
- Grekhova L. V., 1970. Pamyatniki epokhi paleolita i mezolita [Sites of epochs of Palaeolithic and Mesolithic]. *Oskiy basseyn v epokhu kamnya i bronzy* [Oka basin in Stone and Bronze Ages]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, pp. 10–34. (Trudy GIM, 44.)
- Kol'tsov L. V., 1965. Nekotorye itogi izucheniya mezolita Volgo-Okskogo mezhdurech'ya [Some results of research of Mesolithic of Volga-Oka interfluve]. *SA*, 4, pp. 17–26.
- Kol'tsov L. V., 1976. Kul'turnye razlichiya v rannem mezolite Volgo-Okskogo basseyna [Cultural differences in early Mesolithic of Volga-Oka basin]. *Vostochnaya Evropa v epokhu kamnya i bronzy* [Eastern Europe in Stone and Bronze Ages]. Moscow: Nauka, pp. 21–26.
- Kol'tsov L. V., 1989. Mezolit Volgo-Okskogo mezhdurech'ya [Mesolithic of Volga-Oka interfluve]. *Mezolit SSSR* [Mesolithic of the USSR]. L. V. Kol'tsov, ed. Moscow: Nauka, pp. 68–84, 86, 247–259. (Arkheologiya SSSR.)
- Kol'tsov L. V., Zhilin M. G., 1999. Mezolit Volgo-Okskogo mezhdurech'ya (pamyatniki butovskoy kul'tury) [Mesolithic of Volga-Oka interfluve (sites of Butovo culture)]. Moscow: Nauka. 157 p.
- Kravtsov A. E., 1988a. Pamyatniki pozdnego mezolita i epokhi bronzy v Podmoskovnoy Meshchere [Sites of late Mesolithic and Bronze Age in Meshchera, Moscow region]. *SA*, 1, pp. 113–129.
- Kravtsov A. E., 1988b. Stoyanka Belivo 4G [Site Belivo 4G]. *Pamyatniki kamennogo veka basseyna reki Oki* [Sites of Stone Age in Oka River basin], 1. Moscow: IA AN SSSR, pp. 15–21.
- Kravtsov A. E., 1991. K khronologii butovskoy i ienevskoy mezoliticheskikh kul'tur [On chronology of Butovo and Ienevo Mesolithic cultures]. *SA*, 2, pp. 21–35.
- Kravtsov A. E., 1999. Nekotorye rezul'taty izucheniya mezoliticheskoy ienevskoy kul'tury v Volgo-Okskom basseyne (po materialam serediny 1980-kh – 1990 gg.) [Some results of study Ienevo Mesolithic culture in Volga-Oka basin (based on materials of mid 1980-s – 1990-s)]. *Istoricheskiy muzey – entsiklopediya otechestvennoy istorii i kul'tury* [Historic museum – encyclopedia of National history and culture]. Moscow: GIM, pp. 79–108. (Trudy GIM [Transactions of GIM], 103). (Zabelinskie nauchye chteniya – 1995–1996 gg.)
- Kravtsov A. E., 2004. Ob istochnikakh dlya izucheniya Volgo-Okskogo mezolita i nekotorykh printsipakh ikh analiza [On data sources for research of Volga-Oka Mesolithic and some principles of their analysis]. *Problemy kamennogo veka Russkoy ravniny* [Problems of Stone Age of Russian Plain]. Kh. A. Amirkhanov, ed. Moscow: Nauchnyy mir, pp. 29–48.
- Kravtsov A. E., Leonova E. V., 2001. Struktura pamyatnikov i vopros periodizatsii mezoliticheskoy ienevskoy kul'tury [Sites structure and problem of periodization of Mesolithic Ienevo culture]. *Kamenny vek evropeyskikh ravnin: ob"ekty iz organicheskikh materialov i struktura poseleniy kak*

- otrazhenie chelovecheskoy kul'tury: materialy mezhdunarodnoy konferentsii (1997 g.) [Stone Age of European plains: objects made of organic materials and sites structure as reflection of human culture: proceedings of international conference (1997)]*. T. N. Manushina, ed. Sergiev Posad: Podkova, pp. 133–142.
- Kravtsov A. E., Leonova E. V., Lev S. Yu., 1994. K voprosu o meste ienevskoy kul'tury v mezolite Volgo-Okskogo mezhdurech'ya [On problem of position of Ienevo culture in Mesolithic of Volga-Oka interfluv]. *TAS*, 1, pp. 26–29.
- Kravtsov A. E., Lozovskiy V. M., 1989. Mezoliticheskaya stoyanka Chernaya 1 v Meshchere [Mesolithic site Chernaya 1 in Meshchera]. *SA*, 4, pp. 143–162.
- Kravtsov A. E., Lun'kov V. Yu., 1994. Novaya mezoliticheskaya stoyanka v zapadnoy chasti Meshcherskoy nizmennosti [New Mesolithic site in western part of Meshchera lowland]. *RA*, 2, pp. 112–117.
- Kravtsov A. E., Sorokin A. N., 1991. Aktual'nye voprosy Volgo-Okskogo mezolita [Topical problems of Volga-Oka Mesolithic]. Moscow: IA AN SSSR. 74 p.
- Kravtsov A. E., Zhilin M. G., 1995. Opyt funktsional'no-planigraficheskogo analiza mezoliticheskoy stoyanki Belivo 4G-Severnaya [Experience of functional-planigraphic analysis of Mesolithic site Belivo 4G-Severnaya]. *RA*, 2, pp. 135–148.
- Kraynov D. A., Bryusov A. Ya., 1961. Problemy severnogo mezolita [Problems of northern Mesolithic]. *Materialy Vsesoyuznogo soveshchaniya po izucheniyu chetvertichnogo perioda (1957 g.) [Proceedings of All-Union meeting on quaternary studies (1957)]*, 1. Moscow: AN SSSR, pp. 479–482.
- Kraynov D. A., Kol'tsov L. V., 1979. Problemy pervobytnoy arkheologii Volgo-Okskogo mezhdurech'ya (po rezul'tatam rabot Verkhnevolzhskoy ekspeditsii IA AN SSSR) [Problems of prehistoric archaeology of Volga-Oka interfluv (based on results of works of Upper Volga expedition of IA AN SSSR)]. *Sovetskaya arkheologiya v 10-y pyatiletke: vsesoyuznaya konferentsiya: tezisy plenarnykh dokladov [Soviet archaeology in 10th in five-year plan: All-Union conference: abstracts of plenary reports]*. Leningrad, pp. 22–26.
- Kraynov D. A., Kol'tsov L. V., 1983. 25 let (1959–1983) Verkhnevolzhskoy ekspeditsii Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR [25 years (1959–1983) of Upper Volga expedition of Institute of archaeology, Academy of Sciences of the USSR]. *SA*, 4, pp. 267–271.
- Leonova E. V., 1994. Opyt planigraficheskogo analiza ienevskikh mezoliticheskikh stoyanok s tonkim kul'turnym sloem [Experience of planigraphic analysis of Ienevo Mesolithic sites with thin cultural deposit]. *TAS*, 1, pp. 30–35.
- Leonova E. V., 1998. Planigraficheskiy analiz «dyunnykh» mezoliticheskikh stoyanok Volgo-Okskogo mezhdurech'ya: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Planigraphic analysis of «dune» Mesolithic sites of Volga-Oka interfluv: Ph. D. Abstract]. Moscow: IA RAN. 19 p.
- Leonova E. V., 2000. Nekotorye rezul'taty planigraficheskogo analiza Volgo-Okskikh mezoliticheskikh stoyanok na peske [Some results of planigraphic analysis of Volga-Oka Mesolithic sites on sand]. *TAS*, iss. 4, vol. 1, pp. 49–51.
- Leonova E. V., 2007. K probleme arkheologicheskogo soderzhaniya ienevskoy kul'tury Volgo-Okskogo basseyna [On problem of archaeological content of Ienevo culture of Volga-Oka basin]. *Problemy kamennogo veka (k yubileyu M. D. Gvozdovery) [Problems of Stone Age (toward jubilee of M. D. Gvozdovery)]*. Moscow: Dom evreyskoy knigi, pp. 119–154.
- Loktyushev S. A., 2009. Kamennyi period v Ryazanskoy gubernii. Doistoricheskiy ocherk. 1915 [Stone Age in Ryazan' province. Prehistoric essay. 1915]. *Arkheologichne nadbannya S. O. Loktyusheva (do 130-rychchya vid dnya narozhdeniya) [Archaeological observations of S. A. Loktyushev (toward 130th anniversary)]*. Lugansk: Shiko, pp. 27–41. (Kraeznavchi zapiski. Lugan'skiy oblastnyy kraeznavchiy muzey, V.)
- Medvedev G. I., Lipina E. A., Novosel'tseva V. M., Shmygun P. E., 2000. O mezolite. V kotoryy raz?! [About Mesolithic. Once again?!]. *Arkhaicheskie i traditsionnye kul'tury Severo-Vostochnoy Azii. Problemy proiskhozhdeniya i transkontinental'nykh svyazey: mezhdunarodnyy nauchnyy seminar: materialy dokladov [Archaic and traditional cultures of North-Eastern Asia. Problems of origin and transcontinental relations: international scientific seminar: proceedings]*. Irkutsk: Irkutskiy gosuniversitet, pp. 69–81.
- Medvedev G. I., Mikhnyuk G. N., Shmygun P. E., 1975. Mezolit yuga Vostochnoy Sibiri [Mesolithic of the South of Eastern Siberia]. *Drevnyaya istoriya narodov yuga Vostochnoy Sibiri [Early history of peoples of the South of Eastern Siberia]*, 3. Irkutsk: Irkutskiy universitet, pp. 74–81.

- Sorokin A. N., 1981a. Mezoliticheskaya stoyanka Petrushino vo Vladimirskoy oblasti (Meshchera) [Mesolithic site Petrushino in Vladimir region (Meshchera)]. *SA*, 4, pp. 159–170.
- Sorokin A. N., 1981b. Pozdne mezoliticheskaya stoyanka Mikulino (Meshchera) [Late Mesolithic site Mikulino (Meshchera)]. *SA*, 1, pp. 118–133.
- Sorokin A. N., 1984. Mezolit Velikikh Meshcherskikh ozer [Mesolithic of Great Meshchera lakes]. *SA*, 1, pp. 46–65.
- Sorokin A. N., 1986. Mezolit basseynov Desny i Oki: po materialam rabot Desninskoy ekspeditsii [Mesolithic of Desna and Oka basins: based on materials of works of Desna expedition]. *KSIA*, 188, pp. 28–35.
- Sorokin A. N., 1987. Kul'turnye razlichiya v mezolite basseyna r. Oka [Cultural differences in Mesolithic of Mesolithic in Oka River basin]. *KSIA*, 189, pp. 41–46.
- Sorokin A. N., 1988. Kolleksiya nizhnego sloya stoyanki Istok 1 (k voprosu o pamyatnikakh s asimmetrichnymi nakonechnikami v Meshchere) [Collection from bottom layer of site Istok 1 (on problem of sites with asymmetric points in Meshchera)]. *Pamyatniki kamennogo veka basseyna reki Oki [Stone Age sites in Oka River basin]*. Moscow: IA AN SSSR, pp. 9–14.
- Sorokin A. N., 1989. Resselinskaya kul'tura [Resseta culture]. *Mezolit SSSR [Mesolithic of the USSR]*. Moscow: Nauka, pp. 84–86, 260. (Arkheologiya SSSR.)
- Sorokin A. N., 1990. Butovskaya mezoliticheskaya kul'tura (po materialam Desninskoy ekspeditsii) [Butovo Mesolithic culture (based on materials of Desna expedition)]. Moscow: IA AN SSSR. 220 p.
- Sorokin A. N., 1995. Stoyanka Shabaev 5 [Site Shabaev 5]. *Arkheologicheskie pamyatniki Srednego Pooch'ya [Archaeological sites of Middle Oka region]*, 4. Ryazan': Nauchno-proizvodstvennyy tsentr po okhrane i ispol'zovaniyu pamyatnikov istorii i kul'tury, pp. 5–12.
- Sorokin A. N., 2002. Mezolit Zhizdrinskogo poles'ya. Problema istochnikovedeniya mezolita Vostochnoy Evropy [Mesolithic of Zhizdra marshy woodland. Problem of sources analysis on East European Mesolithic]. Moscow: Nauka. 251 p.
- Sorokin A. N., 2004a. Mezolit Volgo-Okskogo basseyna [Mesolithic of Volga-Oka basin]. *Problemy kamennogo veka Russkoy ravniny [Problems of Stone Age of Russian Plain]*. Kh. A. Amirkhanov, ed. Moscow: Nauchnyy mir, pp. 69–91.
- Sorokin A. N., 2004b. Okskaya ekspeditsiya v 1989–2002 gg. [Oka expedition in 1989–2002]. *30 let Otdelu okhrannykh raskopok [30 years of activity of Department of rescue excavations]*. Moscow: IA RAN, pp. 81–85. (Trudy Otdela okhrannykh raskopok, 2.)
- Sorokin A. N., 2005. Mezoliticheskie stoyanki nizov'ev r. Mokshi [Mesolithic sites of lower reaches of Moksha River]. *SP*, 1/2003–2004, pp. 359–443.
- Sorokin A. N., 2006a. Mezolit Oki. Problema kul'turnykh razlichiy [Oka Mesolithic. Problems of cultural differences]. Moscow: Taus. 312 p. (Trudy Otdela okhrannykh raskopok, 5.)
- Sorokin A. N., 2006b. Problemy mezolitovedeniya [Problems of Mesolithic studies]. Moscow: Grif i K. 214 p.
- Sorokin A. N., 2008. Mezolitovedenie Pooch'ya [Mesolithic studies of Oka region]. Moscow: Grif i K. 328 p.
- Sorokin A. N., 2011. Stoyanka i mogil'nik Minino 2 v Podmoskov'e: kamennyy inventar' [Settlement and cemetery Minino 2 in Moscow region: stone inventory]. Moscow: Grif i K. 264 p.
- Sorokin A. N., 2013. Prolog [Prologue]. Moscow: IA RAN. 144 p.
- Sorokin A. N., 2016. Ocherki istochnikovedeniya kamennogo veka [Essays on source studies of Stone Age]. Moscow: IA RAN. 248 p.
- Sorokin A. N., Khamakava M., 2014. Geoarkheologicheskie ob'ekty Zabolotskogo torfyanika na territorii Evropeyskoy Rossii [Geoarchaeological objects of Zabolotskiy peat-bog in territory of European Russia]. *Izvestiya Irkutskogo gosuniversiteta. Seriya «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya» [Bulletin of Irkutsk State university. Ser. «Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology»]*, 10, pp. 50–93.
- Sorokin A. N., Oshibkina S. V., Trusov A. V., 2009. Na perelome epoch [At the turn of epochs]. Moscow: Grif i K. 388 p.
- Taute W., 1968. Die Stielspitzen-Gruppen im nördlichen Mitteleuropa: ein Beitrag zur Kenntnis der späten Altsteinzeit. (Fundamenta. Reihe A, 5). Köln; Graz: Böhlau. 512 S.
- Teten'kin A. V., 2003. Ot «khozyaystvennogo uklada» do «geoarkheologii»: rekonstruktsiya nauchnogo diskursa Irkutskoy shkoly [From «economic system» to «geoarchaeology»: deconstruction

- of scientific discourse of Irkutsk scientific school]. *Izvestiya Laboratorii drevneyshikh tekhnologiy (Irkutskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiy universitet) [Bulletin of Laboratory of earliest technologies (Irkutsk State technical university)]*, 1, pp. 8–25.
- Voevodskiy M. V., 1934. K voprosu o ranney (sviderskoy) stadii epipaleolita na territorii Vostochnoy Evropy [On problem of early (Swidry) stage of Epipalaeolithic in territory of Eastern Europe]. *Trudy 2 Mezhdunarodnoy konferentsii Assotsiatsii po izucheniyu chetvertichnogo perioda Evropy [Transactions of 2 International conference of Association for research of Quaternary of Europe]*, 5. Moscow: Gos. nauchno-tekhnicheskoe gorno-geologo-neftyanoe izdatel'stvo, pp. 230–245.
- Voevodskiy M. V., 1940. K voprosu o razvitii epipaleolita v Vostochnoy Evrope [On problem of development of Epipalaeolithic in Eastern Europe]. *SA*, V, pp. 144–150.
- Voevodskiy M. V., 1950. Mezoliticheskie kul'tury Vostochnoy Evropy [Mesolithic cultures of Eastern Europe]. *KSIMK*, XXXI, pp. 96–119.
- Voevodskiy M. V., Formozov A. A., 1950. Stoyanka Pesochnyy Rov na reke Desne [Pesochnyy Rov site on Desna River]. *KSIMK*, XXXV, pp. 42–54.
- Zhilin M. G., Frolov A. S., Krymov E. Yu., 1996. Mezoliticheskaya stoyanka Prislon 1 na verkhney Volge [Mesolithic site Prislon 1 on Upper Volga]. *TAS*, 2, pp. 126–133.
- Zhilin M. G., Kostyleva E. L., Utkin A. V., Engovatova A. V., 2002. Mezoliticheskie i neoliticheskie kul'tury Verkhnego Povolzh'ya (po materialam stoyanki Ivanovskoe VII) [Mesolithic and Neolithic cultures of Upper Volga region (based on materials of site Ivanovskoe VII)]. Moscow: Nauka. 245 p.
- Zhilin M. G., Kravtsov A. E., Leonova E. V., 1998. Mezoliticheskaya stoyanka Belivo 6V [Mesolithic site Belivo 6V]. *Arkheologicheskiy sbornik [Archaeological collection of articles]*. Moscow: GIM, pp. 88–108. (Trudy GIM, 96.)

About the author

Sorokin Aleksey N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: ansorokin@rambler.ru, ansorokin52@gmail.com

Ш. Н. Амиров

КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И КЛИМАТИЧЕСКИЕ ФЛУКТУАЦИИ ЭПОХИ РАННЕГО И СРЕДНЕГО ГОЛОЦЕНА НА ПЕРЕДНЕМ ВОСТОКЕ, НА ПРИМЕРЕ ЮЖНОГО ЛЕВАНТА И СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ*

Резюме. Статья посвящена сравнительному анализу пространственного распределения памятников Южного Леванта и Северной Месопотамии эпохи раннего – среднего голоцена. Отмеченная синхронизация степени заселенности этих двух районов пояса «Плодородного полумесяца» свидетельствует о едином ритме климатических флуктуаций в Передней Азии в течение эпохи голоцена.

Ключевые слова: голоцен, климатические флуктуации, Передняя Азия, «Плодородный полумесяц», Южный Левант, Джезира.

Археологические источники имеют исключительно важное значение для исследования климатических флуктуаций эпохи голоцена не только потому, что они заполняют все его хронологическое пространство, но также потому, что они крайне чувствительны к изменениям климата и опираются на независимую от естественных наук методику датирования. Для Переднего Востока с начала – середины III тыс. до н. э. появляется возможность достаточно точного датирования культурного слоя археологических памятников, при условии обнаружения письменных документов¹. Однако и для бесписьменных культур этого региона существует сопоставимая с точностью исторических источников вероятность определения хронологического положения материала с помощью типологического метода археологического исследования в совокупности с количественной оценкой вариабельности массового материала, которая позволяет строить

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-18-01406.

¹ Для втор. пол. III тыс. до н. э. датирование происходит с точностью до нескольких десятилетий.

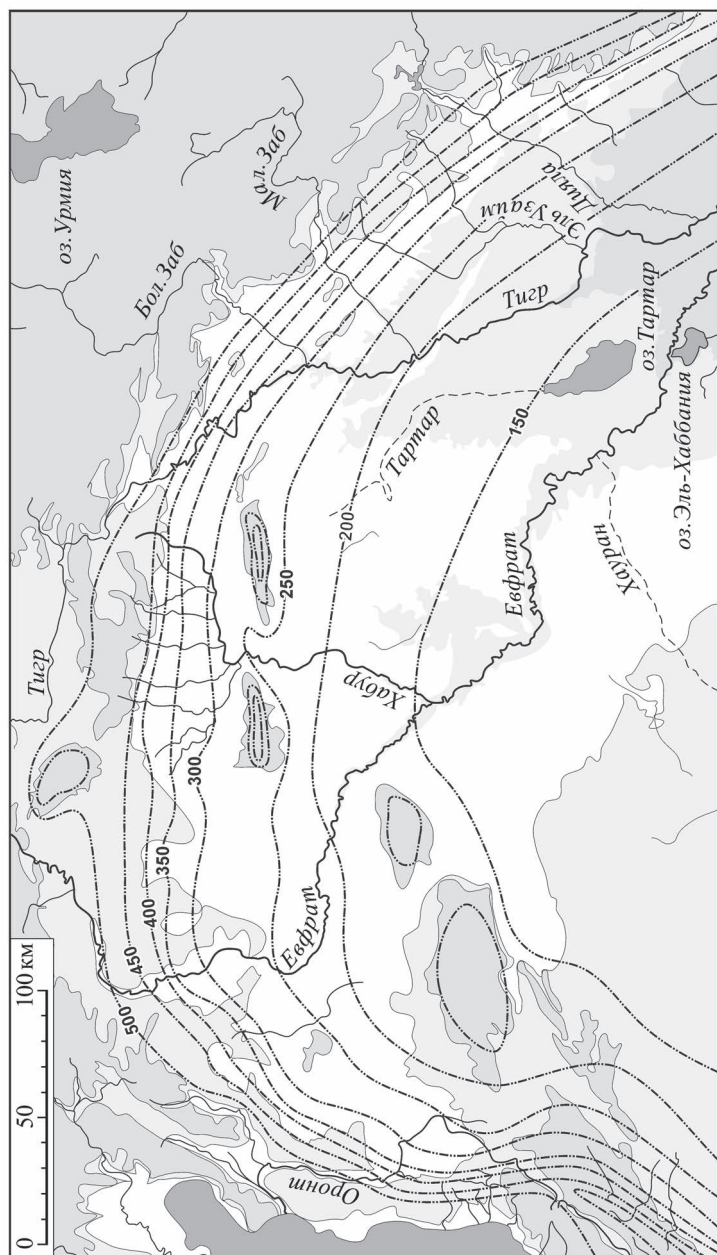

Рис. 1. «Плодородный полумесяц» Передней Азии

максимально дробные схемы относительной хронологии (*Amirov, Deopeak*, 1997; *Амиров*, 2010. С. 172–250; *Мунчаев и др.*, 2004. С. 193–209; *Мунчаев, Амиров*, 2016. С. 88–91). В конечном счете, типологический метод археологии позволяет датировать климатические флуктуации голоцена с большей точностью, чем любые естественно-научные методы, которые неизбежно апеллируют к ^{14}C .

Соответственно, условием для археологического исследования климатических флуктуаций эпохи голоцена является долговременное накопление культурного слоя, который формируется в результате оседлого (или близкого к оседлому) образа жизни. Оседлый образ жизни на Переднем Востоке возникает в начале голоцена, на стадии эппалеолита, и связан с интенсивным собирательством. С появлением земледелия сообщества людей отрываются от локусов естественного произрастания диких съедобных растений и распространяют их в широком поясе степной зоны Месопотамии, потенциально пригодном для земледелия (*Childe*, 1934). Эта полоса получила название «Полумесяца плодородных земель» (*Breasted*, 1906–1907) (рис. 1). Собственно, этот пояс представляет собой зону естественного дождевания, где выпадает количество атмосферных осадков, достаточное для неполивного земледелия. Наибольшее число осадков приходится на районы, расположенные в непосредственной близости от обрамляющих Месопотамскую равнину гор; по мере удаления от гор в сторону равнины количество атмосферных осадков постепенно уменьшается. Гарантированный ежегодный урожай собирают в интервале от 300 мм годовых осадков и выше. Поэтому в историческое время и в особенности в первобытности пояс культивации растений «Плодородного полумесяца» (и соответственно – оседлого образа жизни) был всегда ограничен линией изогией примерно в 300 мм годовых осадков. Площадь «Полумесяца плодородных земель» в гумидные периоды становилась шире, чем это фиксируют современные линии изогией, а в более аридные периоды сжималась в размерах, по сравнению с современностью (*Амиров*, 2014). Распределение разновременных археологических памятников Месопотамской равнины документирует жесткую зависимость между климатическими колебаниями и расселением сообществ людей с момента возникновения производящей экономики, которая связана, прежде всего, с культивацией зерновых культур.

Южный Левант

В конце последнего ледникового периода, в течение Аллердского потепления финала плейстоцена (примерно в интервале XII – середины X тыс. до н. э.), климат на Ближнем Востоке поступательно изменялся от холодного и влажного к теплomu и сухому (см., напр.: *Binford*, 1968; *Butzer*, 1982. P. 14–34; *Mayewski et al.*, 2004; *Issar, Zohar*, 2007. P. 40–60; *Robinson et al.*, 2006; *Weninger et al.*, 2009. P. 21–23; и др.). В это время в Палестине, на протяжении более 6 тыс. лет (*Mellaart*, 1975. P. 27), существовала позднелеолитическая кебарийская культура. Местонахождения кебарийской культуры группируются главным образом в северной, наиболее увлажненной части Южнолевантийского региона. Они известны в прибрежных районах Восточного Средиземноморья: у горы Кармаль –

Кебара, Вади Фалла (Нахаль Орен); в районе Хайфы – Хайоним; в районе Бейрута – Абри Берги, Ксар Акиль, Джайта, Небаа аль Мгхара, Дур Хуейр, Бикфайя и др.; в зоне предгорий и подгорных долин: Ябруд, Айн Малахха (Эйнан), стоянка Охало II на берегу Галилейского моря, Айн Гев I (*Mellaart, 1975. P. 22; Nadel et al., 1994*) и др. Однако множество маленьких местонахождений поздней фазы кебарийской культуры было обнаружено также и в ныне аридной зоне на Синайском п-ове и в пустыне Негев (например: Рош Зин, Нахаль Зин, Ариф ан-Нага), Вади Мадамаг около Петры, Вади Рум около Акабы и др. (*Mellaart, 1975. P. 29*), а также Хумр на Евфрате (*Anastasio et al., 2004. P. 375; map 18*).

Для кебарийской культуры типичными являются пещерные стоянки (*Kirkbride, 1958*), но известны и открытые поселения (например: Айн Гев I и Охало II) (*Mellaart, 1975. P. 22; Nadel et al., 1994*) с жилыми конструкциями, которые представляют собой круглоплановые полуземлянки диаметром около 2 м. Для этой культуры характерны микролитические орудия, использовавшиеся в качестве вкладышей серпов (*Mellaart, 1975. P. 22*). Диета носителей кебарийской культуры была основана на сборе диких разновидностей зерновых, орехов, фруктов и специализированной охоте на мелких копытных (*Ibid. P. 22–28*).

Теплый и влажный климат финала плейстоцена сменил более аридный климат начала голоцена (*Weninger et al., 2009. P. 21–23*), в условиях которого происходит формирование натуфийской эппалеолитической культуры, существовавшей в Южном Леванте примерно в X–IX тыс. до н. э. (*Bar-Yosef, 1998*).

Для натуфийской культуры отмечено перемещение основных базовых лагерей с прибрежной равнины в сторону предгорий. Этот факт может свидетельствовать о смещении фисташково-дубового пояса к возвышенностям из-за относительной аридизации климата на рубеже плейстоцена и голоцена (*Mellaart, 1975. P. 29, 30*). Тем не менее зона распространения памятников натуфийской культуры охватывает как северную, так и центральную часть Палестины: районы горы Кармаль (Нахаль Орен, Эль-Вад или Ме'арат ха-Нахаль – пещера с восточной стороны горы) и озера Хула (Айн-Малахха, или Эйнан); долину Иордана (Телль эс-Султан или Иерихон), центральную часть Галилеи (поселение Хайоним). Охотничьи стоянки известны также в пустыне Негев (*Bar-Yosef, 1998*). За пределами Палестины натуфийские слои зафиксированы в поселениях Бейда около Петры в Иордании, в ряде поселений в Сирии (таких как местонахождение Эль-Коум 1 в районе Пальмирского оазиса в центральной части Сирийской пустыни) и ряде местонахождений на Евфрате (Хумр, Абу Хурейра, Мюрейбит, Джаде) (*Anastasio et al., 2004. P. 376; map 19*).

Для носителей натуфийской культуры типичным является образ жизни, связанный с долговременным пребыванием в базовых лагерях и сезонным – в охотничьих, выдвинутых в засушливые степные районы. Для долговременных базовых лагерей, расположенных на открытой местности, характерны значительные трудозатраты на организацию жилого пространства. Жилища, как правило, круглоплановые, иногда полуземлянки. Для орудий натуфийской культуры характерным является продолжение традиции использования геометрических микролитов, аналогичных предшествующему периоду, но также отмечено использование микролитических пластин в качестве лезвий для серпов. Как и в предшествующее время, носители натуфийской культуры охотились на мелких копытных.

Объектом охоты в Палестине была чаще всего газель (*Garrod, 1957; Mellaart, 1975. P. 33; Noy, 1993; Weinstein-Evron, 1993*).

Натуфийская культура является автохтонной культурой, которая продолжила развитие традиций и навыков предшествующей кебарийской. Наиболее важным событием в развитии культуры натуфийского времени следует признать возникновение относительно оседлого образа жизни в результате специализированного собирательства. Новый образ жизни сделал возможным следующий шаг – доместикацию растений и животных, что ознаменовало переход к производящей экономике (*Issar, Zohar, 2009. P. 57*).

Для конца натуфийского периода есть свидетельства значительной аридизации климата, иссушения озер и других источников воды. В этих условиях происходит формирование культуры докерамического неолита А (PPNA). Время существования этой культуры попадает в широкий интервал последней трети IX – последней трети VIII тыс. до н. э. (*Mellaart, 1975. P. 45–51*). Финал натуфийской культуры совпадает с коротким периодом похолодания климата, который, видимо, коррелирует с климатическим эпизодом, известным в Европе как Малый Дриас (*Bar-Yosef, 1998; Issar, Zohar, 2007. P. 53–55; Weninger et al., 2009. P. 21–23*).

По мере возрастания аридности климата многие поселения натуфийской культуры в Палестине (например: Айн Малахха, Хайоним, Вади Фалла, Кебара, Эль-Вад) были заброшены. В то же время на некоторых поселениях (например: Вади Фалла II, Эль-Хиам 3–4, протонеолитические слои Иерихона) прослежен непрерывный переход от натуфийских слоев к раннему этапу культуры докерамического неолита А (PPNA). В целом может быть отмечена тенденция смещения оседлых поселений PPNA, в сравнении с предшествующим временем, в сторону Северного Леванта.

Важным результатом уменьшения сезонного выпадения осадков в конце натуфийского периода стала перегруппировка биоценозов (вегетации растений, животных и людей) около сохранившихся постоянных источников воды. Именно в это время появляются бесспорные свидетельства наличия перманентно оседлого образа жизни и многослойных поселений с мощным культурным слоем. Для периода PPNA в Иерихоне мы имеем первые свидетельства монументальной общественной архитектуры (*Kenyon, 1957; 1993; Excavations at Jericho..., 1981; Bar-Yosef, 1986b*).

Следствием аридизации климата финала натуфийской культуры – начала PPNA стала значительно бóльшая зависимость людей от вегетации растений. После длительного, длиной в несколько тысяч лет, периода специализированных сборов диких злаков и овощей в условиях аридного климата люди перешли к их целенаправленному выращиванию и селекции (*Flannery, 1973; Van Zeist, Bakker-Heeres, 1979; Zohary, Hopf, 1993*).

С начала периода PPNA культивация растений становится основой экономики. В Иерихоне, Мюрейбите, Телле Карамель, Телле Абр, Абу Хурейре, Невали Чори и др. отмечена доместикация двурядного ячменя, пшеницы однозернянки и эммера, гороха и чечевицы. В это время происходит распространение культивации растений (прежде всего – злаков) за пределы территории их естественного произрастания (*Mellaart, 1975. P. 50; Pringle, 1998. P. 1446; Lev-Yadun et al., 2006*;

Issar, Zohar, 2009. Р. 58–65). С другой стороны, судя по всему, единственным источником мясной пищи в течение периода PPNA была по-прежнему исключительно охота на диких животных (*Perkins*, 1973; *Mellaart*, 1975. Р. 50).

Таким образом, «докерамический неолит А» – это автохтонная культура Южного Леванта; носители этой культуры существовали в условиях продолжительного аридного климатического цикла. Судя по всему, первые опыты с культивацией диких злаков коррелируют с концом периода Малого Дриаса и продолжают в течение докерамического неолита А (PPNA) (*Willcox et al.*, 2008; 2009). В рамках этого же аридного цикла, в начале – перв. пол. VIII тыс. до н. э., культура PPNA завершает кебарийско-натуфийскую линию развития.

Аридность периода PPNA в Левантийском регионе сменила влажная фаза эпохи докерамического неолита В (PPNB). Гумидизация климата отмечена в это время на всей территории Ближнего Востока, включая Северомесопотамскую степь и примыкающие к ней районы Сирийской пустыни², Загросские горы и Иранское плато (*Issar*, 1969). В этих благоприятных климатических условиях культура PPNB распространяется вдоль всего пояса «Плодородного полумесяца». Наибольшая концентрация памятников отмечена в Великой рифтовой долине и прилегающем плато: в Негеве (Дившон, р-н Тимна), в Трансиордании (‘Айн Газзаль, Бейда, Кильва, пос. № 19) и на Средиземноморском побережье Израиля (Атлит Ям), Ливана (Бейрут, Дик эль-Мехди) и Сирии (Телль Сукас, Рас Шамра, Сленфе) (*Galili, Nir*, 1993; *Mellaart*, 1975. Р. 65); в оазисах Сирийской пустыни (Рамад I, Телль Асвад, Эль-Коум); в районе Урфы (Гёбекли-Тепе, Гюручу-Тепе); вдоль русла Евфрата и его притоков: Чафер Харабеси, Гритилле, Невали Чори, Кумар-Тепе, Хайаз, Сюгут Тарласи, Бирис Месарлиги, Барак (Кархемиш), Джааде аль Мугара, Халула, Шейх Хассан, Мюрейбит, Абу Хурейра, Синн, Букрас; в районе течения Балиха: Асвад, Саби Абьяд II, Саби Абьяд I, Дамишлийя; в верховьях Хабура – Фахарийя; в районе Восточной Джезиры: Магзалийя; у русла Тигра и его притоков: Джинк, Немрик, Чай, Дукан (*Mellaart*, 1975. Р. 55–69; *Cauvin*, 1978; *Contenson et al.*, 1979; *Rollefson, Simmons*, 1985; *Anastasio et al.*, 2004. Р. 378, map 21; *Sagona, Zimansky*, 2009. Р. 37–81).

Культура PPNB в Левантийском регионе существует с конца VIII тыс. до н. э., а отдельные ее элементы доживают до последней трети VII тыс. до н. э. и отмечены даже позднее. В Палестине большинство поселений PPNB с самого начала представлены культурой развитого облика и не имеют предшествующих культурных отложений. Есть основание рассматривать культуру PPNB как

² Исследование пылевых спектров из культурного слоя поселения Сде Дившон (*Sde Divshon*), расположенного в пустыне Негев, показали, что район, который в настоящее время получает около 80 мм годовых осадков, в течение периода PPNB был достаточно увлажнен и пригоден для земледелия. Находки в этом же экстремально засушливом регионе обугленных фрагментов фисташковых и оливковых деревьев также указывают на более влажный климат этого времени. В течение большей части периода PPNB, в интервале от 7700/7500 до 6000 до н. э., климат благоприятствовал охотникам и собирателям, позволяя существовать в полосе, которая в настоящее время представляет собой настоящую пустыню – в таких районах, как Негев, Синай и вдоль края Сирийской пустыни (*Issar, Zohar*, 2009. Р. 63).

абсолютно отличающуюся от PPNA, с хронологическим разрывом между ними. Непрерывность между слоями PPNA и PPNB может быть прослежена только в Северной Сирии. Распространение культуры PPNB в Южном Леванте было связано со значительными миграционными процессами из районов Северного Леванта в конце VIII – начале VII тыс. до н. э. (*Issar, Zohar, 2009. P. 60–65*).

Типичными жилыми конструкциями этой культуры являются здания прямоугольного плана. Для интерьера помещений характерны обмазанные известью полы, окрашенные охрой и заглубленные в пол очаги (*Mellaart, 1975. P. 55–57; Sagona, Zimansky, 2009. P. 49–57*). Кремневые орудия этого времени отличаются от орудий PPNA. Микролиты исчезают повсеместно. Теперь в каменном инвентаре доминируют длинные пластины для серпов. Экономика оседлых поселений культуры PPNB была основана на культивации овощей и злаков и разведении животных. В слоях PPNB Иерихона отмечены только domesticiрованные зерна двурядного ячменя, эммера и однозернянки. Есть следы выращивания голозерного ячменя и дикого овса, также зафиксированы горох, чечевица и различные овощи. Носители культуры PPNB, в отличие от PPNA, уже не зависели исключительно от охоты. Они domesticiровали козу, чье мясо стало основой животных белков и жиров в диете (*Mellaart, 1975. P. 66; Issar, Zohar, 2009. P. 60–65*). Но в то же время в более засушливых районах, где население обитало в сезонных лагерях, экономика все еще базировалась на охоте и собирательстве (*Bar-Yosef, 1986a*).

Примерно к концу VII тыс. до н. э. культура докерамического неолита завершает свое существование. С одной стороны, в это время как в Палестине, так и в Сирийской степи отмечено много поселений, покинутых людьми. В Южном Леванте, к примеру, были заброшены такие поселения, как Бейда, Иерихон, Мунхатта, Телль Фара, Вади Шуайиб, Хирбет Шейх Али и др. С другой стороны, на ряде поселений Северноголевантийского региона отмечена качественная трансформация этой культуры в культуру раннего керамического неолита. В то же время на средиземноморском побережье, в Северной Палестине, в районе оазиса Гута, в долине Бекаа сохранялись относительно благоприятные условия жизни. Размеры поселений уменьшаются, и для ряда поселений этого периода характерно полное отсутствие стационарной архитектуры. Типичным становится использование землянок. Памятники этого времени имеют характер полуоседлых поселений скотоводов (*Mellaart, 1975. P. 68, 69*).

Иссушение климата в конце VII тыс. до н. э. разрушило земледельческий уклад не только в южнолевантийском регионе, но в целом в широком поясе Ирано-Туранской зоны вегетации. Этот аридный цикл, судя по всему, и был причиной исчезновения культуры PPNB (*Ibid. P. 68, 69*).

Аридный цикл конца VII тыс. до н. э., очевидно, спровоцировал в Левантийском регионе миграцию людей в северном направлении, в лесную зону Средиземноморья. Другой адаптационной стратегией в условиях иссушения климата стал выбор в качестве новой экономической модели жизни полукочевого пасторализма. Возможно, такой уклад мог сохраняться в регионе Южного Леванта в течение нескольких веков (*Mellaart, 1975. P. 68, 69; Weninger et al., 2009. P. 28; Issar, Zohar, 2009. P. 65*).

Отмеченный цикл иссушения климата сменил экстремально гумидный период, пришедшийся главным образом на перв. пол. VI тыс. до н. э. В западной части земель «Плодородного полумесяца», и в частности в Южном Леванте, есть ряд археологических поселений эпохи неолита, которые содержат щебнистые слои мощностью до двух метров: например, Айн Газзаль, Джебель Абу Тавваб, Телль Абу Сувван, Айн Рахуб, Баста и др. (Rollefson, 2009; Weninger et al., 2009. P. 32, 33). Эти слои связаны с отложениями ярмукской культуры раннего керамического неолита (или керамического неолита А), которые часто перекрывают отложения культуры докерамического неолита В (PPNB). Наиболее рациональным объяснением этого феномена могут быть селевые потоки в результате долговременных проливных дождей. Своим происхождением ярмукская керамика связана с сиро-килийским очагом первичного керамического производства, но имеет следы влияния позднего этапа хассунской культуры Северной Месопотамии. В середине VI тыс. до н. э. ярмукская культура прекращает существование (Gofer, 1998).

После значительного временного интервала ярмукскую культуру в Южном Леванте сменяет культура позднего керамического неолита – Вади Раббах (или керамический неолит В) (Kaplan, 1958), продвинувшаяся на территорию Палестины из Северного Леванта (Mellaart, 1975. P. 241–243). Она синхронна халафской поздненеолитической культуре и демонстрирует по ряду признаков очевидные связи с Северной Месопотамией; датируется втор. пол. VI – началом V тыс. до н. э.

Культура Вади Раббах имела значительно более широкое географическое распространение, чем ее предшественница. Ее оседлые и сезонные поселения отмечены даже в пустынных районах Негева. В то же время известно, что носители культуры Вади Раббах использовали элементы ирригации для поддержания земледелия. Наиболее значительными поселениями этой культуры в Израиле являются Айн эль-Джарба в долине Ездраелона, Кфар Гилады и Кабри в Галилее, Телль Али, Мунхатта и Иерихон VIII в долине Иордана.

Культура Вади Раббах прекращает существование в результате аридизации климата, в середине V тыс. до н. э. (Issar, Zohar, 2007. P. 75–77). В Палестине ее сменяет гхассульская халколитическая культура. Между этими культурами зафиксирован перерыв в заселении Южного Леванта, вероятнее всего возникший в результате климатических изменений, но при этом относительно кратковременный и не абсолютный. На наиболее ранних «протогхассульских» поселениях типа Тель Цаф, в средней части долины Иордана, отмечено наличие в слое отдельных фрагментов керамики Вади Раббах (Rosenberg et al., 2014).

Здесь важно отметить, что в ходе своего долговременного и непрерывного развития эта культура испытывала постоянное культурное воздействие Месопотамии. Если на раннем этапе – в конце V – начале IV тыс. до н. э. (этап Беершева) – она находилась под влиянием убейдской культуры, то на позднем этапе (в течение IV тыс. до н. э. – этап Гхассул) была под влиянием либо евфратских урукских колоний типа Хабуба Кабира, либо северомесопотамских культур урукского круга эпохи позднего халколита. Поэтому внешний облик массовой керамики раннего и позднего этапов гхассульской культуры имеет значительные различия (Hennessy, 1982).

С точки зрения климатических флуктуаций время существования этой культуры – это период поступательного развития гумидности в регионе, которая в IV тыс. до н. э. достигает своего максимума. Уже к началу IV тыс. до н. э. земледельческие поселения были основаны в районах, которые сейчас находятся в аридной зоне, где в настоящее время выпадает значительно менее 300–200 мм осадков, и даже в более засушливых. Многочисленные поселения разных размеров распространены от севера Израиля до Негева и Синая на юге (Levy, 1986). Всего в Палестине насчитывается порядка 180 стационарных поселений гхассульской культуры, связанных с земледелием, и несколько сотен сезонных – в пустыне Негев и долине Увда (среди них Баб эд-Дра', пещеры Лахиша и поселение Н в Вади Газзах), что свидетельствует о периоде высокой влажности в регионе. В IV тыс. до н. э. климатические условия были оптимальными даже в районах, которые в настоящее время представляют собой пустыню. Относительно большое и многослойное поселение втор. пол. IV тыс. до н. э. Джава расположено в ныне пустынном районе Северной Иордании. Это было городское поселение, защищенное обводной стеной. Хозяйство было основано на земледелии с элементами ирригации и на разведении крупного и мелкого рогатого скота. Около 3000 до н. э. оно оставлено населением, что, вероятнее всего, было связано с иссушением климата (Issar, Zohar, 2007. Р. 98).

Синхронизация гхассульской культуры с культурой позднего халколита Джезиры, или убейдско-урукской последовательностью в Южной Месопотамии, позволяет предполагать, что и завершение линии ее развития может быть соотнесено с коллапсом урукской колониальной системы вдоль Евфрата. Считается, что в конце гхассульской культуры (между 3500 и 3000 гг. до н. э.) Левант прошел через две фазы крайней аридизации (Levy, 1983; 1992; Issar, Zohar, 2007. Р. 96).

Период, следовавший за концом культуры Гхассул – Беер Шева, характеризуется отсутствием значительных культурных изменений. Археологические материалы из Мегиддо XX/XIX, Бейт Шеан XVII/XVI, Бейт Йерах (Хирбет Керак) и Телль аль-Фар'а в Северном Израиле демонстрируют преемственность материальной культуры. В то же время в течение этого периода здесь появляются разновидности керамики, типичные для Северного Леванта и Анатолии (Issar, Zohar, 2007. Р. 97). На это время (3000–2700 гг. до н. э.) в Южном Леванте приходится процесс массового возникновения городских поселений, которые в целом тяготеют к районам, где в настоящее время выпадает более 300 мм годовых осадков, но известны также города в пустынных областях. Лучший пример такого города – это Арад, и его существование может быть объяснено только более влажным климатом на рубеже IV–III тыс. до н. э. Однако уже в первой трети III тыс. до н. э. отмечено прекращение жизни поселений аридного пояса Палестины, что было связано с наступлением цикла иссушения климата (Issar, Zohar, 2007. Р. 107; Ben Tor, 1989). Большие города в Палестине возникают в интервале от 2700 до 2400 г. до н. э. (Issar, Zohar, 2007. Р. 106; Broshi, Gophna, 1984), и, соответственно, примерно к середине III тыс. до н. э. происходит полноценное становление цивилизации в Левантийском регионе. Для городских поселений этого периода характерны массивная фортификация из камня и храмовая архитектура. Однако уже во втор. пол. III тыс. до н. э. городская цивилизация Южного Леванта

испытала критические последствия аридизации климата. Ее апогей пришелся на последнюю треть III тыс. до н. э. Этот период длился несколько столетий и был причиной коллапса первой цивилизации Южного Леванта. В Северном Леванте драматические изменения имели другое оформление. Все значительные городские поселения Северной Палестины и Южной Сирии были уничтожены в результате военных столкновений. Следы насильственного разрушения обнаружены на многих крупных городских поселениях региона, включая Библос, Хаму, поселения долины Амука и др. (*Issar, Zohar, 2007. P. 112*).

Северная Месопотамия (Джезира) и Загрос

В Загросских горах синхронно с кебарийской культурой Леванта существовала зарзыйская культура финала верхнего палеолита, которая сменяет барадостскую культуру начала верхнего палеолита. Для зарзыйской культуры характерны стоянки типа пещеры Шанидар в долине Верхнего Заба на самом севере Ирака. Эта пещера расположена в пределах лесов фисташково-дубового пояса, которые покрывали в то время подножия и нижние отроги Загросских гор. Около 10 000 л. до н. э. зарзыйская культура прекращает существование (*Solecki, 1963; 1964a; Mellaart, 1975. P. 70; Nissen, 1988. P. 16, 17*).

За зарзыйской культурой последовал период развития протяженностью около 2 тыс. лет, одновременный натуфийской культуре Леванта. Этот этап традиционно называют по имени наиболее значительного местонахождения фазой Зави-Чеми – Шанидар. Зави-Чеми – это летний сезонный базовый лагерь площадью около 1000 кв. м, расположенный на открытом месте в четырех км к югу от пещеры Шанидар, которая использовалась для зимовок. Культурные отложения Зави-Чеми имеют мощность 2 м (*Solecki, 1964b*). Отмечено возведение наземных хижин диаметром до 4 м с основаниями из речных камней. В трех строительных горизонтах зафиксированы последовательные перестройки этих конструкций. Соответственно, это сезонное поселение было многослойным и функционировало длительное время.

Для кремневой индустрии этой культуры характерно использование микролитов, особенно пластин со спинками, равно как и сегментов (*lunates*), подтреугольных остроконечников, сверл. Известны пластины и отщепы с выемками в основании, боковые скребки, ножи, угловые резцы. В пещере и на стоянке Зави-Чеми обнаружены терочные камни, ступки, песты, каменные молоты и т. п. (*Perkins, 1973*). Полированные кельты (*тесла*) появляются только в самой верхней части отложений (*Mellaart, 1975. P. 72, 73*).

Фаунистические остатки из пещеры Шанидар и летнего лагеря Зави-Чеми свидетельствуют, что люди предпочитали охотиться на диких козу и овцу, но обнаружены также кости дикой свиньи, красного оленя и ряда других животных. В верхних слоях стоянки Зави-Чеми (возможно, датированных около 8000 л. до н. э.) отмечено наличие значительного количества костей молодых особей овец, что может говорить об их разведении (*Ibid. P. 71*).

На обоих местонахождениях найдены земледельческие орудия (в частности, костяная обойма-держатель для вкладышей серпа; а в одном из погребений

зафиксирован еще и жатвенный нож (Ibid. P. 72, 73)), хотя прямых свидетельств потребления растительной пищи не обнаружено.

Подобно натуфийской культуре, для культуры Зави-Чем-Шанидар можно констатировать возникновение относительно оседлого образа жизни и даже предположить первые опыты доместикации мелких копытных.

Следующий этап культурного развития Загроса представляет фаза Карим Шахир, а в Хузистане – фаза Бус Морде, которые датируются примерно концом IX – серединой VII тыс. до н. э. В Загросе известно несколько сезонных поселений этой фазы, таких как Карим Шахир, Гирд Чай, М'лефаат; Кара Чивар (Braidwood et al., 1960; Mellaart, 1975. P. 74). Все они имеют незначительный культурный слой. На некоторых (М'лефаат) зафиксированы следы круглоплановых (диаметром до 4 м) или овальных, заглубленных на 1,2 м в землю сооружений. В одной из конструкций был зафиксирован очаг, расколотые огнем камни, ступки, керны и отпечатки циновки (Braidwood et al., 1960; Mellaart, 1975. P. 74).

Набор орудий одинаков для всех местонахождений. Наиболее характерным типом орудий являются пластины с заполировкой, использованные как вкладыши для серпов, а также выемчатые и зазубренные пластины и полированные кельты (тесла). Зафиксированы также каменные ступки, терочники, песты и фрагменты каменных сосудов. Среди прочих находок отмечены маленькие, слегка обожженные глиняные фигурки, мраморные кольца и браслеты, есть бусины из кости и раковин, а также глиняные стержни и шарики.

Все кости животных из Карим Шахир принадлежат диким особям: овце или козе, зубру, газели, свинье, оленю и др.

В VIII тыс. до н. э., на позднем этапе развития докерамического неолита Загросской зоны, начинается системное освоение подгорной равнины Загроса. Одним из ранних примеров оседлого освоения равнины является поселение Телль Аликош, расположенное в полупустынной степи, на севере Хузистана, на высоте примерно 200 м над уровнем моря, за пределами фисташкового пояса. Его возникновение может быть связано с зимним выпасом одомашненных коз и менее многочисленных овец (Hole et al., 1969; Mellaart, 1975. P. 74, 75; Nissen, 1988. P. 27–32). Аликош был, вероятно, сезонным, но долговременно существовавшим поселением, которое имело 5–6 строительных слоев.

На Аликоше люди собирали зерна диких овощей, которые формировали 94,6% всего количества растительных материалов, однако они уже выращивали доместицированный двурядный ячмень и пшеницу эммер (составлявших 3,4% общего количества растительных остатков), которые принесли из горной зоны вместе с сорняками и фисташками. Урожай собирали кремневыми серпами.

Архитектура поселения представлена прямоугольными домами, построенными из ломтей глины (25 × 15 × 10 см). Комнаты были маленькие (до 2,25 м в длину). Отмечены дверные проемы. На полах не зафиксированы очаги. Полы из плотной глины были покрыты циновками.

Для изготовления орудий использовался местный кремнь. Характерны микролитические орудия. Также присутствуют известняковые и песчаниковые терочники и ступки, равно как и каменные сосуды (Hole et al., 1969; Mellaart, 1975. P. 74, 75).

Как отмечалось выше, самая ранняя керамика западной части Месопотамской равнины связана своим происхождением с Северным Левантом и датируется первой третью VII тыс. до н. э. (Tsuneki, 2012). Однако наиболее ранние опыты изготовления крупных емкостей из глины на Переднем Востоке зафиксированы в Загросских горах, в районе Керманшаха на поселении Гандж Даре в слое D, который датируется в пределах последней трети VIII тыс. до н. э. Широкое распространение сосудов из обожженной глины в западном Загросе отмечено в перв. пол. VII тыс. до н. э. (Mellaart, 1975. Р. 80–90). Со втор. пол. VII тыс. и до середины VI тыс. до н. э. происходит несколько волн миграций носителей различных традиций изготовления керамической посуды из Загроса на Месопотамскую равнину. Первая волна широкого освоения степной Джезиры связана с хассунской культурой (ее наиболее ранним, так называемым протохассунским этапом) (Бадер, 1989). Расселение носителей протохассунской культуры происходит в Восточной Джезире во втор. пол. (вероятно, ближе к концу) VII тыс. до н. э. Вторая волна заселения Месопотамской равнины (в начале VI тыс. до н. э.) связана с самаррской и убейдской культурами, которые сформировались и существовали вне зоны неполивного земледелия. Наконец, последняя миграция эпохи неолита на Месопотамскую равнину из Загроса связана с распространением ближе к середине VI тыс. до н. э. халафской культуры.

С точки зрения демонстрации периодов максимальной увлажненности Месопотамской равнины, наиболее наглядна аридная полоса, расположенная в настоящее время южнее степной зоны «Плодородного полумесяца», где сейчас выпадает порядка 150 мм годовых осадков. В этом поясе, который всегда находился вне зоны устойчивого неполивного земледелия, отмечены местонахождения эпохи раннего керамического неолита (хассунского времени) перв. пол. VI тыс. до н. э., позднего убейда – урукской культуры (конец V – IV тыс. до н. э.) и эпох средней – поздней бронзы – раннего железа (т. е. начиная с XVIII–XVII вв. до н. э. до конца II тыс. до н. э.) (Kirkbride, 1975; Bernbeck, 1993. Р. 178–186). При этом примечательно отсутствие в этом регионе материалов халафской культуры (втор. пол. VI – перв. пол. V тыс. до н. э.) и материалов всего III – начала II тыс. до н. э. (от Раннединастического времени до периода третьей династии Ура и Иссины-Ларсы) (Амиров, 2014. С. 9, 10).

Если пики максимального увлажнения аридной зоны субтропического пояса мы фиксируем в полосе выпадения менее 200 мм годовых осадков, то наиболее чувствительно колебания климата должны отражаться на судьбе земледельческих памятников, расположенных в аридной зоне, маргинальной для неполивного земледелия (Амиров, 2010. С. 56–62). Это южная полоса зоны «Плодородного полумесяца», и расположена она в интервале линий изогет 250–350 мм годовых осадков. В обобщенном виде распределение разновременных памятников этой зоны в конце VII – III тыс. до н. э. выглядит следующим образом: многочисленные оседлые поселения хассунской культуры были распространены в поясе современных осадков до 200 мм (напр.: Мунчаев, Мерперт, 1981; Мунчаев и др., 1993; Амиров, 2010. С. 30; 2014. С. 9, 10). Разведки, проведенные в районе Ярым-Тепе на площади 10 × 10 км, свидетельствуют, что в южной части «Плодородного полумесяца» хассунских памятников в три раза больше, чем халафских (Бадер, 2008) (рис. 2; 3). Этот факт свидетельствует, что климатические условия

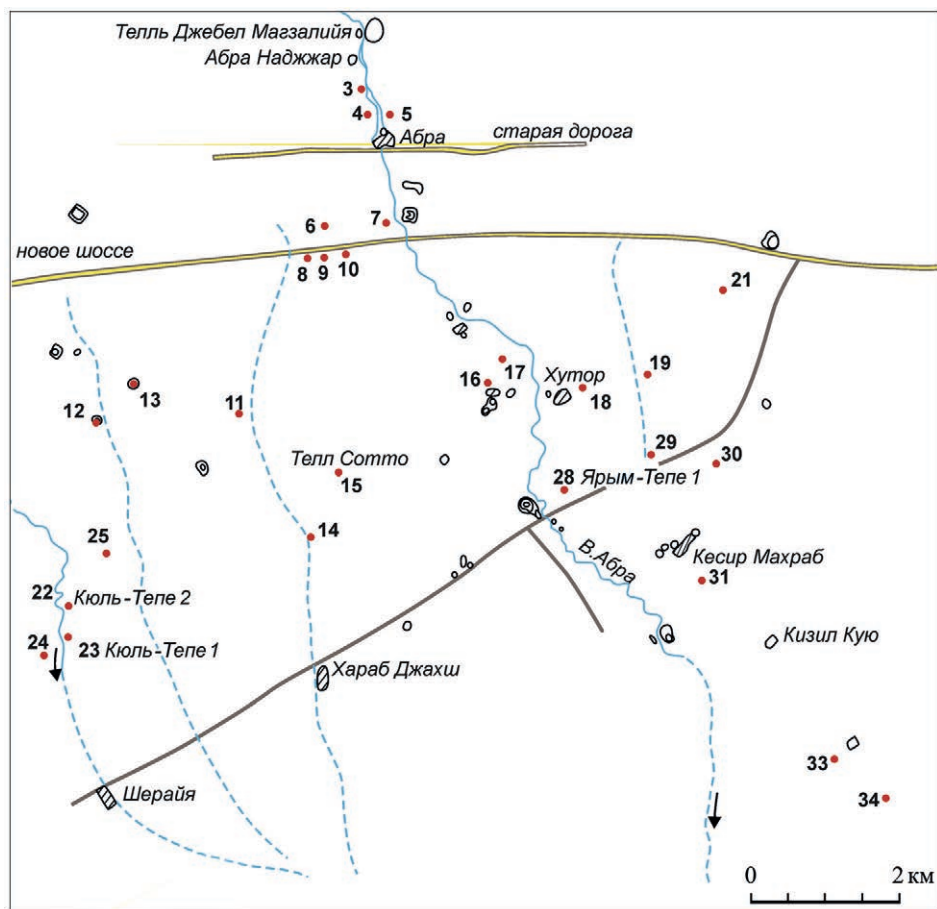

Рис. 2. Район Ярым-Тепе. Хассунские памятники

в начале VI тыс. до н. э. были значительно более гумидными, чем во втор. пол. VI тыс. до н. э. Здесь также важно отметить, что хассунская культура, распространившись очень широко в степном поясе Джебизы на раннем этапе (этап «протохассуны» – «архаической хассуны»), на позднем этапе развития (этап стандартной хассуны) демонстрирует особенности замкнутого локального развития. Памятники, имеющие культурное своеобразие так называемой «стандартной хассуны» (времени активных торговых контактов с самаррской культурой), известны только в районах, примыкающих к Тигру, в Хабурской степи и западнее их нет. Этот факт прерывания культурных контактов требует своего объяснения и, на наш взгляд, может быть связан с изменениями экологической ситуации в Северной Месопотамии.

Халафскую культуру отделяет от хассунской определенный хронологический интервал, о чем, возможно, свидетельствуют халафские погребения, впущенные

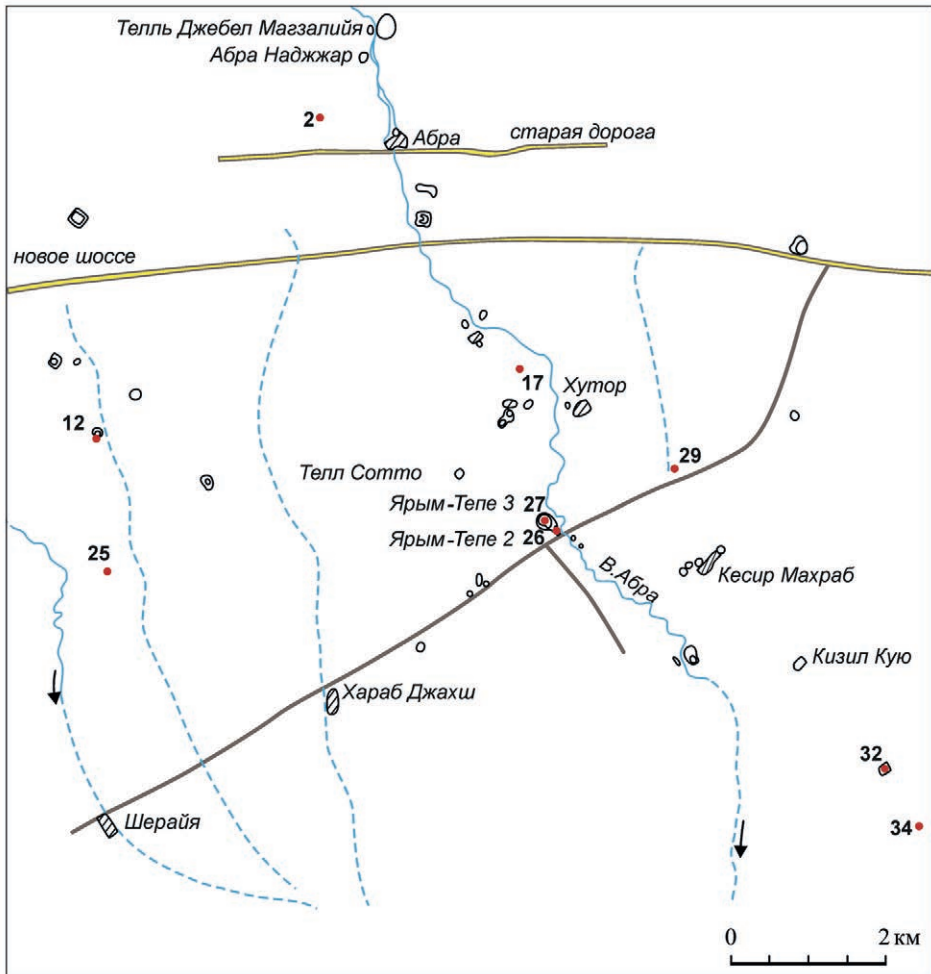

Рис. 3. Район Ярым-Тепе. Халафские памятники

в слой хассунского поселения Ярым-Тепе I, уже превратившегося в телль (*Мерперт, Мунчаев, 1982. С. 43–49*). Халафские оседлые поселения в Дездеире также достаточно многочисленны. Всего отмечено порядка 160–200 поселений. Но их зона оседлости смещена относительно хассунских в северном направлении приблизительно на 25 км и примерно очерчена линией выше 300 мм современных годовых осадков. Климатические условия времени халафской культуры были почти аналогичны современным (*Мунчаев и др., 1993; Амиров, 2010. С. 30, 57; Амиров, 2014. С. 10*).

Североеубейдских поселений в Северной Месопотамии количественно еще меньше, чем халафских. Наглядный пример распространения убейдских памятников в южном поясе «Плодородного полумесяца» дают разведки, проведенные

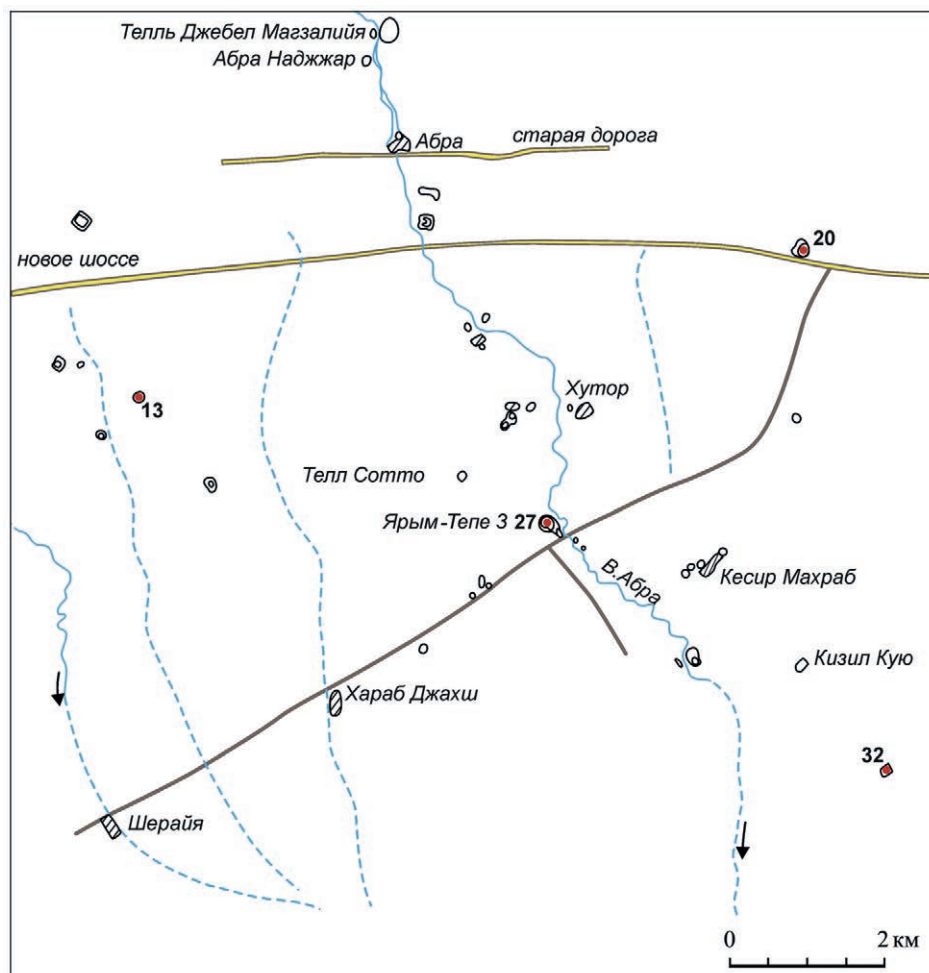

Рис. 4. Район Ярым-Тепе. Убейдские памятники

в районе Ярым-Тепе (рис. 3; 4) (Бадер, 2008). Всего в Джезире зафиксировано порядка 100 памятников этой культуры. При этом следует отметить, что слои халафских поселений в ряде случаев связаны с североубейдскими слоями непрерывной линией развития и аккультурации. Судя по всему, пояс земледельческой оседлости североубейдской культуры несколько смещен в северном направлении относительно халафской зоны оседлости (Амиров, 2010. С. 57, 58). Климат был более засушлив, чем в настоящее время, но в конце этого периода (рубеж V–IV тыс. до н. э.) отмечено распространение памятников убейдско-урукского облика в зоне, где в настоящее время выпадает менее 300 мм осадков.

Поселения позднего халколита с керамикой урукского облика имеют более крупные размеры и количественно значительно превосходят поселения

предшествующего времени. Между позднехалколитической культурой Северной Месопотамии и предшествующей ей североубейдской часто фиксируется непрерывная линия развития. Культура этого времени развивается под влиянием шумерской цивилизации. Это первый этап городской революции и монументального строительства в Северной Месопотамии. Зона оседлости этого времени практически совпадает с расселением носителей хассунской культуры (Амиров, 2010. С. 59; 2014. С. 10). Этот факт свидетельствует о втором цикле максимальной гумидизации эпохи голоцена в IV тыс. до н. э.

С начала III тыс. до н. э. в Восточной Джелире происходит оформление культуры «Ниневия 5», которая, с одной стороны, демонстрирует прерывание связей с Южной Месопотамией, но с другой – сохраняет преемственность непрерывного существования на поселениях предшествующего времени. Так, в начале периода «Ниневия 5» и количество памятников, и территория их распространения остались такими же, как и во втор. пол. IV тыс. до н. э. (Амиров, 2010. С. 59–61). В интервале XXIX–XXVII до н. э. на ряде поселений в южном поясе «Плодородного полумесяца» фиксируется ухудшение условий жизни, связанное с началом цикла аридизации климата. К середине периода «Ниневия 5» отмечено резкое сокращение количества поселений в южном поясе расселения этой культуры (Мунчаев и др., 2004; Мунчаев, Амиров, 2016; Amirov, 2014).

В середине – втор. пол. III тыс. до н. э. иссушение климата поступательно прогрессирует, захватывая северные, более увлажненные участки земель «Плодородного полумесяца». В то же время на фоне медленного процесса аридизации климата во втор. пол. III тыс. до н. э. в Северной Месопотамии появляются настоящие городские поселения с фортификацией «короновидного» («Kranzhugel») типа и свидетельства вооруженных конфликтов уже аккадского времени. Для последней четв. III тыс. до н. э. отмечается минимальное количество поселений (порядка 80) и их группировка в самой северной части «Плодородного полумесяца». Этот период апогея аридизационного цикла III тыс. до н. э. известен как Аккадский климатический коллапс (Weiss et al., 1993).

Наконец, максимальное количество поселений (более 270), причем распространенных к тому же только в Восточной Джелире (от Тигра до Вади Ханзир, в центральной части Хабурской степи, т. е. на значительно меньшей площади), отмечено для периода XVIII–XVI вв. до н. э. (это памятники с так называемой хабурской расписной керамикой) (Staubwasser, Weiss, 2006; Ristvet, Weiss, 2005).

Синтез наблюдений в Северной Месопотамии и Южном Леванте

Таким образом, наблюдения, сделанные над распределением разновременных археологических памятников в разных районах «Плодородного полумесяца», а именно – в Джелире и Южном Леванте, дают очевидный пример синхронных климатических флуктуаций на Переднем Востоке в эпоху раннего – среднего голоцена.

Первое широкое пространственное освоение Месопотамской равнины культурами докерамического неолита В (PPNB) и подгорной равнины Загроса в Хузистане (фаза Бус Морде) отмечено во втор. пол. VIII тыс. до н. э. Эта фаза культурного развития завершается на фоне иссушения климата в течение втор. пол. VII тыс.

до н. э. (судя по всему, не очень протяженного³) и сменяется широким освоением Месопотамской равнины носителями культуры протохассунской керамики.

Для периода хассунской – ярмукской культур можно отметить исключительную влажность климата, что выразилось в расселении носителей хассунской культуры в экстремально засушливом поясе Северной Месопотамии и подтверждают многочисленные свидетельства проливных дождей и селевых потоков в зоне расселения ярмукской культуры. Завершают свое существование обе культуры в ходе общего цикла резкого иссушения климата ближе к середине VI тыс. до н. э.

Также мы можем отметить значительный временной перерыв между хассунской и ярмукской культурами и, соответственно, сменившими их культурами Халаф и Вади Раббах. Для времени бытования этих культур во всем регионе «Плодородного полумесяца» характерно умеренное увлажнение, сопоставимое с современным распределением там осадков. Обе эти культуры завершают свое существование примерно одновременно – в начале – перв. трети V тыс. до н. э., но не резко. На ограниченном количестве поселений в обоих регионах сохраняется преемственность и аккультурация под сильным североубейдским влиянием. Происходит оформление длительно и непрерывно существовавших культур эпохи халколита. В Месопотамии отмечен непрерывный переход от культуры Северный Убейд к культуре позднего халколита Северной Месопотамии, испытавшей сильное влияние Шумерской цивилизации. В Палестине в это время оформляется гхассульская культура эпохи халколита (Беершева-Гхассул), которая сохраняет некоторые элементы преемственности с культурой Вади Раббах эпохи позднего неолита. Культуры эпохи халколита Палестины также находятся под влиянием Месопотамии. В Палестине отмечено затухание культуры в результате двух циклов иссушения климата в конце IV тыс. до н. э. В Северной Месопотамии аридный цикл этого времени не фиксируется, но прерываются связи с Южной Месопотамией, и с начала III тыс. до н. э. происходит оформление самостоятельной культуры Восточной Джебзир, известной как «Ниневия 5». В XXVII в. до н. э. в полосе «Плодородного полумесяца» начинается длительный и устойчивый цикл аридизации климата. Для середины III тыс. до н. э. в Палестине и Северной Месопотамии отмечено смещение зоны оседлости в сторону более увлажненных регионов. В это время прекращают существование культуры периода РБВ II в Палестине и «Ниневия 5» в восточной Джебзире. В то же время во втор. пол. III тыс. до н. э. фиксируется начало масштабного городского строительства. В последней трети III тыс. до н. э. в обоих регионах зафиксированы следы климатического коллапса и военных столкновений.

ЛИТЕРАТУРА

Амиров Ш. Н., 2010. Хабурская степь Северной Месопотамии в IV – первой половине III тыс. до н. э. М.: Таус. 411 с.

³ Об этом могут говорить, например, синкретичные материалы из Хабурской степи культур PPNB/C и ранней керамики протохассунского круга на поселениях типа Секер аль Ахеймер (*Le Miere, Nishiaki*, 2005).

- Амиров Ш. Н., 2014. Месопотамско-кавказские связи IV–III тыс. до н. э. в свете климатических флуктуаций // КСИА. Вып. 233. С. 3–17.
- Бадер Н. О., 1989. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука. 365 с.
- Бадер Н. О., 2008. Разведки Российской археологической экспедиции в Северной Месопотамии // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М.: Таус. С. 310–319.
- Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М., 1982. Погребальный обряд племен халафской культуры (Месопотамия) // Археология Старого и Нового Света. М.: Наука. С. 28–49.
- Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н., 2016. Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Сирии. Т. 2. М.: Таус. 596 с.
- Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., 1981. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии М.: Наука. 320 с.
- Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Амиров Ш. Н., 2004. Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Сирии. Т. 1. М.: Таус. 485 с.
- Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Бадер Н. О., Амиров Ш. Н., 1993. Телль Хазна II – раннеземледельческое поселение в Северо-Восточной Сирии // РА. № 4. С. 25–42.
- Amirov Sh. N., 2014. Life and death of Tell Hazna I settlement // Proceedings of the 8th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East (Warsaw, April 30–May 4 2012) / Eds: P. Bieliński et al. Vol. 1. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. P. 323–334.
- Amirov Sh. N., Deopeak D. V., 1997. Morphology of Halafian Painted Pottery from Yarim Tepe 2, Iraq // Baghdader Mitteilungen. 28. P. 65–85.
- Anastasio S., Lebeau M., Sauvage M., Pruss A., 2004. Atlas of Preclassical Upper Mesopotamia. Turnhout: Brepols. 420 p. (Subarty; XIII.)
- Bar-Yosef O., 1986a. The Land of Israel during the Neolithic Period // The History of the Land of Israel / Ed. Y. Ripel. Vol. 1. Tel Aviv: Israeli Defense Ministry Publishing. P. 27–46 (Hebrew).
- Bar-Yosef O., 1986b. The Walls of Jericho: An Alternative Interpretation // Current Anthropology. Vol. 27. No. 2. P. 157–162.
- Bar-Yosef O., 1998. The Natufian Culture in the Levant Threshold to the Origins of Agriculture // Evolutionary Anthropology. Vol. 6. Iss. 5. P. 159–177.
- Ben Tor A., 1989. The Early Bronze Age // The Archaeology of Ancient Israel in the Biblical Period. Tel Aviv: The Open University of Israel. P. 11–73.
- Bernbeck R., 1993. Steppe als Kulturlandschaft. Berlin: Reimer. 210 S.
- Binford L. R., 1968. Post-Pleistocene Adaptations // New Perspectives in Archaeology / Eds: S. R. Binford, L. R. Binford. Chicago: Aldine. P. 313–341.
- Braidwood J. R., Howe B., Helbaek H., Mason F. R., Reed C. A., Wright H. E., 1960. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan. Chicago: Chicago University Press. 184 p. (Studies in Ancient Oriental Civilization; 31.)
- Breasted J. H., 1906–1907. Ancient Records of Egypt: Historical Documents from the Earliest Times to the Persian Conquest. 5 vols. Chicago: University of Chicago Press.
- Broshi M., Gophna R., 1984. The Settlements and Population of Palestine during the Early Bronze Age II–III // BASOR. No. 253. P. 41–53.
- Butzer K. W., 1982. Archaeology as human ecology: Method and Theory for a Contextual Approach. Cambridge: Cambridge University Press. 364 p.
- Cauvin J., 1978. Le Premiers Villages de Syrie-Palestine du IXème au VIIème Millénaire avant J. C. Lyon: Maison de l'Orient. 172 p.
- Childe G. V., 1934. New Light on the Most Ancient East. London: Kegan Paul. 328 p.
- Contenson H. de, Cauvin M-C, Van Zeist W., Bakker-Heeres J. A. H., Leroi-Gouran A., 1979. Tell Aswad (Damascene) // Paléorient. Vol. 5. P. 153–156.
- Excavations at Jericho. Vol. 3: The Architecture and Stratigraphy of the Tell / Eds: K. Kenyon, T. A. Holland. London: British School of Archaeology in Jerusalem and London, 1981. 540 p.
- Flannery K. V., 1973. The Origins of Agriculture // Annual Review of Anthropology. Vol. 2. P. 271–310.
- Galili E., Nir Y., 1993. The submerged pre-pottery Neolithic water well at Atlit-Yam, northern Israel, and its palaeoenvironmental implications // The Holocene. Vol. 3. Iss. 3. P. 265–270.
- Garrod D. A. E., 1957. The Natufian Culture: the Life and Economy of a Mesolithic People in the Near East // Proceedings of the British Academy. Vol. 43. London: Oxford University Press. P. 211–227.

- Gofer A.*, 1998. Early Pottery-bearing Groups in Israel – The Pottery Neolith Period // *The Archaeology of Society in the Holy Land* / Ed. T. E. Levy. London: Leicester University Press. P. 205–225.
- Hennessy J. B.*, 1982. Teleilat Ghassul and its place in the Archaeology of Jordan // *Studies in the History and Archaeology of Jordan* / Ed. A. Hadidi. Amman: Department of Antiquities. P. 55–58.
- Hole F., Flannery K. V., Neely J. A., Helbaek H.*, 1969. Prehistory and human ecology of the Deh Luran plain: an early village sequence from Khuzistan, Iran. Ann Arbor: University of Michigan Museum of Anthropology. 440 p.
- Issar A. S.*, 1969. The Groundwater Provinces of Iran // *Bulletin of the International Association of Scientific Hydrology*. Vol. 14. No. 1. P. 87–99.
- Issar A. S., Zohar M.*, 2007. Climate Change – Environment and History of the Near East. Berlin; Heidelberg; N. Y.: Springer. 288 p.
- Kaplan J.*, 1958. Excavations at Wadi Rabah // *Israel Exploration Journal*. Vol. 8. P. 149–160.
- Kenyon K. M.*, 1957. Digging up Jericho. London: Benn. 272 p.
- Kenyon K. M.*, 1993. Jericho // *New Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land*. Vol. 2. Jerusalem: Israel Exploration Society; Washington, DC: Biblical Archaeology Society. P. 674–697.
- Kirkbride D.*, 1958. A Kebaran rock shelter in Wadi Madamagh // *Man*. Vol. LVIII. P. 55–58.
- Kirkbride D.*, 1975. Umm Dabaghiyah 1974: a Fourth Preliminary report // *Iraq*. Vol. XXXVII. No. 1. P. 3–10.
- Le Miere M., Nishiaki Y.*, 2005. The oldest Pottery Neolithic of Upper Mesopotamia: New Evidence from Tell Seker al-Aheimer, the Khabur, Northeast Syria // *Paléorient*. Vol. 31. No. 2. P. 55–68.
- Levy T. E.*, 1983. The emergence of specialized pastoralism in the southern Levant. // *World Archaeology*. Vol. 15. No. 1. P. 15–36.
- Levy T. E.*, 1986. The Chalcolithic Period // *Biblical Archaeologist*. Vol. 49. No. 2. P. 82–108.
- Levy T. E.*, 1992. Transhumance, subsistence, and social evolution. // *Pastoralism in the Levant* / Eds: O. Bar-Yosef, A. Khazanov. Madison, WI: Prehistory Press. P. 65–82.
- Lev-Yadun S., Gopher A., Shahal A.*, 2006. How and When was Wild Wheat Domesticated? // *Science*. Vol. 313. No. 5785. P. 296.
- Mayewski P. A., Rohling E., Stager J. C., Wibjorn K., Maasch K. A., Meeker L. D., Meyerson E. A., Gasse F., van Kreveld Sh., Holmgren K., Lee-Thorp J., Rosqvist G., Rack F., Staubwasser M., Schneider R., Steig E. J.*, 2004. Holocene climate variability // *Quaternary Research*. Vol. 62. Iss. 3. P. 243–255.
- Mellaart J.*, 1975. The Neolithic of the Near East. London: Thames and Hudson. 300 p.
- Nadel D., Danin A., Werker E., Schick T., Kislev M. E., Stewart K.*, 1994. 19 000-year-old Twisted Fibres from Ohalo II // *Current Anthropology*. Vol. 35. No. 4. P. 451–457.
- Nissen H. J.*, 1988. The Early History of the Ancient Near East, 9000–2000 B.C., Chicago: The University of Chicago Press. 224 p.
- Noy T.*, 1993. Oren Nahal // *New Encyclopaedia of Archaeological Excavations in the Holy Land*. Vol. 3. Jerusalem: Israel Exploration Society; Washington, DC: Biblical Archaeology Society. P. 1166–1170.
- Perkins D. Jr.*, 1973. The Beginnings of animal domestication in the Near East // *AJA*. Vol. 77. No. 3. P. 279–282.
- Pringle H.*, 1998. The Slow Birth of Agriculture // *Science*. Vol. 282. Iss. 5393. P. 1446–1450.
- Ristvet L., Weiss H.*, 2005. The Hābūr Region in the Late Third and Early Second Millennium B. C. // *The History and Archaeology of Syria* / Ed. W. Orthmann. Vol. 1. Saarbrücken: Saarbrücken Verlag.
- Robinson S. A., Black S., Sellwood B. W., Valdes P. J.*, 2006. A review of paleoclimates and paleoenvironments in the Levant and Eastern Mediterranean from 25,000 to 5000 years B. P.: setting the environmental background for the evolution of human civilization // *Quaternary Science Reviews*. Vol. 25. Iss. 13–14. P. 1517–1541.
- Rollefsen G. O.*, 2009. Slippery Slope: The Late Neolithic Rubble Layer in the Southern Levant // *Neolithics*. Vol. 1/09. P. 12–18.
- Rollefsen G. O., Simmons A. H.*, 1985. The Early Neolithic Village of 'Ain Ghazal, Jordan: Preliminary Report of the 1983 Season // *BASOR Supplement 23: Preliminary Reports of ASOR Sponsored Excavations 1981–1983*. P. 43–44.

- Rosenberg D., Klimscha F., Graham Ph. J., Hill A., Weissbrod L., Ktaval I., Love S., Pinsky S., Hubbard E., Boaretto E., 2014. Back to Tel Tsaf: A Preliminary Report on the 2013 Season of the Renewed Project // *Journal of the Israel Prehistoric Society*. Vol. 44. P.148–179.
- Sagona A., Zimansky P., 2009. *Ancient Turkey*. Routledge. London; New York: Routledge. 432 p.
- Solecki R. S., 1963. Prehistory in Shanidar valley, North Iraq // *Science*. Vol. 139. Iss. 3551. P. 179–193.
- Solecki R. S., 1964a. Shanidar cave, a late Pleistocene site in Northern Iraq // *Report of the VIth International Congress on Quaternary (INQUA)*. Vol. IV. Lodz: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. P. 413–423.
- Solecki R. S., 1964b. Zavi Chemi Shanidar, a post Pleistocene village site // *Report of the VIth International Congress on Quaternary (INQUA)*. Vol. IV. Lodz: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Vol. IV. P. 405–412.
- Staubwasser M., Weiss H., 2006. Holocene climate and cultural evolution in late prehistoric–early historic West Asia // *Quaternary Research*. Vol. 66. Iss. 3. P. 372–387.
- Tsuneki A., 2012. Tell el-Kerkh as a Neolithic Mega Site // *ORIENT*. Vol. XLVII. P. 29–66.
- Van Zeist W., Bakker-Heeres J. A. H., 1979. Some Economic and Ecological Aspects of the Plant Husbandry of Tel Aswad // *Paléorient*. Vol. 5. P. 161–169.
- Weinstein-Evron M., 1993. Wad, Cave // *New Encyclopaedia of Archaeological Excavations in the Holy Land*. Vol. 4. Jerusalem: Israel Exploration Society; Washington, DC: Biblical Archaeology Society. P. 1498–1499.
- Weiss H., Courty M. A., Wetterstrom W., Guichard F., Senior L., Meadow R., Curnow A., 1993. The Genesis and Collapse of Third Millennium North Mesopotamian Civilization // *Science*. Vol. 261. No. 5124. P. 995–1004.
- Weninger B., Clare L., Rohling E. J., Bar-Yosef O., Böhner U., Budja M., Bundschuh M., Feurdean A., Gebel H-G., Jöris O., Linstädter J., Mayewski P., Mühlenbruch T., Reingruber A., Rollefson G., Schyle D., Thissen L., Todorova H., Zielhofer C., 2009. The Impact of Rapid Climate Change on prehistoric societies during the Holocene in the Eastern Mediterranean // *Documenta Praehistorica*. Vol. XXXVI. P. 7–59.
- Willcox G., Buxo R., Herveux L., 2009. Late Pleistocene and Early Holocene climate and the beginnings of cultivation in northern Syria // *The Holocene*. Vol. 19. Iss. 1. P. 151–158.
- Willcox G., Fornite S., Herveux L., 2008. Early Holocene cultivation before domestication in northern Syria // *Vegetation History and Archaeobotany*. Vol. 17. Iss. 3. P. 313–325.
- Zohary D., Hopf M., 1993. *Domestication of plants in the Old World*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 278 p.

Сведения об авторе

Амиров Шахмардан Назимович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2, г. Пушкино, 142290, Московская обл., Россия; e-mail: shahmardan@mail.ru

Sh. N. Amirov

THE CULTURAL PROCESS AND CLIMATIC FLUCTUATIONS DURING THE EARLY AND MIDDLE HOLOCENE IN THE NEAR EAST (THE SOUTHERN LEVANT AND UPPER MESOPOTAMIA CASE)

Abstract. The paper reports on the results of the analysis concerning spatial distribution of Southern Levant and Upper Mesopotamia sites during the Early and Middle Holocene. The identified synchronization of the population density in these two regions of the Fertile Crescent demonstrates the same pattern of climatic fluctuations in the Near East during the Holocene.

Keywords: Holocene, climatic fluctuations, Southwest Asia, Fertile Crescent, Southern Levant, Jazeera.

REFERENCES

- Amirov Sh. N., 2010. Khaburskaya step' Severnoy Mesopotamii v IV–pervoy polovine III tys. do n. e. [Habur steppe of Northern Mesopotamia in the IV – first half of the III millennia BC]. Moscow: Taus. 411 p.
- Amirov Sh. N., 2014. Mesopotamsko-kavkazskie svyazi IV–III tys. do n. e. v svete klimaticheskikh fluktuatsiy [Mesopotamian-Caucasian relationships in the IV–III millennia BC in the light of climatic fluctuations]. *KSIA*, 233, pp. 3–17.
- Bader N. O., 1989. Drevneyshie zemledel'tsy Severnoy Mesopotamii [Earliest farmers of Northern Mesopotamia]. Moscow: Nauka. 365 p.
- Bader N. O., 2008. Razvedki Rossiyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v Severnoy Mesopotamii [Field surveys of Russian archaeological expedition in Northern Mesopotamia]. *Arkheologiya Kavkaza i Blizhnego Vostoka [Archaeology of Caucasus and Near East]*. Moscow: Taus, pp. 310–319.
- Merpert N. Ya., Munchaev R. M., 1982. Pogrebal'nyy obryad plemen khalafskoy kul'tury (Mesopotamiya) [Burial rite of Halaf culture tribes (Mesopotamia)]. *Arkheologiya Starogo i Novogo Sveta [Archaeology of the Old and New Worlds]*. Moscow: Nauka, pp. 28–49.
- Munchaev R. M., Amirov Sh. N., 2016. Tell' Khazna I. Kul'tovo-administrativnyy tsentr IV–III tys. do n. e. v Severo-Vostochnoy Sirii [Tell Hazna I. Religious and administrative centre of IV–III mill. BC in Northeastern Syria], 2. Moscow: Taus. 596 p.
- Munchaev R. M., Merpert N. Ya., 1981. Rannezemledel'cheskie poseleniya Severnoy Mesopotamii [Early agricultural settlements of Northern Mesopotamia]. Moscow: Nauka. 320 p.
- Munchaev R. M., Merpert N. Ya., Amirov Sh. N., 2004. Tell' Khazna I. Kul'tovo-administrativnyy tsentr IV–III tys. do n. e. v Severo-Vostochnoy Sirii [Tell Hazna I. Religious and administrative centre of IV–III mill. BC in Northeastern Syria], 1. Moscow: Taus. 485 p.
- Munchaev P. M., Merpert N. Ya., Bader N. O., Amirov Sh. N., 1993. Tell' Khazna II – rannezemledel'cheskoe poselenie v severo-vostochnoy Sirii [Tell Hazna II, an early agricultural settlement in Northeastern Syria]. *RA*, 4, pp. 25–42.

About the author

Amirov Shakhmardan N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; Institute of Physical-Chemical and Biological Problems of Soil Science Russian Academy of Sciences, ul. Institutskaya, 2, Pushchino, 142290, Moskovskaya obl., Russian Federation; e-mail: shahmardan@mail.ru

В. В. Сидоров

СПЕЦИФИКА НЕОЛИТИЗАЦИИ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Резюме. Суть неолита – формирование оседлого образа жизни, одним из признаков которого становится керамика. Основой этого процесса в лесной зоне стало озерное рыболовство. Формирование культуры рыболовства прослеживается по археологическим источникам, но орудия отражают ее неполно. Главным из них является лодка, и об уровне ее совершенства можно судить по составу орудий для обработки дерева, хорошо представленных в археологических памятниках. На озерах произошло полное замещение топоров теслами – орудиями для изготовления лодок-долбленок. Максимальное разнообразие орудий для обработки дерева отмечается в волосовской культуре. Необходимо учесть также общие тенденции развития озерных систем от финала ледника до эпохи, когда рыболовческий уклад замещается производящими формами хозяйства.

Ключевые слова: Восточная Европа, лесная зона, озера, неолит, оседлость, керамика, рыболовство, тесла, лодка, периодизация.

Лесная зона Восточной Европы – это бывшее приледниковье. Рельеф его сформирован ледниками, равнинный характер делал реки дорогами в обе стороны – плыть можно и против течения. Кроме того, малый уклон и обширные поймы позволяли рекам меандрировать и создавать озерные системы. Озера и реки формировали необходимые человеку экологические ниши в лесной зоне.

Озера в зоне максимального продвижения валдайского ледника имеют вид, который они получили при формировании моренными грядами, желобами выпахивания, и местами сохраняют песчаные берега. Озера зандровых равнин, сформировавшиеся на месте обширных приледниковых озер, вторичные – вновь заполненные после заболачивания. Они приурочены к тектоническим прогибам. Их контуры наследуют сглаженный рельеф моренных гряд московского оледенения. Вне приледниковой зоны основной фактор формирования старичных озер – плоские поймы рек, но и их формировали ледниковые наносы. Для поселений на краях террас характерны углубленные жилища, которых нет на озерных.

Лесная зона – область избыточного увлажнения; засухи не катастрофичны; климатическая перестройка экосистем происходит плавно, с сохранением участков существовавших биоценозов, границы зон смещаются незначительно. Вымирание тут никому не угрожает. Уровень озер мало зависит от количества осадков (Квасов, 1975), колебания их сезонны. Но это область умеренного климата, с настоящей зимой, условия, весьма далекие от естественной среды обитания предков человека. Существовать здесь человек может **благодаря культуре** – накопленному опыту, создавая искусственную среду поддержания биологически необходимого комфорта. Археология же и исследует историю культуры.

Определение археологических эпох возникло как эквивалент хронологии. Но дата – это еще не суть явления. Что именно датируется? Формирование эмпирического набора (пакета) признаков? Предполагалось, что более или менее полный их набор и должен был отразить закономерность в развитии человечества. Но признаки не были устойчивыми, обязательными, значимость их требовалось еще определить. Гипотеза Г. Чайлда о революционном характере производящего хозяйства – неолитической революции – обозначила переход от формального описания и классификации к определению сути явления. Производящее хозяйство действительно структурировало развивающееся общество, приходящее к цивилизации.

Но таких обществ, где неолитическая революция произошла, не так уж много. Для этого необходимо, чтобы производящее хозяйство стало конкурентоспособно с присваивающими видами хозяйства и, преодолевая консерватизм, определяло соответствующий ему образ жизни. Появление производящих форм само по себе могло и не трансформировать общество, если его продуктивность была невелика. Сложение аграрного комплекса, формирование отбором domesticiрованных культур и выработка агротехники, введение ее в культуру требовали тысячелетий. Этот период и есть неолитизация. Перенос в форме миграции из тропиков и субтропиков в умеренную зону выработанных там культурных навыков и domesticiрованных сортов нереален. Он требует формирования новых навыков – агрономических, вступающих в противоречие с уже имеющимися адаптивными навыками. Бытовые навыки культуры мигрировавшей группы тоже требовали бы длительной адаптации, миграция порождает такую кучу адаптационных проблем, что она вряд ли не обернулась бы катастрофой, или в лучшем случае – ассимиляцией.

Появление керамики в ближневосточных земледельческих культурах произошло уже после достижения экономического революционного эффекта, который дало специализированное собирательство в зонах естественного произрастания предков растений, вошедших в культуру. Но появление керамики на севере, вне земледельческой зоны, в умеренном климате, не связано с появлением культурных растений. Оно произошло через считанные века после освоения ее как посуды у земледельцев: около 7800 л. н. на Нижнем Днепре и Нижнем Дону, около 7500 л. н. на Верхнем Днепре и в Зауралье, около 7200 л. н. на Средней Волге и в Волго-Окском междуречье. При этом источники навыка керамики лежат в Анатолии, Курдистане, Палестине и, видимо, Иране, но каменная техника связи с югом не обнаруживает. Это не похоже на миграцию. Производящие же формы хозяйства в лесах появляются только через 3–4 тыс. л.

после появления керамики. Появление металла в культурах лесной зоны тоже не приводило к существенным изменениям образа жизни. Упорные поиски остатков культурных злаков на неолитических стоянках не ведут к доказательству существования здесь земледелия, а только заставляют усомниться в чистоте слоя: нельзя не учитывать активности землероев. Отсутствие керамики на памятнике, относимом к мезолиту, еще не достаточное основание: ранняя керамика плохо сохраняется (Сидоров, 2015). Распределение материала на памятниках с ранней керамикой и без нее и характер формирования слоя у них одинаков, что обозначает одинаковый образ жизни и отсутствие необходимости относить такие комплексы к разным этапам.

Но и древнейшая керамика Дальнего Востока появляется без перехода к производящему хозяйству. Это значит, что существовали какие-то условия, позволившие прижиться керамической технологии и без земледелия. В Японии, Корее, Южном Китае – это было собирательство даров моря, в бассейне Амура и на Сахалине – путинное рыболовство. Месяц путины обеспечивал прокорм на длительное время, но требовал оседлости для обработки и хранения запаса. Керамика и может быть тем признаком, который указывает на появление факторов оседлости. Ее изготовление требовало несколько дней подготовительной работы, но надо же было еще и использовать ее. К тому же она была нетранспортабельна и вряд ли сосуды несли с собой при перекочевке. Одна из особенностей кратковременных раннеолитических стоянок – оставленные на месте сосуды.

Оседлость – это возможность образовать запас, позволяющий существовать в бескормные периоды, сделать потребление более равномерным в течение года. При этом запас – это не только пища, но и разнообразная **материализованная культура**: снаряжение, одежда, утварь, обеспечивавшие комфорт, но выходящие за рамки первейшей жизненной потребности. Но, с другой стороны, она же требовала интенсификации использования территории и планирования хозяйственных циклов.

Сама по себе керамика не была революционизирующим фактором, поскольку не играла особой роли в формировании продовольственного запаса – для этого использовались корзины, туеса, ямы. На стоянках не найдены сосуды в ситуации, которую можно истолковать как хранилище продовольственных запасов. Но ее присутствие обозначало также появление отложенного потребления, оседлости.

Интегрированные источники, обобщенно отражающие образ жизни, – поселения и антропология. Необходимо определить размеры разовой жилой площадки, а значит, и общее количество обитавших здесь людей, длительность использования, капитальность жилищ (трудозатраты). Найти факторы, которые привели к изменениям образа жизни, можно на границах эпох, как бы они ни были размыты. Они проявляются в изменениях топографии поселений, конструкций сооружений, инструментального набора. При этом приходится учитывать и несохранившуюся часть инвентаря. Подлежит реконструкции еще и экологическая ситуация.

Фактором, показывающим результаты накопления изменений образа жизни, являются демографические оценки – изменение численности населения и продолжительности жизни. Не хватает данных по многим районам. Приходится опираться на некоторые наиболее изученные территории и периоды, экстраполируя оценки

на недостаточно изученные с учетом местной специфики. Но и в таком виде демографическая оценка позволяет убедиться, что методика оценки по «демографической емкости ландшафта» преувеличивает численность населения в десятки раз (Сидоров, 2011). Она совершенно не учитывает фактор культуры, а люди осваивают зону умеренного климата только благодаря культуре. При демографическом взрыве возрастает не столько общее количество памятников, сколько количество длительно существующих и крупных.

Какой же фактор производил в лесной зоне эффект, аналогичный воздействию производящего хозяйства? Речь идет об озерном сетевом рыболовстве, которое способно приносить массовый улов, требующий обработки (консервации) и длительно потребляемый. Гарпунное рыболовство, рыболовный крючок могут приносить добычу для повседневного потребления, но не запас. Озерное рыболовство требует использования лодки, без которой применение тяжелой и не очень прочной снасти сомнительно. Рыболовство – это сложная разветвленная отрасль хозяйства и культуры.

Приледниковье было безлюдно до отступления ледника от бологовских морен. Люди костенковской (граветтской) традиции не переходили Оку – это было слишком сложно для них, так как в их культуре полностью отсутствует традиция рубящих орудий. Но 15–16 тыс. л. н. здесь появляется население, никак не связанное с граветтом, – цепочка позднеплейстоценовых культур от Урала до полесья на месте Северного моря с топорами-теслами, скреблами. Они селились в первую очередь на берегах озер. Занятые ими песчаные полесья тоже были озерными краями. Позднеледниковые реки с обширными плоскими поймами закладывали меандры, превращавшиеся в старицы. Подавляющее большинство иеневских памятников – озерные. На Тростенском озере на сотню памятников приходится около 30 иеневских, залегающих в покровных лессовых отложениях на высоких мысах.

Озерное рыболовство требует лодки. Это не обязательно долбленки, но берестяные лодки – более сложные конструкции – требуют набора разнообразных орудий. Доказательств наличия их в культуре нет. Для долбленки главные орудия – тесло и скребло. Топор не обязателен. По всей лесной зоне происходит вытеснение топоров теслами. Оно началось еще на стадии иеневской культуры. К моменту появления керамики топоров уже не употребляли, но тесла и долота разнообразны. На хронологический срез 8 тыс. л. н. шлифованные орудия начинают замещать оббитые (Веретье, Курово 4). Характерно, что в лесостепи тесло не появилось – здесь сохранилась традиция топора. Разница между этими орудиями – в разных ручных навыках: зама́х одной рукой наискось или двумя руками перед собой. Срубить дерево можно как теслом, так и топором, но выдалбливать емкость топором неудобно. Функция тесла иная – прорубание узких пазов для стыковки деревянных деталей. Оно отличается параллельными краями, небольшой шириной, но значительной массивностью. Количество таких орудий невелико.

Максимально разнообразие (при серийности типов) орудий для обработки дерева – в волосовской технике (Сидоров, 2013). К ним относятся устойчивой формы скребки, частью с зубчатым лезвием, иногда с шлифованным (не всегда отличимым от тесел) – как у трапецевидных, так и у скребков с округлым носиком. Разнообразны по форме и размерам тесла, почти плоские клиновидные, с дуговидным лезвием, иногда полученным одним сколом; массивные горбатые

тесла. Особая категория – стамески из тонких отщепов или галек с тонким плоским лезвием. Массивные и узкие долота малочисленны (нередко к долотам по традиции, восходящей к В. А. Голодцову, относят желобчатые горбатые тесла). Для чистовой обработки деревянных изделий использовались также плоские абразивы-терочники, удобные для захвата в ладонь. Сверла с вытянутым граненым жалом – это тоже столярный инструмент для крепления деталей (бортов) на роговые штифты.

На Средней Волге В. В. Никитиным исследовано много углубленных жилищ без керамики, относимых на этом основании к мезолиту. Подобные же землянки на дюнах исследовала Н. С. Березина в группе Мукшумских (*Березина*, 2012). Они дают серии с полным и обильным кремневым инвентарем, со шлифованными орудиями. Землянки с коридором-входом заполнены черным жирным слоем, образующим на полу пласт в 20–30 см. Такой слой мог образоваться за несколько лет функционирования. То есть это стационарное докерамическое поселение. Здесь на Волге существовал очаг оседлости «бескерамического неолита».

Не приходится доказывать связь неолитических поселений с озерами. На реках обнаруживаются только кратковременные стоянки. В финале неолита вологовская культура – это уже специализированная рыболовецкая культура с удивительно разнообразным набором инвентаря для обработки дерева. Именно этот фактор может быть взят за основу периодизации неолитизации.

1. Архаичная стадия – когда тесла и топоры не дифференцированы (иневская культура).

2. Период тесел, четко обозначающих переход к долбленкам и параллельно им щитов из плетеных лучин как основной рыболовной снасти (бутовская и верхневолжская культуры). На этот же период приходится долговременные поселения без керамики на дюнах Средней Волги.

3. Преобладание тесел из мягких пород и нешлифованных кремневых. Характерно использование рубящих орудий для долбления льда. Вероятно, используются плетеные сети (льяловская культура).

4. Специализированная культура рыболовов с разнообразным набором орудий для обработки дерева. Рубящие орудия делаются в специализированных мастерских. По-видимому, появляются лодки с нашитыми бортами (волосовская культура).

Периодизация может строиться и на фазах развития больших приледниковых озер. Она совпадает с фазами хозяйственного освоения озер, отмеченными выше.

1. Позднеледниковые озера пропадают вслед за отступлением ледника и врезанием русел. Обнаженное алевритовое дно озер поставляет материал для образования дюн. Активно развивается меандрирование и формируются старицы.

2. Плоское дно спущенных озер начинает превращаться в торфяники.

3. Уровни озер продолжают падать, периферийные плесы отшнуровываются, перестают быть доступны лодкам, зарастают. Уровни озер в зоне избыточного увлажнения не зависят от количества атмосферных осадков (*Квасов*, 1975). Значительная часть озер становится непригодной для рыболовства. Люди льяловской культуры покидают многие заселенные ранее озерные группы.

4. Заболачивание стоков ведет к образованию вторичных озер, с торфяными берегами, вновь заполняющих озерные котловины.

5. Появление скотоводства заставляет забросить озерное хозяйство, перейти на долины рек с широкими поймами, но некоторые озера продолжают использоваться.

До нас не доходят неолитические лодки. Чаше встречаются вёсла. Но орудия для обработки дерева, в первую очередь – лодок-долбленок, представлены полно. Именно рубящие орудия показывают уровень специализации в изготовлении лодок, и по их качеству можно догадываться о качестве судостроительной продукции. То есть развитие лодки (а с тем и специализация на рыболовстве) косвенно читается по рубящим орудиям.

Но было ли рыболовство изначально сетевым? Плетение из волокнистых растений освоено задолго до неолита, но подготовка материалов для плетения требует сложной их обработки, а долговечными такие сети не были. Плетеные прутьевые конструкции вполне доступны. Это в первую очередь верши, ничем в принципе не отличающиеся от корзин. Щиты из переплетенных лучин, открытые на р. Охте, наблюдались и на Дубне (*Мазуркевич, 2014*). Детрит, образующий толщу подводного шлейфа мезолитического времени, местами состоит из скоплений таких лучин. Такие конструкции могли работать не как заколы, а как сети. Специализированные орудия для их изготовления – острия под 45° (*Березина, 2012*) – есть в мезолите и раннем неолите всей лесной зоны. Позднее таких плетенки из лучин нет, зато появляются грузила из гальки.

Гарпунное рыболовство практиковалось регулярно. Вероятно, значительная часть полей кольев, окружающих все береговые стоянки и принимаемых за свайные поселения, – это остатки кратковременных рыболовных ловушек. К ним относятся сооружения прибрежных участков Воймежной (Древние охотники и рыболовы..., 1997), а также Утиног Болота, Вексы 3, многочисленных стоянок бассейна Дубны (*Лозовский, 1997*). Мезолитические кольца отличаются от неолитических – большинство их заострены только клином при продольном раскалывании относительно толстых стволов (т. е. без отески рубящими орудиями). Поля кольев заполнялись за тысячелетия существования поселений. Делаются попытки выделить здесь отдельные сооружения, датируя кольца радиоуглеродом. Для сколько-нибудь основательных сооружений такие «сваи» не пригодны. Поселения располагались не на берегах озер, а на вытекающих или впадающих реках, где заколы ставить вполне рационально.

Рыболовство и было той основой, на которой складывался оседлый быт, включающий организацию промысла, строительство лодок и заколов, обработку и хранение рыбы. Эта хозяйственная система развивалась, совершенствуя технику рыболовства, но в сильной зависимости от развития главного ресурса – озерных систем. По сравнению с рыболовством, охота, особенно на позднем этапе, была попутным делом, и говорить о его развитии не приходится. Достижением архаичного этапа было вкладышевое оружие, но оно вышло из употребления уже в середине V тыс. до н. э. Появление бифасов-копий в это же время сделало охоту на опасного зверя – кабана и медведя – регулярной. Но не этот фактор определял появление оседлости. Собирательство могло развиваться в зависимости от новаций в обработке, от введения сбора новых видов, но оно целиком зависит от развития среды обитания.

Рыболовство, обеспечив возможность оседлости, создало также условия для заимствования керамики, которая могла применяться для обработки запасов. Но сама она не была фактором, меняющим образ жизни, а только косвенно свидетельствует о запасах. Ее появление в лесах подтверждает существование в обществе связей, пронизывающих всю Восточную Европу. По коммуникативным линиям, основанным на поддержании родственных контактов, и распространялись новации. Керамика позволяет фиксировать систему родства, обнаруживать межплеменные контакты и локальные группировки, которые можно отождествлять с племенами. Однако она только указывает на начало становления оседлости, но не является причиной этого процесса.

ЛИТЕРАТУРА

- Березина Н. С.*, 2012. Итоги исследования Мукшумской Х стоянки эпохи мезолита на территории Чувашского Заволжья // Чувашская археология. Вып. 2. Чебоксары: Чувашский гос. ин-т гуманитарных наук. С. 136–146.
- Древние охотники и рыболовы Подмосквья. По материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы Воймежная 1 / Ред. А. В. Энговатова. Москва: ИА РАН, 1997. 246 с. 128 л. илл.
- Квасов Д. Д.*, 1975. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л.: Наука. 278 с.
- Лозовский В. М.*, 1997. Рыболовные сооружения на стоянке Замостье 2 в контексте археологических и этнографических данных // Древности Залесского края: мат-лы к Междунар. конф. «Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры» (1–5 июля 1997, Сергиев Посад). Сергиев Посад. С. 52–65.
- Мазуркевич А. Н.*, 2014. Свайные поселения Северо-Запада России // Археология озерных поселений IV–II тыс. до н. э.: хронология культур и природно-климатические ритмы: мат-лы Междунар. конф., посвящ. полувековому исследованию свайных поселений на Северо-Западе России (Санкт-Петербург, 13–15 ноября 2014 г.). СПб.: Периферия. С. 260–265.
- Сидоров В. В.*, 2011. Оценка численности населения в лесной зоне в неолите // ТАС. Вып. 8. Тверь: Тверской гос. объедин. музей. С. 152–158.
- Сидоров В. В.*, 2013. Специфика каменной техники волосовской культуры // Поволжская археология. № 1. Казань: ФЭН. С. 96–112.
- Сидоров В. В.*, 2015. «Эфемерная» керамика и особенности ее учета // ТАС. Вып. 10. Т. 1. Тверь: Тверской гос. объедин. музей. С. 213–218.

Сведения об авторе

Сидоров Владимир Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: gav-lupus@rambler.ru

V. V. Sidorov

SPECIFIC FEATURES OF NEOLITHITIZATION IN THE FOREST ZONE OF EASTERN EUROPE

Abstract. The essence of the Neolithic Age is development of a sedentary life style, with ceramics being one of its attributes. Lacustrine fishing became a basis of this process in the forest areas. Development of the fishery culture is traced down through

archaeological sources; however, fishery tools and artifacts do not reflect it adequately. The main artifact is a boat, and the level of its sophistication can be judged by the set of tools used to work wood. This material is very well presented at archaeological sites. Axes in the lake areas were entirely replaced by adzes which were used to make dugouts. The maximum diversity of tools for woodworking has been observed in the Volosovo archaeological culture. Common trends of lacustrine system development starting from the final stage of the glacial period to the age when fishing life style was replaced by producing forms of economy have to be taken into account as well.

Keywords: Eastern Europe, forest areas, lakes, Neolithic, sedentary life style, fishery, adzes, boat, periodization.

REFERENCES

- Berezina N. S., 2012. Itogi issledovaniya Mukshumskoy X stoyanki epokhi mezolita na territorii Chuvashskogo Zavolzh'ya [Results of investigation of Mukshumskaya X settlement of Mesolithic epoch in territory of Chuvash Trans-Volga region]. *Chuvashskaya arkheologiya [Chuvash archaeology]*, 2. Cheboksary: Chuvashskiy gos. institut gumanitarnykh nauk, pp. 136–146.
- Drevnie okhotniki i rybolovy Podmoskov'ya. Po materialam mnogosloynogo poseleniya epokhi kamnya i bronzy Voymezhnaya 1 [Early hunters and fishers of Moscow region. Based on materials of multilayer settlement of Stone and Bronze Ages Voymezhnaya 1]. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IAN RAN, 1997. 246 s., 128 ill.
- Kvasov D. D., 1975. Pozdnechetvertichnaya istoriya krupnykh ozer i vnutrennikh morey Vostochnoy Evropy [Late quaternary history of large lakes and inland seas of Eastern Europe]. Leningrad: Nauka. 278 p.
- Lozovskiy V. M., 1997. Rybolovnye sooruzheniya na stoyanke Zamost'e 2 v kontekste arkheologicheskikh i etnograficheskikh dannykh [Fishing constructions at Zamost'e 2 site in context of archaeological and ethnographic data]. *Drevnosti Zalessskogo kraia: materialy k mezhdunarodnoy konferentsii «Kamennyy vek evropeyskikh ravnin: ob'ekty iz organicheskikh materialov i struktura poseleniy kak otrazhenie chelovecheskoy kul'tury» [Antiquities of Zalesskiy land: materials for international conference «Stone Age of European plains: items from organic matters and settlement structure as reflection of human culture»]*. Sergiev-Posad, pp. 52–65.
- Mazurkevich A. N., 2014. Svaynye poseleniya Severo-Zapada Rossii [Pile settlements of North-West of Russia]. *Arkheologiya ozernykh poseleniy IV–II tys. do n. e.: khronologiya kul'tur i prirodno-klimaticheskie ritmy: materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy poluvekovomu issledovaniyu svaynykh poseleniy na Severo-Zapade Rossii (Sankt-Peterburg, 13–15 noyabrya 2014 g.) [Archaeology of lacustrine settlements of IV–II mill. BC: chronology of cultures and natural climatic rhythms: proceedings of international conference devoted to semicentennial investigation of pile settlements in North-West of Russia (St. Petersburg, November 13–15, 2014)]*. St. Petersburg: Periferiya, pp. 260–265.
- Sidorov V. V., 2011. Otsenka chislennosti naseleniya v lesnoy zone v neolite [Assessment of population size in forest zone in Neolithic]. *TAS*, 8, pp. 152–158.
- Sidorov V. V., 2013. Spetsifika kamennoy tekhniki volosovskoy kul'tury [Specifics of stone technique of Volosovo culture]. *PA*, 1, pp. 96–112.
- Sidorov V. V., 2015. «Efemernaya» keramika i osobennosti ee ucheta [«Ephemeral» ceramics and features of its recording]. *TAS*, 10, vol. 1, pp. 213–218.

About the author

Sidorov Vladimir V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: gav-lupus@rambler.ru

Ю. Б. Цетлин, В. Е. Медведев

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О КЕРАМИКЕ ОСИПОВСКОЙ И МАРИИНСКОЙ КУЛЬТУР БАССЕЙНА НИЖНЕГО АМУРА*

Резюме. Статья посвящена результатам всестороннего изучения гончарных традиций в технологии, формах и орнаментации посуды у носителей осиповской и мариинской неолитических культур в российском Приамурье. Осиповская культура является древнейшей на земном шаре, и ее керамика отражает первые этапы становления гончарного производства в истории человечества. Керамика мариинской культуры характеризует следующий этап развития гончарства и относится к раннему неолиту на этой территории. Авторы приходят к выводу, что эти культуры оставлены разными в этнокультурном плане группами древнего населения.

Ключевые слова: неолит Приамурья, керамика, историко-культурный подход, технико-технологический анализ, формы, орнамент, история населения.

В данной статье вводятся в научный оборот новые исследовательские результаты, полученные при изучении с позиций историко-культурного подхода древнейшей и ранне неолитической керамики поселений у с. Казакевичево и на о-ве Сучу в Нижнем Приамурье (рис. 1). Материалы из раскопок под руководством А. П. Окладникова 1959 и 1960 гг. разнотипного неолитического памятника Казакевичево, расположенного на правом берегу протоки Амурской неподалеку от впадающей в нее р. Усури (*Медведев, Филатова, 2015*), относятся к 5 сосудам осиповской культуры и к 31 сосуду мариинской культуры, а материалы из раскопок В. Е. Медведева 1999 г. поселения на о-ве Сучу, находящемся между протокой Мариинской и основным руслом Амура, включают обломки от 35 сосудов мариинской культуры. Бытование осиповской неолитической культуры относится к XII–IX тыс. до н. э., а мариинской – к VIII–VII тыс. до н. э. (*Медведев, Филатова, 2014. С. 5*).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-00246.

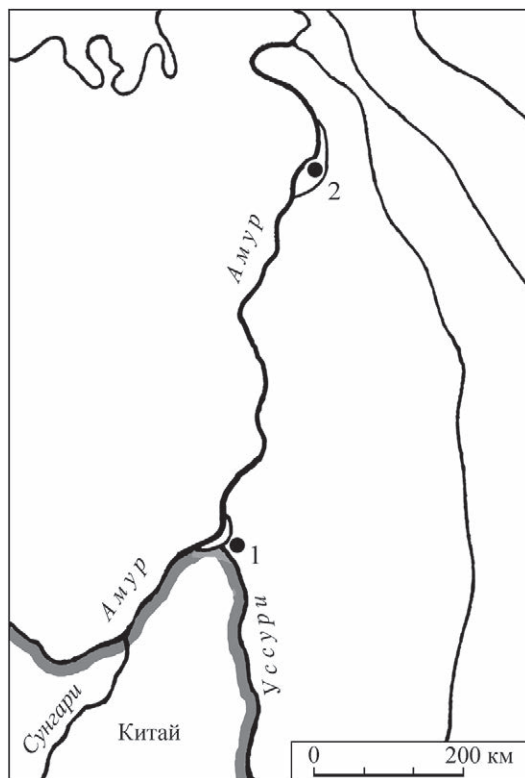

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников

1 – Казакевичево; 2 – Сучу

Подход, методы и программа исследования

Историко-культурный подход к изучению древнего гончарства предполагает системный анализ керамики с целью, во-первых, выделения конкретных технико-технологических и культурных традиций древних гончаров, во-вторых, использования этих данных как источника информации по истории древнего населения (Цетлин, 2012). Программа, по которой велось изучение керамики, включает четыре направления анализа: 1 – технику и технологию изготовления сосудов, 2 – орнаментацию посуды, 3 – естественную структуру форм сосудов и 4 – сферы их использования в быту.

Изучение гончарных традиций в области *техники и технологии* предполагает реконструкцию: 1) навыков отбора исходного пластичного сырья с точки зрения его относительной ожелезненности и пластичности; 2) навыков составления формовочной массы на качественном и количественном уровнях; 3) способов конструирования сосудов, включая выяснение как технологических операций гончаров, так и использовавшихся ими технических приспособлений; 4) навыков

обработки внешней и внутренней поверхности сосудов и 5) приемов придания сосудам прочности и водонепроницаемости (Бобринский, 1978, 1999).

Изучение традиций *орнаментации* сосудов предполагает выяснение: 1) вида орнамента, 2) способа работы им при нанесении декора и 3) стилистики орнамента.

Анализ *естественной структуры формы сосуда* включает выяснение того, из каких функциональных частей состоит его форма, а при определении *сферы использования посуды* учитывалось наличие или отсутствие контакта сосуда с открытым огнем в процессе бытового использования.

Следует отметить, что полнота и надежность реконструкции культурных традиций гончаров и потребителей посуды по всем четырем направлениям зависит, во-первых, от сохранности самого керамического материала, во-вторых, от наличия или отсутствия на поверхности и в изломах изделий особых технологических и иных следов, которые несут информацию об этих традициях. В связи с этим далеко не по всем обломкам керамики возможно было установить весь перечень данных. Поэтому информация, полученная по разным фрагментам, дополняла друг друга. Трасологическое изучение следов на поверхности и в изломах образцов керамики производилось с помощью бинокулярного микроскопа МБС-2 и последующего сравнения их с эталонными экспериментальными образцами, хранящимися в лаборатории «История керамики» ИА РАН. Для оценки степени ожелезненности сырья образцы подвергались повторному обжигу при одинаковой температуре 850 °С и последующему сравнению с эталонной цветовой шкалой ожелезненности глин, разработанной в лаборатории. Предварительная отбраковка образцов керамики, побывавших во вторичном огне, специальный термический анализ оставшихся фрагментов и анализ остаточной пластичности формовочной массы изделий позволили определить температуру обжига сосудов. Анализ керамики выполнялся сотрудниками Группы «История керамики» ИА РАН.

Керамика осиповской культуры

Изложение результатов изучения керамики начнем с материалов осиповской культуры, зафиксированных на поселении Казакевичево. Всего изучены фрагменты 5 сосудов, в том числе два обломка венчика, два обломка стенок и одно плоское дно.

Исходное сырье. Во всех случаях для изготовления сосудов гончарами было использовано глиноподобное илистое сырье средней ожелезненности и низкой или средней/низкой пластичности. По составу естественных примесей оно подразделяется на 4 разных вида: 1 – с большим содержанием водных растительных волокон (рис. 2, 1) в концентрации 1:1 – 1:3 и редкими включениями бурого железняка (2 сосуда); 2 – с большим количеством водных растительных остатков и очень большим количеством частиц оолитового бурого железняка (1 сосуд); 3 – с редкими включениями крупного естественного песка в концентрации 1:5–6 (1 сосуд); 4 – с большим количеством естественного пылевидного песка и значительной концентрацией бурого железняка (1 сосуд).

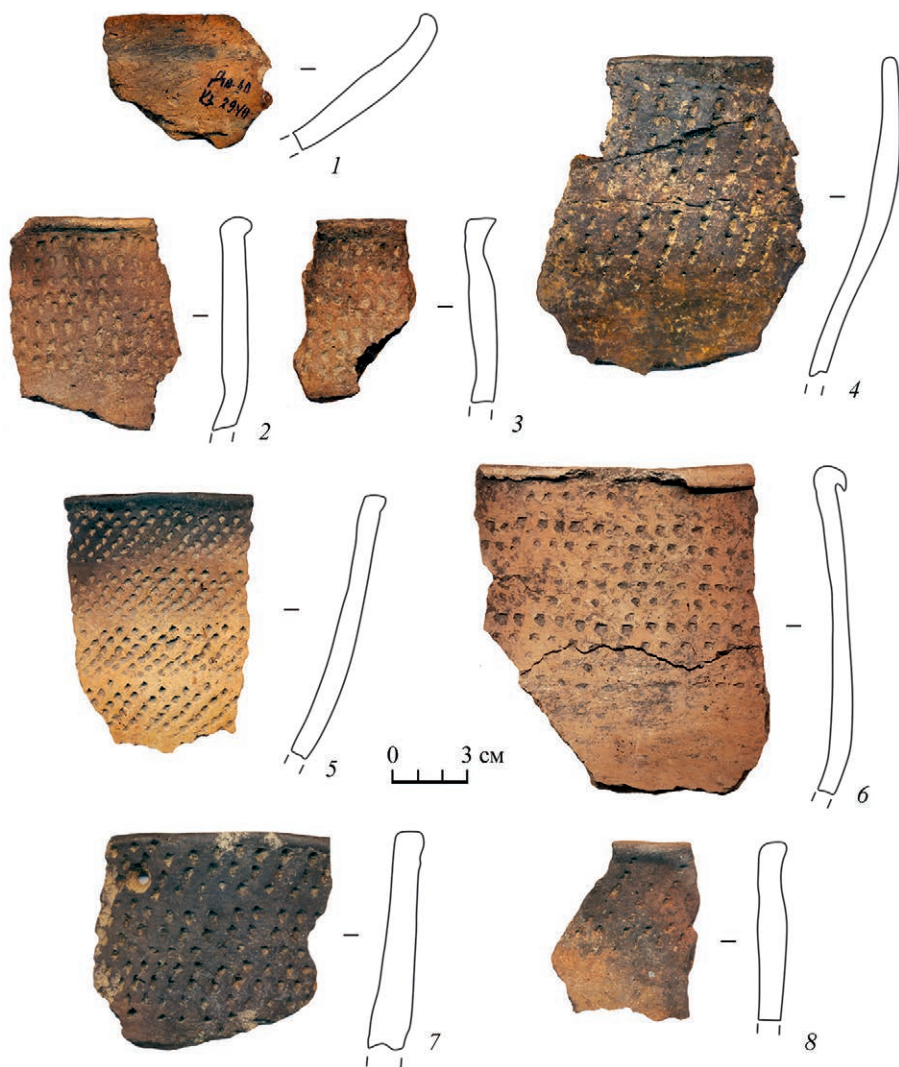

Рис. 2. Осиповская (1) и мариинская (2–8) керамика поселения Казакевичево

Формовочная масса. Зафиксированы два рецепта формовочной массы: 1 – без каких-либо искусственных добавок (2 сосуда) и 2 – с введением специального органического раствора, оставляющего в изломе черные блестящие пленки.

Конструирование сосудов. Сосуды изготавливались лоскутным налепом на форме-основе (4 случая) с небольшим выдавливанием стенок пальцами. Один сосуд предположительно сделан в форме-емкости, также с элементами выдавливания.

Обработка поверхности. Поверхности изделий заглаживалась пучком травы (2 экз.), кожей (1 экз.) или имели статические отпечатки (2 экз.).

Придание сосудам прочности и водонепроницаемости осуществлялось путем их целенаправленной термической обработки двумя способами: 1 – длительного (в течение нескольких часов) низкотемпературного (до 500 °С) обжига в восстановительной среде с последующей короткой (10–15 мин.) выдержкой в окислительной среде при температуре каления (выше 650 °С) глины и быстрым остыванием на воздухе (2 сосуда); 2 – неполного окислительного обжига при температуре каления глины с медленным остыванием в обжигательном устройстве. Только один небольшой сосуд после обжига подвергся специальной химико-термической обработке путем обваривания внешней поверхности.

Декорирование сосудов. Поверхности изделий подвергались декорированию в очень незначительной степени. Отдельные элементы декора единично зафиксированы в верхней части сосуда, а остальная поверхность полностью лишена орнамента. У одного сосуда зафиксировано наличие налепного горизонтального валика с поперечными насечками, у другого – наклонные влево насечки, нанесенные по торцу венчика. Напомним, что только на поселении Осиповка I осиповской культуры появляются очень редкие орнаментальные узоры, а в абсолютном большинстве случаев поверхность сосудов имеет только технологически-декорированный облик (Медведев, Цетлин, 2013; Цетлин, Медведев, 2015).

Форма сосудов. Естественную структуру сосудов удалось зафиксировать только в одном случае, она имеет субстратный характер: губа + тулово + основание тулова (рис. 2, 1). В двух случаях оказалось возможным определить примерный диаметр сосудов – один сосуд небольшой с диаметром около 10 см, другой – более крупный с диаметром 25 см. Зафиксировано, что один сосуд был плоскодонным. Толщина стенок сосудов в среднем около 8 мм. Один сосуд, вероятно, имел сквозные отверстия, в 8 мм ниже края венчика, сделанные до обжига изделия по сырой глине.

Использование сосудов. Один сосуд мисковидной формы имеет на поверхности следы нагара, т. е. он использовался для приготовления или разогрева пищи на огне, три сосуда, скорее всего, применялись в быту без контакта с огнем.

Выводы. Проведенный анализ обломков от 5 сосудов осиповской культуры с поселения Казакевичево позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, там работало, возможно, в разное время не менее четырех гончаров, добывавших илистое сырье в разных местах залегания, во-вторых, допустимо предполагать на поселении существование как минимум двух групп гончаров с разными технико-технологическими традициями изготовления сосудов. Об этом свидетельствуют два вида традиций составления формовочных масс, использование при конструировании посуды форм-основ и форм-емкостей, два разных режима термической обработки сосудов.

В целом полученные выводы почти полностью соответствуют традициям гончаров осиповской культуры, выявленным по другим памятникам (Медведев, Цетлин, 2013, 2014; Цетлин, Медведев, 2015). Исключение составляют случаи применения неполного обжига в окислительной среде с медленным остыванием сосуда и наличие налепного валика с насечками на поверхности сосуда. Эти особенности могут косвенно указывать на несколько более развитый характер гончарных традиций, чем у обитателей поселений Госян и Гася, сопоставимый с жителями относительно более позднего поселения Осиповка 1.

Керамика мариинской культуры

Поселение Казакевичево

На поселении Казакевичево, помимо керамики осиповской культуры, зафиксированы фрагменты от 31 сосуда мариинской культуры (рис. 2, 2–8). Среди них 25 обломков венчиков, в том числе 4 со следами ремонта, 5 обломков стенок и одно плоское дно.

Исходное сырье. Из 31 сосуда 20 были изготовлены из глины преимущественно средней пластичности (65 %) и средней ожелезненности (81 %). Помимо этого, для 5 сосудов использована глина низкой и для 5 – высокой пластичности, 3 сосуда сделаны из глины слабой и один – высокой ожелезненности, еще 2 сосуда – из неожелезненной глины и один сосуд – из илистого сырья. По составу естественных минеральных примесей выделяются 3 разные глиняные залежи: 1 – с примесью очень мелкого и мелкого окатанного песка (3 сосуда, или 10 %), 2 – с примесью мелкого и среднего остроугольного песка и оолитового бурого железняка в различной концентрации (22 сосуда, или 71 %), 3 – с обильной примесью очень мелкого и среднего окатанного песка, оолитового бурого железняка и слабоокатанного гравия размером до 5–6 мм (6 сосудов, или 19 %).

Формовочная масса. По изученным материалам выделяется один основной рецепт формовочной массы: глина + шамот некалиброванный + органический раствор (30 сосудов, 97 %), в одном сосуде зафиксирован только органический раствор. В большинстве случаев этот раствор представлен в изломе яркими черными пленками, у двух сосудов введенный раствор достаточно грубый с большим количеством мелкой растительной органики. Некоторые рецепты характеризуются разной концентрацией шамота: наиболее массовой была низкая концентрация – 1:5 и меньше (23 сосуда, 74 %), реже использовалась концентрация 1:3–4 (6 сосудов, 19 %) и в одном случае отмечена высокая концентрация шамота – около 1:1. Таким образом, можно говорить как минимум о четырех разных, но очень близких рецептах формовочных масс.

Конструирование сосудов. В большинстве случаев сосуды делались с помощью лоскутного налепа (26 сосудов, 84 %). По 15 сосудам (48 %) удалось зафиксировать использование формы-основы, а в остальных случаях детализировать информацию об использованных для лепки технических средствах оказалось невозможным. У двух сосудов выяснилось, что в качестве прокладки между формой-основой и слоем глины служила кожа.

Обработка поверхности. Внешняя поверхность сосудов, как правило, заглаживалась кожей (17 экз., 55 %), реже – твердой каменной галькой (7 экз., 23 %), на 5 сосудах фиксируется слабая залощенность, которая, однако, может возникать и в процессе использования изделий в быту. Для обработки внутренней поверхности также преобладало использование заглаживания кожей (18 сосудов, 58 %), иногда для заглаживания применялась каменная галька (7 сосудов, 35 %). Часто на внутренней поверхности фиксируется бытовая залощенность (16 случаев, 52 %).

Придание сосудам прочности и водонепроницаемости. С этой целью изделия подвергались прежде всего целенаправленной термической обработке. Наиболее часто она осуществлялась путем длительного низкотемпературного

обжига в восстановительной среде с последующей короткой выдержкой в окислительной атмосфере при температуре каления глины (15 сосудов, 48 %), реже применялся неполный обжиг изделий в окислительной среде (9 сосудов, 19 %) и почти столько же – более ранний технологический режим – длительный низко-температурный обжиг в восстановительной среде (6 сосудов, 19 %). Два сосуда имеют следы обваривания внешней поверхности.

Декорирование сосудов. На сосудах мариинской культуры орнамент располагается исключительно в верхней части, а остальная поверхность его не имеет. Абсолютно преобладают на сосудах отпечатки гребенчатого штампа (94 %), причем в 68 % случаев они наносились с наклоном вправо (рис. 2, 4–8), реже (19 %) – вертикально (рис. 2, 2–3) и совсем редко – горизонтально (6 %). Гребенчатый орнамент преимущественно наносился в один (35 %) или два (42 %) ряда, редко он имел большее число рядов (19 %). Любопытно, что на 9 сосудах (45 %) гребенчатый штамп имел 5 зубцов, штампы с двумя, тремя, четырьмя, шестью и большим числом зубцов зафиксированы не более чем на двух сосудах каждый. Помимо гребенчатого орнамента, на сосудах единично встречаются ямочные и ямчатые вдавления, фигурный орнамент и отпечаток шнура. Кроме того, у двух сосудов отмечены следы окраски охрой внутренней поверхности в районе венчика и у одного сосуда – обеих поверхностей также у венчика.

Форма сосудов. Ее удалось зафиксировать для 25 сосудов (81 %). Только у двух сосудов выявлена субстратная естественная структура формы: «губа + тулово + основание тулова» (рис. 2, 4, 5, 7). Большинство сосудов имеют более развитую естественную структуру (рис. 2, 2, 3, 6, 8): «губа + предплечье + тулово + основание тулова» (23 сосуда, 92 %). У 22 сосудов удалось определить диаметр венчика: 7 сосудов имеют диаметр 10–15 см, 6 сосудов – 16–25 см и 9 сосудов – 26–36 см. В среднем диаметр сосудов составляет 22 см, а толщина стенок – в среднем 7 мм.

Использование сосудов. Среди изученных материалов 18 сосудов (58 %) использовались для приготовления горячей пищи и немного меньше сосудов – 10 (32 %) – для каких-то других целей, без контакта с огнем. Причем сфера использования сосудов не имеет прямой связи с их размерами.

Выводы. Прежде всего обращают на себя внимание два момента: значительно большее разнообразие гончарных традиций и несомненно большая их развитость по сравнению с осиповским гончарством.

Вся система гончарных традиций носителей мариинской культуры характеризуется значительной однородностью одних традиций и заметным разнообразием других. К первым относятся: 1) использование гончарами лоскутного налета в основном на форме-основе для конструирования сосудов (84 %); 2) декорирование изделий почти исключительно гребенчатым орнаментом и только в верхней части сосуда (94 %); 3) единая естественная структура форм сосудов «губа + предплечье + тулово + основание тулова» (92 %).

Вторая группа традиций достаточно неоднородна. Во-первых, это традиции отбора исходного пластичного сырья. Мариинские гончары использовали для производства посуды природную глину в основном средней пластичности (65 %) и средней ожелезненности (81 %). Реже применялась глина низкой или высокой пластичности и крайне редко – неомежелезненная (белая) глина. Доминировала

разработка местными гончарами одной залежи, где глина содержала естественную примесь мелкого и среднего остроугольного песка и оолитового бурого железняка в различной концентрации (22 сосуда, или 71 %), другие залежи использовались реже. Во-вторых, традиции подготовки формовочных масс: одна традиция была доминирующая – глина + некалиброванный шмот в концентрации 1:5 + органический раствор (74 %), две другие – очень близкие, но различающиеся по количеству вводимого в формовочную массу шмота. В-третьих, традиции обработки поверхности сосудов, связанные с использованием гончарами для заглаживания двух видов материалов – кожи (55–58 %) и каменной гальки (23–35 %). В-четвертых, традиции придания сосудам прочности и водонепроницаемости, представленные тремя режимами термической обработки, причем только один из них доминировал – длительный низкотемпературный обжиг в восстановительной среде с короткой выдержкой при температуре каления глины (48 %), а два других применялись реже.

Отмеченные факты позволяют сделать вывод, с одной стороны, о существовании на поселении группы гончаров – носителей «ядра» культурных традиций, а с другой – о том, что, помимо них, там обитали и носители иных гончарных традиций, т. е. состав населения мариинской культуры был неоднородным. Такая неоднородность культурного состава населения для эпохи неолита является характерным отражением дуально-родовой структуры древнего общества (Цетлин, 1980).

Поселение Сучу (материалы раскопа IX)

Керамика из раскопок поселения на о-ве Сучу, результаты анализа которой излагаются в данной статье, представлена обломками от 35 сосудов (рис. 3). Раньше керамика мариинской культуры этого памятника уже подвергалась технико-технологическому изучению в лаборатории ИА РАН, и полученные данные были опубликованы в специальной статье (Цетлин, Медведев, 2014). Поэтому данный материал следует рассматривать как дополнительный.

Среди изученных обломков 19 – это венчики сосудов, 11 – стенки, 3 – верхние части сосудов без края венчика и 2 – фрагменты плоского дна с частью стенок.

Исходное сырье. Гончары использовали в качестве основного пластичного сырья только природную глину (97 %), а в одном случае сосуд был изготовлен из илистого сырья. Наиболее широко применялась слабожелезненная глина (74 %), низкой (46 %) или средней пластичности (31 %), реже – высокопластичная глина (23 %). Кроме того, 5 сосудов были изготовлены из среднежелезненной и один – из нежелезненной глины. Преимущественно использовались залежи с естественной примесью пылевидного или мелкого песка (94 %) и редкими включениями бурого железняка, но одна из залежей характеризуется присутствием мелкого остроугольного песка (10 сосудов, 29 %). Только три сосуда содержат оолитовый бурый железняк в значительной концентрации. Таким образом, местные гончары разрабатывали две основные залежи глины: с мелким и пылевидным песком и с мелким остроугольным песком.

Формовочная масса. Все сосуды характеризуются одинаковым на качественном уровне рецептом – глина + шмот + органический раствор. Однако

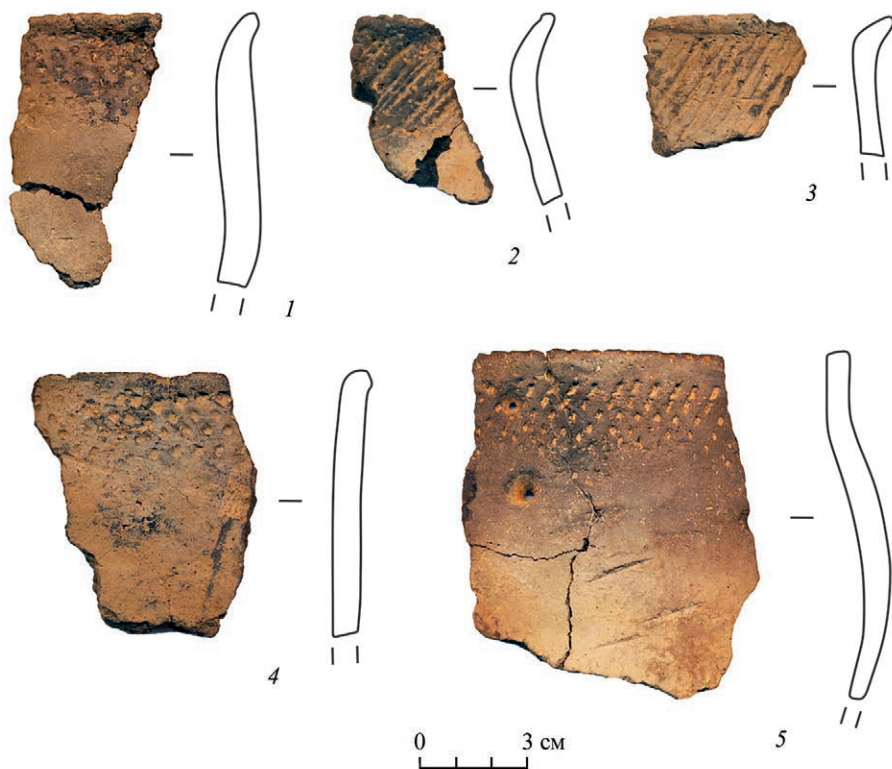

Рис. 3. Мариинская керамика поселения Сучу (1–5)

на количественном уровне внутри этого рецепта имеются различия по размерам и концентрации шамота. Крупный шамот зафиксирован в формовочной массе 10 сосудов (29%), средний – в 25 сосудах (71%); в 13 сосудах концентрация этой примеси составляет 1:3–4 (37%), в 22 сосудах – 1:5 и менее (63%).

Конструирование сосудов. Во всех случаях, когда это было возможно определить, сосуды изготавливались лоскутным налепом (27 экз., 77%) с выбиванием (11 экз., 31%) на форме-основе (17 экз., 49%). В одном случае удалось зафиксировать изготовление сосуда по емкостно-донной программе.

Обработка поверхности. К сожалению, поверхность многих обломков керамики (свыше 30%) из-за достаточно слабого обжига оказалась сильно разрушенной при мытье, что сделало невозможным определение приемов ее обработки, в других случаях следы обработки на внешней поверхности были уничтожены орнаментом (23%). *Внешняя поверхность:* по 12 сосудам (34%) удалось зафиксировать статические отпечатки, оставленные выбиванием гладкой колотушкой, у трех сосудов поверхность заглажена кожей, у одного – пучком травы. *Внутренняя поверхность:* у 17 сосудов (49%) отмечены статические следы от формы-основы, затем 8 сосудов внутри заглаживалась кожей (23%), на двух остались следы каменной гальки.

Придание сосудам прочности и водонепроницаемости. С этой целью изделия подвергались двум разным режимам термической обработки. Один – это длительный низкотемпературный обжиг в восстановительной среде (14 сосудов, 40 %), второй – такой же обжиг, только с последующей очень короткой выдержкой изделий при высокой температуре в окислительной атмосфере (57 %).

Декорирование сосудов. Орнаментация наносилась только в верхней части изделий. Наиболее распространенным был гребенчатый орнамент (89 %), состоящий из одного или двух рядов наклонных вправо отпечатков (77 %). В большинстве случаев гребенчатый штамп имел 4–6 зубцов (82 %). Изредка на сосудах присутствуют вертикальные или наклонные влево отпечатки гребенчатого штампа или наклонные вправо отпечатки гладкого штампа (рис. 3, 3). Важно подчеркнуть, что, кроме одного случая, на сосуд всегда наносились отпечатки только одного вида.

Форма сосудов. Обращает на себя внимание, что на этом поселении использовались сосуды с более развитой и разнообразной естественной структурой формы. Здесь совсем отсутствуют сосуды с субстратной структурой. Как и на поселении Казакевичево, доминируют четырехчастные сосуды: «губа + предплечье + тулово + основание тулова» (рис. 3, 1, 4) – 15 сосудов (43 %). Однако наряду с ними зафиксированы пятичастные сосуды двух вариантов: «губа + шея + предплечье + тулово + основание тулова» (рис. 3, 5) – 3 сосуда, и «губа + щека + предплечье + тулово + основание тулова» (рис. 3, 2–3) – также 3 сосуда. По обломкам 17 сосудов удалось выяснить их диаметр в верхней части: меньше 10 см имеют 2 сосуда, 10–15 см – 7 сосудов, 16–20 см – 5 и 21–25 см – 3 сосуда. Средняя толщина стенок у сосудов составляет 7,5 мм.

Использование сосудов. Как посуда использовалась в быту, удалось выяснить по 28 сосудам. Из них 23 (82 %) применялись для приготовления пищи на огне и 5 (18 %) – для каких-то нужд, не связанных с огнем.

Выводы. Выводы, которые могут быть сделаны по материалам поселения Сучу, во многом сходны с теми, которые были изложены выше по мариинской керамике поселения Казакевичево. Поэтому здесь мы остановимся только на различиях керамических традиций этих двух памятников.

Прежде всего следует отметить особенности в традициях отбора пластичного сырья. Если гончары Казакевичево использовали глину средней ожелезненности и средней пластичности, то гончары о-ва Сучу – глины низкой пластичности и слабой ожелезненности. При заглаживании поверхности сосудов гончары о-ва Сучу очень редко использовали кожу и каменную гальку. Также у них значительно чаще применялся длительный низкотемпературный обжиг в восстановительной среде. Особенно важно обратить внимание на значительно более развитую естественную структуру форм сосудов, которые изготавливали на Сучу и которыми пользовались его обитатели – здесь не зафиксированы простейшие сосуды со субстратной структурой и присутствуют пятичастные сосуды со щекой или шейей. Любопытно, что на поселении Казакевичево почти половина сосудов имела диаметр верхней части более 26 см, а на о-ве Сучу сосуды такого размера по изученным материалам не зафиксированы. Помимо этого, обитатели Сучу заметно чаще, чем жители Казакевичево, использовали сосуды для приготовления на огне горячей пищи. В целом степень сходства двух этих поселений по всем

гончарным традициям составляет около 68 %. Кроме того, важно подчеркнуть, что изложенные в данной статье результаты изучения керамики поселения Сучу (раскоп IX) оказались очень близки к тем результатам, которые были получены при технико-технологическом анализе первой части коллекции керамики с данного раскопа (Цетлин, Медведев, 2014).

Подводя итоги, следует еще раз обратить внимание на тот факт, что, судя по изученным как прежде, так и сейчас керамическим материалам, носители керамики осиповской и мариинской культур Приамурья владели разными технико-технологическими и морфологическими традициями изготовления глиняной посуды. Это определенно свидетельствует, что мы имеем дело с двумя различными в культурном и, скорее всего, этнокультурном плане группами древнего населения, которые если и контактировали между собой, то этот контакт имел не более чем эпизодический характер.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.
- Бобринский А. А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во Самарского пед. ун-та. С. 5–109.
- Медведев В. Е., Филатова И. В., 2014. Керамика эпохи неолита Нижнего Приамурья (орнаментальный аспект). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 168 с.
- Медведев В. Е., Филатова И. В., 2015. Современный взгляд на неолитические комплексы с поселений у с. Казакевичево (по материалам исследований 1959–1960 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXI. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 107–111.
- Медведев В. Е., Цетлин Ю. Б., 2013. Техничко-технологический анализ древнейшей керамики Приамурья (XIII–X тыс. л. н.) // АЭАЕ. № 2 (54). С. 94–107.
- Медведев В. Е., Цетлин Ю. Б., 2014. Новые данные о керамике начального и раннего неолита Нижнего Приамурья // Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 3. Иркутск: Изд-во ИГУ. С. 77–83.
- Цетлин Ю. Б., 1980. Некоторые особенности технологии гончарного производства в бассейне Верхней Волги в эпоху неолита // СА. № 4. С. 9–15.
- Цетлин Ю. Б., 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 384 с.
- Цетлин Ю. Б., Медведев В. Е., 2014. Керамика мариинской культуры Нижнего Приамурья // АЭАЕ. № 4 (60). С. 30–40.
- Цетлин Ю. Б., Медведев В. Е., 2015. Гончарство осиповской культуры Приамурья (XI–XIII тыс. л. н.) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии: мат-лы Междунар. симпозиума. М.: ИА РАН. С. 298–312.

Сведения об авторах

Цетлин Юрий Борисович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: yu.tsetlin@mail.ru;

Медведев Виталий Егорович, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, пр-т Ак. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; e-mail: osmedved@gmail.com

Yu. B. Tsetlin, V. E. Medvedev

SOME DATA ON POTTERY OF OSIPOVSKAYA
AND MARIINSKAYA CULTURES OF THE LOWER AMUR REGION

Abstract. The paper describes results of the comprehensive study of pottery traditions through the prism of technological processes, shapes and ornamentation of vessels developed by the Osipovka and Mariinskoye Neolithic cultures in the Russian Amur Region. The Osipovka culture is the earliest on our planet and its pottery reflects first stages of pottery development in the history of humanity. The Mariinskoye pottery characterizes the next period of pottery development and is dated to the Early Neolithic of this region. The authors conclude that these cultures were left behind by different ethnocultural groups of the earliest population.

Keywords: Amur Region Neolithic, pottery, historical and cultural approach, technical and technological analysis, shapes, ornamentation, history of population.

REFERENCES

- Bobrinskiy A. A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery-making of Eastern Europe. Sources and research methods]. Moscow: Nauka. 272 p.
- Bobrinskiy A. A., 1999. Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery-making technology as object of historic-cultural research]. *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva [Topical problems of investigation of ancient pottery-making]*. Samara: Samarskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 5–109.
- Medvedev V. E., Filatova I. V., 2014. Keramika epokhi neolita Nizhnego Priamur'ya (ornamental'nyy aspekt) [Ceramics of Neolithic epoch of Lower Amur region (ornamental aspect)]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 168 p.
- Medvedev V. E., Filatova I. V., 2015. Sovremennyy vzglyad na neoliticheskie komplekсы s poseleniy u s. Kazakevichevo (po materialam issledovaniy 1959–1960 gg.) [Present look on Neolithic complexes from settlements near village Kazakevichevo (based on materials of investigations of 1959–1960)]. *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]*, XXI. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 107–111.
- Medvedev V. E., Tsetlin Yu. B., 2013. Tekhniko-tekhnologicheskiy analiz drevneyshey keramiki Priamur'ya (XIII–X tys. l. n.) [Technical-technological analysis of earliest ceramics of Amur region (XIII–X mill. BP)]. *AEAE*, 2 (54), pp. 94–107.
- Medvedev V. E., Tsetlin Yu. B., 2014. Novye dannye o keramike nachal'nogo i rannego neolita Nizhnego Priamur'ya [New data on ceramics of initial and Early Neolithic in Lower Amur region]. *Evraziya v kaynozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury [Eurasia in Cenozoic. Stratigraphy, palaeoecology, cultures]*, 3. Irkutsk: Irkutskiy gos. universitet, pp. 77–83.
- Tsetlin Yu. B., 1980. Nekotorye osobennosti tekhnologii goncharnogo proizvodstva v bassejne Verkhney Volgi v epokhu neolita [Some features of technology of pottery-making in Upper Volga basin in Neolithic epoch]. *SA*, 4, pp. 9–15.
- Tsetlin Yu. B., 2012. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ancient ceramics. Theory and methods of historical-cultural approach]. Moscow: IA RAN. 384 p.
- Tsetlin Yu. B., Medvedev V. E., 2014. Keramika mariinskoy kul'tury Nizhnego Priamur'ya [Ceramics of Mariinskaya culture in Lower Amur region]. *AEAE*, 4 (60), pp. 30–40.
- Tsetlin Yu. B., Medvedev V. E., 2015. Goncharstvo osipovskoy kul'tury Priamur'ya (XI–XIII tys. l. n.) [Pottery-making of Osipovskaya culture of Amur region (XI–XIII mill. BP)]. *Sovremennye podkhody k izucheniyu drevney keramiki v arkhologii: materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma [Current approaches to studies of ancient ceramics in archaeology: proceedings of International symposium]*. Moscow: IA RAN, pp. 298–312.

About the authors

Tsetlin Yuriy B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: yu.tsetlin@mail.ru;

Medvedev Vitalij E., Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, prosp. Acad. Lavrent'eva, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation, e-mail: osmedved@gmail.com

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК, АНТИЧНОСТЬ, РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В. Д. Кузнецов

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ФАНАГОРИИ

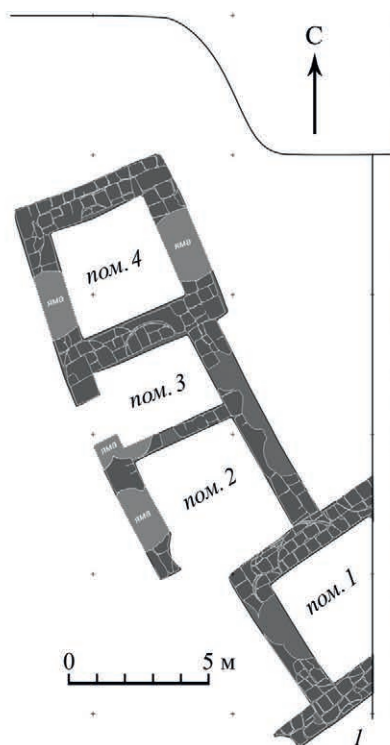
Резюме. Статья посвящена предварительной публикации оборонительных сооружений архаического времени. Они были обнаружены в Фанагории в процессе археологических исследований на территории исторического ядра города. Городские стены были построены вскоре после основания апойкии (530–520-е гг. до н. э.) и погибли в результате пожара на рубеже первой и второй четвертей V в. до н. э.

Ключевые слова: Фанагория, оборонительные укрепления, архаический период.

В течение последних двух десятилетий (начиная с 1995 г.) раскопки Фанагорийской экспедиции ИА РАН были сосредоточены в центральной части городища, на краю верхнего плато (раскоп «Верхний город»). Здесь находится историческое ядро Фанагории, позднее ставшее акрополем. В полевом сезоне 2016 г. здесь был открыт участок городских оборонительных стен (объект № 679) (рис. 1). Он находится на самом северо-восточном краю холма-акрополя. Длина открытого отрезка – 21 м. С северо-западной стороны он обрывается, по всей видимости, из-за обрушения склона холма (может быть, еще в древности), а с юго-восточной – уходит под борт раскопа. Следует добавить, что большой ущерб сохранности фортификационным сооружениям нанесли ямы римского периода и последующих времен.

Укрепления представляют собой довольно необычную конструкцию. Они построены в виде нескольких помещений, примыкающих друг к другу. К настоящему моменту открыто четыре таких помещения (с юго-востока на северо-запад: пом. 1–4). При этом они примыкают друг к другу не в одну линию: пом. 1 и 4 несколько выступают вперед (к северо-востоку, к краю холма) по отношению к пом. 2 и 3. Оборонительные стены построены из сырцовых кирпичей, которые имеют размеры 0,5 × 0,42 м. Использованы также половинки кирпичей. Ширина стен – 1,1 м, максимальная сохранившаяся высота – 1,8 м (26–28 рядов кирпичей). Площадь помещений: № 1 – 17,5; № 2 – 18; № 3 – 11,1; № 4 – 15 кв. м.

Отметим особенности некоторых помещений. Так, в пом. 3 отсутствует западная стена, и это дает основание для предположения, что оно представляло

2

4

3

**Рис. 2. Фанагория. Объект № 679.
Керамика (3-я четв. VI в. до н. э.)**

1 – очаг-алтарь в пом. 4; 2 – хиосская амфора с белой облицовкой; 3 – коринфская керамика; 4 – ионийские килики (3-я четв. VI в. до н. э.); 5 – ионийская чаша типа ВЗ

Рис. 1 (на предыдущей странице). Фанагория. Объект № 679

1 – схема оборонительных укреплений; 2 – вид оборонительных укреплений на холме с севера; 3 – вид укреплений с юго-востока; 4 – стена-перегородка между помещениями 3 и 4

собой проход в город. К сожалению, противоположная (восточная) сторона помещения, где теоретически должны были находиться собственно ворота, практически полностью разрушена поздней ямой. По этой причине не удастся не только реконструировать устройство городских ворот, но и доказать, что пом. 3 действительно служило проходом.

В пом. 4 выделено два строительных периода. Первый строительный период совпадает со временем сооружения оборонительных укреплений. Через какое-то время по неизвестной причине помещение было засыпано слоем суглинка (толщиной 0,6 м), состоящим из развалов сырцовых кирпичей, с углями и обгоревшей землей. Это дает основание предполагать, что оно (и все укрепления в целом?) подверглось воздействию огня. На поверхности этого нового слоя в центре пом. 4 был сооружен очаг-алтарь (рис. 2, 1). Он представляет собой правильный круг диаметром 0,8 м, который был выложен из пласта глины толщиной 4–5 см. По периметру круг обложен небольшими сырцовыми кирпичами, поставленными на ребро. Длина кирпичей – 16,5 см, толщина – 4,5 см. Поверхность очага обгорела до оранжевого цвета. С восточной стороны он ограничен небольшой прямоугольной площадкой из глины. Ее длина – 90 см, ширина – 25 см. Функциональное назначение площадки перед очагом-алтарем определить затруднительно.

Под пом. 4 зафиксированы кладки сооружения предыдущего времени (они будут окончательно расчищены и изучены после завершения исследования стен). Скорее всего, речь идет об оборонительной конструкции из сырцовых кирпичей на каменном фундаменте.

Примерно в 20 м к западу от описанных оборонительных сооружений найден еще один фрагмент городских стен. Он представляет собой угол, образованный двумя стенами (толщиной 1,1 м) из сырцовых кирпичей. Одна стена, ориентированная с севера на юг, сохранилась на длину около 4 м, другая (восток – запад) – на длину около 2 м. С западной стороны она уничтожена ямами более позднего времени. Однако в борту раскопа видно ее продолжение в западном направлении. Под этим фрагментом обнаружен отрезок каменной кладки под сырцовую стену более раннего времени. Его сохранившаяся длина более трех метров при ширине 1,2 м. Очевидно, что этот фундамент синхронен каменным кладкам под стенами оборонительных укреплений, описанных выше (№ 679).

Оборонительные сооружения Фанагории архаического времени можно считать не совсем обычными. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что они состоят из ряда примыкающих друг к другу помещений. Такая практика не была распространенной в фортификации VI в. до н. э., хотя иногда встречается в более раннее время (*Hellmann*, 2010. Р. 306, 307). Эта система укреплений позволяла не только защищать город, но и максимально полезно использовать небольшую территорию раннего поселения, каким была Фанагория. Эти помещения предназначались, очевидно, для различных целей: в качестве мастерских для изготовления и ремонта оружия, склада, помещений для охраны и т. п.

Строительство оборонительных стен из сырцовых кирпичей было довольно широко распространено в архаическое время (*Winter*, 1971. Р. 69–73; *Frederiksen*, 2011. Р. 54–55). При этом при их сооружении кирпич клался на каменный фундамент для предотвращения размыва стены водой. В укреплениях Фанагории такой фундамент отсутствует. Можно объяснять этот факт дефицитом камня

на Таманском полуострове, что не позволяло использовать его по всему периметру стены. С другой стороны, это обстоятельство могло быть обязано тому, что укрепления ввиду неожиданной опасности должны были быть срочно возведены заново (или перестроены).

Важнейшим вопросом является определение даты строительства описанных оборонительных сооружений и времени их функционирования и гибели. Укрепления были построены во второй половине VI в. до н. э. Об этом говорят все находки, за исключением найденных в верхней части комплекса, в слое разрушения. Среди них можно упомянуть амфоры, в том числе хиосские с белой облицовкой, ионийские килики и чаши, коринфскую керамику и др. (рис. 2, 2–5). К тому же в яме, обнаруженной под пом. 3, найдена ионийская ойнохоя, которая датируется временем основания Фанагории. Отсюда следует, что стены были построены через какое-то количество лет после возникновения апойкии. Это подтверждается и наличием каменных фундаментов под ними, которые и могли быть построены вскоре после прибытия первых переселенцев.

Обнаруженные во всех помещениях оборонительных сооружений наиболее ранние предметы можно датировать временем не позднее 520-х гг. до н. э. Оборонительные сооружения погибли в сильном пожаре. Археологические материалы дают основание говорить о том, что это событие произошло на рубеже первой и второй четвертей V в. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCE

- Frederiksen R.*, 2011. Greek City Walls of the Archaic Period 900–480 BC. Oxford: Oxford University Press. 238 p.
Hellmann M.-Ch., 2010. L'architecture grecque. Vol. 3: Habitat, urbanisme et fortifications. Paris: Picard. 399 p.
Winter F. E., 1971. Greek Fortifications. Toronto: University of Toronto Press. 370 p.

Сведения об авторе

Кузнецов Владимир Дмитриевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: phanagor@mail.ru

V. D. Kuznetsov

FORTIFICATIONS OF PHANAGORIA

Abstract. The paper is a preliminary publication of Archaic period fortifications. They were discovered in Phanagoria during archaeological excavations in the historical core of the city. The city walls were built soon after the *apoikia* had been founded (530–520-s BC) and were destroyed by fire at the turn of the second quarter of the 5th century BC.

Keywords: Phanagoria, fortifications, Archaic period.

About the author

Kuznetsov Vladimir D., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: phanagor@mail.ru

Е. А. Попова

КЕРАМИЧЕСКИЕ ФИМИАТЕРИИ ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА И КУЛЬТ НИМФ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ*

Резюме. Статья посвящена анализу памятников, свидетельствующих о наличии культа нимф у населения Северного Причерноморья III в. до н. э. – первых веков н. э. Два миниатюрных алтарика с позднескифских городищ «Чайка» (рис. 1) и Кара-Тобе (рис. 2) воспроизводят сюжет хоровода нимф. Рельефы с Боспора с тем же сюжетом отличаются от них более реалистическим стилем изображения (рис. 3, 1). Миниатюрный votивный рельеф из Херсонеса демонстрирует крайнюю степень примитивизации изображения этого сюжета (рис. 3, 2). Столь различные по стилю и времени воспроизведения одного и того же сюжета свидетельствуют об устойчивости его в религиозных представлениях населения Северного Причерноморья. Присутствие этого сюжета на алтариках, происходящих с так называемых позднескифских памятников, еще раз свидетельствует о значительной эллинизации населения Северо-Западного Крыма позднеэллинистического времени.

Ключевые слова: Крым, античная культура, античная религия, нимфы, позднескифская культура, алтари, рельефы.

В 2007 г. на городище «Чайка» в Евпатории исследовался зольный холм позднескифского городища II в. до н. э. – I в. н. э. Нижний слой зольника, безусловно, служил культовым целям и связан с обрядами и ритуалами культа огня и домашнего очага. Об этом свидетельствует ряд небольших ямок с аккуратно сложенными остатками глиняных очагов, засыпанных сверху золой. По-видимому, это были своего рода «захоронения» отслуживших печей. Зольные холмы практически всегда сопровождают поселения так называемых поздних скифов. О культовом характере чайкинского зольника свидетельствуют находки

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 07-01-18041е «Полевые исследования греко-скифских памятников в районе Евпатории».

глиняных моделей зерен, плодов оливок и хлеба. Таким образом, здесь, помимо культа огня и домашнего очага, отправлялись ритуалы, связанные с культом плодородия. К культовым предметам, несомненно, относится и терракотовый алтарь, находившийся в одной из жертвенных ямок.

Алтарь округлой формы сохранился фрагментарно (рис. 1). Размеры фрагмента: диаметр – 0,08 м, сохранившаяся высота – 0,11 м. Низ обломан, утрачен также фрагмент «ствола». Верхняя часть оформлена несколькими рельефными выступами, напоминающими капители дорической колонны. Сходство с колонной имеет весь алтарь, поскольку он округлой формы. Вверху сделано углубление для жертвоприношений. На «стволе», полом внутри, разворачивается сюжет, представленный тремя женскими фигурами, исполненными невысоким рельефом. Они как бы опоясывают «ствол» алтаря, имитируя движение хоровода. Фигуры даны в жестко фасовом развороте. Несмотря на плохую сохранность рельефа, вполне отчетливо виден тип одежды персонажей: они одеты в длинные хитоны с треугольным вырезом, подпоясанные под грудью. Головы сохранились плохо, поэтому определить тип головного убора сложно. Лишь у центральной фигуры слегка просматривается убор, напоминающий калаф. Женщины держатся за руки, причем, насколько можно судить, кисти рук не были проработаны: сомкнутость рук показана общей плавной линией. Контекст находки чайкинского алтарика дополняет его культовый характер.

В 2012 г. на городище Кара-Тобе был найден фрагмент такого же алтарика¹. Размеры: высота – 7 см; ширина – 4,5 см. Сохранилось изображение одного персонажа. Это женская фигура в длинном хитоне, перепоясанном лентой (рис. 2). Положение рук не оставляет сомнений в том, что это фрагмент изображения хоровода.

Находка фрагмента алтарика на Кара-Тобе свидетельствует о распространении культа нимф в позднеэллинистическое время. *Terminus post quem* обоих алтариков – конец II в. до н. э. Вероятнее всего, их следует отнести к I в. до н. э. – I в. н. э. Таким образом датируются позднескифские городища «Чайка» и Кара-Тобе (Попова, 2017. С. 303; Внуков, 2010. С. 38).

Миниатюрные алтарики называют арулами, или фимиатериями (Yavis, 1949. P. 171). Такие алтарики, украшенные рельефами, были очень широко распространены в Северном Причерноморье. Находки таких предметов на всех античных памятниках свидетельствуют о наличии домашних святилищ и ритуалов, связанных с жертвоприношениями в виде воскурения благовоний, сжигания зерен. Как пишет М. В. Скржинская, «человек, приобретающий такую арулу для домашних ритуалов или посвящения в храм, выбирал сюжет на рельефах в соответствии с тем, какое божество он желал почитать» (Скржинская, 2010б. С. 18).

Сюжет хоровода девушек был распространен в искусстве Древней Греции. Так изображались, в частности, нимфы и хариты. Однако со временем иконография этих божеств становится различной, подчеркивавшей сущность каждой из них: нимфы связаны с силами природы, культом плодородия, а хариты – благодетельные богини, воплощающие доброе, радостное и вечно юное начало

¹ Благодарю С. Ю. Внукова за разрешение опубликовать эту находку.

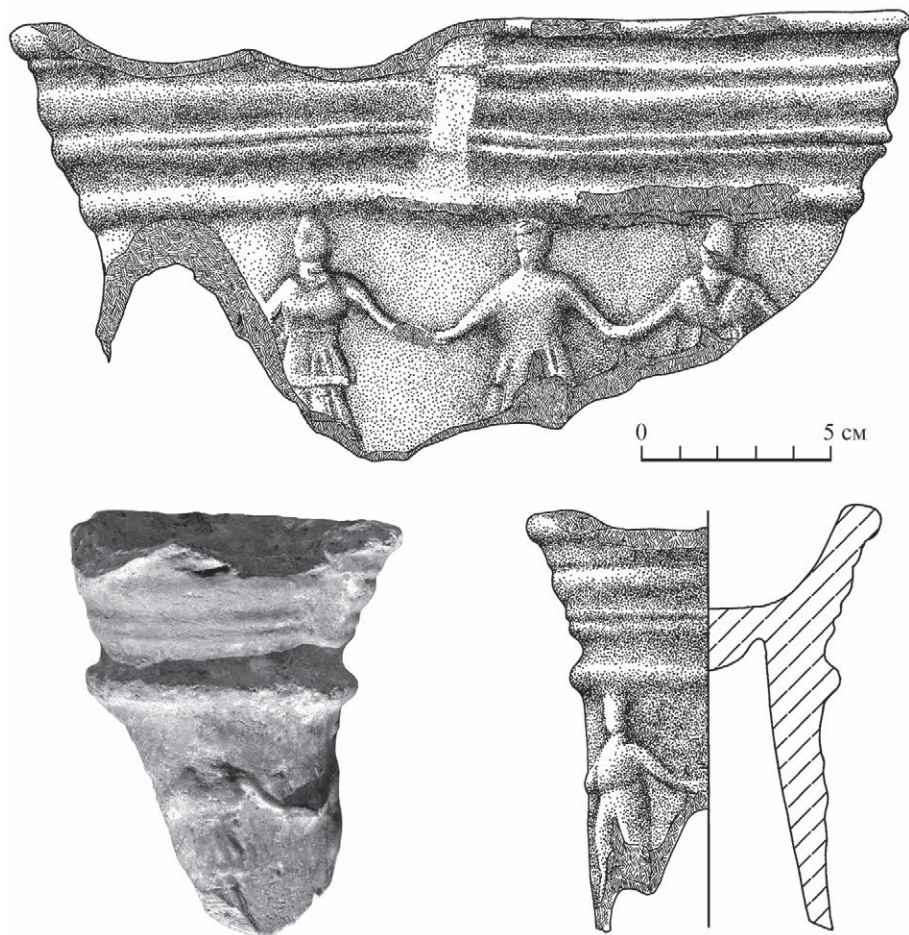

Рис. 1. Алтарик с городища «Чайка»

(Мифы народов мира..., 1982. С. 583). Само название этих божеств указывало на их сущность: *Χάριτες* от *χάρις* – «изящество, прелесть». В соответствии с этим иконография харит претерпевает значительные изменения. Если до эллинистического времени количество харит не было определенным и они были одеты, то в это время их всегда изображают втроем и обнаженными. Причем позы харит становятся строго каноническими: две фигуры стоят лицом к зрителю, одна – спиной. Подобная иконография складывается постепенно, начиная с классического времени. Павсаний описывает харит с акрополя: «В Афинах перед входом в акрополь стоят хариты и там их тоже три... Сократ... изваял статуи харит. Все эти хариты одинаковы – все одеты. Но позднейшие художники, не знаю почему, изменили их вид, и в мое время, как в скульптуре, так и в живописи, харит изображали обнаженными» (Paus., IX, 35, 3, 7). Иконография харит, о которой

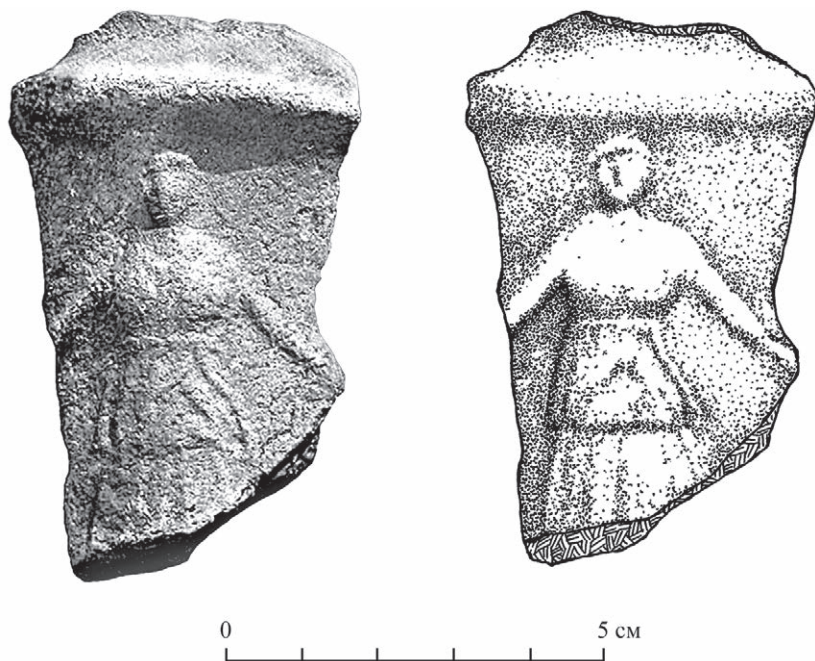

Рис. 2. Алтарик с городища Кара-Тобе

говорит Павсаний, закрепились уже в конце III в. до н. э. Такая иконография сохраняется и в римском искусстве.

Рассматриваемые памятники относятся к позднеэллинистическому времени. Поэтому с достаточной долей уверенности можно говорить о сюжете изображений на миниатюрных алтариках с «Чайки» и Кара-Тобе как о хороводе нимф (νύμφα).

В античной мифологии нимфы – очень древние божества, культ которых был широко распространен в Греции. Один из холмов, примыкающих к афинскому Акрополю, называется холмом Нимф. Ранее на нем находилось святилище, посвященное этим низшим божествам природы, отличавшимся своей многофункциональностью. Однако основной чертой была их связь с культом плодородия, поскольку нимфы являлись духами природы, живущими в горных пещерах, на деревьях и в источниках воды (Мифы народов мира..., 1982. С. 219, 220). Одним из значений этого слова, по античным лексикографам, было такое понятие, как «источник», т. е. водный ключ, родник. Нимфам совершали жертвоприношения на алтарях под открытым небом, в рощах, а также в гротах. Жертвоприношениями служили мед, фрукты, цветы. Ритуалы сопровождалось пением и хороводными танцами вокруг алтаря. Первым реальным упоминанием культа этих божеств является пассаж в «Одиссее» о пещере, где находится святилище нимф (XIII, 102–112). Культ этот не являлся государственным, а был скорее «народным» (Nilsson, 1940. Р. 19–23). Нимфы

представлялись спутницами нескольких божеств, в частности – Артемиды, которую М. Г. Джеймсон называет «предводительницей нимф» (*Джеймсон*, 1977. С. 281). В третьем орфическом гимне рассказывается вся история ее рождения и требование к отцу, Зевсу, снабдить ее свитой нимф (*Orph. Hymn.*, III, 10–15). Этим божествам совершались жертвоприношения и как спутницам Афродиты во время свадебных ритуалов (*Скржинская*, 2010а. С. 260). Таким образом, культ нимф мог быть связан с почитанием верховных божеств, совместно с которыми они часто изображались. Но на рассматриваемых алтариках нимфы – основные персонажи.

Изображение нимф, держащихся за руки в культовом танце, стало традиционным в искусстве эллинизма. Однако и в римское время – в первые века н. э. – культ нимф продолжает существовать, что мы увидим на примере рельефа из Херсонеса. Наиболее очевидным свидетельством культа нимф в Северном Причерноморье является название боспорского города Нимфея. Автор схолий к Эсхину прямо свидетельствует о наличии этого культа на Боспоре: «Нимфей – храм нимф, местность города при Понте...» (*Schol. Aesch.* III, 171).

Нимф, связанных с водными источниками, было, как писал Гесиод, три тысячи, и никто не может запомнить их имена:

Ибо всего их три тысячи, Океанид стройноногих.
Всюду рассеявшись, землю они обегают, а также
Бездны глубокие моря, богинь знаменитые дети. <...>
Всех имена их назвать никому из людей не под силу.
Знает название потока лишь тот, кто вблизи обитает...
(*Hesiod. theolog.*, 360, 370)²

Фрагменты фриза с хороводом нимф были найдены в разных местах в окрестностях Фанагории и в станице Тамань (*Савостина*, 2012. С. 245 сл.). Фриз воспроизводит сюжет хоровода нимф вокруг фимиатерия (рис. 3, 1), что композиционно выражено расположением изображений этого предмета на торцах плит (Там же. С. 245–248). В 51-м орфическом гимне, обращенном к нимфам, дается руководство, какими жертвоприношениями следует ублажать эти божества – это фимиам и ароматы (т. е. воскурение благовоний). Размеры алтариков с Чайки и Кара-Тобе и наличие вверху углублений свидетельствуют об использовании их для воскурения благовоний, о чем говорится в упомянутом гимне.

В том же гимне определяется и внешний вид, одежды нимф: «Вы, благовонные, в белых одеждах...» (*Orph. Hymn.* LI, 10). Таким образом, очевидно, что нимфы изображались одетыми, а не обнаженными. Здесь же говорится о связи нимф с культом плодородия и с божествами плодородия:

Вешние, радость несущие смертным с Деметрой и Вахком,
Ныне грядите к священному действию, ликуя душою!
В пору, как всходят посевы, пролейте здоровье на всходы!
(*Orph. Hymn.* LI, 15)³

² Перевод В. В. Вересаева (по: *Эллинические поэты...*, 1999. С. 36).

³ Перевод О. В. Смыки (по: *Античные гимны...*, 1988. С. 231).

Е. А. Савостина датирует боспорский фриз после 200 г. до н. э. и отмечает, что, «как и остальные произведения этого типа, фриз с хороводом нимф декорировал культовое сооружение» (Савостина, 2012. С. 257).

Иконография боспорского фриза дает представление о реалистическом показе этого сюжета. На плите изображены пять женских фигур, взявшихся за руки. Реалистичность изображения определяется уже тем, что фигуры даны в разных ракурсах и по-разному задрапированы. Е. А. Савостина отмечает, что разнятся и головные уборы персонажей. Фигура второй нимфы сохранилась лучше других: голова ее, повернутая в профиль, с распущенными локонами, падающими на грудь, увенчана stefanой. Из-под головных уборов типа полосов, как предполагает Е. А. Савостина, у третьей и четвертой девушек струятся локоны архаической прически. Все девушки, обутые в легкие сандалии, движутся на полупальцах, как в танце или хороводе (Там же. С. 251).

Завершающая стадия трансформации стиля в изображении этого сюжета представлена рельефом на известняковой плитке из Херсонеса (Античная скульптура Херсонеса..., 1976. С. 45. № 99. Илл. № 58). Высота – 12 см, ширина – 30 см, толщина – около 6 см (рис. 3, 2). Датируется памятник II в. н. э.

На плитке представлены три женские фигуры в длинных подпоясанных хитонах, соприкасающиеся опущенными вниз руками. Между фигурами на поле рельефа – букрании. Рельеф плоский, изображения предельно схематичны. Довольно неожиданным здесь является появление изображения букраниев. Как мы видели, жертвоприношения этим божествам были бескровными. Воспроизведение бычьих черепов между фигурами нимф, возможно, свидетельствует об использовании этого символа жертвоприношения в качестве защиты от потусторонних сил, оберега, т. е. апотропея. Совмещение этих двух мотивов (хоровода нимф и букраниев), возможно, указывает также на назначение плитки. Она могла быть частью алтаря или саркофага. Мотив букраниев характерен для оформления архитектурных, сакральных и погребальных сооружений в эллинистическое и римское время (Скржинская, 2000. С. 53).

Помпонию Мела сообщает о существовании в Херсонесе пещеры, посвященной нимфам: «Рядом лежит город Херронес ...особенно прославленный нимфейской пещерой, которая... посвящена нимфам» (II, 3). Находка рассмотренной вотивной плитки именно в Херсонесе подтверждает наличие культа нимф у населения этого полиса.

Что же олицетворяло помещение этого сюжета на алтари и вотивные рельефы? Хоровод – это ритуал движения вокруг священного объекта или для освящения того места, вокруг которого ведут хоровод (Скржинская, 2010б. С. 11). Изображение такого шествия олицетворяло и сакрализацию пространства, в котором находился алтарь.

Рассмотренные памятники с сюжетом хоровода нимф демонстрируют изменение стиля изображения в сторону упрощения и даже схематизации. Если боспорские рельефы сделаны в реалистической манере, то чайкинский и кара-тобинский алтарики стилистически отличаются от них значительным упрощением. Прежде всего, фигуры нимф даны строго фронтально, их хороводное движение лишь подразумевается показом сомкнутых рук. Несмотря на вполне реалистичное изображение одежды, иконография ближе к знаку-символу, нежели к образному показу

1

2

Рис. 3. Изображения нимф

1 – фрагмент фриза с Боспора; 2 – вотивный рельеф из Херсонеса

сюжета. И наконец, херсонесский вотивный рельеф, где изображение персонажей представлено максимально схематично: одежда дана резкими линиями и напоминает треугольники. Правда, показаны напуском верхние части подпоясанных хитонов. Лица также треугольной формы напоминают примитивные глиняные статуэтки первых веков н. э. Такое воспроизведение сюжета рассчитано на знание его адорантами, которым было достаточно такого условно-знакового показа. Столь различные по стилю и времени воспроизведения одного и того же сюжета свидетельствуют об устойчивости его в религиозных представлениях населения Северного Причерноморья. Максимально же примитивное его исполнение говорит об узнаваемости сюжета, его традиционности в пантеоне населения Северного Причерноморья.

Таким образом, в Северном Причерноморье существовал культ нимф в течение длительного времени – от VI в. до н. э. и до первых веков н. э. Разные типы памятников – архитектурный декор, алтари, посвянительные рельефы – свидетельствуют о его распространении. Присутствие этого сюжета на алтариках, происходящих с так называемых позднескифских памятников, еще раз показывает значительную степень эллинизации населения Северо-Западного Крыма позднеэллинистического времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Античная скульптура Херсонеса: каталог. Киев: Мистецтво, 1976. 340 с.
- Античные гимны / Под ред. А. А. Тахо-Годи. М.: МГУ. 1988. 362 с. (Университетская библиотека.)
- Внуков С. Ю., 2010. Новые исследования и находки на городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия / Ред. А. А. Масленников. М.; Киев: ИА РАН. С. 37–42.
- Джеймсон М. Г., 1977. Мифология древней Греции // Мифологии древнего мира. М.: Наука. С. 233–283.
- Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия. 1982. 718 с.
- Попова Е. А., 2017. Городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму во II–I вв. до н. э. // SP. № 3. С. 259–307.
- Савостина Е. А., 2012. Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте. Симферополь; Керчь: Адеф-Украина. 392 с. (Боспорские исследования: supplementum 8.)
- Скржинская М. В., 2000. Будни и праздники Ольвии в VI–I вв. до н. э. СПб.: Алетейя. 223 с.
- Скржинская М. В., 2010а. Древнегреческие праздники в Элладѣ и Северном Причерноморье. СПб.: Алетейя. 400 с.
- Скржинская М. В., 2010б. Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. Киев: Ин-т истории Украины НАНУ. 324 с.
- Эллинистические поэты VII–III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Ладомир. 1999. 515 с. (Античная классика.)
- Nilsson M. P., 1940. Greek Popular Religion. New York: Columbia Univ. Press. 190 p.
- Yavis C. C., 1949. Greek Altars. Origins and Typology. Saint Louis; Missouri: Saint Louis University Press. 266 p.

Сведения об авторе

Попова Елена Александровна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский пр., 27/4, Москва, 119992, Россия; e-mail: popova318@mail.ru

Е. А. Popova

CERAMIC ALTARS FROM THE NORTH-WEST CRIMEA AND THE CULT OF NYMPHS IN THE NORTH BLACK SEA REGION

Abstract. The paper reviews the sites, which provide evidence of the cult of nymphs among the population of the North Black Sea coastal area in the 3rd century BC – first centuries AD. Two diminutive altars from Chaika (Fig. 1) and Kara-Tobe (Fig. 2), which are Late Scythian settlements, reproduce a motif of nymphs' circle dance. For comparison, reliefs from Bosphorus with the same motif are noted for a more realistic style of representation (Fig. 3, 1). A diminutive votive relief from Chersonese demonstrates

an extreme degree of primitivism in representation of this motif (Fig. 3, 2). These reproductions of the same motif, so distinct in style and the period when it was depicted, demonstrate its stability in religious concepts of the population living in the North Black Sea coastal area. The presence of this motif on small altars coming from the so-called Late Scythian sites is another manifestation of a high level of Hellenization of the Northwest Crimea in the Late Hellenistic period.

Keywords: Crimea, classical antiquity culture, classical antiquity religion, nymphs, Late Scythian culture, altars, reliefs.

REFERENCES

- Antichnaya skul'ptura Khersonesa [Classical sculpture of Chersonese]. Kiev: Mystetstvo, 1976. 340 p.
- Antichnye gimny [Antique hymns]. A. A. Takho-Godi, ed. Moscow: Moscow State University, 1988. 362 p. (Universitetskaya biblioteka.)
- Dzheyms M. G., 1977. Mifologiya drevney Gretsii [Mythology of Ancient Greece]. *Mifologii drevnego mira* [Mythologies of Ancient World]. Moscow: Nauka, pp. 233–283.
- Ellinskie poety VII–III vv. do n. e. Epos. Elegiya. Yamy. Melika [Hellenic poets of VII–III cc. BC. Epics. Elegy. Iambs. Melica. M. L. Gasparov, ed. Moscow: Ladomir, 1999. 515 p. (Antichnaya klassika.)
- Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world], 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1982. 718 p.
- Nilsson M. P., 1940. Greek Popular Religion. New York: Columbia Univ. Press. 190 p.
- Popova E. A., 2017. Gorodishche «Chayka» v Severo-Zapadnom Krymu vo II–I vv. do n. e. [«Chaika» hillfort in Northwestern Crimea in II–I cc. BC]. *SP*, 3, pp. 259–307.
- Savostina E. A., 2012. Ellada i Bospor. Grecheskaya skul'ptura na Severnom Punte [Hellas and Bosphorus. Greek sculpture on North Pontus]. Simferopol'; Kerch': Adef-Ukraina. 392 p. (Bosporiskie issledovaniya, supplementum 8.)
- Skrzhinskaya M. V., 2000. Budni i prazdniki Ol'vii v VI–I vv. do n. e. [Weekdays and holidays in Olbia in VI–I cc. BC]. St. Petersburg: Aleteyya. 223 p.
- Skrzhinskaya M. V., 2010a. Drevnegrecheskie prazdniki v Ellade i Severnom Prichernomor'e [Ancient Greek holidays in Hellas and North Pontic zone]. St. Petersburg: Aleteyya. 400 p.
- Skrzhinskaya M. V., 2010b. Kul'turnye traditsii Ellady v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya [Cultural traditions of Hellas in Classical states of North Pontic zone]. Kiev: Institut istorii Ukrainy NANU. 324 p.
- Vnukov S. Yu., 2010. Noveye issledovaniya i nakhodki na gorodishche Kara-Tobe v Severo-Zapadnom Krymu [New investigations and finds at Kara-Tobe hillfort in North-Western Crimea]. *SYMBOA. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie nakhodki i otkrytiya* [SYMBOA. Classical world of North Pontic zone. Newest finds and discoveries]. A. A. Maslennikov, ed. Moscow; Kiev: IARAN, pp. 37–42.
- Yavis C. C., 1949. Greek Altars. Origins and Typology. Saint Louis, Missouri: Saint Louis Univ. Press. 266 p.

About the author

Popova Elena A., Lomonosov Moscow State University, Lomonosovsky pr., 27/4, Moscow, 119992, Russian Federation; e-mail: popova318@mail.ru

С. А. Володин

ПОГРЕБЕНИЯ С КРЕМАЦИЯМИ СКИФСКОЙ ЭПОХИ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПОДОНЬЯ

Резюме. В курганных могильниках скифского времени на Среднем Дону основным обрядом в большинстве погребений является трупоположение как в могильных ямах с разнообразными конструкциями, так и на уровне древнего горизонта. Предметом представленного исследования являются десять захоронений скифской эпохи, обнаруженных на территории Среднего Подонья в четырех курганных могильниках, в которых покойные подвергались сожжению как на стороне, так и в погребальном сооружении. В ходе работы было выявлено, что единства погребальных традиций, связанных с обрядом кремации, в этих захоронениях не присутствует. Данный факт позволил выдвинуть тезис о том, что данный погребальный обряд в V–IV вв. до н. э. на территории Подонья является лишь пережитком прошлого обряда, возникшего на территории Лесостепного Правобережья Днепра.

Ключевые слова: Средний Дон, скифская эпоха, погребения с кремациями, обряд трупосожжения, погребальная обрядность.

В настоящий момент на территории Среднего Дона известно около 210 погребений, датирующихся скифским временем (V–IV вв. до н. э.). Практически все захоронения совершены под курганами¹, объединенными в 10 курганных групп (рис. 1), и для погребального ритуала этих памятников в основном характерен обряд ингумации. Исключение составляют 10 комплексов, в которых погребенные подверглись полной или частичной кремации. Данные погребения были обнаружены в четырех могильниках: Мастюгино, Русская Тростянка, Колбино-I и Дубовое. При этом наибольшая часть захоронений с трупосожжениями открыта в могильниках Мастюгино и Русская Тростянка (Башилов, 1963;

¹ Исключение составляют 22 грунтовых погребения на территории памятников Мостище-1, Ксизово-19, Ксизово-16, Бузенки-2, Кулаковка-2, Каменка, а также комплекс захоронений на Семилукском городище.

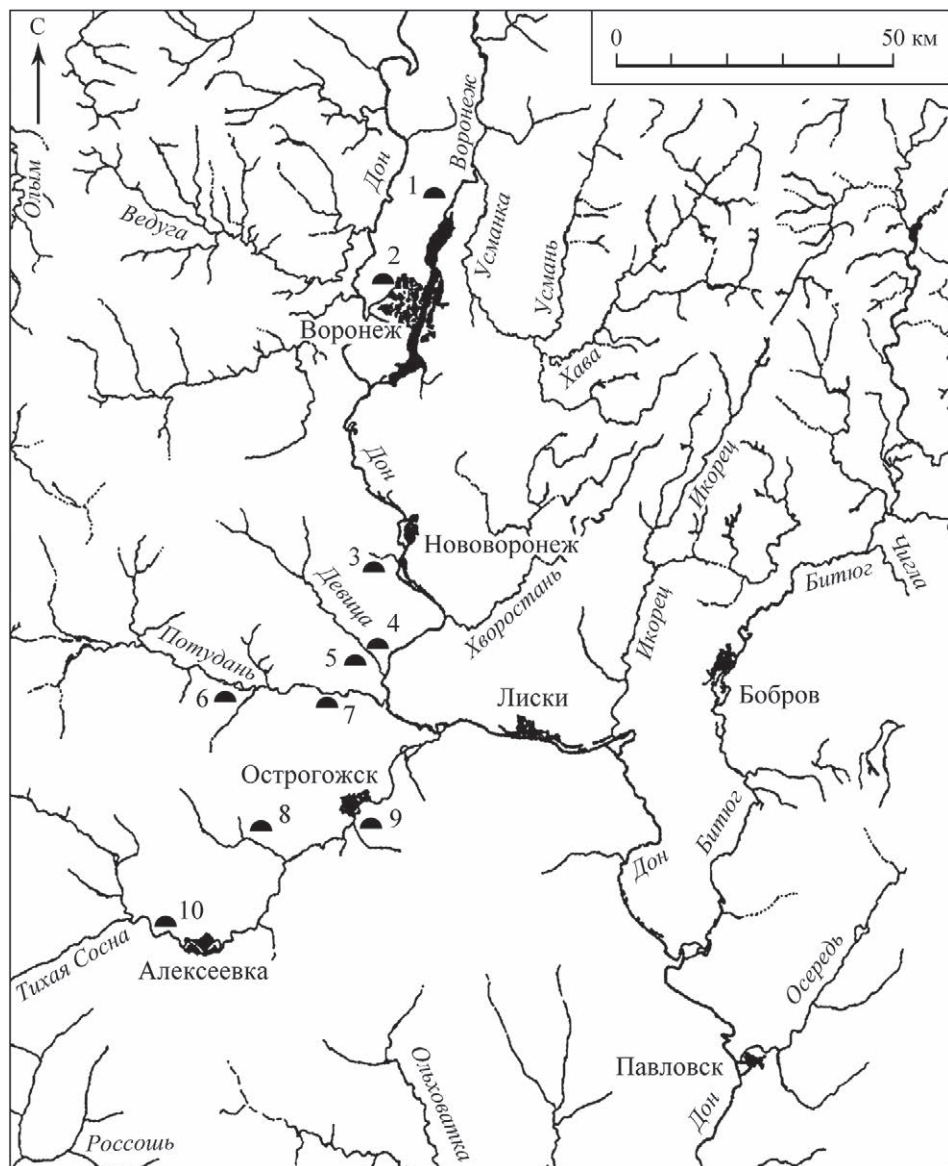

Рис. 1. Курганные могильники скифского времени на Среднем Дону
(карта составлена Е. И. Савченко и А. Н. Геом, дополнена А. А. Шевченко)

1 – Староживотинное; 2 – Частые курганы; 3 – Мاستюгино; 4 – Дубовое; 5 – Девица-V; 6 – Горки-I; 7 – Терновое-Колбино; 8 – Русская Тростянка; 9 – Ближнее Стояново; 10 – Дуровка

Пузикова, 2001), в Колбино-1 и у хут. Дубовое было открыто по одному погребению с кремацией (Савченко, 2001; Медведев, 1990).

В курганном могильнике у с. Мастюгино было обнаружено 5 погребений с кремациями, одно из которых (погребение № 1 кургана № 6/27) относится к эпохе бронзы (Пузикова, 2001. С. 64). Остальные захоронения были отнесены В. А. Башиловым к скифскому времени (Башилов, 1963. С. 157).

Курган № 20/1. Насыпь кургана вследствие распахки была небольшой, около 0,25 м высотой, диаметром до 16 м (Башилов, 1963. С. 151; Пузикова, 2001. С. 47). Сама насыпь в центре кургана была сильно прокалена, комки обожженной земли красно-кирпичного цвета встречались на поверхности кургана. Под слоем обожженного грунта была обнаружена могильная яма подквадратной формы, ориентированная в направлении СЗ–ЮВ. Размеры ямы – 2,35 × 2,25 м, глубина – 1,5 м. Заполнение представляло собой перемешанный слой из угля, золы, а также обожженной глины, среди которой встречались комки с отпечатками деревянных брусев до 5–6 см в диаметре. Дно могильной ямы было устлано слоем сожженного камыша, в остатках которого были обнаружены кальцинированные кости. Пол и стены могилы были прокалены на глубину до 0,2 м. Находки в погребении отсутствовали. Все это позволило В. А. Башилову предположить, что сожжение погребенного осуществлялось непосредственно в яме, над которой в качестве перекрытия было устроено деревянно-глинобитное сооружение (Башилов, 1963. С. 152).

Курган № 3/15. Насыпь кургана, высотой 0,3 м и диаметром 10 м, была прокалена на участке размерами 6,75 × 5,75 м (Башилов, 1963. С. 151; Пузикова, 2001. С. 55). Под насыпью была обнаружена могильная яма размерами 1,5 × 1,1 м и глубиной 1,1 м. Вокруг ямы располагалось кострище – область прокаленного красного и сухого грунта с включениями угля и кальцинированных костей. Засыпка ямы представляла собой грунт из золы, красной и серой глины, угля и мелких обломков кальцинированных костей. Какие-либо находки отсутствовали. Вполне обоснованно В. А. Башилов предположил, что сожжение погребенного производилось на площадке рядом с могилой, после чего остатки погребального костра были ссыпаны в яму (Башилов, 1963. С. 151).

Курган № 2/23 (рис. 2). В данном кургане под насыпью высотой до 0,5 м и диаметром 28 м был обнаружен крайне интересный по устройству погребальный комплекс (Башилов, 1963. С. 152–153; Пузикова, 2001. С. 61–62). В кургане располагалась могильная яма, овальная в плане, размерами 2,3 × 1,3 м, глубиной 1,7 м, ориентированная по линии СЗ–ЮВ, в центре которой была обнаружена столбовая ямка. Заполнение могильной ямы представляло собой мешанный слой с углем, обожженной глиной, обломками дерева, мелкими кальцинированными костями. К этой же яме с северо-запада примыкала площадка, размерами 3,6 × 3,2 м, окруженная по периметру канавкой шириной до 0,6 м и глубиной до 1 м. В центре площадки находилась столбовая ямка глубиной 1 м, вокруг которой были обнаружены два бронзовых наконечника стрел, в самой же ямке была найдена бронзовая бляшка с изображением бедра животного. В северной части площадки находилась часть кальцинированных костей погребенного. Заполнение канавки – земля с включениями угля и обожженной глины, в ней же были найдены один железный и 18 бронзовых наконечников стрел, обломки

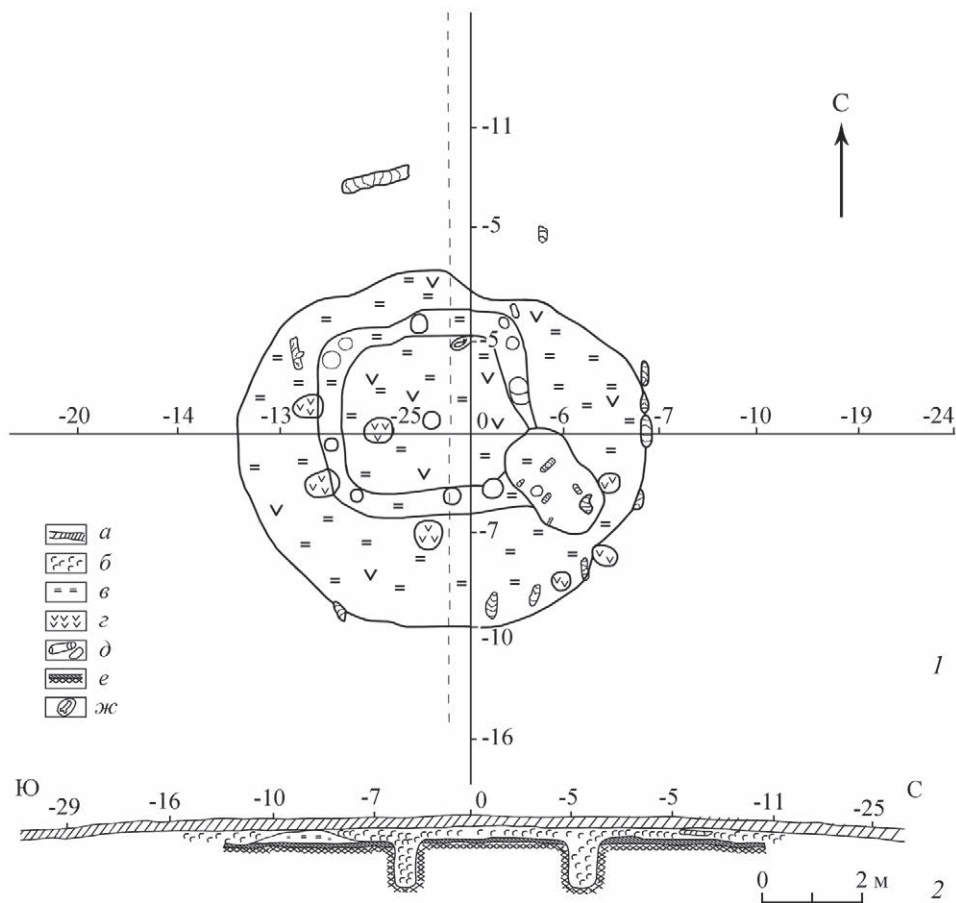

Рис. 2. Мастюгино, курган № 2/23 (рис. по: Пузикова, 2001)

1 — план кургана; 2 — профиль кургана по линии Ю—С

а — пахотный слой; б — чернозем; в — глина; г — обожженная глина и уголь; д — дерево; е — погребенная почва и материк; жс — скопление костей человека

железной втулки копья (Пузикова, 2001. С. 105). На дне самой канавки по всей длине были распределены 10 столбовых ямок глубиной до 0,3 м.

А. И. Пузиковой была предпринята попытка реконструировать обряд, согласно которому производилось захоронение в кургане № 2/23 (Там же. С. 62). По всей видимости, изначально были выкопаны могильная яма, канавка и столбовые ямки. Материк из ям был выложен в виде кольцевого выкида вокруг сооружения. Затем на площадке рядом с могильной ямой был сооружен каркасно-столбовой склеп, двускатное перекрытие которого закрывало также и могильную яму, именно для этого в ней была вырыта столбовая ямка. Сожжение тела происходило именно в данном срубе, т. к., во-первых, именно на площадке была найдена большая часть кальцинированных костей, а во-вторых, в юго-

восточной части кургана были обнаружены остатки несгоревших частей перекрытия, свидетельствующие о том, что основное пламя бушевало в северо-западной части погребального комплекса. После того как склеп был сожжен, останки вместе со сгоревшими деталями сооружения были засыпаны в могилу, затем была возведена насыпь.

Курган № 38/31. Насыпи кургана на момент раскопок из-за сильной распушки уже не существовало, на поверхности было видно лишь светлое пятно с кусками обожженной глины диаметром 10 м. Само погребение представляло трупосожжение на горизонте. Никаких следов сооружений и могильных ям обнаружено не было, кроме пятна обожженной земли, толщина прокала которой составляла 0,4 м. На поверхности прокаленного участка были найдены несколько кальцинированных костей человека (*Башилов*, 1963. С. 151, *Пузикова*, 2001. С. 66). Из-за полного отсутствия находок и обряда, сильно отличающегося от остальных курганов с кремацией, датировка данного погребения может показаться необоснованной. Однако аналогии данному погребению в скифскую эпоху можно обнаружить на территории Лесостепного Правобережья Днепра, причем в данном регионе подобные трупосожжения на горизонте существовали на протяжении всей скифской эпохи, со времен архаики до позднескифского времени (*Ильинская*, 1975. С. 80; *Ковпаненко и др.*, 1989. С. 28–46). Таким образом, с некоторой долей осторожности можно широко датировать данное погребение скифским временем.

В курганном могильнике у с. Русская Тростянка было обнаружено также 4 погребения скифской эпохи с трупосожжениями.

Курган № 3. Насыпь кургана на момент раскопок была высотой 0,6 м, диаметром до 24 м (*Пузикова*, 2001. С. 126–127). Само погребение представляло собой деревянный сруб, опущенный в яму глубиной 0,6–0,65 м от древнего горизонта. Размеры конструкции – 2,4–2,5 × 2–2,1 м, сложен сруб был, вероятно, в три венца. Над могильной конструкцией было сделано перекрытие из двух слоев дерева, лежавшего крест-накрест. Захоронение было сильно потревожено грабителями, однако кальцинированные кости покойного были оставлены внутри погребального сооружения. Сожжение же происходило, по всей видимости, на площадке с востока от сруба, как раз в том месте, где была сделана перемычка в кольцевом материковом выкиде, что подтверждается наличием в этом месте толстого слоя прокаленной земли с обожженной глиной, а также сильным обжигом тех венцов сруба, которые ближе всего находились к погребальному костру. Из инвентаря были обнаружены железный браслет с коническими шишечками на концах и два обломка S-образно изогнутого стержня, сделанного из четырехгранного прута и перевитого в виде веревочки, что позволило П. Д. Либерову датировать погребение IV–III вв. до н. э. (*Либеров*, 1965. С. 27. Табл. IX).

Курган № 9. Высота насыпи данного кургана составляла 0,8 м, диаметр – 30 м (*Пузикова*, 2001. С. 130–131). Погребение представляло собой каркасно-столбовой склеп с шатровым перекрытием, впущенный в могильную яму размерами 4,2 × 3,4 м, глубиной около 1 м. Вокруг пятна могильной ямы в насыпи была прослежена обширная прослойка прожженной земли. Само погребальное сооружение было заполнено мешанным слоем, состоящим из чернозема с примесью кусков жженой земли, золы, угольков. Также в перемешанном состоянии

в заполнении ямы были встречены находки: оплавленные и обожженные бронзовые наконечники стрел, бронзовые бляшки, вток копья, два железных кольца в том же состоянии. На дне могилы находились кальцинированные останки погребенного. По-видимому, трупосожжение происходило вне могилы, вместе с инвентарем, а затем вместе с углем и золой помещено в погребальное сооружение. По комплексу наконечников стрел данное погребение можно датировать V–IV вв. до н. э.

Курган № 11. На момент раскопок высота кургана составляла 0,9 м, диаметр – 28 м (Пузикова, 2001. С. 132–133). Под насыпью находилась могильная яма неправильных очертаний, размерами $3,5 \times 2,5$ м, глубиной 1 м. Яма была заполнена перемешанным слоем грунта и углей. Рядом с ямой находилась площадка прокаленной земли, на которой были найдены кальцинированные кости и череп человека, среди которых находилась золотая бляшка-розетка. По всей видимости, трупосожжение было произведено именно на этой площадке, причем на специально подготовленной подсыпке, которая была сделана до сожжения покойника, как отмечает А. И. Пузикова (Там же. С. 133). Помимо золотой бляшки, в кургане была найдена сильно пережженная серебряная пластина с изображением грифона, что позволяет датировать погребение IV в. до н. э.

Курган № 19. Высота кургана составляла 0,4 м, диаметр – около 16 м (Там же. С. 138–139). Под насыпью был скрыт деревянный каркасно-столбовой склеп с дромосом с западной стороны, впущенный в могильную яму, размеры которой составляли $3,6\text{--}3,9 \times 3,8\text{--}3,85$ м. Заполнение столбовых ям, дромоса, состоявшее из слоя, перемешанного с углем, остатками обгоревшего дерева, а также наличие сохранившегося с восточной стороны от могилы сгоревшего перекрытия, провал стенок ямы говорят о том, что трупосожжение проводилось на месте. Внутри склепа, на помосте из обугленных деревянных плах были найдены частично кремированные кости человека, часть из которых лежала *in situ*, что позволило установить позу погребенного – вытянуто на спине, головой на СВ. Курган был ограблен, из инвентаря остались лишь два трехлопастных бронзовых наконечника стрел, что, впрочем, позволяет датировать данное погребение IV в. до н. э.

В могильнике у хут. Дубовое (на момент раскопок А. П. Медведев называл могильник Мاستюгино II), как уже отмечалось выше, в кургане № 1 было обнаружено еще одно захоронение по обряду кремации (Медведев, 1990. С. 24–27). Сама насыпь кургана была 1 м высотой, диаметром до 40 м. Под ней было найдено кольцо сильно обожженной глины размерами 13×17 м, разомкнутое с западной стороны. В данной прослойке в больших количествах встречались куски обожженной глины с отпечатками прутьев, плах и столбов до 20 см толщиной. Вместе с этим в прослойке встречались куски обгорелого дерева, скопления углей и золы. В центральной части прослойки обожженная глина отсутствовала, был зафиксирован лишь чернозем, перемешанный с углем и золой, в котором были обнаружены разрозненные обожженные кости человека и животных. Исходя из зафиксированных свидетельств, можно говорить о том, что погребение в данном кургане было совершено в наземном каркасно-столбовом склепе, в конструкции которого также присутствовала обмазка глиной. В насыпи кургана был обнаружен фрагмент сосуда раннего железного века, что позволяет, хоть и относительно широко, датировать курган скифской эпохой.

Еще одним деревянным каркасно-столбовым склепом, возведенным на уровне древнего горизонта и в котором были обнаружены кремированные останки, стал курган № 1 могильника Колбино-I (*Савченко*, 2001. С. 79–82). Под насыпью высотой 1,9 м и размерами 44 × 39 м (рис. 3), которая была сооружена из различного грунта в три приема, находился склеп подпрямоугольной формы размером 9,25 × 7,25 м, сооруженный на специальной площадке со снятым дерном, где был проведен ритуал «очищения огнем» (Там же. С. 79). Примечательно, что стены данного сооружения были созданы при помощи связок камыша, поддерживаемых парно расположенными по периметру столбами. Сам склеп имел три «зала», юго-восточный, где располагался вход в погребение и ведущий к нему дромос, юго-западный и северный, где на погребальной площадке были прослежены остатки деревянного настила. На данном погребальном помосте были найдены остатки двух скелетов: один был частично кремирован, второй был частично обожжен². Кремация первого индивида, по всей видимости, проходила за пределами кургана, т. к. деревянный настил под погребенными не имел признаков горения. После совершения захоронения склеп был подожжен, что подтверждается большим количеством угля и обломков обожженного дерева как в заполнении склепа и дромоса, так и за его пределами (остатки сгоревшего шатрового перекрытия склепа). Среди инвентаря в погребении, несмотря на ограбления, были обнаружены: подпрямоугольная золотая штампованная бляшка в виде головы кабана, подтреугольная золотая подвеска браслета, золотая нашивная бляшка, темно-синяя стеклянная мозаичная бусина, бронзовый трехгранный наконечник стрелы со скрытой втулкой (Там же. С. 84. Рис. 19). Данное погребение можно довольно уверенно датировать концом V – первой половиной IV в. до н. э.

Рассмотрев все погребения в курганах скифского времени на территории Среднего Подонья, в которых захороненные индивиды подвергались полной или частичной кремации, мы можем увидеть, что погребальные комплексы с трупосожжением обустраивались почти каждый раз по-разному. Среди погребальных конструкций присутствуют: 1) деревянный каркасно-столбовой склеп, впущенный в могильную яму (Русская Тростянка, курганы № 9, 19); 2) простая яма без перекрытия (Дуровка, курган № 3/15; Русская Тростянка, курган № 11); 3) яма с перекрытием (Дуровка, курган № 20/1); 4) деревянный сруб, впущенный в могильную яму (Русская Тростянка, курган № 3); 5) погребение на древнем горизонте без следов каких-либо конструкций (Дуровка, курган № 38/31); 6) деревянный каркасно-столбовой склеп на древнем горизонте (Колбино-I, курган № 1; Дубовое, курган № 1); 7) сложный комплекс, состоящий как из деревянного каркасно-столбового сооружения на древнем горизонте, так и могильной ямы (Дуровка, курган № 2/23).

Сама кремация производилась как на месте, т. е. сожжением погребально-го сооружения вместе с погребенным (Дуровка, курганы № 20/1, 38/31; Русская Тростянка, курган № 19; Дубовое, курган № 1), так и на стороне (Дуровка,

² Необходимо отметить, что при частичной или неполной кремации не нарушается анатомическая форма трубчатых костей, сохранность костной ткани, что позволило в случае с погребением в кургане № 1 могильника Колбино-I провести половозрастной анализ останков (*Бужилова, Козловская*, 2001. С. 196).

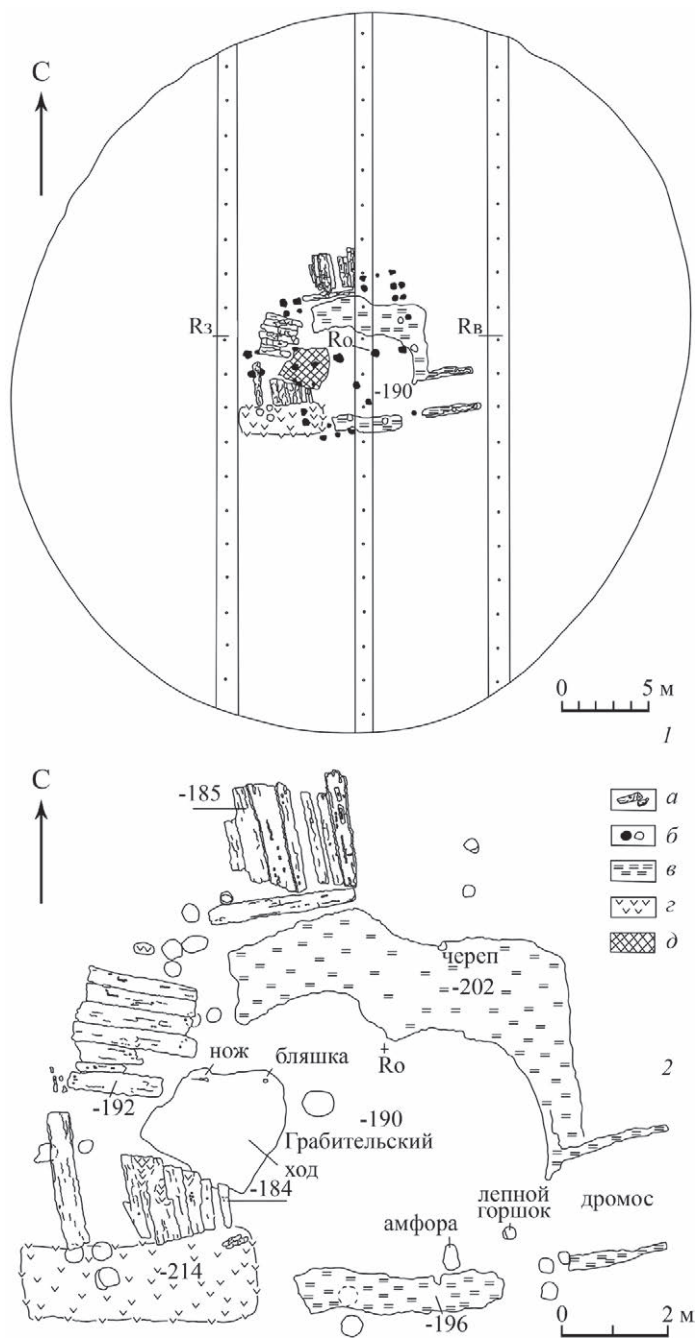

Рис. 3. Колбино-I, курган № 1 (рис. по: Савченко, 2001)

1 – план кургана; 2 – план погребального сооружения – верхний слой

а – дерево; б – столбовые ямы; в – прокля; г – угли; д – грабительская яма

курганы № 3/15, 2/23; Русская Тростянка, курганы № 3, 9, 11; Колбино-I, курган № 1), чаще всего на площадке рядом с погребальным сооружением.

Таким образом, какого-либо единообразия комплексов с трупосожжениями не наблюдается. При этом конструкции могильных сооружений для захоронения сожженного покойника идентичны тем, где погребенный оставался несожженным. Объяснение подобной ситуации, пожалуй, видится в одном: в курганных могильниках Среднего Дона V–IV вв. до н. э. погребальный обряд, связанный с кремацией покойника, предстает перед нами лишь как пережиток прошлого обряда, возникшего на других территориях.

Доказательств данному утверждению, помимо существования как такового единого обряда трупосожжения, можно привести несколько. Прежде всего, необходимо отметить относительную малочисленность погребений с трупосожжениями по сравнению с господствующими захоронениями по обряду трупоположения (около 5 %). Подобную ситуацию, вероятно, можно было бы объяснить присутствием в среде среднедонского населения пришлых людей, придерживавшихся обряда кремации. Однако по комплексу погребального инвентаря, в тех случаях, где он присутствовал, погребения с трупосожжениями не отличаются от захоронений с ингумацией. Некоторые исследователи объясняли появление погребений с кремациями на Среднем Дону влиянием савроматов (*Смирнов*, 1964. С. 262; 1984. С. 27; *Пузикова*, 1999. С. 276). Однако только лишь результатом контактов с савроматским миром возникновение данного обряда объясняться вряд ли может, т. к. на формирование погребального обряда влияют различные факторы: экономические, экологические, этнические, идеологические, физиологические (пол и возраст), социальные (*Ольховский*, 1986. С. 65–76).

Кроме того, помимо явных трупосожжений на месте, в среднедонском регионе существует серия погребений с редуцированным вариантом данного обряда. В могильнике Терновое-Колбино, помимо описанного выше каркасно-столбового склепа, возведенного на уровне древнего горизонта в кургане № 1 (Колбино-I), были обнаружены еще три подобных погребальных комплекса. Это курган № 6 могильника Терновое-I и два кургана могильника Колбино-I, № 7 и № 19. Все погребения в данных курганах имеют идентичную конструкцию: перекрытие, каркасно-столбовая конструкция, дромос, даже деление на северный и южный «залы» единого пространства склепа (*Савченко*, 2001. С. 67–113). Такой же характерной чертой погребального ритуала, связанного с захоронением в подобных склепах, является сожжение всего сооружения с одновременным возведением насыпи над его завалом (Там же. С. 119). Однако лишь погребение в кургане № 1 Колбино-I, как уже говорилось чуть выше, содержало останки одного кремированного индивида. В остальных наземных склепах останки индивидов не подвергались кремации и почти не носили следов воздействия огня, что объясняется тем, что пламя едва успевало добраться до погребенных, прежде чем было затушено возведенной насыпью.

Другим примером может служить погребение в кургане № 7 могильника у с. Русская Тростянка. Захоронение под насыпью было совершено в деревянном склепе, впущенном в яму, и было перекрыто огромным деревянным настилом размерами 17,5 × 16 м. Значительная часть этого настила была обожжена и обуглена (*Пузикова*, 2001. С. 128). Сама исследовательница считает, что

«...обширное кострище, обнаруженное к северу от могильной ямы, представляло собой акт тризны» (Пузикова, 2001. С. 129). Однако стоит отметить, что никаких костей животных, обломков сосудов, присущих проведению тризны, обнаружено не было. К тому же насыпь самого кургана была сильно прокалена над погребальным сооружением, что свидетельствует о сооружении насыпи поверх еще горящего погребального комплекса.

В описанных случаях возможно предположить, что целью ритуального сожжения погребальных сооружений являлось вовсе не сожжение конструкции как таковой, а уничтожение в огне в первую очередь погребенного, его кремация вместе со всем комплексом. Однако вследствие упрощения самого обряда возведение насыпи начиналось раньше, чем прогорала сама конструкция вместе с покойником.

Пожалуй, самым главным аргументом в пользу предположения о существовании обряда трупосожжения на территории Среднего Дона лишь как о пережитке когда-то бытовавшей обрядности может служить сравнение среднедонских курганов с комплексами Лесостепного Поднепровья.

Именно в данном регионе, а точнее в Лесостепном Правобережье Днепра, в предскифский период, как отмечено А. И. Тереножкиным, был распространен обряд бескурганных погребений с трупосожжением (Тереножкин, 1961. С. 43–45). В VII–VI вв. до н. э. в регион активно проникают степные скифы, нарастает их влияние на местное население, что проявляется, как убедительно показала В. А. Ильинская, в существенном изменении погребального обряда (Ильинская, 1975. С. 80–92). Это изменение заключалось в установлении господства захоронений по обряду трупоположения под курганными насыпями, причем основными типами погребальных сооружений становятся конструкции, находящие полные аналогии на территории Среднего Дона: погребения в простых ямах, как с перекрытиями, так и без; в ямах с каркасно-столбовыми конструкциями; в деревянных склепах, как впущенных в ямы, так и сооруженных на древнем горизонте, деревянные срубы, впущенные в грунтовые ямы (Там же. С. 80–87). Что характерно, во всех вариантах погребальных конструкций в качестве устойчивого, хотя уже и не столь распространенного, обряда встречаются погребения с трупосожжениями, «унаследованными от предыдущего времени» (Там же. С. 94).

Ко времени V–IV вв. до н. э., как отмечает В. Г. Петренко, на территории Правобережной Днепровской Лесостепи все появившиеся ранее погребальные традиции продолжают сохраняться, значительно усложняясь конструктивно (Петренко, 1967. С. 14–17). Однако доля погребений с трупосожжениями неуклонно уменьшалась по сравнению с предыдущими эпохами: «Трупосожжения в Тясминской группе составляют незначительный процент по отношению к трупоположениям. В V в. до н. э. продолжает развиваться распространенный во второй половине VI в. до н. э. обряд сжигания погребального сооружения, когда обжигалась и насыпь, и само погребение. В IV в. до н. э. этот обряд несколько изменился: над могилой зажигали небольшой костер» (Там же. С. 17). Таким образом, погребальные комплексы данного региона ко времени V–IV вв. до н. э. оказываются крайне похожими на среднедонские, причем В. Г. Петренко также наблюдает пережитки обряда трупосожжения в поджигании деревянных

конструкций погребений. Стоит особенно отметить, что эти выводы исследовательницы не противоречат данным, полученным из более поздних раскопок (Ковпаненко, 1981. С. 58–80; Ковпаненко и др., 1989. С. 27–50).

Если же обратиться к территории Левобережной Днепропровской Лесостепи, то можно заметить, что обряд трупосожжения на данной территории на протяжении всей скифской эпохи не был массовым. В. А. Ильинская предполагает, что он был привнесен извне (Ильинская, 1968. С. 85). Основная масса обнаруженных на территории р. Сулы и Ворсклы погребений с кремациями относится к V–IV вв. до н. э. и составляет не более 4–5 % общего количества исследованных погребений (Ильинская, 1968. С. 85; Шрамко, 1987. С. 148–149; Кулатова и др., 1993. С. 25–42). Стоит отметить, что и на Среднем Дону процентное соотношение трупосожжений и трупоположений выглядит таким же образом.

Учитывая приведенные выше сведения, а также утверждения других авторов порой не только о сходствах, но и о единстве региона Среднего Подонья с Днепропровской Лесостепью как в погребальном обряде, так и в материальной культуре (Граков, 1971. С. 146–150; Моруженко, 1989; Пузикова, 1999. С. 276; Гуляев, 1996. С. 317; 2000. С. 147; 2009. С. 11; Савченко, 2001. С. 130; Медведев, 1999. С. 125), единственно возможным местом зарождения обряда сожжения покойных как на месте, вместе с деревянными конструкциями, так и рядом с ними на территории Среднего Дона является Днепропровское Лесостепное Левобережье.

Став основным обрядом в эпоху поздней бронзы в данном регионе (не исключено, что вследствие влияний с других территорий), обряд кремации покойника постепенно начал вытесняться господствовавшим в среде скифских завоевателей, пришедших в днепропровские лесостепи в VII–VI вв. до н. э., обрядом трупоположения. К V в. до н. э. кремации в числе погребальных традиций на левом и правом берегу Днепра сохраняются лишь в незначительном количестве, повторяя при этом по устройству погребального комплекса захоронения с обрядом ингумации. И именно в качестве своеобразного пережитка прошлого обряд трупосожжения вместе с частью населения Днепропровской Лесостепи перемещается на Среднее Подонье, практикуемый, вероятно, какими-то отдельными родовыми объединениями, в отдельных случаях редуцируясь лишь до обряда сожжения погребального сооружения.

Таким образом, изучение погребений с кремациями не только дало возможность установить причины и пути возникновения подобной обрядности на Среднем Дону, но и в очередной раз подтвердить звучавшую ранее теорию о зарождении культуры среднедонских курганов V–IV вв. до н. э. на берегах Днепра.

ЛИТЕРАТУРА

- Башилов В. А., 1963. Курганы с трупосожжениями у с. Мастюгино // СА. № 2. С. 151–158.
 Бужилова А. П., Козловская М. В., 2001. Проблема полового диморфизма населения в связи с гормональными патологическими изменениями по материалам могильника Колбино // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 196–202
 Граков Б. Н., 1971. Скифы. М.: Изд-во МГУ. 200 с.

- Гуляев В. И., 1996. Погребальные памятники скифского времени на Среднем Дону и курганы Полтавщины // Бельское городище в контексте изучения памятников раннего железного века Европы / Отв. ред. А. Б. Супруненко. Полтава: ЦОДПА. С. 312–317.
- Гуляев В. И., 2000. Об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в V–IV вв. до н. э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология / Отв. ред.: В. И. Гуляев, В. С. Ольховский. М.: ИА РАН. С. 145–153.
- Гуляев В. И., 2009. Погребальный обряд как этноисторический источник (по материалам среднедонских курганов скифского времени) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 10–26.
- Ильинская В. А., 1968. Скифы днепровского лесостепного левобережья (курганы Посулья). Киев: Наукова думка. 267 с.
- Ильинская В. А., 1975. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н. э.). Киев: Наукова думка. 223 с.
- Ковпаненко Г. Т., 1981. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев: Наукова думка. 160 с.
- Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А., 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев: Наукова думка. 336 с.
- Кулатова И. Н., Луговая Л. Н., Супруненко А. Б., 1993. Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. Полтава: Полтавское науч. краевед. о-во. 107 с.
- Либеров П. Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Д1-31. 111 с.
- Медведев А. П., 1990. Отчет скифо-сарматского отряда археологической экспедиции Воронежского университета о работах в 1989 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 13943.
- Медведев А. П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. М.: Наука. 160 с.
- Моруженко А. А., 1989. Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время // СА. № 4. С. 25–41.
- Ольховский В. С., 1986. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязи понятий // СА. № 1. С. 65–77.
- Петренко В. Г., 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н. э. М.: Наука. 180 с. (САИ; вып. Д1-4.)
- Пузикова А. И., 1999. Торговые, экономические и этнокультурные связи среднедонских племен в раннем железном веке // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные мат-лы, публикации, статьи / Отв. ред.: А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. А. Башилов. М.: ИА РАН. С. 275–282.
- Пузикова А. И., 2001. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). М.: Индрик. 272 с.
- Савченко Е. И., 2001. Могильник скифского времени «Терновое 1 – Колбино 1» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 53–144.
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. М.: Наука. 381 с.
- Смирнов К. Ф., 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука. 184 с.
- Тереножкин А. И., 1961. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев: Изд-во АН УССР. 246 с.
- Шрамко Б. А., 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наукова думка. 184 с.

Сведения об авторе

Володин Семен Алексеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: volodinsaimon@gmail.com

S. A. Volodin

CREMATED BURIALS OF THE SCYTHIAN PERIOD
IN THE MIDDLE DON REGION

Abstract. The basic funerary rite in most Scythian kurgan burials in the Middle Don region includes both burials in pits of various constructions and in-ground burials. This study focuses on ten Scythian graves discovered in four kurgan cemeteries of the Middle Don region where the deceased were burned both outside the grave and inside the burial construction. The research found no uniformity in funerary traditions associated with the cremation rite. This fact suggests that this burial rite practiced in the Don region in the 5th – 4th centuries BC was only a legacy of the earlier rite that had emerged in the Forest-Steppe Dnieper Right Bank.

Keywords: Middle Don region, Scythian period, cremated burials, cremation rite, funerary rites.

REFERENCES

- Bashilov V. A., 1963. Kurgany s truposozhzhleniyami u s. Mastuygino [Kurgans with cremation burials near village Mastuygino]. *SA*, 2, pp. 151–158.
- Buzhilova A. P., Kozlovskaya M. V., 2001. Problema polovogo dimorfizma naseleniya v svyazi s gormonal'nymi patologicheskimi izmeneniyami po materialam mogil'nika Kolbino [Problem of sex dimorphism of population in relation with pathological hormonal changes based on materials from cemetery Kolbino]. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: trudy Potudanskoj arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 1993–2000 gg.* [Archaeology of Middle Don in Scythian epoch: transactions of Potudan archaeological expedition of IA RAS, 1993–2000]. V. I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 196–202.
- Grakov B. N., 1971. Skify [The Scythians]. Moscow: MGU. 200 p.
- Gulyaev V. I., 1996. Pogrebal'nye pamyatniki skifskogo vremeni na Srednem Donu i kurgany Poltavshchiny [Burial sites of Scythian time on Middle Don and kurgans of Poltava region]. *Bel'skoe gorodishche v kontekste izucheniya pamyatnikov rannego zhelezного века Evropy* [Bel'sk hillfort in context of research of sites of Early Iron Age of Europe]. A. B. Suprunenko, ed. Poltava: Tsentr okhrany i issledovaniy pamyatnikov arkheologii, pp. 312–317.
- Gulyaev V. I., 2000. Ob etnokul'turnoy prinalozhnosti naseleniya Srednego Dona v V–IV vv. do n. e. [On ethno-cultural attribution of population of Middle Don in V–IV cc. BC]. *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n. e.: paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya* [Scythians and Sarmatians in VII–III cc. BC: palaeoecology, anthropology and archaeology]. V. I. Gulyaev, V. S. Ol'khovskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 145–153.
- Gulyaev V. I., 2009. Pogrebal'nyy obryad kak etnoistoricheskiy istochnik (po materialam srednedonskikh kurganov skifskogo vremeni) [Burial rite as ethno-historic source (based on materials of Middle Don kurgans of Scythian time)]. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: trudy Donskoj arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2004–2008 gg.* [Archaeology of Middle Don in Scythian epoch: proceedings of Don archaeological expedition of IA RAS, 2004–2008]. V. I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 10–26.
- Il'inskaya V. A., 1968. Skify dneprovskogo lesostepnogo levoberezh'ya (kurgany Posul'ya) [Scythians of Dnieper left bank forest steppe (kurgans of Sula region)]. Kiev: Naukova dumka. 267 p.
- Il'inskaya V. A., 1975. Ranneskifskie kurgany basseyna r. Tyasmin (VII–VI vv. do n. e.) [Early Scythian kurgans of Tyasmin River basin (VII–VI cc. BC)]. Kiev: Naukova dumka. 223 p.
- Kovpanenko G. T., 1981. Kurgany ranneskifskogo vremeni v bassejne r. Ros' [Kurgans of early Scythian time in Ros' River basin]. Kiev: Naukova dumka. 160 p.
- Kovpanenko G. T., Bessonova S. S., Skoryy S. A., 1989. Pamyatniki skifskoy epokhi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezh'ya (Kievo-Cherkasskiy region) [Sites of Scythian epoch in Dnieper Right bank forest steppe (Kiev-Cherkassy region)]. Kiev: Naukova dumka. 336 p.

- Kulatova I. N., Lugovaya L. N., Suprunenko A. B., 1993. Kurgany skifskogo vremeni mezhdurech'ya Vorskly i Psla [Kurgans of Scythian time in Vorskla and Psel interfluve]. Poltava: Poltavskoe nauchnoe kraevedcheskoe obshchestvo. 107 p.
- Liberov P. D., 1965. Pamyatniki skifskogo vremeni na Srednem Donu [Sites of Scythian time on Middle Don]. 111 p. (SAI).
- Medvedev A. P., 1990. Otchet skifo-sarmatskogo otryada arkheologicheskoy ekspeditsii Voronezhskogo universiteta o rabotakh v 1989 godu [Report of Scythian-Sarmatian group of archaeological expedition of Voronezh university on works in 1989]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Medvedev A. P., 1999. Ranniy zheleznyy vek lesostepnogo Podon'ya [Early Iron Age of Don forest-steppe region]. Moscow: Nauka. 160 p.
- Moruzhenko A. A., 1989. Istoriko-kul'turnaya obshchnost' lesostepnykh plemen mezhdurech'ya Dnepra i Dona v skifskoe vremya [Historic-cultural entity of forest-steppe tribes in Dnieper and Don interfluve in Scythian time]. *SA*, 4, pp. 25–41.
- Ol'khovskiy V. S., 1986. Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' v sisteme vzaimosvyazi ponyatiy [Burial and funeral rites in system of concepts interrelation]. *SA*, 1, pp. 65–77.
- Petrenko V. G., 1967. Pravoberezh'e Srednego Pridneprov'ya v V–III vv. do n. e. [Middle Don Right bank region in V–III cc. BC]. Moscow: Nauka. 180 p. (SAI.)
- Puzikova A. I., 1999. Torgovye, ekonomicheskie i etnokul'turnye svyazi srednedonskikh plemen v ranem zheleznom veke [Commercial, economic and ethno-cultural connections of Middle Don tribes in Early Iron Age]. *Evrasiyskie drevnosti. 100 let B. N. Grakovu: arkhivnye materialy, publikatsii, stat'i* [Eurasian antiquities. Centenary of B.N. Grakov: archive materials, publications, articles]. A. I. Melyukova, M. G. Moshkova, V. A. Bashilov, eds. Moscow: IA RAN, pp. 275–282.
- Puzikova A. I., 2001. Kurgannye mogil'niki skifskogo vremeni Srednego Podon'ya (Publikatsiya kompleksov) [Kurgan cemeteries of Scythian time in Middle Don region (Publication of complexes)]. Moscow: Indrik. 272 p.
- Savchenko E. I., 2001. Mogil'nik skifskogo vremeni «Ternovoe 1 – Kolbino 1» na Srednem Donu (pogrebal'nyy obryad) [Cemetery of Scythian time «Ternovoe 1 – Kolbino 1» on Middle Don (burial rite)]. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: trudy Potudanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 1993–2000 gg.* [Archaeology of Middle Don in Scythian epoch: transactions of Potudan archaeological expedition of IA RAS, 1993–2000]. V. I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 53–144.
- Shramko B. A., 1987. Bel'skoe gorodishche skifskoy epokhi (gorod Gelon) [Bel'sk hillfort of Scythian epoch (city of Gelon)]. Kiev: Naukova dumka. 184 p.
- Smirnov K. F., 1964. Savromaty [The Sauromatians]. Moscow: Nauka. 381 p.
- Smirnov K. F., 1984. Sarmaty i utverzhdenie ikh politicheskogo gospodstva v Skifii [Sarmatians and maintenance of their political domination in Scythia]. Moscow: Nauka. 184 p.
- Terenozhkin A. I., 1961. Predskifskiy period na Dneprovskom Pravoberezh'e [Pre-Scythian period in Dnieper Right bank region]. Kiev: AN USSR. 246 p.

About the author

Volodin Semyon A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: volodinsaimon@gmail.com

С. В. Шарапова

ИСКУССТВЕННАЯ ДЕФОРМАЦИЯ ЧЕРЕПА В САРГАТСКОЙ СРЕДЕ (БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Резюме. В статье рассматриваются немногочисленные случаи преднамеренной деформации головы среди населения саргатской культуры раннего железного века Зауралья и Западной Сибири. Анализируемые источники представлены опубликованными и архивными данными раскопок курганных могильников, а результаты палеоантропологического изучения даны в археологическом контексте, что расширяет возможности в интерпретации саргатских древностей. Приводятся данные радиоуглеродного анализа погребений притобольской локальной серии, иллюстрирующие наиболее ранние примеры деформации циркулярного типа в саргатской среде. Представляется, что проникновение этой практики, все же не получившей в лесостепи заметного распространения, связано с номадами. Это обстоятельство подкрепляет высказанную ранее гипотезу, что саргатская аристократия еще в период становления и расцвета культуры в середине – второй половине I тыс. до н. э. формировалась в значительной степени выходцами из кочевой среды. С этой точки зрения события рубежа эр на периферии кочевого мира представляют несомненный интерес.

Ключевые слова: Зауралье и Западная Сибирь, саргатская культура, погребения, преднамеренная деформация, морфотипы.

В настоящее время известно большое количество антропологических коллекций, в которых зафиксирована преднамеренная деформация головы. Применительно к эпохе железа этот обычай представлен преимущественно в кочевнических погребениях степного пояса Евразии. Не столь массовые, но и не такие уж редкие находки прижизненно деформированных черепов кольцевого типа (Жиров, 1940) известны в лесостепной зоне – в комплексах, относимых к саргатской культуре (Погодин, Труфанов, 1991; Матвеева, 1994; Культура зауральских скотоводов..., 1997; Багашев, 2000; Ковригин и др., 2006; Ражнев, 2009; Чикунова,

2017; *Шарапова*, 2001)¹. Такие захоронения есть в могильниках всех локальных групп от Барабы до Притоболья (рис. 1). Причем на востоке саргатского ареала случаи кольцевой деформации единичны², а наиболее многочисленные серии зафиксированы в Прииртышье (еще и потому, что здесь раскопано самое большое количество саргатских курганов) и Приишимье (в частности, в могильнике Абатский 3 деформированные черепа составляют 30 %). Среди рассматриваемых ниже некрополей самым северным в ареале саргатских древностей является Ипкульский (*Корякова, Федоров*, 1993; *Чикунова*, 2017), расположенный в подтаежной зоне Нижнего Притоболья, а самым южным комплексом – погребение кургана 2 могильника Покровский в степях Северного Казахстана (*Боталов, Гуцалов*, 2000. С. 58–60)³. Таким образом, по опубликованным и доступным отчетным материалам автором статьи учтено 38 деформированных черепов⁴ с явным преобладанием мужских над женскими (в общесаргатской курганной выборке соотношение скелетов – 1,75:1 (*Ражев*, 2009. С. 50)). К сожалению, здесь не рассматриваются коллекции барабинской локальной серии, так как для проведения корреляции археологических и антропологических данных она оказалась неинформативной, поскольку отсутствует основной компонент анализа – контекст. Относительно небольшая выборка позволяет в ряде случаев провести подробный обзор этого немногочисленного сегмента саргатской популяции и сравнить разные аспекты, в результате чего общая картина дополняется деталями, которые дают возможность увидеть частное через общее и общее через индивидуальное.

При рассмотрении планиграфии могильных ям можно отметить, что **мужские** захоронения располагались преимущественно по периферии подкурганной площадки. Некоторые, бесспорно, были впускными. Более половины неграбленных погребений (например, Карташево 2, к. 6, п. 4, 40–60 лет; Гаевский 1, к. 6, п. 2, 20–25 лет; Ипкульский, к. 1, п. 3, взрослый; Абатский 1, к. 3, п. 4, 30–35 лет) содержали довольно стандартный набор инвентаря, состоявший из меча (в некоторых случаях в паре с кинжалом); железных и костяных

¹ В статье привлекаются результаты совместных работ с А. А. Ковригиным, Л. Н. Коряковой и Д. И. Ражевым, которым выражаю искреннюю признательность за сотрудничество. Слова благодарности адресованы В. Ю. Малашеву за консультации по вопросам датировки, И. Ю. Чикуновой за комментарии к материалам Ипкульского могильника.

² Поскольку не во всех отчетах и публикациях есть антропологические определения, в основе статьи – данные анализа, предпринятого Д. И. Ражевым. В исследованной им барабинской серии деформированных черепов не оказалось (могильники Марково 1, Абрамово 4, Венгерovo 1, 7) (*Ражев*, 2009. С. 151, 152), однако приводятся ссылки на старые раскопки Усть-Тартасского могильника С. М. Чугуновым и изучение этих материалов В. А. Дремовым (Там же). Кроме того, А. Н. Багашев упоминает о двух мужчинах (Старый Сад, к. 33, п. 2, 3), черепа которых демонстрируют кольцевую деформацию (*Багашев*, 2000. С. 87).

³ К числу саргатских этот памятник относил еще В. А. Могильников (*Могильников*, 1992. С. 294. Карта 20).

⁴ Используются антропологические определения Д. И. Ражева, которые вошли в основу анализируемой автором базы данных, составленной по опубликованным и архивным материалам раскопок могильников саргатской культуры.

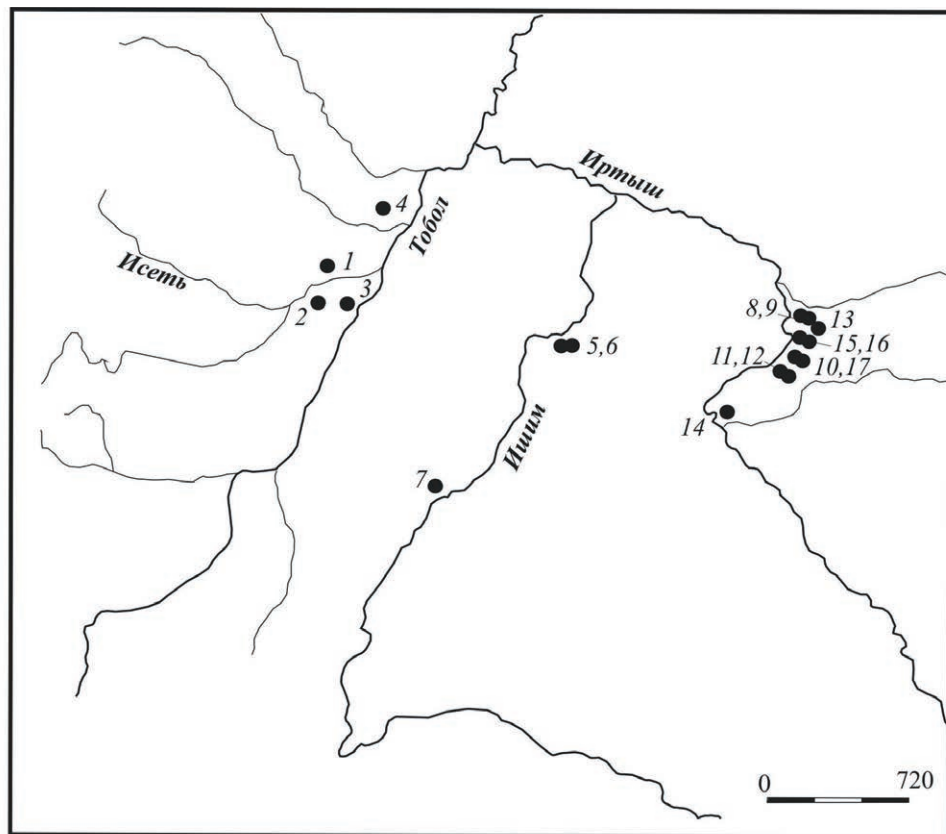

Рис. 1. Схема расположения саргатских могильников, из которых происходят погребения с деформированными черепами

1 – Гаевский 1; 2 – Мурзинский 1; 3 – Карасье 9; 4 – Ипкульский; 5, 6 – Абатские 1 и 3; 7 – Покровский; 8, 9 – Бещаул 2 и 3; 10, 17 – Богдановка и Богдановка 3; 11, 12 – Исаковка 1 и 3; 13 – Карташево 2; 14 – Коконовка 2; 15, 16 – Стрижево 1 и 2

черешковых наконечников стрел, реже – вместе с костяными накладками лука; удила с кольцевыми или стержневидными псалиями и сосудов (Могильников, 1982; Культура зауральских скотоводов..., 1997; Корякова, Федоров, 1993; Матвеева, 1994). Зачастую статус маркировался и другими престижными предметами. Так, в Абатском 3 могильнике (к. 2, п. 7, ск. 1, 20–30 лет) в ногах находился бронзовый котел (Матвеева, 1994). Иной инвентарь представлен бытовыми ножами, бронзовыми и железными пряжками, мелкими элементами сбруи, полусферическими заклепками, гвоздиками, серьгой и т. п. Обращает внимание и некая оснащенность умерших полным арсеналом оружия ближнего и дальнего боя, что, следуя социальной модели, предложенной Н. П. Матвеевой, было свойственно представителям аристократии (Матвеева и др., 2005. С. 164). К настоящему времени известно всего одно безынвентарное

погребение (Стрижево 1, к. 11, п. 2, ск. 1), а также четыре, в которых есть только костяные стрелы (Покровский, к. 2, п. 1) или аналогичные стрелы, но в комплекте с ножом (Стрижево 1, к. 13, п. 1, ск. 1; Ипкульский, к. 4, п. 1) или с бронзовыми пряжками с овальными рамками без щитков и подвижным язычком (Ипкульский, к. 5, п. 1), отличные от основного массива погребений «деформантов» с ярко выраженной воинской экипировкой (Погодин, 1992; Боталов, Гуцалов, 2000; Чукунова, 2017).

Как правило, все известные синхронные саргатские неграбленные погребения мужчин с обычной формой черепа демонстрируют менее выразительный «ансамбль»: в частности, кинжал вместо меча отмечен в п. 1, к. 6 могильника Гаевский 1; отсутствует конская упряжь, например в п. 7, к. 4 и п. 3, к. 5 могильника Абатский 3. Кроме того, во всех рассматриваемых могилах расчищено довольно много остатков еды в виде скоплений костей животных (от одного до двух), а также пища, содержавшаяся в сосудах. Известно, что мясо, равно как и другую заупокойную пищу, принято рассматривать в качестве дополнительного маркера ранга, ибо высокое социальное положение нередко подчеркивалось количеством и/или разнообразием подносимой или жертвенной пищи (Wilkins, Hill, 2006. Р. 42, 43).

В ограбленных могилах найдены наконечники стрел, накладки лука, пряжки, фрагменты от клинковых орудий, импортная фляга, серьга. Такой набор – остатки некогда богатого, судя по сохранившимся предметам, сопроводительного инвентаря – зафиксирован в захоронении мужчины 20–25 лет из Мурзинского 1 могильника (к. 6, п. 4) (Daire et. al., 2002). Весьма схоже с рассматриваемой группой п. 6, к. 2 могильника Исаковка 3 (20–30 лет), где среди обломков костей встречены железные и костяные наконечники стрел, накладка лука, фрагменты удила (Погодин, Труфанов, 1991). Тем не менее, с точки зрения социального статуса умерших, данная серия довольно однородна. Погребальный инвентарь маркирует статус воина. Возраст этих представителей военно-дружинного слоя – не моложе 20 лет, что в целом укладывается в рамки как общих представлений, так и исследований возрастных аспектов саргатской погребальной практики. Так, Н. П. Матвеева отмечает, что в последних веках до н. э. появилась прослойка вооруженных преимущественно молодых мужчин (по численности могил данного типа около 26,6% всего мужского населения), и отнесла их к членам военных дружин (Матвеева, 2005. С. 147).

В определенной мере согласуются с этими наблюдениями и данные посткраниального изучения. В ходе проведенного Д. И. Ражевым анализа маркеров физической активности – мест прикрепления мышц и связок, артрозных проявлений на суставных поверхностях – гендерные составляющие взрослой части саргатской популяции были разделены на две морфологические группы, условно названные «активный» и «спокойный» морфотипы. Представители «активного» морфотипа сильного пола, судя по развитости скелетно-мышечного рельефа, имели по сравнению с мужчинами «спокойного» морфотипа более разнообразную и интенсивную физическую активность, которая носила в основном силовой, а не скоростной характер (Ражев, 2009. С. 251–314). Сопоставление результатов краниометрического анализа и реконструкции физической активности выявило циркулярную деформацию головы *только* у мужчин «активного»

морфотипа⁵. Череп одного мужчины, помимо следов деформации, имел проникающее отверстие от стрелы (Богдановка, к. 6, п. 11, ск. 1, 22–25 лет). Примечательно, что в этой же могиле находились скелетные останки еще одного мужчины (ск. 2, 25–35 лет), отнесенного к «спокойному» морфотипу. Наличие костей скелета от двух индивидов позволило В. А. Могильникову отнести это ограбленное погребение к парным (Могильников, 1975), остатки вещевого комплекса которого включали золотые и бронзовые бляшки, фрагменты золотой спирали, костяные и железные наконечники стрел, колчаный крюк и серебряную обойму⁶. В саргатском мире известны подобные захоронения мужчины и женщины с ребенком, мужчины с ребенком, равно как и однополые погребения – как женские, так и мужские (Полосьмак, 1987. С. 27; Корякова, 1994. С. 142). В материалах наших раскопок в Притоболье чаще встречаются случаи введения одной могилы в другую без изменения формы и направления ориентировки ямы⁷. Например, подобный вариант устройства «ярусных» погребений и попадания в контуры конструкции зафиксирован в центре кургана 5 Гаевского 1 могильника. В центральной могильной яме 1 идентифицированы кости от двух мужских индивидов одного возраста (35–40 лет), один отнесен к «спокойному» морфотипу, другой – к «активному». Зафиксированное сходство морфологического строения костей индивидов говорит о кровном родстве (Культура зауральских скотоводов..., 1997. С. 95).

Выявленные патологии, ввиду малочисленности выборки «деформантов», все же корректнее рассматривать внутри группы «активного» морфотипа, которая представлена в том числе и этими мужчинами. По наличию и степени выраженности поротического гиперстоза на черепях саргатской выборки не зафиксировано различий ни между локальными сериями, ни между временными периодами. Статистическая разница, обнаруженная Д. И. Ражевым, более иллюстрирует отличия между мужской и женской выборками, а также между морфотипами. В целом для саргатской краниологической серии свойственны слабые и средние проявления дефекта (баллы от 1 до 3), с небольшой доминантой у индивидов, отнесенных к «активному» морфологическому типу (Ражев, 2009. С. 338).

Распространенность линейной гипоплазии эмали зубов свидетельствует, что дети вне зависимости от пола в равной мере были подвержены воздействию неблагоприятных условий, приводивших к истощению организма и задержкам развития и роста коронок постоянных зубов. Однако в наиболее выгодном

⁵ Здесь необходимо иметь в виду, что степень информативности скелетных останков плохой сохранности или происходящих из разрушенных погребений различна. На некоторых анатомически целых костях не зафиксированы патологические изменения из-за плохой сохранности надкостницы. В то же время в ограбленном захоронении при отсутствии черепа наличие костей посткрана позволяет реконструировать особенности образа жизни индивида.

⁶ Помимо сложности в определении принадлежности этих находок конкретному индивиду, данный пример наглядно иллюстрирует трудности работы со старыми неопубликованными коллекциями.

⁷ Участие полевых антропологов П. Курто и Д. И. Ражева в процессе раскопок обеспечивало достоверность тафономических реконструкций.

положении оказывались все же те, кто впоследствии сформировал «спокойный» морфотип. Для 80 % мужчин «активного» морфотипа отмечается эмалевая гипоплазия на резцах и клыках (*Шарапова, Ражев, 2016. С. 63*). В группе последних, как уже отмечалось, находятся и мужчины с деформированными черепами (например, уже упоминавшиеся из п. 6, к. 2 Исаковка 3; п. 2, к. 6 Гаевский 1). Зубные патологии также представлены кариесом, умеренными отложениями камня, прижизненной утратой зубов.

Только у двух мужчин на черепе помимо прижизненной деформации имеются следы проникающих ранений, отнесенных к категории боевых (ск. 1, п. 11, к. 6 Богдановка; взрослый из п. 3, к. 1 Ипкульского могильника). Переломы элементов посткраниального скелета малочисленны как в общесаргатской выборке, так и среди тех мужчин, чей череп деформирован. Так, общее число длинных костей, несущих переломы, составляет 14 экз. из 830 обработанных элементов (*Ражев, 2009. С. 306*). Травма коленного сустава обнаружена в п. 4, к. 3, Гаевского 1 могильника (35–40 лет, «активный» морфотип). Ранее уже было высказано предположение, что курганный выборка саргатского общества демонстрирует крайне низкий уровень травматизма по сравнению с материалами раннего железного века за пределами саргатской ойкумены (*Шарапова, Ражев, 2013*). Причины возникновения посткраниальных повреждений различны, с равной долей вероятности они могут быть и следствием агрессии, и определенных рисков, связанных с верховой ездой. К последствиям таковых можно отнести хроническое заболевание сустава лодыжки, выявленное у молодого мужчины (Гаевский 1, к. 6, п. 2), вызванное травмой стопы. Кроме того, у него определен ряд остеологических патологий, встречающихся в основном у людей пожилого возраста (Культура зауральских скотоводов..., 1997. С. 102). Жившие переломы ребер отмечены у ск. 1, п. 2, к. 11 Стрижево 1 (*Погодин, 1992*).

Радиоуглеродные даты, полученные для захоронений мужчин из могильников Мурзинский 1 (к. 6, п. 4) (Ле-5512, 2040 ± 70 BP, в календарном интервале 210 г. до н. э. – 130 г. н. э.) и Гаевский 1 (к. 6, п. 2) (Ле-5516, 1980 ± 30 BP, в интервале календарного времени 50 г. до н. э. – 80 г. н. э.), иллюстрируют наиболее ранние примеры кольцевой деформации (рис. 2, 2, 3) в саргатской среде. Остальные комплексы, очевидно, более поздние.

Женская выборка не столь социально однородна. Есть сведения о трех центральных ограбленных захоронениях в могильниках Прииртышья (Богдановка 3, к. 1, п. 1, 30–40 лет; Стрижево 2, к. 2, п. 8, ск. 1, 50–70 лет; Стрижево 2, к. 8, п. 2, ск. 1, 30–40 лет) (*Могильников, 1977; Погодин, 1988*). Высокий социальной статус женщины из Богдановки 3 нашел воплощение в погребальной конструкции и трудозатратах на ее сооружение, а также в богатстве сопутствующего инвентаря. Автор раскопок отмечает наличие шатрового и поперечного перекрытия (синхронного и для боковой могилы), нашивной бляшки из листового золота, бронзового котла на поддоне и литого бронзового блюда (*Могильников, 1977*). Пожалуй, это единственное индивидуальное погребение подобного рода. По совокупности маркеров физических нагрузок покойная отнесена к «активному» морфотипу. Боковые неграбленные погребения женщин с деформированными черепами выявлены на Ишиме и Тоболе, такая степень сохранности отличает их от материалов Прииртышья.

Рис. 2. Кольцевая деформация

1 – Карасье 9, к. 11, п. 2, женщина, 40–50 лет, «спокойный» морфотип; 2 – Гаевский 1, к. 6, п. 2, мужчина, 20–25 лет, «активный» морфотип; 3 – Мурзинский 1, к. 6, п. 4, мужчина, 20–25 лет, «активный» морфотип

В рассматриваемой выборке отсутствуют предметы тяжелого вооружения, чаще представлены гендерно-нейтральные наборы (керамика, кости животных, ножи) и гендерные стереотипы (женщина = украшение). По качественному и количественному составу инвентаря эти комплексы условно могут быть разделены на две категории. Одна представлена парным погребением – женщина 20–25 лет, «активный» морфотип, и девочка 7 лет (Абатский 3, к. 2, п. 5) (Матвеева, 1994). Расчищенный в могиле инвентарь разнообразен: золотые серьги со щитком, бронзовая плоская прямоугольная подвеска, бронзовое зеркало, железное кольцо, пряслице, железные нож, обоймы, удила и псаии, 4 лепных сосуда и кости животных.

Другая категория включает наименее обеспеченные инвентарем впускные могилы пожилых женщин. Это представительницы «спокойного» морфотипа (Абатский 3, к. 4, п. 6, 40–50 лет; Карасье 9, к. 11, п. 2, 40–50 лет) (Матвеева, 1994; Шарапова, 2001). Их сопровождали по два сосуда и нож (в первом случае) или кости животного (во втором). Сходная ситуация зафиксирована Л. И. Погодиным и А. Я. Труфановым в п. 8 к. 3 могильника Исаковка 3: захоронение

женщины 30–40 лет также было впускным, сопроводительный инвентарь состоял из двух сосудов, ножа, пряслица и мелкого кусочка железа (*Погодин, Труфанов, 1991*). У данного индивида наблюдаются краевые костные разрастания на позвонках, крестце, в области подвздошного сустава. Подобные дефекты относятся к преждевременным проявлениям старения, вызванного болезнью, которая ограничивала подвижность еще не старых людей (*Рохлин, 1965*. С. 54).

Сопоставление краниометрических характеристик и маркеров физической активности выявило в женской деформированной серии представительниц и «спокойного» и «активного» морфотипов. Примечательно, что в рассматриваемой группе практически нет следов травматических поражений. Единственный заживший перелом нижней челюсти диагностирован у женщины 25–35 лет «активного» морфотипа (Абатский 3, к. 2, п. 10, ск. 3). Малочисленность выборки и разная сохранность скелетных останков не позволяют оперировать статистически достоверными выводами. В целом можно отметить, что частота встречаемости отдельных патологических изменений (поротический гиперстоз, линейная гипоплазия эмали зубов) у разных морфотипов для женщин с измененной формой головы схожа с той, что наблюдается у представительниц с обычной формой головы.

Изменения на лобковых частях таза, сопутствующие вынашиванию плода и многократным родам, отмечены у женщины из могильника Карасье 9 (*Ковригин и др., 2006*). Этот комплекс по целому ряду черт выделяется как в мужской, так и в женской серии. Прежде всего тем, что наблюдается очень сильная деформация, значительно превышающая показатели этого признака из других саргатских могильников и больше соответствующая кочевнической традиции (рис. 2, 1; 5). Кроме того, в могиле (рис. 3), кроме напутственной пищи (в сосудах и в виде куска мяса), вообще не найдено никакого инвентаря, в том числе самых простых украшений, что в целом не характерно для таких могильников (*Матвеева, 2000*. С. 182). Да и сами сосуды обнаруживают больше параллелей вне саргатской территории: в керамике из погребений сарматов Поволжья и Южного Приуралья начала н. э. (*Скрипкин, 1990*. С. 275, 276. Рис. 49, 50), а также из курганов Урало-Казахстанских степей II–IV вв. н. э. (*Боталов, Гуцалов, 2000*. С. 40–46. Рис. 9–12 и др.). Очень близкие по стилистике экземпляры есть и среди посуды джетыясарской культуры в Восточном Приаралье, для которой характерен орнамент в виде т. н. горизонтального рифления горловины (*Левина, 1992*. С. 66–68. Табл. 21). Кроме того, проведенная полевыми антропологами реконструкция тафономических процессов предполагает длительное хранение и транспортировку тела, которая заняла от нескольких недель до нескольких месяцев (*Ковригин и др., 2006*. С. 193, 194). Такая практика отсроченного захоронения и морфологические характеристики черепа позволили авторам предположить, что погребенная обладала особым статусом и была связана своим происхождением с кочевниками (Там же. С. 202). Комбинированная дата по костям – 200 г. до н. э. – 10 г. н. э. (Ле-7237, 1950 ± 100 ВР; Ле 7238, 2270 ± 120 ВР) (рис. 4).

Частный случай прижизненной деформации черепа *ребенка* 8–9 лет зафиксирован в захоронении пяти человек в Абатском 3 могильнике (к. 2, п. 7, ск. 3) (*Матвеева, 1994*. С. 132–135). Интересно, что у двоих (ск. 1 и 3) из пяти индивидов форма головы была намеренно изменена.

Рис. 3. Могильник Карасье 9, курган 11, погребение 2. Фото

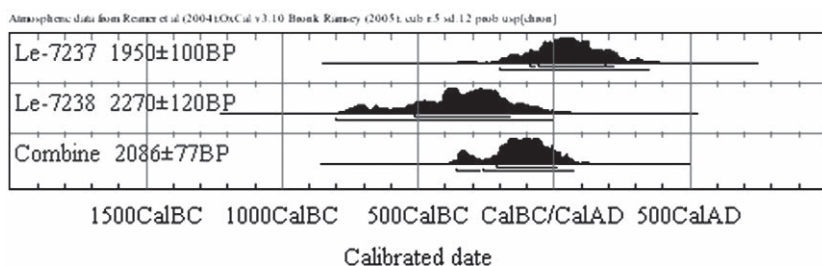

Рис. 4. Могильник Карасье 9,
курган 11, погребение 2.
Отрезок калибровочной кривой
и интервалы календарного возраста

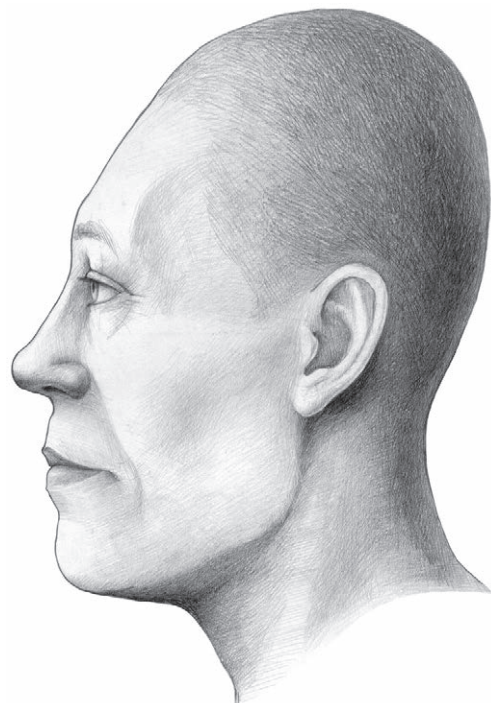

Рис. 5. Могильник Карасье 9,
курган 11, погребение 2.
Графическая реконструкция.
Автор Е. А. Алексеева

В настоящее время сформировалось устойчивое мнение, что практика кольцевой деформации головы не является специфически гуннской, а связана с ираноязычной кочевой средой (Тур, 1996; Пежемский, 2000; Ходжайов, 2000; Балабанова, 2004; Казанский, 2006; Перерва и др., 2013; и т. д.). На основании этих публикаций автором и коллегами уже была предложена ретроспектива распространения этого обычая в зауральской лесостепи (Ковригин и др., 2006). Суть ее сводится к следующему. Наиболее ранние случаи лобно-теменной деформации в раннем железном веке Т. К. Ходжайов связывает с раннесакскими племенами Восточного Приаралья. Позднее, в III в. до н. э. – I в. н. э., этот обычай начинает распространяться в нескольких направлениях. Он выявлен на западе – у скотоводческого населения Восточного Прикаспия – и на востоке: в Ташкентском оазисе, Северной Фергане, Тянь-Шане. Однако число людей, придерживающихся этого обычая, было небольшим. Отмечается и другой, основной, путь распространения, направленный на юг: через Центральные Кызылкумы, в среднее течение Заравшана, в Кашкадарьинскую и Сурхандарьинскую долины. Все погребения, в которых здесь выявлена лобно-затылочная деформация, оставлены скотоводческим населением. С рубежа эр удельный вес такого рода деформации увеличивается в Северной Бактрии. Она известна как у скотоводческого населения, так и среди жителей античных городов и крупных укрепленных поселений первых веков нашей эры (Ходжайов, 2000).

Появление в саргатской среде деформации именно такого типа позволяет обозначить еще один – северный – вектор распространения этого обычая. Наиболее вероятно, проникновение этого обряда в лесостепь осуществлялось благодаряномадам Восточного Приаралья и прилегающих территорий. Надо сказать, что и сама лесостепная аристократия еще в период становления и расцвета саргатской культуры в середине – втор. пол. I тыс. до н. э. формировалась в значительной степени выходцами из кочевой среды. В этой связи примечательны результаты палеогенетических исследований, которые демонстрируют внешнее генетическое влияние, отмеченное для обитателей Барабинской лесостепи раннего железного века. Ряд линий в генофонде саргатской популяции свидетельствует о наличии генетических связей с населением Средней и Передней Азии и более южных регионов (Пилипенко и др., 2013). Несомненно, что «деформанты» принадлежали к саргатской аристократии. Однако макрокефалия все же не гарантировала ее обладателям высших ступеней. Большинство могил людей с деформированными черепами, хоть и содержали воинскую экипировку, все же заметно уступали погребальным комплексам, устроенным с особой пышностью и огромными трудозатратами. Среди мужчин с измененной формой головы нет представителей «спокойного» морфотипа. Напротив, женская выборка представлена обеими морфологическими группами. Небольшой процент деформированных черепов в саргатской популяции⁸ позволяет предположить, что численность таких людей лимитировалась смыслом этого обычая. Кроме

⁸ Массовое ограбление саргатских курганов, начавшееся с периодом русской колонизации Сибири, определило в том числе и представительность краниологической серии. Всего Д. И. Ражевым были проанализированы 195 черепов всех локальных серий (Ражев, 2009. С. 150, 151. Табл. 5.7).

того, саргатские материалы демонстрируют слабовыраженную циркулярную деформацию (Ражев, 2009. С. 164), что заметно отличает лесостепные комплексы от степных и таежных⁹.

Социальный аспект практики изменения естественной формы головы понятен. Со временем визуализация различий становится необходимой для манифестирования военного, социального или иного лидерства. Но также очевидно, что самостоятельное воплощение идей, порой заимствованных, является длительным процессом и сопровождается соответствующими навыками. Любые инновации раньше всего проникают в элитарную культуру, закрепляются и передаются внутри этой группы (Арутюнов, 1989. С. 187). С большой долей вероятности можно предполагать существование символически-ритуальной монополии элиты не только на предметы роскоши (Earle, 1991. Р. 1–15), но и на заимствования престижного плана. Поскольку изменение естественной формы головы возможно только в очень раннем детстве, именно взрослые (прежде всего женщины – носительницы традиции) оценивали социальные связи и принадлежность детей к социальным общностям и группам, определяя у подрастающих индивидов их – детей – осознание «Я». По мере развития/роста эта форма социальной идентичности становилась символом ранга, указывающим на положение того или иного индивида в системе вертикальных статусных отношений (Шарпова, Ражев, 2016. С. 68). Немногочисленные комплексы, подобные погребению из могильника Карасье 9, не только представляют захоронения пришлого степного населения, но и предполагают известную степень родства между индивидами из центральной и впускных могил.

В неопубликованных материалах по Прииртышью погребения с деформированными черепами датируются V–III вв. до н. э. Если придерживаться версии о южном импульсе традиции, едва ли эту дату можно признать безоговорочно. В могильнике Исаковка 3 в периферийных впускных могилах, откуда происходят деформированные черепа, встречены кинжалы без металлических наконечников и перекрестий, костяные накладки на лук, только черешковые наконечники стрел (Погодин, Труфанов, 1991. С. 108). Принимая во внимание совместное нахождение этих предметов в одной могиле, вполне возможно допустить более поздний возраст этих объектов. Приведенные данные и радиоуглеродные даты, полученные по Притоболью (см. выше), позволяют предполагать появление кольцевой деформации на территории саргатской культуры на рубеже эр. Что касается верхней границы распространения этого обычая, здесь уместно напомнить, что среди саргатских коллекций отсутствуют комплексы позднее конца II – перв. пол. III в. н. э. (Зыков, Федорова, 2001. С. 20; Ковригин, 2007; Зыков, 2012. С. 47). На сегодняшний день позднесаргатские материалы известны в могильниках Абатский 3 и Ипкульский, Покровский и Явленка, расположенных на северной и южной границах саргатского ареала и датированных III–IV вв. н. э.¹⁰

⁹ В III–IV вв. н. э. в таежной зоне Западной Сибири деформация приобрела значительную выраженность, но по-прежнему охватывала немногочисленный сегмент общества.

¹⁰ К такой хронологической оценке позволяет склоняться ременная застежка из п. 1 к. 5 Ипкульского могильника (Чикунова, 2017. С. 84, 87. Рис. 4, Б). Показательны такие особенности морфологии пряжки, как утолщение рамок в передней части и язычки

Однако при характеристике трансформаций культурного ландшафта лесостепи в эпоху железа все же необходимо разделять понятия собственно саргатской культуры и ареала саргатских стереотипов, которые, в частности, проявлялись и в погребальном обряде (Корякова, 1991).

Очевидно, что при рассмотрении динамики распространения кольцевой деформации в саргатской среде данное обстоятельство принципиально. Представляется, что на рубеже II–III вв. н. э., испытав сокрушительное влияние внешних факторов, саргатская элита перестала играть консолидирующую роль. Небольшая группа населения, пережив исчезновение культуры в лесостепи, оставила памятники у озера Ипкуль с разнотипными керамическими традициями. Другая часть закрепились в Приишимье, определив не только своеобразие краиниологической серии Абатских могильников, но и принадлежность саргатских и кашинских древностей близкой культурной среде с фиксируемой на керамике орнаментальной и морфологической непрерывностью. Расположенные на периферии, эти комплексы демонстрируют дисперсное существование осколков саргатского мира в Тоболо-Иртышском междуречье.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнов С. А., 1989. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука. 247 с.
- Багашев А. Н., 2000. Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука. 374 с.
- Балабанова М. А., 2004. О древних макрокефалах Восточной Европы // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 171–185.
- Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю., 2000. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Рифей. 267 с.
- Жиров Е. В., 1940. Об искусственной деформации головы // КСИИМК. Вып. VIII. М.; Л.: АН СССР. С. 81–88.
- Зыков А. П., 2012. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековое и новое время. Екатеринбург: Уральский рабочий. 232 с.
- Зыков А. П., Федорова Н. В., 2001. Холмогорский клад: коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ. 176 с.
- Казанский М. М., 2006. Об искусственной деформации черепа у бургунов в эпоху Великого переселения народов // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 127–139.
- Ковригин А. А., 2007. К датировке Абатского-3 могильника // XVII Уральское археологическое совещание: мат-лы науч. конф. / Отв. ред. В. Т. Ковалева. Екатеринбург; Сургут: Магеллан. С. 194–198.
- Ковригин А. А., Корякова Л. Н., Курто П., Ражев Д. И., Шарапова С. В., 2006. Аристократические погребения могильника Карасье 9 // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: сб. статей к 70-летию А. Х. Пшеничникова / Отв. ред.: Г. Т. Обыденнова, Н. С. Савельев. Уфа: Гилем. С. 187–203.
- Корякова Л. Н., 1991. Саргатская культура или общность? // Проблемы изучения саргатской культуры: тез. докл. / Отв. ред. А. Я. Труфанов. Омск: Омск. ун-т. С. 3–8.
- Корякова Л. Н., 1994. Урало-Иртышская лесостепь // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: Томский ун-т. С. 113–169.

с выступом у основания. По наблюдениям В. Ю. Малашева, низкий выступ у основания язычка появляется около середины III в. н. э. и продолжает встречаться в IV в. н. э. (Малашев, 2000. С. 209, 210; 2014. С. 136, 139. Рис. 6).

- Корякова Л. Н., Федоров Р. О., 1993. Гончарные навыки зауральского населения в раннем железном веке (по материалам Ипкульского могильника) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье / Отв. ред. Л. Н. Корякова. Екатеринбург: УИФ Наука. С. 76–96.
- Культура зауральских скотоводов на рубеже эр: Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование / Под ред. Л. Н. Коряковой. Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. 180 с.
- Левина Л. М., 1992. Памятники джетыасарской культуры середины I тысячелетия до н. э. – середины I тысячелетия н. э. // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 61–72. Табл. 15–25. (Археология СССР.)
- Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра. С. 194–232.
- Малашев В. Ю., 2014. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Сарматы и внешний мир: материалы VIII Всероссийской (с международным участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» (Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12–15 мая 2014 г.) / Отв. ред.: Л. Т. Яблонский, Н. С. Савельев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН. С. 130–140. (Уфимский археологический вестник; вып. 14.)
- Матвеева Н. П., 1994. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука. 152 с.
- Матвеева Н. П., 2000. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск: Наука. 399 с.
- Матвеева Н. П., 2005. Саргатская культура Западной Сибири // Социальная структура ранних кочевников Евразии / Отв. ред.: Н. Н. Крадин, А. А. Тишкин, А. В. Харинский. Иркутск: Иркутский гос. технический ун-т. С. 129–151.
- Матвеева Н. П., Ларина Н. С., Берлина С. В., Чукунова И. Ю., 2005. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: СО РАН. 228 с.
- Могильников В. А., 1975. Отчет о работах Иртышского отряда в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5350.
- Могильников В. А., 1977. Отчет о работах Иртышского отряда Западносибирской экспедиции в 1976 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 6659.
- Могильников В. А., 1982. Отчет об археологических исследованиях курганов у с. Карташево в зоне мелиоративного строительства колхоза «Заветы Ленина» Муромцевского района Омской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10072.
- Могильников В. А., 1992. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 274–311. (Археология СССР.)
- Пежемский Д. В., 2000. Информативность скелетных остатков плохой сохранности (по материалам некрополя Сиреневая Бухта) // РА. № 4. С. 64–76.
- Перерва Е. В., Балабанова М. А., Зубарева Е. Г., 2013. Коллекция искусственно деформированных черепов научно-учебного кабинета-музея антропологии Волгоградского государственного университета (палеоантропология). Волгоград: Волгоградский филиал РАНХиГИС. 116 с.
- Пилипенко А. С., Полосьмак Н. В., Кобелева Л. С., Молодин В. И., Журавлев А. А., 2013. Первые данные о генофонде митохондриальной ДНК носителей саргатской культуры в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Ред.: А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Т. XIX. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 555–558.
- Погодин Л. И., 1988. Отчет об археологических раскопках курганов Стрижевского 2 и Стрижевского 3 могильников в Нижнеомском районе Омской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12374, 12374а, 12374б, 12374в.
- Погодин Л. И., 1992. Отчет об археологических исследованиях у б. д. Стрижево Нижнеомского района Омской области в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16289, 16290.
- Погодин Л. И., Труфанов А. Я. 1991. Могильник саргатской культуры Исакова-III // Древние погребения Обь-Иртышья / Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск: ОмГУ. С. 98–127.
- Полосьмак Н. В., 1987. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука. 144 с.
- Ражев Д. И., 2009. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН. 492 с.

- Рохлин Д. Г.*, 1965. Болезни древних людей. М.; Л: Наука. 305 с.
- Скрипкин А. С.*, 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Саратовский ун-т. 299 с.
- Тур С. С.*, 1996. К вопросу о происхождении и функциях обычая кольцевой деформации головы // Археология, антропология и этнография Сибири / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Алтайский гос. ун-т. С. 237–249.
- Ходжайов Т. К.*, 2000. Обычай преднамеренной деформации головы в Средней Азии // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии / Отв. ред.: Н. А. Дубова, Г. В. Рыкушина. М.: Старый Сад. С. 22–46. (Этническая антропология Средней Азии; вып. 2.)
- Чикунова И. Ю.*, 2017. Ипкульский курганный могильник (результаты раскопок 2010–2011 гг.) // АВ ORIGIN: археолого-этнографический сборник. Вып. 9. С. 79–110.
- Шарапова С.В.*, 2001. Отчет о раскопках погребального комплекса Карасье в Заводоуковском районе Тюменской области // Архив ИА РАН. Р.-1. б/н.
- Шарапова С. В., Ражев Д. И.*, 2013. Биоархеология черепных травм саргатского населения // АЭАЕ. № 1 (53). С. 143–154.
- Шарапова С. В., Ражев Д. И.*, 2016. Погребения саргатской культуры: новый взгляд на известные факты // РА. № 3. С. 60–72.
- Daire M.-Y., Koryakova L., Buldashev V., Courtaud P., Gonzalez E., Kovrigin A., Kosintsev P., Languet L., Makhonina G., Marguerie D., Pautreau J.-P., Razhev D., Sharapova S., Uge M.-C.*, 2002. Habitats et necropoles de l'Age du Fer au Carrefour de l'Eurasie: les fouilles de 1993 à 1997. Paris: De Boccard. 291 p.
- Earle T.*, 1991. Chiefdoms: Power, Economy and Ideology. Cambridge; New York; Melbourne: Cambridge University Press. 341 p.
- Wilkins J. M., Hill S.*, 2006. Food in the Ancient World. London: Blackwell Publishing. 300 p.

Сведения об авторе

Шарапова Светлана Владимировна, Институт истории и археологии УрО РАН, ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990, Россия; e-mail: svetlanasharapova01@mail.ru

S. V. Sharapova

ARTIFICIAL SKULL DEFORMATION IN THE SARGAT MILIEU (BIOARCHAEOLOGICAL ASPECT)

Abstract. The paper deals with rare cases of deliberate cranial deformation among the Iron Age Sargat culture in the Trans-Urals and Western Siberia. The examined records include published and archive materials from excavation of burial mounds, while results of paleopathological study correlate with archaeological context and thus extend our possibilities for further interpretations of the Sargat past. The paper introduces data of radiocarbon analysis obtained for Tobol local series illustrating the earliest examples of circular type deformation in the Sargat milieu. One may presume that penetration of this practice, which was not yet widespread in the forest-steppe, is related to the nomadic groups. This fact confirms previous hypothesis that during its formation and rising in the middle – second half of the I mill. BC the Sargat aristocracy largely consisted of representatives of nomadic groups. From this point of view the events on the turn of eras beyond the nomadic world are of particular interest.

Keywords: Trans-Urals and Western Siberia, Sargat culture, burials, deliberate deformation, morphotypes.

REFERENCES

- Arutyunov S. A., 1989. *Narody i kul'tury: razvitie i vzaimodeystvie* [Peoples and cultures: development and interaction]. Moscow: Nauka. 247 p.
- Bagashev A. N., 2000. Paleoantropologiya Zapadnoy Sibiri: lesostep' v epokhu rannego zheleza [Palaeoanthropology of West Siberia: forest-steppe in Early Iron Age]. Novosibirsk: Nauka. 374 p.
- Balabanova M. A., 2004. O drevnikh makrokefalakh Vostochnoy Evropy [On ancient macrocephales of Eastern Europe]. *OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii* [OPUS: Interdisciplinary investigations in archaeology], 3. Moscow: IA RAN, pp. 171–185.
- Botalov S. G., Gutsalov S. Yu., 2000. Gunno-sarmaty Uralo-Kazakhstanskikh stepey [Huns-Sartmatians of Ural-Kazakhstan steppes]. Chelyabinsk: Rifev. 267 p.
- Chikunova I. Yu., 2017. Ipkul'skiy kurgannyi mogil'nik (rezul'taty raskopok 2010–2011 gg.) [Ipkul' kurgan cemetery (results of excavations of 2010–2011)]. *AB ORIGIN: arkheologo-etnograficheskiy sbornik* [AB ORIGIN: archaeological-ethnographic annual], 9, pp. 79–110.
- Daire M.-Y., Koryakova L., Buldashev V., Courtaud P., Gonzalez E., Kovrigin A., Kosintsev P., Languet L., Makhonina G., Marguerie D., Pautreau J.-P., Razhev D., Sharapova S., Ugé M.-C., 2002. Habitats et nécropoles de l'Âge du Fer au Carrefour de l'Eurasie: les fouilles de 1993 à 1997. Paris: De Boccard. 291 p.
- Earle T., 1991. *Chieftdoms: Power, Economy and Ideology*. Cambridge, New York, Melbourne: Cambridge University Press. 341 p.
- Kazanskiy M. M., 2006. Ob iskusstvennoy deformatsii cherepa u burgundov v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [On artificial deformation of skulls among the Burgundians in Migration period]. *OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii* [OPUS: Interdisciplinary investigations in archaeology], 5. Moscow: IA RAN, pp. 127–139.
- Khodzhayov T. K., 2000. Obychay prednamerennoy deformatsii golovy v Sredney Azii [The custom of deliberate head deformation in Central Asia]. *Antropologicheskie i etnograficheskie svedeniya o naselenii Sredney Azii* [Anthropological and ethnographic information on population of Central Asia]. N. A. Dubova, G. V. Rykushina, eds. Moscow: Staryy Sad, pp. 22–46. (Ethnic anthropology of Central Asia, 2.)
- Koryakova L. N., 1991. Sargatskaya kul'tura ili obshchnost'? [Sargatskoe culture or entity?]. *Problemy izucheniya sargatskoy kul'tury: tezisy dokladov* [Problems of research of Sargatskoe culture: abstracts]. A. Ya. Trufanov, ed. Omsk: Omskiy universitet, pp. 3–8.
- Koryakova L. N., 1994. Uralo-Irtyshskaya lesostep' [Ural-Irtysh forest-steppe]. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri* [Essay on cultural genesis of West Siberian peoples], 2. *Mir real'nyy i potustoronniy* [Real and other world]. Tomsk: Tomskiy universitet, pp. 113–169.
- Koryakova L. N., Fedorov R. O., 1993. Goncharnye navyki zaural'skogo naseleniya v rannem zheleznom veke (po materialam Ipkul'skogo mogil'nika) [Pottery-making skills of Transural population in Early Iron Age (based on materials of Ipkul' cemetery)]. *Znaniya i navyki ural'skogo naseleniya v drevnosti i srednevekov'e* [Knowledge and skills of Uralian population in prehistory and Middle Ages]. L. N. Koryakova, ed. Yekaterinburg: Nauka, pp. 76–96.
- Kovrigin A. A., 2007. K datirovke Abatskogo-3 mogil'nika [Toward dating Abatskiy-3 cemetery]. *XVII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: materialy nauchnoy konferentsii* [XVII Uralian archaeological meeting: proceedings of scientific conference]. V. T. Kovaleva, ed. Yekaterinburg: Surgut: Magellan, pp. 194–198.
- Kovrigin A. A., Koryakova L. N., Kurto P., Razhev D. I., Sharapova S. V., 2006. Aristokraticheskie pogrebeniya mogil'nika Karas'e 9 [Aristocratic burials of cemetery Karas'e 9]. *Yuzhnyy Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya: sbornik statey k 70-letiyu A. Kh. Pshenichnyuka* [South Urals and adjacent territories in Scythian-Sarmatian time: collection of articles toward 70th anniversary of A. Kh. Pshenichnyuk]. G. T. Obyednova, N. S. Savel'ev, eds. Ufa: Gilem, pp. 187–203.
- Kul'tura zaural'skikh skotovodov na rubezhe er: Gaevskiy mogil'nik sargatskoy obshchnosti: antropologicheskoe issledovanie [Culture of Transuralian stock-breeders at the turn of epochs: Gaevskiy cemetery of Sargatskoe entity: anthropological research]. L. N. Koryakova, ed. Yekaterinburg: Ekaterinburg, 1997. 180 p.
- Levina L. M., 1992. Pamyatniki dzhetyasarskoy kul'tury serediny I tysyacheletiya do n. e. – serediny I tysyacheletiya n. e. [Sites of Djetyasar culture of mid I millennium BC – mid I millennium AD].

- Stepnaya polosa aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppe belt of Asiatic part of the USSR in Scythian-Sarmatian time]*. M. G. Moshkova, ed. Moscow: Nauka, pp. 61–72, pl. 15–25. (Arkheologiya SSSR.)
- Malashev V. YU., 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of strap sets of late Sarmatian time]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu [Sarmatians and their neighbors on the Don]*. Yu. K. Guguev, ed. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 194–232.
- Malashev V. Yu., 2014. Nekotorye aspekty kontaktov nositeley pozdnesarmatskoy kul'tury yuzhnoural'skikh stepey s naseleniem lesnoy i lesostepnoy polosy Povolzh'ya i Priural'ya [Some aspects of contacts of bearers of late Sarmatian culture in South Urals steppes with population of forest and forest-steppe zone of Volga and West Ural regions]. *Sarmaty i vneshniy mir: materialy VIII Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii» (IIYAL UNC RAN, 12–15 maya 2014 g.)*. [Sarmatians and outer world: proceedings of VIII All-Russian scientific conference (with international participation)] “Problems of Sarmatian archaeology and history” (IIYAL, UNTs RAN, 12-15 May 2014)]. L. T. Yablonskiy, N. S. Savel'ev, eds. Ufa: IIYaL UNC RAN, pp. 130–140. (UAV, 14.)
- Matveeva N. P., 1994. Ranniy zheleznyy vek Priishim'ya [Early Iron Age of Ishim region]. Novosibirsk: Nauka. 152 p.
- Matveeva N. P., 2000. Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom veke [Social-economic structures of population of West Siberia in Early Iron Age]. Novosibirsk: Nauka. 399 p.
- Matveeva N. P., 2005. Sargatskaya kul'tura Zapadnoy Sibiri [Sargatskoe culture of West Siberia]. *Sotsial'naya struktura rannikh kochevnikov Evrazii [Social structure of early nomads of Eurasia]*. N. N. Kradin, A. A. Tishkin, A. V. Kharinskiy, eds. Irkutsk: Irkutskiy gos. tekhnicheskii universitet, pp. 129–151.
- Matveeva N. P., Larina N. S., Berlina S. V., Chikunova I. Yu., 2005. Kompleksnoe izuchenie usloviy zhizni drevnego naseleniya Zapadnoy Sibiri [Complex research of life conditions of ancient population of West Siberia]. Novosibirsk: SO RAN. 228 p.
- Mogil'nikov V. A., 1975. Otchet o rabotah Irtyshskogo otryada v 1974 g. [Report on works of Irtysh group in 1974]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Mogil'nikov V. A., 1977. Otchet o rabotakh Irtyshskogo otryada Zapadnosibirskoy ekspeditsii v 1976 godu [Report on works of Irtysh group of West Siberian expedition in 1976]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Mogil'nikov V. A., 1982. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh kurganov u s. Kartashevo v zone meliorativnogo stroitel'stva kolkhoza «Zavety Lenina» Muromtsevskogo rayona Omskoy oblasti v 1981 g. [Report on archaeological investigations of kurgans near village Kartashevo in construction zone of irrigation system of collective farm «Zavety Lenina», Muromtsevskiy district, Omsk region in 1981]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Mogil'nikov V. A., 1992. Lesostep' Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri [Forest-steppe of Transurals and West Siberia]. *Stepnaya polosa aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppe belt of Asiatic part of the USSR in Scythian-Sarmatian time]*. M. G. Moshkova, ed. Moscow: Nauka, pp. 274–311. (Arkheologiya SSSR.)
- Pererva E. V., Balabanova M. A., Zubareva E. G., 2013. Kolleksiya iskusstvenno deformirovannykh cherepov nauchno-uchebnogo kabineta-muzeya antropologii Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta (paleoantropologiya) [Collection of artificially deformed skulls of scientific-educational cabinet-museum of anthropology of Volgograd State university (palaeoanthropology)]. Volgograd: Volgogradskiy filial RANHiGIS. 116 p.
- Pezhemskiy D. V., 2000. Informativnost' skeletnykh ostatkov plokhoy sokhrannosti (po materialam nekropolya Sirenevaya Bukhta) [The problem of informativeness of skeletal remains in poor state of preservation (Sirenevaya bukhta necropolis)]. *RA*, 4, pp. 64–76.
- Pilipenko A. S., Polos'mak N. V., Kobeleva L. S., Molodin V. I., Zhuravlev A. A., 2013. Pervye dannye o genofonde mitokhondriyal'noy DNK nositeley sargatskoy kul'tury v Barabinskoy lesostepi [First data on gene pool of mitochondrial DNA of bearers of Sargatskoe culture in Baraba forest-steppe]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]*, XIX. A. P. Derevyanko, V. I. Molodin, eds. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 555–558.

- Pogodin L. I., 1988. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh kurganov Strizhevskogo 2 i Strizhevskogo 3 mogil'nikov v Nizhneomskom rayone Omskoy oblasti v 1987 g. [Report on archaeological excavations of kurgans at cemeteries Strizhevskiy 2 and Strizhevskiy 3 in Nizhneomsk district, Omsk region in 1987]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Pogodin L. I., 1992. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh u b. d. Strizhevo Nizhneomskogo rayona Omskoy oblasti v 1991 g. [Report on archaeological investigations near former village Strizhevo Nizhneomsk district, Omsk region in 1991]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Pogodin L. I., Trufanov A. Ya., 1991. Mogil'nik sargatskoy kul'tury Isakovka-III [Cemetery Isakovka-III of Sargatskoe culture]. *Drevnie pogrebeniya Ob'-Irtys'h'ya* [Ancient burials of Ob'-Irtys'h' region]. V. I. Matyushchenko, ed. Omsk: Omskiy gos. universitet, pp. 98–127.
- Polos'mak N. V., 1987. Baraba v epokhu rannego zheleza [Baraba in Early Iron Age]. Novosibirsk: Nauka. 144 p.
- Razhev D. I., 2009. Bioantropologiya naseleniya sargatskoy obshchnosti [Bioanthropology of population of Sargatskoe entity]. Yekaterinburg: Institut istorii i arkheologii UrO RAN. 492 p.
- Rokhlin D. G., 1965. Bolezni drevnikh lyudey [Diseases of ancient people]. Moscow; Leningrad: Nauka. 305 p.
- Sharapova S. V., 2001. Otchet o raskopkakh pogrebal'nogo kompleksa Karas'e v Zavodoukovskom rayone Tyumenskoy oblasti [Report on excavations of burial complex Karas'e in Zavodoukovskiy district, Tyumen' region]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)
- Sharapova S. V., Razhev D. I., 2013. Bioarkheologiya cherepnykh travm sargatskogo naseleniya [Bioarchaeology of skull traumas of Sargatskoe population]. *AEAE*, 1 (53), pp. 143–154.
- Sharapova S. V., Razhev D. I., 2016. Pogrebeniya sargatskoy kul'tury: novyy vzglyad na izvestnye fakty [Burials of Sargat culture: a fresh look on known facts]. *RA*, 3, pp. 60–72.
- Skripkin A. S., 1990. Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i ee istoricheskiy aspekt [Asiatic Sarmatia. Problems of chronology and its historical aspect]. Saratov: Saratovskiy universitet. 299 p.
- Tur S. S., 1996. K voprosu o proiskhozhdenii i funktsiyakh obychaya kol'tsevoy deformatsii golovy [To the problem of origin and function of custom of circular head deformation]. *Arkheologiya, antropologiya i etnografiya Sibiri* [Archaeology, anthropology and ethnography of Siberia]. Yu. F. Kiryushin, ed. Barnaul: Altayskiy gosud. universitet, pp. 237–249.
- Wilkins J. M., Hill S., 2006. Food in the Ancient World. London: Blackwell Publishing. 300 p.
- Zhirov E. V., 1940. Ob iskusstvennoy deformatsii golovy [On artificial head deformation]. *KSIMK*, VIII. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 81–88.
- Zykov A. P., 2012. Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Srednevekovoe i novoe vremya [Barsova Gora: essays on archaeology of Surgut Ob' region. Medieval and New Time]. Yekaterinburg: Ural'skiy rabochiy. 232 p.
- Zykov A. P., Fedorova N. V., 2001. Kholmogorskiy klad: kolleksiya drevnostey III–IV vekov iz sobraniya Surgutskogo khudozhestvennogo muzeya [Kholmogorskiy hoard: collection of antiquities of III–IV centuries from collection of Surgut museum of art]. Yekaterinburg: Sokrat. 176 p.

About the author

Sharapova Svetlana V., Institute of History and Archaeology Ural Branch Russian Academy of Sciences, ul. S. Kovalevskoy, 16, Ekaterinburg, 620990, Russian Federation; e-mail: svetlanasharapova01@mail.ru

В. Н. Пилипко

СТАРАЯ НИСА. О ДЕКОРАТИВНОМ УБРАНСТВЕ ВЕРХНИХ ПОМЕЩЕНИЙ БАШЕННОГО СООРУЖЕНИЯ*

Резюме. Много лет назад раскопки Башенного сооружения начались с расчистки его центральной, наиболее возвышенной части. При этом выяснилось, что постройка двухэтажная, но второй этаж почти полностью разрушен. На сохранившихся участках его пола обнаружен кирпичный бой и сильно поврежденные остатки большой глиняной статуи. Из всех монументальных объектов Центрального ансамбля Башенное сооружение было признано самым аскетичным. Но раскопки его периферийных участков и примыкающей территории показали обратное. У подножия внешних стен обнаружены остатки мусора, связанного с ранними ремонтами. Благодаря этому установлено, что Башенное сооружение было наиболее пышно украшенной постройкой Старой Нисы. При оформлении второго этажа широко использовалась архитектурная терракота, настенная роспись, в том числе сюжетная, и глиняная искусно раскрашенная скульптура. Стратиграфические наблюдения позволили выявить остатки, связанные как минимум с двумя ремонтами, и декоративные элементы, представляющие финальный период функционирования данного здания.

Ключевые слова: культура Парфии, багирская Ниса, Митридаткерт, архитектура Парфии, Башенное сооружение.

Старая Ниса относится к числу хорошо известных археологических объектов, представляющих материальную культуру парфян, и в данном сообщении, посвященном частному вопросу, нет необходимости в подробной ее характеристике. Общие результаты ее изучения отражены во многих предшествующих публикациях (см.: *Массон*, 1949; *Массон*, *Пугаченкова*, 1959. С. 9–27; *Пилипко*, 2001; *Nisa Partica Ricerche...*, 2008).

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16-01-50097.

Башенное сооружение, по-видимому, было главным сакральным объектом Центрального ансамбля, возведенного, предположительно, во II в. до н. э. и функционировавшего около двух столетий. Его раскопки были начаты в 1934 г., но археологи долго не могли составить четкого представления о планировке и параметрах. Полностью осуществить это удалось только в начале XXI в. Основной объем данной постройки в плане имел вид прямоугольника со сторонами примерно 48×41 м. На трех его углах устроены одинаковые по конструкции «малые башни», в которых располагались служебные помещения и лестницы для подъема на второй этаж. В центральной части сооружения на уровне нижнего этажа располагался почти квадратный массив сплошной кладки, опоясанный двумя обводными коридорами. На северо-востоке, между коридорами, был встроен Вестибюль с двумя изолированными помещениями по сторонам. На продольной оси здания устроены два парадных портика («айвана»). На северо-востоке главный вход открывался на внутреннюю площадь теменоса, а на юго-западном фасаде устроен более скромный Южный портик (рис. 1).

Нижний этаж, по-видимому, имел техническое назначение. Основная его задача состояла в том, чтобы вознести на семиметровую высоту главные сакральные помещения.

За две тысячи лет запустения эти верхние сырцовые конструкции оказались практически полностью разрушены природными процессами и людьми. Лишь в северо-западной части строения сохранился небольшой участок верхнего пола и остатки нескольких стен. Находок почти не было. На вершине холма, представлявшего данный объект, первый исследователь Башенного сооружения А. А. Марущенко, помимо кирпичного боя и мелких обломков керамических сосудов, обнаружил лишь несколько целых сегментовидных обожженных кирпичей и невыразительные обломки большой статуи из необожженной глины. На основании этих находок и собственных исторических представлений о парфянском государстве он предположил, что Башенное сооружение не что иное, как остатки зороастрийского храма огня (Марущенко, 2001).

Последующие раскопки прилегающих к центральному массиву обводных коридоров нижнего этажа были очень трудоемкими и практически не давали находок. По этой причине исследование Башенного сооружения в 1958 г. было приостановлено и возобновилось только в 1986 г. Во время нового цикла работ, продолжавшегося до 2012 г., была почти полностью закончена расчистка действительно практически пустых обводных коридоров. Кроме того, раскопана фасадная, северо-восточная часть здания, более насыщенная находками. Но основная масса находок, дающих представление о былом декоративном убранстве второго этажа, получена при изучении внешних дворов 10 и 11, примыкающих к Башенному сооружению с юго-востока и юго-запада (рис. 1). При этих планомерных работах выявлено 10 участков, содержащих материалы, относящиеся к декоративному убранству помещений второго этажа. Ниже приводится их краткая характеристика.

I. Центральный параллелепипед. Выше уже отмечено, что первые раскопки здесь проводил А. А. Марущенко. Подробного описания и графической фиксации результатов этих исследований в сохранившихся архивных материалах обнаружить не удалось. Однако предположение исследователя о том, что

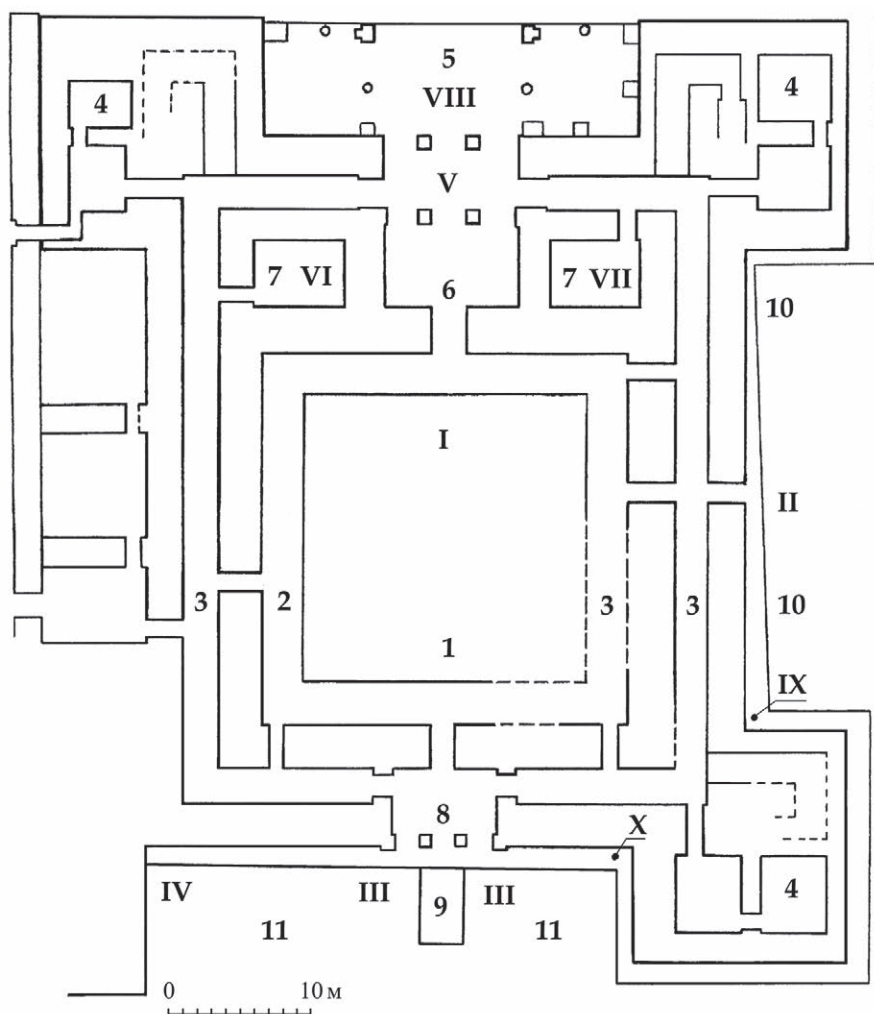

Рис. 1. Старая Ниса. Башенное сооружение. План цокольного этажа.

Отдельные элементы постройки (I–II); участки, содержащие декоративные материалы, связанные со вторым этажом (I–X)

I – центральный параллелепипед; *2* – внутренний обводной коридор; *3* – наружный обводной коридор; *4* – угловые малые башни; *5* – входной портик; *6* – вестибюль; *7* – помещения по сторонам Вестибюля; *8* – Южный портик; *9* – лестница Южного портика; *10* – двор № 10; *11* – двор № 11

в центре параллелепипеда на сырцовом возвышении под балдахином стояла большая глиняная статуя, вызывает сомнение. Пологи, как правило, крепятся не на двух, а на четырех стойках, расположенных по углам. Кроме того, следует отметить, что лунки от стоек не согласуются с направлением кирпичной кладки (Пугаченкова, 1949. С. 207). Более вероятно, что это след от столбов значительно более позднего происхождения. На вершине холма, представлявшего Башенное сооружение, могла существовать какая-то поздняя деревянная конструкция. Обожженные сегментовидные кирпичи обнаружены не в связи с конкретной конструкцией; они могли принадлежать не алтарю, а стволу кирпичной колонны. М. С. Мерциев при раскопках в северо-западной части верхней площадки никаких примечательных находок не обнаружил, но зафиксировал остатки полов и нижние участки стен, покрытых двухслойной штукатуркой: нижняя – саманно-глиняная, верхняя – тонкая гипсовая.

II. Юго-восточный сброс строительного мусора. При ремонтах остатки старой штукатурки вместе с прочим строительным мусором сбрасывали вниз через какой-то проем, расположенный в середине юго-восточного фасада. В результате этих действий у подножия нивелировочной платформы, на которой было основано Башенное сооружение, образовался большой конус (точнее, половина конуса) из сброшенного сверху мусора. Он состоял преимущественно из обломков сырцовых и обожженных кирпичей, перемешанных с остатками бывшего декоративного убранства верхних помещений рассматриваемого сооружения. Преобладали пластины сбитой со стен старой штукатурки. Последняя была разной: простая глиняная, насыщенная мелкорубленными стеблями травянистых растений (саманом); глиняная с тонкой гипсовой затиркой. Часть покрытий (и глиняных, и гипсовых) была украшена полихромной росписью, которая также была разной: наряду с монохромно окрашенными стенами, панелями встречается сочетание разной ширины полос, дополнительно украшенных геометрическим и, реже, растительным орнаментом. Наиболее редки находки штукатурки с повествовательными сюжетами. В частности, обнаружены компактно залегавшие фрагменты, принадлежащие одному фризу (рис. 2, 1, 2), с изображением батальных сцен. Были и другие композиции, но по сохранившимся остаткам об их тематике судить трудно.

Вторую многочисленную группу находок составляет архитектурная терракота. Наиболее многочисленны «мерлоны» – ступенчатые тонкие плитки со стреловидными прорезями в центре (рис. 3, 6, 7). Это излюбленный на Древнем Востоке мотив архитектурных венчаний. В юго-восточном сбросе представлены все семь видов «метоп» – терракотовых плит с рельефными символическими изображениями (рис. 3, 1–5). Но плиты с изображением многолепестковых розеток и пальметт здесь отсутствуют. Довольно много находок сегментовидных, квадратных и прямоугольных кирпичей. Первые использовались для выведения стволов кирпичных колонн (рис. 3, 8). Квадратные кирпичи со стороной 38–50 см применялись для вымостки полов и выкладки баз кирпичных колонн, последние имели терракотовые наборные капители, фрагменты которых также присутствуют в этом мусорном сбросе (рис. 3).

К редким находкам принадлежат фрагменты больших глиняных статуй (рис. 2, 5, 6). Их малочисленность, в первую очередь, объясняется хрупкостью, падение

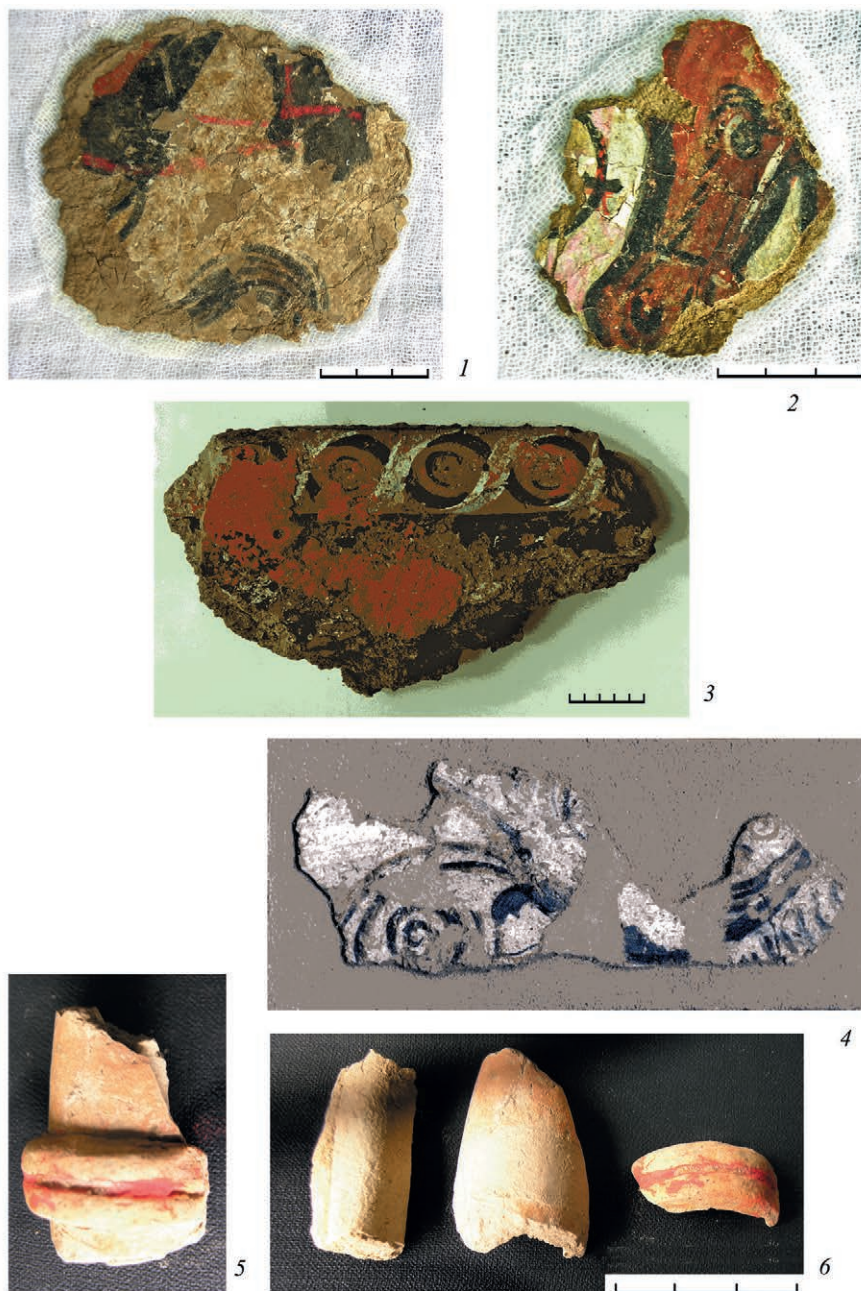

Рис. 2. Старая Ниса. Башенное сооружение.
Фрагменты настенной росписи (1–4) и глиняной скульптуры (5, 6)
 1–3, 5, 6 – участок II; 4 – участок X

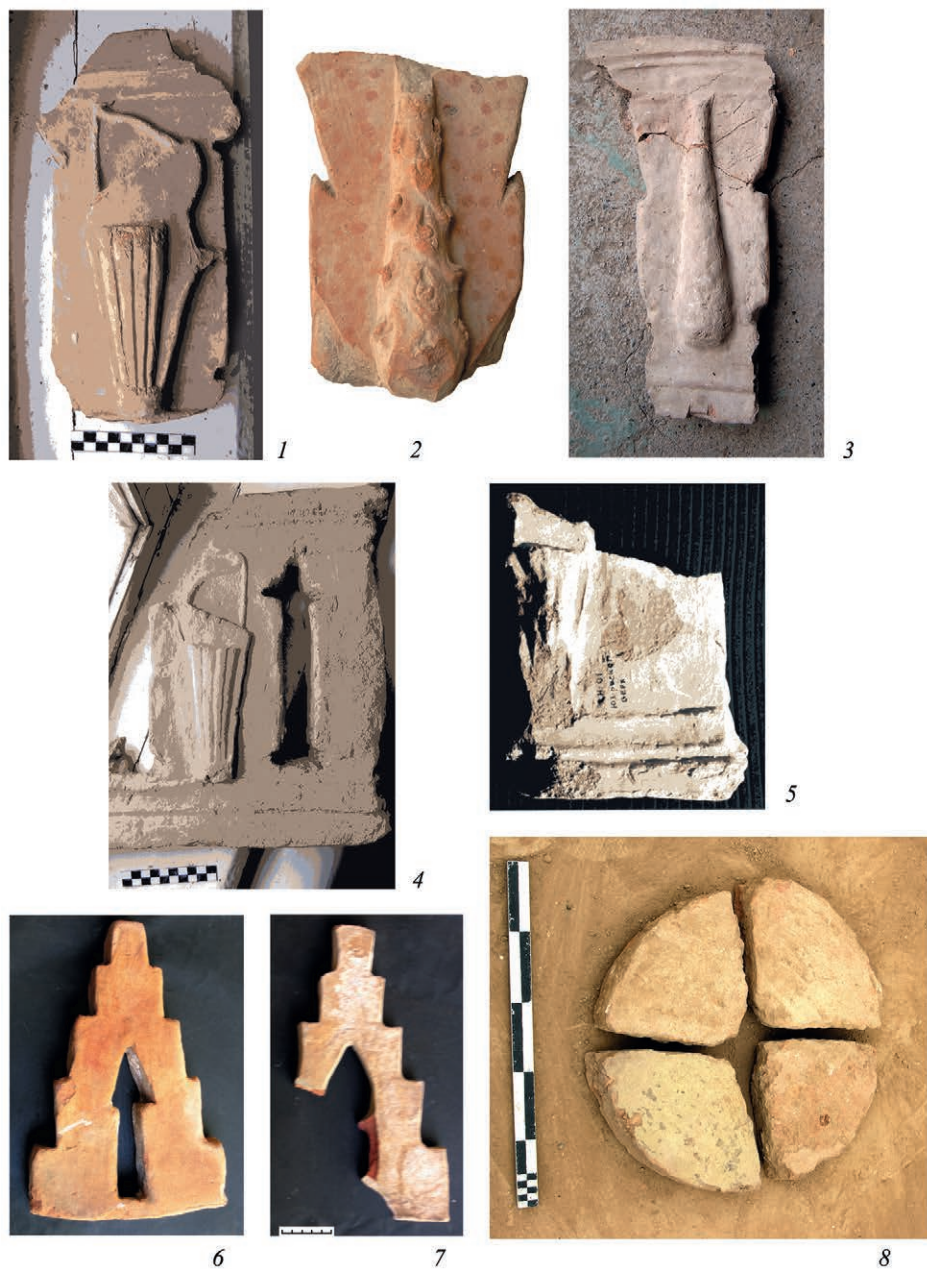

Рис. 3. Старая Ниса. Башенное сооружение.
Метопы (1–5), мерлоны (6, 7) и сегментовидные кирпичи (8)

с десятиметровой высоты на груду терракотовых деталей для них оказалось роковым. Тем не менее можно утверждать, что найденные фрагменты принадлежат не одной, а нескольким статуям. Помимо глиняной скульптуры в этом сбросе обнаружены остатки гипсовых изваяний, их также было несколько, по величине они примерно вдвое уступают глиняным.

III. Еще один мусорный сброс, связанный с ранними ремонтами, обнаружен во дворе 11, примыкающем к юго-западному фасаду Башенного сооружения. Здесь был еще один малый или южный портик, которым первоначально, вероятно, также пользовались знатные особы, посещавшие рассматриваемое святилище. Однако при масштабных ремонтных работах этот двор также стал использоваться для складирования строительных отходов, их в этом случае не сбрасывали сверху, а сносили вниз по лестнице Южной малой башни, первоначально рассыпали ровным слоем по всему двору и утрамбовывали. В результате обломки расписной штукатурки и тем более глиняной скульптуры в этом «депозитарии» сильно измельчены. Остатков архитектурной терракоты здесь также значительно меньше. Этот «сброс», вероятно, связан с другими помещениями. В нем не обнаружено остатков сюжетной росписи, нет и ярких бордюрных оформлений в эллинистическом стиле (плетенок, овов, ярких красных треугольников). Вместе с тем в этом дворе отмечается обилие фрагментов штукатурки, окрашенных в розовый цвет, иногда эта краска, редкая для юго-восточного сброса, использовалась даже для фоновых поверхностей.

IV. В северо-западной части этого двора на стыке Башенного сооружения с Блоком круглого зала обнаружено еще одно скопление ремонтных отходов, также имеющих длительную историю накопления (*Bader et al.*, 2002. P. 13–16). Тематически здесь представлен тот же набор декоративных элементов, что и в сбросах II и III (архитектурная терракота, настенная роспись, мелкие фрагменты глиняной скульптуры). Но мотивы и палитра росписи здесь несколько иные. В частности, выделяются изображения цветов (ирисы и др.), расположенные на вертикальных черных полосах. Исследователи этого сброса предполагали, что эта роспись связана с оформлением ближайшего обводного коридора Башенного сооружения. Но, по моим наблюдениям, в указанных коридорах нет никаких следов живописного оформления, и находки из этого сброса также следует связывать с декорациями второго этажа.

V. Северо-восточный фасад здания. Помещение к западу от Вестибюля. В этом большом служебном помещении сделано очень важное для нашего сообщения наблюдение. Его стены сохранились на высоту 4–4,5 м. Над функциональным полом на высоту до 2–3 м прослеживается обычная для первого этажа двухслойная штукатурка: внизу – толстая глиняная, сверху – тонкая гипсовая затирка. Следов расписной штукатурки ни на стенах, ни на полу около стен не обнаружено. Но в позднем завале, связанном с периодом разрушения, зафиксирована прослойка, насыщенная остатками расписной штукатурки. Она расположена на высоте около 2 м от функционального пола. Толщина ее около 0,5 м. Выше начинается новый слой «чистого» сырцового завала. Заполнение помещения отчетливо свидетельствует о том, что расписная штукатурка не связана с его оформлением, а принадлежит помещениям, располагавшимся выше.

Надо полагать, что при разборке межэтажного перекрытия¹ отслоившаяся от стен штукатурка вместе с прочим мусором провалилась вниз. Штукатурку из рассматриваемого слоя отличают две особенности: 1) роспись нанесена на довольно толстую (около 2 мм), но очень хрупкую гипсовую подложку; 2) это единственное место, где в росписи использован пигмент нежно-зеленого (салатного) цвета. В Старой Нисе он известен по раскраске глиняной скульптуры из Здания с квадратным залом и по некоторым терракотовым листьям аканфа от наборных капителей. Рассматриваемая штукатурка представлена очень мелкими фрагментами, что затрудняет определение мотивов росписи. Условно последнюю можно характеризовать как геометрическую или абстрактную.

VI. Еще один участок, связанный с находками предметов декора помещений второго этажа, – это архитектурная конструкция, условно называемая Вестибюлем². Это большой архитектурный объем, расположенный на продольной оси здания и имеющий только три стены. Передняя, северо-восточная, стена отсутствует. Из Вестибюля существовал свободный доступ в обводные коридоры. При раскопках данного объекта обнаружено четыре мощные кирпичные колонны с диаметром стволов 68 см. Они, несомненно, связаны с перекрытием. При стандартном подходе следовало ожидать присутствие шести подобных колонн. Расположенные в два ряда они служили бы надежным основанием любого вида перекрытия данного объекта. Но, несмотря на тщательные поиски, третью пару колонн обнаружить не удалось, и создается впечатление, что четыре колонны служили опорой для сводчатого (?) перекрытия наружного коридора. Насколько это вероятно – решать архитекторам.

Для данной темы важно, что при раскопках Вестибюля были обнаружены артефакты, связанные с помещениями второго этажа. У северо-западной его стены вблизи пола обнаружено скопление сегментовидных кирпичей и фрагмент барабана от колонны диаметром 50–52 см. Как отмечено выше, диаметр несущих колонн самого Вестибюля равен 68 см, т. е. рассматриваемый блок упал сверху. Трудно предполагать, что этот тяжелый блок принесен откуда-то извне³. Таким образом, эта находка – еще одно надежное доказательство того, что на втором этаже также существовал колонный зал (залы?).

При раскопках Вестибюля обращено внимание и на то, что фрагменты настенной росписи преимущественно встречаются не у стен, а в центральной его части⁴. Из этого можно сделать заключение, что это остатки росписи его потолка или остатки декора вышерасположенных помещений.

VII. К востоку от Вестибюля выявлено еще одно помещение, подобное западному. В нижних частях его заполнения обнаружено значительное количество сегментовидных кирпичей и фрагментов терракотовых листьев аканфа. В центральной части я даже пытался искать остатки базы колонны, но таковой

¹ Вероятно, с целью извлечения добротных арчевых балок.

² Его можно также интерпретировать как глубокий внутренний портик (айван).

³ Ближайшая кирпичная колонна такого диаметра находилась на противоположном конце Башенного сооружения – в Южном портике.

⁴ Вполне естественно ожидать, что отслоившиеся фрагменты штукатурки должны лежать вблизи стен.

не оказалось. Более того, при анализе находок из этого помещения выяснилось, что в нем находятся остатки нескольких капителей (рис. 4). После раскопок Вестибюля и западного помещения⁵ стало ясно, что вся эта коллекция связана со вторым этажом. Кроме того, важно отметить, что в данном помещении обнаружены и остатки истлевших деревянных балок.

VIII. При раскопках главного входного портика у задней его стены найдено небольшое количество мелких фрагментов штукатурки с полихромной росписью. Первоначально возникло предположение, что они связаны с оформлением именно этой стены, но теперь я склоняюсь к тому, что эти находки также могли упасть со второго этажа.

Более сложен вопрос о принадлежности остатков глиняной скульптуры, обнаруженной вблизи северо-восточного ряда колонн Вестибюля. Эти фрагменты имеют очень плохую сохранность, и они пока оставлены на месте нахождения, так как их полевая консервация требует долгой, кропотливой работы. Извлечены только несколько фрагментов, принадлежащих торсу. Проблема в том, что скульптура могла быть связана как с оформлением второго яруса Башенного сооружения, так и со Зданием с квадратным залом. При изучении последнего установлено, что остатки скульптуры из Квадратного зала в период запустения активно растаскивались. Значительная часть обломков была перемещена в Белую комнату, два крупных обломка торсов были вытащены из здания и брошены у его фасадной стены, обращенной в Главный двор Центрального ансамбля. Остатки еще одного торса найдены на выступе платформы к юго-западу от Здания с квадратным залом (Пилипко, 2001. С. 255–263). Поэтому не исключено, что находки, обнаруженные у фасада Башенного сооружения, связаны с этими действиями.

IX. При расчистке юго-восточной внешней стены Башенного сооружения на участке ее стыка с Южной малой башней, на верхней полочке платформы, выявлена ступень⁶. В завале на этом уступе обнаружено значительное количество терракотовых мерлонов и метоп. Стратиграфическое положение этих находок надежно свидетельствует о том, что они принадлежат к самому позднему периоду функционирования Башенного сооружения и связаны с декоративным оформлением помещений второго этажа.

X. Подобное заключение можно сделать и относительно крупного фрагмента настенной росписи, найденного на стыке Южной малой башни со стеной юго-западного фасада (рис. 2, 4).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что, несмотря на почти полное разрушение второго этажа, широкие исследования Башенного сооружения и его ближайших окрестностей позволили получить важные сведения о его декоративном убранстве. Эта постройка действительно была наиболее богато декорированным архитектурным объектом Старой Нисы–Митридаткерта. В оформлении его верхних помещений активно использовалась настенная роспись. Причем

⁵ Восточное помещение вскрывалось первым.

⁶ Нивелировочная платформа, на которой возведено Башенное сооружение, по своим параметрам несколько больше самого здания, в результате и образовалась ступень, имеющая на разных участках ширину 0,3–1,0 м.

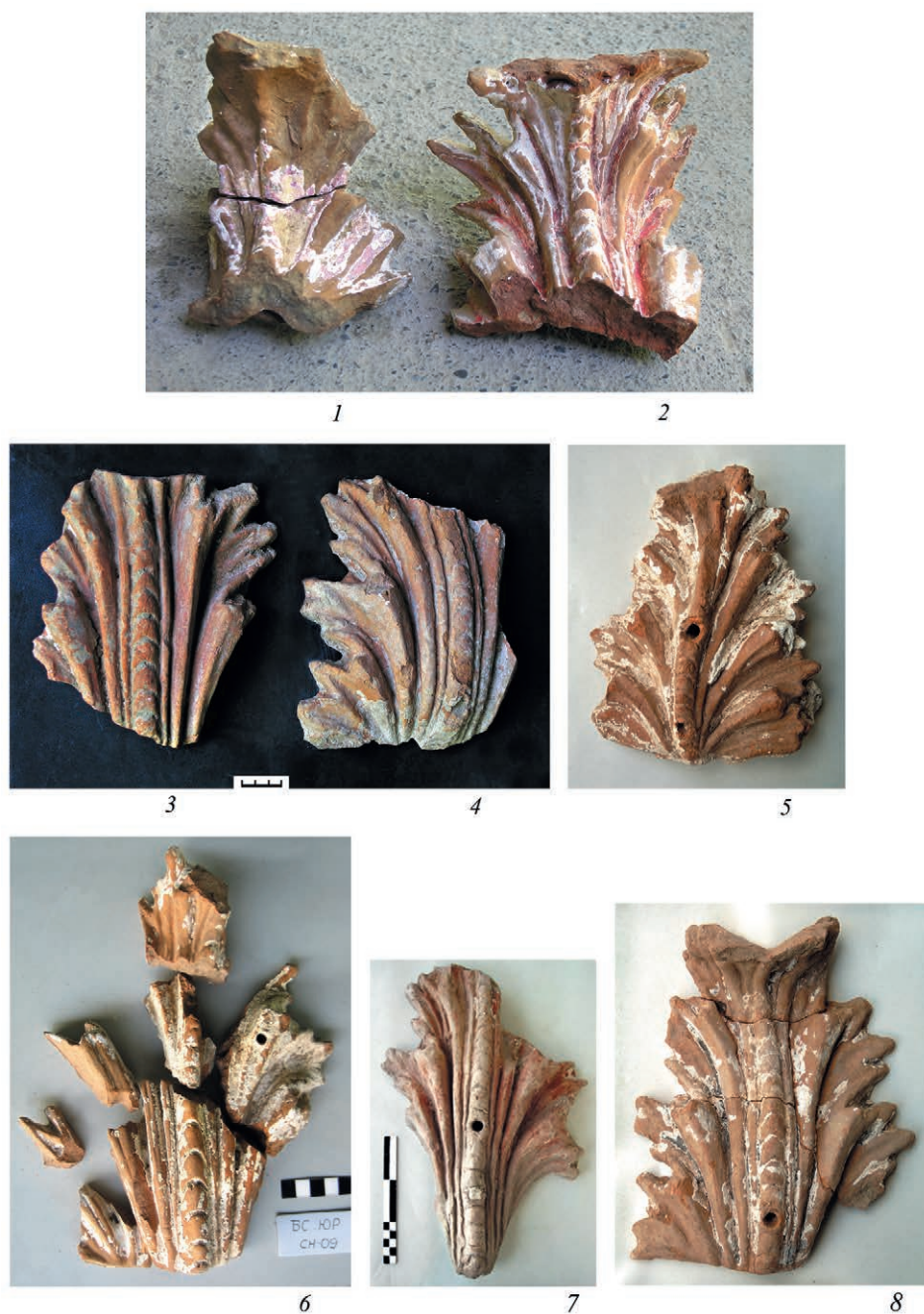

Рис. 4. Старая Ниса. Башенное сооружение

1–8 – терракотовые листья аканфа

в сравнении с другими объектами Центрального ансамбля оно выделяется большим разнообразием и определенной изысканностью. Его декоративным оформлением занимались мастера довольно высокого класса. Это пока единственный в пределах Южного Туркменистана и Хорасана объект, где обнаружена жанровая роспись парфянского времени. В пределах рассматриваемого сооружения обнаружена и монументальная глиняная скульптура, пострадавшая при ремонтах еще больше, чем роспись. Но найденных мелких фрагментов все же достаточно для заключения, что по своим художественным достоинствам она не уступала лучшим сохранившимся изделиям из соседних храмовых сооружений – Блока круглого зала и Здания с квадратным залом. Башенное сооружение – это единственный объект, где обнаружена гипсовая скульптура.

Накопленная в процессе раскопок и последующего анализа информация позволяет имеющиеся находки достаточно уверенно разделить на три хронологические группы. Самая ранняя из них представлена нижними слоями мусорных отложений в пределах дворов 10 и 11. Они показывают, что с самого начала в Башенном сооружении был представлен весь известный для Митридаткерта набор художественных средств:

1. Архитектурная терракота, представленная кирпичными колоннами с наборными капителями коринфского типа. Судя по многочисленности находок, в нескольких помещениях (залах?) второго этажа существовали фризы из терракотовых плит с рельефными символическими эмблемами. При раскопках Башенного сооружения найдены все семь типов так называемых метоп. Широко использовались бордюры (венчания) из «мерлонов» (ступенчатых элементов со стреловидными прорезями в центре). Подобные зубцы распространены на Востоке с древнейших времен. Обычно они употреблялись как венчания фасадов крупных торжественных построек. Однако наблюдение над находками из раскопок Башенного сооружения дает больше оснований предполагать, что в Старой Нисе они преимущественно, или всегда, использовались в интерьерах. На это, прежде всего, указывают их относительно небольшие размеры (высота – 27 см). Во-вторых, следы их окраски – фасадная сторона окрашивалась в насыщенный красно-коричневый цвет, а боковые плоскости стреловидных прорезей покрывались черной краской, на некоторых фрагментах эти покрытия имеют хорошую сохранность⁷.

При раскопках Башенного сооружения в большом количестве обнаружены массивные плиты с прямоугольными выступами на двух противоположных торцах. Как именно они использовались в интерьерах, пока точно не установлено. А. А. Марущенко и Г. А. Пугаченкова предполагали их совместное использование с плитами с изображением розеток и пальметт (*Марущенко*, 2001; *Пугаченкова*, 1949. С. 220. Рис. 12; 1958. С. 83, 87, 103), но последние на руинах Башенного сооружения практически отсутствуют.

Выше отмечалось, что на втором этаже существовали колонные залы и, может быть, портики. Находки из мусорных сбросов свидетельствуют о том, что

⁷ Возможность использования мерлонов в интерьерах допускала Г. А. Пугаченкова. В таком виде они представлены на ее реконструкции Круглого зала (*Пугаченкова*, 1958. С. 104).

наборные капители имели разнообразную окраску. Известны листья аканфа, окрашенные в розовый, нежно-зеленый, голубой, белый, красный цвет, и волютообразные завитки белого и густого красного цвета.

Судя по миниатюрным листьям аканфа, на втором этаже, наряду с несущими колоннами с диаметром стволов 50–52 см могли существовать миниатюрные колонки, украшавшие какие-то малые архитектурные формы (рис. 4, 4). Найденны фрагменты гигантских листьев аканфа (реконструируемая высота – 0,8–1,0 м), используемые, возможно, как акротерии.

Находок глиняной скульптуры относительно мало, и она представлена преимущественно мелкими фрагментами (рис. 2, 5, 6). Как отмечалось выше, по своему качеству она не уступала изваяниям из других храмов. Дополнительный штрих дала находка фрагмента с изображением шлема. Она пока не реставрирована, но важно отметить, что это полуфабрикат, голова уже была оттиснута или отлита в форме, но еще не ангобирована и не раскрашена. Это свидетельствует о том, что монтаж глиняных изваяний проводился непосредственно на объекте. В данном случае полуфабрикат, вероятно, был поврежден при сборке и по этой причине выброшен. Следует отметить еще находку мелких кусочков золотой фольги. Часть изваяний, возможно, покрывалась позолотой. Фрагменты золотой фольги ранее были зафиксированы при раскопках Квадратного зала (Массон, 1953. С. 33; Ершов, 1949. С. 125).

Наряду с глиняной скульптурой в юго-восточном сбросе найдены остатки нескольких гипсовых статуй. Они сильно повреждены, и четкого представления об их облике и назначении пока нет. Можно лишь отметить, что по величине они примерно вдвое уступали глиняным. Возможно, они относились к числу votivных подношений.

Наиболее многочисленную категорию находок в мусорных сбросах составляют фрагменты штукатурки. Они свидетельствуют о том, что на втором этаже имелись помещения разного назначения. Обломки простой глиняно-саманной штукатурки указывают также на существование здесь скромно оформленных служебных помещений. Встречаются фрагменты с росписью, выполненной прямо по лессу. Но большинство помещений, видимо, имело двухслойную штукатурку – лессовое основание и гипсовое покрытие.

Стены некоторых помещений, возможно, имели монохромную окраску. Но настаивать на этом нельзя, так как это сбита со стен штукатурка, и трудно судить, монохромная ли это окраска или просто фрагмент полосчатой росписи. Можно предполагать, что в качестве фона использовались большие поверхности, окрашенные в желто-коричневый, красно-коричневый, черный, серый и синий цвета, в некоторых помещениях использовался розовый фон. Вокруг проемов или ниш существовали обрамления из красных треугольников, овов или плетенки (рис. 2, 3).

Наибольший интерес вызывает сюжетная роспись, особенно «батальный фриз», представленный значительным количеством фрагментов. Отдельные моменты битвы размещены на нескольких панно, заключенных в многоугольные рамки. Судя по сохранившимся фрагментам, фриз посвящен какой-то важной для парфян битве. На нем представлено столкновение двух групп конных всадников кочевнического облика. Фриз состоял из картушей, показывающих

развитие событий от сближения противников до бегства побежденных (на левой стороне). Правая же сторона, надо полагать, представляет парфян или их предков (Пилипко, 2005; 2011). Существовали и другие сюжеты, но судить об их содержании по имеющимся остаткам не представляется возможным. Около головы одного персонажа сохранились остатки греческой пояснительной надписи, свидетельствующей о том, что в создании панно принимали участие мастера, представляющие эллинистическую культуру.

К этому надо добавить, что для старонисийского комплекса это, вероятно, был единственный опыт создания повествовательных живописных панно. Такая роспись обнаружена только в юго-восточном сбросе. Эти фрагменты залегали компактной группой, и в отложениях поздних периодов существования Центрального ансамбля подобная роспись отсутствует.

При рассмотрении вопросов датировки можно выделить три хронологические группы. Отложения, связанные с ранними ремонтами, – это нижние слои мусорных накоплений во дворах 10 и 11. Там же обнаружены остатки, связанные с поздними ремонтами, они, естественно, представлены вышележащими слоями. В процессе исследований удалось выявить некоторые хроноиндикаторы, позволяющие определить особенности оформления Башенного сооружения в поздний период его функционирования. Ремонты в это время, вероятно, уже проводились собственными силами, и появляются грубые имитации некоторых ранних элементов декора. Выше уже отмечалось, что исчезла сюжетная роспись. Наряду с ранними мерлонами, оттиснутыми в матрицах, появились «ремонтные мерлоны», которые изготовлялись без всяких матриц и шаблонов. Глиняная масса раскатывалась в большой пласт соответствующей толщины, из него ножом «на глазок» вырезались контуры ступенчатой «пирамидки» и центральное отверстие, уже мало напоминающее наконечник стрелы. Эти «новоделы» уже не ангобировались (рис. 3, 7). Известны также вновь изготовленные «метопы», грубые и неумелые (рис. 3, 3, 5).

Наконец, имеются отложения, связанные с разрушением здания в постфункциональный период. Это уже не «чистые» мусорные сбросы, а завалы и оплывы, где остатки строительных конструкций перемежаются с фрагментами бывшего архитектурного убранства. К ним относятся самые верхние отложения во дворах, а также местонахождения I, V–X. Они содержат элементы декора, упавшие при разрушении межэтажных перекрытий. Наборы из этих отложений практически не отличаются от содержимого слоев, связанных с поздними ремонтами.

Существование трех обособленных скоплений ремонтного мусора: вблизи центральной части юго-восточного фасада здания (пункт II), по сторонам лестницы Южного портика (пункт III) и вблизи стыка Блока круглого зала и юго-западного фасада Башенного сооружения – первоначально настроили меня на оптимистический лад. Мне показалось, что на основе этих данных можно локализовать местонахождение помещений второго этажа, декорированных тем или иным способом. Например, штукатурка с цветочным орнаментом происходит преимущественно из скопления IV, соответственно, это давало основание полагать, что украшенные подобным образом помещения, скорее всего, находились в западной части здания. Остатки батального фриза и гипсовая скульптура известны только по сбросу II,

поэтому можно было предполагать, что помещение с подобным декором располагалось в юго-восточной или центральной части сооружения.

Однако дальнейшие размышления над этим вопросом показали, что такое заключение, конечно, возможно, но не обладает необходимой доказательной силой. При ремонтах отходы могли складировать только у двух фасадов – юго-восточного и юго-западного, так как на северо-западе Башенное сооружение вплотную примыкало к Блоку круглого зала и Сооружению с каменными панелями, а с северо-востока располагался Главный двор, который, естественно, нельзя было захламлять. Соответственно, мусор из северной половины здания также должен был перемещаться в указанные сбросы II–IV. Кроме того, не исключено, что он мог складироваться не сразу на всех трех полигонах, а последовательно, сначала во дворе 10 – это изначально были «задворки» комплекса, затем образовалось скопление IV и в последнюю очередь стали захламляться окрестности Южного портика.

Более надежно локализуются находки из Вестибюля и прилегающих к нему помещений, так как мусор здесь падал сверху вниз. Соответственно, можно утверждать, что над этими нижними помещениями находились интерьеры, где имелись колонны и настенная роспись. Эти наблюдения позволяют предполагать, что второй этаж по площади был примерно равен первому и силуэт Башенного сооружения не имел ничего общего с зиккуратами.

Достаточно надежно устанавливается декоративное убранство помещения, занимавшего южный угол постройки. Оно было украшено настенной росписью и фризами из «метоп» и мерлонов. Когда рухнули внешние стены, часть указанных декоративных элементов «задержалась» на ступеньке платформы (пункты IX–X).

ЛИТЕРАТУРА

- Ершов С. А., 1949. Археологические исследования на городище Старая Ниса в 1946 году // ТЮТАКЭ. Т. 1. Ашхабад: АН ТССР. С. 116–132.
- Маруценко А. А., 2001. Старая Неса (информационное сообщение ТГНИИ об итогах раскопок городища в 1930–31, 1934–35 гг.) // Пилипко В. Н. Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М.: Наука. С. 405–411.
- Массон М. Е., 1949. Городища Нисы в селении Багир и их изучение // ТЮТАКЭ. Т. 1. Ашхабад: АН ТССР. С. 16–115.
- Массон М. Е., 1953. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция 1947 г. // ТЮТАКЭ. Т. 2. Ашхабад: АН ТССР. С. 7–72.
- Массон М. Е., Пугаченкова Г. А., 1959. Парфянские ритоны Нисы. Ашхабад: АН ТССР. 268 с. (ТЮТАКЭ; т. 4.)
- Пилипко В. Н., 2001. Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. Москва: Наука. 432 с., ил.
- Пилипко В. Н., 2005. Нисийская живопись. Новый фрагмент с изображением всадников // Miras. № 1. С. 87–92.
- Пилипко В. Н., 2011. Раскопки Башенного сооружения на городище Старая Ниса // Памятники истории и культуры Туркменистана. Ашхабад: Туркменское гос. изд-во. С. 262–267.
- Пугаченкова Г. А., 1949. Архитектурные памятники Нисы // ТЮТАКЭ. Т. 1. Ашхабад: АН ТССР. С. 201–259.
- Пугаченкова Г. А., 1958. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М.: АН СССР. 491 с. (ТЮТАКЭ; т. 6.)

Bader A., Gaibov V., Gubaev A., Košelenko G. A., Lapšin A., Novikov S., 2002. Ricerche nel complesso del Tempio Rotondo a Nisa Vecchia // *Parthica. Incontri di culture nel mondo antico*. No. 4.
Nisa Partica Ricerche nel complesso monumentale Arsacide 1990–2006 / Eds: A. Invernizzi, C. Lippolis.
Firenze: Casa Editrice Le Lettere, 2008. 401 p. (Monografie di Mesopotamia; IX.)

Сведения об авторе

Пилипко Виктор Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: pilipko2002@mail.ru

V. N. Pilipko

OLD NISA. INTERIOR DECORATION OF THE UPPER ROOMS
IN THE TOWER BUILDING

Abstract. Many years ago the excavations of the Tower in Old Nisa began with cleaning of its central elevated part. The excavations established that the construction had had two storeys but the second storey had almost completely collapsed. Crushed bricks and heavily damaged remains of a large clay statue were discovered on the preserved sections of its floor. The Tower was considered to be the most ascetic construction of the Central Ensemble. However, excavations of its periphery sections and the abutting area disproved it. Construction debris from earlier repair works was discovered at the foot of its external walls. This find demonstrated that the Tower had been the most ornate construction in Old Nisa. Architectural terracotta, wall paintings, including paintings with narrative scenes, and elaborately painted clay sculptures were used as elements of decorations of the second storey. Stratigraphic observations helped identify debris associated with at least two repairs as well as decorative elements from the latest period of this building occupation.

Keywords: Parthia culture, Bagir Nisa, Mithradatkirt, Parthian architecture, Tower Building.

REFERENCES

- Bader A., Gaibov V., Gubaev A., Košelenko G. A., Lapšin A., Novikov S., 2002. Ricerche nel complesso del Tempio Rotondo a Nisa Vecchia. *Parthica. Incontri di culture nel mondo antico*, 4, pp. 9–45.
Ershov S. A., 1949. Arkheologicheskie issledovaniya na gorodishche Staraya Nisa v 1946 godu [Archaeological investigations at hillfort Old Nisa in 1946]. *TYuTAKE*, 1, pp. 116–132.
Marushchenko A. A., 2001. Staraya Nesa (informatsionnoe soobshchenie TGNII ob itogakh raskopok gorodishcha v 1930–31, 1934–35 gg.) [Old Nesa (information of TGNII on results of excavations of the hillfort in 1930–31, 1934–35)]. *Pilipko V. N. Staraya Nisa. Osnovnye itogi arkheologicheskogo izucheniya v sovetskiy period [Old Nisa. Main results of archaeological research in Soviet period]*. Moscow: Nauka, pp. 405–411.
Masson M. E., 1949. Gorodishcha Nisy v selenii Bagir i ikh izuchenie [Nisa hillforts in village Bagir and their research]. *TYuTAKE*, 1, pp. 16–115.
Masson M. E., 1953. Yuzhno-Turkmenistanskaya arkheologicheskaya kompleksnaya ekspeditsiya 1947 g. [South-Turkmenian archaeological complex expedition of 1947]. *TYuTAKE*, 2, pp. 7–72.
Masson M. E., Pugachenkova G. A., 1959. Parfyanskije ritony Nisy [Parthian rhyta from Nisa]. *Ashkhabad: AN Turkmenskoy SSR*. 268 p. (*TYuTAKE*, 4.)

- Nisa Partica Ricerche nel complesso monumentale Arsacide 1990–2006. A. Invernizzi, C. Lippolis, eds. Firenze: Casa Editrice Le Lettere, 2008. 401 p. (Monografie di Mesopotamia, IX.)
- Pilipko V. N., 2001. Staraya Nisa. Osnovnye itogi arkheologicheskogo izucheniya v sovetskiy period [Old Nisa. Main results of archaeological research in Soviet period]. Moscow: Nauka. 432 p., ill.
- Pilipko V. N., 2005. Nisiyskaya zhivopis'. Novyy fragment s izobrazheniem vsadnikov [Nisa paintings. New fragment with images of riders]. *Miras*, 1, pp. 87–92.
- Pilipko V. N., 2011. Raskopki Bashennogo sooruzheniya na gorodishche Staraya Nisa [Excavations of Tower construction at hillfort Old Nisa]. *Pamyatniki istorii i kul'tury Turkmenistana* [Monuments of history and culture of Turkmenistan]. Ashkhabad: Turkmenskoe gos. izdatel'stvo, pp. 262–267.
- Pugachenkova G. A., 1949. Arkhitekturnye pamyatniki Nisy [Architectural monuments of Nisa]. *TYuTAKE*, 1, pp. 201–259.
- Pugachenkova G. A., 1958. Puti razvitiya arkhitektury Yuzhnogo Turkmenistana pory rabovladieniya i feodalizma [Paths of development of architecture of South Turkmenistan in slave-system and feudal epoch]. Ashkhabad: AN Turkmenskoy SSR. 491 p. (TYuTAKE, 6.)

About the author

Pilipko Viktor N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: pilipko2002@mail.ru

О. Ю. Арипджанов

КОСТЯНЫЕ ГРЕБНИ ИЗ БАКТРИИ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИКОНОГРАФИЮ ИЗОБРАЖЕНИЙ И ТЕХНИКУ ИЗГОТОВЛЕНИЯ

Резюме. Данная статья посвящена изучению костяных гребней, обнаруженных в ходе археологических работ на территории античной Бактрии (Северный Афганистан, южные области Узбекистана и Таджикистана). В исследовании разработана типология восьми односторонних и двухсторонних гребней (конец IV в. до н. э. – III в. н. э.), которые по форме разделены на типы и варианты. На основе классификации дана новая интерпретация некоторым находкам. Анализ техники нанесения изображений позволил установить, что, в частности, при изготовлении гребня с Дальварзинтепа мастер использовал заранее подготовленный шаблон (трафарет). Кроме того, представлен анализ назначения некоторых гребней, изучено влияние индийской культуры на сюжеты и форму гребней. Подробно рассмотрены техника и технология изготовления костяных гребней и представлена информация о сырьевой базе изделий из кости античного времени. Кроме того, приводятся разработки автора по обработке трубчатой кости и ее использованию для изготовления гребней, а также результаты дополнительных экспериментов по обработке этого материала.

Ключевые слова: Бактрия, эллинистический период, Кушанская империя, косторезное дело, гребень, типология, техника изготовления.

С древнейших времен гребни были неотъемлемой частью жизни людей как предметы ухода за волосами и украшение причесок. Они изготавливались из таких материалов, как бивень слона, кость, олений рог, бамбук, дерево, металл, или комбинировались из различных материалов. Предположительно, первоначально в качестве гребней использовались очищенные рыбы кости, имеющие параллельно расположенные длинные узкие выступы (*Петерс*, 1986. С. 64). Сами масштабы применения гребней в разное время и у разных народов были различными, что связано с социально-экономической историей, в частности с повышением уровня цивилизации (*Сокольский*, 1971. С. 138). Сфера практического применения гребней довольно широка – от повседневного употребления

в гигиенических целях до использования этих предметов в качестве вспомогательного инструмента при прядении и ткачестве, а также в гончарном производстве для орнаментирования.

Как предметы ухода за волосами, гребни появляются в эпоху мезолита, еще большее применение находят в неолитическое время, а затем в эпоху бронзы и раннежелезный век широко распространяются в странах древнего Востока (Barnett, 1982. Pl. 19, b) и крито-микенском мире (Die Kämme aller Zeiten..., 1906. Taf. 4, 5, 7, 9). В античное же время подобные предметы туалета массово распространяются в Греции (Daremborg, 1873. P. 363–365), Риме (Thomas, 1960. Bd. 8), Римской Британии (MacGregor, 1985. P. 73–98), Северном Причерноморье (Петерс, 1986. С. 64–70; Сокольский, 1971. С. 138–149), Ближнем и Среднем Востоке (Wicke, 2009. P. 185–200. Taf. 29–31; Stucky, 1985), а также в кочевническом мире (Туаллагов, 2007).

В ходе археологических работ на территории античной Бактрии (север Афганистана, юг Узбекистана и Таджикистана) было найдено девять гребней, изготовленных из простой и слоновой кости, большая часть которых нам известна по публикациям. Два из них датируются позднеахеменидским и раннеэллинистическим, а два других – греко-бактрийским периодом. Остальные же пять – кушанским временем.

Конечно же, такое незначительное количество находок не позволяет нам составить полную картину развития процесса производства этого типа изделий, масштабов и путей распространения. Мы можем лишь попытаться дать общее представление о значимости гребней в обыденной жизни людей античного времени. А главное, дать новую интерпретацию некоторым находкам, где попытаемся рассмотреть процессы технологии изготовления, восстановить методы нанесения гравировки на поверхность гребней и, самое важное, на наш взгляд, составить предварительную типологию, которая, как мы думаем, в будущем будет дополняться и корректироваться новыми находками.

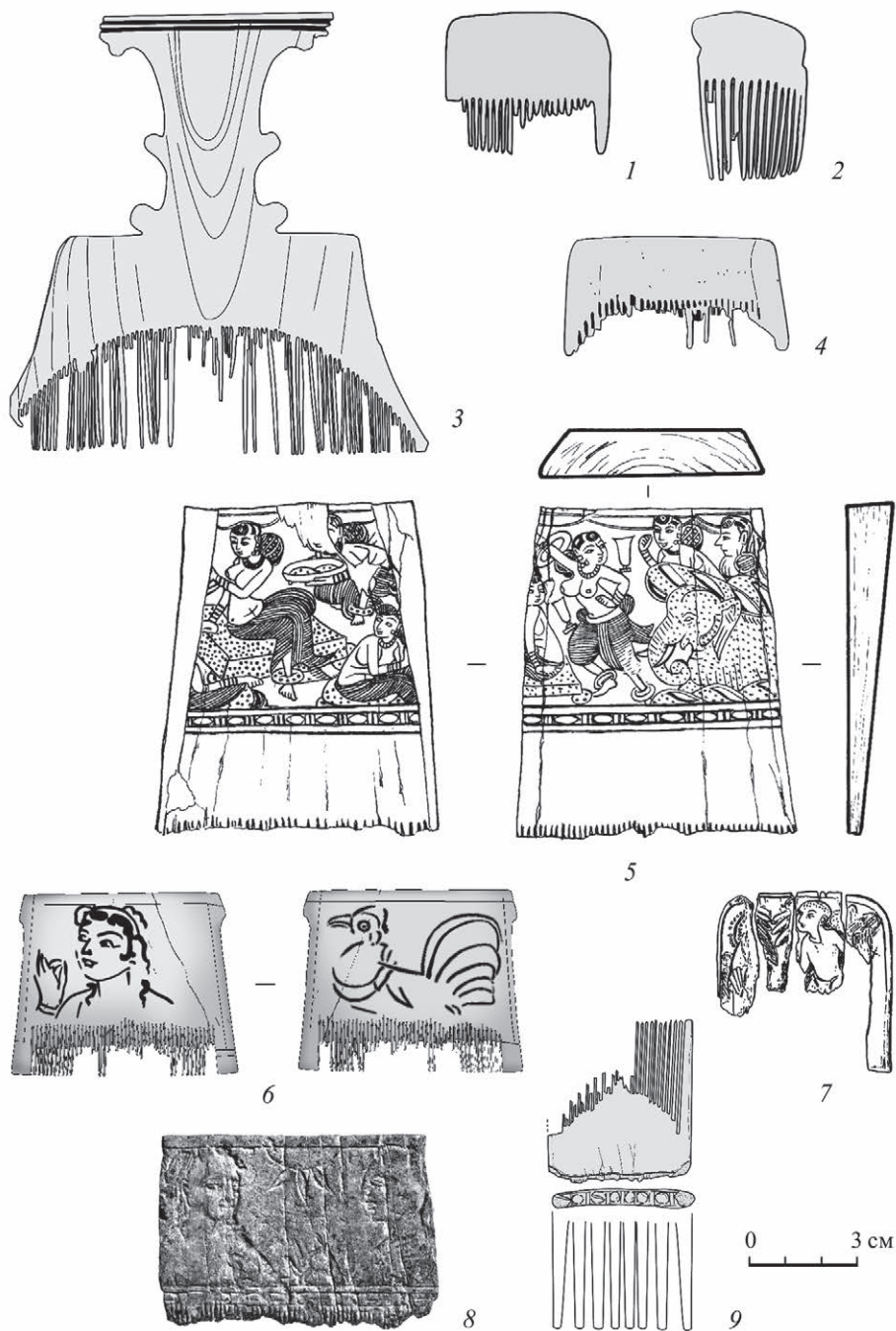
Предварительный анализ материала показал, что все найденные гребни с территории античной Бактрии по форме разделяются на две группы. Это односторонние и двухсторонние гребни, которые, в свою очередь, разделены на типы и варианты. При их изготовлении главным образом использовались два разных материала: это драгоценный бивень слона и более дешевая его замена – обыкновенная кость. На городище Гишттепа было обнаружено два костяных гребня¹, датируемых концом IV в. до н. э. Оба они относятся к группе односторонних гребней, отличающихся друг от друга по форме спинки.

Тип 1. Гребень прямоугольной формы с прямой спинкой и закругленными углами (рис. 1, 1).

Тип 2. Гребень подпрямоугольной формы с косо срезанным верхом и проточенными в верхней части спинки боками (рис. 1, 2).

Для греко-бактрийского периода, как уже говорилось выше, нам известны два гребня с городищ Тахти-Сангин (Литвинский, 2010. С. 373) и Ай-Ханум

¹ Автор благодарит сотрудника Государственного музея Востока (Москва) С. Б. Болелова и научного сотрудника Института археологии РАН В. В. Мокроброродова за право публикации и за возможность работы с материалом.

(Guillaume, Rougeulle, 1987. Pl. XIII, 4), которые также относятся к группе односторонних гребней. Они трапецевидной формы и подразделяются на два типа по присутствию или отсутствию ручки на спинке гребня.

Тип 1. Гребень с городища Тахти-Сангин (рис. 1, 3) имеет трапецевидную форму, увенчан сложнопрофилированной ручкой. Рабочая часть в виде полудуги, по краям которой слегка ломаные линии.

Тип 2. Гребень с городища Ай-Ханум (рис. 1, 4), трапецевидной формы, рабочая часть дугообразная, по краям слегка ломаные линии. Спинка прямая, углы закруглены.

Гребни кушанского периода были найдены на таких памятниках, как Тиллятепе (*Сарианиди*, 1989. С. 80–81. Рис. 29, 4), Дальверзинтепа (*Пугаченкова и др.*, 1978. С. 136–137. Рис. 97), Старый Термез и Кампыртепа (*Никонов*, 2000. С. 131–137. Рис. 2). Они подразделяются на две группы: односторонние и двухсторонние.

Группа 1. Гребни односторонние. К этой группе относятся пять гребней, которые по форме разделены на три типа и подварианты.

Тип 1. Гребни трапецевидной формы: вариант 1 – с гравировкой сцены сюжета из жизни знатных женщин, Дальверзинтепа (рис. 1, 5); вариант 2 – с рисованным изображением женщины, а также петуха на обратной стороне гребня, Кампыртепа (рис. 1, 6).

Тип 2. Гребни прямоугольной формы с гравировкой изображения: вариант 1 – с прямой спинкой и закругленными углами из Тиллятепе (рис. 1, 7); вариант 2 – с прямой спинкой (рис. 1, 8) (*Behrendt*, 2007. P. 18. Fig. 17)².

Группа 2. Гребень двухсторонний. К ней относится всего лишь один гребень прямоугольной формы, найденный в Старом Термезе (рис. 1, 9)³. Одна из сторон имеет тонкие зубцы, а на второй – более крупные, которые были полностью утрачены.

Гребни с городища Гишттепа (рис. 1, 1, 2) по своему общему виду и по технике изготовления похожи, но второй гребень интересен тем, что, скорее всего, не являлся предметом туалета, а, возможно, был рабочим инструментом в ткацком

² Точное место находки неизвестно, в каталоге приводятся данные, что он был найден на территории Афганистана и, возможно, индийского производства, как считает Курт Берендт.

³ Находка была сделана в ходе археологических работ сотрудником Государственного музея истории Узбекистана АН РУз Л. И. Альбаумом. К сожалению, другой информации, кроме места находки, не имеется. В данное время гребень хранится в археологическом фонде Государственного музея истории Узбекистана АН РУз: «Коллекция археологических предметов с городища Старый Термез Сурхандарьинской области. Сбор Л. И. Альбаума. Старый Термез, 1985 г. Ангорский район и др. Инв. № 284/72».

Рис. 1. Гребни

1 – Гишттепа, кость; 2 – Гишттепа, кость; 3 – Тахти-Сангин, слоновая кость; 4 – Ай-Ханум, кость; 5 – Дальверзинтепа, слоновая кость; 6 – Кампыртепа, кость; 7 – Тиллятепе, слоновая кость; 8 – Афганистан, слоновая кость; 9 – Старый Термез, кость (?)

деле. Как видно на иллюстрации (рис. 1, 2), рабочая часть, то есть зубцы, довольно длинная, в отличие от других гребней, и к тому же в верхней части гребня имеются желобки (выемки) для того, чтобы привязывать его к ткацкому станку (?). Подобные гребни широко использовались в ткацком деле не только в эллинистический период, но и в более позднее время. По этой находке сложно судить о мастерстве резчика, так как данный гребень он изготовил не для расчесывания волос, а для расчесывания нитей. Но в любом случае, резчик применил все необходимые приемы, чтобы этот предмет был гребнем, то есть техника изготовления обоих гребней во многом схожа.

На сегодняшний день достаточно сложно проследить появление гребней трапецевидной формы на территории античной Бактрии, так как для греко-бактрийского периода нам известны всего лишь два гребня и также, соответственно, для кушанского. Эта форма нам знакома по материалам Западной и Восточной Европы римского периода (*MacGregor*, 1985. Р. 77–78; *Никитина*, 1969. С. 148–149. Рис. 1), у которых только спинка имеет форму трапеции. Б. А. Литвинский также пишет о неразработанности типологии гребней в Центральной Азии (*Литвинский*, 2010. С. 373), что связано с небольшим количеством находок. Говоря о тахти-сангинском гребне, который привлекает наше внимание не только по форме, но и по наличию на нем сложнопрофилированной ручки, Б. А. Литвинский датирует его раннеэллинистическим периодом (IV–III вв. до н. э.), а А. Дружинина с соавторами датирует находку не позднее II в. до н. э.⁴ Возможно, подобная форма с ручкой была специфична только для этого региона. На наш взгляд, большое количество предметов искусства из слоновой кости в Тахти-Сангине дает нам возможность предположить наличие мастерской на территории городища или же в других районах Бактрии, где мастера за несколько десятилетий под влиянием греческой культуры создали свою школу резьбы по слоновой кости.

Как мы видим на примере гребней из Дальверзинтепа и Кампыртепа, трапецевидная форма продолжает существовать и в кушанское время, когда гребни прямоугольной формы начинают преобладать над трапецевидными. Два гребня из Таксилы также имеют трапецевидную форму с гравировкой (*Marshall*, 1951. Р. 655–656. Fig. Pl. 199. No. 18, 21), у одного из них спинка с закругленными углами, как у гребня из Тиллятепе (тип 2, вариант – 1), а на втором – спинка в виде овала. Гребни прямоугольной же формы, с гравированным изображением, широко распространяются не только на территории Бактрии, но и в Гандхаре и Индии. Там спинки гребней имеют в одном случае полуовальную форму, как на гребнях из Беграма (*Hackin, Hackin*, 1939. Fig. 237) и Таксилы (*Marshall*, 1951. Р. 655–656. Fig. Pl. 199. No. 19, 22), а в другом – прямую, как на гребне из Таксилы (*Marshall*, 1951. Р. 655–656. Fig. Pl. 199. No. 19, 23) и из Мальва (*Agrawala*, 1968. Р. 312), которые мы можем привести в качестве аналогии.

⁴ Как любезно сообщила нам сотрудник Германского института археологии А. Дружинина, данная находка обнаружена на уровне самого нижнего пола хранилища для подношений (коридор № 6), и эту находку она датирует II в. до н. э. См.: *Drujinina A., Lindström G., Pitschikjan I.* Weihgaben und andere Funde aus dem Oxos-Tempel in Taxt-i Sangin (In print).

Таким образом, для кушанского времени мы имеем обе группы гребней, то есть односторонние и двухсторонние, где по количеству преобладают односторонние гребни трапециевидной формы и с гравировкой. В этом случае нам интересен гребень с городища Дальверзинтепа (*Пугаченкова и др.*, 1978. С. 136–137. Рис. 97; *Древности...*, 1991. С. 269. № 92), найденный при раскопках святилища на ДТ-9; его размеры составляют $9,2 \times 6,5 \times 7,8-0,4$ см, он датируется II–III вв. н. э.

Данный гребень в своем роде является уникальной находкой, которая дает нам представление не только о стиле и характере изображений, но и о мастерстве костореза, работавшего не раз со слоновой костью и обладавшего необходимыми навыками для резьбы. Предмет интересен не только самой сценой с изображением, но и тем, каким образом она была нанесена на гребень. Мы попытались представить свою точку зрения на то, какой метод мог быть использован при нанесении гравировки на гребень, а также рассмотреть ряд других вопросов, касающихся данного предмета.

Как мы предполагаем, мастер не мог наносить данную сцену на поверхность гребня, используя лишь свое художественное воображение, так как для кушанского времени подобные сцены были широко распространены и довольно часто встречаются на костяных пластинах из Беграма, Гандхары, Индии (см. ниже). Но самое главное, при изготовлении и нанесении сцены на гребень мастер должен был придерживаться каких-то общих канонов того времени.

Предположительно, вышеописанную сцену мастер наносил, используя заранее подготовленный шаблон (трафарет), на котором была прорисовка сцены целиком (рис. 3, 1). Шаблон был изготовлен из достаточно тонкого материала, для удобства в использовании. Этнографические данные показывают широкое использование в косторезном ремесле подобных шаблонов-трафаретов, с помощью которых рисунок наносился на поверхность заготовки. К примеру, японские мастера используют специально подготовленные шаблоны с прорисовкой для нанесения изображений на поверхность поделки (*Yasutami*, 1996. Р. 219).

Если обратить внимание на гравированную сцену, мы видим, что края изображения как бы обрезаны (рис. 1, 5). Это указывает на то, что данное изображение на шаблоне было полным, но в процессе работы часть изображения не уместилась. Видимо, используя заранее подготовленную прорисовку на шаблоне, мастер вынужден был приспосабливаться к размерам имеющейся заготовки, поэтому части тел женщин и слона, а также нижняя часть сцены не поместились (см. ниже).

Обрезанные части сцены некоторые исследователи объясняют тем, что гребень был предметом вторичного производства. К примеру, Б. А. Тургунов в каталоге «Древности южного Узбекистана» пишет: «Судя по всему, этот гребень был изготовлен из удлиненной костяной пластинки, покрытой с двух сторон сюжетным изображением. Впоследствии из нее вырезается гребень, на котором сохраняется изображение сидящий госпожи...» (*Древности...*, 1991. С. 269. № 92). Как видно из описания, по мнению автора, изначально гребень был частью какого-то другого предмета, состоящего из костяных пластин, а в ходе вторичного использования из нее был изготовлен гребень. Такого же мнения придерживается и С. Мехендале (*Mehendale*, 2005), считающая, что описывае-

мый предмет был изначально частью другой, более крупной пластины, и этим опять-таки объясняет несохранившиеся боковые части изображений на гребне. В ходе тщательного изучения находки и данных о структуре бивня слона в специальной литературе по косторезному ремеслу мы пришли к выводу, что этот предмет никак не мог быть использован вторично, тем более что обе сцены являются продолжением и дополнением друг друга, как считала Г. А. Пугаченкова (Пугаченкова и др., 1978. С. 136).

Резчик при изготовлении данного гребня использовал естественную форму бивня слона, которая сужается от основания к концу, и в ходе поперечного выпиливания бивня гребню придавалась трапецевидная форма. Если присмотреться к боковым граням гребня (рис. 2, 1), мы увидим естественную поверхность бивня слона, то есть его корешковую кору или, как ее еще называют, «цементное вещество зубов», которое обрамляет всю поверхность бивня слона. На рисунке (рис. 2, 2), мы попытались предположительно определить, из какой части бивня был изготовлен предмет, и на фото разреза структуры бивня видно, что материалом послужила часть бивня, которая ближе к краю, и она также расслоена.

Хотелось бы обратить внимание еще и на такой момент: даже если предположить, что гребень изначально был частью другого предмета в виде длинной пластины, то сцена с изображениями персонажей должна была бы быть нанесена только на одну сторону пластины, так как обе сцены продолжают друг друга. Возникает вопрос, зачем нужно было изображать продолжающую одна другую сцену на обеих сторонах? Нам известно, что все изображения на пластинах, в основном, наносились на лицевую сторону поделок, на что указывают находки из Беграма (Hackin, Hackin, 1939. Fig. 84, 85, 107, 233, 237; Hackin, 1954. Fig. 233, 650, 651, 654).

На наш взгляд, вышеизложенные аргументы не оставляют никаких сомнений в том, что изначально данный предмет являлся гребнем, а не частью какого-то другого предмета.

В получившейся таким образом после соединения двух композиций сцене с бегущей (Пугаченкова и др., 1978. С. 136) или танцующей (Mehendale, 2005) перед слоном женщиной, которая указывает путь сидящей на слоне чете, мы видим, что она протягивает руку не просто в пространство, а указывает на центрального персонажа, а именно на госпожу, сидящую в окружении своей свиты из четырех женщин. Она изображена крупнее, чем остальные, дабы подчеркнуть ее величие. В данной сцене только один персонаж смотрит в сторону приближающихся гостей, а взор остальных обращен на центральную женскую фигуру, которая держит в правой руке какой-то предмет с ручкой и смотрит на него. Возможно, этим предметом является зеркало (рис. 3, 1). Аналогичное изображение имеется на пластинке из слоновой кости из Беграма, где на одной из частей изображены две женщины. Одна из них держит в руках зеркало с похожей ручкой, а вторая опустилась перед ней на колени (рис. 3, 2) (Hackin, Hackin, 1939. P. 87–88. № 329 [183b]. Fig. 175–176, 181–182). На другой небольшой пластине (11,5 × 11,7 × 0,8 см) из этой же коллекции в нижнем левом углу показана женщина, сидящая на табурете, ее правая рука лежит на коленях, левая поднята (рис. 3, 3). В правой нижней части пластины сохранилось изображение ребенка. На верхней части пластины мы видим женщину, сидящую на круглой

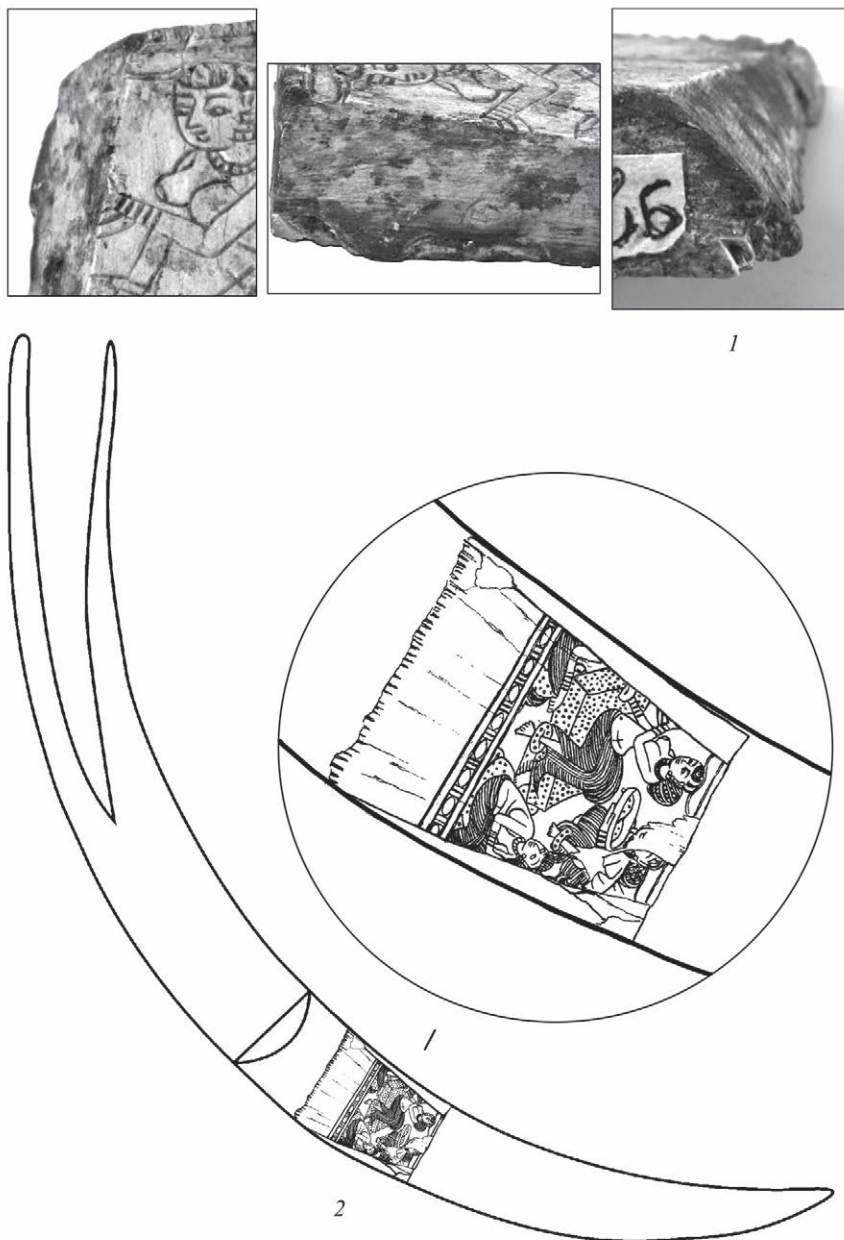

Рис. 2. Особенности изделий из слоновой кости

1 – боковые грани гребня с Дальверзинтепа; 2 – разрез структуры бивня слона

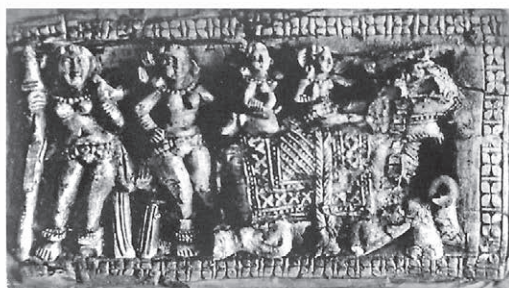
1

2

3

4

5

подушке. Слева от нее – склонившаяся женщина, которая держит перед собой поднос с двумя выпуклыми овальными предметами (рис. 3, 3) (*Hackin, Hackin*, 1939. P. 97. No. 330 [184]. Pl. LXII. Fig. 190b; *Hackin*, 1954. Fig. 652). Эта сцена по своим мотивам напоминает изображение из Дальверзинтепа: здесь, за исключением ребенка, те же полуобнаженные пышногрудые женские персонажи, одетые в похожие одежды, со схожими прическами из густых волос, уложенных сзади в массивные букли.

А сцена с изображением слона и как бы восседающими на нем двумя фигурами на гребне из Дальверзинтепа также находит аналогии на пластинах из Беграма (рис. 3, 4) (*Hackin*, 1954. P. 118. Fig. 113–114; *Francine*, 2006. 244. Fig. K.p. Beg. 596. 336). Здесь фигуры женщины и мужчины изображены сидящими на слоне, накрытом попоной, а в нашем случае эти фигуры сидят не на самом слоне, а на специальном кресле (рис. 1, 5). Возможно, резчику было сложно изобразить восседающих персонажей с опущенными по бокам слона ногами, как на беграмских пластинах. Также довольно сложно было передать ноги слона, которые показаны прямыми линиями. Привлекают внимание бокалы, один из которых изображен напротив женщины, сидящей на слоне, а второй – левее и ниже. Похожий сосуд имеется и на одной из пластин из Беграма (*Hackin*, 1954. Fig. 651), где полуобнаженная женщина держит бокал в правой руке и подносит его ко рту (рис. 3, 5). В нашем случае мастер, возможно, пытался показать схожую сцену, но не смог изобразить кубок в руке женщины. Не исключено, что ему не хватило места.

Нижняя часть гребня с обеих сторон обрамлена орнаментальными поясками, состоящими из ритмично сменяющих друг друга изображений овалов и парных коротких вертикальных полос между ними. Аналогичную орнаментацию опять-таки мы видим и на вышеописанных пластинах из Беграма (*Hackin, Hackin*, 1939. P. 87–90. No. 329 [183a, b]. Fig. 175, 181; *Hackin*, 1954. Fig. 233). Подобный орнамент служил в качестве обрамления каких-нибудь изображений или же, как в нашем случае, исполнял роль разделителя декоративной части гребня от рабочей. Обычно такие обрамления наносили после выполнения основных работ. То же самое можно сказать и об аркообразных бордюрах на верхней части гребня, которые также находят аналогии в Беграмских пластинах (рис. 3, 3, 5). В данном случае эти аркообразные бордюры вырезаны после основных гравировочных работ.

Исходя из вышеизложенного, мы можем предположить, что мастеру-резчику данный сюжет был знаком по материалам Беграма. Возможно, он их даже видел в самом Беграме и, восхищенный работой мастеров, сделал зарисовки, а позже на их основе создал свою композицию из разных частей данной сце-

Рис. 3. Реконструкция и аналогии изображениям

1 – сцена на гребне из Дальверзинтепа. Реконструкция автора, прорисовка М. Б. Бекназаровой; 2 – фрагмент пластины с изображением госпожи и служанки, Беграм; 3 – прорисовка пластины с изображением полуобнаженных женских фигур и мальчика, Беграм; 4 – пластина с изображением женщин и слона, Беграм; 5 – прорисовка пластины с изображением сидящих знатных дам и служанки, Беграм

ны. Возможно также, что в руки мастера попал какой-то предмет из Беграма и на основании этого был сделан шаблон-трафарет. В данный момент возникает другой немаловажный вопрос: был ли гребень изготовлен на Дальверзинтепа или же он привозной? Г. А. Пугаченкова считала, что данный гребень является предметом индийского экспорта. Конечно, это вопрос дискуссионный, так как изображение по своему сюжету, стилю и иконографии очень похоже на индийские предметы. Как мы сказали выше, в описанной сцене очень ярко прослеживается беграмский стиль, который, несомненно, относят к гандхрской школе. Но стиль гравировки гребня из Дальверзинтепа отличается от беграмских и индийских. Здесь резьба более тонкая, объемная, детали показаны значительно реалистичнее, также одной из отличительных черт являются лица женщин, что дает нам основание предположить о местном происхождении нашего гребня. Более подробно эту тему затрагивает Лолита Неру (Nehru, 2004. Р. 101–103), она сопоставляет находки из Бактрии с Беграмом и Индией, считая, что бактрийская школа резьбы развивалась самостоятельно под влиянием индийской, греко-римской, местной и кочевнической художественных традиций. Но одно из самых важных ее заключений – это то, что некоторые предметы из Беграмской коллекции были изготовлены бактрийскими мастерами (Ibid. Р. 103), доказательством тому являются сюжетные изображения на пластинах. Схожую точку зрения высказывает и С. Мехендали, говоря, что дальварзинтепинские предметы из слоновой кости, скорее всего, были предметами местного производства, что это был период расцвета искусства резьбы под влиянием индийской культуры с эллинистическими элементами. Автор этих строк также считает, что данные предметы являются продуктами местного производства, то есть бактрийскими. Возможно, в кушанское время были странствующие мастера, которые ездили по разным городам и под заказ для богатых домовладельцев изготавливали те или иные предметы искусства, которые были в моде.

Пока еще сложно с уверенностью сказать, использовались ли шаблоны-трафареты при нанесении гравировки и на другие предметы. Возможно, такая техника применялась при гравировке некоторых предметов из Беграма и Тахти-Сангина. Ответить на этот вопрос непросто, для этого необходимо дальнейшее изучение предметов из слоновой кости, анализ материала и сопоставление изображительных сюжетов.

На городище Кампыртепа был найден один гребень, вырезанный из простой кости (Никоноров, 2000. С. 131–133. Рис. 2; Древности..., 1991. С. 285. № 158) и по обеим сторонам декорированный рисунками (рис. 1, б). Он также имеет трапециевидную форму. По контуру гребня, с небольшим отступлением от края, процарапаны линии, создающие своего рода обрамление для изображения. На одной из сторон выполнен погрудный портрет молодой женщины с повернутой вправо вполоборота головой. На другой стороне гребня изображен петух, стоящий вправо в профиль. Рисунки нанесены черной тушью. Длина верхнего и нижнего оснований составляет соответственно 58 и 66 мм, высота – 53 мм (включая длину сохранившихся зубьев 16 мм), толщина 3 мм, причем на зубьях книзу толщина уменьшается до 0,5 мм. На гребне чувствуется более тонкая работа и заметно, что мастер был достаточно умелым, а материалом для изготовления была простая,

а не слоновая кость, как считает В. Никоноров, так как на поверхности поделки видны тончайшие кровеносные сосуды, характерные только для простой кости (MacGregor, 1985; Krzyszkowska, 1990; Петерс, 1986).

Единственный двухсторонний гребень найден на территории городища Старый Термез (рис. 1, 9). Это гребень костяной (?), частично сколот, с широким основанием, мелкими зубцами с одной стороны (из 30 сохранилось 19), а с другой – с крупными, где все 6 зубцов полностью утрачены. Основание рабочей части мелких зубцов аркообразной формы с заострением в центре. Размеры $7 \times 8 \times 0,3$ см.

Данная находка, предположительно, имела более декоративный характер, чем предмет для расчесывания волос, на что указывает аркообразная форма на основании мелких зубцов. Такая форма оснований была неудобна для скольжения по волосам, так как у большинства типичных гребней основание зубцов имело треугольную форму, которая сохранилась и до сегодняшних дней.

Возникает следующий вопрос: почему же так мало гребней на территории античной Бактрии? Сегодня невозможно однозначно ответить на этот довольно сложный вопрос в силу того, что количество гребней – по сравнению с другими находками косторезного производства – слишком мало. Такая ситуация наблюдается не только на территории Бактрии, но и в других историко-культурных областях античного мира. Н. И. Сокольский в свое время в одной из своих работ обращает внимание на скудное количество гребней в античных памятниках Средиземноморья.

На наш взгляд, есть два предположения по данному вопросу. Первое – основная часть гребней изготовлялась из дерева, и в силу природных обстоятельств (близкие почвенные воды и соленость грунта) они не сохранились до наших дней. Второй вариант – менее обеспеченная часть населения Бактрии не пользовалась гребнями для расчесывания и для укладки волос, что, возможно, было связано с их образом жизни и социальным уровнем этой прослойки населения.

Приемы изготовления гребней в целом на протяжении античной эпохи изменились мало (Сокольский, 1971. С. 147). Гребни, сделанные из одной пластины, по форме и технике изготовления имеют много общего с деревянными. Н. И. Сокольский в книге «Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья» описывает технику изготовления деревянных гребней (Там же. С. 147–148), которая мало чем отличалась от костяных. Н. И. Сокольский пишет: «Мастер вначале, путем распиловки изготавливал соответствующей толщины дощечки, которые выравнивались рубанком или широким резцом, затем отпиливались и затесывались с краев по расчерченной фигуре гребня, после чего равномерно затесывались на конус с края дощечки для зубцов. Заготовку гребня тщательно выравнивали и подрезали боковые края по задуманной форме. Затем всю поверхность заготовки полировали⁵. И только после этого нарезали зубья. Во всех случаях делалась отметка нижней границы зубьев,

⁵ Поверхность также полировали после завершения всех работ по гребню, чтобы удалить царапины на его поверхности, придать гладкость и товарный вид изготовленному предмету.

т. е. линий распила, чем достигалась ровная толщина всех зубьев. Пропиловка шла не с одной стороны, а попеременно с обеих сторон для предотвращения сломов и отщепов, а также для создания треугольного основания пропилов»⁶. Как считает Н. И. Сокольский, только в единичных случаях – у гребней худшего качества – основание пропила было горизонтальным. Ширина пропила равнялась ширине хода зубов пилы, поэтому для пропилов зубьев частого и редкого рядов применялись пилки различной толщины (Сокольский, 1971. С. 148). Нередко мастер не рассчитывал усилие нажатия в ходе пропилировки и заходил за линию разметки, как мы видим это на гребне из Кампыртепа (рис. 1, б).

Анализируя технику изготовления гребней, в особенности находок из Дальверзинтепа, Кампыртепа и Старого Термеза, можно прийти к заключению, что они были изготовлены достаточно профессиональными резчиками по кости (кроме одного из кампыртепинских, о чем говорилось выше). Конечно, мы не можем с точностью сказать, что эти мастера специализировались только на гребнях, как это имело место в Северном Причерноморье (Сокольский, 1971. С. 147), или же они изготавливали и другие предметы из кости в своих мастерских. Об этом трудно судить по причине очень малого количества находок. С другой стороны, именно малое количество находок дает нам возможность предположить, что, скорее всего, на территории Бактрии в античное время не было специализированных мастеров, выполнявших работы только по гребням.

Следует отметить, что наши исследования осложняет тот факт, что до сегодняшнего дня еще не была обнаружена мастерская костореза на территории Бактрии. Подобное открытие могло бы дать нам более полную картину этого вида ремесла, а также представление о статусе мастеров в обществе, объеме производства, о том, какие материалы использовались, и, самое главное, об инструментах, о которых очень мало известно в античном мире и которые могли бы пролить свет на целый ряд вопросов о технике изготовления предметов и приемов резьбы по кости. Но тот факт, что на этой территории было найдено большое количество находок из кости, и в том числе из слоновой, дает нам основание считать, что в Бактрии в античное время этот вид ремесла был достаточно широко распространен и мастера – резчики по кости владели всеми необходимыми навыками. Одним из косторезных центров мог быть Тахти-Сангин, где изготавливались высокохудожественные предметы из слоновой кости. Например, ножка стола, гребень, игральная кость и шахматные фигурки. Надеемся, что в дальнейшем, по мере продолжения археологических работ на памятниках Южного Узбекистана и Таджикистана, а также Северного Афганистана, появятся новые находки гребней и мы со временем будем

⁶ Мы не можем полностью согласиться с мнением Н. И. Сокольского о том, что пропиловка шла с обеих сторон попеременно для создания треугольного основания. Деревянные гребни, как и костяные, достаточно прочный материал, и для гребней такая практика мало применима. Мастеру легче было допилить зубцы с одной стороны, а после такой пропиловки, чтобы придать треугольный характер основанию, достаточно было лишь перевернуть гребень и допилить его до нужного вида, который бы придал возможность для скольжения волос.

располагать достаточным материалом для расширения наших знаний об этих интересных предметах.

ЛИТЕРАТУРА

- Древности южного Узбекистана: каталог. Токио: Университет Сока, 1991. 333 с.
- Литвинский Б. А., 2010. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.: Восточная литература. 760 с.
- Никитина Г. Ф., 1969. Гребни Черняховской культуры // СА. № 1. С. 147–159.
- Никоноров В., 2000. Уникальный гребень из Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 1. Ташкент: SAN'AT. С. 131–138.
- Петерс Б. Г., 1986. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука. 191 с.
- Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др., 1978. Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан. 238 с.
- Сарианиди В. И., 1989. Храм и некрополь Тиллятепе. М.: Наука. 240 с.
- Сокольский Н. И., 1971. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука. 328 с.
- Туллагов А. А., 2007. Гребни из древних и средневековых погребений кочевников Северного Кавказа и Северного Причерноморья // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Вып. 1 (40). С. 5–17.
- Agrawala R. C., 1968. Early Indian Bone Figures in the National Museum, New Delhi // East and West. Vol. 18. No. 3/4. P. 311–322.
- Barnett R. D., 1982. Ancient Ivories in the Middle East. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem. 99 p. (QEDM: Monographs of the Institute of Archaeology; vol. 14.)
- Behrendt K. A., 2007. The Art of Gandhara in the Metropolitan Museum of Art. New York: Metropolitan Museum of Art; New Haven: Yale University Press. 115 p.
- Daremberg Ch. C., 1873. Dictionnaire des Antiquités grecques et Romaines. D'après les Textes et les Monuments. T. 4. Pt. 1: N – Q. Paris: Librairie Hachette. 826 p.
- Die Kämme aller Zeiten von der Steinzeit bis zur Gegenwart / Hrsg. F. Winter. Leipzig: H. A. L. Degener, 1906. 12 S. 84 taf.
- Drujinina A., Lindström G., Pitschikjan I. Weihgaben und andere Funde aus dem Oxos-Tempel in Taxt-i Sangin. (In print.)
- Francine T., 2006. Catalogue of the National Museum of Afghanistan 1931–1985. Paris: UNESCO Publishing. 539 p.
- Guillaume O., Rougeulle A., 1987. Fouilles d'Ai Khanoum. VII: Les Petits Objets. Paris: Diffusion de Boccard. 139 p. (MDAFA, t. XXXI.)
- Hackin J., 1954. Nouvelles recherches archéologiques à Begram (ancienne Kapici) (1939–40). Paris: Imprimerie Nationale: Presses Universitaires. 353 p. (MDAFA, t. XI.)
- Hackin J., Hackin J. R., 1939. Recherches Archéologiques à Begram. Chantier no. 2. (1937). Paris: Editions d'art et d'histoire. 126 p. (MDAFA, t. IX.)
- Krzyzskowska O., 1990. Ivory and Related Materials. An Illustrated Guide. London: Institute of Classical Studies. 109 p. (Classical Handbook; vol. 3.) (Bulletin Supplement; no. 59.)
- MacGregor A., 1985. Bone, Antler, Ivory, and Horn: The Technology of Skeletal Material the Roman Period. London: Croom Helm; Totowa, N. J.: Barnes & Noble. 245 p.
- Marshall J., 1951. Taxila: An Illustrated Account of Archaeological Excavations carried out at Taxila under the orders of Government of India between the years 1913 and 1934. Vol. I. Cambridge: Cambridge University press. 895 p.
- Mehendale S., 2005. Begram Ivory and Bone Carvings [Electronic resource]. Access mode: ecai.org/begramweb/docs/BegramChapter4_2.htm. Access Date: 27.02.2018.
- Nehru L., 2004. A Fresh Look at the Bone and Ivory Carving from Begram // Silk Road Art and Archaeology. No. 10. Kamakura. P. 97–150

- Stucky R. A., 1985. Achämenidische Hölzer und Elfenbeine aus Ägypten und Vorderasien im Louvre // Antike Kunst. Jahrg. 28. H. 1. S. 7–12.
- Thomas S., 1960. Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit // Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege. Bd. 8. Leipzig: Universitätsbibliothek Johann Christian Senckenberg. S. 54–215.
- Wicke D., 2009. Die Kleinfunde aus Elfenbein und Knochen aus Assur (Grabungen 1903–1914): Eingereicht als Habilitationsschrift am Fachbereich 07 der Johannes Gutenberg-Universität Mainz. Mainz. 320 p.
- Yasutami F., 1996. The History of Prosperity and Decline Okimono of Ivory in the Meiji // History of Japanese ivory carving. Gebory-okimono and Shibayama of Meiji Period. (福井泰民「明治の牙彫置物盛衰史」『日本象牙美術』). Tokyo: The Shoto Museum of Art. 254 p.

Сведения об авторе

Арипджанов Отабек Юсупджанович, Государственный музей истории Узбекистана АН РУз, пр. Ш. Рашидова, 3, Ташкент, 100029, Узбекистан: e-mail: otabek_ar@hotmail.com

O. Yu. Aripdjanov

BONE COMBS FROM BACTRIA:
A NEW GLANCE ON ICONOGRAPHY OF IMAGES
AND PRODUCTION TECHNIQUES

Abstract. This paper is devoted to the study of bone combs found during archaeological excavations in ancient Bactria (Northern Afghanistan, southern regions of Uzbekistan and Tajikistan). The study offers a typology of eight single-sided and double-sided combs (late 4th century BC – 3rd century AD), which are divided into types and variants based on their shape. The classification has been used to propose a new interpretation of some finds. For instance, the analysis of techniques used to make images on the combs suggests that, in order to make the comb from Dalvarizintepa, the craftsman used a pattern (stencil) prepared in advance. In addition to that, the paper analyzes functions of some combs, explores the impact of Indian culture on narrative scenes on the combs and their shape. Tools and techniques of making bone combs are reviewed in detail and information on raw material sources of bone items dated to the Classical Period is provided. Besides, the author describes his concepts about carving of tubular bones and their use for making combs as well as results of additional experiments conducted to carve this material.

Keywords: Bactria, Hellenistic period, Kushan Empire, bone carving, bone, typology, production technique.

REFERENCES

- Agrawala R. C., 1968. Early Indian Bone Figures in the National Museum, New Delhi. *East and West*, vol. 18, no. 3/4, pp. 311–322.
- Barnett R. D., 1982. Ancient Ivories in the Middle East. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem. 99 p. (QEDEM: Monographs of the Institute of Archaeology, 14.)
- Behrendt K. A., 2007. The Art of Gandhara in the Metropolitan Museum of Art. New York: Metropolitan Museum of Art; New Haven: Yale University Press. 115 p.

- Darembert Ch. C., 1873. Dictionnaire des Antiquités grecques et Romaines. D'après les Textes et les Monuments, vol. 4, pt. 1. Paris: Librairie Hachette. 826 p.
- Die Kämme aller Zeiten von der Steinzeit bis zur Gegenwart. F. Winter, ed. Leipzig: H. A. L. Degener, 1906. 12 s. 84 ill.
- Drevnosti yuzhnogo Uzbekistana: katalog [Antiquities of South Uzbekistan: catalogue]. Tokio: Universitet Soka, 1991. 333 p.
- Drujinina A., Lindström G., Pitschikjan I. Weihgaben und andere Funde aus dem Oxos-Tempel in Taxt-i Sangin (In print).
- Francine T., 2006. Catalogue of the National Museum of Afghanistan 1931–1985. Paris: UNESCO Publishing. 539 p.
- Guillaume O., Rougeulle A., 1987. Fouilles d'Ai Khanoum, VII. Les Petits Objets. Paris: Diffusion de Boccard. 139 p. (Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan, XXXI.)
- Hackin J., 1954. Nouvelles recherches archéologiques à Begram (ancienne Kapici) (1939–40). Paris: Imprimerie Nationale: Presses Universitaires. 353 p. (Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan, XI.)
- Hackin J., Hackin J. R., 1939. Recherches Archéologiques à Begram, 2. Paris: Editions d'art et d'histoire. 126 p. (Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan, IX.)
- Krzyszkowska O., 1990. Ivory and Related Materials. An Illustrated Guide. London: Institute of Classical Studies. 109 p. (Classical Handbook, 3). (Bulletin Supplement, 59.)
- Litvinskiy B. A., 2010. Khram Oksa v Baktriï (Yuzhnyy Tadzhikistan) [Oxus Temple in Bactria (South Tajikistan)], 3. Iskusstvo, khudozhestvennoe remeslo, muzykal'nye instrumenty [Art, artistic crafts, musical instruments]. Moscow: Vostochnaya literatura. 760 p.
- MacGregor A., 1985. Bone, Antler, Ivory, and Horn: The Technology of Skeletal Material the Roman Period. London: Croom Helm; Totowa, N. J.: Barnes & Noble. 245 p.
- Marshall J., 1951. Taxila: An Illustrated Account of Archaeological Excavations carried out at Taxila under the orders of Government of India between the years 1913 and 1934, vol. I. Cambridge: Cambridge at the University press. 895 p.
- Mehendale S., 2005. Begram Ivory and Bone Carvings // Electronic resource. URL: ecai.org/begramweb/docs/BegramChapter4_2.htm
- Nehru L., 2004. A Fresh Look at the Bone and Ivory Carving from Begram. *Silk Road Art and Archaeology*, 10. Kamakura, pp. 97–150.
- Nikitina G. F., 1969. Grebni chernyakhovskoy kul'tury [Combs of Chernyakhov culture]. *SA*, 1, pp. 147–159.
- Nikonov V., 2000. Unikol'nyy greben' iz Kampyrtepa [Unique comb from Kampyrtepa]. *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii* [Proceedings of Tokharistan expedition], 1. Tashkent: SAN'AT. C. 131–138.
- Peters B. G., 1986. Kostoreznoe delo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya [Bone carving in Classical states of North Pontic zone]. Moscow: Nauka. 191 p.
- Pugachenkova G. A., Rtveladze E. V. i dr., 1978. Dal'verzintepe – kushanskiy gorod na yuge Uzbekistana [Dal'verzintepe – Kushan city in the south of Uzbekistan]. Tashkent: Fan. 238 p.
- Sarianidi V. I., 1989. Khram i nekropol' Tillyatepe [Temple and necropolis Tillyatepe]. Moscow: Nauka. 240 p.
- Sokol'skiy N. I., 1971. Derevoobrabatyvayushchee remeslo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya [Woodcarving craft in Classical states of North Pontic zone]. Moscow: Nauka. 328 p.
- Stucky R. A., 1985. Achämenidische Hölzer und Elfenbeine aus Ägypten und Vorderasien im Louvre. *Antike Kunst*, 28/1, pp. 7–12.
- Thomas S., 1960. Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit. *Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege*, 8. Leipzig: Universitätsbibliothek Johann Christian Senckenberg, pp. 54–215.
- Tuallagov A. A., 2007. Grebni iz drevnikh i srednevekovykh pogrebeniy kochevnikov Severnogo Kavkaza i Severnogo Prichernomor'ya [Combs from ancient and medieval burials of nomads of North Caucasus and North Pontic zone]. *Izvestiya Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy* [Bulletin of North Ossetia Institute for humanities and social studies], 1 (40), pp. 5–17.

- Wicke D., 2009. Die Kleinfunde aus Elfenbein und Knochen aus Assur (Grabungen 1903–1914): Eingereicht als Habilitationsschrift am Fachbereich 07 der Johannes Gutenberg-Universität Mainz. Mainz. 320 p.
- Yasutami F., 1996. The History of Prosperity and Decline Okimono of Ivory in the Meiji. *History of Japanese ivory carving. Gebory-okimono and Shibayama of Meiji Period.* (福井泰民「明治の牙彫置物盛衰史」『日本象牙美術』). Tokyo: The Shoto Museum of Art. 254 p.

About the author

Aripdjanov Otabek Yu., State Museum of history of Uzbekistan, Academy of Sciences Republic of Uzbekistan, prosp. Sh. Rashidova, 3, Tashkent, 100029, Uzbekistan; e-mail: otabel_ar@hotmail.com

Н. В. Лопатин

О ГОРОДИЩАХ V–VII вв. В ВЕРХНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ И НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

Резюме. Разбирается проблематика изучения городищ раннеславянского круга культур третьей четверти I тыс. н. э. – псковских длинных курганов, тушемлинско-банцеровской и колочинской. Среди проблем – культурная принадлежность отдельных памятников и целых групп, датировка, интерпретация городищ. Из числа упоминаемых в литературе 258 городищ указанных культур на карту нанесено 64 пункта, керамика и другие находки из которых известны и могут быть атрибутированы.

Ключевые слова: укрепленное поселение, городище-убежище, святилище, фортификации, эпоха Великого переселения народов.

В третьей четверти I тыс. н. э. в Верхнем Поднепровье и на Северо-Западе России были распространены культуры колочинская, тушемлинско-банцеровская и псковских длинных курганов, а также некоторые более мелкие группы древностей. Все они, согласно концепции, поддерживаемой автором, развиваются на основе разных вариантов киевской культурно-исторической общности при участии ряда других культурных групп (Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 92–105).

Наряду с чертами сходства, все перечисленные культуры имеют свои особенности, в том числе в типах и характере памятников – селищ, городищ различного назначения, курганных и грунтовых могильников.

Пространственный анализ археологических древностей следует в конечном счете осуществлять на материале памятников всех типов. Однако северная часть обозначенной территории известна в первую очередь курганами, центральная – городищами и селищами, южная – в основном селищами (см., напр.: Седов, 1982. С. 30, 31, 35, 48, 49, 56). В этой ситуации общий взгляд на памятники одного типа, в данном случае городища, позволяет выявить или подчеркнуть те или иные особенности больших и малых регионов.

В изучении городищ указанной территории накопились проблемы, для решения которых необходимо в первую очередь провести их общую инвентаризацию.

Первая из важнейших проблем – это культурная принадлежность отдельных памятников и целых их групп. Так, городища Северной Белоруссии, относимые традиционно к банцеровской культуре, сосуществуют здесь с длинными курганами псковского типа (*Митрофанов*, 1978. С. 121; *Штыхаў*, 1999. С. 383). Это создает дилемму: включать ли данные курганы также в банцеровскую культуру или, наоборот, присоединить весь регион к ареалу культуры псковских длинных курганов (далее – КПДК). Другой пример: городища смоленского и оршанского Поднепровья и Подвинья – Демидовка, Акатово, Никодимово, Черкасово и др. – являются «спорными»: одни авторы относят их к тушемлинской культуре (*Шмидт*, 2003. С. 27–31), другие – к колочинской (*Обломский*, 2016. С. 21).

Вторая проблема – датировка и критерии отнесения того или иного городища к указанному кругу культур. Дело в том, что многие городища первоначально возникли в предшествующую эпоху, а в третьей четверти I тыс. осваивались заново, иногда без очевидных дополнительных строительных работ. В литературе изложены довольно противоречивые взгляды по вопросу критериев отнесения городищ к культурам V–VII вв. Обобщая материалы колочинской культуры, А. М. Обломский относит к ней только те городища, где в результате раскопок укрепления датированы колочинским временем (Там же). Однако если применить этот подход и к остальным синхронным древностям, то из рассмотрения в качестве городищ соответствующих культур придется исключить многие памятники, где остатки укреплений не подвергались археологическому изучению. Анализируя приемы фортификации третьей четверти I тыс. н. э. в лесной зоне, И. И. Еремеев смог привлечь материалы всего двух десятков памятников: КПДК и «ильменская группа» – 5, древности типов Тушмя-Банцеровщина-Колочин – 11, пражская культура – 4 (*Еремеев, Дзюба*, 2010. С. 123–157).

Иной подход к интерпретации городищ КПДК продемонстрировал А. Г. Фурасев в новаторской статье 1995 г. В этой зоне вообще городища изучались мало, в ряде случаев раскопки зафиксировали отсутствие находок. Городища раннего железного века на территории КПДК относительно малочисленны, и убежища эпохи переселения зачастую создавались здесь на пустом месте. Признаками принадлежности к КПДК определены нахождение городища по соседству с памятниками этой культуры других типов, особая система укреплений (два основных типа), определенная ландшафтная приуроченность (*Фурасев*, 1995). Малочисленность находок привела исследователя к фактическому отказу от их рассмотрения даже в тех случаях, когда они есть, а также к тезису о невозможности в большинстве случаев прямой датировки укреплений.

Особая система укреплений и отсутствие выраженного слоя составляют диагностический комплекс признаков – даже если по соседству не обнаружено открытых поселений. Подобные пункты предложено считать «кратковременными специализированными укрепленными лагерями, контролировавшими водные пути и другие важные участки» (Там же. С. 147).

Последнее суждение переводит нас к третьей из ключевых проблем – назначению городищ. Наряду с основной функцией укрепленного поселения («городка»), для указанного круга древностей многократно обсуждались в литературе варианты городищ как убежищ для жителей открытых поселений на случай опасности, культовых центров (святилищ), предназначенных для совершения

обрядов и иных общественных действ. Рассмотрим некоторые мнения на этот счет.

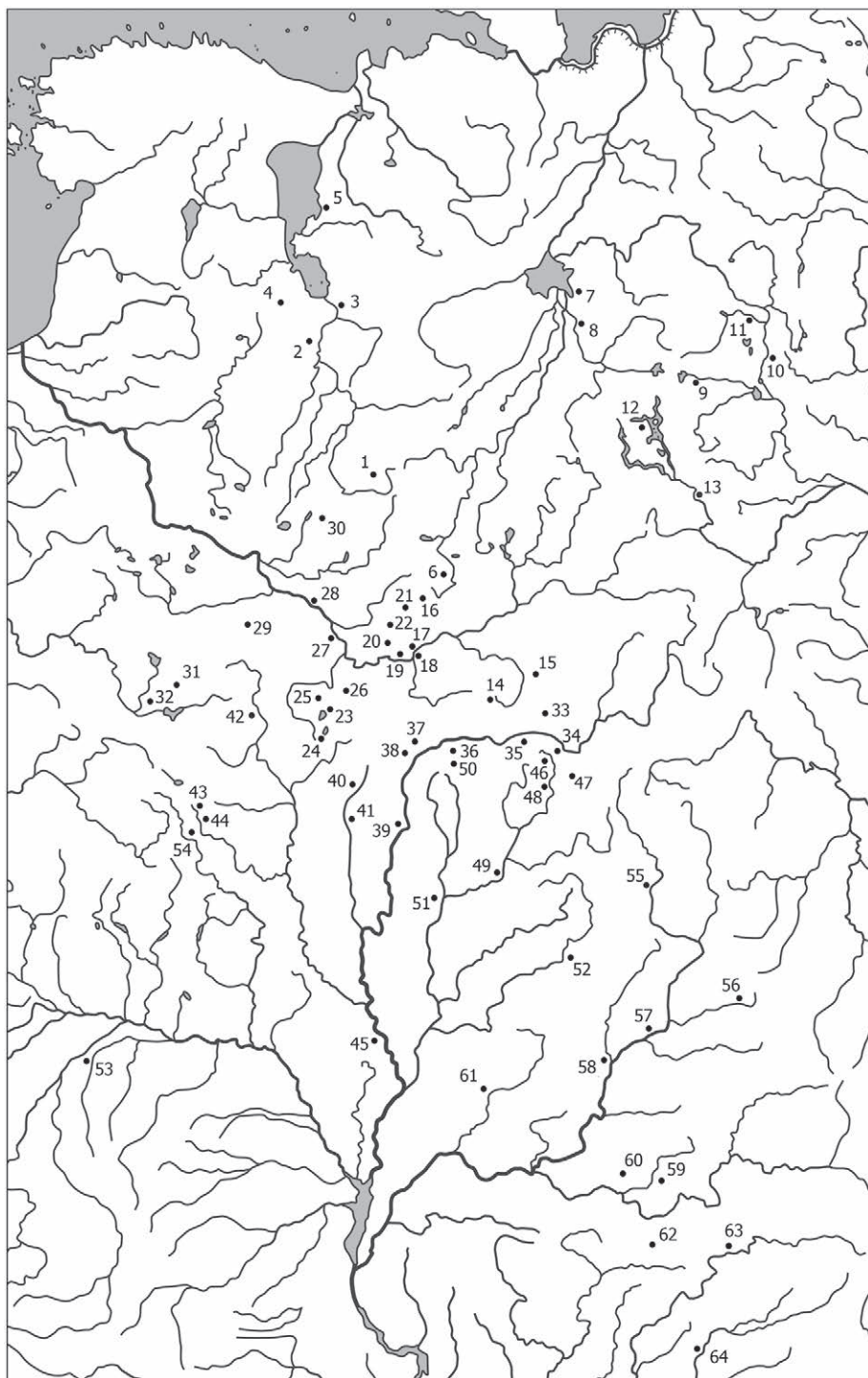
Вариантом отсутствия слоя как признака убежища можно считать и некоторую разновременность культурных остатков городища и прилегающего открытого поселения. Примерами такой ситуации являются комплексы из городищ с селищами Бураково и Казиново в витебском Подвинье. Несмотря на сходство материальных остатков укрепленной и открытой частей каждого из комплексов, было замечено, что керамический комплекс городища в каждом случае более ранний, чем селища (Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 48, 122, 123). На обоих городищах отложились материалы римского времени (тип Заозерье), а несколько позднее были обжиты и прилегающие открытые участки. Иными словами, вероятно, в римское время городище использовалось как поселение, а позднее – как убежище.

Тема городищ-святилищ разрабатывалась П. Н. Третьяковым, открывшим на ряде городищ смоленского Посожья (Тушемля, Городок, Прудки) следы круглых столбовых сооружений третьей четверти I тыс. н. э., включенных в планировку площадки и интерпретированных им как святилища (Третьяков, 1963. С. 18). К объектам такого рода относят также обвалованные круглые площадки очень малой площади. В. В. Седов убедительно причислил ряд таких объектов к ранним древнерусским, связав с языческой культурой кривичей VIII–XI вв. (Седов, 1962). Сходную дату (IX–X вв.) предложил П. Н. Третьяков, но рассматривал их как поздний вариант городищ типа Тушемли (Третьяков, 1963. С. 39). Известны «малые» городища с кольцевыми укреплениями (Золотомино), признаваемые остатками святилищ и датированные находками колочинской керамики (Расадзін, 1985; Макушников, 2014. С. 364).

Интересны примеры использования более ранних городищ для совершения погребальных обрядов: Случёвск, где обнаружены человеческие останки с материалами колочинской культуры (Шинаков, 1986), и Дягилево, где непосредственно на площадке городища находятся два кургана КПДК (Исланова, 2015. С. 385).

Необходимо особо остановиться и на интерпретации тех городищ, где обнаружены артефакты изучаемого времени, но фортификации и застройка не изучались или использование укреплений в данное время осталось недоказанным. В каталоге памятников колочинской культуры, исследованных раскопками, А. М. Обломский обозначает такие пункты «на городище» и указывает на необходимость специальной проверки этих случаев, поскольку колочинская керамика может присутствовать в составе более поздних, волынцевских комплексов, а также свидетельствовать о ритуальных действиях на возвышенных местах (Обломский, 2016. С. 18, 62–63). Представляется наиболее правильным считать такие памятники городищами невыясненного назначения или особого типа и не обходить их исследовательским вниманием.

Своеобразная ситуация наблюдается в южной части ареала колочинской культуры вместе с примыкающим регионом пеньковской, где находки этих культур (керамика и украшения) на городищах скифского времени, вкупе с данными о соседних открытых поселениях и кладах, складываются в цельную картину (Приймак, 2004. С. 283). Исходя из слишком больших размеров городищ (по сравнению с селищами этого времени), предполагается, что в беспокойный

период этнокультурного перелома конца VII в. городища использовались для пребывания дозоров, но вряд ли служили полноценными крепостями (*Приймак*, 2017. С. 74).

Картографируя городища всей рассматриваемой территории, можно пойти простым путем – объединить материалы карт и каталогов разных исследователей (*Шмидт*, 2003. С. 210–211; *Митрофанов*, 1978. С. 128; *Штыхов*, 1971; *Станкевич*, 1960; *Обломский*, 2016. С. 62–64; *Фурасьев*, 1995; *Еремеев*, *Дзюба*, 2010. С. 528–586). Подобным методом составлена недавно карта городищ дьяковской культуры (*Успенский*, *Чаукин*, 2016), в которой объединены сведения издания АКР (разных областей), собранные из документации различных авторов на основе их культурно-хронологических атрибуций памятников. Для первичного сбора материалов такой подход приемлем. По приблизительным подсчетам, в различных сводных работах содержатся сведения о следующем количестве городищ, предположительно относящихся к рассматриваемому кругу культур: Эстония – 2, Псковская обл. – 126¹, Новгородская обл. – 10, Тверская обл. – 33, Смоленская обл. – 31, Белоруссия – 44, Брянская, Орловская обл. и северо-восток Украины – 12 (всего 258).

В то же время, если мы ставим цель двигаться к решению перечисленных выше исследовательских проблем, следует применить к памятникам единые критерии отбора. Невозможно принять таким критерием исследованность оборонительных сооружений изучаемого периода: таких памятников будет слишком мало. Вероятно, изучение топографических планов позволит в будущем использовать в полной мере типологию фортификаций согласно их внешнему облику, опираясь на подмеченные исследователями признаки, характерные для изучаемой эпохи, – кольцевые укрепления в две и более линии. Однако в настоящее время создается впечатление, что применение этого признака как определяющего сильно расширит рассматриваемую территорию к западу и востоку, в области инокультурных древностей. Скорее всего, сходство систем укреплений позволит выявить большой ареал древностей, связанных общей судьбой, но не обязательно родственных по происхождению (*Фурасьев*, 1995. Рис. 3).

Главным же признаком, позволяющим отнести городища к изучаемому кругу культур, следует признать керамику и редкие металлические вещи характерных типов. Он и принят за основу при составлении предлагаемой версии карты (рис. 1, табл. 1). На нее нанесены только те из городищ, учтенных разными авторами, находки из которых известны хотя бы в минимальном объеме и могут быть атрибутированы. В табл. 1 приводятся ссылки на те источники, где опубликованы эти находки. Если публикации нет, но материалы изучались автором, сделана ссылка «Картотека автора».

¹ Благодарю Е. Р. Михайлову за предоставленный для ознакомления неопубликованный каталог памятников КПДК, в котором наиболее полно собраны данные о городищах Псковской и Тверской обл.

Рис. 1. Городища V–VII вв. в Верхнем Поднепровье и на Северо-Западе России (перечень памятников – в табл. 1)

**Таблица 1. Перечень городищ V–VII вв. к карте,
с указанием основных источников**

№	Название	Источник
1	Турушино	<i>Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 94</i>
2	Борохново	<i>Короткевич, Харлашов, 2014</i>
3	Псков	<i>Белецкий, 1980. С. 6. Рис. 3, 14–23; 7, 2</i>
4	Хинниала	<i>Valk, 2009</i>
5	Сторожинец	<i>Попов, 1989; 2013</i>
6	Жабино	<i>Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 94</i>
7	Городок на Маяте	<i>Еремеев, Дзюба, 2010. С. 65–122</i>
8	Сельцо	Там же. С. 123–126
9	Варварина Гора	<i>Буров, 2003; Исланова, 2015. Рис. 2; 3</i>
10	Дягилево	<i>Исланова, 2015. С. 385</i>
11	Ловницы	Там же. Рис. 4
12	Никола Рожок	<i>Исланова, 2016. С. 161</i>
13	Осечен	Там же. С. 162
14	Рокот	<i>Шмидт, 2002. Илл. 8, 6–9; 9, 1–10</i>
15	Акатово	<i>Шмидт, 2003. С. 31–39; картотека автора</i>
16	Вышедки	<i>Шадыра, 2005. Мал. 4, 9–16</i>
17	Лужесно	<i>Штыхаў, 2003. С. 265, 268</i>
18	Витебск	<i>Еремеев, 2015. С. 25–30</i>
19	Старое Село	<i>Подгурский, 2001; картотека автора</i>
20	Зароново	<i>Шадыро, 1985. Рис. 45, 2; картотека автора</i>
21	Бураково	<i>Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 122, 214, 215, 219</i>
22	Казиново	<i>Колосовский, Штыхов, 2005. Рис. 4–6</i>
23	Лукомль	<i>Еремеев, 2015. С. 40–44; картотека автора</i>
24	Клишино	<i>Шадыра, 2006. С. 64. Табл. 19</i>
25	Кострица	<i>Шадыро, 1985. Рис. 45, 1; картотека автора</i>
26	Новое Село	<i>Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 42, 123</i>
27	Заговалино	Там же. С. 123, 221
28	Полоцк	<i>Еремеев, 2015, 46, 47, 57</i>
29	Свила I	Там же. С. 49, 51, 62, 63
30	Осыно	<i>Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 106, 135</i>
31	Городище	Там же. С. 126, 228, 229
32	Некасецк	Там же. С. 126, 230, 231

Окончание таблицы 1

33	Близнаки	<i>Шмидт</i> , 2003. С. 228–248, 283, 284
34	Церковище	Там же. С. 277
35	Демидовка	<i>Лопатин</i> , 1989; <i>Шмидт</i> , 2003. С. 228–253, 281, 282
36	Вежки	<i>Колосовский</i> , 1997
37	Черкасово	<i>Левко</i> , <i>Колосовский</i> , 2003
38	Кисели	Там же
39	Могилёв (Змеёвка)	<i>Марзалюк</i> , 2011. Мал. 16–19
40	Друцк	<i>Еремеев</i> , 2015. С. 44–46, 56
41	Лемница	<i>Медведев</i> , 1995
42	Дедиловичи	<i>Лопатин</i> , <i>Медведев</i> , 2002
43	Заславль	<i>Еремеев</i> , 2015. С. 39, 40, 48
44	Банцеровщина	<i>Лопатин</i> , 1993
45	Колочин	<i>Сымонович</i> , 1963; <i>Макушников</i> , 2003; картотека автора
46	Лахтеево	<i>Третьяков</i> , 1963. С. 122
47	Городок	Там же. С. 100; картотека автора
48	Тушемля	<i>Третьяков</i> , 1963. С. 69; <i>Лопатин</i> , <i>Фурасьев</i> , 2007. С. 99
49	Кричев	<i>Мяцельскі</i> , 2003. С. 20
50	Никодимово	<i>Седзін</i> , 2000; картотека автора
51	Золотомино	<i>Расадзін</i> , 1985; картотека автора
52	Рассуха-2	<i>Гурьянов</i> , 2006
53	Хотомель	<i>Русанова</i> , 1973. С. 70
54	Строчицкое	<i>Еремеев</i> , 2015. С. 35–41
55	Владимировка	<i>Артишевская</i> , 1957. С. 87–89; картотека автора
56	Слободка	<i>Никольская</i> , 1987. С. 16–17; картотека автора
57	Макча	<i>Падин</i> , 1969. Рис. 3; 4
58	Случёвск	<i>Шинаков</i> , 1986
59	Будища	<i>Приймак</i> , 2017. Рис. 1, 7
60	Воргол	Там же. Рис. 1, 6
61	Мощёнка	<i>Щукин</i> , 1989. С. 112
62	Большие Будки	<i>Приймак</i> , 2017. Рис. 1, 2–5
63	Битица	Там же. Рис. 1, 8
64	Бельское	Там же. Рис. 2; 3

На карте территория зрительно делится на три части, из которых наибольшее сгущение памятников наблюдается в центральной (смоленско-белорусское Поднепровье и Подвинье), в то время как к северу и югу их плотность заметно меньше.

На самом деле северная часть ареала местами основательно заполнена городищами – особенно это касается северных и южных районов Псковской области. Для новгородской части ареала КПДК получен контрастный вывод об отсутствии здесь городищ (Фурасев, 1995; каталог Е. Р. Михайловой, см. вышеприведенные цифры). В настоящее время вывод в отношении «новгородского региона» КПДК частично оспорен И. В. Ислановой, опубликовавшей сводку из 7 городищ в пределах Тверской обл. – в верховьях рек Мсты и Шлины (Исланова, 2015). Однако археологические находки для северной части получены пока лишь в немногих пунктах, поэтому согласно применению принципу получаем соответствующую, довольно разреженную, картину (пункты 1–13). Все эти пункты относятся либо к культуре псковских длинных курганов, либо к той или иной небольшой группе родственных древностей, номенклатура которых еще не устоялась и здесь может быть вынесена за пределы обзора.

Материалы городищ центральной части ареала, многочисленных в сводных изданиях, в основном относятся к культуре типа Тушемли-Банцеровщины (пункты 14–44, 46–48, 50, 54). Ряд городищ, включенных в нашу сводку, содержат материалы более раннего времени (типа Заозерье), то есть, вероятно, захватывают лишь начало периода, обозначенного в заголовке (пункты 16, 19, 21, 22, 24, 26, 27, 30, 35, 41). Некоторые памятники имеют спорную культурную принадлежность, будучи причисленными рядом исследователей к колочинской культуре (15, 33, 35–40, 50).

В отдельных регионах хорошо известны хрестоматийные, эталонные памятники, но материалы других памятников не отражены в публикациях. К таким регионам относится, например, Днепро-Двинское междуречье в пределах Смоленщины, которое, хотя и известно как классическая «городищенская» территория, представлено на нашей карте довольно бедно.

К югу от Смоленской области, в зоне колочинской культуры, городищ довольно мало (пункты 45, 49, 51, 52, 55–63), даже если собрать все случаи нахождения керамики, невзирая на спорность датировки укреплений. Некоторые исследователи предполагают, что многие городища раннего железного века так или иначе использовались в колочинское время (Макушнікаў, 1999. С. 350–351; Приймак, 2004; 2017). Во всяком случае, материалы об этом использовании, пока еще немногочисленные, следует, очевидно, тщательно собирать. В пределы карты попали также два городища с материалами более южных раннеславянских культур – пражской (53) и пеньковской (64).

ЛИТЕРАТУРА

- Артишевская Л. В., 1957. Разведка в верховьях Десны // КСИИМК. Вып. 68. С. 83–89.
Белецкий С. В., 1980. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. Вып. 160. С. 3–18.

- Буров В. А., 2003. Городище Варварина Гора. Поселение I–V и XI–XIV веков на юге Новгородской земли. М.: Наука. 472 с.
- Гурьянов В. Н., 2006. Об одной группе древностей с городища Рассуха // Археологическое изучение Центральной России / Ред. А. Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ. С. 246–248.
- Еремеев И. И., 2015. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб.: Дмитрий Буланин. 696 с.
- Еремеев И. И., Дзюба О. Ф., 2010. Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. СПб.: Нестор-История. 670 с.
- Исланова И. В., 2015. Городища культуры псковских длинных курганов в бассейне Мсты // КСИА. Вып. 239. С. 384–392.
- Исланова И. В., 2016. Раннесредневековые группы памятников на Северо-Западе Восточной Европы // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред.: А. М. Обломский, И. В. Исланова. М.: ИА РАН. С. 136–220. (PCM; вып. 17.)
- Колосовский Ю. В., 1997. Новые данные о раннеславянском поселении Вежки в Оршанском Поднепровье // Гісторыя Беларусі. Жалезны век і сярэднявечча. Мінск: Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. С. 37–39.
- Колосовский Ю. В., Штыхов Г. В., 2005. Археологический комплекс около д. Казиново Городокского района Витебской области // Древности Белоруссии (железный век и средневековье). Минск: ИИ НАНБ. С. 112–120. (МАНБ; № 9.)
- Короткевич Б. С., Харлашов Б. Н., 2014. Итоги исследования городища Борохново // АИППЗ. Вып. 29: Материалы 59-го заседания (9–11 апреля 2013 г.). М.; СПб.; Псков: Нестор-История. С. 146–160, 484–488.
- Левко О. Н., Колосовский Ю. В., 2003. Раскопки городищ у д. Кисели (Дымокуры) Толочинского района и у д. Черкасово Оршанского района Витебской области // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья. Минск: ИИ НАНБ. С. 182–208. (МАНБ; № 8.)
- Лопатин Н. В., 1989. Тушемля, Демидовка, Колочин. О соотношении керамики верхних слоев // КСИА. Вып. 195. С. 9–15.
- Лопатин Н. В., 1993. Керамический комплекс верхнего слоя городища Банцеровщина // Archaeoslavica. 2. Krakow. С. 87–97.
- Лопатин Н. В., Медведев А. М., 2002. Поселение Дедиловичи (Замковая Гора). По материалам раскопок 1962 и 1963 годов // Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–V веках н. э.: мат.-лы. М.: ИА РАН. С. 24–41. (PCM; вып. 4.)
- Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г., 2007. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н. э. М.: ИА РАН. 252 с. (PCM; вып. 8.)
- Макушинкаў О. А., 1999. Калочынская культура // Археалогія Беларусі / Навук. рэд.: В. І. Шадыра, В. С. Вяргей. Т. 2: Жалезны век і раннія сярэднявечча. Мінск: Беларуская навука. С. 348–359.
- Макушиников О. А., 2003. Раннесредневековая керамика городища Колочин-1 на Гомельщине // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья. Минск: ИИ НАНБ. С. 217–233. (МАНБ; 8.)
- Макушиников О. А., 2014. Колочинская культура в Гомельском Поднепровье и сменяющие ее памятники VIII–IX вв. // КСИА. Вып. 235. С. 363–381.
- Марзалюк І., 2011. Новая крыніца па гісторыі славянскага рассялення ў магілёўскім Падніпроўі і Пасожжы // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 26. Мінск: Беларуская навука. С. 97–118.
- Медведев А. М., 1995. Раскопки городища в Бельничском районе // Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроўя: рэгіянальная навуковая канферэнцыя (1994). Ч. I: Археалогія. Магілёў. С. 110–120.
- Митрофанов А. Г., 1978. Железный век Средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.). Минск: Наука и техника. 160 с.
- Мяцельскі А. А., 2003. Старадаўні Крычаў. Мінск: Беларуская навука. 167 с.
- Никольская Т. Н., 1987. Городище Слободка XII–XIII вв. М.: Наука. 185 с.
- Обломский А. М., 2016. Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред.: А. М. Обломский, И. В. Исланова. М.: ИА РАН. С. 10–113. (PCM; вып. 17.)
- Падін В. А., 1969. Раскопки поселения в урочище Макча близ Трубчевска // СА. № 4. С. 208–218.
- Подгурский П. Н., 2001. Раскопки городищ в Витебском районе // АО 2000 г. М.: Наука. С. 286–287.

- Попов С. Г., 1989. Городище Сторожинец // КСИА. Вып. 198. С. 45–56.
- Попов С. Г., 2013. Восточное Причудье в раннем железном веке и раннем средневековье // АИППЗ. Вып. 28: Материалы 58-го заседания (17–19 апреля 2012 г.). М.; Псков: ИА РАН. С. 322–335.
- Приймак В. В., 2004. Идеи Е. А. Горюнова в свете изучения систем расселения Днепровского Левобережья I тыс. н. э. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье: докл. науч. конф., посвящ. 60-летию со дня рожд. Е. А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). СПб.: Петербургское востоковедение. С. 282–287.
- Приймак В. В., 2017. Некоторые аспекты дискуссии об этнокультурном переломе на Днепровском Левобережье // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур / Отв. ред.: В. Е. Родинкова, О. С. Румянцева. М.: ИА РАН. С. 69–80. (РСМ; вып. 19.)
- Расадо́н С. Я., 1985. Гарадзішча-сховішча Залатаміно ў Беларускім Пасожжы // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. № 2. С. 75–79
- Русанова И. П., 1973. Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом. М.: Наука. 100 с. (САИ; вып. ЕІ–25.)
- Седзін А., 2000. Никодимово – городище третьей четверти I-го тысячелетия н. э. в Восточной Беларуси // Край: Диалог на сумежжы культур. Магілёў: Магілёўская абласная ўзбуйненая друкарня. С. 31–43.
- Седов В. В., 1962. Языческие святилища смоленских кривичей // КСИА. Вып. 87. С. 57–64.
- Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. (Археология СССР). М.: Наука. 328 с.
- Станкевич Я. В., 1960. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н. э. // Древности Северо-Западных областей РСФСР в первом тысячелетии н. э. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 7–327. (МИА; № 76.)
- Сымонович Э. А., 1963. Городище Колочин I на Гомельшине // Славяне накануне образования Киевской Руси. М.: Изд-во АН СССР. С. 97–137. (МИА; № 108.)
- Третьяков П. Н., 1963. Древние городища Смоленщины // Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 3–140.
- Успенский П. С., Чаукин С. Н., 2016. Ареал городищ дьякова типа // КСИА. Вып. 242. С. 71–80.
- Фурсаев А. Г., 1995. Городища-убежища Псковщины второй половины I тыс. н. э. // Петербургский археологический вестник. № 9. С. 143–150.
- Шадыра В., 2005. Гарадзішча Вышадкі Гарадоцкага раёна // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 20. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі. С. 73–81.
- Шадыра В. І., 2006. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н. э.). Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі. 150 с.
- Шадыро В. И., 1985. Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск: Наука и техника. 127 с.
- Шинаков Е. А., 1986. Захоронения I тыс. н. э. на городище Случевск // Культуры Восточной Европы I тыс. / Ред. Г. И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т. С. 68–72.
- Шмидт Е. А., 2002. Городище у д. Рокот в Днепро-Двинском междуречье // Смоленские древности / Гл. ред. Ф. Э. Модестов. Вып. 2: Городища Смоленской земли. Смоленск. С. 167–184.
- Шмидт Е. А., 2003. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н. э. Тушемлинская культура. Смоленск. 296 с.
- Штыхаў Г. В., 1999. Культура ранніх доўгіх курганоў (V–VII ст.) // Археалогія Беларусі / Навук. рэд. В. І. Шадыра, В. С. Вяргей. Т. 2: Жалезны век і раннія сярэднявечча. Мінск: Беларуская навука. С. 376–384.
- Штыхаў Г. В., 2003. Лужасянскі археалагічны комплекс каля Віцебска // Ранніе славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья. Минск: ИИ НАНБ. С. 259–274. (МАБ; № 8.)
- Штыхов Г. В., 1971. Археологическая карта Белоруссии. Вып. 2: Памятники железного века и эпохи феодализма. Минск: Полюмя. 275 с.
- Щукин М. Б., 1989. Семь сезонов Славяно-сарматской экспедиции // Итоги археологических экспедиций / Ред. Г. И. Смирнова. Л.: ГЭ. С. 103–114.
- Valk H., 2009. Hinniala linnamägi // Setomaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani / Ed. M. Aun. Tartu: Eesti Rahva Muuseum. С. 76–77.

Сведения об авторе

Лопатин Николай Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: n.lopatin@gmail.com

N. V. Lopatin

HILLFORTS OF THE 5th–7th CENTURIES
IN THE UPPER DNIEPER BASIN AND THE NORTHWEST RUSSIA

Abstract. The paper explores the issues pertaining to the studies of hillforts attributed to the cultures of the early Slavic circle and dated to the third quarter of the first millennium, i. e. Pskov long kurgans, the Tushemlya-Bantserovshina culture, and the Kolochin culture. One of the issues is cultural attribution of specific sites and entire groups of sites, dating and interpretation of hillforts. Out of 258 fortified sites of these cultures mentioned in the literature, 64 locations from where ceramics and other finds had been retrieved and that could be attributed to certain cultures are shown on the map.

Keywords: fortified settlements, refuge settlement, sanctuary, fortification, Migration Period.

REFERENCES

- Artishevskaya L. V., 1957. Razvedka v verkhov'yakh Desny [Field survey in Upper Desna reaches]. *KSIIMK*, 68, pp. 83–89.
- Beletskiy S. V., 1980. Kul'turnaya stratigrafiya Pskova (arkheologicheskie dannye k probleme proiskhozhdeniya goroda) [Cultural stratigraphy of Pskov (archaeological data on problem of the city origin)]. *KSI*, 160, pp. 3–18.
- Burov V. A., 2003. Gorodishche Varvarina Gora. Poselenie I–V i XI–XIV vekov na yuge Novgorodskoy zemli [Hillfort Varvarina Gora. Settlement of I–V and XI–XIV centuries in south of Novgorod land]. Moscow: Nauka. 472 p.
- Eremeev I. I., 2015. Drevnosti Polotskoy zemli v istoricheskom izuchenii Vostochno-Baltiyskogo regiona (oчерки srednevekovoy arkheologii i istorii Pskovsko-Belorusskogo Podvin'ya) [Antiquities of Polotsk land in historic research of Eastern Baltic region (essays on medieval archaeology and history of Dvina basin in Pskov and Byelorussian region)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 696 p.
- Eremeev I. I., Dzyuba O. F., 2010. Oчерки istoricheskoy geografii lesnoy chasti puti iz varyag v greki [Essays of historical geography of forest part of the route from the Varangians to the Greeks]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 670 p.
- Furas'ev A. G., 1995. Gorodishcha-ubezhishcha Pskovshchiny vtoroy poloviny I tys. n. e. [Shelter hillforts of Pskov land in second half of I mil. AD]. *Peterburgskiy arkheologicheskiy vestnik [Petersburg archaeological bulletin]*, 9, pp. 143–150.
- Gur'yanov V. N., 2006. Ob odnoy gruppe drevnostey s gorodishcha Rassukha [On one group of antiquities from hillfort Rassukha]. *Arkheologicheskoe izucheniye Tsentral'noy Rossii [Archaeological research of Central Russia]*. A. N. Bessudnov, ed. Lipetsk: Lipetskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 246–248.
- Islanova I. V., 2015. Gorodishcha kul'tury pskovskikh dlinnykh kurganov v bassejne Msty [Fortified sites of the Long kurgan culture of the Pskov type in the Msta River basin]. *KSI*, 239, pp. 384–392.
- Islanova I. V., 2016. Rannesrednevekovye gruppy pamyatnikov na Severo-Zapade Vostochnoy Evropy [Early medieval groups of sites in North-West of Eastern Europe]. *Rannesrednevekovye drevnosti lesnoy zony Vostochnoy Evropy (V–VII vv.) [Early medieval antiquities of forest zone of Eastern*

- Europe (V–VII cc.)*. A. M. Oblomskiy, I. V. Islanova, eds. Moscow: IA RAN, pp. 136–220. (RSM, 17.)
- Kolosovskiy Yu. V., 1997. Novye dannye o ranneslavyanskom poselenii Vezhki v Orshanskom Podneprov'e [New data on early Slavic settlement Vezhki in Dnieper region, Orsha district]. *Gistoryya Belarusi. Zhalezny vek i syarednyavechcha [History of Byelorussia. Iron Age and Middle Ages]*. Minsk: II NANB, pp. 37–39.
- Kolosovskiy Yu. V., Shtykhov G. V., 2005. Arkheologicheskiy kompleks okolo d. Kazinovo Gorodokskogo rayona Vitebskoy oblasti [Archaeological complex near village Kazinovo, Gorodok district, Vitebsk region]. *Drevnosti Belorussii (zheleznyy vek i srednevekov'e) [Antiquities of Byelorussia (Iron Age and Middle Ages)]*. Minsk: II NANB, pp. 112–120. (MAB, 9.)
- Korotkevich B. S., Kharlashov B. N., 2014. Itogi issledovaniya gorodishcha Borokhnovo [Results of investigation of hillfort Borokhnovo]. *AIPPZ, 29. Materialy 59-go zasedaniya (2013) [Proceedings of 59th session (2013)]*. Moscow; St. Petersburg; Pskov: Nestor-Istoriya, pp. 146–160, 484–488.
- Levko O. N., Kolosovskiy Yu. V., 2003. Raskopki gorodishch u d. Kiseli (Dymokury) Tolochinskogo rayona i u d. Cherkasovo Orshanskogo rayona Vitebskoy oblasti [Excavations of hillforts near village Kiseli (Dymokury), Tolochinskiy district, and near village Cherkasovo, Orsha district, Vitebsk region]. *Rannie slavyane Belorusskogo Podneprov'ya i Podvin'ya [Early Slavs of Dnieper and Dvina regions in Byelorussia]*. Minsk: II NANB, pp. 182–208. (MAB, 8.)
- Lopatin N. V., 1989. Tushemlya, Demidovka, Kolochin. O sootnoshenii keramiki verkhnikh sloev [Tushemlya, Demidovka, Kolochin. On correlation of ceramics in upper layers]. *KSIA*, 195, pp. 9–15.
- Lopatin N. V., 1993. Keramicheskiy kompleks verkhnego sloya gorodishcha Bantserovshchina [Pottery complex of upper layer of hillfort Bantserovshchina]. *Archaeoslavica*, 2. Kraków, pp. 87–97.
- Lopatin N. V., Furas'ev A. G., 2007. Severnye rubezhi ranneslavyanskogo mira v III–V vv. n. e. [The northern frontier of the early Slavic world in III–V cc. AD]. Moscow: IA RAN. 252 p. (RSM, 8.)
- Lopatin N. V., Medvedev A. M., 2002. Poselenie Dedilovich (Zamkovaya Gora). Po materialam raskopok 1962 i 1963 godov [Settlement Dedilovich (Zamkovaya Gora). Based on materials of excavations in 1962 and 1963]. *Verkhnee Podneprov'e i Podvin'e v III–V vekakh n. e.: materialy [Upper Dnieper and Dvina reaches in III–V centuries AD: materials]*. Moscow: IA RAN, pp. 24–41. (RSM, 4.)
- Makushnikaŭ O. A., 1999. Kalochynskaya kul'tura [Kolochin culture]. *Arkhealogiya Belarusi [Archaeology of Byelorussia]*, 2. *Zhalezny vek i rannyye syarednyavechcha [Iron Age and early Middle Ages]*. V. I. Shadyra, V. S. Vyargey, eds. Minsk: Belaruskaya navuka, pp. 348–359.
- Makushnikov O. A., 2003. Rannesrednevekovaya keramika gorodishcha Kolochin-1 na Gomel'shchine [Early medieval ceramics of hillfort Kolochin-1 in Gomel' region]. *Rannie slavyane Belorusskogo Podneprov'ya i Podvin'ya [Early Slavs of Dnieper and Dvina regions in Byelorussia]*. Minsk: II NANB, pp. 217–233. (MAB, 8.)
- Makushnikov O. A., 2014. Kolochinskaya kul'tura v Gomel'skom Podneprov'e i smenyayushchie ee pamyatniki VIII–IX vv. [Kolochin culture in Gomel region of Dnieper valley and the sites which came after it in the 8th and 9th cc.]. *KSIA*, 235, pp. 363–381.
- Marzalyuk I., 2011. Novyya krynitsy pa gistoryi slavyanskaga rassyalennya ŷ magileŷskim Padniproŷi i Pasozhzhyy [New data sources on history of Slavic settling in Mogilev region of Dnieper and Sozh valleys]. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik [Historical-archaeological collection of articles]*, 26. Minsk: Belaruskaya navuka, pp. 97–118.
- Medvedev A. M., 1995. Raskopki gorodishcha v Belynichskom rayone [Excavations of hillfort in Belynichi district]. *Gistarychnyya lesy Verkhnyaga Padnyaproyŷa: regiyanal'naya navukovaya kanferentsyya (1994) [Historical fate of Upper Dnieper region: regional scientific conference (1994)]*, 1. *Arkhealogiya [Archaeology]*. Mogilev, pp. 110–120.
- Mitrofanov A. G., 1978. Zheleznyy vek Sredney Belorussii (VII–VI vv. do n. e. – VIII v. n. e.) [Iron Age of Middle Byelorussia (VII–VI cc. BC – VIII c. AD)]. Minsk: Nauka i tekhnika. 160 p.
- Myatsel'ski A. A., 2003. Staradaŷni Krychaŷ [Old Krichev]. Minsk: Belaruskaya navuka. 167 p.
- Nikol'skaya T. N., 1987. Gorodishche Slobodka XII–XIII vv. [Hillfort Slobodka of XII–XIII cc.]. Moscow: Nauka. 185 p.
- Oblomskiy A. M., 2016. Kolochinskaya kul'tura [Kolochin culture]. *Rannesrednevekovye drevnosti lesnoy zony Vostochnoy Evropy (V–VII vv.) [Early medieval antiquities of forest zone of Eastern*

- Europe (V–VII cc.)*. A. M. Oblomskiy, I. V. Islanova, eds. Moscow: IA RAN, pp. 10–113. (RSM, 17.)
- Padin V. A., 1969. Raskopki poseleniya v urochishche Makcha bliz Trubchevsk [Excavations of settlement in Makhcha locality near Trubchevsk]. *SA*, 4, pp. 208–218.
- Podgurskiy P. N., 2001. Raskopki gorodishch v Vitebskom rayone [Excavations of fortified settlements in Vitebsk region]. *AO 2000*. Moscow: Nauka, pp. 286–287.
- Popov S. G., 1989. Gorodishche Storozhinets [Hillfort Storozhinets]. *KSIA*, 198, pp. 45–56.
- Popov S. G., 2013. Vostochnoe Prichud'ye v rannem zheleznom veke i rannem srednevekov'ye [Eastern part of Chudskoe Lake region in Early Iron Age and early Middle Ages]. *AIPZ*, 28. *Materialy 58-go zasedaniya* (2012 g.) [Issue 28: Proceedings of 58th session (2012)]. Moscow; Pskov: IA RAN, pp. 322–335.
- Priymak V. V., 2004. Idei E. A. Goryunova v svete izucheniya sistem rasseleniya Dneprovskogo Levoberezh'ya I tys. n. e. [Ideas of E. A. Goryunov in light of research settling systems in Dnieper left bank region in I mill. AD]. *Kul'turnye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem Srednevekov'ye: doklady nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 60-letiyu so dnya rozhdeniya E. A. Goryunova (2000)* [Cultural transformations and mutual influences in Dnieper region in late Roman time and early Middle Ages: transactions of scientific conference devoted to 60th anniversary of E. A. Goryunov (2000)]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, pp. 282–287.
- Priymak V. V., 2017. Nekotorye aspekty diskussii ob etnokul'turnom perelome na Dneprovskom Levoberezh'ye [Some aspects of discussion on ethno-cultural break in Dnieper left bank region]. *Evropa ot Latena do Srednevekov'ya: varvarskiy mir i rozhdenie slavyanskikh kul'tur* [Europe from La Tene till Middle Ages: barbaric world and birth of Slavic cultures]. V. E. Rodinkova, O. S. Rummyantseva, eds. Moscow: IA RAN, pp. 69–80. (RSM, 19.)
- Rasadzin S. Ya., 1985. Garadzishcha-skhozhishcha Zalatamino ŷ Belaruskim Pasozhzy [Shelter hillforts Zalatamino in Sozh region, Byelorussia]. *Vesti Akademii nauk Belaruskay SSR. Seryya gramadskikh nauk* [Bulletin of Academy of sciences of Byelorussian SSR. Social sciences series], 2, pp. 75–79.
- Rusanova I. P., 1973. Slavyanskije drevnosti VI–IX vv. mezhdu Dneprom i Zapadnym Bugom [Slavic antiquities of VI–IX cc. between Dnieper and West Bug]. Moscow: Nauka. 100 p. (SAI.)
- Sedov V. V., 1962. Yazycheskie svyatilishcha smolenskikh krivichey [Pagan sanctuaries of the Smolensk Krivichi]. *KSIA*, 87, pp. 57–64.
- Sedov V. V., 1982. Vostochnye slavyane v VI–XIII vv. [Eastern Slavs in VI–XIII cc.] (Arkheologiya SSSR). Moscow: Nauka. 328 p. (Archaeology of the USSR.)
- Sedzin A., 2000. Nikodimovo – gorodishche tret'ey chetverti I-go tysyacheletiya n. e. v Vostochnoy Belarusi [Nikodimovo – hillfort of third quarter of I millennium AD in East Byelorussia]. *Kray: Dyyalog na sumezhzhyy kul'tur* [Land: Dialogue on cultures border]. Magileŷ: Magileŷskaya ablasnaya uzbunenaya drukarnya, pp. 31–43.
- Shadyra V. I., 2006. Belaruskae Padzvinne (I tysyachagoddze n. e.) [Dvina basin in Byelorussia (I millennium AD)]. Minsk: II NANB. 150 p.
- Shadyra V., 2005. Garadzishcha Vyshadki Garadotskaga raena [Hillfort Vyshadki Garadotski district]. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik* [Historical-archaeological collection of articles], 20. Minsk: II NANB, pp. 73–81.
- Shadyro V. I., 1985. Ranniy zheleznyy vek Severnoy Belorussii [Early Iron Age of North Byelorussia]. Minsk: Nauka i tekhnika. 127 p.
- Shchukin M. B., 1989. Sem' sezonov Slavyano-sarmatskoy ekspeditsii [Seven seasons of Slavic-Sarmatian expedition]. *Itogi arkeologicheskikh ekspeditsiy* [Results of archaeological expeditions]. G. I. Smirnova, ed. Leningrad: GE, pp. 103–114.
- Shinakov E. A., 1986. Zakhroneniya I tys. n. e. na gorodishche Sluchevsk [Burials of I mill. AD at hillfort Sluchevsk]. *Kul'tury Vostochnoy Evropy I tys.* [Cultures of Eastern Europe of I mill.]. G. I. Matveeva, ed. Kuybyshev: Kuybyshevskiy gos. universitet, pp. 68–72.
- Shmidt E. A., 2002. Gorodishche u d. Rokot v Dnepro-Dvinskom mezhdurech'ye [Hillfort near village Rokot im Dnieper-Dvina interfluvium]. *Smolenskie drevnosti* [Smolensk antiquities]. Vyp. 2: *Gorodishcha Smolenskoy zemli* [Hillforts of Smolensk land]. F. E. Modestov, ed. Smolensk, pp. 167–184.
- Shmidt E. A., 2003. Verkhnee Podneprov'ye i Podvin'ye v III–VII vv. n. e. Tushemlinskaya kul'tura [Upper Dnieper and Dvina region in III–VII cc. AD. Tushemlya culture]. Smolensk. 296 p.

- Shtykhaŭ G. V., 1999. Kul'tura rannikh dougikh kurganou (V–VII st.) [Culture of early long kurgans (V–VII cc.)]. *Arkhealogiya Belarusi [Archaeology of Byelorussia]*, 2. *Zhalezny vek i rannyye syaredovechcha [Iron Age and early Middle Ages]*. V. I. Shadyra, V. S. Vyargey, eds. Minsk: Belaruskaya navuka, pp. 376–384.
- Shtykhaŭ G. V., 2003. Luzhasnyanski arkhealogichny kompleks kalya Vitsebska [Luzhasnyansk archaeological complex near Vitebsk]. *Rannie slavyane Belorusskogo Podneprov'ya i Podvin'ya [Early Slavs of Dnieper and Dvina regions in Byelorussia]*. Minsk: II NANB, pp. 259–274. (MAB, 8.)
- Shtykhov G. V., 1971. Arkheologicheskaya karta Belorussii [Archaeological map of Byelorussia], 2. Pamyatniki zheleznogo veka i epokhi feodalizma [Sites of Iron Age and feudal epoch]. Minsk: Polymya, 275 p.
- Stankevich Ya. V., 1960. K istorii naseleniya Verkhnego Podvin'ya v I i nachale II tys. n. e. [Toward history of population of Upper Dvina region in I and early II mill. AD]. *Drevnosti Severo-Zapadnykh oblastey RSFSR v pervom tysyacheletii n. e. [Antiquities of North-Western regions of the RSFSR in first millennium AD]*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 7–327. (MIA, 76.)
- Symonovich E. A., 1963. Gorodishche Kolochin I na Gomel'shchine [Hillfort Kolochin I in Gomel region]. *Slavyane nakanune obrazovaniya Kievskoy Rusi [Slavs on the eve of formation of Kiev Rus]*. Moscow: AN SSSR, pp. 97–137. (MIA, 108.)
- Tret'yakov P. N., 1963. Drevnie gorodishcha Smolenshchiny [Ancient hillforts of Smolensk region]. *Tret'yakov P. N., Shmidt E. A. Drevnie gorodishcha Smolenshchiny [Ancient hillforts of Smolensk region]*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 3–140.
- Uspenskiy P. S., Chaukin S. N., 2016. Areal gorodishch d'yakova tipa [Hillforts of the D'yakovo type: the area of the culture]. *KSIA*, 242, pp. 71–80.
- Valk H., 2009. Hinniala linnamägi. *Setomaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani*. M. Aun, ed. Tartu: Eesti Rahva Muuseum. C. 76–77.

About the author

Lopatin Nikolaj V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: n.lopatin@gmail.com

А. М. Обломский, А. Д. Швырёв

ВИЗАНТИЙСКАЯ ГИРЬКА ДЛЯ ВЗВЕШИВАНИЯ МОНЕТЫ, НАЙДЕННАЯ В ВЕРХОВЬЯХ Р. ВОРОНЕЖ*

Резюме. В статье опубликована бронзовая гирия-экзагий для взвешивания золотой монеты – солида ранней Византии (solidus). Вес гирии составляет 3,76 г, потери веса при окислении в земле – 0,3–0,5 г. Экзагий обнаружен на поселении Стаево-5 Мичуринского р-на Тамбовской обл., расположенном в верховьях р. Воронеж. Во время работ 2014–2017 гг. выяснилось, что поселки у с. Стаево имеют ярко выраженный ремесленный характер. На поселении Стаево-4 зафиксированы многочисленные остатки черной металлургии, а на поселении Стаево-5 – ювелирного (бронзолитейного) ремесла. Судя по набору украшений культуры престижа (фибулы, зеркала, амулеты, детали ременных гарнитуры) обитатели поселка имели довольно тесные связи с югом (Причерноморье, Северный Кавказ). Экзагий предположительно датируется VII в. К VI–VII вв. в бассейне Оки и в верховьях р. Воронеж относится серия вещей византийского происхождения, в т. ч. и монет. Не исключено, что поселок у с. Стаево был ключевым пунктом в верховьях р. Воронеж на торговом пути, связывавшем юг Восточной Европы и бассейн Оки.

Ключевые слова: гирия-экзагий, византийский золотой солид, поселок у с. Стаево, вторая половина V – VII в., торговый путь из Причерноморья на Оку.

В настоящей статье публикуется гирия-экзагий¹, найденная на поселении Стаево-5 Мичуринского р-на Тамбовской обл.

Гирия (рис. 1, 1) имеет вид квадратной пластинки размерами 1,55 × 1,55 см и толщиной 0,25 см. На поверхности нанесена латинская буква N, в верхней и нижней части которой имеется по одной точке, обозначающей номинал. Точками также подчеркнуты концы и средние части ножек буквы, середина ее косой перекладины. Обратная сторона и торцы изделия изображений не имеют.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00376.

¹ В русскоязычной литературе встречается также написание «эксагий».

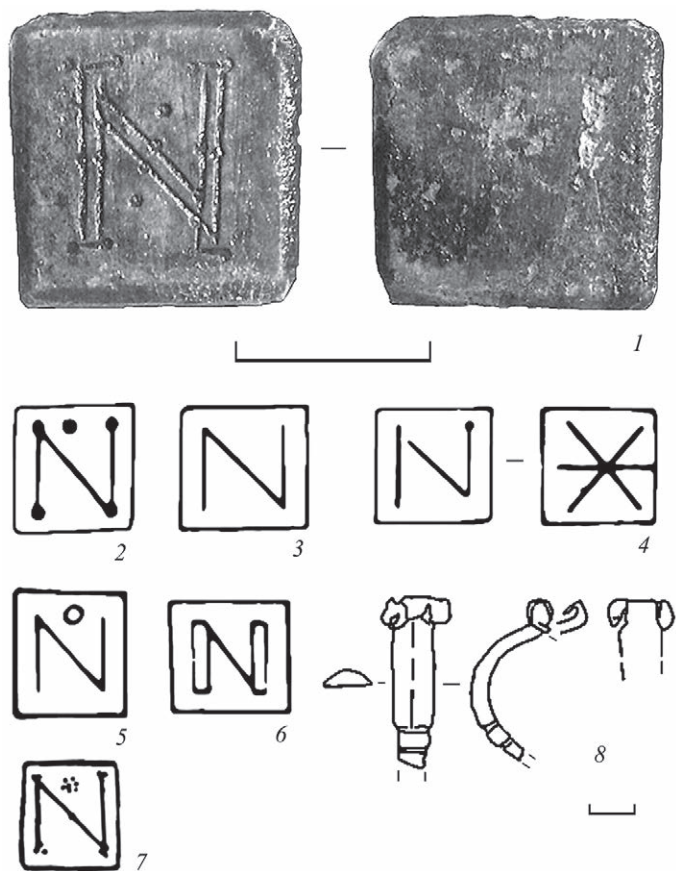

Рис. 1. Гирька-экзагий и железная фибула с поселения Стаево-5 и аналогии гирьке

1 – экзагий из Стаево-5; 2–7 – аналогии экзагию номиналом 1 номисма из Стаево, без масштаба (2–4, 6 – из Государственного Эрмитажа; 5 – из Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»; 7 – из коллекции Российского археологического института в Константинополе (по: Чустова, 1962; Гурулева, 1999)); 8 – фрагмент железной фибулы из Стаево-5

Экзагии этого типа, маркированные буквой N, предназначались для взвешивания византийской золотой монеты (номисма, или солид). Могли быть и дополнительные буквы после N, например В и Г, которые обозначали цифры (соответственно 2 и 3) (Гурулева, 1999. С. 85). Известны и другие изображения. Экзагии с буквой N и одной точкой в верхней части обозначали вес одной номисмы (Успенский, 1999. С. 99; Чустова, 1962. Табл. XVII).

Вес гирьки из Стаево-5 – 3,76 г; возможные потери при окислении предмета, по мнению реставратора А. Д. Швырёва, составляют 0,3–0,5 г, что приблизительно соответствует весу 1 номисмы (солида). Квадратные экзагии с буквой N, дополненной 1–3 точками, представляют собой достаточно широко распространенный

в ранней Византии тип бронзовых гирек (анalogии и описание см.: *Dalton*, 1901. Р. 91–92; *Чуистова*, 1962. С. 96. Табл. 41, 6–9; *Гурулева*, 1999. Табл. II, 1; *Успенский*, 1999. С. 99) (рис. 1, 1–7). Насколько нам известно, к северу от Причерноморья находка экзагия этого типа – первая (из поступивших в музеи и опубликованных).

Группа поселений у с. Стаево (Стаево-3, 4, 5), на одном из которых был найден экзагий, расположена на правом берегу р. Воронеж около ее истоков, т. е. несколько ниже по течению от места слияния рек Лесной Воронеж и Польной Воронеж (рис. 2). Стаево-3 занимает практически всю территорию современного хутора, который находится к юго-западу от села Стаево. Остальные памятники расположены западнее, отделены друг от друга оврагами. Поселение Стаево-3 обследовано только во время разведки, в Стаево-4 раскопки проводились в 2015–2016 гг., в Стаево-5 – в 2016–2017 гг. Работами руководил А. М. Обломский.

Поселение Стаево-5 расположено в 0,1 км к северо-западу от селища Стаево-4 (через овраг), в 2,8 км к юго-западо-западу от юго-восточной окраины с. Старое Тарбеево Мичуринского р-на Тамбовской обл. Памятник (рис. 2; 3) занимает участок правого коренного берега р. Воронеж высотой 8–17 м от его низкой поймы к западу от оврага, который ограничивает поселение Стаево-4 с запада. Западный край селища Стаево-5 также ограничен обширным оврагом. Более узкие овраги с обрывистыми берегами (вероятно, новые) имеются в восточной и южной частях поселения. Поверхность памятника задернована, северная его часть занята дубовым лесом. Лес – сравнительно молодой, посажен около 40 лет тому назад (по сообщениям лесников). На поверхности поселения местами видны довольно глубокие борозды, оставшиеся от посадок. До этого все поселение было распаханно: слой пашни прослеживался во всех шурфах и раскопах. Общие размеры селища составляют 260 × 240 м.

Поселение открыто С. И. Андреевым в 1999 г. В 2016–2017 гг. на селище заложена серия шурфов и 8 раскопов общей площадью 908 кв. м. Перед началом раскопок на памятнике был собран подъемный материал, в т. ч. и с применением металлоискателя. Места и глубины всех находок фиксировались. Публикуемая гирька найдена к северо-востоку-востоку от раскопа 8 (рис. 3) на глубине 15 см от современной поверхности, т. е. в слое пашни, образовавшемся до посадки леса.

На всех трех памятниках встречены немногочисленные материалы эпохи бронзы, городецкой культуры раннего железного века (VI–III вв. до н. э.), позднескифской культуры (I–II вв. н. э.). Везде преобладали находки верхневоронежской культурной группы периода раннего средневековья (об этой группе см.: *Обломский*, 2011а; 2012; 2016а; 2016в). Поскольку большинство селищ верхневоронежского региона многослойные, то точные данные о размерах раннесредневековых поселков отсутствуют. Тем не менее по планиграфии исследованных сооружений можно утверждать, что на них могли быть расположены от одной (большинство памятников) до двух (Ярок-9) или трех (Кривец-4) усадеб (*Обломский*, 2012; 2016в). Площадь раннесредневекового поселения Стаево-3 составляет 5400 кв. м, Стаево-4 – 24 200 кв. м, Стаево-5 – 62 400 кв. м. Общая площадь комплекса без учета оврагов – 92 000 кв. м (9,2 га), т. е. она

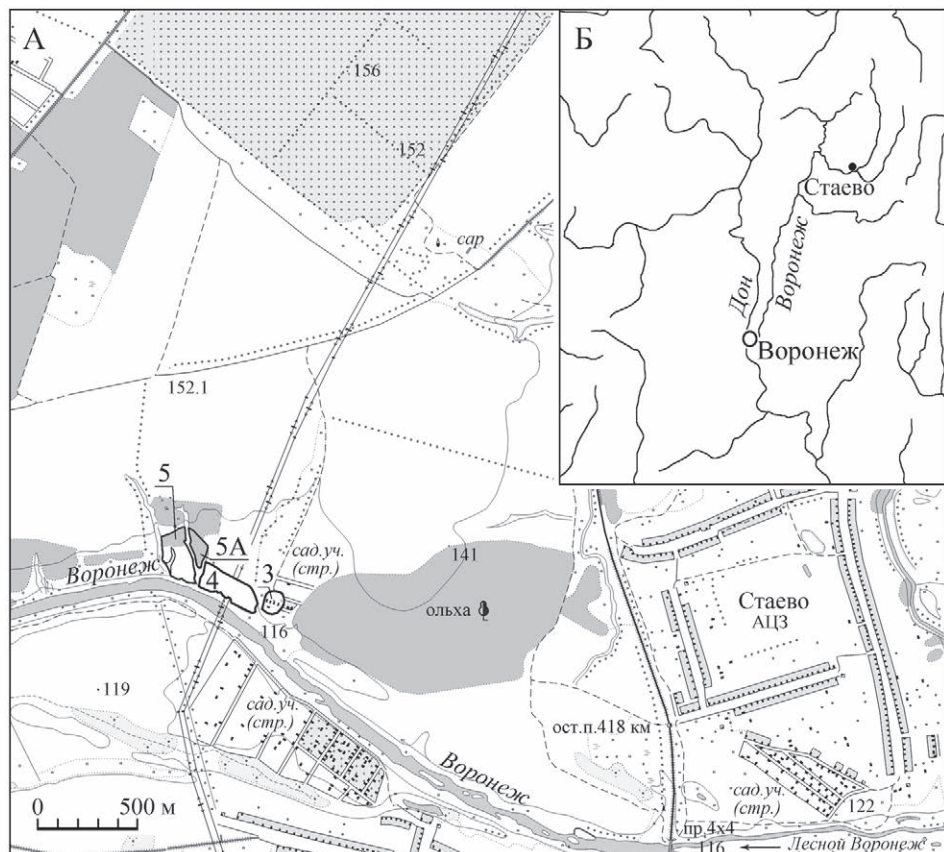

Рис. 2. Комплекс раннесредневековых памятников у с. Стаево

А – ситуационный план (раннесредневековые памятники обведены и пронумерованы); *Б* – общая схема Верхнего Подонья с обозначением места расположения поселка у с. Стаево

значительно больше, чем у остальных поселений верхнего и среднего течения р. Воронеж раннего средневековья, что, очевидно, связано с особой ролью поселка у с. Стаево в регионе. В результате раскопок 2014–2017 гг. на участках Стаево-4 и Стаево-5 выяснилось, что раннесредневековый поселок имел ярко выраженный ремесленный характер.

Культурный слой Стаево-4 обильно насыщен остатками производства черного металла: кусками бурого железняка (очевидно, служившего сырьем) (274 экз.), шлаками (820 кусков). Интерес вызывает скопление мелких обломков обогащенной железной руды, смешанной с углем и известняком, очевидно представлявшее собой массу, подготовленную для загрузки в горн. Это скопление обнаружено около печи одной из построек-полуземлянок. Среди находок на памятнике преобладали изделия из железа. К ним относятся целые и фрагментированные ножи, серповидные ножи, кузнечные инструменты (пробойники,

зубильца), железные поковки-полуфабрикаты, бытовые предметы, наконечники стрел и сулицы (*Обломский, 2016а*).

На поселении Стаево-5 исследованы остатки ювелирного ремесла. В большом количестве на территории памятника найдены выплески и слитки бронзы, обрезки бронзовых пластин и прутиков, в т. ч. и с расплюснутыми концами, очевидно представлявшие собой сырьё для переплавки, бракованные бронзовые вещи. Они концентрировались на западной и восточной окраинах поселения. В западной части памятника найдены обломки бронзовых изделий, железные клещи, 6 матриц для изготовления бляшек геральдического стиля и пальчатой фибулы типа Гурзуф (рис. 4). На заложенном здесь раскопе 6 (рис. 3) исследованы углубленная в грунт постройка и ямы с многочисленными обломками глиняных тиглей, овальный глинобитный очаг, серия ям, заполненных глиной, специально приготовленной для изготовления каких-то изделий, вероятнее всего тиглей и литейных форм.

С поселения происходит богатая коллекция предметов из железа, в т. ч. и ремесленных инструментов, изделий из бронзы, часть из которых представляют собой обломки и обрубки, предназначенные для переплавки (в т. ч. фрагменты литых котлов). В отношении хронологии памятника и культурных связей населения показательны следующие находки.

Фибулы (рис. 4, 1; 5, 1–3) с пятью выступами («пальцами») на головке, ромбической ножкой с зооморфным окончанием, на головке – орнамент в форме лучевой розетки, на ножке – в виде вписанных друг в друга ромбов (Стаево-4 – 1 экз., Стаево-5 – 3 экз. и 1 матрица), относятся к широко распространенному в Восточной, Центральной Европе и Подунавье типу Гурзуф. Такие изделия датируются второй половиной V – серединой VI в. Ближайшая в Верхнем Подонье аналогия происходит из могильника Ксизово-19 (*Обломский, Козмирчук, 2015. С. 154; Гавритухин, 2015. С. 229–230*).

Малая гибридная двупластинчато-пальчатая фибула из бронзы из Стаево-4 (рис. 5, 4) с пятью отростками без орнамента на верхнем щитке не орнаментирована, имеет головку с пятью выступами, подтреугольную или пятиугольную ножку с расширением в верхней части. По И. О. Гавритухину, она относится к варианту Мощенка серии Мощенка. Аналогии этой фибуле известны в Мощенке (Днепровское лесостепное Левобережье), Медведовке (Среднее Поднепровье) и Керчи (Крым). И. О. Гавритухин датирует такие застёжки второй половиной V в. (*Гавритухин, 2004б. С. 214. Рис. 2, 12, 14; Гавритухин, Обломский, 2007. С. 30–31. Рис. 22, 14*). Тем не менее фибула из Стаево отличается от перечисленных упрощенной формой отростков-пальцев, на которых отсутствует рельефная орнаментация, и несколько иными пропорциями нижнего щитка.

Двупластинчатая фибула из Стаево-5 (рис. 5, 6) имеет три выступа на подтреугольной головке, листовидную ножку с максимальным расширением чуть выше ее середины. В верхней части ножки помещен орнамент из четырех зигзагообразных рельефных валиков. Экземпляр из Стаево-5 относится к группе трехпалых двупластинчатых фибул Северного Кавказа, выделенных в статье И. О. Гавритухина и М. М. Казанского. Он наиболее близок (до деталей) к застёжке из погр. 15/1948 Пашковского могильника. И. О. Гавритухин отнес ее к варианту 6 северокавказской серии двупластинчатых трехпалых фибул

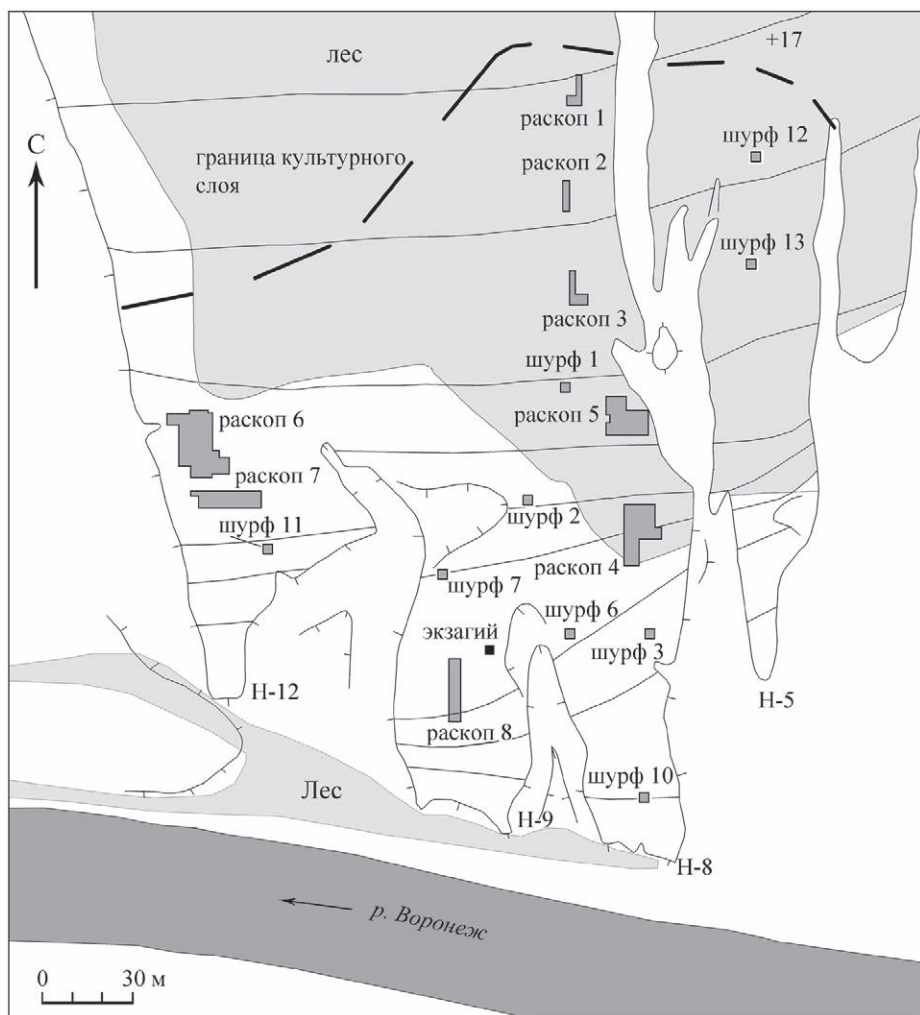

Рис. 3. План поселения Стаево-5 с обозначением места находки экзагия

(гибридных с пальчатыми, ср. с описанной выше находкой из Стаево-4) и датировал в рамках второй половины V – начала VI в. (Гавритухин, Казанский, 2006. С. 323. Рис. 22, 18).

Фибула из Стаево-4 (рис. 5, 5), ножка которой украшена кербшнитным орнаментом из маленьких треугольников, относится к очень редкому типу двупластинчатых. Единственные две аналогии обнаружены на селище Ярок-9, расположенном несколько ниже Стаево в долине р. Воронеж (Обломский, 2016в. Рис. 12, 4, 5; 13, 1, 2). Другие изделия, где повторялось бы сочетание таких форм пластин и орнамента на них, нам не известны. В рамках типологического поля, которое опубликовал И. О. Гавритухин, исследуя пальчатую фибулу из Замя-

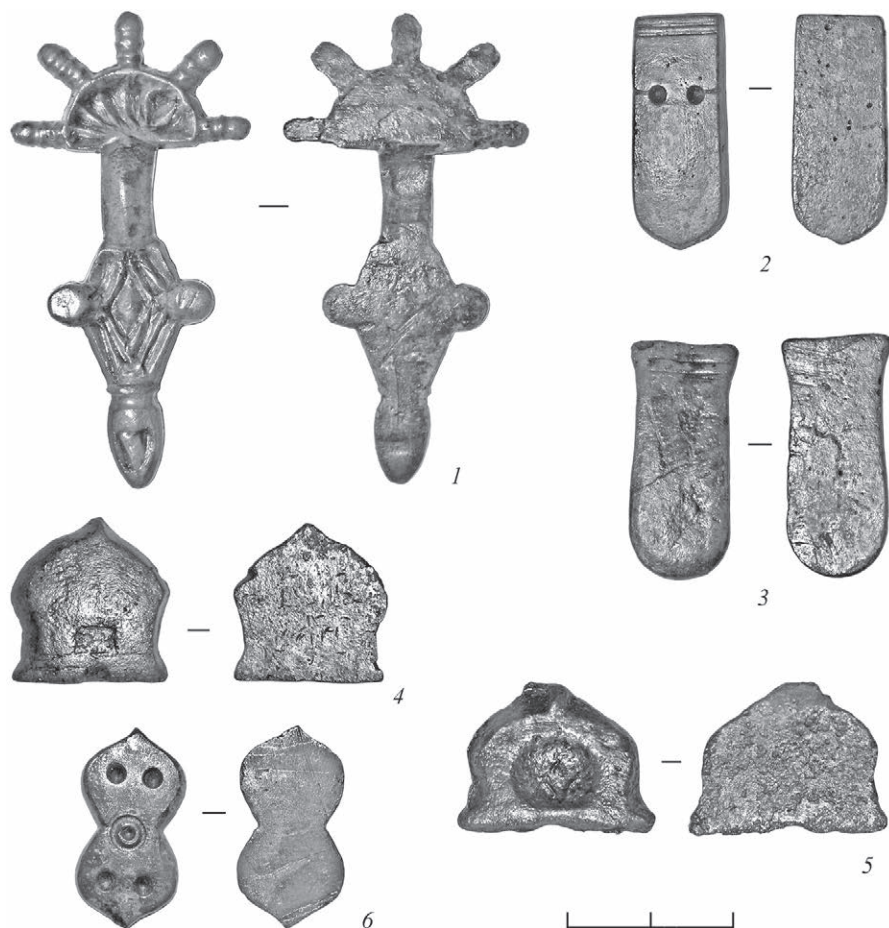

Рис. 4. Находки из Стаево-5

1 – фибула; 2–6 – бронзовые матрицы

тино-5, застёжки из Ярка-9 занимают место между экземплярами из Земуна, Тамани и Замятино (Гавриутхин, 2004а. Рис. 122, 25, 28, 35). По этим типологическим наблюдениям фибулы из Ярка должны датироваться не ранее середины V в. Верхняя дата их неопределенна.

Три «серьги» с полиэдрическим окончанием найдены в Стаево-5. У двух из них (рис. 6, 1, 2) конец-полиэдр имеет мягкие грани и округлые выступы на них. Очень близкая серьга в верховьях р. Воронеж найдена на раннесредневековом поселении Ярков-9 (Обломский, 2016в. С. 130–131. Рис. 12, 2). Эти серьги близки к крымским с литым неподвижным многогранником варианта 4 по Э. А. Хайрединовой, но не имеют вставок из красного камня, которые имитируются литыми выступами. Прототипы стаевских сережек из Крыма датируются второй половиной V в. (Хайрединова, 2015. С. 103. Рис. 13, 11–12).

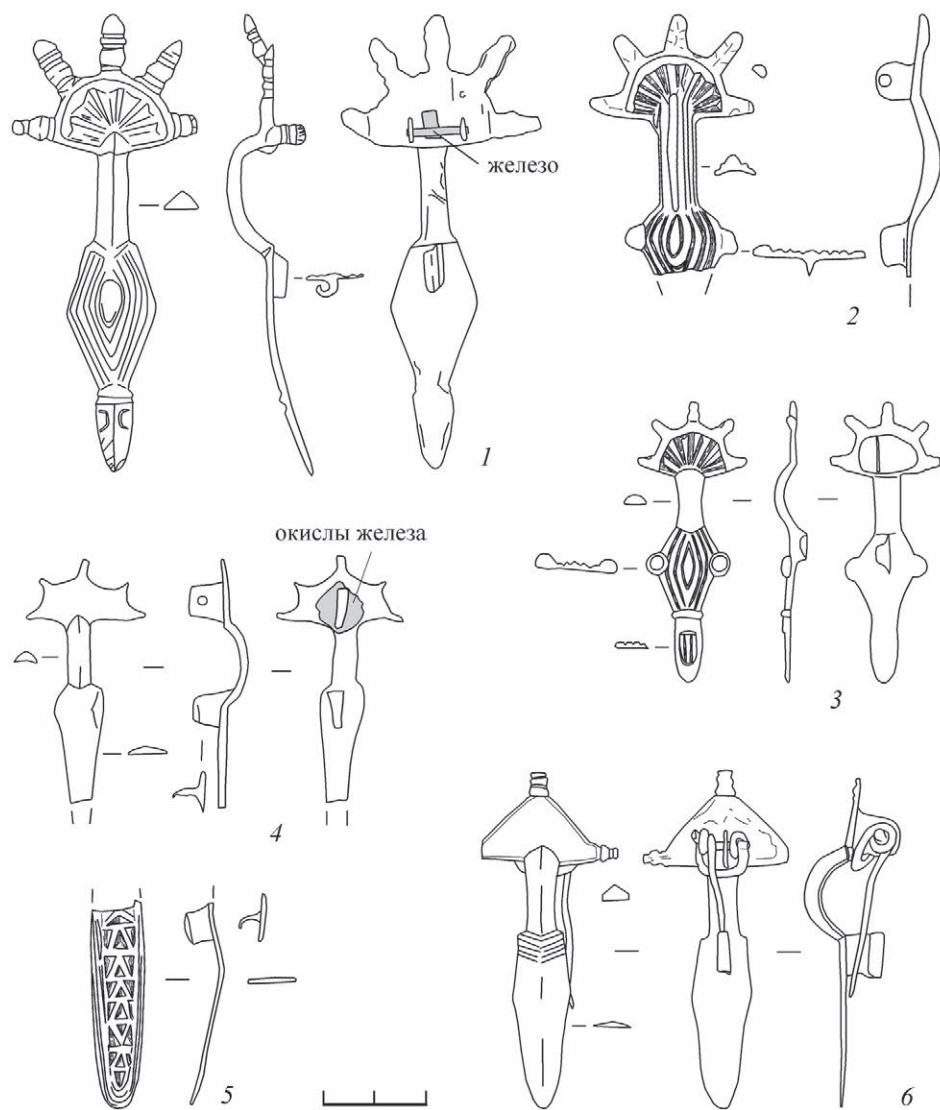

Рис. 5. Образцы фибул из бронзы, найденные на селищах у с. Стаево
 1, 4, 5 – Стаево-4; 2, 3, 6 – Стаево-5

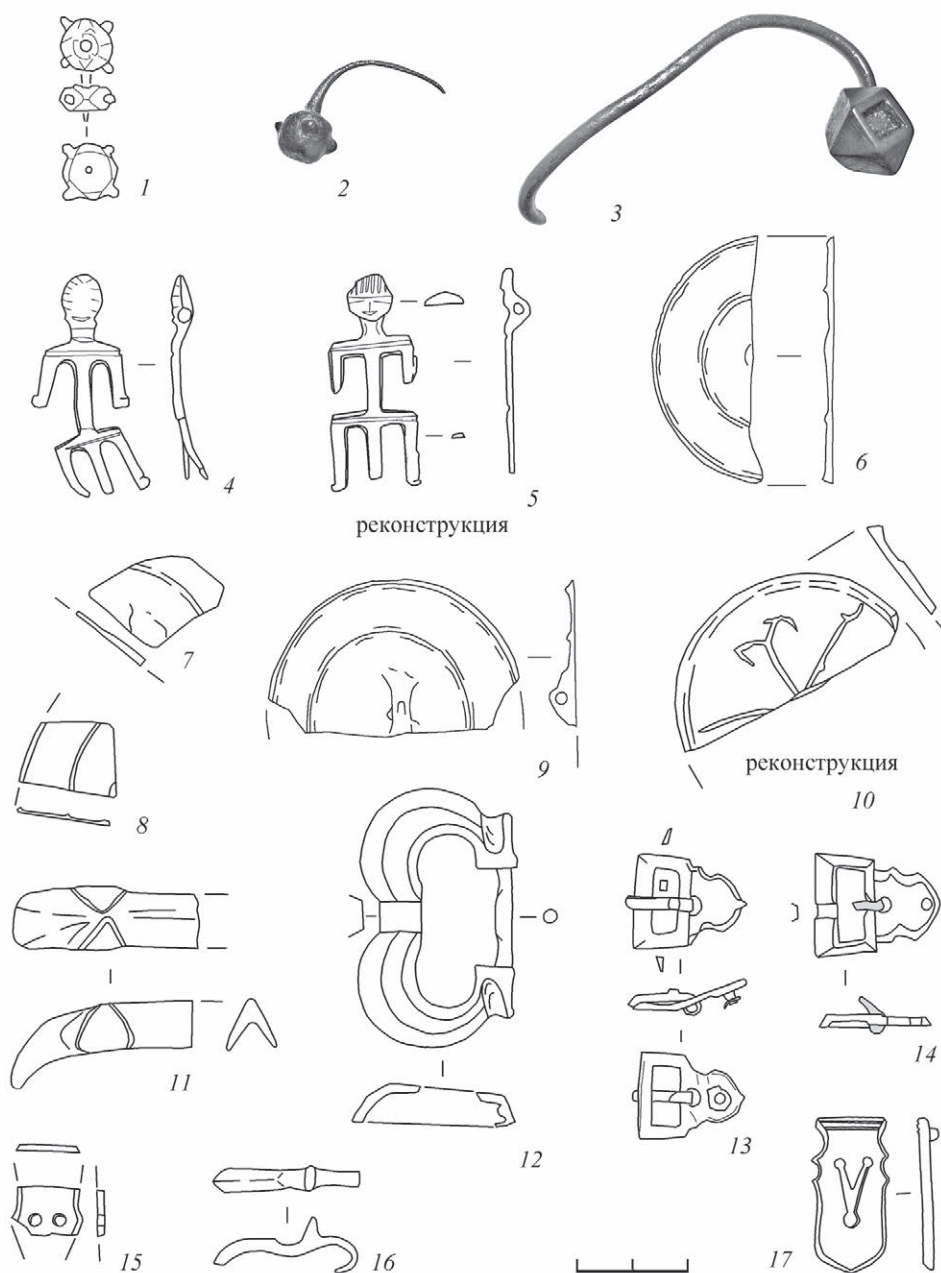

Рис. 6. Изделия из цветных металлов, найденные на селищах Стаево-4 (6, 7, 9, 11, 12, 14) и Стаево-5 (1-5, 8, 10, 13, 15-17)
 1-5, 13, 15-17 – бронза; 6-10 – белый сплав; 11, 12 – серебро; 14 – рамка – бронза, язычок – железо

У третьей серьги (рис. 6, 3) – массивная полиэдрическая бусина на конце с расстоянием 1 см между противоположными гранями. Похожие изделия Э. А. Хайрединова относит к варианту 2 крымских сережек с литым неподвижным многогранником. По ее наблюдениям, они датируются второй половиной V – первой половиной VII в. (Хайрединова, 2015. С. 100–101). Особенность серьги из Стаево заключается в наличии на одной из граней ромбической ячейки для вставки из стекла или камня, как у некоторых роскошных, изготовленных из золота или серебра раннесредневековых сережек (Эпоха..., 2007. С. 323, I.33.9.1; с. 510, VII.40.7). Экземпляр из Стаево представляет собой их упрощенную имитацию.

У массивного язычка пряжки из Стаево-4 (рис. 6, 11) с подтреугольными выступами у клювовидного основания, который изготовлен из белого металла, обломан край, предназначенный для прикрепления к рамке. Язычки подобной формы с выступами у окончания, в т. ч. и с сечением в виде латинской буквы V, характерны для пряжек разных типов V–VII вв. Крыма (Айбабин, 1990. С. 29–35. Рис. 24, 1, 7; 25, 3–6; 28, 1, 3, 5; 35, 4). Пряжки с такими язычками изредка встречаются и на Кавказе (Мастыкова, 2009. Рис. 45, 5).

На поселениях Стаево-4 и Стаево-5 найдена серия обломков зеркал (рис. 6, 6–10) с петлей на обороте (тип X по А. М. Хазанову). Все они изготовлены из белого сплава. Одно из них (из Стаево-5) на обороте имеет т. н. тамгообразный орнамент (рис. 6, 10). В Верхнем Подонье известно еще одно зеркало с подобной орнаментацией, которое происходит из погребения гуннского времени (Ксизово-17Б, погр. 2) (Обломский, Козмирчук, 2015. Рис. 91, 5).

Фрагменты зеркал из белого сплава с орнаментом в виде концентрических окружностей (рис. 6, 6–9) найдены в Стаево-4 (3 экз.) и в Стаево-5 (6 экз.). Этой группе зеркал (тип Карповка) посвящен ряд работ А. В. Мастыковой. Недавно на эту тему ей была опубликована специальная статья (Мастыкова, 2016). По результатам этих исследований, такие зеркала появились в III в. и существовали очень долго – вплоть до X–XII вв. В конце IV – VII в. в лесостепной зоне Восточной Европы они встречены только на классических памятниках типа Чертовицкое-Замятино и на поселениях верхневоронежской группы Стаево-4 и 5 (Там же. С. 243–247). На памятниках пеньковской культуры, элементы которой тоже известны в Верхнем Подонье, зеркала встречаются лишь в виде исключения (Приходнюк, 1998. С. 39. Рис. 76, 7), а на колочинских (также представленных на Верхнем Дону) не известны вовсе.

В Стаево-5 обнаружены 4 антропоморфных амулета из бронзы. Они однотипны (как на рис. 6, 4, 5): со схематически переданным лицом с волосами на плоской овальной голове, руками и ногами в виде буквы П и планкой между ногами (рис. 6, 4, 5). Эти амулеты имеют аналогии преимущественно на юге Восточной Европы – в низовьях Дона, в Крыму, на Северном Кавказе – и датируются в пределах от гуннского времени до VII в. (Володарець-Урбанович, 2016. С. 79–88).

Полая граненая (трехгранная в сечении) В-образная рамка пряжки с ложем для язычка из Стаево-4 изготовлена из серебра (рис. 6, 12). Такие пряжки распространены широко: в Крыму, Поднепровье, на Кавказе; реже – в Подунавье и Поволжье (см. обзор на начало 1990-х гг.: Гавритухин, Обломский, 1996. С. 31). По выборке поясных гарнитур с псевдопряжками, опубликованной И. О. Гавритухиным, такие пряжки показательны для горизонтов 2–4 поясных гарнитур

с псевдопряжками, суммарная дата которых – конец VI – третья четверть VII в., не исключая и более раннее их появление – горизонт 1/2 (*Гавритухин*, 2001. С. 31–40).

В Крыму аналогичные пряжки относятся к варианту 6 В-образных по А. И. Айбабину. Они датируются всем VII в. (восьмая и девятая хронологические группы А. И. Айбабина) (*Айбабин*, 1990. С. 40. Рис. 39, 8–10; 1999. С. 276–277. Табл. XXX, XXXI). Известны пряжки с такими рамками и в причерноморской зоне Кавказа (Бжид, погр. 144, причем вместе с маленькой пряжкой с трапезиевидной рамой и обоймой в виде геральдического щита с вырезами) (*Гавритухин*, 2011. Рис. 7, 24, 34).

Серебряные полые В-образные пряжки с трехгранными рамками хорошо известны в Поднепровье в кладках круга Мартыновки, правда, у большинства из них (как и у перечисленных выше) внутренняя сторона рамки не В-образная, как у пряжки из Стаево, а прямоугольная. Тем не менее у пряжек из двух кладов (Углы и Куриловка) отверстие для ремня – такое же, как у находки из Стаево (*Корзухина*, 1996. Табл. 98, 3; *Родинкова*, 2010. Рис. 6, 1). Нам представляется, что эти кладки были сокрыты в третьей четверти VII в. или несколько позже (*Обломский*, *Родинкова*, 2015. С. 396).

Относительно редки подобные пряжки в Поочье, хотя и известны (*Ахмедов*, 2010. Рис. 3, 1; 4, 2).

В степной зоне Поволжья похожая пряжка происходит из погребения 2 кургана 3 Иловатки (*Комар и др.*, 2006. Рис. 49, 36). «Горизонт Иловатки» А. В. Комар датирует около 610–643 гг. (*Комар*, 2006. С. 124). И. О. Гавритухин относит этот комплекс к кругу наиболее ранних т. н. геральдических гарнитур (*Гавритухин*, *Обломский*, 1996. Рис. 89, 35–41), датируемых в рамках середины или второй половины VI – начала (не позднее первой трети) VII в. (*Гавритухин*, 2001. С. 36–37).

Рамку пряжки из Стаево по аналогиям можно датировать VII в.

Детали ремennых наборов из бронзы, выполненные в т. н. геральдическом стиле, в Стаево-4 и Стаево-5 довольно многочисленны. К ним относятся 3 маленькие пряжки с трапезиевидной рамой и обоймой с выемками по сторонам (как на рис. 6, 13, 14) (Стаево-4 – 1 экз., Стаево-5 – 2 экз.), 3 наконечника ремней из Стаево-5 с боковыми вырезами и выступами (рис. 6, 15, 17), язычок пряжки из Стаево-5 (рис. 6, 16). В Стаево-5 найдены 5 матриц для изготовления наконечников ремней и накладок (рис. 4, 2–6) рассматриваемого круга. Одна из них (рис. 4, 5) не обработана от заусенец, которые образовались при отливке.

Изделия геральдического стиля довольно широко распространены на территории Евразии. Типологически они весьма разнообразны. Специальное исследование геральдических деталей ремней из Стаево – дело будущего. Относительно датировки вещей геральдического стиля на территории соседнего с Подоньем с запада лесного и лесостепного Поднепровья в настоящее время ведется дискуссия, содержание которой приведено в статье о колочинской культуре, опубликованной в издании «Раннеславянский мир, 17». Согласно одной точке зрения, они датируются второй половиной VI – первой четвертью VII в. Согласно другой, «классические» изделия относятся к VII в., а кладки круга Мартыновки, в состав которых входили изделия в геральдическом стиле, выпали

в землю около третьей четверти VII в. (*Обломский*, 2016б. С. 45, 58–60). Нам представляется наиболее обоснованной вторая точка зрения.

Выше кратко перечислены лишь наиболее показательные вещи. Прочие (В-образные и с вогнутыми краями прямоугольной рамы, пластинчатые накладки на ремни, браслеты и височные кольца, в т. ч. и с зооморфными окончаниями) распространены относительно широко, но вполне характерны для раннего средневековья.

По набору вещей поселения Стаево-4 и Стаево-5 датируются в широких рамках второй половины V – VII в. (от времени бытования гибридных пальчато-двупластинчатых фибул серии Мощенка, 6 вариантов трехпалых северокавказской серии и ранних пальчатых фибул типа Гурзуф, до эпохи наибольшего распространения ременных наборов геральдического стиля). Разумеется, эта датировка, а также атрибуция некоторых вещей требуют уточнений. В дальнейшем они будут сделаны: полевые исследования поселка у с. Стаево предполагается продолжить.

Материалы комплекса поселений у с. Стаево показали, что во второй половине V – VII в. у населения Верхнего Подонья продолжают сохраняться связи с югом Восточной Европы, которые наблюдались и на предыдущем этапе (в гуннское время) (*Обломский*, 2015. С. 300–305; 2011б). Об этом свидетельствуют некоторые типы фибул и браслетов, зеркала, амулеты-«человечки». По общему набору вещей культуры престижа памятники верхневоронежской группы близки к раннесредневековым древностям Крыма, побережья Черного моря, Северного Кавказа. Некоторые вещи из этого набора изготавливали в Стаево. Здесь найдена бракованная отливка пальчатой фибулы, матрицы фибулы типа Гурзуф и деталей геральдической поясной гарнитуры (рис. 4). Количество вещей, имеющих аналогии на юге Восточной Европы, для сравнительно небольшого участка на р. Воронеж на фоне славянских культур лесостепи и лесной зоны Поднепровья и более западных территорий феноменально.

Вернемся к экзагиям. В ранней Византийской империи наблюдение за мерами длины, веса и объема являлось важнейшим государственным делом. Выпуск эталонных стеклянных гирек обеспечивался наместниками провинций (эпархами), а также эпархом Константинополя (*Успенский*, 1999. С. 103–104). Контроль за монетными разновесами, в соответствии с новеллой Юстиниана I от 545 г., находился в ведении чиновника казначейства (*comes sanctorum largitionum*), а сами эталоны всех категорий весовых знаков должны были храниться «в самых святых церквах каждого города», чтобы быть доступными для населения (*Сорочан*, 2013. С. 238).

В Херсонесе в 1904 г. в помещении, сгоревшем в пожаре, был обнаружен набор бронзовых гирек и экзагиев. С. В. Сорочан связывает эту находку с птохионом св. Фоки и считает подобным набором эталонов (Там же. С. 240, 241).

Несмотря на то что квадратные бронзовые экзагии с обозначениями в виде буквы N с точками хорошо известны, датировка их весьма затруднительна по нескольким причинам. Во-первых, эти предметы при стабильности чеканки золотой монеты были в употреблении в течение длительного времени. Во-вторых, изображения на них однотипны (*Гурулева*, 1999. С. 87; *Сорочан*, 2013. С. 241). «Даже в современных каталогах для датировки византийских гирек

и экзагиев считается нормой временной промежуток в 2–3 столетия» (Гурулева, 1999. С. 87). Н. П. Лихачев отмечал, что экзагии с буквой N и точкой датируются VIII–XII вв. При этом, по его мнению, имеются данные, что они начинали использоваться гораздо раньше (Лихачев, 1925. С. 522).

Нам представляется, что некоторые выводы о датировке гири из Стаево-5 можно сделать исходя из ее веса.

В ранней Византии золотая монета чеканилась из расчета: из литры или византийского фунта – 72 номисмы. В идеальном варианте вес фунта должен был составлять 327,60 г, а номисмы (солида) – 4,55 г (Entwistle, 2002. Р. 611). По исследованиям разновесов и монет, хранящихся в музеях, выяснилось, что вес фунта с течением времени снижался. В усредненном виде он составлял около 324 г в IV–VI вв., 322 г – в VI–VII вв., 320 г – в VII–IX вв., 319 г – в IX – начале XIII в. (Schilbach, 1970. S. 166; Entwistle, 2002. Р. 611), но реально мог быть и меньшим. В Британском музее хранятся 13 гирь в 1 фунт III–VII вв., их вес – от 300,63 до 323,76 г (Entwistle, 2002. Р. 611). Е. Шилбах приводит данные, что вес литры из расчета по весам большинства образцов золотых монет составлял в IV–VI вв. (Константин Великий – Юстин I) 316–324 г, в VI–VII вв. (Юстиниан I – Константин IV) – 313–322 г, в VII – IX вв. (Юстиниан II – Феофил) – 311–320 г в Константинополе, 275–290 г в провинциях, 295–310 г в Италии (Schilbach, 1970. S. 167).

Экзагий из Стаево (3,76 г) с учетом потерь веса при окислении металла соответствует фунту в 305–306 г. Л. В. Чуистова приводит данные, что вес гирек номиналом 1 номисма со знаками в виде буквы N мог составлять 3,01–4,73 (Чуистова, 1962. С. 96–99). В любом случае вес расчетного фунта, частью которого была гирька из Стаево, минимален из перечисленных. Это указывает на относительно позднюю дату гири – не ранее VII в., хотя нужно учитывать условность этих наблюдений.

Каково же значение находки экзагия на поселении в верховьях р. Воронеж? Вряд ли эта вещь из-за ее слишком малого веса представляла интерес для ремесленников поселка у с. Стаево как сырье для переплавки. Как было отмечено выше, в Стаево-5 на площадках, где работали ювелиры, было найдено много отходов литья бронзы, сломанных предметов из цветных сплавов, обрубков прутиков и пластин, целых изделий и даже инструментов (матриц), потерянных обитателями поселения. Бронзы у них было, по всей видимости, довольно много.

Экзагий, изготовленный под контролем государственной власти, мог, с наибольшей степенью вероятности, принадлежать только тому, кому он был необходим для использования по прямому назначению, т. е. для взвешивания золотой монеты, а именно купцу. В этой связи весьма интересны наблюдения И. Р. Ахмедова за распространением византийских вещей в Поочье. В его сводку вошли находки пряжки типа Сиракузы, монет, фибул, которые относятся к финальной фазе рязано-окской культуры конца VI – VII в. (Ахмедов, 2016. С. 65–70). Список опубликованных И. Р. Ахмедовым вещей можно дополнить находками 12 золотых византийских монет, начеканенных в 638–641 и 668–685 гг., из погр. 16 могильника Серповое (раскопки 1892 г.), двух солидов 670–680 гг., найденных на берегу р. Цны около того же села (Кропоткин, 1962. Кат. № 125, 126. С. 29),

двух медальонов из свинцово-оловянного сплава с городища Давыдово Моршанского р-на Тамбовской обл. (Андреев, 2012. С. 260, 261. Рис. 1, 1, 2).

В этом контексте вызывают интерес две находки на памятниках в верховьях р. Воронеж. На поселении Стаево-5, с которого происходит гирька-экзагий, обнаружен обломок железной фибулы с треугольным сечением широкой спинки и широким кольцом для крепления пружины (рис. 1, 8). Подобные вещи И. О. Гавритухиным относятся к византийскому кругу и датируются временем от около конца (не ранее второй половины) V в. до третьей четверти VII в. (Гавритухин, 2010. С. 58).

На поселении Красный Городок-2 в низовьях р. Полной Воронеж найден медный византийский фоллис, начеканенный около 590-х гг. в Херсонесе (Андреев, 2013. С. 90, 91. Рис. 3).

Гипотеза о существовании торговли мехом из лесной зоны на юг по Дону в раннем средневековье была предложена М. М. Казанским, который опирался в основном на сообщение Иордана о хунугурах, торговавших пушниной. Последние локализованы в низовьях Дона и на прилегающих территориях (Казанский, 2010. С. 95, 96). И. Р. Ахмедов высказал предположение, что промежуточным звеном в цепочке поступления импортов с юга в Поочье были памятники в верховьях р. Воронеж (Ахмедов, 2016. С. 85). Находки обломка фибулы византийского круга и особенно гирьки-экзагия на поселении Стаево-5 являются дополнительными аргументами, подтверждающими это. Не исключено, что поселок у с. Стаево был ключевым пунктом на этом пути в верхневоронежском регионе.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. 1. Симферополь: Таврия. С. 1–87.
- Айбабин А. И., 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар. 349 с.
- Андреев С. И., 2012. Находки раннесредневековой христианской металлопластики на Тамбовщине // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины / Ред. С. И. Андреев. Вып. 3. Тамбов: Изд. дом Тамбовского гос. ун-та им. Г. Р. Державина. С. 260–269.
- Андреев С. И., 2013. Римские, византийские и арабские монеты с территории Тамбовской обл. // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины / Ред. С. И. Андреев. Вып. 4. Тамбов: Изд. дом Тамбовского гос. ун-та им. Г. Р. Державина. С. 76–85.
- Ахмедов И. Р., 2010. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тыс. н. э.: Проблемы и материалы / Отв. ред.: И. В. Исланова, В. Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 7–34. (ПСМ; вып. 13.)
- Ахмедов И. Р., 2016. Византийские и славянские находки в рязано-окских древностях // Древности Поочья: сб. науч. работ к 60-летию В. В. Судакова / Ред. А. О. Никитин. Рязань: РИКО. С. 64–87.
- Володарец-Урбанович Я. В., 2016. Антропоморфна фігурка із Засулля-Мгару // Археологія. № 1. С. 79–88.
- Гавритухин И. О., 2001. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма) / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей. С. 31–86.
- Гавритухин И. О., 2004а. Ранние формы пальчатых фибул и экземпляр из Замятино // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени / Ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 89–94. (ПСМ; вып. 6.)

- Гавритухин И. О., 2004б. Среднеднепровские ингумации второй половины V–VI в. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье: доклады науч. конф., посвящ. 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.) / Ред.: В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб.: Петербургское востоковедение. С. 221–227.
- Гавритухин И. О., 2010. Византийские подвязные фибулы с S-видной петлей для оси пружины. Находки к северу и востоку от Дуная // Археология Восточной Европы в I тыс. н. э.: Проблемы и мат-лы / Отв. ред.: И. В. Исланова, В. Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 35–90. (PCM; вып. 13.)
- Гавритухин И. О., 2011. Фибулы типа Удине-Планис // Петербургский апокриф. Послание от Марка / Ред. О. В. Шаров. СПб.; Кишинев: Высшая антропологическая школа. С. 463–490.
- Гавритухин И. О., 2015. Фибулы эпохи Великого переселения народов, найденные в Ксизово // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V в.) / Ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 212–240. (PCM; вып. 16.)
- Гавритухин И. О., Казанский М. М., 2006. Боспор, тетракситы и Северный Кавказ во второй половине V–VI вв. // АВ. Вып. 13. СПб. С. 297–344.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН. 295 с. (PCM; вып. 3.)
- Гавритухин И. О., Обломский А. М., 2007. Днепровское лесостепное Левобережье // Восточная Европа в середине I тыс. н. э. / Ред.: И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 9–72. (PCM; вып. 9.)
- Гурулева В. В., 1999. Византийские весовые знаки бывшего музея Русского археологического института в Константинополе // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XVI. С. 82–98.
- Казанский М. М., 2010. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // Stratum plus. № 4. С. 1–111.
- Комар А. В., 2006. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья / Отв. ред. А. В. Евглевский. Т. 5. Донецк: Донецкий гос. ун-т. С. 7–244.
- Комар А. В., Куйбышев А. И., Орлов Р. С., 2006. Погребения кочевников VII–VIII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья / Отв. ред. А. В. Евглевский. Т. 5. Донецк: Донецкий гос. ун-т. С. 245–374.
- Корзухина Г. Ф., 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь: Таврия. С. 352–435.
- Кропоткин В. В., 1962. Клады византийских монет на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР. 64 с. (САИ; вып. Е4-4.)
- Лихачев Н. П., 1925. Византийские эксагии // Известия РАН. VI серия. Т. 19. Вып. 12–15. С. 519–526.
- Мастыкова А. В., 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. М.: Таус. 500 с.
- Мастыкова А. В., 2016. Зеркала типа Карповка: к вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры // Дивногорский сборник / Ред. А. З. Винников. Вып. 6. Воронеж: Научная книга. С. 241–254.
- Обломский А. М., 2011а. О раннесредневековых славянских древностях в бассейне Дона // Stratum plus. № 5. С. 51–60.
- Обломский А. М., 2011б. Причерноморские элементы на памятниках Верхнего Подонья середины I тыс. н. э. // Петербургский апокриф. Послание от Марка / Ред. О. В. Шаров. СПб.; Кишинев: Высшая антропологическая школа. С. 443–462.
- Обломский А. М., 2012. Раннесредневековые памятники Верхнего Подонья. Предварительные итоги исследования // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины / Ред. С. И. Андреев. Вып. 3. Тамбов: Изд. дом Тамбовского гос. ун-та им. Г. Р. Державина. С. 172–229.
- Обломский А. М., 2015. Этнические и социальные компоненты населения Острой Луки Дона в гуннское время // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V в.) / Ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 296–308. (PCM; вып. 16.)

- Обломский А. М.*, 2016а. Исследование раннесредневекового поселения Стаево-4 в Мичуринском р-не Тамбовской обл. // Тамбовская старина / Ред. Н. Б. Моисеев. Вып. 5. Тамбов: Изд-во типографии «Пролетарский светоч». С. 11–25.
- Обломский А. М.*, 2016б. Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Ред.: А. М. Обломский, И. В. Исланова. М.: ИА РАН. С. 10–113. (PCM; вып. 17.)
- Обломский А. М.*, 2016в. О двух типах славянских памятников Верхнего Подонья в эпоху раннего средневековья // Степи Восточной Европы в средние века: сб. памяти Светланы Александровны Плетневой / Ред. И. Л. Кызласов. М.: Авторская книга. С. 119–149.
- Обломский А. М., Козмирчук И. О.*, 2015. Материалы гуннского времени могильника Ксизово-17 (описание погребений, ритуальных объектов, вещевой комплексы) // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V в.) / Ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 37–74. (PCM; вып. 16.)
- Обломский А. М., Родинкова В. Е.*, 2015. Этнокультурный перелом в Поднепровье в VII в. н. э. Хронология событий // КСИА. Вып. 235. С. 308–403.
- Приходнюк О. М.*, 1998. Пеньковская культура. Культурно-хронологический аспект исследования. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. 170 с.
- Родинкова В. Е.*, 2010. Куриловский клад раннесредневекового времени // РА. № 4. С. 78–87.
- Сорочан С. Б.*, 2013. Византийский Херсон (вторая половина VI–X в.): очерки истории и культуры. Ч. I. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского. 588 с.
- Успенский Ф. И.*, 1999. О бронзовых весовых знаках византийского происхождения, находящихся в коллекции // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XVI. С. 99–107.
- Хайрединова Э. А.*, 2015. Серьги с литым неподвижным многогранником из Крыма // МАИЭТ. Вып. 20. Симферополь: Таврия. С. 95–132.
- Чуистова Л. И.*, 1962. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. Т. II. Керчь: Крымиздат. С. 7–235.
- Эпоха Меровингов – Европа без границ. Археология и история V–VIII вв.: каталог выставки. Berlin: Edition Minerva, 2007. 591 с.
- Dalton O. M.*, 1901. Catalogue of Early Christian Antiquities and Objects from the Christian East in the Department of the British and Mediaeval Antiquities and Ethnography of the British Museum. London: British Museum. 273 p.
- Entwistle C.*, 2002. Byzantine Weights // The economic history of Byzantium. From the Seventh through the Fifteenth Century / Ed. A. E. Laiou. Vol. 1. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection. P. 611–614. (Dumbarton Oaks Studies; vol. XXXIX.)
- Shilbach E.*, 1970. Byzantinische Metrologie. Munich: C. H. Beck'sche verlagsbuchhandlung. 291 S.

Сведения об авторах

Обломский Андрей Михайлович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: oblomsky_a@rambler.ru;

Швырев Александр Дмитриевич, Задонский краеведческий музей, ул. Коммуны, 5, Задонск, Липецкая область, 399200, Россия, e-mail: muziei.zadonsk@mail.ru

A. M. Oblomskiy, A. D. Shvyrev

A BYZANTINE COIN WEIGHT FOUND IN THE UPPER REACHES OF THE VORONEZH RIVER

Abstract. The paper publishes a bronze exagion (coin weight) used to weigh gold coins such as early Byzantine gold solidus. The exagion weighs 3.76 g, the loss of weight caused by oxidation in soil is 0.3–0.5 g. This coin weight was discovered at the settlement

of Staevo-5, Michurinsk district, Tambov Region, located in the upper reaches of the Voronezh River. The 2014–2017 excavations found out that settlements near the village of Staevo had preserved traits of various productions. For example, numerous remains of ferrous metallurgy were recorded at Staevo-4, while remains of jewelry (bronze casting) production were documented at Staevo-5. Judging by a set of prestige jewelry pieces (fibulae, mirrors, amulets, details of belt sets, the inhabitants of the settlement had rather close links with the south (the Black Sea maritime steppes, the North Caucasus). The coin weight is, presumably, dated to the 7th century. A series of items of Byzantine origin, including coins discovered in the Oka River basin and the upper reaches of the Voronezh River, is dated to the 6th–7th centuries. It is quite possible that the settlement near the village of Staevo was a key location in the upper reaches of the Voronezh River on the trade route which linked the south of Eastern Europe to the Oka River basin.

Keywords: exagion (coin weight), Byzantine gold solidus, settlement near the village of Staevo, second half of the 5th–7th centuries, trade route from the Black Sea maritime steppes to the Oka River.

REFERENCES

- Akhmedov I. R., 2010. Problema «final'nogo» perioda kul'tury ryazano-okskikh finnov (k sovremennomu sostoyaniyu voprosa) [Problem of «final» stage of culture of the Ryazan'-Oka Finns (on present stage of problem)]. *Arkheologiya Vostochnoy Evropy v I tys. n. e.: Problemy i materialy* [Archaeology of Eastern Europe in I mill. AD: problems and materials]. I. V. Islanova, V. E. Rodinkova, eds. Moscow: IARAN, pp. 7–34. (RSM, 13.)
- Akhmedov I. R., 2016. Vizantiyskie i slavyanskije nakhodki v ryazano-okskikh drevnostyakh [Byzantine and Slavic finds in Ryazan'-Oka antiquities]. *Drevnosti Pooch'ya: sbornik nauchnykh rabot k 60-letiyu V. V. Sudakova* [Antiquities of Oka region: collection of scientific articles toward 60th anniversary of V. V. Sudakov]. A. O. Nikitin, ed. Ryazan': Ryazanskoe istoriko-kul'turnoe obshchestvo, pp. 64–87.
- Andreev S. I., 2012. Nakhodki rannesrednevekovoy khristianskoy metalloplastiki na Tambovshchine [Finds of early medieval Christian metal plastic in Tambov region]. *Tambovskie drevnosti. Arkheologiya Oksko-Donskoy ravniny* [Tambov antiquities. Archaeology of Oka-Don plain], 3. S. I. Andreev, ed. Tambov: Izdatel'skiy dom Tambovskogo gos. universiteta im. G. R. Derzhavina, pp. 260–269.
- Andreev S. I., 2013. Rimskie, vizantiyskie i arabskie monety s territorii Tambovskoy obl. [Roman, Byzantine and Arabic coins from territory of Tambov region]. *Tambovskie drevnosti. Arkheologiya Oksko-Donskoy ravniny* [Tambov antiquities. Archaeology of Oka-Don plain], 4. S. I. Andreev, ed. Izdatel'skiy dom Tambovskogo gos. universiteta im. G. R. Derzhavina, pp. 76–85.
- Aybabin A. I., 1990. Khronologiya mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni [Chronology of Crimean cemeteries of late Roman and early medieval time]. *MAIET*, 1, pp. 1–87.
- Aybabin A. I., 1999. Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryma [Ethnic history of early Byzantine Crimea]. Simferopol': Dar. 349 p.
- Chuiustova L. I., 1962. Antichnye i srednevekovye vesovye sistemy, imevshie khozhdenie v Severnom Prichernomor'e [Antique and medieval weight systems circulating in North Pontic zone]. *Arkheologiya i istoriya Bospora* [Archaeology and history of Bosporus], II. Kerch': Krymizdat, pp. 7–235.
- Dalton O. M., 1901. Catalogue of Early Christian Antiquities and Objects from the Christian East in the Department of the British and Mediaeval Antiquities and Ethnography of the British Museum. London: British Museum. 273 p.
- Entwistle C., 2002. Byzantine Weights. *The economic history of Byzantium. From the Seventh through the Fifteenth Century*, I. A. E. Laiou, ed. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, pp. 611–614. (Dumbarton Oaks Studies, XXXIX.)

- Epokha Merovingov – Evropa bez granits. Arkheologiya i istoriya V–VIII vv.: katalog vystavki [Epoch of Merovingians – Europe without borders. Archaeology and history of V–VIII cc.: catalogue of exhibition]. Berlin: Edition Minerva, 2007. 591 p.
- Gavritukhin I. O., 2001. Evolyutsiya vostochnoevropeyskikh psevdopryazhek [Evolution of East European pseudo-buckles]. *Kul'tury evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tys. n. e. (iz istorii kostyuma)* [Cultures of Eurasian steppes of second half of I mill. AD (from history of costume)]. D. A. Stashenkov, ed. Samara: Samarskiy oblastnoy istoriko-kraevedcheskiy muzey, pp. 31–86.
- Gavritukhin I. O., 2004a. Rannie formy pal'chatykh fibul i ekzemplary iz Zamyatino [Early forms of bow-like fibulae and item from Zamyatino]. *Ostraya Luka Dona v drevnosti. Zamyatinskiy arkheologicheskiy kompleks gunnskogo vremeni* [Ostraya Luka of the Don in antiquity. Zamyatino archaeological complex of Hun time]. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 89–94. (RSM, 6.)
- Gavritukhin I. O., 2004b. Srednedneprovskie ingumatsii vtoroy poloviny V–VI v. [Middle Dnieper inhumations of second half of V–VI c.]. *Kul'turnye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'e: doklady nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 60-letiyu so dnya rozhdeniya E. A. Goryunova (2000)* [Cultural transformations and mutual influences in Dnieper region in the end of Roman time and in early Middle Ages: proceedings of scientific conference, devote to 60th anniversary of E. A. Goryunova (2000)]. V. M. Goryunova, O. A. Shcheglova, eds. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, pp. 221–227.
- Gavritukhin I. O., 2010. Vizantiyskie podvyeznye fibuly s S-ovidnoy petley dlya osi pruzhiny. Nakhodka k severu i vostoku ot Dunaya [Byzantine tied fibulae with S-like loop for spring. Finds northward and eastward from Danube]. *Arkheologiya Vostochnoy Evropy v I tys. n. e.: Problemy i materialy* [Archaeology of Eastern Europe in I mill. AD: Problems and materials]. I. V. Islanova, V. E. Rodinkova, eds. Moscow: IA RAN, pp. 35–90. (RSM, 13.)
- Gavritukhin I. O., 2011. Fibuly tipa Udine-Planis [Fibulae of Udine-Planis type]. *Peterburgskiy apokrif. Poslanie ot Marka* [Petersburg apocrypha. Epistle from Marcus]. O. V. Sharov, ed. St. Petersburg: Kishinev: Vysshaya antropologicheskaya shkola, pp. 463–490.
- Gavritukhin I. O., 2015. Fibuly epokhi Velikogo pereseleniya narodov, naydennye v Ksizovo [Fibulae of Migration period found in Ksizovo]. *Ostraya Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskiy kompleks pamyatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV–V v.)* [Ostraya Luka of the Don in antiquity. Archaeological complex of sites of Hun time near village Ksizovo (late IV–V c.)]. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 212–240. (RSM, 16.)
- Gavritukhin I. O., Kazanskiy M. M., 2006. Bospor, tetraksity i Severnyy Kavkaz vo vtoroy polovine V–VI vv. [Bosporus, Tetraxites and North Caucasus in second half of V–VI cc.]. *AV*, 13. St. Petersburg, pp. 297–344.
- Gavritukhin I. O., Oblomskiy A. M., 1996. Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst [Gaponovo hoard and its cultural historical context]. Moscow: IA RAN. 295 p. (RSM, 3.)
- Gavritukhin I. O., Oblomskiy A. M., 2007. Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e [Forest-steppe of the Dnieper Left bank]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tys. n. e. [Eastern Europe in middle of I mill. AD]*. I. O. Gavritukhin, A. M. Oblomskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 9–72. (RSM, 9.)
- Guruleva V. V., 1999. Vizantiyskie vesovye znaki byvshego muzeya Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole [Byzantine weight symbols in former museum of Russian archaeological institute in Constantinople]. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and epigraphics], XVI, pp. 82–98.
- Kazanskiy M. M., 2010. Skandinavskaya mekhovaya trgovlya i «Vostochnyy put'» v epokhu pereseleniya narodov [Scandinavian trade in furs and “Eastern route” in Migration period]. *Stratum plus. Archaeology and cultural anthropology*, 4, pp. 1–111.
- Khayredinova E. A., 2015. Ser'gi s litym nepodvizhnym mnogogrannikom iz Kryma [Earrings with cast fixed polyhedron from Crimea]. *MAIET*, XX, pp. 95–132.
- Komar A. V., 2006. Pereshchepinskiy kompleks v kontekste osnovnykh problem istorii i kul'tury kochevnikov Vostochnoy Evropy VII – nachala VIII v. [Pereshchepino complex in context of topical problems of history and culture of nomads of Eastern Europe in VII – early VIII c.]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya* [Steppes of Europe in medieval epoch], 5. A. V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskiiy gos. universitet, pp. 7–244.

- Komar A. V., Kuybyshev A. I., Orlov R. S., 2006. Pogrebeniya kochevnikov VII–VIII vv. iz Severo-Zapadnogo Priazov'ya [Burials of nomads of VII–VIII cc. from northwestern part of Azov Sea region]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya* [Steppes of Europe in medieval epoch], 5. A. V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetsk gos. universitet, pp. 245–374.
- Korzukhina G. F., 1996. Klady i sluchaynye nakhodki veshchey kruga «drevnostey antov» v Srednem Podneprov'e [Hoards and isolated finds of “Antes' antiquities” circle in Middle Dneiper region]. *MAIET*, V, pp. 352–435.
- Kropotkin V. V., 1962. Klady vizantiyskikh monet na territorii SSSR [Hoards of Byzantine coins in territory of the USSR]. Moscow: AN SSSR. 64 p. (SAI.)
- Likhachev N. P., 1925. Vizantiyskie eksagii [Byzantine weights]. *Izvestiya RAN. VI seriya* [Bulletin of RAN. VI series], vol. 19, iss. 12–15, pp. 519–526.
- Mastykova A. V., 2009. Zhenskii kostyum Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV – seredine VI v. [Female costume of Central and West Caucasus Piedmont in the end of IV – middle VI c.]. Moscow: Taus. 500 p.
- Mastykova A. V., 2016. Zerkala tipa Karpovka: k voprosu o formirovanii saltovo-mayatskoy kul'tury [Mirrors of Karpovka type: on problem of formation Saltovo-Mayatsk culture]. *Divnogorskiy sbornik* [Divnogor'e annual], 6. A. Z. Vinnikov, ed. Voronezh: Nauchnaya kniga, pp. 241–254.
- Oblomskiy A. M., 2011a. O rannesrednevekovykh slavyanskikh drevnostyakh v bassejne Dona [On early medieval Slavic antiquities in Don basin]. *Stratum plus. Archaeology and cultural anthropology*, 5, pp. 51–60.
- Oblomskiy A. M., 2011b. Prichernomorskie elementy na pamyatnikakh Verkhnego Podon'ya serediny I tys. n. e. [North Pontic elements at sites of Upper Don region of the middle of I mill. AD]. *Peterburgskiy apokrif. Poslanie ot Marka* [Petersburg apocrypha. Epistle from Marcus]. O. V. Sharov, ed. St. Petersburg; Kishinev: Vysshaya antropologicheskaya shkola, pp. 443–462.
- Oblomskiy A. M., 2012. Rannesrednevekovye pamyatniki Verkhnego Podon'ya. Predvaritel'nye itogi issledovaniya [Early medieval sites of Upper Don region. Preliminary results of research]. *Tambovskie drevnosti. Arkheologiya Oksko-Donskoy ravniny* [Tambov antiquities. Archaeology of Oka-Don plain], 3. S. I. Andreev, ed. Tambov: Izdatel'skiy dom Tambovskogo gos. universiteta im. G. R. Derzhavina, pp. 172–229.
- Oblomskiy A. M., 2015. Etnicheskie i sotsial'nye komponenty naseleniya Ostroy Luki Dona v gunnskoe vremya [Ethnic and social components of population of Ostraya Luka in Hun time]. *Ostraya Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskii kompleks pamyatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV–V v.)* [Ostraya Luka of the Don in antiquity. Archaeological complex of sites of Hun time near village Ksizovo (late IV–V c.)]. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 296–308. (RSM, 16.)
- Oblomskiy A. M., 2016a. Issledovanie rannesrednevekovogo poseleniya Staevo-4 v Michurinskom r-ne Tambovskoy obl. [Investigation of early medieval settlement Staevo-4 in Michurinsk district, Tambov region]. *Tambovskaya starina* [Tambov antiquities], 5. N. B. Moiseev, ed. Tambov: Izdatel'stvo tipografii «Proletarskiy svetoch», pp. 11–25.
- Oblomskiy A. M., 2016b. Kolochinskaya kul'tura [Kolochin culture]. *Rannesrednevekovye drevnosti lesnoy zony Vostochnoy Evropy (V–VII vv.)* [Early medieval antiquities of forest zone of Eastern Europe (V–VII cc.)]. A. M. Oblomskiy, I. V. Islanova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 10–113. (RSM, 17.)
- Oblomskiy A. M., 2016v. O dvukh tipakh slavyanskikh pamyatnikov Verkhnego Podon'ya v epokhu rannego srednevekov'ya [On two types of Slavic sites in Upper Don region in epoch of early Middle Ages]. *Stepi Vostochnoy Evropy v srednie veka: sbornik pamyati Svetlany Aleksandrovny Pletnevoy* [Steppes of Eastern Europe in Middle Ages: collection of articles in memory of S. A. Pletneva]. I. L. Kyzlasov, ed. Moscow: Avtorskaya kniga, pp. 119–149.
- Oblomskiy A. M., Kozmirschuk I. O., 2015. Materialy gunnskogo vremeni mogil'nika Ksizovo-17 (opisanie pogrebeniy, ritual'nykh ob'ektov, veshchevoy kompleks) [Materials of Hun time from cemetery Ksizovo-17 (description of burials, ritual objects, complex of artefacts)]. *Ostraya Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskii kompleks pamyatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV–V v.)* [Ostraya Luka of the Don in antiquity. Archaeological complex of sites of Hun time near village Ksizovo (late IV–V c.)]. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 37–74. (RSM, 16.)

- Oblomskiy A. M., Rodinkova V. E., 2015. Etnokul'turnyy perelom v Podneprov'e v VII v. n. e. Khronologiya sobytiy [The ethno-cultural watershed in Dnieper valley in VII c. AD. Sequence of events]. *KSIA*, 235, pp. 308–403.
- Prikhodnyuk O. M., 1998. Pen'kovskaya kul'tura. Kul'turno-khronologicheskii aspekt issledovaniya [Pen'kovka culture. Cultural-chronological aspect of research]. Voronezh: Voronezhskiy gos. universitet. 170 p.
- Rodinkova V. E., 2010. Kurilovskiy klad rannesrednevekovogo vremeni [The early medieval hoard from Kurilovka]. *RA*, 4, pp. 78–87.
- Shilbach E., 1970. Byzantinische Metrologie. Munich: C. H. Beck'sche verlagsbuchhandlung. 291 p.
- Sorochan S. B., 2013. Vizantiyskiy Kherson (vtoraya polovina VI–X v.): ocherki istorii i kul'tury [Byzantine Cherson (second half of VI–X c.): essays on culture and history], I. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo. 588 p.
- Uspenskiy F. I., 1999. O bronzovykh vesovykh znakakh vizantiyskogo proiskhozhdeniya, nakhodyashchikhsya v kolleksii [On bronze weight symbols of Byzantine origin kept in collection]. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and epigraphics]*, XVI, pp. 99–107.
- Volodarets'-Urbanovich Ya. V., 2016. Antropomorfna figurka iz Zasullya-Mgaru [Anthropomorphic figurine from Zasullya-Mgar]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 1, pp. 79–88.

About the authors

Oblomskiy Andrej M., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: oblomsky_a@rambler.ru;

Shvyrev Aleksandr D., Zadonsk museum of local lore, ul. Kommuny, 5, Zadonsk, Lipetsk Region, 399200, Russian Federation, e-mail: muziei.zadonsk@mail.ru

А. А. Масленников

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ ИЗ «БАШЕН» НА ПОСТМИТРИДАТОВСКОЙ ХОРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА

Резюме. При раскопках башнеобразных построек на границах дальней хоры Европейского Боспора, и прежде всего близ Узунларского вала, в разные годы было найдено до полусотни монет, поддающихся определению. Большей частью это монеты, чеканенные в Пантикапее во второй четверти – середине I в. до н. э. (Митридат, Фарнак, Махар), затем идут монеты первых лет правления Асандра. Единичные экземпляры датируются III и концом II вв. до н. э., а также концом I в. до н. э. – I в. н. э. В целом они характеризуют особенности монетного дела и денежного обращения на пространствах сельской территории этой части Боспорского государства в период существования данных укреплений, который, согласно письменным источникам и археологическим находкам, был очень коротким: между 47 и 9 гг. до н. э.

Ключевые слова: сторожевые башни, боспорская хора, монетные находки, хронология.

Монетные находки яркой и сложной во всех ее коллизиях эпохи правления на Боспоре Киммерийском знаменитого понтийского царя Митридата VI и его ближайших преемников всегда привлекали к себе повышенное внимание историков-нумизматов. Упомянем хотя бы таких известнейших специалистов, как Н. А. Зограф, Д. Б. Шелов, К. В. Голенко, Н. А. Фролова, а из ныне здравствующих – В. А. Анохина и М. Г. Абрамзона. Много внимания уделил этой тематике и наш признанный митридатовед С. Ю. Сапрыкин. На фоне всего этого именного и книжного великолепия невольно чувствуешь робость, даже написав такой заголовок. Успокаивает лишь то, что рассматриваемый ниже материал, т. е. монетные находки, во всех отношениях столь скуден, что, право, неловко отвлекать на него внимание маститых ученых. Но ввести его в научный оборот все же необходимо.

Итак, два предварительных замечания относительно самого названия нашей заметки. Во-первых, что значит «постмитридатовское» время? Ведь по аналогии

с историей Боспора после 63 г. до н. э. и римская история после 15 марта 44 г. до н. э. может называться «постюлианской» или «постцезарианской». Думается, со мной в основном согласятся, что в данном конкретном случае имеется в виду время правления на Боспоре Фарнака, Асандра, Динамии, Скрибония, Полемона и первые годы, вплоть до его признания Римом, Аспурга. Иными словами: от осени 63 г. до н. э. до примерно 14/15 гг. н. э.

Второе уточнение касается наличия кавычек при слове «башни», что, как известно, означает некую условность используемого термина. Тут важна археологическая конкретика. А она не позволяет интерпретировать все нижеупомянутые постройки именно как башни в общепринятом представлении об этом типе оборонительных сооружений в античную эпоху. А поскольку в большинстве своем они были раскопаны автором, то читателю придется поверить ему на слово, вернее, разделить с ним сомнения. Подробная характеристика, аналогии и возможная пространственная реконструкция этих строений – задача отдельной публикации. Ограничимся тут лишь более, как нам представляется, осторожным названием: «сторожевой пункт».

Эти весьма специфические археологические объекты вошли в «обиход» археологов и историков античного Боспора сравнительно недавно. Причем несколько раньше – на территории хоры азиатской части этого государства (т. н. дома башенного типа), а затем и на Керченском полуострове. С годами число известных и раскопанных (что, разумеется, не одно и то же) «башен» увеличивается. Еще быстрее растет количество посвященных им или только упоминающих их публикаций. Не останавливаясь на всем этом даже кратко, отметим лишь, что в свете нашей скромной задачи речь пойдет только о соответствующих находках с территории Восточного Крыма. А это на сегодняшний день семь объектов (гора Михалкова, гора южнее Чокракского озера и пять «башен» около Узунларского вала). Из них на двух монет найдено не было. Первая из упомянутых построек вообще практически не сохранилась. Среди уцелевшего и даже достаточно представительного археологического материала (обломки амфорной тары, черепицы, столовой и лепной посуды) монеты отсутствовали. Это, скорее всего, объясняется приметностью местоположения, а следовательно, посещаемостью данного пункта (на виду, у дороги) «поисковиками» с металлодетекторами, особенно усердствующими на пространствах и памятниках древнего Боспора в последние полтора-два десятилетия.

«Башня» близ Чокракского озера представлена тремя медными монетами. Это: тетрахалк Асандра (л. с.: голова Аполлона вправо; о. с.: ΠΑΝΤΙΚΑ-ΠΑΙΤΟΝ, пасущийся пегас влево. Около 37–27 гг. до н. э. (*Ермолин*, 2010. С. 143; *Анохин*, 1986. Табл. 10. № 250)); неизвестный правитель (л. с.: голова Персея влево, по сторонам – по «точке», слева – гарпун; о. с.: герма Гермеса и ветвь, слева монограмма ΒΑΕ, справа Ζ. Около 8–10 гг. н. э. (*Ермолин*, 2010. С. 143. Табл. 10. Рис. 5; *Анохин*, 1986. Табл. 11. № 286)) и тетрахалк Фанагории (л. с.: голова бородатого сатира в венке вправо; о. с.: надпись ΦΑ, лук и стрела. Около II в. до н. э. (*Ермолин*, 2010. С. 143; *Анохин*, 1986. Табл. 5. № 147)).

Н. А. Фролова относилa вторую из перечисленных монет к серии с монограммами конца I в. до н. э. – начала I в. н. э. (17/16 гг. до н. э. – 13 г. н. э.) (*Фролова*, 1997. С. 41, 48. Табл. IX–X). Авторы второго тома свода античных монет

из собрания Керченского музея (историко-культурного заповедника) несколько уточняют эту хронологию (9/8 гг. до н. э. – 13 г. н. э.) (*Абрамзон, Иванина, 2010. С. 34*). В любом случае, и это для нас весьма важно, чеканка этих монет происходит уже после убийства Полемона: принятая дата – 9/8 гг. до н. э.

Следующие «примеры» связаны уже только со сторожевыми постами вблизи самого известного и наиболее впечатляющего из всех боспорских погранично-оборонительных полевых укреплений – Узунларского вала. Если верить Страбону, то при правителе Боспора Асандре, скорее всего, именно на нем (или и на нем) было построено множество башен (*Strabo. VII, 4, 6*), буквально 10 на каждый стадий, что, как уже не раз отмечалось исследователями (начиная с В. Д. Блаватского), бессмысленно, и текст здесь явно испорчен. А вот по одной башне на 10 стадий, т. е. через 1,8–2 км, – вполне реальная цифра. Так, в районе Таганашской котловины – Керченского водохранилища, а также севернее и, вероятно, южнее расстояние между «башнями» практически соответствует указанному. Длина вала составляет, по разным подсчетам, 36–40 км.

В действительности же их («башен»), скорее всего, было несколько меньше, поскольку это зависело не столько от расстояния (промежутка), сколько от учета особенностей рельефа местности. Ведь основным предназначением этих «башен», как показывают недавние изыскания, была не фронтальная оборона (все они располагались рядом, но не на линии вала и все-таки довольно далеко друг от друга), а скорее дозорно-сторожевые функции. Но это – тема отдельного рассмотрения (*Масленников, 2003. С. 212 сл.*). Вернемся к монетным находкам, следуя вдоль вала с севера на юг.

«Башня» 2001 г. Здесь было обнаружено нечто вроде маленького клада (22 монеты находились в одном месте, в мешочке (?), и еще три монеты порознь). В кладе – крупные монеты, перечеканенные с их медных «анонимных» обол: л. с.: голова Зевса или Аполлона вправо; о. с.: орел на молниях – надпись ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΟΝ в одну или две строки. Все датируются периодом после 63 г. до н. э. (63–47 гг. до н. э.), т. е. правлением Фарнака (*Фролова, 1999. С. 236, 246. Табл. XV. № 2–18*). Правда, В. А. Анохин датирует их еще временем Митридата (70–63 гг. до н. э.) (*Анохин, 1986. С. 146. Табл. 9. № 214*). Из «одинокых» монет одна города Диоскуриады типа: л. с.: шапки Диоскуров и рог изобилия между ними; о. с.: название этого города в три строки, 120–63 гг. до н. э. (*ВМС Greek, 1889. P. 3. Pl. I. № 1–12*). И две – типа: л. с.: мужская (Асандра?) голова вправо; о. с.: корабельная прора, трезубец, надпись ΑΡΧΟΝΤΟΣ\ ΑΣΑΝΔΡΟΥ (Асандр-архонт). Датировка, по В. А. Анохину, 50/49–48/47 гг. до н. э. (*Анохин, 1986. С. 146, 147. Табл. 9. № 224*). Н. А. Фролова полагала, что выпускаться эти монеты могли вплоть до 44 г. до н. э., т. е. года смерти Цезаря и принятия Асандром титула царя (*Фролова, 1997. С. 23*). Но есть и несколько иная точка зрения (см. ниже).

Следующая «башня», раскопанная в 1990 г., располагалась на северной гряде возвышенностей, обрамляющих Таганашскую котловину («Казан» II). Отсюда происходят всего две монеты: медная драхма – л. с.: голова Аполлона вправо, о. с.: лук в горите влево и надпись ΠΑΝ, первая половина – середина II в. до н. э. или немного позднее (*Зограф, 1951. Табл. 42. № 9; Шелов, 1956. Табл. 8. № 95; Анохин, 1986. С. 143. Табл. 5. № 169*). И т. н. безымянный обол с изображением

головы Митридата Евпатора (?) в венке вправо (л. с.) и лука в горите с ремнем и монограммой (о. с.). Датировка: 79–63 гг. до н. э. (*Зограф*, 1951. Табл. 44. № 1–2). В. А. Анохин полагает, что здесь изображена голова Диониса, а чекан принадлежит Махару, наместнику Митридата на Боспоре, и датируется 80–70 гг. до н. э. (*Анохин*, 1986. С. 146. Табл. 8. № 212).

В 2017 г. по другую сторону все той же котловины была раскопана еще одна «башня». Отсюда происходят 11 монет. Все медные. Определены восемь¹. Вот их перечень:

1. Пантикапей. Обол. Л. с.: голова Аполлона вправо – ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ; о. с.: орел на молнии; справа – звезда, слева – монограмма. 60–40-е гг. I в. до н. э. или 70–63 гг. до н. э. (*Зограф*, 1951. Табл. XLIII, 20; *Анохин*, 1986. Табл. 8. № 214).

2. То же самое.

3. Пантикапей. Тетрахалк. Л. с.: голова Аполлона вправо – ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ; о. с.: треножник, справа – звезда, слева – монограмма. 60–40-е (70–63?) гг. I в. до н. э. (*Зограф*, 1951. Табл. XLIII, 21; *Анохин*, 1986. № 215).

4. Боспор. Анонимный обол. Л. с.: голова Диониса вправо; о. с.: горит, слева монограмма. Ок. 80–63 (80–70?) гг. до н. э. (*Зограф*, 1951. Табл. XLIII, 22, 23; XLIV, 1, 2; *Анохин*, 1986. № 212).

5. Асандр. Тетрахалк. Л. с.: голова Ники вправо – ΑΡΧΟΝΤΟΣ / ΑΣΑΝΔΡΟΥ; о. с.: прора, надчеканка – палица. 40-е (50–48?) гг. I в. до н. э. (*Зограф*, 1951. Табл. XLIV, 8; *Анохин*, 1986. № 225). Тип определяется по очень редкой надчеканке.

6. Пантикапей. По «фактуре» – один из типов мелкой меди II в. до н. э.

7. Амис. Тетрахалк. Л. с.: эгида с горгонейоном в центре; о. с.: Ника с пальмовой ветвью. ΑΜΙ – ΣΟΥ. Ок. 85–65 гг. до н. э. (SNG BM, 1993. № 1177–1191).

8. Тот же тип, но центр неясен. Монеты этого типа чеканили семь понтийских городов, но чеканка Амиса была самой массовой; однотипный тетрахалк Амиса был найден на поселении Полянка в 2015 г.²

Наш предпоследний пункт – остатки некоей постройки на вершине курганообразной насыпи напротив, скорее всего древнего проезда в линии вала, приблизительно посередине его участка от городища Савроматий до Феодосийского шоссе. Счастливое для археологов стечение обстоятельств позволило провести в 2016 г. широкие раскопки этого давно вызывавшего интерес места (*Супренков*, 2017. С. 192, 193). Наличие именно тут очередной башни предполагалось и ранее, однако то, что было обнаружено, сложно трактовать однозначно. И виной тому довольно плохая сохранность открытых на вершине насыпи строительных остатков. Хотя по ряду признаков и параметров они весьма напоминают, по крайней мере две предшествующие из вышеописанных «башен». Следует также отметить, что, в отличие от большинства из них, эта располагалась непосредственно напротив одного из главных (если не самого главного) проездов через линию вала, функционировавшего как до, так и после бытования «башен». Что, естественно, не могло не сказаться на состоянии данной постройки.

¹ Автор выражает благодарность В. Н. Розову за помощь при их определении.

² Сообщение В. Н. Розова.

ки, а также характере и датировках (более широких) сопутствовавших находок. Поэтому в наш «каталог» включены только монеты непосредственно с площади рассматриваемого строения. Их десять.

1. Медный обол. Л. с.: голова Аполлона (?) в венке вправо; о. с.: ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ в одну строку. Орел на молнии, справа – звезда, слева – монограмма. 70–63 гг. до н. э. (Анохин, 1986. Табл. 214).

2. Обол. Л. с.: голова Аполлона в венке вправо; о. с.: ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ в одну строку. Орел на молнии, справа – звезда, слева – монограмма. 70–63 гг. до н. э. (Там же).

3. Обол. Л. с.: голова Асандра (?) вправо; прора влево, справа – трезубец. Надпись в две строки ΑΡΧΟΝΤΟΣ / ΑΣΑΝΔΡΟΥ. Пантикапей. 50/49–48/47 гг. до н. э. (Анохин, 1986. Табл. 224). Думается, все же более прав С. Ю. Сапрыкин, предложивший датировать время архонства Асандра и, следовательно, монет этой серии несколько позднее: от 47 до принятия им царского титула после 44 (в 42?) гг. до н. э. (Сапрыкин, 2002. С. 60 сл.). Причем, скорее всего, как полагают многие исследователи, уже после некоей морской победы (над Митридатом Пергамским?) (см. подробнее: Там же. С. 69).

4. Обол. Л. с.: голова Асандра (?) вправо; прора влево, справа – трезубец. Надпись в две строки ΑΡΧΟΝΤΟΣ / ΑΣΑΝΔΡΟΥ. Аналог. № 3.

5. Монета медная, сильно затерта с обеих сторон. Неопределима. По «фактуре», скорее всего, аналогична предыдущим.

6. Обол. Л. с.: голова Асандра (?) вправо; о. с.: прора влево, справа – трезубец. Надпись в две строки ΑΡΧΟΝΤΟΣ / ΑΣΑΝΔΡΟΥ. Аналог. № 3 и 4.

7. Медь. Л. с.: голова Борисфена – рогатого речного бога – влево; о. с.: надпись ΟΛΒΙΟΥ. Горит, секира влево. Вверху монограмма (не читается). Ольвия, примерно 275–260 гг. до н. э. (Фролова, Абрамзон, 2005. С. 107. Табл. 65, 2, 3). Как известно, этот тип монет бытовал долго, и плохая сохранность нашего экземпляра не позволяет определиться с датой увереннее.

8. Халк. Л. с.: шапки Диоскуров со звездами; о. с.: надпись ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΑΔΟΣ, тирс. Диоскуриада, 105–90 г. до н. э. (Аналогии см. выше).

9. Медь, тетрахалк. Л. с.: Не читается; о. с.: ΠΑ [. Лук и стрела вправо. Пантикапей. 220–210 гг. до н. э. (Анохин, 1986. С. 142. Табл. 146).

Наконец, последний объект – курган и остатки «башни» у вала в окрестностях села Марфовка – «раскапывался», как известно, еще в 1926–1927 гг. и, судя по крайне лаконичным и неясным сведениям (см. подробнее: Масленников, 2003. С. 203, 204; Застрожнова, Шаров, 2017. С. 403), монетных находок не сохранил. Впрочем, постройка и не была открыта целиком.

Собрание наше невелико. Но примечательность его как раз в том, что оно происходит с целой серии довольно-таки узко датированных и весьма специфических объектов. Причем даты эти подтверждаются не только рассматриваемыми, но и прочими находками, а главное – письменными источниками.

Итак, во-первых, общая хронология. Разумеется, никто не спорит, что монеты на сегодняшний день (и, подчеркнем, для рассматриваемого периода) остаются самым надежным и точным в этом плане археологическим материалом. Но также очевидно, что «узость» или, лучше сказать, пределы точности этой хронологии в силу ряда известных причин относительны. Иными словами, только по

самым ранним (как, впрочем, иногда и самым поздним) монетам датировать тот или иной археологический контекст (объект, строение, период, слой) не стоит. И это лишний раз прекрасно подтверждается нашими примерами. Ведь здесь мы имеем редкий случай достоверного и достаточно точного, вернее – ограниченного по времени «*terminus a quo*» (предела, от которого...), «контекста». Это хорошо известное, уже упомянутое выше (и неоднократно многими прокомментированное) сообщение Страбона (со ссылкой на историка и географа Гипсикрата, современника Цезаря) об укреплении пограничья Европейского Боспора при Асандре. В свое время мы подробно останавливались на его историко-археологической интерпретации (Масленников, 2003. С. 236, 237). Повторим: Асандр мог построить «башни» вдоль линии уже существовавшего вала и рва (вероятно, «подновив» и их) или вскоре после победы над Фарнаком и Митридатом Пергамским, или (если успел и с учетом опыта борьбы с первым из них, высадившимся в Феодосии) в коротком промежутке между «ними», или, что кажется более вероятным, когда окончательно укрепился на Боспоре, принял (после смерти Цезаря) титул царя и занялся «обустройством» своего царства. (О сложных перипетиях и хронологии боспорской политической и военной истории этого периода из последних работ см. подробнее: Сапрыкин, 2002. С. 60–88). Какое-то время, судя по короткому замечанию Страбона (скорее всего, основанному на все том же источнике – Гипсикрате), Асандр даже контролировал весь Крымский полуостров и Нижнее Подонье (Strabo, VII, 4, 3). Но при Августе Херсонес все-таки был выведен Римом из-под его влияния. Может, тогда и появилась необходимость в дополнительном усилении западных рубежей государства. Впрочем, более ранний период кажется нам и более вероятным. Примечательно, что Страбон (точнее, его информаторы), трижды упоминая Асандра, ни разу не называет его царем. Случайно ли? В любом случае, можно с уверенностью говорить о времени постройки «наших» башен не ранее середины – втор. пол. 40-х гг. все того же I до н. э. Рассматриваемый же нумизматический материал по большей части заметно «старше». Даже если объяснить присутствие в нем двух монет III в. до н. э. случайностью (наличие древней дороги вблизи одной из будущих башен), эта разница («вниз» по хронологической шкале) составляет более полувека. Причем если самых ранних (III в. – третья четверть и конец II, рубеж II–I вв. до н. э.) монет немного (6) и почти все они – «иноземные», то вторая четверть (середина?) I в. до н. э. (правление Митридата VI, возможно, Махара и Фарнака) представлена наибольшим числом находок (31). (При этом оговоримся еще раз, что относительно датировок большинства из них среди исследователей нет полного единодушия. И «исторический» рубеж 63 г. до н. э. не всеми из них «абсолютизируется», что, наверное, естественно, учитывая практику массовых перечеканок и надчеканок на монетах предшественников.) Затем (по времени) следуют монеты (6) Асандра-архонта и, наконец, в единичном числе – Асандра-царя и некоего неизвестного правителя конца I в. до н. э. – начала I в. н. э. Но обе последние, и это следует отметить особо, происходят не из узунларских «башен».

В принципе, как давно и неоднократно отмечалось всеми нумизматами, такой широкий хронологический диапазон и такое соотношение выпусков и центров было характерно для денежного обращения этого времени (вторая-тре-

тя четверти I в. до н. э.) на Боспоре. Взять хотя бы известный Полянкинский клад 1995 г. (Фролова, 1998). «Наши» примеры лишний раз это подтверждают. В самом деле, в «обиходе» гарнизона «башен» явно преобладали деньги, отчеканенные в период, непосредственно предшествовавший времени их появления и весьма непродолжительного существования, т. е., по крайней мере, до 47 г. до н. э.

Следующий момент (во-вторых). В отношении «башен» у Узунларского вала монетные находки вряд ли можно рассматривать как безусловный «terminus ad quem» (предел, до которого...). В противном случае придется признать, что они просуществовали всего-то несколько лет, и это как будто бы противоречит более широким и поздним датировкам прочих находок. Зато для объекта близ Чокракского озера упомянутая монета, с учетом остального археологического «контекста», вполне может учитываться как соответствующий («верхний») хронологический репер. Хотя и не очень точный. Из чего вовсе не обязательно следует, что две группы «башен» прекратили свое существование не одновременно. Но такой вариант, тем не менее, вероятен. Когда это случилось и с чем связано – вопрос, пока «повисающий в воздухе».

Так или иначе, но в целом рассмотренные находки в очередной раз демонстрируют специфику (хронологическую и территориальную) денежного обращения на Боспоре в постмитридатовское время. Своего рода черта этой непростой и неспокойной эпохи. И это – в-третьих.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г., Иванина О. А., 2010. Античные монеты. Из собраний Керченского историко-культурного заповедника. Т. II. Киев: Мистецтво. 320 с. (Нумизматическая коллекция; т. II.)
- Анохин В. А., 1986. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка. 182 с.
- Ермолин А. Л., 2010. О датировке земляных оборонительных сооружений Боспора // ДБ. Т. 14. М.: ИА РАН. С. 130–161.
- Застроженова Е. Г., Шаров О. В., 2017. Марфовский клад 1925 г. // SP. № 4. С. 395–410.
- Зограф А. Н., 1951. Античные монеты. М.: АН СССР. 264 с. (МИА; № 16.)
- Масленников А. А., 2003. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула: Гриф и К. 280 с.
- Сапрыкин С. Ю., 2002. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука. 272 с.
- Супренков А. А., 2017. Боспорские «ворота»: центральный проезд через Узунларский ров и вал в Восточном Крыму // Города, поселения, некрополи: раскопки 2016 г. М.: ИА РАН. С. 190–195. (Мат-лы спасательных археологических иссл.; № 19.)
- Фролова Н. А., 1997. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.). М.: Наука. 449 с.
- Фролова Н. А., 1998. Клад боспорских монет I в. до н. э., найденный на античном поселении «Полянка» (1984–1985 гг.) // ПИФК. Вып. VI. С. 53–76.
- Фролова Н. А., 1999. О хронологии эмиссий монет на Боспоре в митридатовский период // ДБ. Т. 2. М.: ИА РАН. С. 222–266.
- Фролова Н. А., Абрамзон М. Г., 2005. Монеты Ольвии в собрании Государственного исторического музея. М.: РОССПЭН. 360 с.
- Шелов Д. Б. 1956. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М.: АН СССР. 221 с.

BMC Greek. Vol. 13: Pontus, Paphlagonia, Bithynia and Kingdom of Bosphorus. London, 1889. 252 p.

SNG BM. Vol. IX. Part 1: The British Museum. The Black Sea. London: British Museum Press, 1993. 131 p.

Сведения об авторе

Масленников Александр Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: iscander48@mail.ru

A. A. Maslennikov

COIN FINDS FROM THE 'TOWERS'
IN THE POST-MITHRADATES CHORA OF EUROPEAN BOSPORUS

Abstract. In the course of excavations of tower-looking constructions around fifty identifiable coins were found, in various years, at the borders of the faraway Chora in the European part of the Bosporan Kingdom, most notably, near the Uzunlar rampart. Mostly, these are coins minted in Panticapaeum in the second quarter–the middle of the 1st century BC (Mithradates, Pharnaces, Mahar) and coins minted in the first years of Asandr's ruling. Singular coins are dated to the 3rd century BC and the end of the 2nd century BC as well as the end of the 1st century BC – 1st century AD. Basically, they characterize distinctive features of the mintage and money in circulation in rural areas in this part of the Bosporan Kingdom during the period when these fortifications were in use, which, as demonstrated in written sources and by archaeological finds, was very short, i. e. between 47 and 9 BC.

Keywords: watchtowers, Bosporan Chora, coin finds, chronology.

REFERENCES

- Abramzon M. G., Ivanina O. A., 2010. Antichnye monety. Iz sobraniy Kerchenskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika [Antique coins. From collections of Kerch' historical-cultural reserve]. Kiev: Mistetstvo. 320 p. (Numizmaticheskaya kollektsiya, II.)
- Anokhin V. A., 1986. Monetnoe delo Bospora [Coin minting in Bosporus]. Kiev: Naukova dumka. 182 p.
- BMC Greek, 13. Pontus, Paphlagonia, Bithynia and Kingdom of Bosporus. London, 1889. 252 p.
- Ermolin A. L., 2010. O datirovke zemlyanykh oboronitel'nykh sooruzheniy Bospora [On dating of earthen defensive constructions of Bosporus]. *DB*, 14. Moscow: IA RAN, pp. 130–161.
- Frolova N. A., 1997. Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n. e. – seredina IV v. n. e.) [Coin minting in Bosporus (mid I c. BC – mid IV c. AD)]. Moscow: Nauka. 449 p.
- Frolova N. A., 1998. Klad bosporskikh monet I v. do n. e., naydenyny na antichnom poselenii «Polyanka» (1984–1985 gg.) [Hoard of Bosporus coins of I c. BC, found at Classical settlement «Polyanka» (1984–1985)]. *PIFK*, VI, pp. 53–76.
- Frolova N. A., 1999. O khronologii emissiy monet na Bospore v mitridatovskiy period [On chronology of coin minting in Bosporus in Mithridates period]. *DB*, 2. Moscow: IA RAN, pp. 222–266.
- Frolova N. A., Abramzon M. G., 2005. Monety Ol'vii v sobranii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Olbian coins in collection of State Historical museum]. Moscow: ROSSPEN. 360 p.
- Maslennikov A. A., 2003. Drevnie zemlyanye pogranichno-oboronitel'nye sooruzheniya Vostochnogo Kryma [Ancient earthen border defensive constructions of Eastern Crimea]. Tula: Grif i K. 280 p.
- Saprykin S. Yu., 2002. Bosporskoe tsarstvo na rubezhe dvukh epokh [Bosporus Kingdom on the turn of two epochs]. Moscow: Nauka. 272 p.
- Shelov D. B. 1956. Monetnoe delo Bospora VI–II vv. do n. e. [Coin minting of Bosporus, VI–II cc. BC]. Moscow: AN SSSR. 221 p.
- SNG BM, IX, part 1. The British Museum. The Black Sea. London: British Museum Press, 1993. 131 p.
- Suprenkov A. A., 2017. Bosporskie «vorota»: tsentral'nyy proezd cherez Uzunlarskiy rov i val v Vostochnom Krymu [Bosporus «gate»: central passageway though Uzunlar ditch and rampart

in Eastern Crimea]. *Goroda, poseleniya, nekropoli: raskopki 2016 g. [Cities, settlements, necropolises: excavations of 2016]*. Moscow: IA RAN, pp. 190–195. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 19.)

Zastrozhnova E. G., Sharov O. V., 2017. Marfovskiy klad 1925 g. [Marfovskiy hoard of 1925]. *SP*, 4, pp. 395–410.

Zograf A. N., 1951. Antichnye monety [Antique coins]. Moscow: AN SSSR. 264 p. (MIA, 16.)

About the author

Maslennikov Alexander A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: iscander48@mail.ru

В. С. Синика, М. М. Чореф

ВАРВАРСКИЕ ПОДРАЖАНИЯ МОНЕТАМ ФИЛИППА II МАКЕДОНСКОГО С ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ НИЖНЕГО ДНЕСТРА

Резюме. В статье публикуются и анализируются монеты – варварские подражания статерам Филиппа II Македонского, найденные на левобережье Нижнего Днестра. Нет оснований относить их к фракийской (гетской) чеканке. Три монеты относятся к известному типу Думбрэвень. Две представляют собой новый монетный тип – Токмазея-Парканы. Установлены дата производства и период обращения обоих типов. На основании изучения нумизматического материала выдвинуто и обосновано предположение о существовании у скифов левобережья Нижнего Днестра во II в. до н. э. развитых товарно-денежных отношений.

Ключевые слова: нумизматика, скифатные монеты, тип Думбрэвень, тип Токмазея-Парканы, скифы, левобережье Нижнего Днестра, II в. до н. э.

Историю денежного обращения в Северном Причерноморье в античную эпоху принято реконструировать на основании совокупности нумизматического материала из греческих городов-колоний, а также с учетом монетных находок из варварских поселений и погребальных комплексов. Применительно к Северо-Западному Причерноморью эта задача достаточно актуальна, поскольку со времени публикации единственной обобщающей монографии об истории монетного обращения данного региона прошло уже более 30 лет (Нудельман, 1985).

Наш интерес к обозначенной проблеме вызван тем, что за последние 25 лет на левобережье Нижнего Днестра был открыт и исследован ряд памятников, функционировавших в III–II вв. до н. э. С севера на юг это поселения у с. Токмазея (Синика, 2017а), Парканы-II (Синика, 2017б), Слободзея-VI (Синика, Иващенко, 2017), Чобручи (Иващенко, 2012; Фидельский и др., 2017), Красное (Синика и др., 2012). При этом на поселении Токмазея были обнаружены три скифатные монеты, являющиеся варварскими подражаниями греческим эмиссиям Филиппа II

Македонского, и еще одна на поселении Парканы-II. Кроме того, подобная монета была найдена грабителями в Слободзейском районе (*Кривенко и др.*, 2011. С. 41–42, 44. Рис. 1, 1) – либо на поселении Чобручи, либо на поселении Красное. Последнее расположено в непосредственной близости от скифского могильника у с. Глиное Слободзейского района, функционировавшего с конца IV в. до н. э. до конца II в. до н. э. (*Тельнов и др.*, 2016). В погребении 102/3 этого могильника была обнаружена монета, подобная одной из находок на поселении Токмазея и идентичная монете из Слободзейского района (*Кривенко и др.*, 2011. С. 44. Рис. 1, 2; *Синика*, 2012. С. 267–268; *Тельнов и др.*, 2016. С. 603, 920. Рис. 341, 11).

Таким образом, в нашем распоряжении оказались шесть серебряных монет, являющихся варварскими подражаниями статеров Филиппа II Македонского. Все они хранятся в Музее археологии Поднестровья Приднестровского государственного университета (ПГУ) им. Т. Г. Шевченко. Ниже приводится их описание.

1. Монета из Слободзейского района (рис. 1, 1). Скифатная. Серебро. На лицевой стороне – стилизованная голова вправо. Повязка или венок на голове, а также завитки прически переданы уплощенными овалами, волосы на макушке – прямыми линиями. Изображение заключено в круг, состоящий из рельефных точек. Обратная сторона – всадник на коне, шествующем влево. Над головой всадника схематично изображен полуовал, во всей видимости шлем. Над крупом коня за спиной всадника расположен крест, каждое из окончаний которого выделено крупной рельефной точкой. Морда лошади передана в виде двух сходящихся линий, образующих треугольный контур, ухо/уши и грива – также линиями, расположенными под острым углом к шее. Хвост лошади изображен в виде линии, изогнутой почти под прямым углом. Перпендикулярно оси нижней части хвоста расположены пять почти параллельных линий, обозначающих его волосы. Между ногой всадника и прямой задней ногой лошади, под ее животом, с наклоном вправо расположена ветвь с выделенным нижним основанием и четырьмя отростками с левой и правой стороны. Размеры монеты 17,5 × 18,5 мм, вес 2,50 г. Монета отличной сохранности, без следов изношенности (рис. 1, 1). В 2009 г. изъята сотрудниками правоохранительных органов при попытке вывоза с территории Приднестровской Молдавской Республики (*Кривенко и др.*, 2011. С. 41–42, 44. Рис. 1, 1). Возможное место находки – либо поселение Чобручи, либо поселение Красное. Последнее предпочтительно.

Монета принадлежит типу Думбрэвень, получившему название по месту находки клада у одноименного села в уезде Вранча (Мунтения, Румыния), расположенного в Бузэу-Сиретском междуречье, на границе Восточных Карпат и Нижнедунайской низменности (*Preda*, 1998. P. 179–182. Fig. 13).

2. Монета из погребения 3 кургана 102 скифского могильника у с. Глиное Слободзейского района (раскопки 2011 г.), идентичная описанной выше (рис. 1, 2). Размеры монеты 17,5 × 18,5 мм. Вес 2,46 г. Монета отличной сохранности, без следов изношенности.

3. Монета из многослойного поселения Токмазея-II, расположенного у одноименного села Григориопольского района (рис. 1, 3). На этом памятнике, наряду с более ранним и более поздним материалом, была обнаружена фибула средне-латенской конструкции, датированная первой четвертью II в. до н. э. (*Синика*,

2017а. С. 111, 113. Рис. 1, 1, 2). Этим же столетием, очевидно, датируется и монета, аналогичная найденным в Слободзейском районе и в погребении 102/3 могильника у с. Глиное. Монета чеканена другими штемпелями. На аверсе нет точек, обрамляющих изображение по краю поля. Повязка или венок на голове, а также завитки прически переданы прямоугольниками. На реверсе, в отличие от двух первых монет, хвост лошади выполнен более реалистично, а место пересечения перекладин креста за спиной всадника выделено рельефной точкой. Размеры монеты $17,5 \times 18,5$ мм, вес 1,56 г. Монета отличной сохранности, без следов изношенности.

4. Монета из многослойного поселения Токмазея-II (рис. 1, 4). На лицевой стороне – стилизованная голова вправо. Завитки прически переданы волнистыми, а волосы на макушке – прямыми линиями. Изображение заключено в круг, состоящий из рельефных точек. На оборотной стороне – всадник на коне. Над всадником схематично изображен шлем с плюмажем, размеры которого значительно превышают размеры головы. Морда лошади передана в виде изогнутых линий, каждая из которых завершается рельефными точками, глаз также подчеркнут рельефной точкой. Ухо животного листовидное, четко выделено. Грива передана прямыми линиями, каждая из которых завершается рельефной точкой. Хвост лошади изображен в виде плавно изогнутой над седалищным бугром линии. Волосы хвоста переданы пятью волнистыми линиями. Между изгибом хвоста и седалищным бугром расположена рельефная точка. На одной из передних ног обозначен запястный сустав, на одной из задних – скакательный. Две другие ноги переданы прямыми линиями, без выделения суставов. Возле морды лошади находится кружок с рельефной точкой внутри. Между ногой всадника, пятка которой выделена рельефной точкой, и прямой задней ногой лошади, под ее животом, с наклоном вправо расположена ветвь с выделенным нижним основанием и четырьмя отростками с левой и правой стороны. От основания ветви вниз отходят три симметрично расположенные линии, каждая из которых завершена выделенной рельефной точкой. Размеры монеты $20,9 \times 20,75$ мм, вес 2,08 г. Монета сильно потерта.

Единственной близкой аналогией является монета из коллекции А. Я. Сергеева, хранящейся в Государственном историческом музее (г. Москва). Притом что изображение головы на ее аверсе выполнено более реалистично, чем на монете из поселения Токмазея-II, обратная сторона является идентичной. Место находки указано как Юго-Западная Венгрия (*Сергеев*, 2012. С. 44. № 95).

5. Монета из многослойного поселения Парканы-II (рис. 1, 5), расположенного у одноименного села Слободзейского района. На этом памятнике, наряду с более ранним и более поздним материалом, были обнаружены синопское клеймо и бронзовый крестовидный крючок второй половины III в. до н. э., а также бронзовый поясной крючок II в. до н. э. (*Синика*, 2017б). Монета из поселения Парканы-II идентична описанной выше находке из поселения Токмазея-II. Размеры монеты $20,6 \times 20,15$ мм, вес 2,16 г. Монета сильно потерта. В ее центре пробито отверстие, свидетельствующее о вторичном использовании, по всей видимости, в качестве ворворки. Высота «ворворки» 50 мм.

6. Монета из многослойного поселения Токмазея-II (рис. 1, 6). Монета свернута в трубку. Использовалась вторично, очевидно, в виде наконечника шнура.

Аверс не виден. На оборотной стороне, оказавшейся внешней для «изделия», просматривается изображение лошади влево – туловище, две ноги (заметно, что одно из копыт оформлено в виде трех линий, одна из которых обозначает путовый сустав и/или щетку, а две других – копыто) и хвост. Изображение заключено в круг, отделенный кольцевым желобком от почти круглого в сечении гурта. Диаметр монеты около 22,3 мм, вес 3,75 г.

При анализе данных монет одним из наиболее актуальных вопросов является их «этническая» принадлежность. В настоящее время, после выхода из печати двух монографий румынского исследователя К. Преда, все варварские подражания греческим монетам рассматриваются, хотя и с некоторыми оговорками, как гето-дакийская чеканка (*Preda*, 1998. Р. 220–225; 2008. Р. 73, 96, 116 et al.). Однако еще задолго до появления монографии К. Преда 1998 г. сформировалась точка зрения, что некоторые типы монет, обнаруженные к востоку от Карпат, представляют собой кельтскую чеканку. В частности, монеты типа Думбрэвень (к которому принадлежат находки из Слободзейского района, из могильника у с. Глиное и из поселения Токмазея-II на левобережье Нижнего Днестра) немецким исследователем Р. Гёблем были названы «Moldavian Cross-Marked Series» и отнесены к подражаниям дунайских кельтов статерам Филиппа II (*Göbl*, 1973. Cat. 111, 1). Кроме того, анализ отдельных элементов изображений на реверсе показывает, что среди них нет тех, что не были характерными для кельтских монет Западной Европы.

Уже давно отмечено, что наиболее распространенными знаками/орнаментами на монетах кельтов являются кольца, колеса и розетки, являющиеся солярными символами (*Allen*, 1980. Р. 149). Подобный элемент мы видим не только на одной из монет из поселения Токмазея-II (рис. 1, 4) и на монете из поселения Парканы-II (рис. 1, 5) на левобережье Днестра, не только на монетах различных типов (Кричиова, Рамна, Аргиш, Тулгиеш-Шилинда, Окница-Кэрбунешть), выделенных К. Предой (*Pink*, 1974. Taf. VIII, 159; X, 193–198; XI, 291, 292; *Allen*, 1980. Pl. 3, 25; 5, 49; *Preda*, 1998. Pl. IX, 1–8; XIII, 2–4; XIX, 7–10), но и на значительном количестве монет (кружок с точкой под брюхом лошади; кружок с крестом перед мордой лошади; кружок с крестом под брюхом лошади; кружок с крестом на плече лошади и кружок с точкой между передних ног лошади; кружок с точкой и колесо над спиной лошади при отсутствии всадника; кружок и/или кружок с крестом над спиной и под брюхом лошади) из Галлии (*Allen*, 1980. Pl. 10, 123; 17, 228; Pl. 21, 281, 283, 293), из Британии (*Paulsen*, 1974. Taf. 35, 826–828; 37, 867–870; 50, 1122–1128; *Allen*, 1980. Pl. 31, 462; 38, 575; 1987. Р. 44, 46, 50. Pl. II, 20, 24–27; IV, 60; 1990. Р. 62–63. Pl. X, 319–344) и с территории Словении (*Cos*, 1977. Т. 1, 12; 25, 9, 10; 26, 1–3, 6, 7). Этот же солярный знак (круг, окаймляющий левое запястье всадника над головой лошади) присутствует на знаменитых диадемах из Моне, обнаруженных в кельтском княжеском захоронении II в. до н. э. в Астурии (Испания) (*Simón*, 2008. Р. 55. Fig. 5) (рис. 1, 7).

Шлемы с плюмажами, помимо того что они изображены над головой всадника на одной монете из поселения Токмазея-II (рис. 1, 4) и на монете из поселения Парканы-II (рис. 1, 5), а также на монетах типов Кришень-Беркиеш и Тончу, выделенных К. Предой (*Pink*, 1974. Taf. VII, 128–133; *Allen*, 1980. Pl. 5, 44; *Preda*,

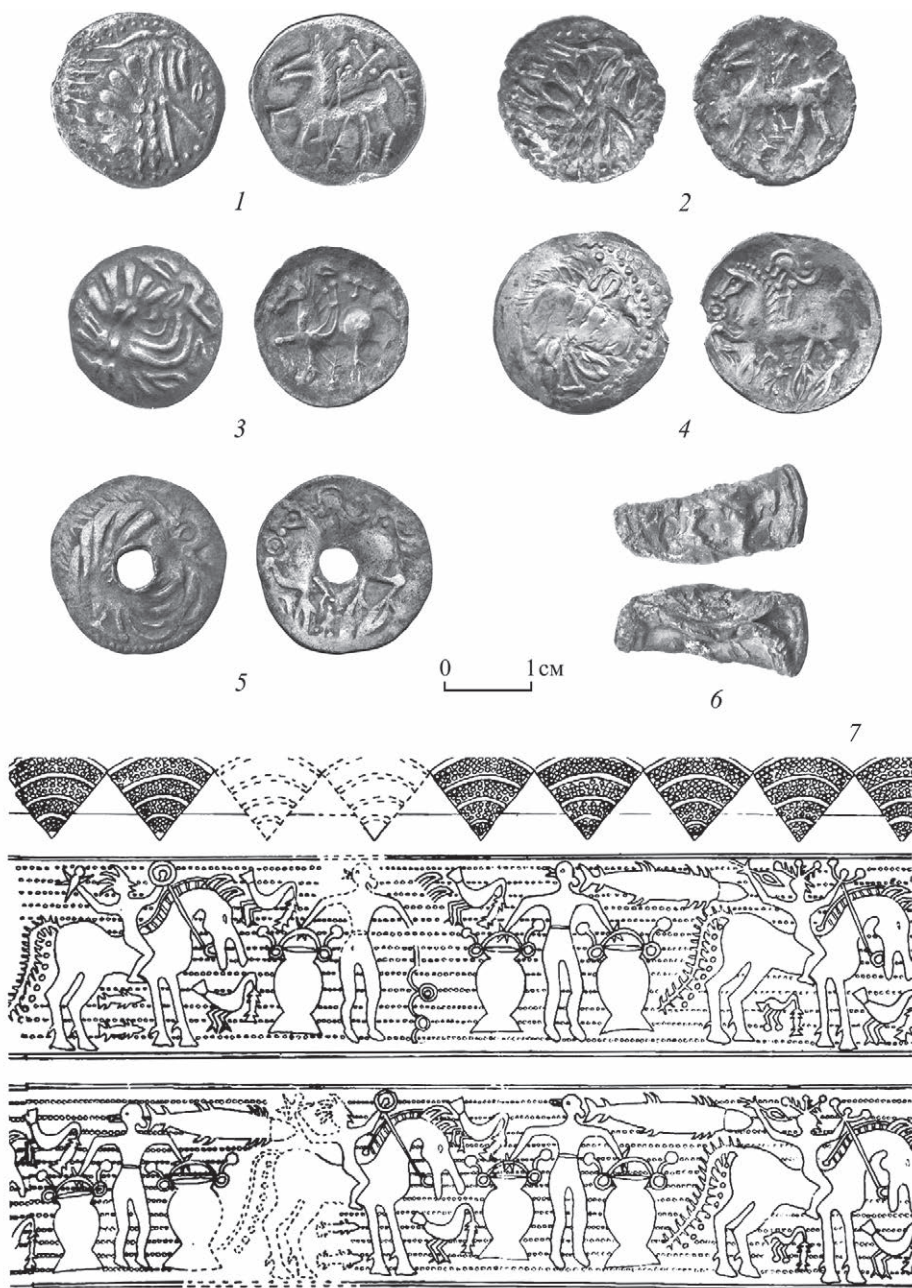

Рис. 1. Варварские подражания монетам Филиппа II Македонского с левобережья Нижнего Днестра и аналогия

1 – Слободзейский район, 2 – погребение 102/3 могильника у с. Глиное, 3, 4, 6 – поселение Токмазея-II, 5 – поселение Парканы-II, 7 – диадема из Моне (по: *Simón*, 2008. Fig. 5)

1–6 – серебро; 7 – золото

1998. Pl. XIV, XV, 1–6, 9–11), известны на монетах галльского племени треверов второй половины II – I в. до н. э. (Allen, 1971. P. 94–96, 98, 105. Fig. 1, 3. Pl. 15, 16, 17, 33–43; 19, 74–82), на монетах из Британского музея (Allen, 1987. P. 46, 50–51. Pl. II, 27; V, 65–77) и с территории Словении (Cos, 1977. T. 27, 8).

Ветвь, изображенная на пяти анализируемых монетах с левобережья Днестра под брюхом лошади на реверсе (рис. 1, 1–5), встречается не только на различных типах монет (Банат, Рамна, Тулгеш-Шилинда, Думбрэвень, Ларисса), выделенных К. Предой по материалам находок к востоку от Карпат (Preda, 1998. Pl. X, 5–8, 11; XI, 6; XIII, 5; XVI, 9–12; XVII, 1, 3, 4, 7). Монеты с таким элементом на реверсах хранятся в Британском музее: ветвь под брюхом лошади со всадником (Allen, 1987. Pl. II, 20); ветвь под брюхом лошади без всадника (Pink, 1974. Taf. XI, 218–220; Allen, 1987. Pl. IX, 146, 147); ветвь в руке всадника (Pink, 1974. Taf. VII, 128–130; Allen, 1987. P. 50–51. Pl. IV, 65–71). При этом необходимо отметить находки кельтских монет в Британии, на аверсе которых размещена только ветвь с пятью отростками в правую и левую стороны (Allen, 1980. Pl. 31, 462, 463; 38, 575). Оформление основания ветвей одной из монет из поселения Токмазея-II (рис. 1, 4) и монеты из поселения Парканы-II (рис. 1, 5) в виде отходящих вниз трех симметрично расположенных линий, каждая из которых завершена выделенной рельефной точкой, едва ли не копирует перевернутый на 180° головной «узор» всадника на упомянутых диадемах из Моне (Simón, 2008. Fig. 4, 5).

Оформление хвоста лошади прямыми линиями на монетах из Слободзейского района (рис. 1, 1) и из могильника у с. Глиное (рис. 1, 2) является прямой репликой изображений хвостов лошадей на диадеме из Моне (Ibid. Fig. 5).

Наконец, изображение креста на монетах типах Думбрэвень из Слободзейского района (рис. 1, 1), из могильника у с. Глиное (рис. 1, 2) и из поселения Токмазея-II (рис. 1, 3) на левобережье Нижнего Днестра, а также изклада у одноименного села в Румынии (Preda, 1998. Pl. XVI, 12) известно на подобных и практически идентичных монетах из Британского музея: крест за спиной всадника вправо (Allen, 1987. P. 61. Pl. IX, 144–146) и крест за спиной всадника влево (Ibid. P. 62. Pl. IX, 147), при этом на двух монетах под брюхом лошади изображена ветвь (Ibid. P. 61–62. Pl. IX, 146, 147). Реверс одной из указанных монет едва ли не идентичен находкам из Слободзейского района (рис. 1, 1) и могильника у с. Глиное (рис. 1, 2), аверс также весьма схож, при этом вес монеты составляет 3,15 г (Ibid. P. 62. Pl. IX, 147). Кроме того, весьма близкие монеты известны в Центральной (Венгрия, Чехия) и Южной (Сербия) Европе: крест за спиной всадника вправо (Pink, 1974. Taf. VI, 108–110) и крест за спиной всадника влево (Ibid. Taf. VI, 111), при этом у двух монет под брюхом лошади изображена ветвь (Ibid. Taf. VI, 110, 111). Однако кресты известны и на других кельтских монетах: перед мордой лошади (Allen, 1971. Fig. 1, 2. Pl. 15, 7; 17, 37), над головой лошади (Allen, 1980. Pl. 7, 74), над головой и ниже хвоста лошади (Allen, 1987. P. 74. Pl. XV, 240).

Таким образом, проведенный стилистический анализ показал, что ни одна из публикуемых нами монет не может безоговорочно считаться продукцией фракийских (гетских) «монетных дворов». Очевидно только, что образцами для подражания стали статеры Филиппа II Македонского (аверс – голова Зевса вправо, реверс – всадник вправо или влево), имевшие широчайшее хождение

в Европе с середины IV в. до н. э., в том числе и в Причерноморье. Во-вторых, находка самого большого числа монет типа Думбрэвень на территории Румынии не может привлекаться в качестве аргумента в пользу гетской чеканки данного типа, поскольку большинство из них (263 шт.) происходит из одного клада. Кроме того, сам К. Преда отмечал, что тип Думбрэвень не имеет исходного типа, из которого он бы происходил и который он бы продолжал во времени и стилистически (*Preda*, 1998. Р. 179). В то же время пребывание/проживание кельтов к востоку от Карпат – в Среднем и Нижнем Подунавье, в том числе и в тех регионах, где известны памятники северофракийских племен (в частности, гетов), в III–II вв. до н. э., у современных исследователей сомнений не вызывает. В этой связи и с учетом отсутствия неоспоримых доказательств «латенской» принадлежности, стоит резюмировать, что варварские подражания статерам Филиппа II Македонского с левобережья Днестра, по крайней мере, могут иметь в такой же степени кельтское (латенское) происхождение, как и фракийское.

Другими не менее важными вопросами, возникающими при анализе публикуемых монет с левобережья Днестра, являются их типологическая принадлежность и датировка.

Как уже было отмечено, монеты из Слободзейского района (рис. 1, 1), из могильника у с. Глиное (рис. 1, 2) и одна из монет из поселения Токмазея-II (рис. 1, 3) принадлежат типу Думбрэвень, представленному большей частью (263 монеты из около 300 известных) находками из клада, обнаруженного у одноименного села уезда Вранча в Румынии (*Preda*, 1998. Р. 179–182. Fig. 13; 2008. Р. 116). Характерным признаком типа является наличие креста, размещенного за спиной всадника, над крупом лошади. При этом различий достаточно много – реалистичность изображения головы на аверсе (от узнаваемой до предельно схематизированной), направление движения всадника на реверсе (вправо, влево), реалистичность изображения туловища и хвоста лошади (большая или меньшая), наличие или отсутствие ветви под брюхом лошади. Примечательно, что две нижнеднестровские находки (из Слободзейского района и из могильника у с. Глиное) чеканены одной парой штемпелей. Другая пара была использована при чеканке монеты из поселения Токмазея-II. Вес первых двух монет составляет 2,50 и 2,46 г при размерах 17,5 × 18,5 мм, вес монеты из поселения Токмазея-II при тех же размерах – 1,56 г. Таким образом, сейчас это самые легковесные монеты данного типа. До настоящего времени таковыми являлись монета из Британского музея, чей вес составляет 3,15 г (*Allen*, 1987. Р. 62. Pl. IX, 147), и монеты из клада у с. Думбрэвень весом 3,50 г (*Preda*, 1998. Р. 179).

Монеты из поселения Токмазея-II (рис. 1, 4) и Парканы-II (рис. 1, 5) не принадлежат ни одному из типов, выделенных К. Предай. Аверс этих монет мало отличается от типа Думбрэвень, впрочем, как и аверсы большинства типов, выделенных румынским исследователем. На реверсе исчезает крест за спиной всадника, но появляются шлем с плюмажем над его головой и солярный символ (кольцо с точкой) перед мордой лошади. Изменяется изображение ветви под брюхом лошади – у нее появляется основание в виде отходящих вниз трех симметрично расположенных линий, каждая из которых завершена выделенной

рельефной точкой. Размеры монеты из поселения Токмазея-II $20,9 \times 20,75$ мм, вес 2,08 г. Монета из поселения Парканы-II идентична: ее размеры $20,6 \times 20,15$ мм, вес 2,16 г. Монеты чеканены одной парой штемпелей.

Соляный знак в виде кружка с точкой перед мордой лошади характерен только для типа Окница-Кэрбунешть, вес самых легких монет которого составляет 5,34 г (*Preda*, 1998. Р. 171, XIX, 7–10), при этом на голове у всадника нет шлема с плюмажем, а под брюхом лошади отсутствует ветвь. Шлем с плюмажем характерен для типа Кришень-Беркиеш. Однако аверс данного монетного типа содержит весьма реалистичное изображение головы, на реверсе – всадник держит ветвь в руке, лошадь изображена также весьма реалистично, а перед ее мордой находится изображение какого-то животного (*Preda*, 1998. Pl. XIV). Для монет типа Тончу весом не менее 11 г также характерно более реалистичное или, во всяком случае, узнаваемое изображение головы вправо на аверсе; на реверсе нет изображений ни соляного знака, ни ветви (*Ibid*. Pl. XV, 1–6).

Указанная нами единственная близкая аналогия монетам из поселений Токмазея-II и Парканы-II весит 9,32 г (*Сергеев*, 2012. С. 44).

Итак, есть все основания полагать, что нам удалось выделить новый тип варварских подражаний статерам Филиппа II Македонского. Места находок первых двух монет определяет название типа как «Токмазея-Парканы».

Заметим, что вторичное использование монеты из поселения Парканы-II не является исключительным фактом. На скифских памятниках Поднестровья подобные случаи уже зафиксированы. В частности, в качестве подвески использовалась посеребренная бронзовая истрийская драхма из погребения 12/1 могильника Буторы I на левобережье Нижнего Днестра (*Синика и др.*, 2013. С. 70, 117–118, 126. Рис. 47, 4). Комплекс датируется последней четвертью IV в. до н. э. (*Тельнов и др.*, 2016. С. 986; *Топал и др.*, 2017. С. 134–135). Во второй четверти – середине III в. до н. э. было совершено погребение 33/1 могильника у с. Глиное Слободзейского района. В нем была обнаружена бронзовая, возможно, также истрийская монета (*Тельнов и др.*, 2016. С. 228, 919–920. Рис. 114, 10; *Топал и др.*, 2017. С. 135). Более интересной в ракурсе настоящей работы является малоизвестная находка монеты, использовавшейся также в качестве подвески, из захоронения 21/2 могильника Мреснота Могила на левобережье Нижнего Дуная. В отчете о раскопках она описывается как бронзовая подвеска из монеты диаметром 19 мм, на одной из сторон которой просматривается изображение всадника (*Гудкова и др.*, 1985. С. 98. Рис. 58, 17). Позже упоминается «медная монета с изображением лошади с всадником и головы Аполлона (?)» (*Редина*, 1989. С. 62). Судя по имеющимся данным, в погребении 21/2 могильника Мреснота Могила, совершенном в первой половине III в. до н. э. (*Синика, Тельнов*, 2017. С. 149), находилась монета, которая, как и публикуемые нами находки, являлась варварским подражанием греческим монетам. Две из монет типа Думбрэвень, хранящиеся в Британском музее, также использовались в качестве подвесок – отверстия в них пробиты возле края поля (*Allen*, 1987. Pl. IX, 144, 146). Кроме того, в составе клада из Фениша (уезд Арад, Румыния), обнаруженного в 1966 г. к западу от Западных Румынских Карпат на Среднедунайской низменности, находилась монета, в центре которой было пробито отверстие, как на монете из поселения Парканы-II. На аверсе монеты из Фениша изображена стилизованная

голова вправо, а на реверсе – лошадь влево, другие детали не читаются. Клад датирован 130–120 гг. до н. э. (*Chirilă et al.*, 1967. Р. 26, 49. Pl. 9, 90).

Время чеканки монет типа Думбрэвень К. Преда определил серединой II в. до н. э. на основании стилистического анализа изображений на реверсе (*Preda*, 1998. Р. 179). В настоящее время у нас нет оснований пересматривать эту датировку, однако бытование данного монетного типа, по нашему мнению, следует относить ко второй половине II в. до н. э. Во всяком случае, погребение 102/3 могильника у с. Глиное датировано третьей четвертью II в. до н. э. (*Тельнов и др.*, 2016. С. 965).

Несколько сложнее обстоит дело с датировкой монет типа Токмазея-Парканы. В свое время К. Преда датировал монеты типа Окница-Кэрбунешть, на аверсе которых присутствует кружок с точкой перед мордой лошади, серединой II в. до н. э. (*Preda*, 2008. Р. 73), в то время как позднейшие эмиссии типа Кришень-Беркиеш (на реверсе шлем с плюмажем) – первой половиной II в. до н. э. (*Preda*, 1998. Р. 158). С учетом совместной находки на поселении Токмазея монет типов Думбрэвень и Токмазея-Парканы, а также принимая во внимание их стилистическое родство (шлемы на головах всадников, ветвь под брюхом лошади, позиция лошади, оформление ее копыт в виде отростков), есть все основания считать тип Токмазея-Парканы более ранним, т. е. относить его появление еще ко второй четверти II в. до н. э., а бытование – ко второй и третьей четвертям указанного столетия.

В завершение обратим внимание на еще одно важное обстоятельство. При этом что ни одна из публикуемых монет не происходит из клада, три из них не имеют следов изношенности, хотя две найдены на поселении (рис. 1, 1, 3), а одна – в скифском погребении могильника у с. Глиное (рис. 1, 2). При анализе материалов последнего неоднократно подчеркивалось, что он оставлен в значительной степени оседлым населением, активно контактировавшим с греками, гетами и носителями латенских культур Восточной Европы (*Синика*, 2011; 2012. С. 272; *Тельнов, Синика*, 2012. С. 77–78; 2014. С. 311, 312; *Синика, Тельнов*, 2014. С. 35; 2015а. С. 189; 2015б. С. 203; *Тельнов и др.*, 2016. С. 944). В этой связи можно предполагать, что публикуемые монеты попадали к скифам на левобережье Нижнего Днестра либо напрямую от носителей латенских культур Восточной Европы, либо при посредстве гетов, а степень их сохранности свидетельствует о достаточной «оперативности» этих контактов.

Анализ всех шести монет показывает, что их покупательная способность была небольшой. Монеты могли находиться в длительном обращении (рис. 1, 4) и использоваться вторично (рис. 1, 5, 6). Разница в их весе (от 1,56 до 3,75 г) с учетом низкопробности серебра, из которого они были чеканены, указывает, что, по всей видимости, вес такой монеты имел меньшее значение, чем ее номинал. Все это косвенно свидетельствует о том, что во II в. до н. э. у скифов на левобережье Нижнего Днестра, образ жизни которых был в значительной мере оседлым, товарно-денежные отношения были достаточно развиты.

ЛИТЕРАТУРА

Гудкова А. В., Тоцев Г. М., Фокеев М. М., Андрух С. И., 1985. Отчет о работе Измаильской ново-строечной экспедиции в 1984 г. // Архив ИА НАНУ. № 1984/158. 124 с.

- Иващенко М. В., 2012. Амфорные клейма из поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. / Отв. ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: Приднестровский гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко. С. 81–86.
- Кривенко А. В., Синика В. С., Тельнов Н. П., 2011. Случайные находки III–II вв. до н. э. с левобережья Нижнего Днестра // SP. № 6. С. 41–45.
- Нудельман А. А., 1985. Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе (с древнейших времен до образования Молдавского феодального государства). Кишинев: Штиинца. 180 с.
- Редина Е. Ф., 1989. Находки античных монет в скифских погребениях Днестро-Дунайских степей // Древнее Причерноморье: чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского: тез. докл. конф. (9–11 марта 1989 г.) / Отв. ред. А. В. Гудкова. Одесса. С. 62–63.
- Сергеев А. Я., 2012. Монеты варварского чекана на территории от Балкан до Средней Азии. М.: ГИМ. 256 с.
- Синика В. С., 2011. О латенском влиянии на материальную культуру скифского могильника III–II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Древность: историческое знание и специфика источника / Отв. ред.: А. С. Балахванцев, Г. Ю. Колганова. Вып. V. М.: Ин-т востоковедения РАН. С. 184–187.
- Синика В. С., 2012. О греческом влиянии на погребальный обряд и материальную культуру скифского могильника III–II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Человек в истории и культуре / Отв. ред. А. А. Пригарин. Вып. 2. Одесса: Смил. С. 264–272.
- Синика В. С., 2017а. Латенская фибула из Токмазеи // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. № 2. С. 111–115.
- Синика В. С., 2017б. Новый памятник III–II вв. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра // Вестник Нижневартовского гос. ун-та. № 2. С. 122–129.
- Синика В. С., Иващенко М. В., 2017. Комплекс находок III в. до н. э. с поселения Слободзея-VI // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 19. № 3. С. 223–228.
- Синика В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н. П., 2013. Курганы у села Буторы. Тирасполь: Полиграфист. 148 с. (Археологические памятники Приднестровья; I.)
- Синика В. С., Тельнов Н. П., 2014. Скифские жилища IV–II вв. до н. э. в Северном Причерноморье // Археологія і давня історія України. Вип. 2 (13) / Гол. ред. С. А. Скорий. Київ: ІА НАНУ. С. 18–36.
- Синика В. С., Тельнов Н. П., 2015а. Комплекс вооружения и предметов воинского снаряжения из скифского могильника конца IV–II вв. до н. э. у с. Глиное в Нижнем Поднестровье // Война и военное дело в скифо-сарматском мире / Отв. ред. С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Южный научный центр РАН. С. 180–190.
- Синика В. С., Тельнов Н. П., 2015б. Светильники в погребальном обряде скифов Северного Причерноморья // Tyragetia. Serienouă. Vol. IX (XXIV). No. 1. С. 183–208.
- Синика В. С., Тельнов Н. П., 2017. Скифское погребение с фракийской фибулой на Нижнем Днестре // SP. № 3. С. 131–152.
- Синика В. С., Тащи Е. Ф., Тельнов Н. П., Четвериков И. А., 2012. Поселение Красное на левобережье Нижнего Днестра // SP. № 3. С. 187–215.
- Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С., 2016. Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное. Тирасполь: SP. 1096 с. (Археологические памятники Приднестровья; III.)
- Тельнов Н. П., Синика В. С., 2012. Фракийские влияния на материальную культуру и погребальный обряд скифов III–II вв. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра // Revista arheologică. Serienouă. Vol. VIII. No. 1–2. С. 69–83.
- Тельнов Н. П., Синика В. С., 2014. Миски из скифских погребальных памятников конца IV–II в. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра // Tyragetia. Serienouă. Vol. VIII (XXIII). No. 1. С. 287–316.
- Топал Д. А., Чореф М. М., Синика В. С., 2017. Клад серебряных истрийских монет из Резен // SP. № 6. С. 329–346.
- Фидельский С. А., Иващенко М. В., Синика В. С., 2017. Амфорные клейма причерноморских центров из поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра // SP. № 6. С. 129–138.
- Allen D. F., 1971. The Early Coins of the Treveri // Germania: Anzeiger der Römisch-Germanischen Kommission des Deutschen Archäologischen Instituts. 49. P. 91–110.

- Allen D. F.*, 1980. The Coins of Ancient Celts. Edinburgh: Edinburgh University press. 266 p.
- Allen D. F.*, 1987. Catalogue of the Celtic Coins in the British Museum: with Supplementary Material from other British Collections. Vol. I: Silver Coins of the East Celts and Balkan Peoples. London: British Museum. 80 p., XXI pl.
- Allen D. F.*, 1990. Catalogue of the Celtic Coins in the British Museum: with Supplementary Material from other British Collections. Vol. II: Silver Coins of North Italy, South and Central France, Switzerland and South Germany. London: British Museum. 72 p., XXIX pl.
- Chirilă E., Ordentlich I., Chidioșan N.*, 1967. Tezaurul de monede dace de la Feniș. Crișana: Sfatul popular al regiunii Crișana: Muzeul regional Crișana. 60 p.
- Cos P.*, 1977. Keltski novci Slovenije = Keltische Münzen Sloweniens. Ljubljana: Narodni muzej. 156 p., 42 tab. (Situla; 18.)
- Göbl R.*, 1973. Ostkeltischer Typen Atlas. Mit Methodischen Kommentar. Braunschweig: Klinkhardt & Biermann. 43 S., 52 Taf.
- Paulsen R.*, 1974. Die ostkeltischen Münzprägungen. Die Münzprägungen der Boier. Mit Berücksichtigung der vorboiischen Prägungen. Wien: Anton Schroll & Co. 192 S.
- Pink K.*, 1974. Die Münzprägung der Ostkelten und ihrer Nachbarn. Braunschweig: Klinkhardt & Biermann, 136 S.
- Preda C.*, 1998. Istoria monedei în Dacia preromană. București. Editura Enciclopedică. 376 p., XXX pl. (Biblioteca Băncii Nationale; vol. 25.)
- Preda C.*, 2008. Enciclopedie de numismatică antică în România. București: Editura Enciclopedică. 352 p.
- Simón M. F.*, 2008. Images of Transition: the Ways of Death in Celtic Hispania // Proceedings of the Prehistoric Society. Vol. 74. P. 53–68.

Сведения об авторах

Синика Виталий Степанович, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, НИЛ «Археология», ул. 25 Октября, 107, Тирасполь, 3300, Молдова; Нижневартовский государственный университет, НИЛ историографии и полевых методов археологии, ул. Ленина, 56, Нижневартовск, 628605, Россия; e-mail: sinica80@mail.ru;

Чореф Михаил Михайлович, Нижневартовский государственный университет, Управление научных исследований, ул. Ленина, 56, Нижневартовск, 628605, Россия; e-mail: choref@yandex.ru

V. S. Sinika, M. M. Choref

BARBARIAN COINS IMITATING COINAGE OF PHILIP II OF MACEDON FROM THE LEFT BANK OF THE LOWER DNIESTER

Abstract. The paper deals with publishing and analysis some current coin finds from the left bank of the Lower Dniester. These seem to imitate the Greek coin emissions of Philip II of Macedon yet presumably were not minted by the Thracians (the Getians). Two coins represent the Tokmazeya-Parkany type allocated by the authors; the other three are attributed to the same well-known Dumbrăveni type. The time ranges when both coin types were circulating are established within second and third quarters of the 2nd c. BC and second half of the 2nd c. BC respectively. It is suggested that the Scythians from the left bank of the Lower Dniester have developed the commodity-money relations during the 2nd century BC.

Keywords: numismatics, scimatiferous coins, Dumbrăveni type, Tokmazeya-Parkany type, Scythians, left bank of the Lower Dniester region, 2nd c. BC

REFERENCES

- Allen D. F., 1971. The Early Coins of the Treveri. *Germania: Anzeiger der Römisch-Germanischen Kommission des Deutschen Archäologischen Instituts*, 49, pp. 91–110.
- Allen D. F., 1980. The Coins of Ancient Celts. Edinburgh: Edinburgh Univ. press. 266 p.
- Allen D. F., 1987. Catalogue of the Celtic Coins in the British Museum: with Supplementary Material from other British Collections, I. Silver Coins of the East Celts and Balkan Peoples. London: British Museum. 80 p., XXI pl.
- Allen D. F., 1990. Catalogue of the Celtic Coins in the British Museum: with Supplementary Material from other British Collections. Vol. II: Silver Coins of North Italy, South and Central France, Switzerland and South Germany. London: British Museum. 72 p., XXIX pl.
- Chirilă E., Ordentlich I., Chidioșan N., 1967. Tezaurul de monede dace de la Feniș. Crișana: Sfatul popular al regiunii Crișana: Muzeul regional Crișana. 60 p.
- Cos P., 1977. Keltски novci Slovenije = Keltische Münzen Sloweniens. Ljubljana: Narodni muzej. 156 p., 42 tab. (Situla, 18.)
- Fidel'skiy S. A., Ivashchenko M. V., Sinika V. S., 2017. Amfornye kleyma prichernomorskikh tsentrov iz poseleniya Chobruchi na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [*Amphora stamps of Black Sea centers from Chobruchi settlement on the left bank of the Lower Dniester*]. *SP*, 6, pp. 129–138.
- Göbl R., 1973. Ostkeltischer Typen Atlas. Mit Methodischen Kommentar. Braunschweig: Klinkhardt & Biermann. 43 p., 52 ill.
- Gudkova A. V. Toshchev G. M., Fokeev M. M., Andrukh S. I., 1985. Otchet o rabote Izmail'skoy novostrochnoy ekspeditsii v 1984 g. [Report on work of Izmail rescue expedition in 1984]. *Archive of IA NANU*. (In Russian, unpublished.)
- Ivashchenko M. V., 2012. Amfornye kleyma iz poseleniya Chobruchi na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [*Amphora stamps from settlement Chobruchi on left bank of Lower Dniester*]. *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya III–II vv. do n. e. [Antiquities of North Pontic zone of III–II cc. BC]*. N. P. Tel'nov, ed. Tiraspol': Pridnestrovskiy gos. universitet im. T. G. Shevchenko, pp. 81–86.
- Krivenko A. V., Sinika V. S., Tel'nov N. P., 2011. Sluchaynye nakhodki III–II vv. do n. e. s Levoberezh'ya Nizhnego Dnestra [Casual finds of 3rd–2nd centuries BC from the left bank of the *Dniester River*]. *SP*, 6, pp. 41–45.
- Nudel'man A. A., 1985. Ocherki istorii monetnogo obrashcheniya v Dnestrovsko-Prutskom regione (s drevneyshikh vremen do obrazovaniya Moldavskogo feodal'nogo gosudarstva) [Essays on history of coins circulation in Dniester-Prut region (from the earliest times till formation of Moldavian feudal state)]. Kishinev: Shtiintsa. 180 p.
- Paulsen R., 1974. Die ostkeltischen Münzprägungen. Die Münzprägungen der Boier. Mit Berücksichtigung der vorboiischen Prägungen. Wien: Anton Schroll & Co. 192 p.
- Pink K., 1974. Die Münzprägung der Ostkelten und ihrer Nachbarn. Braunschweig: Klinkhardt & Biermann, 136 p.
- Preda C., 1998. Istoria monedei în Dacia preromană. București. Editura Enciclopedică. 376 p., XXX pl. (Biblioteca Băncii Nationale, 25.)
- Preda C., 2008. Enciclopedie de numismatică antică în România. București: Editura Enciclopedică. 352 p.
- Redina E. F., 1989. Nakhodki antichnykh monet v skifskikh pogrebeniyakh Dnestro-Dunayskikh stepey [Finds of Antique coins in Scythian burials of Dniester-Danube steppes]. *Drevnee Prichernomor'e: Chteniya pamyati professora Petra Osipovicha Karyshkovskogo: tezisy dokladov konferentsii [Ancient Pontic zone: Reading in memory of Prof. P. O. Karyshkovskiy: abstracts of conference]*. A. V. Gudkova, ed. Odessa, pp. 62–63.
- Sergeev A. Ya., 2012. Monety varvarskogo chekana na territorii ot Balkan do Sredney Azii [Coins of barbarians mint in territory from Balkans to Central Asia]. Moscow: GIM. 256 p.
- Simón M. F., 2008. Images of Transition: the Ways of Death in Celtic Hispania. *Proceedings of the Prehistoric Society*, 74, pp. 53–68.
- Sinika V. S., 2011. O latenskom vliyaniy na material'nyu kul'turu skifskogo mogil'nika III–II vv. do n. e. u s. Glinoe na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [On La Tene influence on material culture of Scythian cemetery of III–II cc. BC near village Glinoe on left bank of Lower Dniester]. *Drevnost': istoricheskoe znanie i spetsifika istochnika [Antiquity: historical knowledge and source specifics]*, V.

- A. S. Balakhvantsev, G. Yu. Kolganova, eds. Moscow: Institut Vostokovedeniya RAN [Institute of Oriental Studies RAS], pp. 184–187.
- Sinika V. S., 2012. O grecheskom vliyani na pogrebal'nyy obryad i material'nyu kul'turu skifskogo mogil'nika III–II vv. do n. e. u s. Glinoe na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [On Greek influence on burial rite and material culture of Scythian cemetery of III–II cc. BC near village Glinoe on left bank of Lower Dniester]. *Chelovek v istorii i kul'ture [Man in history and culture]*, 2. A. A. Prigarin, ed. Odessa: Smil, pp. 264–272.
- Sinika V. S., 2017a. Latenskaya fibula iz Tokmazei [La Tene fibula from Tokmazeya]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya [Bulletin of Voronezh State university. Ser.: History. Political science. Social science]*, 2, pp. 111–115.
- Sinika V. S., 2017b. Novyy pamyatnik III–II vv. do n. e. na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [New site of III–II cc. BC on left bank of Lower Dniester]. *Vestnik Nizhnevarovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Nizhnevarovsk State university]*, 2, pp. 122–129.
- Sinika V. S., Ivashchenko M. V., 2017. Kompleks nakhodok III v. do n. e. s poseleniya Slobodzeya-VI [Complex of finds of III c. BC from settlement Slobodzeya-VI]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN [Bulletin of Samara scientific centre of RAS]*, vol. 19, no. 3, pp. 223–228.
- Sinika V. S., Razumov S. N., Tel'nov N. P., 2013. Kurgany u sela Butory [Kurgans near village Butory]. Tiraspol': Poligrafist. 148 p. (Arkheologicheskie pamyatniki Pridnestrov'ya, I).
- Sinika V. S., Tashchi E. F., Tel'nov N. P., Chetverikov I. A., 2012. Poselenie Krasnoe na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [Settlement Krasnoe on left bank of Lower Dniester]. *SP*, 3, pp. 187–215.
- Sinika V. S., Tel'nov N. P., 2014. Skifskie zhilishcha IV–II vv. do n. e. v Severnom Prichernomor'e [Scythian dwellings of IV–II cc. BC in North Pontic zone]. *Arkheologiya i davnaya istoriya Ukrainy [Archaeology and early history of Ukraine]*, 2 (13). S. A. Skoriy, ed. Kiev: IA NANU, pp. 18–36.
- Sinika V. S., Tel'nov N. P., 2015a. Kompleks vooruzheniya i predmetov voinskogo snaryazheniya iz skifskogo mogil'nika kontsa IV–II vv. do n. e. u s. Glinoe v Nizhnem Podnestrov'e [Complex of weaponry and military equipment items from Scythian cemetery of late IV–II cc. BC near village Glinoe on left bank of Lower Dniester]. *Voyna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire [War and warfare in Scythian-Sarmatian world]*. S. I. Luk'yashko, ed. Rostov-na-Donu: Yuzhnyy nauchnyy tsentr RAN, pp. 180–190.
- Sinika V. S., Tel'nov N. P., 2015b. Svetil'niki v pogrebal'nom obryade skifov Severnogo Prichernomor'ya [Lamps in burial rite of Scythians of North Pontic zone]. *Tyragetia. Seria Nouă*, vol. IX (XXIV), no. 1, pp. 183–208.
- Sinika V. S., Tel'nov N. P., 2017. Skifskoe pogrebenie s frakiyskoy fibuloy na Nizhnem Dnestre [Scythian burial with Thracian fibula on Lower Dniester]. *SP*, 3, pp. 131–152.
- Tel'nov N. P., Chetverikov I. A., Sinika V. S., 2016. Skifskiy mogil'nik III–II vv. do n. e. u s. Glinoe [Scythian cemetery of III–II cc. BC near village Glinoe]. Tiraspol': *SP*. 1096 p. (Arkheologicheskie pamyatniki Pridnestrov'ya, III.)
- Tel'nov N. P., Sinika V. S., 2012. Frakiyskie vliyaniya na material'nyu kul'turu i pogrebal'nyy obryad skifov III–II vv. do n. e. na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [Thracian influences on material culture and burial rite of the Scythians of III–II cc. BC on left bank of Lower Dniester]. *Revista arheologică. Seria Nouă*, vol. VIII, no. 1–2, pp. 69–83.
- Tel'nov N. P., Sinika V. S., 2014. Miski iz skifskikh pogrebal'nykh pamyatnikov kontsa IV–II v. do n. e. na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [Bowls from Scythian burial sites of late IV–II c. BC on left bank of Lower Dniester]. *Tyragetia. Seria Nouă*, vol. VIII (XXIII), no. 1, pp. 287–316.
- Topal D. A., Choref M. M., Sinika V. S., 2017. Klad serebryanykh istriyskikh monet iz Rezen [A hoard of silver coins of Histria from Rezeni village]. *SP*, 6, pp. 329–346.

About the authors

Sinika Vitaliy S., Shevchenko Pridnestrovian State university, NIL Archaeology, ul. 25 Oktyabrya, 107, Tiraspol', 3300, Moldova; Nizhnevarovsk State university, NIL Historiography and field methods of archaeology, ul. Lenina, 56, Nizhnevarovsk, 628605, Russian Federation; e-mail: sinica80@mail.ru;

Choref Mikhail M., Nizhnevarovsk State university, Scientific research management, ul. Lenina, 56, Nizhnevarovsk, 628605, Russian Federation; e-mail: choref@yandex.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Археологические вести. СПб.
АКР – Археологическая карта России. М.
АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли. М.; Псков
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия. М.
АП – Археология Подмосковья. М.: ИА РАН
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
ГИМ – Государственный исторический музей. Москва
ГЭ – Государственный Эрмитаж. СПб.
ДБ – Древности Боспора: международный ежегодник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике и филологии Боспора Киммерийского. М.: ИА РАН
ЗИИМК – Записки Института истории и материальной культуры
ЗРАО – Записки Императорского Русского археологического общества. СПб.
ЗОРСА РАО – Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН Сибирского отделения РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры (1939–1960). М.; Л.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МАБ – Материалы по археологии Беларуси. Минск
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
НХМ РБ – Национальный художественный музей Республики Беларусь
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск
РА – Российская археология. М.
РАЕ – Российский археологический ежегодник. СПб.
РАН – Российская академия наук
РСМ – Раннеславянский мир. М.
СА – Советская археология (1957–1992). М.
САИ – Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л.
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СО РАН – Сибирское отделение РАН
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ТАС – Тверской археологический сборник
ТНИИР-центр – Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр
ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции

AEAE – Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Novosibirsk

- AIPPZ – Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli [Archaeology and history of Pskov and Pskov land]. Moscow, Pskov
- AKR – Arkheologicheskaya karta Rossii [Archaeological map of Russia]. Moscow
- AN SSSR – Akademiya nauk SSSR [Academy of Sciences of the USSR]
- AO – Arkheologicheskiye otkrytiya [Archaeological discoveries]. Moscow
- AP – Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow region]. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN
- ASGE – Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological annual of State Hermitage]. St. Petersburg
- AV – Arkheologicheskiye vesti [Archaeological news]. St. Petersburg
- BAR – British Archaeological Reports. Oxford
- BASOR – Bulletin of the American Schools of Oriental Research
- DB – Drevnosti Bospora: mezhdunarodny yezhegodnik po istorii, arkheologii, epigrafike, numizmatike i filologii Bospora Kimmeriyskogo [Antiquities of Bosphorus: International annual on history, archaeology, epigraphy, numismatics and philology of Bosphorus Cimmerian]. Moscow: IA RAN
- GE – Gosudarstvennyy Ermitazh [State Hermitage]. St. Petersburg
- GIM – Gosudarstvennyy Istoricheskiy muzey [State Historic museum]. Moscow
- IA NANU – Institut arkheologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy [Institute of Archaeology National Academy of Sciences of Ukraine]
- IA RAN – Institut arkheologii RAN [Institute of Archaeology RAS]
- IAET SO RAN – Institut arkheologii i etnografii SO RAN [Institute of Archaeology and Ethnography of SO RAS]
- IAK – Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya [Imperial Archaeological commission]
- IIMK RAN – Institut istorii material'noy kul'tury RAN [Institute for the History of Material Culture RAS]
- KSIA – Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]. Moscow
- KSIMK – Kratkiye soobshcheniya Instituta Istorii Materialnoy Kultury [Brief communications of Institute for Material Culture]. Moscow; Leningrad
- MAB – Materialy po arkheologii Belarusi [Materials on Archaeology of Belarus']. Minsk
- MAIET – Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria]. Simferopol'
- MDAFA – Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan
- MGU – Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova [M. V. Lomonosov Moscow State university]; Moscow
- MIA – Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and investigations on archaeology of the USSR]. Moscow; Leningrad
- PIFK – Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology and culture]
- RA – Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. Moscow
- RAE – Rossiyskiy arkheologicheskii Yezhegodnik [Russian Archaeological Yearbook]
- RAN [RAS] – Rossiyskaya akademiya nauk [Russian Academy of Sciences]
- RSM – Ranneslavyanskiy mir [Early Slavic world]. Moscow
- SA – Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. Moscow
- SAI – Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov [Archaeology of the USSR. Corpus of archaeological sources]. Moscow
- SAIPI – Sibirskaya assotsiatsiya issledovateley pervobytnogo iskusstva [Siberian association of researchers of primitive art]
- SO RAN – Sibirskoye otdeleniye RAN [Siberian Branch of RAS]
- SP – Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology
- TAS – Tverskoy arkheologicheskii sbornik [Tver' archaeological collection of articles]
- TYuTAKE – Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Transactions of South Turkmenistan archaeological complex expedition]. Ashkhabad.
- UAV – Ufimskiy arkheologicheskii vestnik [Ufa archaeological bulletin]

КРАТКИЕ ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Материалы, направляемые для публикации в издание «Краткие сообщения Института археологии», должны быть оформлены по следующим правилам:

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике сборника.
2. Рукопись подается в формате Microsoft Word и в виде распечатки.
3. Материалы должны состоять из а) основного текста, б) списка литературы, в) подрисуночных подписей, г) резюме и ключевых слов, д) списка сокращений, е) таблиц, ж) иллюстраций, з) сведений об авторе/авторах.
4. Общий объем рукописи (п. 3, а–е) – не свыше 0,8 печатного листа (32 тыс. знаков с пробелами) и 3 иллюстраций.

5. Статья должна быть напечатана шрифтом кегля 14 через 1,5 интервала.

6. Нестандартные буквы и знаки в тексте должны быть вписаны от руки в распечатку.

7. Иллюстрации представляются в электронном виде, в отдельных файлах формата TIF (**не вставлять в текст**) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Необходимо избегать чрезмерного уменьшения изображений, поскольку размер иллюстраций в печатном виде составляет 13 × 19 см.

В подрисуночной подписи кратко расшифровываются все условные обозначения. Черно-белые иллюстрации сканируются в режиме «градации серого», масштаб 1:1; фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, штриховые рисунки – не ниже 600 dpi.

8. Таблицы (цифровые и текстовые) представляются в отдельных файлах (**не вставлять в текст**) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте.

9. Список литературы дается в алфавитном порядке. Он состоит из двух частей: а) издания на кириллице, б) на латинице. Например:

Седов В. В., 1979а. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука. 158 с.

Леонтьев А. Е., 2012. На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 162–177.

Lloyd S., Mellaart J., 1962. Beycesultan. Vol. I: The Late Chalcolithic and Early Bronze Age Levels. London: British Institute of Archaeology at Ankara. 296 p.

10. Представляются ключевые слова (до 10) и русский текст резюме (0,5 страницы).

Более подробно см. на сайте издания ksia.iaran.ru.

Материалы направляются на электронный адрес редакции ksia@iaran.ru.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Выпуск 250

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук

На задней стороне обложки –
оборотная сторона монеты (к статье В. В. Синики и М. М. Чорефа)

Редакторы Н. В. Бельченко, Л. Б. Орловская
Художники А. В. Голикова, Н. С. Сафронова
Оригинал-макет подготовлен В. Б. Степановым

Подписано в печать 23.03.2018. Формат 70×100 1/16. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 28,38. Уч.-изд. л. 27,5. Тираж 250. Заказ №

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907

ООО «ИТДГК «Гнозис»»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10.00 до 19.00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 (499) 255-77-57. itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 (499) 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru, www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19;
Телефон +7 (499) 126-47-98, Факс +7 (499) 126-06-30
E-mail: ksia@iaran.ru